

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

СЕРДЦЕ
ВСЕЛЕННОЙ

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

СЕРДЦЕ
ВСЕЛЕННОЙ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА ВОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
ВОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЬКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОВУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЛИКТ: ДЕТИ ВЕЧНОСТИ
РЕЛИКТ: АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК
КРАЙ СВЕТА
СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ

Корректировщик

Заповедник смерти

Утечка информации

Пираньи

Москва

2007

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Г 61 **Головачев В. В.**
Сердце Вселенной: Фантастические произведения /
В. В. Головачев. — М.: Эксмо, 2007. — 704 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-18672-7

Никто из ученых-атомщиков на Земле и предположить не мог, что их полигоны для ядерных испытаний в Неваде и у острова Муруроа дадут жизнь разумным суперзаврам — «коннице Вселенной». Именно они, поглощающие смертельную для человека радиацию, ведут непримиримую борьбу в необозримых далях космоса с разрушительной энтропией, отвоевывая у хаоса все новые пространства, годные для жизни.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18672-7

© Головачев В. В., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

КОРРЕКТИРОВЩИК

Роман

Драма 1

ПАТРУЛЬНЫЙ

Тетрарх патрульной монады Адамева учуял дыхание чужого закона, находясь на границе подконтрольной зоны, примерно в двух миллионах парсеков от желтой звезды, которую люди впоследствии назовут Солнцем. Дыхание было очень тихим и тонким: кто-то пытался незаметно, на уровне суперструнной базы, свернуть двумерный закон изменения энтропии, превратить его в одномерный, причем — в деструктурирующий, то есть увеличивающий хаос в этой зоне космоса. Причем бесповоротно!

Реакция Адамевы была мгновенной, хотя ему не следовало действовать сразу, надо было сначала обойти всю зону, проверить радиус чужого вмешательства и его силу и лишь потом попробовать изменить ситуацию, нейтрализовать действие чужого Закона. А если потребуется — вызвать помощь пограничной бригады. Однако тетрарх был молод, горяч, энергичен и считал, что справится с любым вторжением во вверенном ему пространственном районе. «Пришпорив» тетраду, Адамева коршуном слетел «вниз», к границе зоны, подвергшейся нападению, и... был встречен жестоким кинжальным выпадом чужих сил.

Выпад носил форму изменения сущности бытия, а не физического воздействия. В принципе тетрада имела возможность уклониться и от удара чужого Закона, уйдя в прошлое краем времен, однако удар был слишком внезапен и точен, по сути, он являлся разрывом всех существующих в данном районе космоса физических законов. Он просто-напросто запрещал патрульной монаде существовать!

Будь Адамева послабей, он бы тут же исчез, превратился в «суперструну», растянувшуюся по всей Вселенной. Но тетрарх был личностью незаурядной, до патрульной службы ра-

ботал в составе пентады Внешней Разведки и знал многое, а главное, обладал адапто-адаптирующей программой, которая, сработав, не позволила Адаме и монаде в целом исчезнуть бесследно.

Как единица действия — монада патрульная тетрасистема перестала существовать, но как несвязанная система отдельных существ, составляющих тетраду, монада уцелела. Поскольку распад ее произошел в точке с координатами, точно соответствующими положению одной из планет, которую люди впоследствии назовут Землей, отдельные компоненты тетрады вонзились в нее, как пули одной очереди с разбросом в тысячи километров.

Носитель погрузился в океан, вызвав гигантскую волну цунами, трижды обежавшую весь земной шар.

«Конь» упал на материк, проделав в базальтовом щите глубокую многосоткилометровую борозду и вызвав сильнейшее землетрясение и всплеск вулканической деятельности, погрузившей земную атмосферу в тысячелетние сумерки.

Наездник также упал на материк, но правее, за шесть тысяч километров от «коня», и его падение тоже породило землетрясение, круто изменившее ландшафт материка, в ту пору имевшего другие очертания, разбив его на несколько отдельных плит.

Сам же Адамева, подчиняясь защитной адаптирующей программе, которую люди называли бы инстинктом самосохранения, существовать во плоти в данной точке пространства не мог, чужой Закон запрещал ему это, и он «осел» бесплотным неощутимым «облачком изменений» в генах существ, которые уже в то время обживали континенты Земли.

Существа эти, уцелевшие от наводнения и землетрясений, получившие единовременный «сдвиг» генных программ, впитавшие память, знания и параметры личности Адамевы, через сотни тысяч лет после этого события назвали себя людьми...

* * *

В тот же временной отрезок, который можно было назвать днем, начальник пограничной службы Кокона Вселенной галларх Сомарева, явившись по вызову экзарха Саварджа Кокона, доложил:

— В районе вихревых звездных сгущений Хаадада исчезла патрульная тетрасистема типа Корректировщик.

— Причина? — поинтересовался экзарх, располагаясь сразу в нескольких координатных узлах, которые можно было бы назвать измерениями.

— Вторжение локального изменения местного Закона, слом изменения энтропии, умело инициированный разведвектором Чужого Кокона. Тетрарх Адамева оценил опасность слишком поздно. Монада патруля перестала существовать. Я послал туда патрульную пентасистему типа Ассенизатор, но поиски тетрарха могут продлиться долго.

— Ассенизатора отзовите, у нас слишком много других забот, чтобы отвлекаться на поиски патрульной тетрады. Возможно глубокое проникновение разведвектора Чужого Кокона в самое Сердце Вселенной, что потребует соединить усилия всех фагоцитарных сил. Вы ликвидировали прорыв в том районе?

— Закон изменения энтропии в зоне Хаадада восстановлен, однако потребуются длительность времени для ликвидации последствий. В результате вторжения нарушен вакуумный баланс зоны, изменились все параметры микро-макроотношений. Область вихревых звездных островов теперь будет долго скользить в «яму» трехмерья.

— Не пришлось бы ее ампутировать.

— Для Кокона Вселенной она пока безвредна. Что касается тетрарха Адамева, я все же послал бы в Хаадад поискера, пусть и рангом ниже.

— Не распыляйте силы, — отрезал экзарх. — В скором времени они нам понадобятся. Я сам пошлю в район Хаадада контролера. Проанализируйте причины прорыва границы в области Хаадада и укрепите границу тетрадами типа Бастион.

Начальник погранслужбы сделал жест, сродни почтительному поклону, и втянул контактирующую с экзархом часть своей личности в сложное многомерное тело, как черепаха втягивает лапы и голову в панцирь. Тихо перетек из одного измерения в другое и выплыл из двадцатимерного времени-пространственного купола уже в своей епархии, в шестимерном континууме погранслужбы, описать форму которого не в состоянии ни один земной язык.

Войдя в свой личный кокон (носитель Сомадевы занял

трехмерный уровень, «конь» — четырехмерный, а наездник и управляющий — шестимерные уровни), начальник погранслужбы Кокона Вселенной вызвал своего заместителя иринарха Герпедраго и сказал ему, когда контактирующая часть тела Драго, его третья сущность, проявилась в континууме кабинета:

— Подыщи замену Адамеве. Систему звезд в Хаададе надо изолировать. Поиски тетрарха прекратить, Ассенизатора отозвать, границу заблокировать.

— Но Адамева мог уцелеть...

— Экзарх запустил в Хаадад просачивающуюся самореализующуюся программу типа Контролер. Он тихо и незаметно пощупает звезды и планеты. Если Адамева жив, он откликнется. А нам с тобой нужен сейчас каждый патрульный.

— Принял, исполняю. — Герпедраго «поклонился» и бесшумно ушел в другое измерение.

Начальник погранслужбы задумчиво посмотрел ему вслед, но дела не ждали, и он занялся другими проблемами.

На Земле же в это время шел процесс рождения разума, подстегнутый падением патрульной тетрады и распадом интеллекта и личности Адамевы. Элементы монады — носитель, «конь» и наездник — конечно, разбились, но имели собственные защитные контуры, которые медленно, но уверенно запустили процессы адаптации к земным условиям существования будущих потомков монады. Каждый элемент монады имел свой собственный орган деторождения, и хотя должны были пройти миллионы лет, прежде чем на свет появились бы потомки тетрады Корректировщика, для Кокона Вселенной это не имело значения, как и для пограничной службы, отвечающей за его безопасность. Кокон мог ждать вечно.

Драма 2

НОСИТЕЛЬ

Лейтенант Франсуа Толендаль прибыл на Муруроа в составе батальона охраны ядерного полигона весной, которая начиналась в этой части Тихого океана в сентябре. Ему предстояло в течение года охранять секреты полигона и участво-

вать в постепенном свертывании программы испытаний, что на языке практика означало уничтожение инфраструктуры полигона, то есть готовых комплексов, шахт с ядерными устройствами, бетонирование скважин и трещин в основании атолла. Последняя часть задания не нравилась никому из французского воинского контингента, в том числе и Толендалю, однако он был военным человеком и подчинялся приказу, как и все сослуживцы.

И все же будучи холостяком и французом до мозга костей, Франсуа быстро нашел средство для успокоения нервной системы. Этим средством оказалась аборигенка Муруроа по имени Натили, меланезийка по происхождению. По ее словам, она принадлежала к народности эроманга, для традиционной социальной организации которой характерно существование двух общественных рангов: фанло — вождей и тауи натимоно — простолюдинов. Натили была дочерью фанло, поэтому получила современное образование и диплом врача, обучившись в университете в Канберре. В родные пенаты, то есть на остров Вануату, где жило племя отца, она уже не вернулась, вышла замуж за полинезийца Нэсока, уроженца Папезте, одного из островов Общества, находящихся под протекторатом Франции, и вместе с ним переселилась на атолл Муруроа, где Нэсок получил работу как строитель и разработчик шахт. Однако супружеская жизнь Натили длилась всего семь месяцев. Во время работы Нэсока завалило в одной из шахт полигона, и Натили осталась вдовой. Погоревав немного, она было решила вернуться на родину, но военное представительство полигона предложило ей работу медсестры, и она осталась. А вскоре на полигоне появился Франсуа Толендаль, высокий, плечистый, красивый, обаятельный, улыбчивый и добрый. Естественно, он сразу обратил внимание на миловидную смуглокожую медсестру с прекрасной фигурой и водопадом блестящих черных волос.

Два месяца они встречались только официально, как бы приглядываясь друг к другу, потом Натили Нэсок сдалась, уступив бурному натиску веселого француза, способного к тому же защитить ее от приставаний других особей мужского населения полигона, не избалованного женским вниманием. Любил ли ее Франсуа, она не спрашивала, ей было хоро-

шо и так, только сладко замирало сердце, как при спуске с американских (они же русские) горок, любимом виде отдыха первого мужа Натили.

Территория военного ядерного полигона — не место для тайных встреч и прогулок влюбленных. Но атолл Муруроа все же не являлся тюрьмой за колючей проволокой, и на нем существовало немало красивых уголков природы, где Франсуа и Натили могли чувствовать себя почти свободно и комфортно.

Кольцевой риф атолла разбит протоками на большие и малые прямоугольные островки, многие из которых поросли кокосовыми пальмами и тенистыми хлебными деревьями. Местами пальмы выстраиваются сплошной стеной вдоль рифа, но чаще образуют группы, разделенные мелкими протоками, по которым океанская вода вливается в лагуну. Издали стройные пятнадцатиметровые пальмы с шапками изящных листьев очень красивы, не то что бесформенные хлебные деревья, которые зато дают густую тень и укрытие от посторонних глаз. Грунт на Муруроа везде один и тот же — мелкий белый коралловый песок, а дорожки между пальмами усыпаны старыми орехами. Местами пологие волны лагуны, десятки раз вздрагивающие от подземных ядерных взрывов, подмывают пальмы так, что стволы наклоняются над водой под углом шестьдесят градусов, и если взглянуть на их обнаженные корни, то видно, что они образуют замысловато сплетенную сеть, помогавшую пальмам улавливать пресную воду во время скудных дождей и придающую им устойчивость.

Некоторые коралловые островки в самой лагуне, так называемые внутрिलाгунные рифы, также очень красивы, но отдыхать и даже приближаться к ним нельзя: вся лагуна, по сути, уже территория полигона и усеяна сотней телекамер, датчиков и разного рода приборов для регистрации излучений и полей. Поэтому Франсуа и Натили любили уединяться в одном из самых укромных местечек атолла на западном берегу, где природа соорудила нечто вроде «кармана», окруженного пальмами и невысокими, до пяти метров высотой, известняковыми столбами. Найти этот «карман» с берега трудно, о существовании этого уголка рифа сама Натили узнала лишь от местной жительницы-полинезийки, прожившей на

острове всю свою двадцатилетнюю жизнь. Зато это действительно был райский уголок!

Когда Франсуа впервые попал сюда, ему открылась прогалина в обрамлении пальм, выстланная ковром из стелющегося растения ипомеи и отгороженная от пальм густыми зарослями папоротника и широколиственных кустарников — сцеволы и баррингтонии. Кусты постарше были оплетены буровато-желтыми нитями вьющейся кассиды, создающими плотную «проволочную» сетку, которая почти скрывает сам кустарник. Не зная прохода в этих зарослях, войти в прогалину невозможно. Лишь с одной стороны она приоткрывается в сторону лагуны, выходя на берег, да и то лагуна здесь образует изгиб, как бы заводь за барьером из внутреннего рифа. Здесь влюбленные могли чувствовать себя свободно и предаваться радостям любви, не опасаясь, что какой-нибудь наблюдатель увидит их с поверхности лагуны.

Спустя два месяца после знакомства Натили впервые привела лейтенанта в это место, не раскрывая тайны, которая стала ей известна также от Туэмы, полинезийки, доверившейся своей новой подруге. Потом были еще встречи и еще, пока Натили окончательно не потеряла голову. И вот однажды в один из весенних дней сентября, не отличимых практически от летних, зимних или весенних дней, когда Толендаль получил отпуск на сутки с субботы на воскресенье, Натили снова повела его в их «райский уголок», задумчивая больше обычного. Притих и Франсуа, поглядывая на подругу, но не решаясь отвлечь ее от своих мыслей. Однако после прибытия в «рай» все же не выдержал:

— Что случилось, Тили? Опять приставал Пузатый Рак?

Натили улыбнулась. Пузатым Раком Франсуа называл начальника госпиталя полковника Базиля де Аларкона за его объемистую талию и цвет лица.

— Нет, авун¹, Рак здесь ни при чем. — Девушка разделась, оставаясь в парео, подошла к Франсуа, сбросившему военный мундир применительно к местным условиям — шорты, куртку, майку, посмотрела ему в глаза. — Поклянись, что никому ничего не расскажешь.

¹ Авун — друг, брат (на языке эроманга).

— Чего не расскажу? — удивился Толендаль, обнимая Натили, но та отстранилась.

— Клянись.

— Ну, клянусь. А что ты хочешь мне рассказать?

Вместо ответа девушка взяла его за руку и повела к берегу лагуны, но не к тому месту, где они всегда купались, а дальше, метров за пятьдесят. Здесь начинался абсолютно голый участок рифа, на котором почему-то ничего не росло. У Франсуа он вызывал странное ощущение крыла летающего динозавра, облепленного кораллами и утонувшего в известняке.

Девушка прыгнула с голой плиты «крыла» на песок берега, повернула вдоль него и остановилась напротив двух гладких бугров с рисунком рытвин и каверн, похожих издали на лоб гигантского слона. Но это оказался не слон. Толендаль прыгнул на песок, подошел к Натили и, холодея, принялся разглядывать то, что считал известняковой плитой, напоминавшей крыло древнего ящера.

Перед ним, погруженный в коралловый массив атолла, лежал скелет гигантского существа, похожего на океанского ската — манту. Судя по величине лобной части с буграми для глаз, похожими на надбровные дуги человеческого черепа, и костяных пластин, образующих «крыло», размах плавников «манты» должен был достигать никак не менее сотни метров, а толщина ее тела превышала рост человека раза в три.

— Святая Дева! — пробормотал Франсуа с дрожью в голосе. — Неужели это... скелет?! Или все-таки улыбка природы, соорудившей такую скульптуру?

— Это еще не все, — тихо сказала Натили, покачив головой. — Идем, покажу.

Они спустились к самой кромке рифа, резко обрывавшегося в глубину, что Толендаля удивило: обычно берег рифа уходил под воду лагуны плавно, а сама лагуна была мелкой, с глубинами в центре не более десяти-двенадцати метров.

— Смотри. — Натили наклонилась и звонко шлепнула ладошкой по воде, отступила на шаг.

Заинтригованный Франсуа вгляделся в прозрачный слой воды, такой прозрачный, что даже в трех десятках метров были видны на дне лагуны камешки, раковины и снующие взад-вперед рыбки. Сначала он ничего не увидел, кроме мед-

ленно надвигающейся на песок тени. Потом понял, что из глубин лагуны поднимается и приближается к берегу почти невидимое на фоне подводного мира плоское животное, похожее на гигантскую камбалу... или на ската с размахом плавников около десяти метров. Затем на передней части тела этой невероятной рыбы открылись щели, и на лейтенанта глянули внимательные, янтарно-прозрачные, длинные, с вертикальным, как у кошки, зрачком глаза. Судорожно цапнув с пояса воображаемый пистолет, Толендаль отступил назад, но остановился, расслышав тихий смех подруги.

— Кто... это?! — прошептал он.

— Это Ифалиук, — ответила Натили. — Бог лагуны Мууроа. Молодой Бог. Старый — вот он, сзади тебя. По легендам полинезийцев, он упал с неба много-много лет назад и разбился на тысячу кусков, каждый из которых стал островом.

Франсуа, неотрывно глядя в глаза рассматривающего его в свою очередь из-под воды монстра, проглотил горькую слюну.

— Святая Дева! Эта тварь действительно похожа на манту, разве что больше ее... Откуда она здесь появилась, на секретном полигоне?

— Моя подруга Туэма говорит, что Ифалиук возродился, чтобы очистить лагуну и запретить французам ядерные испытания. А появился он год назад. Туэма увидела его, когда он был совсем крохотный, величиной с краба, и не мог выбраться из какой-то щели под водой у берега. Она ему помогла, думая, что это маленький краб.

Толендаль, преодолев неуверенность, приблизился к воде, чтобы рассмотреть поближе чешуйчато-перламутровое тело «бога лагуны», и отпрянул, потому что на него вдруг обрушилась волна воды, окатила с ног до головы. Когда он протер глаза, воды лагуны были прозрачны и чисты, Ифалиук — гигантский океанский скат — исчез.

— Ты ему понравился, — засмеялась Натили. — В следующий раз попросим его, чтобы он покатал нас на спине. Знаешь, он может превращать ракушки и камни в странные предметы. Хочешь, покажу?

Не оглядываясь, она побежала по песку вдоль берега обратно к их «зеленому раю» и остановилась у живописных коралловых столбов, образующих нечто вроде маленькой пещерки. Скрылась в ней и тотчас вернулась, держа на ладонях

необычного вида и цвета кораллы. Впрочем, не кораллы. Один был похож на друзу золотых кристалликов в форме игл и шипов, второй на удивительное сочетание жемчужных колокольчиков.

— Это были раковины мидий. Только они становятся все меньше и меньше, словно испаряются. И холодные — как лед!

Франсуа осторожно взял в руки творения «бога лагуны» и едва не выронил, такие они были тяжелые и холодные. Руки свело. Он бросил «мидии» на песок, не отвечая на удивленный взгляд девушки.

— Не трогай их... они... опасны. Я чувствую исходящие от них... токи.

— Но мне они не принесли вреда. Ифалиук не может сделать ничего дурного людям. Я же говорю, он хочет очистить лагуну.

Что-то шелкнуло в памяти Толендаля. Он вспомнил разговор инженеров-дозиметристов, обслуживающих полигон. Год назад они отметили резкое падение уровня радиоактивности вод лагуны, не объяснимое никакими природными процессами. И год назад здесь появился этот Ифалиук... Совпадение?

— Кто-нибудь знает о вашем «боге»? Ах, да... твоя подруга. А еще?

— Никто. Ифалиук сторонится людей. Но он все понимает, только не разговаривает. В следующий раз ты сам убедишься в этом.

Франсуа, задумчиво глядя на безупречную, без единой морщинки, гладь лагуны, кивнул. Он был заинтригован и взволнован, но так как долго не мог думать о чем-то серьезном, то вскоре забыл обо всем, растворившись в буре страсти и нежности, которую представляла собой Натили.

* * *

Материал, из которого состоял скелет взрослого «бога лагуны» Ифалиука, напоминал расплавленную кремнийорганику, то есть песок, но был гораздо прочнее. В этом Толендаль убедился, пытаясь отломать хотя бы кусочек скелета, чтобы сделать пробу. Ни нож, ни ломик, ни другой металлический инструмент не оставляли на скелете даже следа. Ма-

териал не крошился, не плавился от огня и выдерживал удар пули из армейского пистолета; лейтенант имел штатную девятимиллиметровую «беретту» модели 92 SF.

Приунывший было Толендаль затем взялся очистить скелет Ифалиука, но не преуспел и в этом, так как тело «бога лагуны» тянулось вдоль рифа не меньше, чем на двести метров и уходило куда-то в основание атолла. Зато Франсуа удалось очистить от кораллов часть внутренней полости скелета, и он подолгу бродил по этим причудливым лабиринтам, образованным перепонками, паутиной тяжей, «сталагмитов» и «сталактитов» из красивейшего, играющего жемчужными оттенками перламутроподобного материала. Назначение левиафана выяснить не удалось. Не верилось даже, что когда-то это было живое существо. Однако детеныш «бога лагуны», Ифалиук-младший, развеивал сомнения своим существованием и рос как на дрожжах. При первом знакомстве Толендаль оценил размах его плавников около восьми-десяти метров, а уже через полторы недели к ним приплыл пятнадцатиметровый гигант, с трудом уместившийся в бухточке возле «зеленого рая». Видимо, преодолеть риф и уйти в океан «малыш» не мог и спасала его лишь небольшая — по сравнению с диаметром корпуса — метровая толщина: тело Ифалиука было плоским, как блин, каким и должно быть тело ската. Однако в последнее время Толендаль начал сомневаться, что это скат. Ни одна океанская манта не достигала таких размеров, это раз, и ни одна манта не вела себя так, как Ифалиук. К тому же и форма тела «бога лагуны» начала отличаться от формы манти, особенно отросшими рогами впереди головного вздутия и бахромой шипов вокруг всего «плавника». Ифалиук сверху теперь напоминал скорее бабочку со сросшимися крыльями, в точности копируя форму скелета прародителя, уснувшего на рифе вечным сном.

Натили не мешала экспериментам Франсуа, только стала задумчивой и грустной.

— Мне его жаль, — призналась она как-то на вопрос, в чем дело. — Скоро он станет слишком заметен, и тогда за него возьмутся ваши вояки.

Франсуа промолчал. «Вояки» в лице начальника полигона генерала Луи Рене уже приказали исследовательской бригаде

выяснить причины изменения радиационного фона лагуны, а это означало, что рано или поздно катера исследователей или охраны наткнутся на Ифалиука. Чем закончится контакт с ним, приходилось только гадать.

В городке инженерного корпуса, где располагалась казарма службы охраны и где жили все офицеры полигона, была неплохая библиотека, постоянно пополняемая комендантом гарнизона. Толендаль, не имевший особых познаний в области океанологии и биологии морских животных, проштудировал все книги и журналы, имеющие к этому делу хотя бы косвенное отношение, однако описания чудовищного ската, обитающего в лагуне, не нашел. В природе таких монстров явно не существовало. Таким образом легенда полинезийцев об «упавшем с неба боге» могла оказаться близкой к истине. В космосе такие исполины вполне могли жить и плодиться, а в том, что один из них упал на Землю, в принципе не было ничего удивительного.

Франсуа поделился своей гипотезой с Натили и нашел понимание. Натили была девушкой романтической, современной и отнюдь не наивной, несмотря на цвет кожи и островную родословную меланезийских племен, а главное, она была хорошо образованной и любила не только смотреть ночью на звезды, но и читать материалы о тайнах космоса. Поэтому она понимала своего друга больше, чем он сам.

Ее слова о чудесных способностях Ифалиука превращать раковины в странные скульптуры оказались правдой. Толендаль дважды убеждался в этом, поражаясь чуду превращения до дрожи в спине. Происходил весь процесс так.

Натили вызывала Ифалиука звонким шлепком ладони по воде, а когда тот всплывал, подходила к нему и клала предмет испытаний на отсвечивающую тусклым золотом чешуйку между рогами «ската». В первый раз она положила просто обломок коралла, и тот на глазах потрясенного лейтенанта превратился в удивительный перламутровый сосуд с винтовыми «ручками». Во второй раз Натили не пожалела заколки для волос, а Франсуа добавил свой офицерский кортик.

Результат превзошел все ожидания. Заколка превратилась в невероятной красоты серебристую «розу» с тысячей лепестков, а кортик — в странный черный, с фиолетовым и красным отливом «бумеранг», похожий чем-то и на старинный

дуэльный пистолет. В отличие от шелковистой и теплой на ощупь «розы», он был шершавым, тяжелым и невероятно холодным, так что удержать его в руке долго было невозможно. Таким он оставался и много дней спустя.

Убедился Толендаль и в том, что «бог лагуны» понимает людей. Во всяком случае, Натили он понимал, а та, по ее словам, чувствовала, о чем он думает.

— Он такой одинокий! — сказала девушка однажды, после очередной встречи с «малышом». — Можешь мне не верить, но я знаю, что его отец или мать, — Натили кивнула на плиту скелета за спиной, — когда-то жил в космосе... свободно летал... причем не один.

— С другими такими же гигантами? С семьей, что ли?

— Нет, их было четверо... все разные... не знаю, как сказать... непохожие друг на друга. Но неотделимые. Понимаешь? Они могли жить и врозь, но летали только вместе.

— Это называется — симбиоз, — догадался Толендаль. — А как выглядели его приятели-симбиоты?

— Не знаю, Ифалиук пытался мне показать... не смейся, я правду говорю, — рассердилась девушка. — Когда я смотрю в его глаза, я вижу разные картины. Но я не поняла, что он мне показал.

— Может, в другой раз. — Франсуа перестал улыбаться, вдруг сообразив, что все слова девушки всегда правдивы. — А мне он может показать? Поговорить со мной?

Натили задумчиво посмотрела на открытое лицо лейтенанта с ямочкой на подбородке и улыбнулась.

— Ты добрый, может быть, он с тобой и заговорит.

Франсуа мгновение смотрел в ее глаза, потом подхватил на руки и закружил, целуя, пока они не упали на песок, не разжимая объятий. Потом, спустя час, утомленный солнцем и ласками, он прошептал ей на ухо:

— Один философ говорил, что в мире есть лишь два чуда: звездное небо над головой и красивая женщина. Но он был не прав.

— Ты хочешь сказать, что их три? Небо, женщина и Ифалиук?

Франсуа засмеялся.

— Нет, чудо лишь одно — это ты! Остальное — твоя свита...

* * *

Научно-исследовательский корпус полигона насчитывал всего сорок человек, большинство из которых были инженерами-энергетиками и инженерами по обслуживанию оборудования. Но работали здесь и биологи-биофизики, и геологи, и физики, естественно — военные, состоящие в штате министерства обороны Франции. Среди физиков наиболее известен был доктор Морис Леко, полковник по званию, отличный экспериментатор и практик, а также теоретик, разработчик идеи ядерной накачки. Он первым обратил внимание на изменение среды в лагуне, повлиявшее и на очередной эксперимент — взрыв ядерного устройства в глубинах атолла мощностью в пятьдесят килотонн. Результаты взрыва не соответствовали расчету и компьютерному прогнозу, что привело Мориса Леко в состояние горестного недоумения и глубокой задумчивости.

Думал полковник долго, двое суток, а потом собрал начальников лабораторий и высказал родившуюся гипотезу:

— Одно из двух: либо происходит утечка радиоактивных материалов взрыва в полость под атоллом, о которой мы ничего не знаем, либо в лагуне появился фактор, изменяющий параметры среды в сторону уменьшения радиоактивности, а также демпфирующий колебания атолла после взрыва. Вторая часть гипотезы предпочтительней, поэтому необходимо срочно начать комплексные исследования лагуны и рифа. Для этого мы подключили весь воинский контингент полигона, согласие генерала я уже получил.

Дискуссию, возникшую после этих слов начальника исследовательской бригады, мы опускаем, она интересна только специалистам. Зато приведем высказывание одного из молодых биологов морской лаборатории Андрэ Леблана. Он сказал, что в лагуне прячется некое животное, подобное лох-несскому чудовищу, которое и влияет на среду, поглощая радиацию.

Биолога высмеяли, потому что на вопрос: видел ли он это животное? — он ответил отрицательно.

Но совсем не до смеха было лейтенанту Франсуа Толендалю, когда его вызвал командир батальона охраны и приказал

участвовать в барражировании вод лагуны на катере с ультразвуковыми радиолокаторами.

— Зачем? — спросил лейтенант, уже догадываясь в чем дело.

— В лагуне прячется Несси, — ответил бравый майор, всего на четыре года старше лейтенанта. — Объявлен его розыск. Кто найдет первым — получит звезду и повышение по службе.

Повышение весьма интересовало Толендаля, однако в этот раз он ничего не сказал своему командиру. Не потому, что боялся взыскания за укрывательство «бога лагуны», а вследствие торжественного обещания своей подруге, что никому ничего не расскажет ни под каким предлогом.

Поиски Несси-второго, как в шутку прозвали морские пехотинцы неизвестного «похитителя радиации», ни к чему не привели. За трое суток катера с вооруженными до зубов служителями полигона избороздили всю акваторию лагуны, обошли даже кругом весь атолл, но ни одного живого объекта размером более двух метров, кроме разве что местных акул, не обнаружили. Морские пехотинцы обшарили также и весь риф, побывав в «райском уголке» Франсуа и Натили, однако на скелет старого Ифалиука не обратили внимания, а в заливчике, где прятался Ифалиук-младший, лишь искупались, со смехом вытащив из воды забытые Толендалем резиновые шлепанцы.

На этом история первых поисков чудовища закончилась. Но ненадолго. Спустя неделю после этого чиновники в далеком Париже решили еще раз нарушить мораторий на атомные испытания, плюнув на мировое общественное мнение, и полковник Леко приступил к организации эксперимента, призванного уточнить параметры нового французского ядерного лазера — грайзера.

Взрыв мощностью в десять килотонн встряхнул атолл на уровне одного балла по шкале Меркалли, хотя ожидалось три-четыре единицы, но самое главное — он не вызвал обычную флуоресценцию воды над эпицентром, что было уж и вовсе удивительно. И тогда полковник вызвал из столицы коллег-физиков и роту быстрого реагирования со спецоборудованием, чтобы разобраться наконец с таинственными процессами на Муруроа.

Толендаля заботы полковника-физика волновали меньше всего, однако и он заинтересовался последствиями вмешательства Ифалиука в дела полигона. Лейтенанта волновали два вопроса: как «бог лагуны» влияет на ядерный взрыв и зачем ему это нужно? Вопросы типа: откуда в действительности оказались на атолле Ифалиуки — старший и младший? К какому семейству фауны земного шара они относятся? — Франсуа себе задавать перестал.

Но все закончилось не так, как он себе рисовал и как рассчитывала Натили, загоровшаяся идеей выпустить «бога лагуны» в океан. Толендаля выследил его же приятель, тоже лейтенант, Симон де Буангвиль, завидовавший Франсуа по части успехов у женщин. Коренастый, широколицый, волосатый, с утиным носом, он не был красавцем и потому всегда оставался в тени своего веселого и красивого сослуживца.

Выследив лейтенанта с Натили, Буангвиль тотчас же доложил о том, что видел, командиру батальона, и в тот же вечер Толендаль был вызван к высокому начальству, то есть к полковнику Леко.

Морис Леко был худ, сед, широколиц, морщинист, с глазами навывкате, с виду высокомерен и сердит, но вел себя доброжелательно, по-отечески.

— Ну-ка, лейтенант, расскажите подробней, что вы делали сегодня на рифе, — сказал он, излучая добродушие, хотя было видно, что улыбаться он не умеет.

— Купался, — пожал плечами растерявшийся Толендаль. — Встречался с... э-э, с девушкой.

— Это я знаю, — отмахнулся полковник; в его кабинете работал кондиционер, и прохладная струя приятно оведала лицо лейтенанта. — С кем вы встречались еще, кроме девушки, мон шер ами?

Франсуа понял, что его выдали. Кто это сделал, было уже неважно, хотя лейтенант с удовольствием поговорил бы с этим человеком.

— Э-э, месье полковник, видите ли...

— Короче, лейтенант! — Морис Леко перестал излучать добродушие. — Что за животное вы прикармливаете? Дельфина? Акулу? Черепаху? Краба?

— «Бога лагуны».

— Кого?! — Брови полковника полезли на лоб.

— Видите ли, господин полковник... — Франсуа вдруг понял, что надо говорить правду. — Среди аборигенов бытует легенда, что много миллионов лет назад в океан упал бог Ифалиук. От него якобы образовались острова. А в лагуне живет потомок этого бога...

— Вы в своем уме, лейтенант? Что за чушь вы несете?!

Толендаль вытянулся.

— Скорее всего это лишь легенда, господин полковник, но этот экземпляр манти очень велик и...

— Вы хотите сказать, что подкармливаете океанского ската?! Но как он оказался в лагуне?

— Не знаю, — честно ответил Толендаль.

Полковник нажал клавишу селектора, сказал в микрофон:

— Майор, катер мне и отделение охраны. — Встал из-за стола. — Пойдемте, покажете мне своего ската.

— Но я не... понимаете... не знаю... — растерянно залепетал Франсуа. — Он просто так не... я не смогу...

— А кто сможет? Эта ваша подружка, медсестра? Мы прихватим ее с собой. Поехали.

Толендаля усадили в катер, а через десять минут туда же доставили Натили. Девушка ничего не понимала, и Франсуа коротко поведал ей о том, что их кто-то выследил и рассказал обо всем начальству.

— Я знала, что этим все закончится, — прошептала Натили, зябко кутаясь в накидку.

К «райскому уголку» добирались более коротким путем, нежели это делали влюбленные, — со стороны ближайшей протоки. Шел уже десятый час вечера, солнце зашло за горизонт, но было еще довольно светло. Вышли к берегу заливишка: Натили, Толендаль, полковник Леко и трое «дубленных загривков» — бойцов морской пехоты, вооруженных автоматами.

Натили склонилась над водой и дважды звонко шлепнула ладошкой по зеркальной водной глади, выпрямилась. Потянулись минуты ожидания.

— Ну? — жестяным голосом произнес Леко.

— Он вас боится, — тихо сказала девушка.

Полковник фыркнул, подумал немного, жестом отослал солдат в заросли кустарника, отступил на несколько метров сам. Натили снова подала сигнал вызова.

Ифалиук показался минут через пять.

Воды лагуны вдруг изменили цвет, в их глубине появилась серебристая полоса, и к ногам девушки приблизился боковой шипастый плавник «бога лагуны». Волна воды, шипя, выплеснулась на берег.

— Он сердится! — вполголоса произнесла Натили.

— Почему ты так думаешь? — понизил голос и Франсуа.

— Он повернулся боком... это плохой признак.

Еще одна волна обдала ноги стоящих на берегу. Ифалиук шевельнулся, разворачивая свое плоское, ставшее уже двадцатиметровым в поперечнике, тело. На людей из-под воды уставились удивительные глаза жителя океана, полные нечеловеческой меланхолии, ожидания, недоверия и укоризны.

— Пресвятая Мария! — пробормотал из-за кустов полковник.

В то же мгновение вал воды обрушился на песок, сбивая с ног лейтенанта и девушку, а когда они встали, залив был уже пуст. Ифалиук ушел. Но Толендаль понимал, что уйти ему дальше лагуны некуда, и как бы хорошо он ни маскировался, люди его все равно найдут.

* * *

Лейтенант оказался прав.

Ифалиука отыскиали уже на следующее утро с помощью лазерных и ультразвуковых радаров. Прятаться особенно ему было негде, глубины лагуны не позволяли это сделать, и, несмотря на великолепные возможности океанского ската-мутанта Несси-второго — именно так его принято было называть — маскироваться, менять окраску и рисунок тела, «бог лагуны» не смог скрыться от бдительных глаз наблюдателей, знавших, что именно надо искать.

Однако особенного ажиотажа находка Несси-второго не вызвала. Военные, конечно, подивились размерам ската, биологи тут же разработали план его изучения, но дальше Муруроа, на который журналисты не допускались, новость не ушла. А поскольку исполинский скат вел себя мирно, то и военные вскоре перестали обращать на него внимание, занятые своими более важными делами. Тем более что обмеры полевой обстановки вокруг ската показали полное отсутствие

каких-либо радиоактивных или электромагнитных излучений. Равно как и вредных химических веществ. Скат был абсолютно стерилен, более, чем обработанный в пламени и вакууме ланцет.

Все это время — около полутора недель, пока велись исследования «бога лагуны», — Толендаль почти не встречался со своей возлюбленной. Участия в исследованиях он не принимал, но сопровождал катера с учеными в качестве «крестного отца» Несси-второго. Однажды его попросили вызвать ската на поверхность, чтобы тот всплыл. Франсуа отказался, и его на двое суток посадили на гауптвахту, если можно было гауптвахтой назвать отгороженный кусок рифа с одной-единственной пальмой. Выпустив, его снова попросили вызвать Несси-второго, и Толендаль согласился. Однако у него ничего не вышло, «бог лагуны» не хотел подниматься из пятиметровых глубин лагуны, где в неподвижности лежал на дне все это время. Не поднялся он и на сигналы Натили, которую заставили повторить вызов.

Тогда Толендаля и девушку оставили в покое, а через несколько дней сняли осаду и вокруг Несси-второго, подростка за этот срок еще на несколько метров в диаметре.

Но Ифалиук заставил обратить на себя внимание сразу после очередного ядерного взрыва. Вернее, после провала испытаний, повергшего в шок полковника Лeko.

Скважину для испытаний готовили давно, она была одной из самых коротких скважин — глубиной всего в сорок девять метров, но и взрывное устройство готовилось малой мощности, эквивалентом до одной килотонны. И оно не сработало! Точнее, взрыв произошел всего лишь в одну десятую расчетной мощности, что никоим образом не влезало в рамки теорий. А повышения радиоактивного фона не произошло даже на глубине сорока метров, что и вовсе невозможно было объяснить теоретически. Не смог этого сделать и полковник Лeko, устроивший дискуссию между прибывшими из столицы физиками, среди которых был известный физик-ядерщик, доктор наук, профессор Жан Кюри, правнук знаменитого Жюлио Кюри.

— Этого не может быть! — заявил профессор Кюри, надменность и высокомерие которого были известны далеко за

пределами Франции. — Ядерная реакция, реакция распада урана и плутония — не реакция горения, то есть обыкновенного окисления с выделением тепла, ее нельзя уменьшить поворотом ручки, как пламя газовой горелки на плите. Должна распасться вся масса образца!

— Факт налицо, — буркнул Леко, принимавший делегацию физиков у себя в кабинете спартанской обстановки. — Впечатление такое, будто реакция, начавшись, тут же прекратилась. Прореагировать успела лишь одна десятая массы заряда.

— Но это же нонсенс! Какое чудо помешало взорваться всему заряду?

Полковник помолчал.

— В чудеса я не верю. Должен существовать конкретный виновник происшествия. Его надо найти. Думайте.

Профессор Кюри задрал голову, глянув на полковника из-под очков, сразу став похожим на верблюда. Сказал назидательно:

— Американец Сэм Клеменс¹ как-то сказал: «Разница между чудом и фактом точно равняется разнице между тюленем и русалкой». Если вы найдете виновника, то я поверю в русалок.

— А я уже, кажется, нашел.

— Неужели?

— Несси-второй! — воскликнул, не сдержавшись, один из физиков — старожил полигона. — Эта зверюга появилась здесь аккурат в то же самое время, как на полигоне стали происходить странные вещи.

Профессор Кюри вопросительно глянул на хозяина кабинета.

— Несси-второй? Это еще что за зверюга?

— Гигантский скат-мутант, родственник океанской манти.

Полковник вкратце ввел коллегу в курс дела, и тот, по привычке изображать скепсис, скривил губы, чтобы произнести одну из своих сентенций. Но не успел. Издалека, с другого края лагуны, донесся тяжкий удар. Вздрыгнул пол здания, как после очередного испытания.

¹ Настоящее имя Марка Твена.

— Черт! — сказал профессор, прикусив язык. — Эт-то еще что такое?!

Леко снял трубку селектора, выслушал объяснение помощника, бросил трубку на рычаг.

— Господа, у нас действительно есть кому предъявить претензии. Только что наш друг Несси-второй выпрыгнул из воды и накрыл катер с контейнером урана-237! Шлепок его тела о воду вы только что слышали.

Измученная тишина была полковнику ответом.

* * *

Новый всплеск интереса к Ифалиуку изменил статус лейтенанта Толендаля. Он стал главным посредником контакта между командованием полигона и «богом лагуны» Несси-вторым. Миссия его началась сразу же после того, как гигантский монстр, которого продолжали считать скатом-мутантом, второй раз прыгнул на катер, перевозивший заряды с ядерным топливом — ураном и плутонием — к местам его загрузки в шахты и скважины. Тут даже у самых спокойных воинских начальников лопнуло терпение и началась охота за Несси-вторым... закончившаяся полным провалом.

Уничтожив контейнеры с ядерными зарядами без следа, скат улегся на дно лагуны и не ответил ни на один призыв рассерженных людей, доводы которых имели не очень широкий спектр — от сбрасывания на тело Несси-второго много-тонных глыб известняка до выстрелов из базук. И ни то, ни другое не возымело на гиганта никакого действия.

Побоявшись применить более мощные средства «контакта», глубинные бомбы и торпеды, командир полигона генерал Рене вызвал начальника исследователей полковника Леко и приказал ему найти средства избавить территорию полигона от агрессивного монстра. Полковник ответил «слушаюсь!» и после недолгих размышлений вызвал к себе лейтенанта Толендаля. Так началась «коммуникационная эпопея» Франсуа, думать не думавшего, к чему приведет его знакомство с красавицей-меланезийкой Натили Нэсок.

— Я не знаю, как вам это удастся, — сказал ему полковник, — я имею в виду вашу связь с этим динозавром в лагуне.

Но вы должны со своей девицей наладить с ним контакт и заставить не трогать наши... э-э, военные грузы.

— Я не уверен, что мы сможем внушить ему...

— На всю операцию я отвожу вам два дня. Если вам не удастся уговорить этого вашего «бога лагуны», — начальник исследователей усмехнулся, — я прикажу разбомбить его.

— Но, может быть, не стоит?.. — робко запротестовал Толендаль.

— Идите.

Через час Франсуа гнал катер к тому месту, где, по данным наблюдателей, спал на дне лагуны Ифалиук, не предполагавший, какая участь ему уготована. На корме катера сидела, обхватив колени руками, задумчиво притихшая Натили.

Они почти не разговаривали. Девушка все хорошо понимала и не возражала против участия в контакте, хотя сомневалась, что им удастся найти взаимопонимание с хозяином лагуны.

Катер остановился, перестав скользить по воде. В ухе Франсуа пискнула рация:

— Вы остановились почти над ним. Действуйте, лейтенант. С нами Бог!

— Это уж точно, — проворчал молодой человек. Оглянувшись на девушку. — Ну что, Тили? Пора?

Натили кивнула, перегнулась за борт, вглядываясь в воду.

— Ничего не вижу.

— Он отлично камуфлируется, ты же знаешь.

— Там две акулы... рыбы...

— Акулы Ифалиука не боятся.

Девушка подождала, пока проплывут небольшие, с метр длиной, акулы, и звонко шлепнула по воде ладонью. Франсуа представил себе, как за ними сейчас наблюдают в бинокли и морские дальномеры со всех сторон, и ему стало неудобно.

Прошла минута, другая... пять минут, десять. Ни одного движения в толще воды, кроме стайки рыбешек.

— Может, он боится катера?

Натили сняла яркий сарафан, скользнула за борт. Франсуа, подумав, сбросил мундир и поплыл за ней. Отплыв около двадцати метров от катера, девушка повторила вызов.

Громада Ифалиука поднялась со дна через две минуты,

подняла на себе людей. Франсуа впервые ощутил кожей ног и рук тело «бога лагуны». Оно не было ни шероховатым, ни скользким, ни теплым, ни холодным, оно было твердым. И еще оно рождало ощущение нездешности, чужеродности, непривычности, прикосновения к нечеловеческим тайнам бытия.

Унимая дрожь в коленях, Толендаль двинулся по бугристо-волнистому телу по шиколотку в воде, туда, где располагалась «голова» Ифалиука, его лобное вздутие с рогами и глазами. Встретив взгляд существа, он вздрогнул и остановился за спиной замершей Натили.

Девушка присела на корточки и ласково погладила чудовишное животное «по лбу», заговорила с ним на меланезийском языке. Ифалиук молча смотрел на нее, изредка пошевеливая плавниками, словно понимая, о чем идет речь, хотя вряд ли он имел уши, подобные человеческим.

Девушка выпрямилась.

— Что ты ему сказала? — тихо спросил Толендаль.

— Предупредила, что его хотят убить... если он не уйдет отсюда.

— Ты уверена, что он... услышал?

— Он все понимает, а я понимаю его. И он отсюда не уйдет. Не знаю, почему, но он привязан к этому конкретному месту.

— К этой яме, что ли?

— К острову.

Франсуа скептически покачал головой, отвернулся, не выдерживая странного вопрошающего и отстраненного взгляда исполина. Ему тоже начали мерещиться какие-то полупрозрачные картины, и лейтенант поспешил отогнать их прочь.

— Спроси у него... зачем ему радиоактивные материалы? Что он делает с ураном, плутонием, вообще с радиацией?

— В нашем языке нет таких слов, но я попробую. — Натили снова заговорила с «богом лагуны» на языке эроманга.

Толендаль обвел глазами сверкающую гладь лагуны, кольцо рифа с пальмами, безоблачное мирное небо с раскаленным диском солнца, и на мгновение ему показалось, что все это нереально, понарошку, как декорации спектакля. Потом

твердь под ногами шевельнулась и впечатление прошло. Ифалиук был осязаем и массивен, как сам атолл.

Натили выпрямилась.

— Не знаю, что сказать. Мне показалось...

— Что все это сон? Бред?

— Почему? — Она удивленно оглянулась на друга. — Если я его правильно поняла, он каким-то образом впитывает радиацию...

— Питается или впитывает? Это две разные вещи. Дозиметры молчат, его тело совершенно нерадиоактивно.

— Ну, он ведь не говорит, как люди... Я просто чувствую... — Натили сбилась и рассердилась. — Может быть, и питается.

Франсуа обнял ее за талию.

— Я думаю, ему нужна энергия, ведь он растет. А чтобы питать такую махину, знаешь сколько водорослей нужно? Или рыбы? Чем-то он должен кормиться. А он все время лежит на дне. Но в то же время непрерывно растет. Значит, точно кормится радиацией. Наши высоколбые умники с ума сойдут от изумления, если это правда.

— Спасибо, лейтенант, за оценку наших умственных способностей, — донесся по радиации сухой голос полковника Леко.

Франсуа прикусил язык, хватаясь за наушник, и в этот момент Ифалиук нырнул.

Нахлебавшись воды, лейтенант и Натили влезли в катер, глянули друг на друга.

— Мы поможем ему? — спросила девушка.

«Как?» — хотел спросить Толендаль, но вместо этого только привлек ее к себе и поцеловал, не стесняясь биноклей и телекамер.

* * *

Еще дважды лейтенант и его подруга пытались уговорить Ифалиука покинуть лагуну или хотя бы не трогать оборудование полигона, но все «переговоры» закончились ничем. «Бог лагуны» Несси-второй выслушивал парламентаров и снова погружался в воду. А сутки спустя неожиданно напал на форт, где хранились образцы радиоактивного грунта, извлеченные из толщи атолла после испытаний, и раздавил бе-

тонное одноэтажное строение, как скорлупу ореха. Через час после этого взбешенный генерал Рене отдал приказ «разнести в клочья мерзкого моллюска», хотя моллюском Несси-второй, конечно, не был. Впрочем, он не был и обыкновенным, пусть и гипертрофированно увеличенным, живым организмом. Потому что ни глубинные бомбы, ни торпеды его не взяли!

Когда взрывы бомб прекратились и осела муть, поднятая со дна лагуны, взорам наблюдателей предстали четыре огромные двадцатиметровые воронки под водой и... ни одного кровавого шевелящегося куска плоти Несси-второго! Нет, он не исчез бесследно — лежал там же, где и прежде, не подавая признаков жизни, не поменяв даже рисунка под цвет дна на верхней поверхности своего тела. Он даже не отплыл в сторону.

Тогда с вертолета огневой поддержки сбросили на него одну за другой две торпеды, способные потопить любой современный крейсер. Результат был неожиданнее и трагичнее.

Первая торпеда взорвалась, вонзившись в бок чудовищного мутанта, ничего ему не повредив, вторая не взорвалась, а затем Несси-второй высунул из воды свои рога, больше напоминающие антенны, и яркой желто-зеленой молнией сбил вертолет. Оба пилота погибли, не поняв, в чем дело, распались на атомы, как и вся грозная летающая боевая машина.

На всех наблюдательных постах, во всех кабинетах с телеэкранами, в кабинах и рубках военных машин и судов установилась тишина. Не веря глазам, летчики, моряки, военные специалисты смотрели на успокоившуюся гладь лагуны и молчали. Затем опомнился начальник полигона, вызывая начальника исследователей:

— Что у вас стряслось, полковник?!

— Он сбил вертолет, — ответил Леко, лихорадочно соображая, что делать дальше.

— Я видел. Но как он это сделал?

— Скаты — электрические существа... — Полковник уцепился за эту фразу, вырвавшуюся помимо воли. — Это был мощный электрический разряд!

— Такой мощности? От вертолета ничего не осталось!

Проанализируйте и доложите. Объясняться с центром придется мне.

Морис Леко положил трубку телефона, посмотрел на молчавшего коллегу из Парижского национального центра ядерных исследований, и тот, потеряв свой высокомерный вид, пробормотал:

— Это был не электрический, а плазменный разряд, многоуважаемый коллега! И по всей видимости, перед нами не манта, не океанский скат, а совершенно неизвестное науке животное. Кто первым наткнулся на него?

— Офицер из бригады охраны, лейтенант Толендаль.

— Вызовите его еще раз, пусть вспомнит какие-нибудь подробности. Может, он не все нам рассказал. У биологов, изучающих его лежбище, нет информации?

— Пока кот наплакал. — Полковник вдавил клавишу селектора. — Найдите Толендаля.

Прозвонил телефон рабочей сети. Леко снял трубку, выслушал, встал из-за стола:

— Пойдемте, посмотрим.

— Что еще?

— Наблюдатели клянутся, что видели, как вторая торпеда, воткнувшаяся в лоб ската... превратилась в морскую звезду. Сейчас ее вытаскивают на борт.

— Что?!

Полковник вышел, и профессору Кюри пришлось последовать за ним.

Поскольку Несси-второй после уничтожения вертолета переместился чуть севернее прежнего места лежки, катер с высоким начальством не побоялся подобраться к тому району акватории, где на глубине шести с лишним метров лежала торпеда. Вернее, то, что от нее осталось. Трехметровая сигара диаметром в полметра действительно превратилась в странное дырчато-шипастое сооружение, похожее на пятилепестковую морскую звезду багрово-черного цвета.

Со всеми предосторожностями с помощью аквалангистов ее с трудом подняли на палубу сторожевого глиссера, едва не проломив его борт. Теперь бывшую торпеду можно было рассмотреть вблизи и пощупать руками.

— Осторожнее, — предупредил подводник-морпех, руко-

водивший подъемом. — Она теперь весит тонны четыре и очень холодная! Морозит даже сквозь перчатки.

Полковник, уже успевший коснуться шипа «звезды» и получить укол холода, покосился на профессора Кюри.

— Ну, что вы теперь скажете, коллега?

— Не верю! — последовал ответ.

Леко усмехнулся.

— У русских есть хорошая поговорка на эту тему: если на клетке слона прочтешь надпись «жираф», не верь своим глазам¹. — Повернулся к помощнику: — Везите ее в лабораторию.

Катер повернул обратно к берегу.

В своем кабинете полковник хлебнул коньяку и приказал доставить к нему лейтенанта Толендаля.

— Рассказывайте все, лейтенант, — сказал он вытянувшемуся Франсуа. — Я уже понял, что это не скат. Вообще неизвестно, что за животное. Вы знаете, во что оно превратило торпеду?

— Слышал, — осторожно кивнул Франсуа.

— Рассказывайте что знаете.

Франсуа думал недолго. Он понимал, что ему все равно придется сообщить начальству о том, что он видел.

— Я лучше покажу, господин полковник.

— Что вы покажете?

— Это надо видеть. Мне рассказали легенду, и я...

— Легенды меня не интересуют. Меня волнует безопасность полигона.

— Прикажите подать катер.

Леко вытер пот со лба, смерил лейтенанта свирепым взглядом, но говорить больше ничего не стал, только вызвал катер.

Через полчаса они подошли к заливчику напротив «райского уголка», и Франсуа молча показал полковнику и двум его помощникам скелет Ифалиука-старшего. После этого достаточно было один раз поглядеть на лицо начальника исследовательского корпуса, чтобы понять, насколько он потрясен.

¹ У К. Пруткина не жираф, а буйвол, полковник слегка подзабыл поговорку.

* * *

Исследования скелета предка Несси, находка которого породила сенсацию не только на атолле, но и в далеком Париже, велись уже неделю, когда дал о себе знать Несси-младший.

Так как мировое общественное мнение продолжало давить на политику Пале-Рояля, недавно плюнувшего на мораторий на ядерные испытания, это заставляло французов спешить с выполнением намеченной программы испытаний. Поэтому взрывы на Муруроа происходили все чаще. На подготовку каждого отводилось не более трех дней, и подчиненные полковника Леко трудились днями и ночами, спеша уложиться в намеченный график.

Очередной взрыв прозвучал спустя шесть дней после неудачного предыдущего, породившего шторм споров среди специалистов своей необычностью и малой мощностью. Испытание прошло успешно, ядерное устройство мощностью в двадцать пять килотонн тряхнуло атолл в соответствии с расчетами, и военспецы слегка успокоились. Но уже следующий взрыв снова оказался аномальным. Готовилось испытание стокилотонного заряда, а взрыв оказался сродни пшику — всего лишь в полторы-две килотонны! Почему вдруг прекратилась реакция ядерного распада, не понимал никто из ученых. Грешили на инженеров, неправильно установивших контейнер, потом на аппаратуру инициирования заряда, потом на качество расщепляющихся материалов, но все объяснения удовлетворить Мориса Леко и профессора Кюри не могли. В природе не существовало факторов, способных произвести отсечку основной массы заряда от той, где уже началась лавинообразная реакция ядерного распада. И тогда вспомнили о притихшем Несси-втором, который, как оказалось, перемещался по лагуне не бесцельно, а по определенному маршруту. «Бог лагуны» Ифалиук — так его звали со слов Толендаля — за час до взрыва занимал позицию как раз над подготовленной скважиной. Кроме него, никто не мог вмешаться в эксперимент. Как он это делает — было вопросом второстепенным, хотя Леко и намеревался выяснить это в скором времени. Через лейтенанта Толендаля, естественно, и его подругу Натили.

С этого момента лейтенант вообще перестал нести службу в качестве охранника полигона и стал первым в истории человечества посредником контакта с внеземной формой жизни. Правда, сам он об этом не знал. Истина стала известна позже.

В пятницу двадцать девятого сентября, в самом начале весеннего сезона, мало, впрочем, отличающегося в этих широтах от зимнего или летнего, к атоллу подошли суда всемирно известной организации «Гринпис», что заставило военное командование подтянуть к Муруроа дополнительные силы в виде атомного авианосца «Сен-Жермен». Понимая, что времени у испытателей мало, генерал Рене приказал подготовить и провести испытания оставшихся пяти зарядов в течение недели. В свою очередь полковник Леко приказал лейтенанту Толендалю установить с Несси-вторым контакт и уговорить его в конце концов не мешать испытаниям.

— В противном случае мы уничтожим его, — сказал он, понимая, как по-идиотски звучит «уговорить» по отношению к неизвестного вида животному. Добавил: — Если к завтрашнему утру не добьетесь результата, пойдете под трибунал!

— За что?! — растерялся Франсуа.

— Если бы знал за что, я бы вас расстрелял, — ответил по-философски спокойно полковник старым афоризмом.

Выходя из кабинета, Толендаль оглянулся.

— Господин полковник, а как идут дела с исследованием скелета Ифалиука? Меня туда не пускают.

— Нормально, — буркнул Леко, думая о своем. — А вам там делать нечего, вы не специалист.

— Ну, а специалистам удалось взять образцы материала, из которого сделан скелет?

Взгляд полковника прояснился.

— Вы-то откуда знаете о материале?

— Я в свое время пытался взять образец... не удалось.

— Для того чтобы выяснить химический состав материала скелета, не обязательно брать образцы. Для этого есть спектральный анализ, лазерные анализаторы. Но вы правы, по прочности этому материалу нет равных. У вас все?

— А вы не пробовали сравнить характеристики материала скелета с материалом изменившей форму торпеды?

Полковник открыл рот, чтобы послать зарвавшегося лейтенанта куда следует, и закрыл.

— Черт возьми, это хорошая мысль!

— Тогда возьмите для исследования еще и это. — Толендаль выгрузил из кармана на стол полковнику порядком похудевший изогнутый, черно-фиолетовый, с красным отливом предмет, похожий на бумеранг и пистолет одновременно.

— Что это?

— Это когда-то было кортиком. — Франсуа рассказал о своем эксперименте с превращением.

— И вы до сих пор молчали?! — побагровел Леко.

Толендаль выпрямился, злясь на себя, что расхвастался своей осведомленностью и намеками на особое знание, которого у него в принципе и не было. Но полковник тут же остыл, интерес исследователя в нем пересилил амбиции военного начальника.

— Идите, лейтенант, черт бы вас взял! Да, вы все мне рассказали и показали или у вас еще припрятана пара сюрпризов?

— Вы зря не верите в легенду об упавшем с неба божестве, — сказал Толендаль, тут же испугавшись своей смелости. — Может быть, стоит поискать следы Ифалиука не на Земле, а где-нибудь в космосе?

Полковник Леко, откинувшись в кресле, молча разглядывал порозовевшее лицо лейтенанта. Покачал головой, задумался.

— У вас какое образование, лейтенант?

— Технический колледж и школа офицеров.

— Не хотите удариться в науку?

— Никак нет, меесье!

— Жаль. — Полковник вздохнул. — Из вас мог бы получиться неплохой специалист. Идите и помните, что я сказал.

Франсуа молодежато шелкнул каблуками и пошел искать Натили.

* * *

Миссия контактера Толендалю удалась наполовину.

С одной стороны, Ифалиук не отказывался от встреч с ним и с девушкой, с другой — никак не реагировал на призывы не трогать радиоактивные материалы. Натили уверяла,

что «бог лагуны» и хотел бы покинуть атолл, да по каким-то причинам не может. Он не только питался радиацией, но и ждал кого-то, и ожидание явно было важнее всего остального.

К концу сентября диаметр исполина достиг сорока пяти метров, а толщина — трех. Он уже не мог подплыть близко к берегу и маневрировал в центре лагуны, выбирая самые глубокие места. Правда, каким-то образом ему удавалось переползать и мели, сокрушая свежие коралловые постройки и старые банки, используемые людьми для бурения скважин.

Третий из оставшихся взрывов военспецы готовили особенно тщательно. Он знаменовал собой окончание серии экспериментов по созданию так называемых «векторных бомб», и результатов испытания с нетерпением ожидали десятки специалистов-ядерщиков страны. Расчетная мощность взрыва была невелика, достигая всего двадцати килотонн, зато информационная весомость ожидалась достаточно большой.

Взрыв прогремел в одиннадцать часов три секунды в воскресенье первого октября. Но, во-первых, как ни следили наблюдатели за передвижением Несси-второго, все-таки не уследили и помешать не смогли: за полминуты до взрыва, когда уже шел отсчет, гигантский скат (пока еще скат) преодолел полкилометра до эпицентра одним прыжком и выполз на риф с бандажом скважины, готовой к испытаниям. Во-вторых, взрыв, рассчитанный с точностью до килоджоуля, неожиданно получился чуть ли не на два порядка мощней!

Казалось, взорвался весь атолл! Он сотрясся до глубин основания, подпрыгнул, упал — и так несколько раз. Вода в центре лагуны сначала вспыхнула нестерпимой голубизной, вскипела, вспучилась горбом, хлынула пятиметровой волной цунами на берег, а потом вдруг образовала гигантскую воронку, хлынув в провал, образованный вылезшей на свет вершушкой подземной ядерной сферы.

Однако скачок радиоактивности был не слишком сильным, что спасло людей на атолле и специалистов на катерах и судах помельче. И все же без жертв не обошлось. Под обломками рухнувших зданий погибло одиннадцать человек, еще шестеро утонули вместе с катером и трое пропали без вести.

Когда землетрясение кончилось, а вода в лагуне успокои-

лась (в нее через протоки хлынули воды океана и уравнили водоем), взору потрясенных военных предстал почти голый риф Муруроа с разрушенными строениями и поваленными пальмами, а также проступившая сквозь муть гигантская воронка в дне лагуны, диаметром в километр и глубиной в сто с лишним метров.

— Пресвятая Мария! — слабым голосом произнес профессор Кюри, обращая бледное лицо к полковнику Леко; оба находились в бункере управления и не пострадали. — Что вы взорвали, Морис?!

— Мы взорвали сенсацию, — нашелся полковник, внезапно охрипнув. — Жильбер, общий внешний фон?

— Ниже нормы, полковник, — отозвался далекий голос руководителя группы дозиметрического контроля. — Сначала была вспышка в пике двух тысяч рентген в точке «ноль», сейчас регистраторы показывают девятьсот миллирентген и наблюдается тенденция к уменьшению.

— Черт знает что! — прошептал один из помощников Леко.

— Это он, — сказал полковник, сильно помассировав себе затылок. — Это Несси-второй, его рук дело.

— Рук?! У него их нет.

— Я образно говорю. Он снова вмешался... абсолютно не понимаю, каким образом! Но уверен, без его вмешательства не обошлось. — Леко подтянул к себе микрофон, глядя на экран телемонитора. — Лесквер, где сейчас этот проклятый урод?

— В воронке, местье.

— Я его не вижу.

— Зарылся в обломки и песок, но хорошо виден в ультразвуке. К тому же он светится в инфракрасном диапазоне, как раскаленный слиток металла.

Леко и Кюри переглянулись.

— Он... поглощает радиацию?! — проблеял профессор.

— Именно об этом я и подумал. Жан, лейтенант прав.

— Какой лейтенант?

— Толендаль, первооткрыватель. Этот Несси-второй, «бог лагуны» или как там еще... Ифалиук — вовсе не океанский скат. Не бывает таких скатов. Он попал на Землю из космоса, теперь я в этом уверен.

— Полковник, с авианосца запрашивают, нужна ли помощь, — повернул голову с наушниками от панели комбайна связи координатор полигона. — И еще эти, с «Гринпис»...

— «Зеленых» пошли к дьяволу, а капитану авианосца скажи, что обойдемся пока своими силами. Пусть лучше отгонит от атолла этих рьяных миротворцев.

— Вас вызывает генерал.

— Иду. — Леко похлопал по плечу профессора Кюри. — Жан, готовьте грудь для ордена. Мы войдем в историю.

Профессор не ответил. Как замороженный, он смотрел на экран. Телекамера с катера наблюдателей была направлена на восточную часть рифа, и на экране теперь хорошо был виден колоссальный, двухсотметровый, ажурный, бликующий лазурью и перламутром скелет предка Ифалиука.

* * *

Так лейтенант французского военного контингента на Муруроа Франсуа Толендаль и медсестра полигона Натили Нэсок стали правообладателями грандиозного открытия наравне с полковником Морисом Леко и генералом Рене. Ни у кого теперь не оставалось сомнений, что гигантский скат, получивший несколько имен: полинезийское — Ифалиук, «бог лагуны», и европейское — Несси-второй, — на самом деле пришелец из космоса. Вернее, потомок пришельца, упавшего в океан в незапамятные времена. Почему он родился именно в эту эпоху, да еще на территории секретного военного объекта, не знал никто, зато все отлично поняли, что гигант питается радиацией и способен изменять параметры ядерных взрывов и окружающей среды.

Военные попытались было абсолютно засекретить открытие, перекрыть все каналы утечки информации, прекратили даже связь с материком, кроме спецканала, но тайна таковой долго не продержалась. Пронырливые молодцы из организации «Гринпис» разнюхали о «космическом пришельце», и сенсация мгновенно пошла гулять по свету, обрастая подробностями и рассказами «свидетелей». Остановить скандал военной верхушке не удалось, и тогда она придумала интересный ход: в центральных французских газетах появилось сообщение министерства обороны об удачно проведенном

ядерно-биологическом эксперименте на атолле Муруроа. Якобы в целях изучения воздействия радиации на живые организмы военными специалистами был подвергнут радиоактивному облучению детеныш океанской манти. В результате скат выжил и достиг размеров баскетбольной площадки, а в благодарность за это стал очищать акваторию лагуны от радиации. Да здравствует Франция!

В принципе и это сообщение было сенсацией, но помельче и с иным подтекстом. Шум в газетах всего мира стал стихать. Общественности, занятой собственной проблемой выживания, было не до гигантских скатов, питающихся радиоактивными отходами.

Франсуа Толендаль не читал газет. Все трое суток, отведенных ему на контакт с Ифалиуком, он провел в катере вместе с Натили, пытаясь внушить «богу лагуны» бесперспективность его поведения. Ифалиук дважды всплывал из темных глубин воронки на месте последнего взрыва, выслушивал уговоры Натили и снова опускался на дно. Датчики на катере показывали ноль радиации, Ифалиук уже полностью очистил дно и воду от радионуклидов, радиоактивных шлаков, следов ядерного взрыва, и при мысли о том, что в эпицентре взрыва не выжил бы ни один земной организм, Толендалю становилось не по себе.

— Он не уйдет, — со вздохом сожаления сказала Натили, усаживаясь в шезлонге на корме катера. — Я уже говорила и готова повторить: он кого-то ждет. Может быть, своих соплеменников, может, кого-то еще. И будет ждать до тех пор...

— Пока его не убьют, — закончил Франсуа, откупоривая банку с кока-колой.

— Ему надо помочь.

— Я не возражаю, но как?

— Не знаю. Ты связан со своим боссом, уговори его не убивать Ифалиука. Ведь он ни в чем не виноват.

— Он мешает испытаниям. А последний взрыв вообще вызвал панику среди военспецов и взбеленил командование. Генерал Рене человек жесткий и решительный, он ждать не станет. Если Ифалиук снова что-нибудь учудит, на него сбросят атомную бомбу.

Натили помолчала, поправила волосы, отвернулась от солнца.

— Ты до сих пор считаешь, что он пришелец?

— А ты?

— Я давно это знаю. Было бы удивительно, если бы космос не был населен другими существами. Зачем тогда он?

Франсуа в замешательстве посмотрел на девушку. Иногда он забывал, что та закончила университет и была гораздо более образованной, чем ее белокожие ровесницы, не говоря уже о представительницах родного племени.

— Конечно, он неземная тварь, это видно невооруженным глазом. Знаешь, о чем я думаю? Что он нарочно усилил последний взрыв. Он ведь растет и если достигнет размеров своего отца... или кто он там ему — матери, чей скелет на берегу... Понимаешь? Он не уместился бы в лагуне. А так — пожалуйста, получилась неплохая «квартирка».

— Спасибо за идею, — послышался в наушнике голос полковника Леко, который почти постоянно находился на связи.

Франсуа, постоянно забывавший о связи с берегом, сердито выключил рацию, сбросил дугу с наушником с головы, прилег рядом с Натили. Та насмешливо глянула на него, потянулась всем телом, словно дразня наблюдателей, не сводящих с катера длиннофокусной своей оптики и телекамер, и соскользнула в воду. Нырнула, опустилась метров на десять, словно хотела достать дно, перевернулась, раскинув руки, глядя вверх сквозь невероятно прозрачную толщу воды. Франсуа не выдержал и нырнул за ней. Встретившись на полпути, они обнялись и стали целоваться.

Наблюдавший эту картину на экране телемонитора полковник Леко в сердцах выключил монитор.

— Дети, честное слово!

Сидящий напротив прилизанный молодой человек, представитель французской контрразведки, Люк Перри, только что прибывший на атолл, усмехнулся.

— А она ничего, эта аборигеночка.

— Эта аборигеночка закончила университет в Канберре. Но давайте ближе к делу. С чем пожаловали?

— Вы телевизор смотрите? Нет? И радио не слушаете? Как

же вы проводите свободное время? Впрочем, это лирика. Читайте. — Сотрудник контрразведки протянул полковнику дискету.

Пожав плечами, Лeko вставил дискету в дисковод компьютера, и монитор развернул на экране текст сообщения о появлении на территории атомного полигона США в Неваде странных существ, так же поглощающих радиацию, как и Несси-второй на Муруроа. Внимательно рассмотрев фотографию жуткого динозавроподобного монстра, Лeko выключил компьютер, побарабанил пальцами по столу.

— Вы думаете, они как-то связаны? Наш Несси и эти металлические красавцы?

— Я ни о чем не думаю, это вы должны мне сказать, связаны эти уроды с вашим суперскатом или нет. К тому же у нас имеются сведения, что у русских тоже появился некий живой феномен, связанный с радиацией.

Лeko оживился.

— Под Семипалатинском, на их полигоне?

— Нет, в районе Чернобыля, где у них взорвалась атомная электростанция. Но эта информация в отличие от американской русскими полностью засекречена.

— Насколько я знаю географию, Чернобыль располагается на территории Украины, недалеко от Киева. Так что секретили информацию украинцы.

— Все равно они одним миром мазаны, — флегматично заметил Люк Перри. — Мы, конечно, работаем и там, но точных сведений пока мало. Если что-нибудь выясним, я вам сообщу. Как продвигается контакт с вашим Несси-вторым?

— Вы же видели, — кивнул на монитор полковник. — Никак. Похоже, эта сволочная зверюга хоть и понимает посредников, Толендаля и девицу, но не слушается. Официальный Париж молчит, а чиновники из минобороны требуют побыстрей закончить программу испытаний. А как тут закончишь, если эта тварь не дает проводить испытания?

— Уничтожьте его.

— Пробовали. Глубинные бомбы и торпеды ската не берут. А использовать игрушки помощней опасно, повредим готовые скважины.

— Попробуйте заблокировать его. Он сидит сейчас в во-

ронке? Окружите ее катерами с торпедными установками и ракетными системами, и как только он в момент испытания попытается выйти, обстреляйте торпедами и ракетами.

— Мысль неновая, да и опасная. — Леко скептически скривил губы. — К тому же ракеты и торпеды вряд ли его удержат на месте. И все же спасибо за совет, мы им воспользуемся.

— А что там за алхимию продемонстрировал ваш подопечный? — Люк Перри пересел так, чтобы струя воздуха из кондиционера дула ему в лицо. — Мне сказали, что скат якобы превращает предметы в интересные штуковины из платины и золота.

— Если бы из золота, — усмехнулся полковник, доставая из ящика стола изогнутый черно-красный «бумеранг» и передавая контрразведчику. — Это бывший офицерский кортик. И материал его не золото или платина, а некий быстро испаряющийся композит с вкраплениями рения, осмия, гадолиния и ряда редкоземельных элементов. Ему цены нет! Но, боюсь, через пару недель он испарится.

Перри повертел в руках тяжелый, холодный, шершавый на вид «бумеранго-пистолет». Положил на стол, озабоченно потирая занемевшую руку.

— Какой-то он... неудобный. И что это, по-вашему, означает?

— Это означает, господин майор, что мы имеем дело с холодным термоядерным синтезом на уровне кварковых преобразований. Что, в свою очередь, означает, что Несси прибыл к нам из областей космоса, где жизнью управляют иные законы.

Вряд ли контрразведчик понял речь военного специалиста-физика, но на всякий случай сделал глубокомысленно-изумленный вид.

* * *

Толендалю и Натили не удалось уговорить «малыша» Ифалиука, диаметр которого достиг восьмидесяти метров, покинуть лагуну. Он не отреагировал даже на угрозы уничтожить его в случае вмешательства в дела военных на полигоне.

День спустя повторилась история со взрывом, подобная предыдущей.

Несмотря на блокаду воронки, где отсиживался Несси-второй, ровно за полминуты до взрыва многотонный гигант вырвался из кольца, не обратив никакого внимания на ракетный огонь и торпедные залпы, преодолел километр двести сорок метров до очередной «нулевой точки» со скважиной и прыгнул на риф с запорным устройством скважины. Остановить испытание не успели. А взрыв произошел мощностью не в пять килотонн, как рассчитывали специалисты, а в сто пятьдесят!

Однако на этот раз землетрясение было не очень сильным, а ударная волна отсутствовала вовсе. Впечатление складывалось такое, будто взрыв произошел в «подушке» из вакуума, а не в твердом известняковом теле атолла. Но воронка в дне лагуны образовалась не меньше, чем в предыдущем случае. Несси-второй, расширив свою «квартиру», нырнул в воронку, когда она заполнилась водой, и в течение часа очистил от ионизации и радиоактивности, словно гигантский пылесос. Хотя никто из ученых не мог объяснить, каким образом гигантскому животному удастся «засасывать» жесткую гамма-радиацию, альфа- и бета-излучение, ионы и осколки радиоактивных ядер. Его деятельность подтверждала мнение молодых биофизиков, что Несси-второй питается радиацией. Одно только это выдвигало ската-мутанта в интереснейший объект исследований, затмевающий любые другие по важности и значимости, но французский «пентагон» — министерство обороны — требовал немедленно закончить намеченный план испытаний и на доводы специалистов полигона приостановить ядерную программу реагировал однозначно: «Гигантскую тварь уничтожить! Испытания закончить в течение недели! Виновных наказать!»

Что имели в виду генералы «пентагона» под приказом «Виновных наказать!», генерал Луи Рене, начальник полигона на Муруроа, не понял, но на всякий случай приказал посадить лейтенанта Толендаля на гауптвахту, помещение которой сохранилось в числе немногих уцелевших на рифе строений.

Капитан авианосца «Сен-Симон» получил приказ атако-

вать ската с воздуха, используя палубную авиацию и ракеты класса «воздух — земля», способные разрушать бетонные укрепления с толщиной стен до пяти метров. А если и они не помогут — сбросить на Несси-второго бомбу класса «серая зона», то есть класса обычных вооружений, сравнимых по мощности с ядерными.

Атака началась после эвакуации с рифа воинского контингента и обслуживающего персонала полигона в девять часов утра четвертого октября. Как это в спешке бывает, о гауптвахте забыли, и лейтенант Толендаль остался сидеть в комнате с единственным зарешеченным окном с видом на лагуну, не подозревая, что задумали отцы-командиры. Зато не забыла о своем друге медсестра Натили Нэсок.

Эвакуировали ее, как и остальных женщин, морские пехотинцы из подразделения охраны полигона, которым командовал тот самый приятель Франсуа, лейтенант Буангвиль, выследивший его и Натили во время очередной встречи с «богом лагуны». На вопрос девушки: «Где Франсуа?» — Буангвиль со злорадством ответил, что тот сидит «на губе». Осознав, чем грозит Толендалю забывчивость командиров, Натили стала требовать, чтобы катер вернулся за ним, но никто ее не слушал. До авианалета оставалось всего полчаса, и рисковать своей шкурой никто не хотел, в особенности Буангвиль. Он, конечно, мог связаться с командиром батальона и доложить о забытом товарище, но не стал этого делать.

Катер продолжал малым ходом уходить от атолла, и тогда Натили незаметно спустилась по трапу на нижнюю палубу, открыла люк сброса отходов в корме и скользнула за борт, нырнув сразу на несколько метров. Вынырнула она уже рядом с внешней стороной рифа. Когда ее хватились на катере, девушка уже мчалась по берегу к полуразрушенным строениям военного городка, в казарме которого находилась гауптвахта. Но она ничего не успела сделать.

Самолеты были уже в воздухе и дали залп. Восемь ракет, предназначенных для разрушения фортификационных сооружений, вошли в воду лагуны с четырех сторон, нашли тело Несси-второго и взорвались. В воздух взлетел гигантский восьмиструйный фонтан кипящей воды, обрушился на по-

верхность лагуны и покатился метровой волной к берегу. Риф вздрогнул.

Натили сбило с ног, но волна здесь, на возвышении рифа, была не столь высокой и в океан ее не утащила. Девушка нырнула в распахнутую дверь казармы, бросилась к помещению гауптвахты.

Толендаль стоял на койке, взявшись руками за прутья решетки, и смотрел на центр лагуны, где только что прогремел взрыв. Он ничего не понял, считая, что прошло очередное испытание. Оглянулся на стук открываемой двери; Натили нашла ключи, висящие в коридоре.

— Ты? Что случилось?!

Девушка бросилась к нему на грудь.

— Быстрее! Уходим! Они хотят уничтожить Ифалиука... самолеты... ракеты... если ракеты не помогут, сбросят какую-то страшную бомбу!

— Атомную, что ли?

— Нет, но очень большую. Надо уходить. Бомба поднимет волну, которая сметет с рифа все оставшиеся постройки. Быстрее!

— Надо предупредить Ифалиука.

Натили, тянувшая Франсуа за руку к выходу, остановилась на полдороге к двери, сказала неуверенно:

— Ифалиуку не страшны бомбы... его нельзя убить...

— А если можно? Откуда ты знаешь?

— Но... мы можем не успеть...

— Успеем, здесь у пирса есть лодки, доберемся за десять минут. Пока летчики будут анализировать результаты атаки, мы найдем Ифалиука.

Девушка чмокнула Франсуа в щеку, и они бросились из казармы наружу, не думая об опасности.

* * *

Полковник Леко наблюдал за действиями летчиков по экрану телемонитора, стоящего на палубе сторожевого корабля «Моветон». Корабль располагался в миле от атолла, и лагуну отсюда увидеть было нельзя, она пряталась за щеткой пальм. Устроившись в удобных шезлонгах, с банками пива и джина с тоником в руках, рядом с полковником сидели генерал Ре-

не, профессор Кюри, контрразведчик Люк Перри, помощники и адъютанты, готовые выполнить любое распоряжение начальства.

Когда песчано-коралловая взвесь, поднятая взрывами ракет в лагуне, опала, взорам командиров предстала та же картина, что и до атаки: глубокая, стометровая воронка в дне лагуны и серебристо просвечивающий сквозь толщу воды ажурно-резной «кленовый лист» Несси-второго. Взрывы ракет, судя по всему, ни капли не повредили его по-рыбьи нежное с виду чешуйчатое тело.

— Вот гаденыш! — пробормотал, поморщившись, начальник полигона. — Ничто его не берет. Передайте на авианосец: пусть продолжают.

— Может быть, все-таки лучше поработать с ним? — проговорил благодушно настроенный профессор Кюри. — Для науки это бесценный материал!

— Я не хочу рисковать карьерой, — отрезал генерал. — Если я не выполню приказ, меня просто спишут на берег. Нет уж, увольте. Исследовать можно и останки.

— А если и эта бомба на него не подействует?

— Тогда мы сбросим на него ядерную.

Кюри хмыкнул, обменялся взглядом с полковником.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — буркнул Леко. — Мне жаль терять такой объект для исследований. Генерал, профессор прав: изучение этого монстра может дать науке в сто раз больше, чем наша программа испытаний. Не попытаться ли нам убедить главкома? Проявить, так сказать, милосердие?

— Милосердие может позволить себе тот, кто в нем нуждается, — ответил генерал презрительно. — Занимайтесь своим делом, Морис, голова целее будет. Мы и так отстали от графика. Не справимся, нас с вами заменят в три дня!

Самолеты, пустившие по атоллу ракеты, улетели. С борта авианосца стартовал «Мираж-4» с бомбой класса «серая зона» на борту.

— Он всплывает! — доложил наблюдатель.

Приглядевшись, Леко понял, что Несси-второй действительно поднимается из глубин воронки к поверхности лагуны.

— Может, подождем немного, выясним, чего он хочет?

— Удобнее будет метать бомбу, — бросил начальник полигона.

— Там люди! — донеслись вдруг крики многих наблюдателей. — К объекту подходит лодка с двумя пассажирами, мужчиной и женщиной!

— Ах, дьявол! Это лейтенант со своей девицей! — мгновенно догадался полковник Леко. — Похоже, его забыли на гауптвахте. Но как там оказалась девица? Генерал, давайте отбой!

— Отставить бомбометание! — рявкнул Рене, бледнея от ярости. — Связь с авианосцем, быстро!

Адъютант сунул ему рацию, но было уже поздно: самолет сделал горку над атоллом и сбросил бомбу, как на учениях — точно в хорошо видимую на воде цель.

На мгновение все замерли. Затем загалдели наблюдатели, кто-то нашел мегафон и попытался докричаться до берега, эфир взорвался десятком воплей, приказов, ругательств и призывов, и... снова наступила тишина. А затем блестящая капля бомбы упала в лагуну и в воздух взметнулся огромный двухсотметровый смерч взрыва.

Булькающая волна гула и грохота ударила в уши, много-тонная масса воды обрушилась на риф, снося на нем все постройки, ломая пальмы, как спички, перенеслась в океан и качнула десятки судов, стоящих вокруг атолла. Гул стих, водо-коралловый смерч опал, волнение в лагуне постепенно прекратилось, и все увидели целую и невредимую стометровую тушу Несси-второго, слегка приподнявшего над водой свою лобную часть с рогами-антеннами.

— Пресвятая Дева! — ахнул кто-то. — Он уцелел!

В то же мгновение с рогов монстра сорвалась неяркая в свете дня желто-голубая молния, ударила в небо, где на высоте километра кружил «Мираж», и на месте самолета вспыхнул язычок жемчужного пламени, вспухло дымное облачко и растаяло. Самолет исчез.

Но и это было не последним потрясением чувств руководства полигона. Спустя минуту после уничтожения самолета «богом лагуны» снова закричал наблюдатель:

— Вижу лодку! Люди... там люди! Они живы!

Полковник Леко посмотрел на соседа, и профессор отве-

тил ему таким же удивленным и заинтересованно-понимающим взглядом. Они первыми поняли, что Несси-второй не только уцелел сам, но и защитил каким-то образом людей в лодке, своих «приятелей» Натили Нэсок и лейтенанта Толендаля.

* * *

На следующий день на Муруроа прибыли представители министерства обороны Франции, генштаба и департамента безопасности, курирующего военные разработки. Им было вменено в обязанность разобраться с ситуацией на полигоне, навести порядок, во что бы то ни стало довести до конца программу ядерных испытаний, выяснить, кто препятствует делу, а причину ликвидировать. Средства для этой цели выделялись любые, в том числе и технические. Если комиссия сочла бы нужным нанести по атоллу ядерный удар, ей бы это позволили.

К этому моменту лейтенант Толендаль и медсестра Натили Нэсок уже содержались под стражей и в десятый раз рассказывали историю своей попытки спасти Ифалиука, несчастного «малыша», чей предок попал на Землю из космоса задолго до появления на ней человека. Поскольку Муруроа теперь представлял собой практически голый риф со следами построек, пострадал даже подземный бункер управления полигоном, то содержали арестованных на сторожевом корабле военно-морских сил Франции. Там же находился и временный центр управления научно-инженерным хозяйством полигона, руководимый полковником Лeko. Генерал Рене и высокие гости предпочли расположиться на борту авианосца «Сен-Симон».

Сначала Толендаля и Натили допрашивал полковник Лeko, потом генерал Рене со своей командой, потом контрразведчики и чины из министерства обороны, потом снова полковник, военспецы, ученые и те же самые лица по второму кругу, хотя рассказывать-то особенно было и нечего.

Франсуа с девушкой успели достичь места, где находилась лежка Ифалиука, к моменту, когда самолет уже заходил на цель. Вызывать его не понадобилось, «бог лагуны» словно почувствовал появление своих друзей и всплыл им навстречу.

В то мгновение, когда на спину гиганту упала бомба, он каким-то чудом отпрыгнул к лодке и прикрыл ее вставшим вертикально телом, превратившись в жуткое существо — черепаху с головой кобры и конечностями богомола. Бомба взорвалась всего в полусотне метров от него и от людей, подняв в воздух сотни тонн воды, но пробить защиту Ифалиука не смогла и вреда ему не причинила, разве что отшибла все конечности и шипы.

— Значит, скат закрыл вас от взрыва плоскостью тела? — повторил вопрос полковник, хотя видел телезапись происходящего в момент взрыва.

— Так точно, господин полковник, — ответил уставший от допросов Толендаль.

— И больше вы ничего не заметили, не почувствовали?

Франсуа и Натили переглянулись. Появившись, лейтенант тихо проговорил:

— Нам показалось, что в момент взрыва вокруг нас... как бы сгустился туман. Словно солнце спряталось за тучи. И еще... стало очень тихо.

— Да, — кивнула девушка, — взрыва мы не слышали.

Полковник крикнул, помассировал по привычке затылок, глотнул пива.

— А говорите, ничего необычного не заметили. Значит, Несси-второй спас вас, не только отгородив телом от взрыва, но и создав вокруг какой-то силовой пузырь. А это уже совсем другой коленкор получается. Такую вещь, как спасательная акция, можно сделать только с о з н а т е л ь н о. Понимаете, лейтенант?

— Вы хотите сказать, что... — Франсуа обескураженно посмотрел на полковника, — что Ифалиук — разумное существо?!

— В каком-то смысле. Не по-человечески, но разумное. — Леко вздохнул. — С этого дня я с вами прощаюсь, лейтенант. Теперь с вами будут заниматься контрразведчики и спецбезопасности. Программа испытаний на время свернута, решено переключить все внимание на нашего Несси... то есть Ифалиука, с соблюдением всех мер секретности. Если он и в самом деле представитель негуманоидного разума, то выигрыш столь велик, что это сообразили даже безмозглые шиш-

ки в силовых министерствах. Короче, Муруроа теперь — центр контакта с неземным скатом.

— Но ведь Ифалиук отказывается контактировать с нами, — проговорил Толендаль с сочувствием, хотя сочувствие это предназначалось не полковнику, а «богу лагуны».

— Вот если снова откажется, тогда и возобновятся ядерные испытания, — многозначительно подчеркнул Леко.

Франсуа растерянно глянул на свою не менее шокированную, все понявшую подругу. Ифалиук был обречен при любом исходе событий. В случае неудачи военные собирались испытать на нем ядерные заряды, чего, конечно, «бог лагуны» выдержать бы не смог.

— А мы? — Вопрос прозвучал по-детски беспомощно и обреченно.

— Вам придется продолжить работу посредников контакта с Несси до упора. Попробуйте достучаться до его сознания. Упрямец действительно добьется, что его уничтожат, какими бы волшебными возможностями он ни обладал. Удачи вам в этом трудном деле.

И полковник Леко вышел из каюты, где содержались пленники, по сути, виноватые лишь в том, что первыми установили тонкий мостик взаимопонимания с инопланетным монстром на уровне эмоций, на уровне доброго расположения к чужому одинокому существу.

Так как программа контакта и исследования феномена не исключала ядерного удара по атоллу, решено было сооружения на рифе не восстанавливать. Бригада обслуживания полигона, его охрана и командование расположились на кораблях военно-морских сил, чувствуя себя даже в большей безопасности, чем до этого на суше.

Пока военные устанавливали вокруг атолла десятимильную зону недоступности, организовывали наблюдение за лагуной, монтировали на кольце рифа телекамеры и научные приборы, Франсуа Толендаль и Натили пользовались относительной свободой, предоставленные сами себе. Их отпустили на риф, дали катер, запас продуктов, рации, и теперь они могли хоть по несколько раз в день наносить визиты Ифалиуку, тихо сидевшему в глубинах образованных ядерными взрывами воронок. Рос «бог лагуны» теперь медленнее,

но все же добавлял в сутки по два-три метра в диаметре, что заставляло невольно прикидывать его размеры по сравнению со скелетом предка. Если диаметр предка — двести с лишним метров — был пределом роста Ифалиука-младшего, лагуна атолла еще могла это выдержать, если же нет — никто не знал, что предпримет чудовищный пришелец, чтобы расширить свое жилище.

Если бы не постоянное назойливое сопровождение телекамер, Франсуа чувствовал бы себя прекрасно. Однако и к этим условиям он привык быстро и скованности в отличие от Натили не чувствовал. Обладая легким и веселым нравом, лейтенант унывать не привык, неудобства переносил по-философски спокойно, поэтому и девушка чувствовала себя с ним увереннее. Хотя оба они понимали, что миссия их может закончиться в любой момент ракетно-ядерным ударом по лагуне. Отвести этот удар они не могли, убедить генералов в ценности жизни вообще и «бога лагуны» в частности — тоже, поэтому все усилия направили на поддержание — даже не контакта или диалога — хрупкого мостика доверия между людьми и чужаком, способным сбивать самолеты с легкостью зенитного комплекса.

Ифалиук на вызовы-хлопки ладошкой по воде отвечал каждый раз все неохотнее, однако все же всплывал и подолгу смотрел на людей двумя длинными, светящимися желтизной, «кошачьими» глазами и третьим, щелевидным, мозаичным, без зрачков, который раскрылся у него на лобном бугре над рогами. Эти три глаза, по-видимому, были уже земным приобретением Ифалиука-младшего, потому что у старшего, погибшего миллионы лет назад, судя по сообщениям исследователей скелета, глаз не было вовсе.

— Какого дьявола он нас рассматривает? — сердился Толендаль. — Как будто сомневается, мы это или не мы. Лучше бы прислушивался к советам.

— Он все еще ждет, — отвечала Натили.

— Кого?

— Он ждет от нас какого-то поступка... или какой-то информации.

— Ну так спроси у него, чего он хочет.

— Я спрашивала. — На глаза девушки навернулись слезы. — Он отвечает, но я не понимаю.

— Как он отвечает? Мысленно, что ли?

— Я вижу разные картины... как во сне... но они какие-то все странные... чужие... целые потоки пересекающихся видений. Трудно разобраться.

— Почему же я ничего не вижу?

— Ты не веришь, вот и не видишь. Надо верить... и научиться медитировать.

— Этого мне только не хватало. — Толендаль опустил бинокль, через который разглядывал сложное, пластинчато-чешуйчатое тело Ифалиука. Он понимал, что девушка во многом права, но переломить себя внутри не мог. Все казалось, что это сон, что никакого «бога лагуны» не существует и, стоит только сделать усилие, — он проснется в своей комнатухе офицерского общежития на атолле с больной от похмелья головой. Однако «сон» тянулся и тянулся, и, видимо, проснуться Толендалю было не суждено. В конце концов он разозлился на себя и стал потихоньку следовать советам Натили, учиться медитировать, уходить в себя, прислушиваться к своим ощущениям. И о чудо! — уже на третий день сосредоточения он вдруг при очередной встрече с Ифалиуком отчетливо увидел черную, искрящуюся звездами пропасть космоса, глыбу зеленовато-голубой планеты и косо скользящую в ее сторону жуткую фигуру, составленную из четырех — с виду — фигур: на нижней, похожей на панцирную черепаху, раскорячился страшный, в пупырчатой броне динозавр, на котором, в свою очередь, сидели два таких же чудовишных, одноруких и одноногих урод в бликующих костяными или металлическими наростами доспехах! Вся эта вызывающая дрожь конфигурация достигла верхнего слоя атмосферы планеты, вспыхнула вдруг малиновым пламенем и распалась на три отдельные фигуры, и каждая из них по очереди нырнула в атмосферу, волоча за собой хвосты из пламени и дыма...

Видение закончилось вспышкой головной боли. Франсуа вскрикнул и очнулся.

— Что с тобой?! — кинулась к нему Натили. — Что случилось? Ты... увидел?!

Глядя перед собой расширенными глазами, держась за го-

лову, побледневший Толендаль облизал губы, потом, подчиняясь ласковым рукам девушки, лег на палубу, не отвечая на вызовы встревоженного дежурного.

— Ты что-то увидел? — шепотом повторила вопрос Нати-ли.

Франсуа кивнул. Краска постепенно вернулась на его щеки. Он снял с себя дугу с наушником и усиком микрофона, глянул в удивленно-недоверчивые глаза подруги.

— Ты была права, Тили... Ифалиук упал на Землю из космоса. Но он был не один...

— Я видела, их было четверо.

— Скорее трое, хотя я не разглядел того, в латах...

— Очень все страшные с виду, но я почему-то их не боялась.

Франсуа вспомнил облик «динозавра», содрогнулся, промычал:

— Да уж, милые такие зверьки! Неужели наш Ифалиук один из них?

— Ты сомневаешься?

— Я обязан сомневаться. Та «черепаша» не очень-то была на него похожа. Надо повторить эксперимент. Где малыш?

— Ушел в глубину. Мне в последнее время кажется, что он страдает.

— Может быть, голодает? Все-таки давно его не кормили радиацией взрывов. Надо попросить начальство, пусть устроит очередное испытание. Кстати, а что мне докладывать командиру?

Натили пожала плечами, села на корме, обняв по привычке колени руками, притихла. Ей давно надоела такая жизнь, отсутствие свободы, дружеской атмосферы, подруг, нормальных условий жизни. И если с отсутствием удобств она еще могла смириться, то к напряженно-казенному бытию привыкнуть не могла.

Толендаль взял с палубы рацию, в наушнике которой надрывался дежурный на авианосце, и сказал с раздражением:

— Прекрати орать, капитан! Все нормально, убитых нет. Наш малыш передал всем привет.

Не слушая ответа, Франсуа бросил рацию в шезлонг, подошел к Натили и обнял ее за плечи.

— Давай искупаемся? Я хочу нырнуть туда, к нему, побродить по его телу.

— Зачем?

— Сегодня я впервые услышал его передачу, а главное — кое-что понял. Надо сообщить ему об этом.

Натили, подумав, поднялась, они обнялись, постояли так немного, не думая о том, что на них пялятся телекамеры с рифа, и принялись надевать акваланги.

* * *

Полковник Леко не был допущен к исследованиям Несси-второго, но, будучи специалистом по ядерной физике и знатоком местных условий, отлично знавшим оборудование полигона, часто давал консультации начальнику наспех сформированной бригады по изучению «бога лагуны». А так как начальником стал не ученый, а представитель департамента безопасности полковник Пьер Гарнье, то Морис Леко консультировал его неохотно и скупно, в ответ получая брезгливо-высокомерные поучения и грубые шутки. Неудивительно, что отношения двух полковников стали холодными и если не враждебными, то натянутыми. Леко называл про себя Пьера Гарнье «спесивым надутым индюком», Гарнье, в свою очередь, не стеснялся при подчиненных называть Мориса «выскачкой» и «высоколобым обжорой», намекая на его худобу. Но обоим приходилось скрепя сердце участвовать в обсуждении совместных действий и решать задачи безопасности личного состава.

Когда штабу, сформированному из приезжих чинов и высших сановников правительства, надоело ждать результатов переговоров между посредниками и объектом изучения, последовал приказ провести очередное испытание в рамках прежней программы.

Леко понимал, насколько опасен эксперимент, однако обсуждать приказы не привык и начал готовить одну из уцелевших скважин к взрыву. Полковник Гарнье попытался вмешаться в подготовку, имея собственное мнение по вопросам безопасности, но получил отпор и затаил злобу, нашедшую выход в изоляции Толендаля и Натили от всех людей. Эта изоляция не имела никакого смысла, и Леко в общем-то

не собирался вмешиваться, но лейтенант и девушка были ни в чем не виноваты, подобного отношения не заслужили, и Морис в резкой форме потребовал отпустить посредников «для участия в эксперименте». Последовал крупный разговор двух полковников, едва не дошедший до рукоприкладства. Обоих вызвали в штаб, выслушали, и полковнику Леко мило-стивно разрешили забрать посредников под его ответствен-ность. Взгляд, которым его проводил полковник Гарнье, был весьма красноречив, но на это Морису было наплевать.

Зато в благодарность за освобождение Толендаль вдруг рассказал полковнику о своих «телепатических контактах» с Ифалиуком, чем весьма озадачил Леко и заинтересовал. На следующую встречу с «богом лагуны» они поплыли на катере втроем. Пока шла подготовка испытания, по акватории лагу-ны можно было передвигаться свободно.

Ифалиук отозвался на этот раз удивительно быстро, всплыв после первого же шлепка по воде.

Полковнику стало не по себе, когда монстр выставил из воды свой могучий лоб и уставился на него всеми тремя гла-зами, словно вопрошая: кто ты такой? Он продолжал смотре-ть на Леко и дальше, после того как Натили ласково заго-ворила с ним, представив Мориса как друга. А затем последо-вала передача, предназначенная явно не дилетантам в науке Толендалю и Натили, а профессионалу-физику. Ни Франсуа, ни девушка ничего не поняли, да и Леко не сразу врубился в смысл галлюцинации, потеряв сознание уже на пятой се-кунде контакта. Однако это не помешало ему впоследствии припомнить спектр скользнувших в сознание видений и сде-лать вывод, что он имеет дело не с разумным существом, а с посредником, связующим звеном неких разумных сил, зави-сящих напрямую от него, «бога лагуны». Но это случится по-том, а пока полковник Леко, потрясенный до глубины души, медленно приходил в себя и все пытался оттолкнуть от себя кого-то, пока не понял, что это руки Натили, протягивающие ему успокоительное.

Проглотив сразу три таблетки, Леко пришел в себя и схва-тился за бинокль. Но Ифалиук, сообщив все, что хотел, уже скрылся на дне воронки, светясь сквозь толщу воды нежным пластом серебра.

— Что вы видели, полковник? — заинтересованно спросил Толендаль, переглядываясь с Натили.

Леко отбросил бинокль, глубоко вздохнул, оглянулся. Лицо его, квадратное, морщинистое и бледно-пергаментное от природы, побледнело еще больше.

— Можешь называть меня просто Морис, лейтенант. Если бы вы взяли меня на встречу с Несси раньше, может, никаких конфликтов с этим космическим парнем не произошло бы. — Леко пожевал губами. — Впрочем, полигон — не лужайка в Пале-Рояле. Поехали на берег.

Франсуа включил мотор, катер заскользил к северному участку рифа, где работала инженерная бригада полигона.

— Никому ни слова о своих ощущениях, ребята! Ясно? Пока я не проверю кое-какие идеи.

— Вы придумали, как ему помочь, пол... э-э, Морис?

— Нет, не придумал. Но если... — полковник замолчал и больше не произнес ни слова. Он не верил, что ему удастся помочь чужаку уцелеть. Судя по действиям полковника Пьера Гарнье, единственным решением проблемы для него было уничтожение мешающего объекта, а не контакт или изучение феноменальных свойств пришельца.

* * *

Испытание ядерного устройства мощностью в двадцать килотонн окончилось появлением еще одной глубокой воронки в дне лагуны и разрушением части рифа. После чего дремавший до того исполин проявил вдруг странную активность, напав сначала на транспортный корабль с имуществом и оборудованием полигона, а затем сделав попытку нападения на авианосец.

Корабль водоизмещением в тысячу двести тонн Ифалиук потопил, но авианосец успел отойти на безопасное расстояние, использовав против монстра все свое оружие — от артиллерийских установок и торпед до ракет класса «борт — борт». Неизвестно, огонь ли авианосца остановил «бога лагуны» или он просто не решился далеко уходить от «родных пенатов», но напугал он командование изрядно. Особенно сильное впечатление произвела на штаб даже не погоня за авианосцем, а потопление транспортника, совершенное

Ифалиуком с легкостью кока, топящего в воде очищенную картофелину. Причем сделал это Ифалиук очень дипломатично, сначала пару раз толкнув посудину в бок, заставив команду эвакуироваться, а затем выпрыгнул из воды и всей массой обрушился на корабль, погребая его под собой.

Срочно было созвано чрезвычайное совещание командования, на котором генералы и руководители служб обсудили создавшееся положение. Больше всего времени и нервов потребовала дискуссия о мотивах поведения Несси-второго, на которой свое мнение высказал и полковник Леко.

— Все очень просто, — сказал он. — «Бог лагуны» хочет есть. Ему нужны либо взрывы, накачивающие его энергией, либо расщепляющиеся материалы. На транспортнике находились готовые к использованию ядерные заряды, вот он и напал на корабль, чтобы заполучить их.

— Но на авианосце-то нет зарядов, — перебил его полковник Гарнье.

— На авианосце есть атомный реактор, — отрезал Леко. — Прекрасная пища для Несси. Хорошо еще, что он по каким-то причинам не может покинуть атолл.

— А если все же решится выйти? — спросил прилизанный, как всегда, Люк Перри. — Что тогда?

Ответом было молчание.

После долгих дебатов штаб принял решение в последний раз послать к Ифалиуку парламентариев, а потом нанести по атоллу ядерный удар, если договориться с ним не удастся. Против этого решения протестовали полковник Леко и профессор Кюри, но их мнение в принципе никого не интересовало. Чиновники испугались последствий предполагаемого похода монстра по океанам и морям. Винить их в желании воевать в общем-то не имело смысла.

Снова лейтенант Толендаль и Натили очутились на катере в лагуне, давно потерявшей прежний мирный вид, со зловещими фиолетовыми пятнами воронок от взрывов, с растрескавшимся дном, с изменившимися очертаниями рифа, практически лишенного растительности. Но на этот раз с ними снова пошел полковник Леко, что придавало молодым людям уверенности и бодрости. Сам Леко далеко не был уверен в успехе переговоров, но держал свое мнение при себе.

Ифалиук всплыл только спустя час после первой попытки вызвать его пошлепыванием ладони по воде. Ракетно-торпедная пальба с авианосца с виду не оставила следов на его теле, и все же Морису показалось, что «бог лагуны» выглядит иначе, не так, как раньше. Вглядевшись в монстра, он понял, что Ифалиук-младший действительно изменил форму. Теперь он выглядел больше похожим на помесь гигантской черепахи и ската, обзавелся панцирем, двумя полукружиями плавников, острым копьевидным хвостом, а также двумя перепончатыми «ушами» по сторонам лобного вздутия. Зато у него исчезла бахрома шипов, ранее окружавшая все тело, отпали рога и удлинились глаза.

Полковник сглотнул ком в горле, внезапно осознав, что несколько дней назад Ифалиук показал ему свой собственный портрет. Вернее, «скульптурную композицию», в которой сам он занимал положение черепахи, послужившей основанием для «динозавра» и двух исполинов в сверкающих золотых доспехах. Сомнений не было. К тому же Морис вспомнил и разговор с контрразведчиком о появлении на территории ядерного полигона в Неваде какого-то «супердинозавра», очень похожего, судя по описанию, на второго члена «скульптурной композиции».

— Пресвятая Дева! — пробормотал полковник, ясно понимая, к о г о и м е н н о ждет Ифалиук в лагуне. Сел на палубу, чтобы не упасть на ослабевших ногах.

— Что с вами, Морис? — обернулся Толендаль, удивленный поведением полковника.

— Он не уйдет отсюда, — одними губами ответил Леко. — Нечего даже и пытаться уговорить его.

— Почему вы так думаете?

— Уверен.

— Франсуа, — вдруг позвала Натили слабым голосом.

Оба подскочили к ней, глядя на застывшего напротив гиганта, разглядывающего людей с каким-то странным выражением глаз. Эти глаза спрашивали, предостерегали и как бы плакали, налитые чужой, нечеловеческой тоской.

— Он хочет... чтобы мы ушли, — со слезами в голосе продолжала девушка. — И еще он хочет, чтобы мы нашли какого-то наездника и сообщили ему об Ифалиуке.

— Что за наездник? — осведомился Леко. — Как выглядит? Как динозавр?

— Нет, — покачала головой Натили. — Он такой... два туловища на одной... на одном... но две ноги...

Полковник снова вспомнил свое видение. Неужели два одноруких всадника на динозавре — на самом деле один двутелый и двухголовый урод?!

— Понятно. Спроси своего приятеля, где искать этого наездника.

Натили, запинаясь, обратилась к Ифалиуку, но тот, не спуская глаз с людей, медленно погрузился в воду и скрылся в глубине воронки. Леко только теперь заметил, насколько подрос «бог лагуны»: за прошедшие несколько дней его диаметр достиг не менее ста пятидесяти метров!

Натили беззвучно заплакала, глотая слезы, и Толендаль прижал ее к себе, хмуро поглядывая на воду.

— Ну и что теперь?

— Мне не поверят, — со вздохом ответил Леко. — Шансов спастись у этой одинокой твари нет.

— А если поискать наездника?

— Где вы будете искать его? На полигоне в Неваде вроде бы объявился какой-то громадный динозавр... но вдруг не тот? И как вы туда доберетесь?

— Подам рапорт... улечу в Австралию. Оттуда — в Америку...

— Не успеете. Рене уже отдал приказ о подготовке к пуску ракеты с ядерной боеголовкой. Конечно, Несси питается радиацией, но вряд ли способен переварить сразу столько энергии, что порождает ядерный взрыв. Он просто лопнет, испарится...

— Значит, выхода нет?

— Я так не сказал. Попробую уговорить штаб, но не думаю, что мне это удастся сделать. Для военных профи ваш скат — что бельмо на глазу, которое срочно надо удалить.

Натили перестала плакать, плечи ее вздрагивали. Франсуа среагировал на слова Леко более спокойно, однако и у него испортилось настроение. Один полковник мыслил трезво и хладнокровно, сам удивляясь своему внутреннему позыву помочь необычной твари и тому состраданию, которое вызы-

вала участь неземного исполина. До этого дня он не считал себя способным на такие сентиментально-интеллигентские порывы.

* * *

Полковник оказался прав: ему не поверили. Доказать штабу, что тот имеет дело не с агрессивным мутантом, а с составной частью некоего разумного комплекса, потерпевшего крушение над Землей в доисторические времена, не удалось. Не возымела успеха речь Леко и перед военными специалистами, привыкшими не фантазировать, а решать чисто прикладные задачи. После недолгих дебатов генерал Рене отдал приказ на уничтожение исполинского ската, и с борта авианосца стартовал к атоллу Муруроа штурмовик с ракетой «Марсо», снабженной ядерной боеголовкой мощностью в десять килотонн.

Весь многотысячный контингент специалистов, моряков, летчиков, официальных лиц, представителей организации «Гринпис», находящихся на кораблях разного класса и водоизмещения на площади в тысячу квадратных миль вокруг атолла, затаил дыхание, ожидая развязки разыгравшейся драмы. Однако развязка наступила раньше, чем самолет достиг зоны пуска ракеты, и не такая, какую ожидали планировщики бомбометания.

Под тихий возглас наблюдателей Ифалиук всплыл на поверхность лагуны, безошибочно определил местоположение самолета и сбил его с первого же выстрела. Только на сей раз это была не молния электрического разряда, уничтожившая недавно вертолет, а мерцающий звездами столб черного бурлящего дыма толщиной в полметра; лучом этот ровный дымный искрящийся пучок назвать не поворачивался язык.

«Мираж» стал разваливаться на горящие пронзительным жемчужным пламенем куски и упал в океан вместе со всем своим вооружением, в том числе и с ракетой «Марсо». В то же мгновение Ифалиук перепрыгнул через риф атолла, достиг места падения обломков, нырнул, несколько минут рыскал под водой в поисках ракеты и вернулся в лагуну.

Только после этого общий вздох вырвался из сотен грудей, наблюдатели и техники вспомнили о своих обязанностях,

в эфир хлынул водопад восклицаний, возгласов, оживленных переговоров и сообщений. А полковник Леко, наблюдавший за происходящим в каюте сторожевика в компании с лейтенантом Толендалем и Натили Нэсок, проворчал, расслабляясь:

— Похоже, нам дали небольшую передышку. Но горячие головы из спецслужб и минобороны на этом не успокоятся. Через пару дней они опомнятся и потребуют новой атаки, но теперь уже выберут игрушку помощней, что-нибудь вроде стратегической ракеты класса «земля — земля» или в крайнем случае ракеты с подводной лодки.

— Может быть, попытаться отыскать наездника, о котором «говорил» Ифалиук, на полигоне в Неваде? — неуверенно проговорил Толендаль. — Если меня не отпустят, я потихоньку сбегу на один из кораблей «Гринпис»...

— Тебя не выпустят без пули в спине. Нет, это попытаюсь сделать я, возможностей у меня побольше. — Полковник Леко выдул одним глотком банку пива, швырнул пустую в монитор и встал. — Адью, лейтенант.

— Но что делать нам? — в отчаянии заломила пальцы на руках Натили.

— Ваша задача — отвлечь на время внимание командования. Пообещайте этому куску дерьма Гарнье добиться непременно диалога с Ифалиуком, наврите ему с три короба, тяните время, общайтесь с вашим скатом, может, он что-нибудь подскажет. В общем, убедительно валяйте дурака, сколько сможете. Связь будем держать по лонг-рации через спутник, я достану для вас один экземпляр.

Леко легонько потрепал Натили по щеке, треснул Толендаль по спине широкой ладонью и вышел из каюты. Девушка и ее друг остались сидеть, глядя на закрывшуюся дверь.

В тот же день после настойчивых просьб принять его Франсуа был допущен к генералу Рене и полковнику Гарнье и сумел уговорить их, поражаясь своему красноречию, отпустить его с Натили в последний раз для контакта с «богом лагуны», который сумел найти в водах океана упавшую ракету, после чего она бесследно исчезла вместе с боевой частью из килограмма с небольшим плутония-237.

— Хорошо, идите, — сказал начальник полигона, не глядя

на лейтенанта. — Даю вам два дня. Кстати, спросите этого мерзкого урода, что он сделал с ракетой. Пусть лучше вернет.

— Да-да, пусть вернет, — поддакнул сытым голосом полковник Гарнье, ковыряясь в зубах. — Не то ему будет плохо.

Лейтенант подумал, что Ифалиук, наверное, давно использовал боевую часть ракеты, что на угрозы он не реагирует, но вслух говорить об этом не стал.

Через два часа после разговора с генералом Толендалю дали пятиместный катер с крохотной каютой на корме, телекамеру, магнитофон, фонари, осветительные ракеты и запас консервов на два дня. Натили заняла место на корме, возле люка в каюту, и Франсуа отчалил от борта сторожевого корабля, где находился все это время. Он знал, что полковник Леко убыл с корабля в неизвестном направлении и под неизвестным предлогом, но рация, которую он оставил Толендалю, пока молчала. Оставалось только ждать от него вестей.

Катер обогнул риф, нашел достаточно широкую протоку и по ней пробрался в лагуну, мирно отсвечивающую лазурью и пляжами с жемчужно-перламутровым песком.

Воронку с лежащим на дне Ифалиуком они нашли быстро, по указаниям наблюдателей, не сводящих стволы приборов и оптики с обиталища двухсотметрового исполина. Посидели на палубе катера, просто свесив ноги через борт, глядя в воду и думая о своем. Потом Натили искоса посмотрела на задумчиво-отрешенное лицо лейтенанта, сказала с виноватой улыбкой:

— Ты, наверное, меня ругаешь в душе, авун?

— За что? — поднял брови Франсуа.

— За то, что втянула в эту историю. Если бы я не рассказала тебе об Ифалиуке и не познакомила с ним...

— Все равно рано или поздно его обнаружили бы.

— Но ты бы не мучился со мной, выполнял бы свой долг, и все.

Франсуа притянул девушку к себе, поцеловал, глянул в ее черные, глубокие, печальные глаза.

— Кто сказал, что я мучаюсь? Все нормально, Тили. Я благодарен судьбе, что свела меня с тобой.

— Правда? — Глаза девушки вспыхнули, полные пунцо-

вые губы приоткрылись, и Франсуа не удержался от поцелуя, долгого и желанного для обоих.

Запищала рация. Толендаль с сожалением оторвался от девушки, засмеялся, представляя лица наблюдателей, поднес наушник рации к уху.

— Чем вы там занимаетесь, лейтенант? — донесла мембрана недовольно-брюзгливый голос полковника Гарнье.

— Обсуждаем план контакта с Ифалиуком, — ответил Франсуа, не моргнув глазом.

Динамик рации донес чье-то хихиканье, затем голос начальника полигона:

— Займитесь делом! В случае угрозы со стороны объекта убирайтесь прочь, с рифа вас снимет вертолет.

— Вертолет не понадобится, господин генерал. К тому же неизвестно, как на него отреагирует наш приятель.

Рене промолчал.

Толендаль выключил рацию, подмигнул Натили, откровенно любуясь ее грудью, кивнул.

— Ну что, коллега, начинаем?

Девушка улыбнулась, свесилась за борт и дважды звонко шлепнула ладошкой о воду.

Громада «бога лагуны» всплыла на поверхность через несколько минут. Подросший «малыш» помнил о своих друзьях среди людей и, несмотря на ракетно-бомбовые удары со стороны сородичей Натили, откликался на ее вызовы.

Два глаза Ифалиука остались такими же, как и прежде, разве что еще больше удлиннились, а вот третий превратился в «кратер вулкана» с блестящим черным зрачком на дне. Франсуа вдруг вспомнил дымно-звездный луч, сбивший самолет, и понял, что этот глаз «бога лагуны» на самом деле представляет собой какой-то неизвестный вид оружия.

— Скажи ему, что у нас всего два дня, — пробормотал Толендаль. — А потом, если он не перестанет нападать на корабли, его накроют более мощными ракетами.

— Он знает, — тихо сказала Натили. — Он не хочет больше встречаться с нами.

— Почему?

— Потому что это опасно... для нас. И еще он... — девушка не договорила.

Сзади на палубу катера вдруг ловко взобрался аквалангист в необычном блестящем костюме, за ним второй. Оттолкнув Толендаля, первый бросил в черный глаз-кратер Ифалиука блеснувший металлом предмет, а второй рывкнул, сбивая с ног Натили:

— Ложись!

Блестящий предмет вонзился в глаз «бога лагуны» и взорвался, оказавшись гранатой с мощным зарядом. Сноп огня ударил фонтаном вверх, породил три ярких огненно-дымных языка, и тут же раздался еще один взрыв, глуше, но массивнее, тяжелее. От него сотряслось все тело Ифалиука, а вместе с ним и вода в лагуне.

Катер отшвырнуло прочь от этого места на несколько метров, аквалангистов и Толендаля с девушкой снесло с палубы, как пушинки, и это их спасло. Непередаваемо низкий, уходящий в инфразвук, рев прокатился над лагуной — крик Ифалиука, хотя было непонятно, как он кричал — без рта, а затем во все стороны от его тела рванули десятки змеящихся желто-зеленых молний, испарили катер, искромсали уцелевшие кое-где пальмы на рифе и пробили в самом рифе десятки брешей, окончательно разрушая атолл...

Толендаль и Натили пришли в себя уже на палубе быстроходного спасательного глиссера, уносящего их от атолла Мууроа. Девушка закричала, с плачем стала вырываться из рук морских пехотинцев, глядя на отдаляющуюся полосу раздробленного на куски рифа, потом застыла в объятиях Франсуа.

Через несколько минут глиссер подняли на борт сторожевика, лейтенанта и девушку проводили в каюту, но Толендаль уперся, не желая заходить.

— Мне надо поговорить с генералом Рене, это очень важно.

— Не велено, — сказал мордастый молодой парень с лихо сидящим на голове голубым беретом. — Ждите.

— У меня важное сообщение...

— Проходи, — морпех подтолкнул Франсуа к двери каюты, в которой уже скрылась безучастная ко всему Натили, и тогда лейтенант без замаха въехал локтем в солнечное сплетение мордоворота и добавил рубящий удар по толстой шее. Пехотинец с грохотом рухнул на гофрированный пол коридора.

Его напарник у трапа оглянулся, рванул было с плеча автомат и замер, глядя в зрачок автомата, который направил на него Толендаль.

— Я вас тут всех положу, мальчик, — проникновенно сказал Франсуа. — Иди и доложи командиру, что я хочу поговорить с генералом Рене. Понял?

Пехотинец, знавший лейтенанта в лицо, кивнул.

— Иди.

Проследив за парнем, Франсуа заглянул в каюту.

— Тили, я сейчас вернусь, выясню, что там и как. Не выходи из каюты.

— Ты думаешь, он жив? — Девушка подняла на лейтенанта печальные глаза, имея в виду Ифалиука.

— Конечно, жив, ему не страшны даже бомбы, а тут была одна граната.

— Но он кричал!

— Я бы тоже закричал на его месте. Граната все же не комариный укус. Но я уверен, что Ифалиук жив. Узнаю и придю, жди.

Франсуа закрыл за собой дверь каюты и стал ждать возвращения морпеха, напарник которого начал подавать признаки жизни.

За ним пришли через пять минут трое мощных лбов с автоматами и командир подразделения, которым оказался Бунгвиль.

— Ну и влип ты, красавчик! — зловеще ухмыльнулся он. — Придется тебя снова отправить на губу, приказ майора. Так что извини, но...

В ту же секунду Франсуа дал очередь вдоль коридора, рванул к себе приятеля, перехватывая его руку и упирая в бок ствол автомата. Сказал, отступив к стене:

— Ребятки, зовите майора, иначе я из него сделаю красивый труп. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю. Не так ли, Жорж?

Один из морских пехотинцев, знавший Толендаля, кивнул. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Тогда беги за майором, а то обмочится парень.

Двое из «дубленных загривков» потрусили по коридору к трапу и исчезли. Из кают по обе стороны коридора начали выглядывать привлеченные шумом матросы, появился стар-

пом корабля, но вмешиваться не стал. Через пять минут появился хмурый командир батальона майор Леблан.

— Что бузишь, Толендаль? Что за концерт ты тут устроил?

— Мне надо поговорить с генералом, — шепотом сказал Франсуа, успокаивающе махнув рукой выглянувшей Натили. — Это очень важно. И если вы меня не отведете к нему, меньшее, что вас ждет — это разжалование!

— Не пугай, — усмехнулся чем-то похожий на лейтенанта майор, посмотрел на морских пехотинцев. — Опустите пушки, парни. Пошли, лейтенант.

Они вышли на палубу, спустились в катер и вскоре подошли к авианосцу, на котором расположился со своим штабом генерал Рене.

В каюте генерала находилось еще трое человек: представитель Комитета по внешней оборонной политике, полковник Гарнье и работник контрразведки, прилизанный, мышинного вида, с неприятной ухмылкой на бледных губах. Франсуа уже знал, что его зовут Люком Перри. Удобно расположившись в шезлонгах вокруг телемонитора, они беседовали и пили пиво. Франсуа непроизвольно облизнул пересохшие губы, но никто из присутствующих не догадался предложить ему чего-нибудь выпить.

— Слушаю, лейтенант, — глянул на него генерал Рене, сухой, загорелый, с ледяными глазами и ниточкой усов. — Мне доложили, что вы устроили настоящую войну, чтобы встретиться со мной. В чем дело? Что вы хотите сообщить?

— Что с Ифалиуком?

— Вы имеете в виду ската? К сожалению, цел и невредим, по обыкновению лежит на дне. Посбивал, кстати, все телекамеры на атолле, отогнал катера... В общем, мы имеем полное право принять адекватные меры, уничтожить его, как опасное агрессивное животное.

Толендаль с недоверием посмотрел на генерала, потом на полковника Гарнье.

— Но вы же первые напали! Кто придумал бросить гранату в его глаз? Зачем?

Присутствующие в каюте переглянулись.

— Вы, собственно, зачем сюда явились? — ледяным тоном осведомился полковник Гарнье. — Адвокаты монстру не нужны. Говорите, что хотели сказать, или убирайтесь.

— Хорошо, я скажу. — Толендаль глубоко вздохнул. — Генерал, Ифалиук передал, что, если вы попыгаете атаковать его ракетами с более мощным зарядом, чем прежде, он ответит адекватно. Авианосец вас не спасет.

— Он так прямо и сказал? — усмехнулся бледными губами контрразведчик.

Франсуа посмотрел на него.

— Это случайно не ты предложил бросить гранату, слизняк?

— Но-но, лейтенант, не забываетесь! — загремел генерал, сдвигая брови.

— Ну, я, — снова растянул в улыбке губы Люк Перри, с превосходством и жалостью посмотрев на Толендаля. — И что из этого следует?

— Ничего, — сжал зубы Франсуа, поворачиваясь, чтобы выйти, потом вдруг прыгнул в глубину каюты и в прыжке ударил улыбающегося контрразведчика ногой в лицо. Прилизанный молодой человек улетел в угол вместе с шезлонгом, сбив экран телемонитора, генерал и полковник Гарнье вскочили, но Толендаль не собирался драться со всеми присутствующими в каюте. Уронив руки, он остановился посреди каюты и вспомнил слова Натили: «Он не хочет больше встречаться с нами, потому что это опасно... для нас». Вероятно, Ифалиук знал, чем в конце концов закончится его контакт с людьми.

* * *

Он проснулся от того, что по щеке проползло что-то мокрое и холодное, как улитка. Не открывая глаз, прислушался. В трюме сторожевика, где располагался бункер гауптвахты, было тихо, но рядом слышалось чье-то легкое дыхание. Снова щеки коснулось что-то прохладное... женская ладонь!

Франсуа открыл глаза и рывком сел на привинченной к стене койке. В скудном свете, сочившемся в помещение из щели под дверью, блеснули глаза Натили, на губы лейтенанта легли ее пальцы, к уху приблизились горячие губы:

— Мне удалось уговорить охранника... он теперь спит. Пошли отсюда.

— Куда? — спросил шепотом Толендаль, натягивая на се-

бя помятый офицерский костюм; спал он из-за жары и духоты в одних плавках.

— Катер готов, стоит под кормой. Надо попасть в лагуну.

— Зачем?

— Утром с подводной лодки по атоллу будет запущена ракета с ядерной боеголовкой. Надо предупредить Ифалиука, он успеет уйти на момент залпа.

— Ты с ума сошла! После того инцидента с гранатой он не подпустит нас на пушечный выстрел!

— Я могу поплыть одна, оставайся.

Франсуа покачал головой, удерживая руку Натили, притянул ее к себе и, несмотря на сопротивление, поцеловал.

— Нет, ты все-таки сумасшедшая!

Стараясь не производить шума, они выскользнули в трюм, поднялись по трапу наверх, обошли сидящего на полу в глубокой задумчивости охранника и шмыгнули по палубе мимо артиллерийской установки к корме. Ночь была безлунная, никто их не увидел.

Спустились по канату на палубу скоростного глиссера, вытравили шкот, оттолкнулись, и Толендаль начал бесшумно грести специально подготовленными веслами.

Шум на сторожевике начался, когда они отплыли метров на двести. По палубе забегали люди с фонарями, раздалась команда, загорелся прожектор на корме. Тогда Толендаль включил двигатель и уже не таясь погнал глиссер напрямик к атоллу, располагавшемуся в трех милях к северу. Натили подсказывала курс, хорошо ориентируясь на море ночью.

Их не преследовали и стрелять по глиссеру не стали. То ли командиры решили дожидаться утра, а потом выловить беглецов в лагуне, то ли имели другие цели. Таким образом Толендалю и девушке никто не мешал миновать риф и войти в лагуну. Проплыв еще с милю, лейтенант остановил свой быстороходный катер.

— Ну и что мы будем делать дальше?

— Ничего, — серьезно ответила девушка. — Звонил полковник Леко...

Франсуа присвистнул. Он совсем забыл о рации, которую им оставил Морис.

— Рация у тебя?! Что он сказал?

— Он сейчас на полигоне в Неваде. Дела там обстоят при-

мерно так же, как и у нас: динозавров двое и их хотят уничтожить. Но он надеется все-таки выйти на них и рассказать об Ифалиуке. Велел нам держаться, тянуть время...

— Как же, потянешь тут время. — Толендаль сплюнул, оглядывая звездное небо. — Завтра Рене выбросит десант, выловит нас и сбросит ракету...

— Пусть попробует! — В голосе Натили послышались гневные нотки. — Я попрошу Ифалиука помочь... десант здесь не высадится. А мы будем сидеть и ждать, сколько хватит терпения, пока Леко не даст команду уходить. Пусть осмелеются пустить ракету или сбросить бомбу на нас.

Франсуа хмыкнул, прошелся по шаткой палубе глассера на корму, где сидела девушка, присел рядом.

— А если они осмелеются?

— Тогда мы умрем.

Толендаль снова хмыкнул, потом засмеялся, лег на палубу, раскинув руки и глядя на крупные звезды.

— Хотел бы я видеть рожи генерала, полковника Гарнье и этого мерзавца, Перри! Ты не боишься... умереть?

Натили нагнулась к нему, погладила кончиками пальцев грудь, подбородок, щеки, губы, прильнула к нему всем телом.

— Не боюсь. А ты?

— Я тоже... — пробормотал лейтенант, крепче обнимая подругу, жизнь без которой стала ему не мила.

И звезды закружились вокруг них...

Драма 3

КОНИ

Кемпер позвонил в семь утра, когда Алиссон еще спал.

— У телефона, — буркнул Алиссон, сцапав трубку с аппарата со второго захода.

— Привет, Норман, — раздался в трубке далекий голос Кемпера. — Спишь, наверное, как сурок?

— Хелло, Вирджин! — отозвался Алиссон, улыбаясь во весь рот, сел на кровати. — Рад тебя слышать, старина. Ты, как всегда, звонишь в самый неподходящий момент. Откуда свалился на этот раз?

— Я в Неваде, есть тут такое райское местечко — городок Тонопа, слышал? Жара под пятьдесят, вода на вес золота, женщины еще дороже. Но не в этом дело. Ты сможешь прилететь ко мне через пару дней?

Сон слетел с Алиссона окончательно.

— Брось разыгрывать. — Норман не выдержал и засмеялся. — Хватит с меня прошлого раза, когда ты прислал мне целый «скелет диметродона».

Кемпер хихикнул в ответ, но продолжал вполне серьезно:

— «Скелет» я сделал что надо, хотя и не без помощи твоего приятеля Стива, даже ты поверил, профессионал. Но сейчас иной разговор. Да и не в настроении я, честно говоря, приглашать друга за тысячу миль для розыгрыша. Ты же знаешь, я работаю на полигоне и сверху высмотрел кое-что любопытное, даже сенсационное. Короче, прилетай, по телефону всего не расскажешь. Перед отлетом позвони, я встречу. — Кемпер продиктовал шесть цифр, и в трубке зачирикали воробьиные гудки отбоя.

Алиссон автоматически записал номер телефона, положил трубку, посидел с минуту, потом лег. Но сон не приходил.

Вирджин Кемпер был летчиком на службе¹ и второй год работал в отряде ВВС, обслуживающем ядерный полигон в Неваде: фотометрия, киносъемка, радиационный контроль. Ему шел тридцать третий год, и парень он был серьезный, хотя и с хорошо развитым чувством юмора. Случай, о котором вспомнил Алиссон, произошел в прошлом году: Кемпер прислал Норману громадный ящик, в котором находились якобы части «скелета диметродона» — древнего спиннопарусного ящера. Алиссон работал в Пенсильванском институте палеонтологии и археологии и был специалистом по мелу, то есть по меловому периоду мезозойской эры. Посылке он обрадовался, но «скелет» оказался довольно искусной подделкой, раскрывшей талант Кемпера в части розыгрышей. Однако одно дело — прислать «останки ископаемого динозавра» по почте, и другое — приглашать друга-палеонтолога на другой конец материка за тридевять земель в гости для демонстрации какой-то сенсационной находки. Не мог же Вирджин шутить

¹ Гражданские лица могут работать в армии США по найму.

так непрактично: на один только билет от Питсбурга до Тонопы придется ухлопать три-четыре сотни долларов. Что же он там увидел в пустыне?

Алиссон занялся завтраком, потом позвонил Руту Макнивену:

— Салют, холостяк! Хорошо, что тебя можно застать дома хотя бы по воскресеньям. Мне нужен отпуск за свой счет, примерно на неделю, может быть, две.

В трубке раздался смешок заведующего лабораторией.

— А место на Арлингтонском кладбище тебе не нужно? Могу уступить свое, — Макнивен шутил часто, но не всегда удачно. — Ты что, решил жениться второй раз?

— Нечто в этом роде. Еще мне нужны дозиметр, счетчик Гейгера и аптечка.

Тон Макнивена изменился:

— А как я объясню это директору? Если ты собрался в экспедицию, действуй официальным путем.

— Официальным не могу, мне надо навестить приятеля, срочно. Придумай что-нибудь, завтра в десять я должен быть в аэропорту. Спасибо, Рут!

Не давая Макнивену опомниться, Алиссон нажал рычаг и начал обзванивать соответствующие службы по бронированию мест на самолет и доставке билетов на дом. Затем нашел карту штата и углубился в изучение географии окрестностей Тонопы. Если уж он брался за дело, то готовился к нему основательно, с тщанием опытного, битого не раз человека, закаленного многими жизненными передрягами.

Он был старше Кемпера на три года, но склонность к риску, даже порой с оттенком авантюризма, проглядывала в его облике так четко, что в свои тридцать пять Алиссон выглядел студентом, а не доктором палеонтологии и археологии с восьмилетним стажем. «Мальчишеский» вид уже не раз сыграл с Норманом злую шутку, в том числе и в браке, когда на третьем году супружеской жизни жена вдруг вознамерилась командовать им, упрятать «под каблук», по выражению Кемпера, из-за чего и произошел раскол семьи. Тем не менее Алиссон не потерял ничего из того, что ценил: независимость, самостоятельность, тягу к приключениям и мальчишескую улыбку.

В понедельник утром Алиссон упаковал в саквояж дозиметры, щупы, пинцеты, молоток, нож, набор пакетов и в десять утра вылетел на «Боинге-747» компании «Эйр Пенсильвания» в Лас-Вегас, откуда самолет местной линии за два часа без происшествий доставил его в Тонопу.

Кемпер ждал его возле трапа, загорелый, худой, улыбающийся ослепительной улыбкой киноактера. Волна выгоревших до желтизны волос падала на его жилистую шею, скрывая старые шрамы. Одет Вирджин был в летный комбинезон, сидевший на нем как собственная кожа.

Они обнялись.

— По норме полагалось бы отвезти тебя сначала в отель, — сказал Кемпер, отбирая саквояж Алиссона и показывая рукой на стоящий неподалеку джип. — Садись, это наша. Но у меня изменились обстоятельства. Сейчас мы поужинаем, ты расскажешь о себе — и в путь.

— То есть как в путь? — Ошеломленный Алиссон безропотно дал усадить себя в машину. Кемпер сел рядом, и джип резво побегал по бетонному полю к левому крылу аэропорта — длинному бараку из гофрированной жести.

— У нас с тобой всего два дня плюс сегодняшний вечер на все изыскания. В среду намечается очередное испытание... э-э, одной штучки...

— Не мнись, что вы там взрываете?

Кемпер засмеялся, останавливая машину так, что Алиссон едва не проломил головой ветровое стекло.

— Всего полсотни килотонн под названием «Тайгершарк» и, что главное, совсем недалеко от того места, куда я тебя везу на экскурсию, милях в двадцати. Поэтому-то и надо потопиться.

Они спустились в полуподвал и поужинали в столовой для летного состава аэропорта, рассказывая друг другу последние новости.

— Ну, а чем конкретно ты занимаешься в настоящее время как ученый? — поинтересовался Кемпер, не страдающий отсутствием аппетита ни в молодые, ни в зрелые годы.

— Пишу трактат о пользе вреда, — булькнул куриным супом Алиссон. — Причем уже второй.

— А без шуток?

— Я вполне серьезно: занимаюсь теорией пользы вреда. Ты уже слышал, наверное, что динозавры вымерли около трехсот миллионов лет назад?

— Ну, раз их нет сейчас, то, очевидно, вымерли.

— Есть несколько гипотез, определяющих причины регрессии рептилий: вспышка сверхновой звезды недалеко от Солнца, долгая галактическая зима — из-за попадания Земли в полосу пыли, накопление ошибок в генетическом коде и так далее. Все эти факторы нанесли непоправимый ущерб фауне и флоре нашей планеты, не так ли? Ну, а я пытаюсь доказать, что такой вред чрезвычайно полезен для эволюции приматов и вообще прогрессирующих форм жизни.

— По-моему, это ерунда.

— Истина ничуть не страдает от того, если кто-нибудь ее не признает, как сказал Шиллер. Ты его не знаешь.

— Откуда я могу знать твоих сотрудников? Я не о том, просто можно было бы найти проблему поинтересней. Правильно я тебя оторвал от рутины, чувствую — сохнешь на корню в тиши кабинета. Вон даже морщины на лбу появились... от усилий сохранить умное выражение лица.

— От такого слышу. — Алиссон улыбнулся. — Раз шутишь, значит, дела твои идут неплохо. А за то, что вытащил из города, спасибо, я действительно никуда в последнее время не выезжал. По теории моего непосредственного босса Макнивена город наносит организму человека комплексную травму, и надо бывать в нем как можно реже. Так ты мне скажешь, наконец, зачем вызвал? Я еще не миллионер, чтобы ни за что ни про что выкладывать триста шестьдесят долларов за перелет из Питсбурга в Тонопу.

— Миллионы нас ждут в пустыне, увидишь сам. — Вирджин расплатился за ужин, и они снова залезли в джип.

Самолет Кемпера стоял в ангаре под охраной мрачного капрала ВВС предпенсионного возраста. Вирджина здесь знали, и проблем никаких не возникло, никто даже не спросил, кто с ним летит, и куда, и по какому поводу. Алиссон оглядел самолет: моноплан фирмы «Локхид» с выпирающим брюхом и блямбой на носу — локатором в обтекателе, а также с дюжиной контейнеров на подвесках под крыльями.

Кемпер помог другу устроиться в кабине за сиденьем пилота, и через двадцать минут они взлетели в сторону низко опустившегося солнца. Алиссон и сам не любил проволочек, ожидания и размеренного ритма бытия, но и он был поражен тем, как быстро Вирджин принимает решения и, главное, претворяет их в жизнь.

* * *

Алиссон не слышал, как их самолет дважды окликали по радио посты радиолокационного охранения полигона, борясь с внезапно забастовавшим организмом: хотя Норман был физически крепок и вынослив, но и его вестибулярный аппарат в результате десятичасового пребывания в воздухе начинал барахлить. Справившись с «вестибуляркой», Алиссон задумался над глубокой философской проблемой: какая причина побудила его принять участие в очередной аванюре Кемпера. Дружили они с детства, и всегда заводилой во всех компаниях и похождениях был Вирджин.

Они почти не разговаривали, хотя Кемпер дал шлем с ларингофонами и пассажиру. Лишь когда солнце зашло и внизу перестали встречаться огни — свидетели вторжения человека в жизнь гористой пустыни Невада, Вирджин окликнул палеонтолога:

— Не уснул, старина? Скоро будем на месте. Я там давно высмотрел неплохую ровную площадку и на своем «ишаке» сяду даже с закрытыми глазами, так что не дрейфь.

— А я думал, что придется прыгать с парашютами, — меланхолически пошутил Норман.

Кемпер фыркнул.

— За всю жизнь я прыгал с парашютом всего два раза, третий был бы лишним. Смотри вниз, вправо по борту градусов десять.

Алиссон напряг зрение и через минуту в хаосе коричнево-черных бугров и рытвин под самолетом разглядел маленькое облачко зеленовато-желтого свечения.

— Что это?

— То самое, из-за чего я оторвал тебя от комфортного туалета. Держись крепче, сейчас немного протрясет.

«Ишак» резво завалился влево, нырнул вниз, земля и ве-

череющее небо поменялись местами, но ненадолго. Когда Алиссон сориентировался, самолет уже катился по твердому грунту, подпрыгивая на неровностях почвы, вонзая вперед столбы прожекторного света. Остановился, пробежав метров двести. Кемпер выключил моторы, и наступила пульсирующая тишина.

— Жив, орел?

— И весел, — вяло пошутил Норман.

— На место пойдем завтра. — Вирджин снял шлем и оглянулся. — Э, да ты совсем квелый, парень. Посиди здесь, пока я поставлю палатку.

— К черту, — сказал Алиссон, проведенный в воздухе в общей сложности одиннадцать часов с лишним. — Я способен уснуть и так. Разбудишь завтра к вечеру... а еще лучше послезавтра. Что там светилось так красиво? Радиация?

— Фон, конечно, выше, чем везде в пустыне, кроме «нулевых точек»¹, но в костюмах, которые выдаются всему летному составу полигона на время испытаний, пройти можно. Отдыхай и не забивай голову вопросами, сам все увидишь, оценишь и пощупаешь.

Алиссон кивнул и провалился в сон, как в пещеру. Он не проснулся даже тогда, когда Кемпер перенес его из кабины в палатку и впихнул в спальный мешок, сняв только мокасины.

* * *

Летчик поднимался первым, и Алиссон видел только склон горы и подошвы его сапог. Оба обливались потом, обложенные в блестящие антирадиационные балахоны с яйцевидными шлемами, несмотря на включенные системы терморегуляции. Идти мешали россыпи крупных и мелких валунов, собиравшиеся в длинные моренные гряды.

Солнце еще не встало, но было уже светло, рассвет в горах занимался рано. Воздух на высоте полутора тысяч метров был прозрачен и чист.

— Не понимаю, — пропыхтел Алиссон.

— Ты о чем? — обернулся Кемпер.

¹ Места подземных ядерных взрывов.

— Не понимаю, зачем ты меня сорвал с места. По горам я мог бы ползать и у себя дома. Здесь нужны сильные ноги, а не умная голова.

— Не спеши, умник, уже немного осталось. Если бы не эти камни, мы были бы на месте давно.

— Это не камни — дропстоны.

— Что-что?

— Эрратические валуны.

— Не объясняй их через игрек. Какие валуны?

— Принесенные и обточенные ледником. Видимо, ледник был мощный и растаял недавно — пару десятков тысяч лет назад.

— Для меня недавно — пару часов назад.

Кемпер взобрался на гребень перевала и показал вниз:

— Вот оно, чуть ниже, прошу любоваться.

Алиссон остановился рядом, перевел дух.

С этой стороны склон горы без единого намека на растительность уступами спускался в долину древнего водного потока — сейчас там струился ручей с густой коричневой водой, а на площадке первого уступа располагался длинный каменный вал необычной формы с выступающими из камней толстыми дугами и остроконечными столбами серебристо-белого цвета. Что-то он напоминал, этот вал: смутные ассоциации зароились в голове Алиссона — где-то он видел нечто подобное, странно знакомое и волнующее. Он достал бинокль, подкрутил окуляры.

Кемпер шелкнул футляром дозиметра.

— Фон вполне сносный — семнадцать рентген. Вблизи будет около тридцати, но я долго прохлаждаться там не собираюсь, покажу кое-что и назад. Отсюда, кстати, видно лучше. Ну, что тебе напоминает эта осыпь?

— Кладбище динозавров! — сообразил наконец Алиссон, у него даже дух захватило. — И ты молчал?!

— Во-первых, мог бы и сам догадаться, что я не поволоку палеонтолога в горы любоваться рассветом, а во-вторых, здесь почил всего один экземпляр, а не стадо динозавров.

Алиссон хмыкнул скептически, но чем дольше рассматривал останки, тем больше убеждался, что Вирджин прав. Перед ним лежал наполовину забитый землей и камнями скелет

чудовишного, неизвестного науке гиганта, достигавшего в длину никак не менее двухсот метров! Колосс лежал на спине, раскинув лапы, — их было почему-то пять, как показалось Алиссону, — и откинув голову назад, почти полностью скрывавшуюся в земле. Форма конечностей была в общем-то понятной, мало отличающейся от известных Алиссону форм скелетов древних пресмыкающихся, но все же хватало и деталей, назначение которых было неизвестно палеонтологу с первого взгляда. И еще пятая конечность, не хвост — хвост был виден — сорокаметровой длины, из позвонков размером с человеческую голову, с шипами, раздваивающийся на конце, а именно скелет лапы, странной, напоминающей скелет зонтика.

— Вот это да-а! — сказал наконец Алиссон, опуская бинокль. — С ума можно сойти! Удружил ты мне, ничего не скажешь! Или это потрясающее открытие, сенсация века, или снова твои шутки.

Кемпер засмеялся.

— Как говорил Дидро: неверие — первый шаг к философии. Скептицизм — худшее из мировоззрений, хотя, с другой стороны, ученый обязан быть замешан на изрядной доле скепсиса. Пошли, покажу главное.

Они опустились на сто метров ниже и приблизились к полузасыпанному, вернее, наполовину вылупившемуся из почвы скелету отжившего свой век исполина. Обошли кругом, прислушиваясь к треску счетчика Гейгера в руке Вирджина: радиация вблизи скелета достигала сорока четырех рентген в час.

Цвет костей был или серебристо-серым, или белым, словно они были покрыты инеем, но пальцы Алиссона в перчатке защитного комбинезона ощутили твердый монолит, похожий на гофрированную сталь. Кемпер остановился возле пятиметрового бугра с тремя ямами, расположенными на одной линии, стукнул в макушку бугра кулаком.

— Череп полностью в земле, придется очищать. Чувствуешь, какая громадина? Что тебе ковш двадцатитонного экскаватора!

Алиссон с дрожью в коленях погладил торчащий из-под

каменной осыпи снежно-белый шип, похожий на бивень мамонта.

— Что-то не припомню подобных находок... да и не знаю, могли ли такие гиганты жить на Земле, он же должен был весить не менее тысячи тонн! Как он себя таскал?

Кемпер пожал плечами.

— Спроси у него самого. Факты — упрямая вещь. А теперь загляни сюда. — Летчик взобрался на груды камней, протиснулся между двумя изогнутыми столбами и посторонился, пропуская палеонтолога вперед. Счетчик Гейгера, засунутый им в карман, заверещал сильнее.

Алиссон остановился на краю громадной ямы, окруженной частоколом наклонившихся серебристых столбов — это явно была грудная клетка исполина, внутри которой свободно уместился бы железнодорожный вагон. В центре ямы, глубина которой достигала семи метров, среди крупных и мелких камней выдавались три граненых глянцево-черных кристалла, заросших щетиной отсвечивающих серебром шипов. Над ними струилось марево нагретого воздуха, словно они были металлическими болванками, вынутыми из электропечи после нагрева. Макушки двух кристаллов были срезаны, открывая взору отблескивающие зеленым внутренности. У Алиссона внезапно родилось ощущение, что эти черные «кристаллы» — живые, и он сглотнул ставшую горькой слюну.

Кемпер отобрал у него фотоаппарат, сделал несколько снимков и завернул аппарат в освинцованную пленку.

— Давай за мной вниз, самое интересное там, у этих яиц, но задерживаться возле них нельзя — там рентген восемьдесят, если не больше, наши «пингвины» такую радиацию долго не удержат.

Они спустились в яму, прыгая с камня на камень, пот заливал глаза, но вытереть его мешало стекло гермошлема. Температура воздуха в яме держалась на уровне семидесяти градусов по Цельсию.

Кемпер подошел к одному из многогранников, поверхность которого украшал рисунок трещин, нагнулся к срезу, заглянул и тут же уступил место Алиссону. Тот наклонился над горячим щетинистым срезом «кристалла» и остолбенел. «Кристалл» на самом деле оказался верхним концом огром-

ного яйца, заполненного прозрачно-желтым желе, в котором плавал «желток» — светящийся нежно-зеленым светом, свернувшийся в комок... зародыш! Из переплетения каких-то жил, крючьев, лап и перепонок на Нормана глянул пристальный немигающий глаз!

Алиссон сглотнул комок в горле и с трудом оторвал взгляд от этого странного, завораживающего, не человеческого, да и не звериного, а скорее птичьего глаза, в котором, однако, пряталась не то мука, не то смертельная тоска.

— Идем отсюда, — потянул летчик Алиссона за рукав. — Потом придем еще раз с лопатами и кинокамерой, возьмем образцы.

Палеонтолог словно в ступоре последовал за ним, но на полдороге к подъему из ямы вернулся и еще раз заглянул внутрь чудовищного яйца — теперь было совершенно очевидно, что это именно яйцо с живым зародышем! Как специалист, Алиссон знал, что его коллеги не раз находили яйца динозавров, но окаменевшие, утратившие прежние качества и материальный состав, однако живых яиц не находил никто, он был первым...

— Я не хотел заявлять об этом один, — сказал Кемпер, когда они выбрались наверх, на уступ, и смотрели на останки монстра. — Да и времени, честно говоря, не было, второй месяц испытания идут одно за другим, передохнуть некогда. Мой напарник заболел, и я срочно позвонил тебе. Кстати, когда я нашел скелет, яйца были целые, дырки в них появились только неделю назад.

— И ты никому ничего не говорил?

— Какой смысл? Здесь никто не ходит, никто не летает, кроме спецбригады обслуживания полигона, так что сохранность тайны обеспечена, и денежки за сенсацию все наши. Интересная зверюга была, а? И радиация ей нипочем!

— Похоже, она сама была радиоактивна, радиация полигона тут ни при чем. — Не обращая внимания на стекающий по лицу пот, Алиссон снова достал фотоаппарат и доснял пленку до конца. — Любопытно, что помогло скелету выбраться на белый свет? Судя по базальтам, это ларамийская складчатость, конец мела — начало палеогена...

— Оползень, — сказал Кемпер. — Все четыре уступа обра-

зованы оползнями, последний и вскрыл скелет. Это же полигон, каждый взрыв трясет землю не хуже, чем природная стихия.

— Мезозойская эратема, — бормотал Алиссон, не слушая друга; он все еще находился в трансе. — Фанерозой... ни триас, ни юра, ни мел не могли породить таких гигантов... совершенно невозможная вещь!.. Даже бронтозавры не могли жить только на суше, как и сейсмозавры, и большую часть жизни проводили в воде, а ведь весили они всего-навсего около сотни тонн... Понимаешь?

Кемпер развернул палеонтолога спиной к своему открытию и повел, упирающегося, обратно к самолету.

— Рад, что тебе интересно, но пора и отдохнуть.

— Радиация... — продолжал бормотать Алиссон. — Может быть, все дело в радиации? Просто перед нами результат мутации, обособленная экологическая ниша? Чем не гипотеза? Впрочем, любое живое существо на Земле должно быть приспособлено к ее гравитации, это закон. Что ж, выходит, этот провозвестник апокалипсиса не подчинялся законам физики? Как он таскал свое тысячетонное тело? Никакие мышцы не в состоянии этого сделать и никакие кости не выдержат такой вес!

— Снова ты о своем. Вот же он, перед тобой, можно пощупать руками. У него кости словно из металла, я пробовал отломить кусочек — не смог даже с помощью пассатижей. Попытаемся взять анализы под вечер, когда немного спадет жара, я буквально плаваю в поту, никакой регуляции в этих саванах, врет реклама...

* * *

Они с наслаждением сбросили с себя «пингвины», вымылись водой из бака, пропахшей пластиком и железом, и переоделись в сухое.

Алиссон никак не мог успокоиться, у него от волнения дергалось веко, а он, растирая глаз, все бормотал что-то, списывая страницу за страницей своего член-корреспондентского блокнота, привезенного из Стокгольма месяц назад. Кемпер только посмеивался над проснувшимся в палеонто-

логе профессионалом, понимая, что Норман сам придет в себя и станет прежним Алиссоном, простым и веселым парнем.

В шесть часов вечера они предприняли еще один поход к скелету неизвестной твари, которой Алиссон дал название суперзавр — сверхящер. Полюбовались на плавающих в зеленом желе зародышей, готовых вот-вот явиться на свет, и попытались откопать череп суперзавра, утонувший в обломочном материале почти по шейные позвонки. Но, во-первых, в скафандрах работать лопатой было неудобно, изыскатели вспотели уже через несколько минут работы, а во-вторых, для освобождения черепа нужен был по меньшей мере ковшовый экскаватор, потому что Алиссон определил длину головы исполина метров в пятнадцать. И, наконец, в-третьих, радиация возле скелета была все-таки выше защитных свойств «пингвинов», предназначенных для работы в горячих зонах атомных реакторов на подводных лодках с радиацией не выше сорока-пятидесяти рентген в час.

И все же Алиссон сумел уловить характерные особенности строения черепа зверя — череп внутри был свободен от камней и почвы и просматривался хорошо даже без помощи фонаря — и, придя в лагерь, набросал сначала его эскиз, а потом и реконструкцию головы ящера. Получилось нечто экзотическое, непривычное, ни на что не похожее. Алиссон даже засомневался и сделал необходимые расчеты, но рисунок не изменился: голова суперзавра представляла собой сложный агрегат из тех подвижных рыл с рогами, причем глаз у этого монстра было тоже три — один спереди и два по бокам. Хотя вполне могло случиться, что отверстия, которые Алиссон принял за глазные, на самом деле служили для других целей.

— Ну и урод! — пробурчал потрясенный Кемпер. — Ты случайно не последователь Босха или Сальвадора Дали? Этот зверь больше похож на бурильную установку, чем на живое существо. Ничего похожего на твоих обычных динозавров.

— Обычных! — Алиссон усмехнулся. — Ты говоришь так, будто сизмальства охотился на них с луком и копьем. Знаешь, сколько видов зверья репродуцировала природа в мезозое? Около ста пятидесяти тысяч! А мы знаем, вернее, рассчитали облик всего трех с небольшим тысяч видов, то есть

два процента, а раскопали и реставрировали и того меньше. Никто не может представить, какие чудища жили в те времена.

— Но мы же наткнулись на одно из них...

Алиссон покачал головой.

— Не уверен.

— Что?! Уж не хочешь ли ты сказать, что и этого монстра я смастерил своими руками?

— Нет, не смастерил, сие не под силу и всему нашему институту, но у меня мелькнула мысль: вдруг наш сверхъестественный является жителем Земли?

Кемпер перестал помешивать в котелке суп из концентрата, варившийся на походной спиртовой горелке.

— Ты неоригинален. В свободное время и я почитываю научно-популярную литературу и знаю, что такое панспермия. Хочешь сказать, что спора или яйцо этого чудовища выпало на Землю из космоса, а он потом здесь родился? Лично мне нравится первая гипотеза: суперзавр — детище мутации. В истории Земли столько белых пятен, что нет смысла искать пришельцев там, где их нет. Природа более изобретательна, чем мы думаем. Во всяком случае, Богу с ней не сравниться.

Алиссон с проснувшимся любопытством слушал летчика, вдруг открыв в нем качества, которых еще не знал: любознательность, начитанность и способность к философским обобщениям.

— Бога нет, — сказал он. — Вернее, я в него не верю.

— Я тоже. В мире столько безумия, что извинить Бога может лишь то, что он не существует¹.

— Не помню, кто сказал, что безумие — избыток надежды.

— В таком случае я безумен сверх меры. — Кемпер налил в алюминиевые тарелки дымящийся суп. — Я настолько безумен, что надеюсь дожить до глубокой старости.

Алиссон покачал головой, но продолжать разговор не стал.

Мысли вернулись к находке, и его снова увлекла пропасть тайны, которая крылась в появлении на свет суперзавра с живыми зародышами. Поужинав, он поднялся на небольшую пирамидальную скалу и оглядел окрестности «посадочной площадки», где приземлился их «беременный ястреб», как

¹ Стендаль.

назвал самолет палеонтолог, или «ишак» — по образному выражению Кемпера.

Серо-белую твердь каменной пустыни уже расчертили длинные черные тени от удивительных геологических структур — даек, напоминающих огромные, будто воздвигнутые человеческими руками коричневые стены, ориентированные, как спицы гигантского колеса. Это были остатки древних лавовых потоков, излившихся через трещины в эпоху вулканизма и горообразования. Конусовидные, зубовидные скалы-штоки застыли сторожами древних вулканов, конусы которых были разрушены эрозией. Сплюснутый багровый овал солнца падал за горизонт в пелену пыли. Белый шрам — след высотного самолета — делил чашу неба пополам и вонзался в солнце оперенной стрелой злого охотника-великана.

Алиссон вдруг ощутил — не услышал, а именно ощутил — тишину пустыни: громадное пространство вздыбленного камня замерло в ожидании чего-то привычно ужасного, как укол для больного ребенка, но крылось в этом молчании еще и терпеливое спокойствие матери, и суровый укор отца...

— А вообще-то странно, — раздался над ухом голос Кемпера.

Алиссон вздрогнул, оглянулся.

— Ты о чем?

— Странно, что в таком хаосе отыскалась приличная ровная площадка, и как раз в самом интересном с точки зрения геологии месте.

— Насчет геологии не знаю, а с точки зрения палеонтологии — точно.

— Вот я и говорю. Пошли еще разок посмотрим издали на нашу золотую жилу и ляжем спать. Завтра утром я должен быть в воздухе, испытание ровно в двенадцать по местному, перенесли гады на сутки вперед. Побудешь один, а потом я за тобой прилечу.

— А тут оставаться не опасно? Если до эпицентра всего двадцать миль...

— Не дрейфь, взрыв подземный, тряхнет маленько, и все. Не подходи близко к осыпи, чтобы не засыпало ненароком. Но если не хочешь оставаться, возьму с собой, хотя это прямое нарушение инструкции.

— Хорошо, останусь. Но тебе придется связаться с одним человеком в Питсбурге, он нам понадобится как специалист.

— Кто он?

— Питер Маклин, биолог, неплохой парень... кстати, брат моей бывшей жены. Хотя он в этом не виноват.

Кемпер пожал плечами, но возражать не стал.

Антирадиационные костюмы надевать не стали, взяли только фонарь, дозиметр, фотоаппарат, зарядив его особо-чувствительной пленкой. Стемнело, когда они влезли на перевал и увидели мягкое переливчатое нежно-зеленое облако свечения над полуутопленным скелетом суперзавра. Сами кости светились зеленым, а порода, земля и камни вокруг — желтым, лишь изредка в этой желтизне просверкивали алые и вишневые искры, словно тлеющие угли или сигареты. Смотреть на эту светящуюся феерию можно было не отрываясь всю ночь, но Кемпер знал пределы любознательности и риска.

— Очнись, Норман, здесь фон тоже небезопасен, а лишние рентгены мне ни к чему, да и тебе тоже.

Алиссон настроил фотоаппарат, сделал с десяток снимков, и они побрели назад, подсвечивая под ноги фонарем.

Перед сном Алиссон выглянул из палатки, и небо, запотевшее вокруг обломка луны перламутровым туманом, показалось ему твердым, как кость.

* * *

Кемпер улетел в десять утра, оставив Алиссону палатку, костюм, запас концентратов и винтовку.

— А она зачем? — вяло поинтересовался невыспавшийся Норман; его всю ночь мучили кошмары.

— Никогда не знаешь, что найдешь, что потеряешь, — усмехнулся летчик. — Пусть полежит в палатке, тебе все равно ее на себе не таскать, а есть она не хочет. Пожелаешь взглянуть на «нулевую точку» — вот тебе бинокль, забирайся на горку повыше и смотри, направление — норд. Хотя вряд ли что-нибудь увидишь, кроме разве что гейзера наэлектризованной пыли.

Самолет Кемпера, издали действительно похожий на пугающую птицу, взлетел и скрылся за скалами. В пустыню вер-

нулась тишина, подчеркиваемая редкими посвистами ветра. Алиссон вздохнул и принялся за работу.

За два часа он успел облазить скелет суперзавра, взять образцы почвы в пластиковые пакеты, сфотографировать все детали, уповав на то, что фотопленка выдержит кратковременное пребывание в радиоактивной зоне, и с благоговением и ужасом полюбоваться на зародышей внутри зловещих коконов: оба показались палеонтологу явно подростками за ночь и теперь упирались в стенки яиц подобием лап и хвостов.

Нагруженный ворохом впечатлений, Алиссон вернулся в лагерь, вспотев так, что рубашку и штаны пришлось выжимать. Он торопливо переоделся в сухое, захватил бинокль, собираясь взобраться на одну из ближайших скал-штоков, как вдруг издалека донесся нарастающий рокот и над палаткой низко пролетел военный вертолет. Алиссон видел, как пилот с изумлением — у него даже челюсть отвисла — смотрит на лагерь и трясет головой. Вертолет едва не врезался в склон горы, сделал пируэт и вернулся, завис над площадкой, подняв тучу пыли. Сел. Открылась дверца, из кабины вывалился пилот в черной форме с вычурным шлемом на голове и, подбежав к Алиссону, закричал, перекрывая шум двигателей своей машины:

— Какого дьявола ты здесь торчишь, идиот?! Через три минуты «час ноль»! Тебе что, жить надоело?!

— Я бы не сказал, — пожал плечами Алиссон. — Разве «Тайгершарк» лежит прямо под нами? До него же миль двадцать.

Пилот на несколько секунд онемел, потом схватил Нормана за руку и поволок за собой. Палеонтолог вырвал руку, он ничего не понимал.

— В чем дело, мистер торопыга? Занимайтесь своим делом, я вам не мешаю.

Летчик смотрел на него, будто встретил разговаривающего осла.

— Парень, ты понимаешь, что говоришь? Ты из какого ведомства? Что-то я тебя раньше не встречал...

— Я тебя тоже и, по правде говоря, ни капли не страдаю от этого, — буркнул Алиссон. — Меня привез Кемпер.

— Вирджин? Так ты не из бригады яйцеголовых? Чтоб я сдох! Как же вас пропустили на территорию? Что ты здесь делаешь? — Рука летчика потянулась к кобуре пистолета.

— Я пакистанский шпион, — сказал Алиссон. — Хочу украсть секрет приготовления сдобного теста из радиоактивной пыли.

— Не шути, смельчак, не то пожалеешь, что родился. Отвечай на вопрос, когда тебя спрашивают вежливо.

— Я палеонтолог. — Алиссон на всякий случай примерился, как попроще обезоружить летчика. — Мой друг Кемпер обнаружил здесь скелет древнего динозавра... пригласил меня. А что, разве сегодняшнее подземное испытание чем-то отличается от других?

Пилот вздрогнул, бросил взгляд на часы.

— О господи! Он же не знал... осталось полминуты, не успею взлететь. За мной! — заорал он так, что Алиссон едва не оглох, и бросился под защиту ближайшей серо-коричневой стены дайки. Перепугавшийся Норман помчался за ним, понимая, что попал в какой-то непредвиденный переплет.

— Чего не знал Вирджин? — спросил он на бегу.

— «Тайгершарк» отменили, — прокричал летчик. — Вместо него сегодня испытывают подкритический «Аутбест». Худшего случая вы с Кемпером выбрать не могли.

Залегли в углублении под монолитным выступом какой-то черной породы, летчик вспомнил о брошенном вертолете, высунулся, но тут же втиснулся обратно.

— Ну все, перевод в другую часть обеспечен, черт бы тебя побрал!

— А что такое «подкритический»? — рискнул спросить Алиссон, машинально отсчитывая оставшиеся секунды.

— Глубина залегания заряда в пределах максимального выброса. То есть вспыхнет под землей, но макушка взрыва вылезет на божий свет. А это означает, что в момент взрыва в пределах двадцатимильной зоны радиация будет на три порядка выше естественного фона... все, время!

Где-то глубоко в недрах земли словно упал и разбился стакан — первый звук, коснувшийся слуха. За ним донесся длинный рыдающий стон — будто под неимоверной тяжестью рвались мышцы и сухожилия, ломались кости у атлета-тяже-

ловеса, пытавшегося справиться с весом всей планеты. А потом началось: удар, гул, треск, визг! Алиссона подкинуло вверх, вниз, закачало, как на волнах, придавило. Ему показалось, что откололась скала, но это оказался вертолетчик, тяжелый, как его вертолет, и такой же твердый!

Встряска длилась всего семь секунд.

Гул стих, земля перестала качаться, эхо взрыва улетело умирать в пустыню.

— Встань с меня, сундук, — невежливо проговорил Алиссон, нащупывая шишку на темени.

Летчик вылез из убежища, прищурился на солнце и стал отряхиваться.

— Вот теперь можешь посмотреть... если не пропала охота.

Охота у Алиссона была. Сопя, он вскарабкался на скалу и в стороне, где прогремел ядерный взрыв, без бинокля увидел ровное серо-желтое поле до горизонта, пушистое, как туманная пелена. Пыль, понял он не сразу. Это же пыль! Но почему такой ровный слой?

— Собирайся, приятель, — буркнул, появляясь на скале, пилот; на пелену пыли он даже и не взглянул. — Полетишь со мной, на базе выясним, кто тебя сюда закинул, Вирджин или... — Глаза летчика вдруг остановились. — А это еще что такое?!

Алиссон посмотрел в том направлении. Над россыпью каменных обломков, курившихся пылью, торчало нечто желто-оранжевое в зеленую крапинку, по форме напоминающее хищное насекомое — богомола. У Алиссона непроизвольно сжались мышцы живота. Он приткнулся к окулярам бинокля и отчетливо увидел свой оживший эскиз суперзавра с кошмарной, словно сошедшей с полотен Иеронима Босха, головой: три костяных, обтянутых бородавчатой кожей нароста — не то рога, не то хоботы, не то носы, три рога вверх, три кружевных перепончатых нароста по бокам головы и под ней и один узкий и длинный глаз с горизонтальным зрачком... Детеныш суперзавра переступил на месте, Алиссон понял, что у него не четыре и не пять ног, а все шесть! Плюс какой-то омерзительный белый выступ на груди, похожий на опухоль.

— Родился! — глухо пробормотал Норман, бледнея.

Пилот выхватил у него бинокль, знакомое выражение

изумления проступило у летчика на лице, привыкшем в условиях военных отношений носить маску субординации и стандартной готовности выполнить приказ.

— Откуда здесь это чудище?! Сколько здесь летаю — ни разу не видел! О, их два!

Рядом с первым детенышем суперзавра появился второй, почти его копия, чуть иной раскраски.

— Они же с жирафа ростом! Ты видишь? — Ошеломленный пилот растерянно оглянулся на Алиссона. — Откуда они взялись?

— Взрыв... — пробормотал снова Норман, думая о своем.

— Что?! Взрыв синтезировал этих тварей?!

— Нет, радиация... волна излучения ускорила... вернее, инициировала спусковой механизм рождения... недаром и скелет радиоактивен.

Пилот прислушался к чему-то, вдруг выругался, сунул Алиссону бинокль и начал спускаться с крутого бока скалы. Палеонтолог очнулся. С юга летел еще один вертолет, летел зигзагами, то опускаясь, то поднимаясь выше. Он искал исчезнувшего напарника.

Пилот добрался до своей машины, винты которой продолжали ленивый холостой ход, и, очевидно, связался со своими по радио, потому что второй вертолет, с двумя подвесками серебристых контейнеров, повернул в их сторону и сел рядом с первым.

Алиссон поискал глазами родившихся суперзавров, но склон осыпи был пуст, отвратительные создания скрылись за скалами, испугавшись шума...

* * *

Кемпер прилетел через час, злой и неразговорчивый. Он застал палеонтолога в компании вертолетчиков, оживленно обсуждавших какую-то проблему.

— Хелло, Вирджин, — помахал рукой один из них, без шлема, белокурый и круглолицый. — Этот парень утверждает, что он твой друг.

— Хелло, Пит. Какими ветрами вас сюда занесло? Вы же барражируете западную зону.

— Если бы не Боб, — Пит указал на летчика, первым уви-

девшего Алиссона, — от твоего приятеля остались бы рожки и ножки.

Кемпер мрачно погрозил кулаком небу.

— Я еще разберусь с этим сукиным сыном Рестеллом! Он должен был предупредить меня о замене по крайней мере за три дня.

Пит засмеялся: он был молод, улыбчив, обаятелен.

— Рестелл — генерал, тебе до него не добраться, а если хочешь сорвать злость на ком-нибудь из ближних, двинь по шее... да хотя бы Боба, ему это полезно.

Пилот, спасший Нормана, не принял шутки.

— Забирай своего приятеля, Вир, и сматывайся, не то вам обоим не поздоровится. Если Рестелл узнает, что в зону испытаний проник посторонний, он скормит тебя тем двум тварям.

— Каким тварям? — не понял Кемпер.

Пилот вытаращился на него.

— Брось разыгрывать, разве не ты их нашел?

— Они вылупились, — пояснил Алиссон, которому уже надоело быть ходячим справочником. — Детеныши суперзавра вылупились из яиц, мы их только что видели.

— Не приведи господи встретиться с ними нос к носу! — пробормотал Роберт. — В общем, я буду вынужден доложить шефу о находке. Вас я не видел, — повернулся он к Алиссону. — Вирджин доставит вас в Тонопу, а там...

Алиссон отрицательно покачал головой.

— Дудки! Это наша находка, Вирджина и моя. То, что она находится на территории полигона, не имеет никакого значения. В научных кругах она произведет такую сенсацию, что превзойдет даже открытие неизвестной цивилизации!

— Как хотите, мое дело предупредить. Вряд ли Рестелл допустит сюда гражданских яйцеголовых.

Пилот откозырял, махнул второму летчику, и они разошлись по своим машинам. Через несколько минут металлические стрекозы, сделав круг над местом расположения скелета суперзавра, умчались на запад. Молчание гористой пустыни придавило землю ватным одеялом.

— Тебе это в самом деле грозит неприятностями? — спросил Алиссон, глядя вслед вертолетам.

— А черт с ними! — философски заключил Кемпер. — Работу я найду, не так уж и много на свете летчиков, налетающих пять тысяч часов над радиоактивными вулканами. Не о том речь, Рестелл действительно может просто выставить нас отсюда, и тогда плакали наши денежки.

— Если бы только денежки. Это же открытие нобелевского масштаба! Я не преувеличиваю, в науке подобное рождение динозавров из уцелевших яиц — беспрецедентно! Но самое главное... — Алиссон не договорил, задумавшись.

Кемпер ждал, посматривая то на него, то на свой некрасивый пузатый самолет. Наконец, не выдержал:

— Ну и что главное?

— Земная природа не могла породить таких химерических чудовищ. У них трехлучевая симметрия, три пары ног... кости не минерализованы...

— Опять ты за свое. Сам же говорил, что никому не известно, сколько видов живых существ прошло по Земле за сотни миллионов лет. Просто твой суперзавр восприимчив к радиации, и каждый всплеск излучения от испытательных взрывов добавлял свою дозу к уже полученной, пока не сработал механизм включения наследственной информации. Знаешь, сколько в Неваде длятся атомные испытания? Более сорока лет! Давай-ка лучше подумаем, что будем... — Кемпер замолчал.

Алиссон рывком обернулся.

Из-за черно-коричневой стены дайки в сотне метров от них вытягивался вверх кошмарный силуэт суперзавра. Трехрылая голова размером с туловище человека, в ромбовидной броне, с массой неаппетитных деталей — наростов, бородавок, шипов — плавно поднялась на пять метров над скалой и остановилась, вперив в застывших людей взгляд единственного глаза. Затем появилась желто-серая лапа с шестью членистыми пальцами-когтями, вцепилась в гребень скалы, за ней другая. Чудовище повернуло морду налево, на его виске пульсировал выпуклый кожистый нарост. Этот нарост вдруг лопнул вниз и оказался клапаном, приоткрывшим еще один глаз, круглый, с белым ободком и черным зрачком-щелью, но словно закрытый полупрозрачным бельмом.

— Мамма миа! — сказал Кемпер севшим голосом.

Бельмо на глазу суперзавра сползло вниз, открыв зеленоватое глазное яблоко с плавающим по нему зрачком: ящер мигнул. А затем как-то по-птичьи быстро и гибко повернул морду к людям, нижнее рыло его выдвинулось вперед, как жвалы у насекомого, клапан, прикрывающий его, отогнулся вниз, из круглого отверстия беззвучно выметнулся голубоватый луч и впился в камень недалеко от замерших друзей: фонтан искр, шипение, треск, клуб дыма фонтаном выстрелил вверх...

Алиссон опомнился уже за самолетом.

Летчик обогнал его, но вернулся к палатке и выдернул оттуда винтовку. Теперь оба, судорожно дыша, спрятавшись за стойками шасси, выглядывали из-за укрытия. Суперзавр не имел намерения преследовать их, он в таком же темпе — медленно и плавно, как на гидравлической тяге, перевалил через скалу, поискал что-то среди камней и уполз назад, показав свой худой по-насекомьи, но костистый и бронированный, как у древних динозавров, зад.

Кемпер отложил винтовку, сел и вытер вспотевший лоб. Поглядел на Алиссона.

— Ты хотел что-то спросить?

— Только одно — где тут туалет... — буркнул Алиссон.

Кемпер затрясся от смеха, потом фыркнул и сам Норман. Хохотали минуты три, потом Алиссон встал на подгибающихся ногах, помял пальцами икры.

— Ты всегда бегал лучше меня, но если эта зверюга выйдет еще раз, я в Топону прибегу первым. Готов биться об заклад на любую сумму.

Кемпер вытер слезы и сплюнул.

— Боб прав, Рестелл никого сюда не допустит, и твоим красавцем-суперзавром будут заниматься военспецы. Видал, как он в нас... лазером! Представляешь, каким он станет, когда вырастет?

Алиссон покачал головой, с сожалением констатируя, что находка, а вместе с ней и предполагаемый заработок уплывают из рук. Но его деятельная, склонная к авантюризму натура жаждала приключений и требовала не сдавать позиций. Первооткрывателями суперзавров были все-таки они с Вирджином, этот факт не мог бы отрицать даже всемогущий генерал

Рестелл, начальник ядерного полигона Невады. И Норман решил остаться, несмотря на уговоры Кемпера вернуться в Тонопу и сообщить о находке в прессу.

Любопытство ученого оказалось сильнее инстинкта самосохранения и предвидимых осложнений с властями. К тому же Алиссон никогда не бросал начатое дело, с какими бы трудностями ни встречался.

* * *

Обещанные вертолетчиком неприятности не замедлили явиться.

Уже к вечеру на площадке, приспособленной Кемпером под ВПП, сели пузатые вертолеты десантников, одетых в спецкостюмы, и дюжие молодцы в мгновение ока оцепили район со скелетом суперзавра и ползающими его детенышами. Затем прилетела группа экспертов из Таунского военного научного центра, среди которых, к счастью Алиссона, оказался и палеонтолог Питер Кеннет, с которым он был знаком еще с университета. Только содействие Кеннета и помогло Алиссону освободиться из-под ареста и даже остаться на полигоне, после чего он был включен в состав исследовательского отряда в качестве специалиста по фауне мезозойской эратемы.

А дальше события начали развиваться по нарастающей, в ритме брейк-данса, так что ни у кого не осталось времени спросить, что делает на атомном полигоне Норман Алиссон, палеонтолог Пенсильванского института палеонтологии и археологии, тридцати пяти лет от роду, не являющийся штатным сотрудником команды генерала Рестелла.

«Крошки»-суперзавры росли не по дням, а по часам, обшаривая скалы, ущелья, каменные россыпи в поисках пищи — так, во всяком случае, расшифровали их неутомимые поиски исследователи. К концу второй недели с момента рождения «суперзаврики» достигали уже пятнадцати метров в высоту и сорока в длину. На людей и их технику они не обращали внимания совершенно, только однажды отреагировав на появление рентгеновского излучателя для просвечивания пород. Алиссон был свидетелем происшествия, он работал — когда это удавалось — возле скелета взрослого

суперзавра, освобождая его от камней, песка и глины, измеряя, зарисовывая, фотографируя каждую кость.

Когда прибыл вертолет с рентгеновской установкой, оба «малыша», выколуپывавшие что-то в скальных обнажениях к северу от своего «родильного дома», тут же поползли на «запах» церия-139, служащего источником излучения в установке. Они передвигались примерно со скоростью быстро идущего человека, сочетая грацию и пластичность робота-погрузчика с резкими, неожиданными поворотами хищного насекомого и пируэтами не менее хищной птицы, и при движении уже крошили камень, задевая скалы твердыми шипами на лапах или шпорами на хвостах. По расчетам, вес их достиг сорока тонн, хотя до сих пор было неясно, что служит им источником питания.

Один из суперзавров, прозванный Стрелком за постоянную демонстрацию поражающего луча, похожего на лазерный, достиг места посадки вертолета первым и, не обращая внимания на отпугивающую стрельбу — охранники палили из всех стволов не только вверх, но и в ящеров, хотя пули отскакивали от их бронированных панцирей, — с ходу ударил по наполовину выгруженной из грузовой кабины платформе своим голубым лучом. Экипаж вертолета и грузчики разбежались, суперзавр спустился к машине, раздавив по пути тягач. Вместе с прибывшим собратом по имени Тихоня они исполнили вокруг вертолета сложный тяжеловесный танец и удалились к северной границе определенной ими самими территории «пастбища». Когда летчики и специалисты, готовившие рентгеновскую установку к работе, вернулись, оказалось, что контейнер с радиоактивным церием превращен в слиток металла, а сам церий исчез. Дозиметрический контроль показал, что уровень радиоактивности в районе вертолета и вообще в тех местах, где прошли гиганты, упал на порядок по сравнению с другими участками почвы.

Эпизод с рентгеновским интроскопом еще больше заставил Алиссона утвердиться во мнении, что сверхъящеры — пришельцы на Земле, споры которых случайно оказались занесенными на планету космическим «ветром». А через некоторое время в этом убедились даже твердолобые снайперы из охраны Рестелла, умеющие только нажимать на курок пистолета, карабина или автомата.

Ровно через месяц после своего появления на свет суперзавры вдруг покинули зону отчуждения, которую использовали вдоль и поперек, нигде не выходя за пределы пятимильного круга с центром в районе скелета их родителя — «матери» или «отца» (кто разберет?), и направились в пустыню по направлению к месту недавно прогремевшего ядерного взрыва под кодовым названием «Аутбест». Ни пулеметно-автоматный огонь, ни атака огнеметов, ни залпы реактивных минометов не остановили их и не повредили. К этому моменту уже было известно, благодаря стараниям Алиссона, Кеннета и коллег-экспертов, что материал костей суперзавров представляет собой сложный полимер на основе боросиликатных соединений с включениями гадолиния. Этот материал был прочнее любого металла, не боялся высоких температур, вплоть до четырех тысяч градусов, и не поддавался ни одному методу механической обработки, кроме резания плазменным лучом с температурой плазмы выше десяти тысяч градусов.

Работать вблизи радиоактивного скелета в защитных антирадиационных комбинезонах было очень нелегко, тем более что все время приходилось быть настороже, чтобы не прозевать появление «младенцев», но ученые терпели, сделали все, что было в их силах, и добыли столько невероятной, сенсационной информации, что хватило бы на несколько Нобелевских премий. Главный же вывод, зревший подспудно день ото дня, сделал председатель комиссии, созданной из специалистов военных лабораторий Пентагона и высокопоставленных сотрудников Совета национальной безопасности. На пресс-конференции в Тонопе, куда были впервые допущены журналисты и корреспонденты центральных газет и телевидения, он заявил, что полученные результаты позволяют считать родиной суперзавра не пустыню Невада, не Соединенные Штаты и не Землю вообще, а космос!

После этого сенсация вспыхнула и загорелась буйным пламенем на страницах прессы всего мира, вызвав приток энтузиастов, жаждущих познакомиться с панспермитами¹, как стали называть молодых суперзавров, поближе.

¹ От слова «панспермия» — гипотеза о появлении жизни на Земле в результате переноса с других планет неких «зародышей жизни».

Однако поток этих самодеятельных горе-исследователей быстро поредел, когда стало известно, что панспермиты излучают, как могильники радиоактивных отходов, до двухсот рентген в час, да еще и владеют мощным грайзером — гамма-лазером, луч которого был виден из-за эффекта переизлучения. А потом информация о суперзаврах вдруг исчезла со страниц газет и журналов США, как по мановению волшебной палочки, будто перекрыли питающий сенсацию кран. Впрочем, так оно и было на самом деле: спецслужбы Штатов оценили попавший в их руки живой раритет и его влияние на военную науку и нажали на соответствующие кнопки. С этих пор суперзаврами вплотную занялись профессионалы военных лабораторий, давно разрабатывавшие наравне с простыми и надежными еще и самые экзотические способы умерщвления себе подобных. Все гражданские специалисты были выдворены с территории полигона под клятву молчать обо всем, что они видели.

К удивлению Алиссона, его оставили, то ли из-за принесенной конкретной пользы, то ли как первооткрывателя, то ли из других соображений. Остался и Кемпер, пересевший из кабины своего «ишака» в кабину вертолета «ирокез». Виделись они редко, но ни один, ни другой друг друга из виду не теряли и находили способ связи, когда обоим становилось тошно от постоянной гонки и недосыпания.

Суперзавры в это время достигли эпицентра взрыва — там зияла неглубокая, но широкая воронка диаметром в пятьсот с лишним метров — и долго рыскали кругом, вспахав пустыню не хуже, чем сотня тракторов с плугами. Что они искали, одному богу было ведомо, но после «пахоты» оба еще больше подросли и вытянулись в длину, а радиация в «нулевой точке» практически исчезла, упав ниже уровня естественного природного фона.

Смотреть на драконов даже издали было жутко и дико, никто на Земле и в кошмарных снах никогда не видел подобных созданий, и недаром один из летчиков-наблюдателей сошел с ума, когда сел от них слишком близко и суперзавр Стрелок плюнул в него гамма-лучом.

Панспермиты явно эволюционировали: у них выпадали «лишние» рога и шипы, цвет кожи изменился на серый, она

стала гладкой, блестящей, отражающей свет, как множество полированных металлических зеркал, зато на спинах появились какие-то гребенчатые наросты, названные, по аналогии, крыльями. Вес пришельцев достиг пятисот сорока тонн, и они теперь при движении проделывали широкие борозды в любой почве, в том числе и на голой скале.

В контакт с людьми они не вступали, а определить на расстоянии, разумны они или нет, было невозможно. Поэтому ученым-биологам и палеонтологам дали срочное задание определить по скелету взрослого суперзавра и останкам яиц, обладал ли он интеллектом. Алиссон отнесся к заданию скептически, но сомнениями поделился вслух только с Кемпером.

— Понимаешь, — говорил он летчику, когда тот нашел его под вечер с флягой виски «Чивас-Ригал», — мозг у суперзавра был, хотя и располагался не в голове, а на животе и у основания хвоста. По размерам он больше человеческого, однако объем мозга — еще не доказательство мыслительного процесса. Мозг тираннозавра или тарбозавра тоже был больше человеческого, тем не менее интеллект этих величайших хищников в истории Земли не превышал интеллекта современного крокодила.

Кемпер протянул палеонтологу колпачок фляги с двумя глотками виски.

— Ты выглядишь, как после марафона... или трех бессонных ночей подряд. Много работы?

— Не то слово. Забыл, когда ел и спал вовремя и спокойно. Ясно, что сверхъящер действительно свалился к нам на Землю из космоса, как я и предполагал, но почему он не смог размножиться еще в те времена, не создал популяции? Что ему помешало? Вся история мезозоя пошла бы иным путем...

Кемпер сделал глоток, закрутил флягу.

— По-моему, все очень просто: он мог жить только в условиях высокого радиоактивного фона, а в те времена фон был в Неваде очень и очень низкий, не то, что сейчас. Рождение суперзавров на ядерном полигоне, где фон из-за испытаний выше, чем в любом другом месте земного шара, тому подтверждение.

Алиссон задумчиво продолжал переодеваться.

— Наверное, ты прав, — изрек он наконец. — Кстати, такое совпадение весьма символично: это кошмарное существо, ярко выраженный носитель вселенского зла, с виду хотя бы, аналогов которому не нашло даже человеческое воображение, могло родиться только здесь, на ядерном полигоне, призванном совершенствовать орудия уничтожения рода человеческого, и только в нашу эпоху, эпоху зла и насилия. — Алиссон зябко потер руку об руку...

— Калиюга, — пробормотал Кемпер.

— Что?

— Калиюга, с древнеиндийского — эпоха греха и порока, началась три тысячи лет до нашей эры. Но я с тобой не согласен.

— В чем?

— Суперзавр, конечно, страшен, слов нет. — Вирджин передернул плечами, коротко рассмеялся. — Даже когда о нем вспоминаешь — и то мороз по коже! Но я не назвал бы его носителем вселенского зла, это чисто психологическая оценка, сформированная нашим, человеческим, страхом. Может быть, с его точки зрения именно мы, люди, являемся носителями зла. Это с какой стороны поглядеть.

Алиссон вскрыл жестянку с кока-колой, предложил летчику, достал бутерброды в целлофане.

— Где они сейчас?

— Ползут по направлению к Уилер-Пик, из-за чего спецпентагона стоят на ушах.

— Почему? Боятся, что панспермиты не вернутся в «резервацию»?

— И этого тоже, но больше из-за того, что в сорока девяти милях от Уилер-Пик готовится очередное ядерное испытание по программе «Черный огонь»: в шахте на глубине в полмили упрятана дура мощностью в двести пятьдесят килотонн.

— Ты хочешь сказать... — Алиссон перестал жевать.

Кемпер кивнул.

— Соображаешь? Суперзавры учуяли радиацию заряда. Помнишь, как они сожрали контейнер с радиоактивным цементом для рентгеновского интроскопа?

Алиссон присвистнул.

— В таком случае, им как-то. Твой любимый Рестелл не

станет ждать, пока драконы полезут в шахту, он их уничтожит раньше.

— Не знаю. — Кемпер вздохнул, мрачней. — Что-то мало верится. Если бы ты их видел! — Он внимательно посмотрел на осунувшееся лицо палеонтолога. — Не жалеешь, что я тебя сюда притащил? Рассчитывал подзаработать, а вместо этого...

Алиссон покачал головой, в свою очередь вглядываясь в лицо друга с запавшими глазами, обветренное, с острыми, туго обтянутыми кожей скулами.

— Тебе, я вижу, тоже достается. А я получил больше, чем рассчитывал, — удивительную, хотя и жутковатую тайну, перевернувшую умы, и захватывающий душу интерес. Правда, шеф обещал мне за информацию золотые горы, так что и в этом мы не прогадали. Половина прибыли за публикации — твоя. А жаль, если Рестелл их уничтожит...

Они вышли из алюминиевого домика, одного из десятка ему подобных, в котором жили члены экспедиции. Снаружи было жарко, душно, несмотря на порывистый ветер, приносивший из пустыни запахи раскаленного камня, гудрона, сгоревшего пороха и пыли.

Где-то в пятидесяти милях отсюда пробивали свою дорогу в скалах неземные, ужасные, ни на что не похожие несчастные существа, случайно рожденные злой волей человека и совсем не случайно приговоренные этой же волей к уничтожению...

* * *

Суперзавры достигли Уилер-Пик спустя двое суток.

С холодным и жутким спокойствием они расстреляли танковый взвод, вызванный Рестеллом и переброшенный по воздуху для охраны подготовленной к взрыву шахты, прошли минное поле и огненную напалмовую полосу, спустились в долину с палаточным городком, откуда были спешно эвакуированы инженеры и рабочие-строители, и Рестелл вынужден был приказать бригаде охраны полигона обстрелять район дивизионом реактивных установок залпового огня.

Когда стена земли, раздробленного в щебень камня, пыли и дыма осела, взорам наблюдателей-вертолетчиков, среди которых был и Кемпер, предстали живые и невредимые с ви-

ду панспермиты, деловито расковыривающие устье шахты. Взрывы ракет, начиненных обычным ВВ, были для них не страшнее, чем комариные укусы для человека.

Генерал Рестелл недаром заслужил репутацию жесткого и решительного человека, способного на любые средства ради достижения цели, но и он не отважился отдать приказ нанести по месту предполагаемого испытания бомбовый удар. Пока он созванивался с Вашингтоном, пока министр обороны совещался с начальниками штабов и президентом, суперзавры добрались к нижнему залу на дне шахты, где был установлен контейнер с ядерным зарядом.

В центр управления полигоном срочно прибыли представитель Пентагона адмирал Киллер и сенатор Джайлс, председатель сенатской комиссии по делам вооружений. Они успели насмотреться на деятельность суперзавров сверху, прежде чем те скрылись под землей, и оценили их мощь, упорство, неземное величие и потрясающее уродство, хотя, если разобратся, вопрос красоты и уродства весьма спорен, а для животного мира термин «красота» и вовсе означает целесообразность формы тела, гармонию функциональной деятельности, доведенную эволюцией до совершенства. После этого потрясенные адмирал и сенатор принялись звонить каждый в свои колокола, в том числе и президенту, всколыхнув застоявшееся болото самоуспокоенности и уверенности в национальном превосходстве над любым противником.

На полигон прилетела целая бригада высокопоставленных официальных лиц под предводительством заместителя министра обороны по научным исследованиям и разработкам. Она застала суперзавров уже в пути: панспермиты проникли в зал с ядерным устройством — никто не рискнул его взорвать — и похитили урановый зародыш и контейнер-бланкет со смесью дейтерия и трития. Что произошло под землей на глубине в полмили, никто, конечно, не видел, но когда после ухода ящеров в развороченную шахту спустились каскадеры-ядерщики, они обнаружили изуродованные остатки оборудования и пустую скорлупу камеры, где находился заряд. И ноль радиоактивности.

Суперзавров пытались задержать на выходе из шахты: устроили ракетно-пушечный ад, применили даже боевые лазе-

ры, но все было напрасно — бронированные колоссы прошли огневую завесу без видимых усилий и остановок. Похоже, страха они не знали, как и боли.

Спустя сутки непрерывных совещаний и полетов над неутомимо ползущими через пустыню, еще более подросшими сверхдраконами, над Невадой появился бомбардировщик «В-1В» и сбросил на них вакуум-бомбу класса «серая зона». Взрыв превратил уголок дикой горной местности со множеством острозубых скал, пещер и ям, стенок и барьеров в идеально ровный круг диаметром около километра, в пыль раскрошив все, что возвышалось над землей больше, чем на сантиметр. И все же панспермиты уцелели.

Сначала наблюдатели подумали, что звери убиты: они распластались на голой скальной площадке и не двигались, вцепившись всеми шестью лапами в камень. В лагере, следовавшем за пришельцами в пределах радарной видимости, среди военспецов вспыхнуло ликование, длившееся ровно полчаса. Суперзавры опомнились, зашевелились, пришли в себя, забавно ощупывая друг друга хвостами. Несколько часов они сидели на месте, занимаясь какими-то таинственными приготовлениями, может быть, залечивали раны, а потом вдруг один за другим сбили три вертолета с наблюдателями, круживших на двухкилометровой высоте. Летчики погибли. По счастью, Кемпер в этот день в воздух не поднимался, была не его смена. С этого момента сверхдраконы не подпускали к себе никого ближе чем на семь-восемь километров и увеличили скорость бега. Когда эксперты установили направление их движения, в лагере затлела тихая паника: чудовищные твари через три-четыре дня должны были достичь каньона возле Коннорс-Пик, где шла подготовка к еще одному подземному ядерному испытанию в рамках «Черного огня». Как мрачно пошутил адмирал Киллер: пришельцы явно были «агентами Кремля», которые решили сорвать программу СОИ любыми средствами.

Шутка адмирала вызвала неожиданный резонанс в мире, выйдя за пределы штата Невада. У журналистов многих стран она породила ироническую улыбку, а корреспондентов радио и телекомпаний самих США обуял гомерический хохот. На страницах газет и журналов появились десятки фельетонов,

насыщенных убийственным ковбойским юмором, статей и рассказов «очевидцев». Обыватель тоже хохотал над хлесткими фразами типа: «Еще никто и никогда не воевал с динозаврами, но Америка и в этом опередила мир, подтвердив свое историческое предназначение», пересказывал анекдоты и слухи и веселился, находясь в абсолютном неведении относительно реальных обстоятельств дела. К сожалению, и в политических кругах не нашлось деятеля, который трезво оценил бы обстановку и сделал надлежащие выводы. В Пентагоне, да и среди администрации страны все еще бытовало мнение, что военные вполне контролируют положение и вся эта шумиха вокруг двух оживших реликтов эпохи мезозоя не стоит выеденного яйца.

* * *

Суперзавры прошли последний ракетный заслон перед шахтой в ущелье у Коннорс-Пик и через день уничтожили ядерный заряд, предназначенный для испытаний рентгеновского лазера с ядерной накачкой. К этому времени их рост достиг сорока трех, а длина от носа до кончика хвоста превысила двести десять метров. Они были гораздо больше не только самых крупных живых существ на Земле, но и превосходили все созданные человеком передвигающиеся по суше механизмы. Невада была открыта и беззащитна перед ними, а «медные лбы» в Пентагоне все еще искали оружие, способное их уничтожить, испытывая на панспермитах весь имеющийся в наличии арсенал, в том числе и экспериментальный химический и биологический.

Прозрение не наступило, даже когда ни лазерные пушки, ни электромагнитные снаряды с высокой скоростью полета — до двадцати километров в секунду, — ни ядохимикаты и самые страшные из животных и растительных ядов не оказали на чужих зверей никакого воздействия. Суперзавры раздавили еще две шахты с подготовленными к взрыву устройствами, и полигон опустел. Рестелл, не дожидаясь команды сверху, отдал приказ эвакуировать оставшиеся установки. Но на границе штатов Невада и Юта располагался секретный завод по переработке урановой руды, и суперзавры повернули туда.

Америка перестала хохотать и затаила дыхание. Рестелл

получил официальное разрешение президента применить для уничтожения чудовищ атомную бомбу.

И лишь один человек из всех причастных к этому делу догадался, к чему может привести ядерный взрыв. Этим человеком был Норман Алиссон.

Он нашел Кемпера возле одного из вертолетов в компании летчиков, обменивающихся впечатлениями от последних рейдов на северо-восток Невады. Это был передовой отряд наблюдателей, следовавший за суперзаврами по пятам на минимально возможном расстоянии. В компании царил дух бравады, непритязательного юмора и снисходительного терпения: каждый ждал своей очереди рассказчика, отвечая смехом на неуклюжие остроты других. Алиссон послушал с минуту и выдернул Вирджина из толпы.

— Вир, привет, надо помешать ядерной атаке на суперзавров.

В глазах Кемпера погасли искорки смеха. Он повертел пальцем у виска.

— Ты что, привет, совсем свихнулся там, у родного скелета? Кстати, как ты сюда попал?

— С почтой, — отмахнулся Алиссон, не обижаясь на «свихнулся». — Если не остановить бомбардировку, произойдет... вернее, может произойти нечто страшное!

Кемпер внимательно оглядел лицо друга, покачал головой.

— Это невозможно.

— Но это надо сделать, пока еще есть время не допустить чудовишной ошибки.

Кемпер машинально отметил время и решительно махнул рукой на штабель ящиков:

— Садись и рассказывай.

— Все довольно просто. Ты еще помнишь, какими родились панспермиты?

— Конечно, футов по двадцать...

— Дело не в размерах, они двигались не так, как сейчас, гораздо медленнее и плавнее. А когда сожрали начинку рентгеновского интроскопа — радиоактивный церий, сразу стали активнее, повеселели, помнишь?

Кемпер неуверенно почесал затылок.

— Да вроде бы...

— Это факт. Каждый раз, как они находили очаги радиации, в «нулевых точках» или в шахтах, подготовленных к испытаниям, скорость их жизни увеличивалась, я проверил. То есть они вне зон с повышенной радиацией «мерзнут», остывают. Понимаешь? И чем больше мощность излучения, тем выше темпы их роста, активность, скорость процессов обмена, реакция, сила. В сочетании с практической неуязвимостью... представь, что будет, когда взорвется бомба: они наконец-то насытятся энергией и... черт знает, куда отправятся потом и за что примутся!

Летчик хмыкнул, искоса поглядывая на сдерживающего волнение Алиссона, начертил носком ботинка женский профиль и стер.

— Логично. Хотя я и не верю, что суперзавры выдержат ядерный взрыв. А велика ж потенция у природы! — воскликнул он вдруг с восхищением. — Моей фантазии никогда бы не хватило нарисовать таких монстров! Живые атомные поглотители! Их надо оставить в живых хотя бы для того, чтобы они очищали землю от радиации. Экономический эффект будет колоссальный! Неужели в космосе могут обитать еще более жуткие формы жизни?

— По-моему, одни мы с тобой и способны удивляться, — хмуро проговорил Алиссон. — Даже в среде ученых любопытных романтиков — один-два на сотню, все больше прагматиков, меркантильных дельцов да расчетливых препараторов. Не отвлекайся, думай, что делать.

Кемпер снова почесал в затылке и превратился в деловитого и рассудительного человека.

— Нужен деятель масштаба государства, который может убедить шишек из Пентагона отменить атаку. Рестелл не годится, он зажат рамками устава, и кругозор его узок, к тому же он не станет нас слушать. Адмирал Киллер? Не знаю, мне он не понравился: эдакая высокомерная жердь с благородной сединой, да и фамилия у него чертовски убедительна... Может быть, Джайлс?

— Кто это?

— Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений. Похож на борца-профессионала, но не дурак, судя по отзывам. Попробуем к нему.

Кемпер вскочил и, не оглядываясь, пошел к фургону с радиостанцией. Алиссон, давно привыкший к манере Вирджи-на ставить задачу и тут же ее решать, поспешил следом.

Летчик задержался в фургоне на две минуты.

— Порядок, я выяснил: Джайлс и вся его свита находятся сейчас у Коннорс-Пик, изучают следы наших милых динозавриков. Жаль, что заместитель министра обороны уже укатил, а то можно было бы обратиться к нему.

Не давая Алиссону опомниться, Кемпер энергично зашагал к вертолету, крикнув на ходу в толпу развлекающихся пилотов:

— Боб, я по вызову Рестелла, буду через час-полтора, предупреди майора, когда вернется.

Через несколько минут они были в воздухе. Мощный двухвинтовой «ирокез» понес их над утрюмым морщинистым телом пустыни на юго-запад, к горному кряжу Коннорс-Пик. Через весь каменный щит, то пропадая в нагромождениях скал, то появляясь на ровной поверхности, тянулись рядом четыре характерных борозды — следы проползших здесь драконов.

Все сорок минут полета молчали. Только сажая вертолет возле шеренги таких же машин — с одной стороны и стада бронетранспортеров — с другой, Кемпер спросил:

— Ты уверен в своих расчетах?

Алиссон выдержал его взгляд.

— Это не расчеты, это логика и прогноз. Но я уверен, что не ошибся в выкладках.

Но пробиться на прием к Джайлсу оказалось не просто.

Было время ленча, официальные представители власти собрались в легком алюминиевом домике с кондиционированием и душем, который монтировался за час и охранялся почти как здание Пентагона. Дальше колонны многоствольных реактивных установок Кемпера не пустили. Обманчиво ленивый десантник в черном преградил ему путь.

— Куда спешите, парни?

— У нас дело к сенатору.

— А почему не к президенту? Сенатор вас ждет? Кстати, какой именно? У нас тут их целый взвод.

— Джайлс.

— Вот теперь ясно, вы его родственники.

— Не родственники, — начал терять терпение Кемпер, — но дело к нему весьма спешное и важное. Могу я пройти? Оружия не ношу, можете обыскать.

— Не спеши, торопыга, я, что ли, по-твоему, ношу оружие? — Охранник развлекался, ему было скучно. — Эй, а ты куда, приятель? — окликнул он Алиссона, который приблизился к одной из бронированных машин и выглянул из-за нее на недалекие холмы песка и груды камней, скрывающие за собой развороченный суперзаврами вход в шахту.

— Не напрягайся так, широкозадый, — сказал Алиссон, не оборачиваясь, — штаны лопнут.

Капрал в черной форме сухопутных сил быстрого развертывания свистнул два раза, из стоящего неподалеку фургона выпрыгнули двое десантников и двинулись к ним, поправляя автоматы «узи», казавшиеся в их руках игрушечными.

— Беги к домику, — крикнул Кемпер, — я их задержу, эти болваны не посмеют стрелять.

Алиссон рванул по прямой, десантники, замешкавшись на мгновение, тяжелой рысью бросились за ним, но Кемпер, выхватив у капрала автомат и смазав им его же по скуле, дал очередь в небо.

— Ложись! Перестреляю, как собак!

Десантники с ходу послушно грохнулись на животы.

Алиссон добежал до алюминиевого бунгало и что-то стал торопливо объяснять выглянувшему на шум офицеру в форме военно-воздушных сил. С двух сторон к посту бежали охранники, готовясь к бою. Взыла сирена.

Лицо капрала налилось кровью, глаза сделались бешеными. Он открыл рот, но сказать ничего не успел, офицер в голубом крикнул ему от домика:

— Все в порядке, капрал, пропустите их.

— Держи, — сказал, усмехнувшись, Кемпер и сунул автомат державшемуся за щеку охраннику. — Извини, если перестарался. Но тому парню есть что сказать сенатору.

Охранник сплюнул, помассировал кисть руки и неохотно отступил в сторону.

— Ты еще не раз вспомнишь нашу встречу, сукин сын! Это тебе говорю я, Бенджамин Фримен. Запомнишь?

Кемпер пожал плечами и обошел капрала, как столб.

Сначала Алиссона выслушал дежурный офицер охраны, который без размышлений вызвал флаг-секретаря генерала Рестелла. Флаг-секретарь рассуждал сам с собой минут пять, потом все же позвонил кому-то, вкратце рассказал, в чем дело, переврав смысл идеи Нормана, и остался в комнате. Через минуту в помещение вошел заместитель Рестелла по техническому обеспечению, поджарый полковник с ежиком стальных волос и шрамом через весь лоб.

— Что случилось, Жорж? Я ничего не понял. Кто эти люди?

— Пилот Вирджин Кемпер, первая бригада авиаконтроля. — Кемпер шелкнул каблуками. — А это Норман Алиссон, палеонтолог.

— Помню. — Полковник постоянно шурился, казалось, его раздражает слишком яркий свет. — Вы первыми наткнулись на этих симпатичных зверюг. Чего вы хотите? Только покороче и внятнее.

Алиссон снова повторил свои доводы, стараясь быть лаконичным. К его удивлению, зампотех Рестелла соображал куда быстрее флаг-секретаря. Он потер лоб так, что шрам стал лиловым, и вышел. Оставшиеся в комнате переглянулись, но вслух свои впечатления выражать не стали. Полковник вернулся через несколько минут.

— Идемте. Уложите в две минуты?

— Попытаюсь.

Прошли короткий коридор и свернули в крайнюю дверь, распаханную вооруженным до зубов десантником.

Нечто вроде гостиной с очень простым интерьером: голые стены из гофрированного пластика, жалюзи на окнах, девять или десять раскладных стульев, два низких столика с напитками и шейкером с колотым льдом. На стульях генералы и сенаторы, одни из самых уважаемых или богатых людей страны. На Алиссона смотрели десять пар глаз, разных по цвету, мысли и характеру, но в данный момент с одинаковым выражением любопытства.

— Говорите, — кивнул сенатор Джайлс, старший в этой разнокалиберной по возрасту и опыту компании. Он и в самом деле был похож на борца сумо или боксера-профессионала. Его руки были величиной в ляжку нормального челове-

ка, а веснушчатые кулаки вызывали в памяти образ копра, забивающего сваи.

Поборов волнение, Алиссон в четвертый раз пересказал свою идею. Под конец речи он заметил среди присутствующих известного физика, лауреата Лоуренсовской премии, доктора Хойла, и сбился, кое-как завершив выступление.

— И это все? — сказал в наступившей тишине адмирал Киллер, встопоршив мохнатые седые брови. — И я должен выслушивать подобные бредни? Кто их сюда впустил? Вы, Гретцки? Не могли решить на своем уровне?

— Подожди, Долф, — мягко произнес Джайлс. — Мне кажется, в словах этого молодого человека есть рациональное зерно. Ваше мнение, доктор Хойл?

Алиссон поймал взгляд Кемпера; тот подмигнул — не робей, мол.

— Я тоже думал над этим, — признался вдруг Хойл, коротышка с помятым заурядным лицом, но умными и живыми глазами. — По правде говоря, я не верю, что панспермиты выдержат ядерный взрыв. Каковыми бы ни были их способности поглощать и аккумулировать излучение, радиацию такой плотности и в таком широком диапазоне им не переварить, «захлебнутся». С другой стороны, мы о них почти ничего не знаем, поэтому правомочна любая гипотеза. Да и жаль терять такие объекты для исследования. Сверхсенсилизаторы, стопроцентно утилизирующие самые страшные из отходов человеческой деятельности — радионуклиды, радиоактивные шлаки, нужны человечеству не меньше, чем ядерное оружие. Не так ли, генерал? Кстати, у наших французских коллег, — доктор Хойл посмотрел на морщинистого седого мужчину, сидящего рядом с генералом, — появились сходные проблемы. На их полигоне ожил некий странный скат-мутант, поглощающий радиацию. И я считаю, что это не просто совпадение, а...

— Давайте по делу, доктор, — хмуро бросил Киллер.

Хойл не смутился.

— А что вы предлагаете конкретно, доктор Алиссон?

— Давайте порассуждаем немного, — хрипло сказал Норман, перевел дух, откашлялся: все ждали, пока он промокнет губы платком, даже генерал, сидевший с презрительно-скеп-

тическим видом. — С большим процентом вероятности, будем говорить так, суперзавры привыкли жить в радиоактивной среде с очень большой интенсивностью излучения. Судя по тем данным, которыми мы располагаем после изучения останков их спор и скелета взрослого ящера, они чувствуют себя прекрасно даже при излучении в тысячу рентген в час. Чем меньше интенсивность, тем им «холоднее», тем медленнее идут процессы обмена и быстрее уменьшаются запасы энергии.

— Логично, — кивнул Хойл, как это сделал Кемпер полтора часа назад. — Вы предлагаете создать вокруг них зону без излучения? Как это сделать практически? Но, допустим, мы создадим такую зону, заэкранируем, как вы заставите их находиться в ней? До того, как у них кончатся жизненные запасы?

В помещении повисло молчание, которое нарушил Киллер:

— Я же говорил — все эти фантазии не стоят скорлупы съеденного ореха. Бомбу сбрасывать необходимо, пора кончать с этими гражданскими умонастроениями. Гретцки, проводи гостей.

— Не спеши, Долф, — снова сказал сенатор Джайлс своим необычайно мягким, совершенно не соответствующим его облику голосом. — Доктор Хойл, вы на самом деле считаете идею этого парня стоящей?

— Он такой же ученый, как и я, и отвечает за свои слова, только он моложе и поэтому смелей. Надо привлечь к проблеме остановки панспермитов всех крупных физиков, сообщая мы решили бы ее в приемлемые сроки.

— Вы еще русских предложите привлечь, — съязвил Киллер. — Они с удовольствием рассчитают массу надгробья над вашей могилой.

— Не порите чепухи, адмирал, — спокойно отрезал Хойл. — Вы не знаете русских. Это хорошие специалисты и неплохие...

— Некогда привлекать, — хмуро перебил его Рестелл, вертя в пальцах пустой стакан. — Через семь-восемь дней эти гады доберутся до объекта «Эр-зет», и тогда вообще будет поздно что-либо предпринимать. Эвакуировать завод, его оборудование мы успеем, но перевезти десятки тысяч тонн руды — утопия!

— И все же есть выход, — тихо сказал Алиссон.

Заговорившие друг с другом члены комиссии замолчали.

— Ну говорите же, — нетерпеливо сказал Джайлс. — Мы слушаем.

— Охлаждение... — Голос сел, и Норман вынужден был повторить. — Надо попробовать охлаждение...

Хойл первым догадался, о чем идет речь.

— А ведь верно! — сказал он, раскрасневшись. — Глубокое охлаждение! — Повернулся к Джайлсу: — Давайте-ка попытаемся заморозить их, понизить температуру воздуха вокруг них хотя бы до точки замерзания азота. Думаю, недостаток средств для подобных экспериментов наши brave воители, оплот мира и процветания, не испытывают.

Последние слова доктор произнес с иронией, отчего Алиссон проникся к нему симпатией. Хойл был одним из ученых, которые довольно резко выступали против вывода оружия в космос, против ядерных испытаний, и, как он оказался в одной упряжке с яркими приверженцами «Стратегической оборонной инициативы», было непонятно.

Рестелл и Киллер переглянулись.

— По-моему, лаборатория Винса в Льяно занимается генераторами холода, — пробормотал специальный помощник президента. — Надо срочно созвониться с ним, выяснить...

— Совсем недавно они испытали свои «коулджстоидж» в горах, — сказал Джайлс. — Я читал отчет. За три минуты один генератор превратил в лед участок горной реки длиной в триста ярдов. Благодарю за отличную мысль, доктор Алиссон! Постараюсь не забыть об этом. Где вы сейчас обитаете?

— Или в лагере, у скелета, или...

— У меня в бригаде, — закончил Кемпер.

— Проводите их, Гретцки, и проследите, чтобы они ни в чем не нуждались.

— И за то спасибо, — вздохнул Кемпер, когда они добрались до вертолета под охраной неразговорчивого полковника. — А ты молодец, доктор Норман, чесал, как по-писаному. Джайлс зря хвалить не станет, да и слово свое держит, будь спок. Ты чего смурной? — удивился вдруг летчик.

— Да жалко мне их! — с досадой сказал Алиссон.

— Кого?

— Малышей! Они-то не виноваты, что родились здесь, в Неваде. К тому же мы сами спровоцировали их роды.

Кемпер только присвистнул, с изумлением глядя на помрачневшего палеонтолога.

* * *

Спустя сутки на полигон в район Коннорс-Пик были доставлены из Льяно серебристые контейнеры, похожие на цистерны для горючего — экспериментальные криогенераторы мгновенного действия, детище одной из секретных лабораторий, работавших над применением любых изобретений в военных целях.

Алиссон все еще гостил у Кемпера, слетав с ним пару раз на патрулирование у границы зоны поражения — в девяти километрах от неутомимодвигающихся к намеченной цели суперзавров. Он знал, что готовится операция «двойного удара»: вместе с бомбометанием криогенераторов предполагалось сбросить и ядерную бомбу, если холод не остановит ползущих гигантов. Еще через день все было готово для начала операции.

И тут суперзавры остановились. До завода «Эр-зет», перерабатывающего руды урано-торианита, оставалось еще пятьсот с лишним километров.

Замерли в ожидании «непогрешимая» военная машина Пентагона, бездумно потрясающая мускулами, обслуживаемая компанией бравых ребят «без страха и упрека» из всех родов войск, и коллектив ученых, инженеров и технических работников, призванный объяснить все тайны природы и приспособить их на службу богу войны. Гипотезы одна невероятнее другой кипящей пеной обрушились на головы благодарных слушателей, с помутневшими взорами и раскрытыми ртами внимавших ораторам. Одна из них была интересна, выдвинул ее молодой биолог из Пенсильванского университета: перехватив радиоразговоры, суперзавры поняли, что их хотят уничтожить, и остановились посоветоваться, что делать дальше. Таким образом, гипотеза прямо предполагала наличие у неземных драконов разума.

— Вот увидите, — размахивал руками биолог, — они через

день-другой пойдут на контакт, сдадутся в плен и примут все наши условия.

В другой гипотезе утверждалось, что драконы просто оголодали и отдыхают, в третьей — что они решили не идти к заводу из-за недостаточного запаса энергии, все-таки на двухсоткилометровый переход ее ушло немало. Были еще и четвертая, и пятая, и двадцать пятая гипотеза, и все они оказались несостоятельными.

На третий день таинственного сидения почти в полной неподвижности в глубокой вулканической воронке панцири суперзавров почернели, стали трескаться, словно хитиновая скорлупа личинок майских жуков, и из этой «скорлупы» выползли обновленные, похудевшие, в ярко-оранжевой броне панспермиты. У них теперь почти отсутствовали хвосты, а жуткие наросты на спинах превратились... в громадные перепончатые полупрозрачные крылья! Когда один из драконов, словно пробуя, расправил эти крылья — все смотревшие телепередачу в лагере ахнули, пораженные красотой вспыхнувших бликов и радуг.

— Я почему-то ждал подобной трансформации, — признался Кемпер Норману; они смотрели телевизор у себя в палатке. — Вспомнил рассказ одного из наших ведущих фэнов про куколку. Правда, от того, что у них выросли крылья, драконы не стали намного красивее и привлекательнее.

— Зрелище притягивающее и одновременно отталкивающее, — согласился Алиссон. — Но меня больше пугает то, что они способны приспосабливаться к чужим условиям. Прогрессируют, исчадия ада, причем такими темпами, что и не снились нашим земным организмам. Что-то будет дальше?

— Как ты думаешь, они взлетят?

— Вряд ли, уж больно велика их масса, никакие крылья не потянут, да и энергии для полета нужна уйма. Я вообще думаю, что это не крылья.

— А что?

— Ну-у... фотоэлементные батареи, например, для подзарядки внутренних аккумуляторов от солнечного излучения. Или зонтики для защиты от ядерного взрыва.

— Шутишь.

— Нисколько. Они приспосабливаются, а механизмами

приспособления ведают инстинкты, которые ничего не делают впустую. Крылья для таких махин в нашей жиденькой атмосфере были бы явной ошибкой эволюции, создавшей суперзавров.

Алиссон оказался прав.

Когда панспермиты раскрыли «крылья» и просидели без движения еще двое суток под солнцем, ученые сошлись во мнении, что «крылья» — поглотители солнечной радиации. Но главная сенсация открылась позже, когда суперзавры, утолив энергетический голод, снова двинулись в горы по направлению к «Эр-зет». Слетевшиеся к останкам их скорлуп, как воронья стая, армейские эксперты и ученые обнаружили под скорлупой... два пятиметровых, свеженьких, излучающих радиацию, как обнаженный атомный реактор, похожих на граненые кристаллы мориона — черного хрусталя, яйца!

Вот тут-то впервые Алиссон и почувствовал страх, сначала необъяснимый, темный, словно внушенный кем-то, а потом нашлось основание: суперзавры несли реальную угрозу всему живому на Земле, потому что размножались, откладывая яйца. Дай им подходящие условия для начального этапа роста при их неуязвимости — и через несколько десятков лет от рода хомо сапиенс не останется ничего, кроме следов его деятельности, да и то ненадолго. Попытается ли природа после этого воспитать на Земле новый разум? Хотя бы в этих чудовищах — полуящерах, полунасекомых, полуптицах?

* * *

В понедельник утром второго сентября на полигон прибыл президент. Понаблюдав на экране телемонитора за ползущими, все сокрушающими на своем пути панспермитами и рассмотрев в бинокль их странные, похожие на сrostки кристаллов яйца, он скомандовал начать бомбардировку.

С аэродрома базы ВВС «Найтхилл» стартовал сверхзвуковой бомбардировщик «В-111» и, достигнув цели за полчаса, с высоты в десять километров сбросил три серебристых контейнера размером с железнодорожную цистерну. Спустя положенное число секунд контейнеры распустили бутоны парашютов и опустились в точном соответствии с расчетом бортовых компьютеров бомбометания — вокруг крушащих скалы

гигантов. В ту же секунду сработали замки криогенераторов, и от всех трех цистерн взметнулись ввысь султаны искрящегося белого тумана.

Туман в несколько секунд расползся по площади круга с центром под замершими суперзаврами, утопил их по брюхо, стал подниматься вверх, как пена в кастрюле с закипевшим молоком, и наконец накрыл с головой. С высоты беспилотного вертолета с телекамерами было теперь видно только громадное пухлое облако в месте падения криогенераторов, продолжавшее медленно увеличиваться в размерах.

Над пустыней внезапно пронесся шквал, подняв в воздух тонны пыли и песка: переохлажденная масса воздуха породила барометрическую волну из-за резкого падения давления. Над облаком стала конденсироваться влага, и вскоре весь район, обезображенный как естественными вулканическими взрывами миллионы лет назад, так и искусственными, скрылся под пеленой тумана. Впервые в пустыне за многие годы прогремел гром не взрыва, а от самой обыкновенной молнии.

Алиссон вместе с остальными оставшимися не у дел специалистами смотрел за происходящим на экране армейской телесистемы. У него от волнения мерзли ноги и все время тянуло сказать какую-нибудь «умную» фразу, но он сдерживался. Кемпер улетел на задание, а с другими летчиками и «зубрами» науки разговаривать не хотелось.

Туман рассеялся только через три часа с четвертью, открыв жадным взорам людей изменившийся до неузнаваемости ландшафт: в радиусе километра поверхность плоскогорья была покрыта сверкающей коркой льда, превратившей застывших без движения суперзавров в ледяные изваяния.

В толпе, окружившей телемонитор, слышались крики ликования и одобрительный гул. Техника не подкачала, исполнители не подвели, оказались на высоте и расчеты, да здравствует головастый парень, придумавший затею с охлаждением! Знай наших, Боже, храни Америку!

Один лишь Алиссон, тот самый «головастый» парень, не радовался вместе со всеми, ему было жаль несчастных драконов, абсолютно чужих всему земному, страшных, сильных, не знавших пределов своей мощи, но столкнувшихся на свою

беду с жестокостью и беспощадностью повелителя Земли, который тоже не знал пределов, и прежде всего пределов своей злобы, цинизма и ненависти к любому, кто не подчинился его воле, — будь то природа или себе подобное существо. Впрочем, поправил себя ради иронической объективности Алиссон, такое возможно не только в свободной демократической стране, но и в любой другой, способной защищать свои интересы всеми доступными средствами.

— А ты чего не радуешься, приятель? — хлопнул Нормана по плечу заросший детина в куртке на «молниях». — Здорово мы их приморозили! Выйдем в космос — всех гадов передавим!

Дурак — зародыш конца мира, подумал Алиссон, но вслух сказал другое:

— Бедный Йорик!..

Давно не брившийся абориген не читал Шекспира и не знал, кто такой Йорик, поэтому на всякий случай назвал:

— Джоб. Выпьем за удачу?

— Пошел бы ты!.. — ответил Алиссон, поворачиваясь к нему спиной и пряча кулаки в карманы.

— Эй, месье, — раздался сзади хрипловатый голос.

Алиссон с неохотой обернулся. К нему подходил высокий, но худой мужчина с морщинистым лицом и шапкой седых волос, в комбинезоне защитного цвета. Норман узнал его: этот человек находился в компании сенатора Джайлса, когда Кемпер и Алиссон пытались отговорить военных от нанесения ядерного удара.

— Мистер француз?

— Так точно, месье, Морис Леко, физик и... — седоволосый помедлил, — военспец, работаю на армию. Естественно, тоже французскую.

— Полигон на Муруроа?

— Совершенно верно, у вас хорошая память.

— Что у вас произошло на атолле?

— Вырос один интересный объект, похожий на океанского ската-манту, но, конечно, не скат. Растет, как и ваши панспермиты, поглощая радиацию. Вот я и подумал, не родственники ли они?

Алиссон заинтересованно глянул в маленькие холодные глазки француза.

— Почему вы так решили?

Морис Леко снова помолчал.

— С ним контактируют двое наших сотрудников, молодой парень, лейтенант охраны полигона, и девушка, его подруга. Так вот они утверждают, что принимают от Ифалиука...

— Кого?

— Так они называют ската. По их словам, скат передает им телепатические картины. Девица воспринимает их лучше, парень слабее, но в одном они сходятся: Ифалиук прибыл из космоса. Вернее, на Землю миллионы лет назад свалился предок Ифалиука. Кстати, мы нашли его скелет. И еще ребята утверждают, что на предке Ифалиука сидел такой же суперзавр, как ваши Стрелок и Тихоня.

— Это любопытно.

— Мало того, на суперзавре сидел якобы еще один монстр, двутелый, двухголовый, двурукий.

Алиссон покачал головой.

— Вы в это верите?

— После того как этот зверь выдержал ракетный и бомбовый удары, я могу поверить во все.

— Что ж, я не прочь был бы посмотреть на вашего ската.

— В следующий раз я покажу вам фото. Сегодня же я просто решил предупредить вас: осторожнее с этими динозавриками. Они живы. Так я думаю. Ведь вы собираетесь навестить их?

— Если нас возьмут в группу. Почему бы вам не пойти с нами?

— Меня уж точно не возьмут.

— А зачем вам понадобилось лететь сюда, изучать суперзавров? Даже если связь и существует, что вам, физику, до нее?

Леко усмехнулся.

— Да в принципе ничего. Просто наши вояки стоят ваших... хотя я сам полковник. Если объект мешает, они его уничтожают, не обращая внимания на познавательный интерес и даже выгоду, которую можно извлечь. И еще... не знаю, почему, но мне жаль Ифалиука. Ядерного удара, который запланировал наш штаб, ему не выдержать.

Француз сунул руку Алиссону и пошел прочь, раскачиваясь, как моряк на суше. Норман задумчиво смотрел ему вслед.

* * *

Лед на панспермитах растаял к утру, но они не шевелились, став из ярко-оранжевых тускло-желтыми. Теперь они были похожи на скульптурные творения модернистов, изваянные из чистого золота. Но даже такие — неподвижные, молчаливые, мертвые, они внушали ужас, отвращение и одновременно благоговейный трепет своей несхожестью с земными формами жизни, мощью и неземным, поистине космическим уродством. При долгом созерцании чудовищ человека вдруг поражала мысль о невероятной, чуть ли не противоестественной приспособляемости жизни к любым природным условиям, готовности выжить любой ценой: либо ценой отказа от разума — и тогда возникали колоссы вроде динозавров на Земле и суперзавров в Космосе, либо ценой приобретения разума — и тогда появлялись существа вроде людей, сильные только волей к победе и умением переделывать условия существования...

Примерно такие мысли бродили в голове Алиссона наравне с мыслями о сообщении французского физика Леко, когда его вместе с другими «яйцеголовыми» доставил к застывшим тушам на вертолете Кемпер.

Это была третья группа специалистов, десантированная в район замороженных панспермитов после того, как военные обстреляли драконов ракетами и ничего не произошло.

* * *

От застывших колоссов, да и от земли, от каменных складок несло могильным холодом, с близких холмов дул пронизывающий ветер. Поправляя прозрачные шлемы, пояса и рукавицы антирадиационных комбинезонов, ученые и эксперты разошлись вдоль погрузших в каменной осыпи тел, каждый со своим инструментом и приборами. Им разрешалось работать возле суперзавров не более сорока-пятидесяти минут, потому что тела ящеров излучали на уровне двухсот двадцати рентген в час.

Вообще-то Алиссону делать здесь было нечего, но он хотел в последний раз полюбоваться на монстров вблизи и упросил организатора экспедиции взять его с собой. Теперь он

пожалел, что не остался в теплой палатке: выдержать пытку холодом даже в скафандре с подогревом больше десяти минут не было никакой возможности.

Кемпер понял друга раньше, чем тот пожаловался на превратности судьбы и непогоду. Он отвел Нормана в кабину, дал ему поддеть под балахон свой вязаный свитер и второй шлем с наушниками, и Алиссон повеселел.

— Знаешь что, давай попробуем взобраться? — внезапно загорелся он, кивая на гору суперзавра. — Заодно и погреемся.

Кемпер поглядел на него, как на сумасшедшего, подумал, почесал затылок шлема и... согласился.

— Только возьмем фотоаппарат, запечатлеем друг друга на память, такого трофея не было ни у одного охотника. Хотя мне их тоже немного жаль, как-никак мы их крестники.

Они вооружились кошками, ледорубами, связками бечевы, карабинами для зажима веревок и выступили в поход. «Покорение трупов» решили начать с одной из лап средней пары, где было больше шансов зацепиться за неровности рельефа.

Суперзавры, очевидно, при внезапном похолодании пытались сжаться, сохранить тепло, закрыться перепончатыми «крыльями» и так и застыли, прижимаясь брюхами к земле, втянув хвосты, стискивая передними лапами шеи и уронив головы. И все равно высота их «холки» — кружевного воротника на шее, ставшего высшей точкой, достигала не менее шестидесяти метров — высоты двадцатизэтажного дома!

Вблизи броня сверхдраконов оказалась пластинчатой, состоящей из выпуклых граненых ромбов, полупрозрачных, словно шлифованные драгоценные камни. В глубине каждой пластинки горел тусклый желтый огонек. Кемпер постучал ледорубом по броне, вызвав тонкий, ноющий, стеклянно-металлический звук.

— Сезам, откройся! — пробормотал Алиссон, невольно съеживаясь, ожидая, что гигант шевельнется в ответ и оставит от них мокрое место. Но все оставалось по-прежнему, в наушниках рации гнусавил голос руководителя группы, дающего указания подчиненным.

— Ходят слухи, — обронил Кемпер, с некоторым сомнением глядя вверх, на крутую гору трупа суперзавра, — что

наш знакомый доктор Хойл обратился к русским с предложением поломать головы над проблемой остановки суперзавров и какой-то русский физик будто бы предложил нашим воjakам хорошую идею.

— Не слышал. Что за идея?

— Чтобы удержатъ драконов в «загоне», нужно скармливать им понемногу в центре Невады радиоактивные шлаки, отходы топлива ядерных реакторов. Неплохая идея?

— Неплохая, но подана слишком поздно. — Алиссон не стал рассказывать другу о своей встрече с французом и его идее.

— В том-то и дело, что физик предложил ее еще до бомбардировки драконов криогенераторами. Ну что, поехали? — Под верещание счетчика Гейгера Кемпер первым полез на согнутый крючкообразный палец лапы, судорожно вцепившейся в скалу.

Никто не обратил внимания на действия «альпинистов», каждый торопился сделать свою работу, зная, что второй раз попасть сюда будет очень непросто.

Подъем был не слишком трудным, однако «скалолазы» очень скоро поняли, что грани выпуклых чешуек брони зверей не только твердые, но и чрезвычайно острые: сначала Алиссон, неловко повернувшись, начисто срезал полкаблука сапога на левой ноге, потом Кемпер порвал ткань комбинезона на колене, и наконец порвалась веревка, неудачно скользнувшая по острой шпоре на сгибе «локтя» суперзавра. Пришлось сбавить темп подъема, и Алиссон подумал, что у них не останется времени на спуск, когда будет дана команда рассаживаться по вертолетам. Кемпер подумал о том же, но отступать было не в его правилах.

Они взобрались уже на первый горб суперзавра, от которого начинались гребенчатые наросты, переходящие в «крылья», когда Алиссон вдруг обратил внимание на мерные звуки, даже не звуки — сотрясения, ощутимые руками и ногами, исходившие из тела ящера. Палеонтолог остановился и прислушался: глухой, едва слышимый удар, короткое сотрясение брони, тишина пять секунд, и снова — удар, сотрясение...

— Господи!.. — пробормотал он.

— Что? — оглянулся Кемпер, шедший на четыре метра

выше. — Поднимайся, чего остановился. Не успеем добратся до головы.

— Погоди... прижмись к шкуре и послушай.

Летчик приник грудью к уродливому выступу, замер, потом спросил, не меняя позы:

— Что это?

Алиссон сел, ноги не держали его, и сказал глухо:

— Вероятно, это его сердце, Вир. Он жив, черт возьми! Француз был прав! Надо немедленно уходить... дать сигнал... он может очнуться в любую минуту.

— Не паникуй. — Кемпер и в этой ситуации не потерял присутствия духа. Нашупав пряжку ларингофона на шее, позвал: — Берринджер, майор Берринджер, где вы?

— В чем дело? — слышался в наушниках бас командира звена вертолетов. — Кто меня зовет?

— Пилот Кемпер. Сэр, немедленно дайте сигнал тревоги и заберите людей!

— Что за шутки, Вирджин? У тебя живот заболел? Или соскучился по Рестеллу?

— Сэр, шутками здесь не пахнет. У него бьется сердце!

— У Рестелла?

— Идиот! — вырвалось у Алиссона. — Майор, оставьте свой солдафонский юмор, у суперзавра бьется сердце, понимаете? Он жив! Включайте тревогу и эвакуируйте людей, пока...

По телу ящера пробежала судорога, едва не сбросив «восходителей» с тридцатиметровой высоты. В эфире наступила полная тишина, сменившаяся через мгновение хором криков. А еще спустя мгновение леденящий душу вопль сирены перекрыл все остальные звуки.

— Держись! — крикнул Кемпер, цепляясь за веревку.

Толчок поколебал корпус суперзавра — это выпрямилась передняя правая нога, еще толчок — пошла левая. Два толчка подряд, затем серия металлических ударов следом, визг раздираемого камня, и над вцепившимися в наросты на шкуре панспермита людьми вознеслась его кошмарная голова!

Где-то далеко взревели двигатели вертолетов, прозвучали автоматные очереди: у кого-то из солдат охраны не выдержали нервы.

— Делай, как я! — Кемпер быстро сделал несколько сним-

ков и заскользил по веревке вниз, до уступа бедра суперзавра. Затем оттолкнулся от него и скрылся за уступом. Алиссон без колебаний последовал за летчиком.

Ценой десятка ушибов, сорванных шлемов, порезов и ссадин им удалось спуститься на землю, но убежать они не успели: панспермит — это был Стрелок — повернул голову в их сторону.

Две минуты — Алиссону показалось, что прошла целая вечность, — они, не двигаясь, смотрели друг на друга: люди и чудовищный пришелец; боковые глаза-радары суперзавра были закрыты, а центральный отсвечивал прозрачной влагой, словно ящер плакал, но в его взгляде не было ни злобы, ни угрозы, ни ненависти, только недоумение и боль. А может, это показалось Алиссону. Волна судороги пробежала по телу дракона, подняв металлический перезвон.

Суматоха у вертолетов улеглась, крики стихли, два из них поднялись в воздух, за ним последний, ведомый напарником Кемпера: летчик действовал по приказу майора, спасавшего двадцать человек и пожертвовавшего двумя — Алиссоном и самим Кемпером. Суперзавр перевел взгляд на вертолеты, но не сделал ни одного выстрела из своей носовой «гамма-пушки», потом снова повернулся к оставшимся землянам, дернул «крылом» и... отвернулся! Рядом начал просыпаться Тихоня.

— Пошли, Норман, — сказал скрежещущим голосом Кемпер. — Кажется, он нас отпустил.

— Зачем? — очень спокойно осведомился Алиссон. — Мы никуда не успеем уйти.

— Почему? Если тихонько отойти к ущелью, а потом рвануть...

— Я не о том, драконы нас, может, и не тронут, они более великодушны, чем Рестелл и компания.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что операция «двойной удар» вступила в завершающую стадию.

— А-а... — сказал, помолчав, Кемпер. — Я и забыл. Но, может быть, Джайлс и... кто там с ним... Киллер не станут бросать атомную бомбу? Возьмут и примут предложение русского, а? Подождем?

— Что нам остается?

Обменявшись полуулыбками, они отошли, не таясь, на километр, сели на камни и стали наблюдать за действиями суперзавров, не знавших за собой никакой другой вины, кроме факта рождения в «неположенном месте» в самую жестокую из эпох, которую сами же люди называли калиюга...

Драма 4

НАЕЗДНИК

Горела деревня.

Автобус медленно катил по абсолютно пустому шоссе мимо горящих домов, мимо черных, голых деревьев, и люди, притиснувшись к окнам автобуса — журналистская бригада из всех стран СНГ, молчали. Потом раздался чей-то сдавленный шепот:

— Смотрите, яблони!

Алевтина, у которой, как и у всех, ком стоял в горле, оглянулась на молодого сконфузившегося парня, фоторепортера из журнала «Экспрессмен», потом перевела взгляд на деревню. То, что березы в Чернобыльской зоне иногда зеленели зимой, она слышала, но не знала, что яблони в садах в августе месяце могут стоять кроваво-красными, почти голыми и тем не менее — с огромными, изумительно красивыми и аппетитными плодами.

— Зона! — со знанием дела улыбнулся сосед Алевтины, перехватив ее взгляд. Он тоже прилетел из Москвы, как и она, только представлял не «Известия», а «СПИД-инфо». Звали его Леонидом Панасюком, и еще в самолете он, как говорится, «положил взгляд» на Алевтину, однако к его ухаживанию девушка осталась равнодушной и реагировала на них холодно. Ей не нравились не в меру самоуверенные всезнайки.

За околицей деревни стояли тракторы и экскаваторы, но не мертвые, брошенные, как показалось сначала, а с водителями.

— Прибыли хоронить, — снова проговорил Леонид авторитетным тоном.

— Кого хоронить? — не поняла молоденькая журналистка из «Белновостей».

— Деревню, — кивнул на окно Леонид. — За десять лет ликвидаторы похоронили уже двадцать с лишним деревень.

Автобус выбрался за пределы деревни, увеличил скорость, но через несколько минут вынужден был остановиться. До АЭС оставалось около двух километров, и на въезде в радио-экологическую зону стоял блокпост внутренних войск. Молодые суровые парни в камуфляжных комбинезонах и лихо заломленных беретах быстро проверили документы, обыскали автобус и подняли шлагбаум.

Еще через четверть часа автобус подкатил к новому двух-этажному зданию с зеркальными освинцованными стеклами. Здание принадлежало научно-исследовательскому центру, и располагались в нем многочисленные медицинские, биологические, радиологические, физические и лаборатории контроля, центры, в которых работало не менее четырехсот человек. По сути, АЭС вместе с научно-исследовательским институтом и производственно-техническим центром в настоящее время представляла собой полигон со сложным хозяйством, в который входила и тридцатикилометровая зона вокруг, — странный и опасный радиологический заповедник.

В здании располагался также пункт дезактивации и санобработки для работников центра и прибывающих гостей.

Четвертый энергоблок со взорвавшимся реактором, упрятым в саркофаг, стоял от здания всего в трехстах метрах и был хорошо виден. Из стали и бетона, он отсвечивал на солнце серебром. Но люди в автобусе долго разглядывали его, притихшие и смирные, пока проводник, сотрудник центра, а также по совместительству работник коммерческой фирмы «Чернобыль-Интеринформ» Эдик Мартиросян, нескомандовал выходить.

Прошли в здание, в специальной раздевалке сняли с себя все «цивильное» и облачились в химзащитное белье, штаны, ботинки и хлорированную фуфайку.

— Фу! — скривил нос Леонид, норовя пристроиться поближе к Алевтине. — Ну и амбре!

Воняла фуфайка, конечно, отвратительно, однако, по мнению Алевтины, вынести эту вонь можно было и без комментариев.

— Идем к реактору, — объявил проводник. — Фотоаппа-

раты, ручки, карандаши, записные книжки, диктофоны и магнитофоны не брать! Ни к чему не прислоняться, руками ничего не трогать. Что надо, я скажу сам. Вопросы тем не менее задавать можно, отвечу в пределах компетенции.

Мартиросян повернулся и зашагал впереди. В отличие от журналистов он был одет в джинсовый костюм, превратив его в «зонный комплект». Пятнадцать представителей прессы и телевидения разных агентств и стран, переговариваясь, потянулись за ним.

Леонид сошел с дорожки, чтобы подойти к сосне с огромными — с кулак! — шишками, но получил сердитый окрик:

— Осторожно, земля грязная! Завезли два месяца назад, но она уже «хапнула» две тысячи микрорентген. Ходите только по асфальту, он ежедневно моется. До сосен дотрагиваться не рекомендую, они из деревьев самые чуткие к радиации, берут до тысячи микрорентген.

Леонид вернулся на дорожку, поглядывая на свои ботинки, будто хотел увидеть радиоактивные «флюиды».

Прошли через рыжий лес, полностью выгоревший от радиации. На его опушке росли и зеленые сосны, но, как пояснил Мартиросян, их недавно высадили ликвидаторы.

Возле реактора царила будничная суета. Люди в серой, белой, черной и оранжевой спецодежде что-то переносили, что-то строили, обсуждали, тянули кабели, куда-то шли. Над журналистами нависла пятидесятиметровая стальная стена с контрфорсами, закрывшая фасад пострадавшей западной стены энергоблока.

Несмотря на самообладание, Алевтину пробрала дрожь. За стеной саркофага, чаще называемого просто «гробом», дремал ядерный джинн, способный в любую минуту преподнести сюрприз. Что он и делал на протяжении десяти с лишним лет со времени катастрофы. Так, в 1991 и 1995 годах саркофаг по неизвестным причинам дал трещины, а в 1990 и 1996 годах внутри «гроба» вдруг началась самоуправляемая ядерная реакция. Ее удалось задавить, а трещины залить бетоном, но никто не мог с уверенностью предсказать, на что еще способен самый большой в мире и застывший на неопределенное время ядерный взрыв.

Притих даже Леонид, благоговейно взирая на могучие контрфорсы, призванные укрепить стену.

— По оценкам экспертов, в саркофаге лежит около ста шестидесяти тонн ядерного топлива, — сказал Мартиросян, оглядываясь на Алевтину; видимо, красота девушки подействовала и на него. — Но это топливо не содержится в ТВЭЛах, то есть в контролируемых «рубашках». Во время аварии там была температура около семи тысяч градусов, металл, бетон, конструкции, топливо — все расплавилось и потекло. Лава пошла по коридорам, прожгла ходы в слабых местах... В общем, за стеной спит вулкан, полный лавы! Теперь я покажу вам реактор. Но прошу не отставать и не отвлекаться.

— Шаг вправо, шаг влево — стреляю! — проворчал Леонид, но на его шутку отреагировал лишь проводник:

— Просто в саркофаге и сейчас есть щели, сквозь которые «светит» до четырех тысяч рентген.

Мартиросян снова глянул на Алевтину и повел группу вокруг «гроба», официально именуемого «Укрытием», чтобы показать северную стену, построенную бетонными уступами. С той же стороны находился вход в здание станции, сохранившееся и укрепленное впоследствии строителями саркофага.

Алевтина уже знала, что готовится проект постройки над «гробом» нового саркофага — «Укрытия-2», полностью герметичного и безопасного, с размещением внутри завода по переработке радиоактивных отходов. Но, во-первых, Украина не имела необходимой суммы на строительство — около двух миллиардов долларов (впрочем, такой суммы не имело и все сообщество независимых государств), а во-вторых, расчетный срок строительства — десять лет — оптимизма ликвидаторам и правительству страны не добавлял.

Обошли здание, поглазели на гигантские трубы насосного бетонного агрегата, установленного недавно для накачки под давлением специального бетона в полости под реактором, и вошли в здание энергоблока.

За два часа они находились по коридорам и тоннелям до одурения, осмотрели систему подачи в реактор раствора метабората калия для подавления активности ядерного топлива, уникальные сигнальные системы датчиков температуры и

гамма-излучения «Шатер» и «Финиш», камеры протелевидения, не боящиеся радиации, пылеподаватели, венткамеры и камеры отсоса жидких радиоактивных материалов. Им показали даже знаменитую «слоновью ногу» — огромный поток застывшей лавы, отсвечивающий фиолетовым, голубым и зеленым цветом, с перламутровыми переливами вздувшихся пузырей металла и расплавленного камня, кирпича и бетона. На пятьдесят третьей отметке третьего блока реактора им также позволили заглянуть в оконце тридцать на сорок сантиметров с толстым бронированным стеклом. Оконце позволяло заглянуть в жерло реактора с зависшей в нем «Еленой» — верхней крышкой диаметром в двенадцать метров и толщиной в три.

— Фон здесь безопасный, — сказал Мартиросян, — однако долго таращиться не стоит.

Алевтина заглянула в оконце и в рассеянном свете прожектора увидела слоистый, серый, какой-то мертвый туман. Из тумана торчали полуразрушенные бетонные балки, металлические фермы и обломки стен.

— Туман — это пылеводяная взвесь, — пробубнил над ухом Мартиросян. — Когда реактор горел, в жерло высыпали пять тысяч тонн химических соединений, доломита, песка, глины и свинца. А когда образовалась и стала разноситься пыль, добавили воды. Серый туман — пар и пыль, да еще и под давлением. Реактор-то горячий.

Алевтина отодвинулась, уступая место коллегам.

— Ну, как? — поинтересовался проводник, блеснув хищным глазом.

— Страшно, — призналась девушка.

— Пройдет, привыкнете. А вечером вы свободны? — понизил голос Мартиросян. — Мы могли бы уютно посидеть в рестораничке. В Славутиче их два, неплохие, кстати.

Алевтина посмотрела на орлиный нос Мартиросяна и его щегольские усики, отрицательно качнула головой:

— Я занята.

— Тогда, может, завтра?

— Вряд ли.

— Ну и видик! — подошел Леонид, избавляя Алевтину от

обязанности продолжать разговор; проводник отошел, командовал идти за ним.

— Между прочим, Аля, — продолжал Леонид, — что ты делаешь вечером?

«Еще один «свободный человек», — с тоской подумала девушка. — Неужели на мне написано, что я в разводе?»

— Меня зовут Алевтина Васильевна, — сказала она со вздохом. — И вечером я... — придумать она ничего не успела, потому что из группы проходивших мимо работников АЭС в оранжевых комбинезонах ликвидаторов вдруг вырвалась молодая смуглая женщина и дотронулась до рукава фуфайки Алевтины:

— Алька, ты?!

— Мапочки, Маринка! — ахнула Алевтина, приглядевшись.

Перед ней стояла бывшая одноклассница и подруга Марина Шикина, повзрослевшая, вытянувшаяся, женственная и такая же обаятельная, как и прежде, с милой улыбкой и классическим «греческим» профилем.

— Не отставайте, — подстегнул группу Мартиросян, оглядываясь на остановившихся было журналистов.

— Это сколько же мы не виделись? — сказала Марина, сделав отталкивающий жест и тут же объясняя его: — Тут обниматься не рекомендуется.

— Как закончили школу, так и разошлись. Лет шесть прошло. Значит, ты ликвидатор? Никогда б не подумала!

— А ты, значит, журналистка? Никогда б не подумала! — в тон Алевтине ответила Марина, и они засмеялись. — Страшно рада тебя видеть! Ты где остановилась?

— Где и все, в гостинице в Славутиче. А ты где живешь?

— В деревне, отсюда всего в девяти километрах. Не хочешь погостить? У меня машина, заберу после обеда, и поедем.

— А не опасно?

— В Тепловке не опасно.

— Договорились. Мы тут будем еще часа полтора, потом я свободна.

— Тогда жди в офисе турфирмы, Эдик тебя развлечет.

— Он уже пытался назначить встречу. Ты его знаешь?

— Кто же его не знает? — белозубо рассмеялась Марина. — Ну, ладно, побегу, дел невоворот. — Она заспешила к поджидавшим ее мужчинам в оранжевых комбинезонах, потом оглянулась, подбежала, шепнула: — Как я рада тебя видеть, Алька! — и пропала за одной из дверей коридора.

Задумчивая Алевтина поспешила догнать группу журналистов, ушедшую вперед.

* * *

В три часа дня Марина подкатила к зданию научно-исследовательского центра на джипе «Данатсу», похожем на облагороженный российский «газон» по кличке «козел». Однако внутренняя отделка машины намного превосходила дизайн и качество «козла», так что Алевтина даже забыла заготовленную заранее шутку, когда села рядом с подругой.

Эдуард Мартиросян, успевший переодеться в костюм с галстуком, вышел провожать Алевтину и, наверное, надеясь на продолжение знакомства, но Марина на его «подвези до Славутича» ответила насмешливым «адьо, Эдичка, нам не по пути», и уехала, не оглядываясь.

— Вообще-то мужик он неплохой, — сказала она, когда «Данатсу» выехал за ворота контрольно-пропускного пункта после обязательного мытья колес. — Но только безответственный.

— Бабник, что ли?

— Слабо сказано. По крайней мере шестерым моим знакомым он обещал жениться, но слова, естественно, не сдержал. А так не дурак, видел много, рассказывать умеет. А что за парень возле тебя крутился? Друг?

— В самолете познакомились. Но мне он не нравится, пришлось отшить.

— Ты не замужем?

— Была. — Алевтина ответила неохотно, и Марина кивнула, понимая ее чувства. — Захочешь, расскажешь. — Помолчала. — Я тоже одна. Был один парень... крутой и сильный... а после него все мужики на одно лицо. В общем, не нашла я второго принца. Наверное, его и в природе не существует.

— Чепуха, твой принц тебя найдет. — Алевтина не стала

говорить, что надеется и на свою удачу. — Рассказывай, как ты здесь оказалась, в Чернобыле.

Машина вырвалась на шоссе, связывающее АЭС и город энергетиков Славутич, но через несколько километров свернула на узкую асфальтовую ленту, ныряющую в густые леса на левобережье Припяти.

Деревня, в которой жила Марина Шикина, называлась Тепловкой и располагала всего девятью дворами. В двух жили семьи «самоселов», как называли вернувшихся в свои дома, в основном — стариков, в третьем жила Марина с родной бабушкой Варей.

— Я сначала тоже в Славутиче прописалась, — сказала Марина, загоняя машину во двор. — А потом съездила к бабе Варе и переехала. К тому же выяснились кое-какие обстоятельства.

— Какие?

— Потом расскажу. И покажу.

— А не опасно здесь все-таки? — Алевтина вылезла из кабины, потянулась всем телом, оглядывая хозяйство бабы Вари.

В подворье входила бревенчатая изба — хата, как тут говорили, крытая потемневшим от времени шифером, сарай для коровы и поросенка, курятник, погреб, сарай для сена, огород и сад.

— Сейчас уже не опасно, — ответила Марина. — Месяца три назад в километре еще было цезиевое пятно с фоном до тысячи микрорентген, но исчезло, так что можешь спать и есть все спокойно.

— Как это — исчезло?

Марина нырнула в хату и вышла уже с хозяйкой. Бабе Варе пошел восемьдесят второй год, но была она осанистой, полной, седоволосой, с круглым и гладким лицом, на котором выделялись живые прозрачно-голубые глаза.

— Заходите до хаты, — сказала она, когда внучка познакомилась с подругой, — поснидайте, обид на столи у голбци.

— Пошли, умоемся с дороги. — Марина повела Алевтину в дом. — Вода здесь чистейшая, родниковая, очень вкусная.

— Но ведь до эпицентра всего девять километров!

— Я же говорю, тебя ждет сюрприз. Но чтобы ты была спокойна, вот дозиметр, видишь? — Марина показала на

стоящий на столе прибор. — Фон — почти нулевой, ниже природного. Пообедаем, отдохнем, и я тебе кое-кого покажу.

— Кого?

— Помогает нам тут один... леший.

— Раньше ты загадками не говорила.

— А иначе нельзя, подумаешь — сбрендила. Лучше показать.

Девушки умылись, переоделись, сели за стол. Алевтина оглядела предлагаемое меню, искоса глянула на улыбчивую бабу Варю, потом на спокойно накладывавшую в свою тарелку закуски Марину. На столе стояли грибы, соленые и маринованные, квашеная капуста, яйца, сало, картошка, куриные котлеты, хлеб — каравай, самогон и бутылка шампанского.

— Все свое, из огорода и с поля, — проговорила баба Варя. — Да ты не бойся, милая, ешь, все алгически чистое, как внушка говорит.

— Экологически, — засмеялась Марина. — Ешь, все верно.

Выпили, закусили, повеселели. Начались расспросы и рассказы, воспоминания. Но как бы ни была Алевтина раскрепощена, она все время ощущала угнетающую психологическую атмосферу Чернобыля, мешающую ей чувствовать себя свободно и раскованно.

— Так ты и не сказала, как оказалась в зоне, — проговорила она.

— Случайно. — Марина погрустнела. — Я ведь закончила Киевский политехнический, факультет металлоконструкций. А он был в другой группе...

— Кто — он?

— Гриша. Позвал — я поехала... — Марина залпом выпила стопку самогона, вытерла наворачнувшиеся на глаза слезы. — Представляешь, делал шпагат, отжимался сто раз, пятьдесят подтягивался, даже на одной руке подтягивался, бегал, в футбол играл... а потом попал под вынос, щель в саркофаге образовалась... и через год похоронили. — Она махнула рукой, вытерла слезы. — Вот так я здесь и осталась. Ладно, давай о другом. Ну, а ты все время в столице?

— Закончила МГУ год назад, ушла от мужа, развелась... Он мне квартиру оставил, двухкомнатную, на Солянке, все надеялся, что вернусь. Теперь живем вдвоем, я и собака —

чистокровный колли. Работаю в «Известиях», благодаря опять же его связям.

— А чего ж ушла, если он такой хороший? Такая броская мадам, аж завидно.

— Не сошлись характерами, — усмехнулась Алевтина. — Этот процесс длился не один год. Как-нибудь расскажу. Ну, а что за сюрприз ты хотела показать?

— Ты вообще-то пугливая или нет? Волков-медведей не боишься?

— А ты меня в гости к медведю отведешь? Не боюсь.

— Хорошо, коли так. Баб Варь, мы скоро придем, — крикнула Марина хозяйке, кормившей поросенка.

Шел уже шестой час после полудня, но солнце пекло, как и утром, зной растекался по земле, маревом дрожал над крышами домов, густо заполнял улицу, однако в тени дышалось легко, а в лесу и вовсе жара перестала ощущаться. Алевтина заметила, что в лесу не слышно птиц, и поделилась наблюдением с подругой:

— Везде так? Или птицы вообще покинули зону?

— Да нет, остались, хотя их стало намного меньше. Все больше воробьи да вороны, благородные птицы улетели.

— Радиации боятся. — Алевтина все еще вспоминала рассказы Мартиросяна и относилась к природе зоны настороженно.

Марина поняла чувства подруги, достала из кармана джинсовой куртки дозиметр, шелкнула крышкой.

— Можешь спокойно дотрагиваться до любого дерева, радиация здесь ниже природного фона.

— Как такое может быть?

— Я же говорила, у нас тут леший завелся. Вернее, не тут, я его возле реактора нашла. Думала — ящерица, странная такая, смешная. Принесла домой, я тогда еще в Славутиче жила, люблю с животными возиться. Начала кормить, а он не ест. Ну, думаю, сдохнет скоро. Проверила еще раз на радиоактивность — ноль. Оставила. А вечером пришла, что такое — счетчики в квартире молчат!

Марина замедлила шаги. Они сначала шли вдоль оврага, потом взобрались на холм, заросший соснами, и свернули направо к обрыву над рекой.

— В общем, оказалось, где Мутик ни появится, там радиация резко идет на убыль.

— Кто-кто?

— Я его Мутиком назвала, от слова «мутант», очень уж он необычный, этот звереныш. Баба Варя сначала его боялась, а потом ничего, привыкла, стала Двурылком звать. Ну, вот, добрались.

Девушки вышли на край оврага, вернее, старицы, образовавшей здесь естественный котлован с пологими травянистыми склонами и сухим песчаным дном, усеянным огромными валунами. Один из них привлек внимание Алевтины своим блеском и формой, а потом ей показалось, что она грезит. Валун вдруг ожил, стал разворачиваться, как броненосец, свернувшийся в шар, и Алевтина, холодея, увидела странную, чешуйчатую, двутелую и двухголовую фигуру,глянувшую на нее снизу вверх длинными, щелевидными глазами — по одному на каждой угловато-бугристой, похожей на медвежью, голове. Рук у монстра было две, ног тоже две, но два тела срастались на одном сидище, и необычное существо карикатурно напоминало раздвоившегося, но так и не разделившегося до конца человекомедведя. Ростом Мутик-Двурылко достигал, наверное, высоты телеграфного столба, но сверху не казался гигантом. Каждая чешуйка его тела горела на солнце, как золотая, и весь он казался одним золотым слитком, но стоило Алевтине шевельнуться, как двутелый урод погас, словно внутри его выключили свет, опустился на дно старицы и превратился в округлую каменную глыбу.

Марина вышла вперед, свистнула тихонько, и глыба снова зашевелилась, оживая, превращаясь в самое необычное из существ, когда-либо виденных Алевтиной.

— Знакомься, это и есть Мутик.

— Мамоchка родная! — пробормотала Алевтина. — И ты не побоялась взять его к себе домой?!

— Так он же тогда совсем маленький был, с кулачок.

— И никто о нем не знает?

— В Тепловке, конечно, знают все, кто живет, но помалкивают. Однако слушок уже прошел по всей зоне, что, мол, живет в лесах зверь, очищающий их от радиации. Правда, официальные лица в это не верят, а ликвидаторы и работни-

ки станции привыкли верить своим собственным рукам, даже не глазам. Мутик выползает из этой норы только по ночам.

Двутелое чудовище внизу снова пристально посмотрело на Алевтину, и столько в этом взгляде было настороженности, выразительного внимания, что Алевтина невольно схватилась за руку подруги.

— Он... так смотрит!

— Мутик умненький и все понимает. Ну, посмотрела? Пошли обратно. Мы еще придем сюда, если ты не уедешь завтра.

— Теперь не уеду. Хотела дать материал об АЭС, но теперь вижу, что он не главный. Ты хоть представляешь себе, какая это сенсация?! Животное-мутант, утилизирующее радиацию!

Марина покачала головой.

— Сенсации не будет. Мутик — не животное и не захочет, чтобы им занялись исследователи. Он что-то ищет здесь и, как только найдет, — вернется туда, где находится его родина.

— Где же?

— Далеко в космосе, — ответила Марина серьезно.

Алевтина фыркнула, но поскольку подруга не улыбнулась, оставаясь серьезной, призадумалась и она.

— Откуда ты знаешь? Ну, что он из... космоса?

— Мы с ним разговариваем. — Марина оглянулась, нахмурилась. — Не так, как люди, я просто вижу картины, которые он мне внушает. — Она вздохнула. — Но не все понимаю, к сожалению.

Алевтину пробрала дрожь, но она сделала вид, что верит рассказу. В голове мелькнула мысль о последствиях радиационного поражения мозга. Марина вполне могла заболеть психически после получения дозы радиации.

Марина искоса глянула на журналистку, улыбнулась.

— Небось думаешь, умом тронулась девка? Ничего, сама убедишься в обратном. Поможешь узнать, что ищет Мутик.

Алевтина, сбита с толку, пораженная увиденным и услышанным, посмотрела на застывшего чешуйчатого великана внизу и вдруг поверила, что он — не житель Земли! Озарение было ярким, мгновенным и абсолютно естественным. Что оно было навеяно двутелым уродом, Алевтина сообразила позже, когда они уже шли обратно.

Пока петляли по лесу и добирались до деревни, Алевтина молчала, переваривая удивительную информацию. Потом успокоилась, трезвый ум журналиста начал свою работу, и в доме бабы Вари она уже стала сама собой. Правда, на дальнейший разговор с Мариной сил не хватило. Переизбыток впечатлений был таков, что уснула Алевтина, как только голова коснулась подушки.

* * *

Утро началось с того, что в деревню пожаловали незваные гости.

Алевтина привыкла вставать рано, поэтому проснулась еще до семи. Но оказалось, что и баба Варя и Марина встали еще раньше.

— Одевайся и умывайся, пока я завтрак сготовлю, — заявила в спальню Марина, одетая по-домашнему в халат. — Как спалось?

Алевтина потрогала голову.

— Мы вчера в самом деле встречались с двухголовым или это мне приснилось?

— В натуре, — засмеялась Марина, восхищенно разглядывая Алевтину, снявшую ночную рубашку. — Ох и хороша ты, подруженька! Дурак он, твой мужик бывший, что такую крадю упустил. — Она вышла, зазвенела вилками и ложками у печки.

Алевтина села в позу лотоса, несколько минут медитировала, наполняя тело энергией, потом начала ежеутреннюю тренировку: уже шесть лет она занималась системой самозащиты тайцзицюань школы У. В журналистской практике ей приходилось сталкиваться со всяким проявлением внимания к своей особе, в том числе и с насилием. Годы тренировок сделали свое дело, и теперь она могла постоять за себя. Но закончить тренировку она не успела.

Возле дома послышался шум мотора подъехавшей автомашины, хлопнули дверцы, а затем раздался крик бабы Вари:

— Да что же делаете, супостаты! Ироды!

Алевтина, одетая в спортивное трико, выскочила на улицу.

У ворот стоял новенький, сверкающий вишневым покрытием, с зализанными формами, микроавтобус «Мицубиси»,

охраняемый молодым водителем в спортивном костюме из болоньевой ткани. Еще четверо молодых людей с одинаковыми прическами, в таких же костюмах, с большими черными сумками в руках, вломились на маковое поле и с ходу принялись рвать несозревшие коробочки, не обращая внимания на причитания бабы Вари.

Марины нигде не было видно, в погреб спустилась, наверное, и Алевтина стала действовать без ее подсказки.

— Эй, малый, — окликнула она того, кто был к ней ближе. — Прекратите безобразие!

— А то что? — лениво оглянулся тощий, но жилистый парень с челкой до глаз. — Ахой, Букер, займись леди, мешает. А ты бы шла воше... — больше он не успел произнести ни слова, потому что Алевтина прыгнула к нему и провела два удара с поворотом тела — локтем в грудь и плечом в ту же точку. Парень сложился пополам и рухнул в заросли мака без звука.

Его напарник оглянулся, глаза его расширились, брови поползли вверх.

— Ты чо... — начал он и свалился под куст смородины от удара в горло.

Третий собиратель мака, огромный и здоровый, как бык, с широким, но бледным и каким-то рыхлым бабьим лицом, бросил сумку и надвинулся на Алевтину, сжимая свои ладони-лопаты в огромные кулаки.

— Ну, сучка, сама напросилась, я тебе шас!..

Алевтина приблизилась, увернулась от удара, пропуская кулак слева, наотмашь врезала ладонью по щеке здоровяка, а второй ладонью сплющила ему нос. Пока он хватался за лицо, она повернулась вокруг своей оси и вонзила колено ему в бок. Парень вскрикнул, перекашиваясь, хватаясь за бок, и в тот же момент локоть Алевтины нашел его солнечное сплетение.

Четвертый любитель макового дурмана не стал испытывать свое умение драться и достал пружинный нож, но воспользоваться им не успел. Недалеко прогремел выстрел, из-за сарая на поле вышла Марина с ружьем в руках, навела стволы на бандита.

— Убирайтесь! Живее!

Чертыхаясь, постанывая, налетчики подобрали свои сумки и потянулись за вожаком с ножом к дороге, сели в микроавтобус.

— Ну, падлы, мы еще вернемся! — крикнул первый, подвернувшийся под руку Алевтине. — Молить будете о...

Гроыхнул еще один выстрел, фара микроавтобуса разлетелась брызгами. Шофер врубил скорость, и машина умчалась, унося команду наркоманов.

— Ты даешь, Алька! — подошла к подруге Марина. — Давно карате занимаешься?

— Это не карате, китайская школа. А если они вернуться?

— Пусть осмелятся. — Марина взвесила в руке ружье. — Есть и посерьезней игрушки.

К подругам подковыляла баба Варя, вытирая слезы на ходу, обняла их.

— Ох, девоньки, спасибо! Век не забуду! Паршивцы, на мои пироги с маком позарились... Ох, что за жизнь пошла...

Через полчаса они позавтракали, и Марина вывела со двора свой темно-зеленый джип.

— Тебя куда?

— Вообще-то, в Славутич, там готовится пресс-конференция директора АЭС. Вечером собиралась домой, но теперь не полечу, пару дней у тебя поживу. Не сильно стесню?

— Да что ты, Алька, — Марина выехала на дорогу, — я давно не чувствовала себя так хорошо. Конечно, оставайся. К Мутику ходим, по грибы, отдохнем, наговоримся. Захочешь, к мужикам в гости напросимся, у меня команда подобралась очень даже неплохая.

— Благодарствую, — улыбнулась Алевтина, — мне мужиков и в редакции хватает. Вот в баню я бы с тобой сходила.

— Организуем.

— Тогда поехали к станции, оттуда я доберусь до Славутича сама.

— Подброшу, дорога хорошая и пустая, много времени не займет, а вечером заберу.

Джип набрал скорость и покатил по асфальтовой дороге, соединявшей деревню с шоссе. На многие километры вокруг не было ни одного человека, по дороге уже давно никто не ездил, кроме спецкоманд и военных патрулей, и снова тем-

ное психологическое давление давней трагедии заставило Алевтину почувствовать злую тоску здешних мест и грозную, невидимую для глаз опасность.

* * *

Вечерней встречи с Мутиком не получилось. На прежнем месте, среди валунов в овраге у реки, его не оказалось.

Подруги даже спустились вниз, где было его логово, но двутелое чудовище следов не оставило, и куда оно отправилось днем можно было только гадать.

— Он мог пойти к реке, — предположила Алевтина.

— Он мог пойти куда угодно. — Марина присела на валун. — Меня это почему-то тревожит. Раньше он никогда не уходил отсюда в дневное время.

— Мутик! — позвала Алевтина.

Звонкое эхо повторило имя несколько раз и смолкло.

— Не кричи, — тихо сказала Марина. — Если бы он был неподалеку, услышал бы и так. Ладно, пошли домой, придем попозже, перед заходом солнца.

Подруги поднялись по откосу на гребень оврага и неторопливо побрели обратно, продолжая начатый разговор.

Алевтина за день успела побывать в трех местах, в том числе и на АЭС, куда ее пропустили только по настойчивой просьбе Марининых ликвидаторов. Узнала много нового о строительстве саркофага, о подготовке к строительству «Укрытия-2», о теплицах, в которых «для науки» выращивали клубнику размером с помидор и огурцы длиной с бревно. А еще она услышала давно бродившие среди работников станции легенды о мутантах, якобы встречающихся в лесах зоны: о громадных лосях с пятиметровыми рогами, о кабанах, похожих на мамонтов, и о гигантских ящерицах, превратившихся в динозавров и научившихся ходить на задних лапах. Последняя легенда явно была навеяна встречами с Мутиком, и Алевтина поделилась догадкой с подругой.

— Тут, кроме Мутика, много всяких уродов развелось, — ответила Марина. — Особенно потрясают насекомые. Посреди цезиевого пятна недалеко от Тепловки я видела муравейник величиной с дом! Ей-богу, не вру! А муравьи там живут размером с палец и летают!

— Да ну! — усомнилась Алевтина.

— Сама видела. Когда Мутик очистил пятно от радиации, этим мутировавшим муравьям стало, очевидно, плохо и все они подошли, а муравейник стоит до сих пор, могу сводить.

— Нет уж, спасибо, — передернула плечами Алевтина. — Как ты их не боишься?!

— А чего их бояться? Несчастные твари... несчастные животные... несчастные люди. У нас в команде один мужик работал, еще до меня, спортсмен, красавец, атлет, Саша Кучков. А командовал отрядом бывший подполковник химвойск Киян. Так вот этот Киян запрещал спецкоманде работать в химзащите на виду у населения. «Чтоб не будоражить людей», — говорил он. Через два месяца полкоманды списали по болезни. А Саша теперь — инвалид второй группы, в день может пройти не больше двух километров, позвоночник болит, голова — с ведро и глаза навывкат пошли. Не жилец, короче.

— А что ж Киян? — помолчав, спросила Алевтина.

— Уволился, урод, политиком заделался, собирается, говорят, баллотироваться в депутаты Верховной Рады.

— М-да! — только и сказала Алевтина. — Живут же такие твари на свете! Что он, что деятели из Политбюро и ЦК, запретившие людям говорить правду в восемьдесят шестом, после аварии.

— Мало того — погнавшие людей на майскую демонстрацию в Киеве! — Марина в сердцах поддала ногой мухомор высотой в метр. — Давай о другом, чего настроение портить. Лучше расскажи, как живет в Москве.

Девушки спустились к реке, медленно прошли по берегу, прислушиваясь к тишине, продолжая разговор. В деревне они появились около семи часов вечера, когда августовская жара пошла на убыль. А когда поужинали и собрались в лес, чтобы повидать Мутика, деревню снова навестили давешние знакомцы на вишневом микроавтобусе, любители наркотического кайфа.

На этот раз они действовали иначе. Двое зашли со стороны сада, держа в руках пистолеты. Еще двое вошли во двор и дали очередь из автомата по курятнику. На поднявшийся куринный переполох Марина и Алевтина выскочили во двор,

причем Марина прихватила ружье, но против них поднялось три ствола, сопротивляться было бессмысленно.

— Ну что, стервы? — сказал, поигрывая ножом-бабочкой, худощавый бандит с челкой до глаз. — Дождались гостей? Мы предупреждали. А теперь вам будет очень весело. — Он махнул рукой пятому налетчику, широкому, с длинными руками и бледным лицом. — Букер, волоки их в хату, поиграемся с телками немножко. А вы начинайте работу.

Двое, выглядывавшие из сада, потопали на маковое поле, а остальные повели девушек в дом, подталкивая в спины стволами автомата и пистолета. Бабу Варю они походя затолкали в сарай и закрыли двери на крючок.

— Повежливей, — проговорила Алевтина сквозь зубы, получив очередной толчок в спину.

— Глянь-ка, еще шебаршится, — заржал широкотелый Букер, хватая Алевтину за грудь... и, громко икнув от удара, свалился ничком.

Второго бандита Алевтина утихомирила ударом ноги в пах, но третий успел отскочить и направил на нее автомат трясущимися руками. Взвизгнул:

— Укокошу, сука!

И в это время за садом, в поле, раздались крики и началась суматошная стрельба.

Бандит изменился в лице, оглянулся, но лучше бы он этого не делал, потому что Алевтина прыгнула к нему и с силой рубанула ладонью по шее, одновременно перехватывая левой рукой ствол автомата.

Парень ойкнул, согнулся, но автомат не выпустил. Пришлось добивать его боковым приемом «семь звезд»: Алевтина ударила кончиками пальцев левой руки в бок бандиту, затем почти одновременно нанесла правой рукой удар вперед и вниз поперек левого колена. Парень опрокинулся на спину и замер. Алевтина отобрала у него автомат, Марина схватила свое ружье, и они выбежали в сад, где все еще раздавалась пальба.

Сцена, свидетелями которой они стали, могла повергнуть в шок кого угодно.

За двумя любителями мака топала пятиметровая кошмарная фигура в золотой чешуе, отмахиваясь от пуль громадными

ми пятипалыми лапами. Впрочем, пули ей вреда не причиняли, с лязгом отскакивая или с визгом рикошетируя от чешуй. Однако гигант не был похож на Мутика. Алевтина видела его двутелым, а тут двигался двуногий, двурукий и дуглазый великан с уродливой, почти медвежьей, головой, похожий на робота, медведя и динозавра одновременно. Лишь приглядевшись, Алевтина поняла, что это все тот же Маринин Мутик, только сжавшийся, соединивший оба своих торса в одно тело; линия раздела торсов была видна лишь вблизи.

Двое бандитов с белыми от ужаса лицами и белыми безумными глазами вихрем промчались мимо, залезли в машину, но завести мотор не смогли. Мутик дотопал до микроавтобуса и наступил на него короткой, по сравнению с туловищем, складчатой и толстой ногой. Парни едва успели выпрыгнуть оттуда. Раздался скрежет, скрип металла, и микроавтобус фирмы «Мицубиси» превратился в смятую посередине консервную банку.

Со стороны двора раздался вопль — это очнулась троица обработанных Алевтиной «маколюбцев». Один из них подобрал автомат, дал очередь по гиганту, а когда тот повернулся и пошел к нему, разделяясь на ходу в две фигуры на двух ногах, второй вопль означал, что парни наконец поняли смысл слова «ужас». Через минуту все было закончено. Пятерка наркоманов пылила окраиной деревни к лесу не оглядываясь.

Мутик остановился посреди двора, опустил руки. К нему смело подошла Марина, что-то ласково говоря. Алевтина, подобрав оружие, открыла запертую бабу Варю.

Хозяйка ойкнула, увидев нежданного гостя, шмыгнула в сени, и все же было видно, что двутелого уroda она хотя и побаивается, однако принимает как естественную часть природы.

Алевтину снова пробрала внутренняя дрожь, но она преодолела свой страх и подошла к Марине, глядя снизу вверх на не слишком уж и уродливые головы и туловища Мутика. Проговорила весело:

— Спасибо, дружище! Ты очень вовремя появился.

— Он встревожен, — повернула голову к подруге Марина. — Грядут какие-то события, а он еще не нашел, что ему нужно. Теперь он отправляется к реактору.

— Куда?! Ты представляешь, что будет? — нахмурилась Алевтина. — А если он полезет на четвертый блок? Да ненадолго нарушит саркофаг?

— Ты забыла, что он поглощает радиацию. Вдруг очистит весь аварийный корпус?

— А если наоборот — устроит взрыв? Да и не допустят его к реактору. Скажи ему, что к блоку идти опасно, там смерть.

— Он понимает наш разговор. Но все равно пойдет. А сюда пришел, чтобы попрощаться. Я как бы его мачеха в некотором смысле.

Алевтина хотела спросить: откуда ты знаешь, чего он хочет? — и в это время гигант стал наклоняться к ней, сгибая одно из туловищ в двух местах сразу. Побледнев, Алевтина с места, однако, не тронулась, только закрыла глаза. Затем раздался смех Марины.

— Не бойся, он так выражает свои чувства. Похоже, ты ему понравилась.

Алевтина открыла глаза. Перед ней, в метре от лица, находилась медвежье-драконья, хотя и без рта, голова чудовища с единственным, длинным и узким, светящимся, как янтарь на солнце, глазом. Этот глаз внимательно смотрел на нее, и девушке внезапно показалось, что ее обнимает горячая, тягелая, но мягкая и добрая рука.

Затем Мутик разогнул правую половину тела и зашагал со двора, аккуратно перешагивая забор, колодец, корыто с едой для поросенка. Скрылся за деревьями, только еще с минуту доносился звук его тяжелых, сотрясающих землю шагов.

Из хаты выглянула баба Варя, перекрестилась, поднесла руку козырьком к голове:

— Ушел? Ну и слава тебе, господи! Все ж таки не человек, не зверь, не поймешь кто.

Подруги переглянулись.

— Что будем делать?

— Не знаю. — Марина зябко потерла ладонь о ладонь. — Надо бы предупредить на станции, что возможен... визит лешего. Но и ему надо помочь. Да только не знаю как.

— Выведать бы, что он ищет.

— Да не понимаю я его. Знаю, что ищет, показывает какие-то картины... прямо в голове у меня появляются. Но не

галлюоники, не думай, я себя уже проверяла. Хотя первое время тоже пугалась.

— Что больше всего запомнилось?

— Космос... потом какая-то странная фигура; дракон на драконе. Знаешь, как бы всадник, а на нем еще сидит парочка наездников, как в цирке. Только вместо лошади — что-то вроде черепахи, а вместо людей — динозавры, причем все разной формы. Это, пожалуй, повторяется в его мыслепередачах чаще всего.

— Так, может, он и есть один из них, из тех «наездников»?

Марина задумалась, неуверенно качнула головой.

— Может быть, ты и права. Только где же он найдет своих напарников? Неужели прячутся в лесу, возле реактора?

Алевтина не ответила. Она составляла план своих действий на ближайшие несколько дней. Уехать в Москву ей придется, но как только сдаст материал в газету, тут же отправится обратно. Она чувствовала, что в Чернобыльской зоне начинаются события странные и удивительные.

Это был один из полусотни блок-постов на дорогах, ведущих к Чернобылю, расположенный в десяти километрах от аварийного четвертого блока АЭС. Дежурили здесь солдаты внутренних войск под командованием лейтенанта Оксюты, уроженца здешних мест. Как спецподразделение, ответственное за радиационный и химический контроль участка, а также дозиметрический контроль выезжающих из зоны автомобилей, отделение Оксюты давно перестало функционировать, но обязанности КПП приходилось нести в полной мере, несмотря на отсутствие большого движения. Начали возвращаться в свои покинутые села и деревни жители района, все еще шастали в поисках добычи мародеры и уголовники, сбегавшие из мест заключения, и вдобавок ко всему появились туристы, причинявшие солдатам больше всего хлопот. Всем не терпелось увидеть если не саркофаг над реактором, то хотя бы двухголовых коз, восьминогих поросят, лосей-мутантов с ветвистыми многометровыми рогами и вызывающими не меньший восторг одуванчиками величиной с голову человека.

Как правило, пропуска в десятикилометровую зону эти самодельные туристы, путешествующие на личном авто-

транспорте, не имели и приходилось заворачивать их обратно, не обращая внимания на уговоры или угрозы. Правда, лейтенант Оксюта понимал, что туристы и любители экзотики свободно могли миновать блок-посты, пробираясь по лесам или вдоль ручьев и рек, но воинский долг свой соблюдал неукоснительно.

Так, в обед он завернул обратно вишневого цвета микроавтобус с пятью пассажирами, спешащими якобы по вызову для усмирения бандита, терроризирующего деревню Тепловку. У старшего в машине было даже удостоверение сотрудника милиции. Но Оксюта машину не пропустил, так как, во-первых, у милиционера не было на руках спецпропуска, а во-вторых, ему не понравились наглые и какие-то болезненные лица молодых ребят.

А в начале девятого вечера лейтенант увидел тех же ребят, одетых в спортивные костюмы, но без машины, мчавшихся по дороге из зоны. Они даже не стали прятаться в лесу, перли по шоссе, бледные до синевы, не обращая внимания на вышедших навстречу солдат поста.

— Стой! — рывкнул Оксюта, выходя из небольшого деревянного, панельно-щитового здания блок-поста. Кивнул командиру наряда. Сержант дал очередь над головами бегущих.

Те наконец остановились, тяжело дыша, оглядываясь, ошалело глядя на подходивших бойцов наряда.

— Проверь, — сказал лейтенант, и командир наряда достал дозиметр, обошел пятерых сбившихся в кучку парней, от которых валил пар, покачал головой:

— Чисто, в пределах нормы.

— В чем дело? — подошел Оксюта, не снимая руки с кобуры пистолета. — Почему бежите? Как вы там оказались? Я же завернул вашу машину. Кстати, где она?

Худой чернявый парень с удостоверением милиционера нервно облизнул губы, оглянулся, унимая дрожь рук, глаза его стали осмысленными.

— Командир, пропусти. Нам было нужно... я знаю места... но там... там... — Голос парня сорвался.

— Что там? Да говорите толком!

— Там, в деревне... урод... с дом величиной! Мы хотели... а он вдруг вышел из леса и к нам! Пули обрзину не берут...

Лейтенант сообразил, о чем речь, мгновенно и выхватил пистолет. Его подчиненные среагировали соответственно, направив на «спортсменов» автоматы.

— Стоять! Не дергаться! Сдать оружие! Быстро!

Чернявый милиционер достал из-под мышки под курткой пистолет «ТТ», бросил на землю. Его напарники сделали то же самое. На асфальте образовалась горка оружия: три пистолета, автомат «узи», четыре ножа.

— Однако! — покачал головой сержант. — Целый арсенал.

— И куда же вы ходили? — осведомился ироническим тоном Оксюта. — С таким боезапасом? Саша, позвони в комендатуру, пусть заберут этих субчиков.

И в это время наблюдатель на вышке у блок-поста закричал:

— Лейтенант, смотрите, в лесу!

Оксюта оглянулся и остолбенел.

На опушку леса, начинавшегося в полусотне метров от дороги, вышло кошмарное, ростом с дерево, существо. У него было две ноги и две лапы, вытянутая вперед и в то же время прямоугольная медвежье-драконья морда с двумя щелевидными глазами, а кожа отсвечивала янтарно-золотыми чешуйками, создавая впечатление натянутых на тело металлических доспехов из выпуклых многогранников. Больше всего монстр напоминал вставшего на задние лапы медведя, хотя и без шерсти, или на динозавра, каким его представляли ученые.

Великан шагнул вперед и вдруг разделился на две фигуры. Вернее, так показалось лейтенанту. Разделилось на две части только туловище «динозавромедведя», образовав еще более странное и страшное чудовище, двуногое и двутелое.

Пискнув что-то, из рук сержанта рванулся чернявый милиционер и бросился по шоссе прочь от блок-поста. За ним помчались его приятели. Никто из солдат их не преследовал. Все, как замороженные, в том числе и командир подразделения, дивились на приближавшегося уroda, не веря глазам своим. Потом лейтенант опомнился:

— Иванов, Петрик — обойдите его слева! Каширин, Дильмах, вы справа! Сержант, дуй в подсобку, поставь на крышу пулемет.

Привыкшие к приказам, повидавшие в зоне много чего необычного, солдаты повиновались беспрекословно, охватывая лесного гостя в полукольцо и держа его под дулами карабинов и автоматов.

Набрав в грудь воздуха, лейтенант шагнул к обочине дороги, взмахнул рукой:

— Стой! Стрелять буду!

Чудовище сделало еще пару шагов и послушно остановилось, разглядывая солдат светящимися желтизной глазами без радужек и зрачков, причем каждое туловище реагировало по-разному, смотрело только на свой объект, и видеть это было жутко и непривычно.

— Пошел обратно! — снова взмахнул рукой лейтенант. — Обратно иди, в лес!

Наступила тишина. Солдаты замерли, сдерживая дыхание. Притих и сержант, развернувший на крыше блок-поста крупнокалиберный пулемет. Все ждали, что станет делать страшный пришелец. Он же, оглядев всех по очереди, посмотрел обеими головами на лейтенанта, сложил оба туловища в одно, неуловимо быстро повернулся, как бы перетек в другое положение, спиной к бойцам, и пошагал обратно в лес, заметно встряхивая землю каждым шагом: тумм-тумм-тумм. Ушел. Стало совсем тихо. Ошеломленные встречей солдаты смотрели друг на друга, на стену леса, сомкнувшуюся за спиной гиганта.

— Витя, кто это был? — спросил, слегка заикаясь, сержант.

— Черт его знает, Саша! — ответил лейтенант. — На лешего не похож, это уж точно.

— Может, мутант какой? Мне он кого-то напомнил.

— Комбата, — хихикнул один из солдат, закидывая карабин за спину.

— Не, я серьезно. Чем-то он на медведя в доспехах похож, только морда гладкая.

— На динозавра... на ящера... я видел картинки... точно, — слышались голоса остальных, собравшихся на шоссе и доставших сигареты. — Только я ни разу не видел двутелых динозавров. Все-таки это мутант...

— Что будем докладывать?

— Ах ты, мать твою!.. — Лейтенант сорвался с места. — Быстро давай комбата! Надо же задержать тех хлопцев, что бежали от этого двутелого чуда-юда.

Послышался гул моторов, из зоны шел автобус в сопровождении бронетранспортера.

— По местам! — оглянулся Оксюта.

Солдаты разбежались по своим местам, привычно подтягиваясь и проверяя оружие. Смутить их можно было лишь на короткое время. И все же необычность встречи подействовала и на них, такого странного мутанта они не только не видели сами, но не слышали о нем и в рассказах старожил.

Лейтенант Оксюта честно доложил командиру батальона о встрече с двутелым «динозавром», однако был достаточно искушен в подобных делах, чтобы не понять реакцию майора. Тот просто не поверил, пообещав разжаловать в рядовые «за употребление алкоголя на службе».

Двutel появился возле АЭС восьмого сентября, перепугав до смерти водителей колонны грузовиков, доставивших свежий грунт для выравнивания местности и замены старого, начинавшего «фонить». К реактору его, однако, не пустили, отпугнув огнеметами, но переполох поднялся изрядный. Даже опытные ликвидаторы, повидавшие немало страшных вещей в зоне, были потрясены, увидев шестиметрового гиганта, объявившегося у изгороди из колючей проволоки, которой была обнесена территория четвертого блока.

Военные, охранявшие периметр, были тем не менее опытными и хладнокровными людьми. Им не раз приходилось отпугивать диких зверей: лосей, медведей, кабанов, пытавшихся проникнуть в запретную зону, в том числе и мутантов. Еще один мутант, пусть и вовсе уж диковинного вида, хотя и произвел на них впечатление, но к отступлению или бегству не принудил. На выстрелы в воздух монстр не отреагировал, зато остановился, когда в его сторону протянулся длинный язык пламени из ранцевого огнемета. Затем удалился в том же направлении, откуда вышел к станции, оставив развороченный людской муравейник. Никто не попытался ни преследовать его, ни проследить за вектором движения. Люди,

в том числе и военачальники, были слишком потрясены встречей.

Но двутел появился у проволочного забора в тот же вечер, около десяти часов, только на три километра севернее, со стороны Припяти. На этот раз огнемёт его не остановил, как и выстрелы из карабинов и автоматов. Лишь выехавшие навстречу два БТРа с крупнокалиберными пулеметами заставили пришельца изменить маршрут, остановиться и отказаться от намерений (каких — не знал никто; как сказал директор станции: «Может быть, чудовище просто хотело погулять по территории»). Через несколько минут двутел убрался восвояси. И лишь спустя час выяснилось одно любопытное обстоятельство: дозиметры показали странное уменьшение радиационного фона в тех местах, где он шел.

Контроль обстановки стал для работников бригады обслуживания станции чем-то рутинно-обыденным, стандартной процедурой, от которой давно не ждали страшных открытий, и дозиметрист, обходивший залатанный периметр, даже не поверил глазам, когда в окошке прибора увидел одни нули. Он даже не поленился заменить дозиметр, но результат был тот же. И тогда на АЭС, а затем и дальше, в Славутиче и других чистых от радиации поселках, родилась сенсация, что появился неведомый зверь, который утилизирует радиоактивные отходы, каким-то непонятным образом очищает местность.

Эти слухи дошли сначала до уха директора АЭС господина Пашкина, а затем и до контрразведчиков из украинского министерства государственной безопасности (МДП — министерства державной безпеки). Высокое начальство в слухи не поверило, но направило двух агентов для проверки «психологической обстановки» на АЭС. И надо же было так случиться, что третье появление двутелого великана-мутанта пришлось именно на тот момент, когда агенты, лейтенант Конечко и капитан Пилипец, обходили проволочный забор километрового периметра зоны вокруг четвертого блока станции.

Двутел поднялся из котлована, оставшегося на месте старой насосной станции, подающей жидкий бетон. Раздались крики солдат, охранявших этот участок зоны, затем выстре-

лы. Но гигант легко прошел сквозь проволочное ограждение, обогнул штабель бетонных шпал и пучки труб и предстал пред взорами остолбеневших контрразведчиков. Несколько секунд люди и гигантский мутант смотрели друг на друга, словно встретились старые знакомые. Затем «динозавр» разделился на два независимых друг от друга тела, шагнул к застывшим в трансе гэбистам, и неробкие в общем-то профессионалы молча бросились бежать к станции.

Двутел их не преследовал. Он «обнюхал» штабель шпал, трубы, асфальтовую площадку, скрывающую под собой одно из старых радиоактивных пятен, отшвырнул с дороги трактор и направился вдоль забора, продолжая что-то вынюхивать и высматривать в густом поясе гигантских — трех-четырёхметровых — сорняков. Неизвестно, удалось ли ему найти то, что он искал, но на возню вокруг он не обращал внимания. Солдаты группировались за периметром проволочной изгороди, чтобы пресечь попытки мутанта приблизиться к реактору, если ему вздумается повернуть, рычали моторы бронетранспортеров и грузовиков, освещавших фигуру двутела фарами, а он брел вдоль проволоки, постоянно нагибаясь, и по сторонам не смотрел. Однако стоило двум бэтээрам двинуться к нему на малой скорости, как двутел перестал рыскать по территории зоны, с минуту рассматривал недалекий корпус четвертого блока с печально знаменитым силуэтом трубы с шестью площадками и направился прочь, снова пройдя сквозь двойную изгородь и не заметив ее.

Только теперь капитан Пилипец опомнился, перестал стискивать в потной ладони рукоять штатного «макарова» и оглянулся на бледного лейтенанта.

— Что скажешь, Паша?

Конечко проглотил ком в горле, криво улыбнулся.

— Если я чего не понимаю, то боюсь. Если радиация способна порождать такие мутации среди животных, то мне здесь делать нечего. Я не хочу получить рога, как у лося.

— Ну, ты их и вне зоны свободно можешь получить, от жены. — Пилипец вытер пот со лба. — Как ты думаешь, начальство в Киеве поверит сообщению?

— Это не моя забота. Докладывать будешь ты. Как доложишь, так и ответ получишь. Но сдастся мне, зону закроют.

Наглухо. Этот двутелый парень — колоссальная аномалия! Его надо изучать.

— Сержант, что там? — послышался неподалеку голос командира поста. — Пройди до котлована.

— Уже прошел, везде чисто, природный фон...

Конечко и Пилипец переглянулись, освещаемые рассеянным светом фар.

— А ведь до появления монстра здесь фонило до полутора тысяч микрорентген! — тихо сказал Пилипец.

— Ты думаешь, что он очистил площадку? Чушь какая-то! Как может живое существо поглощать радиацию?!

— Этот вопрос задай не мне.

Капитан вспомнил взгляд исполина, полный внимания и сосредоточенности, и поежился.

Лейтенант Конечко оказался прав.

Из Киева поступила команда закрыть десятикилометровую зону вокруг реактора, и на АЭС был сброшен десант спецвойск украинской службы национальной безопасности. Режим входа-выхода в зону предельно ужесточили. Теперь только работники станции, исследователи и ликвидаторы имели право доступа, получив специальные сертификаты, остальным лицам: хозяйственникам, снабженцам, инженерам производственного центра, не занятым непосредственно работой на «Укрытии», а также журналистам, доступ в зону был воспрещен.

На третий день действия режима группа поиска, имеющая вертолеты и другую технику, в том числе специальную, в виде ультразвуковых сканеров, переносных ВЧ-локаторов, счетчиков частиц, индикаторов полей и излучений, обнаружила двутелого монстра в районе деревни Тепловка. Монстр был обложен со всех сторон, после чего вступил в действие план какого-то высокого чина в министерстве обороны Украины, предусматривающий контакт с чудовищем, а в случае неудачи — его уничтожение.

Мариша Шикина, узнавшая об этом плане через своих знакомых в военном лагере, немедленно начала искать выход на командование десантом, и благодаря настойчивости и связям ей это удалось. Не последнюю роль сыграло в этом деле

то, что девушка жила в Тепловке, буквально в километре от места расположения двутелого мутанта.

Ее приняли в палатке командира спецбатальона подполковника Сидоровича; лагерь спецвойск, а также прикомандированных экспертов-экологов и биологов, специалистов по трансмутационным видам фауны, был разбит сразу за деревней, на берегу пруда.

Подполковник был высок, смугл, красив и лаконичен.

— Слушаю вас, — бросил он, кивнув гостю на походный складной стул. — Что вы хотели сообщить?

— Не уничтожайте Мутика, — сказала Марина, мучительно подыскивая нужные слова.

— Кого, простите?

— Ну... этого двутела. Это я его так назвала — Мутик, от слова «мутант». Но он не мутант.

— Откуда вы знаете?

— Это я его нашла... в километровой зоне. Мы трубы тянули, и под камнями я увидела его. Думала — ящерка, жалко стало. Проверила дозиметром — ноль, ну и взяла с собой, принесла в дом. Это уж потом он вырос...

— Интересно. — Подполковник окинул девушку иронично-скептическим взглядом, сел за стол. — Значит, вы являетесь его воспитателем, так сказать? Кем вы работаете?

— Ликвидатором... инженер по разработке металлоконструкций. Вы не улыбайтесь, я не сумасшедшая! — рассердилась Марина. — Мутик действительно дезактивирует территорию с любым видом загрязнений. Вы тоже могли убедиться в этом. И он не мутант, как я думала сначала, он попал на Землю из космоса.

— Ясно, — хлопнул подполковник ладонью по столу. — Хомченко, проводи мадам.

В палатку заглянул рослый адъютант командира батальона, выжидательно глянул на посетительницу, моргая белесыми ресницами. Марина встала, окинула красивого подполковника уничтожающим взглядом.

— Вы еще придете ко мне за консультацией, друже комбат. С Мутиком могу договориться только я. — Марина вспомнила об Алевтине. — И моя подруга, она скоро придет. Вас он не послушается, а пухля не боится.

— Спасибо за информацию, — махнул рукой Сидорович, снимая трубку телефона и тут же забывая о госте.

Когда Марину проводили за границу лагеря, она оглянулась и сказала, глядя на сумрачного адъютанта подполковника, одетого в защитный комбинезон без знаков различия, но с трезубцем на плече:

— Неужели среди вас нет умных людей?

Вопрос ушел в воздух. Адъютант к числу упомянутых людей явно не принадлежал.

...Закончив дела в Москве, сдав материал о Чернобыльской АЭС в редакцию и проведав собаку, оставленную у друзей, Алевтина прибыла в Чернобыль спустя неделю после прощания с Мариной. Но дальше Славутича ее не пустили даже с корреспондентским удостоверением, а точнее, именно из-за удостоверения и не пустили, объяснив популярно, что, во-первых, здесь не любят москалей, во-вторых, журналистов, а в-третьих — в зоне организован для приезжих особый режим.

Что это за «особый режим», Алевтина познала на собственной шкуре, когда ее вышвырнули из автобуса, возившего работников станции от Славутича к АЭС. Произошло это возле контрольно-пропускного пункта на шоссе возле Припяти, города-призрака, города, покинутого энергетиками и так и не заселенного впоследствии. Хоронить многоэтажный город под землей оказалось слишком дорогим удовольствием, его лишь огородили колючей проволокой, а домашнюю утварь в квартирах сожгли.

Прапорщик, высаживавший Алевтину, был слишком груб и поплатился за это, надолго запомнив пассажирку, потому что ей в конце концов надоели тычки и рывки и девушка свалила его на землю ударом в пупок. После этого ее зауважали солдаты КПП, хотя пропустить в зону все-таки отказались.

Тогда Алевтина, не став ждать возвращения автобуса, сделала вид, что собирается добираться до Славутича пешком, а сама, свернув за поворот шоссе, нырнула в лес и, руководствуясь своими недавними познаниями туриста, направилась к Тепловке, до которой в принципе оставалось не больше семи-восьми километров от этого места.

К дому Марины она добралась под вечер, сумев обойти патруль и воинскую часть, расквартированную в километре от деревни. К радости путешественницы, Марина оказалась дома, но эта радость быстро померкла, когда подруга рассказала, что творится в зоне, а также в лесу вокруг оврага, где прятался Мутик.

— Неужели они в самом деле собираются его уничтожить?! — воскликнула Алевтина. — За что?!

— Посмотрела бы ты на их командира — красавец писанный, но полнейший дуб, несмотря на погоны! Да и что может предложить хорошего хохлацкая безпека? Национальный лозунг самостийности и землянку как выход из жилищного кризиса.

Алевтина улыбнулась.

— Ты же сама хохлячка.

— Потому и знаю, что говорю. Видела бы ты эти морды — что в минобороны, что в Верховной Раде! Холеные, гладкие, хитрые... а в голове ни одной извилины! — Марина вздохнула, пригорюнилась. — Что же делать? Как спасти Мутика?

— А ты уверена, что его надо спасать?

— Что ты имеешь в виду?

— Его же пули не берут.

— А если они попробуют пушкой или бомбой? Все же четвертый блок — штука опасная, непредсказуемая. Если Мутик туда сунется, его точно ликвидируют. Нет, его надо спасать, только не знаю как. Может, ты что придумаешь?

Алевтина покачала головой.

— Ни одной дельной мысли. Нас к нему даже на километр не подпустят.

Вечер прошел в вялых разговорах и усиленных раздумьях о судьбе космического пришельца, которого приняли за мутанта, порожденного радиацией зоны. Однако девушки легли спать, так ничего путного и не придумав.

Разбудил их какой-то шум в четыре часа утра, когда небо начало светлеть и горизонт засветился малиновой полосой. Сначала послышалось знакомое тумм-тумм-тумм, от которого сотрясалась земля и пол хаты, а затем раздался гул вертолетных винтов, грохот моторов, человеческие голоса, звуки команд.

Набросив на себя халаты, подруги выскочили в сад, заливаемый светом прожекторов вертолета и бронетранспортеров, и увидели возвышавшуюся над яблонями и грушами фигуру Мутика, блистающую чистым золотом.

Их заметили.

— Эй вы, двое! — заревел в мегафон чей-то голос. — Немедленно очистите территорию! Уходите оттуда, быстро!

— Черта с два! — ответила Марина выразительно, медленно подошла к гиганту, глядящему на нее сверху вниз; в настоящий момент оба торса Мутика соединялись в одно тело, видимо, ему так удобней было передвигаться.

— Уйдите из сада! — снова заорал мегафон. — Вы мешаете провести военную операцию! Эй, кто-нибудь там поближе, уберите женщин!

— Привет, Мутик, — проговорила Марина со странной нежностью, несколько покоробившей Алевтину. — Что ты задумал? Зачем ты вышел из леса? Что ищешь возле реактора?

Двутел замер, продолжая глядеть на девушку, внезапно разделился на две половины. Одна его голова оглянулась, всматриваясь в цепь солдат и бэтээров, охватившую деревню кольцом, вторая стала приближаться к Марине.

— Сейчас же уходите оттуда! Будем стрелять! — надрывался мегафон. — Он вас сейчас покалечит! Немедленно бегите!

— Заткнись! — сказала Алевтина в перерыве между словами.

Мегафон умолк. Стихли крики, замолчали моторы машин, только стрекот вертолета нарушал тишину.

Сдерживая дрожь в коленях, Алевтина шагнула к подруге, стала за ее спиной. В этот момент чешуйчато-пластинчатая морда Мутика опустилась совсем низко, вплотную к девушкам, глаз великана налился желтым сиянием, и все поплыло перед глазами Алевтины.

Когда она пришла в себя, двутела уже не было в саду. Удался и гул вертолета, а также грохот двигателей военных машин. Алевтина поняла, что ее поддерживают под локоть, посмотрела на Марину.

— Ну что, оклемалась? — улыбнулась та. — Как самочувствие?

— Нормально, только голова слегка кружится.

— Пройдет. Мутик не рассчитал дозу.

— К-какую дозу? — заикаясь, спросила Алевтина, позволяя вести себя к дому, на пороге которого тихо причитала и крестилась баба Варя в белой рубаше.

— Он передает мысленные образы, хотя и не всегда понятные. Я уже привыкла, а тебя, видно, повело. Ничего не видела?

Алевтина вспомнила странные цветные всполохи перед глазами, черные кляксы и пятна, складывающиеся в какой-то геометрический узор, и покачала головой.

— Я ничего не поняла.

Марина засмеялась.

— Успокойся, я тоже почти ничего не поняла. По-моему, Мутик приходил советоваться, как вести себя с военными. Я ответила, чтобы он не связывался с ними, и он ушел. Кстати, тебе не показалось, что он подросток?

— Показалось, хотя я не очень присматривалась.

— Вот и мне тоже.

На пороге хаты Алевтина оглянулась.

Гул моторов и стрекот винтов удалялись на север, но не туда, где двутел устроил себе лежку. Он направлялся в сторону Припяти, покинутого людьми бывшего города энергетиков.

...В Припяти чешуйчатый двутелый великан не задержался надолго. Побродив по пустым улицам, он отправился на окраину города, где располагалось кладбище использованных при ликвидации аварии вертолетов, грузовиков, тракторов, передвижных кранов и пожарных машин. Все они стали радиоактивными, очистке и дезактивации не поддавались, поэтому начальство решило просто собрать их в одно место до тех пор, пока не найдутся время, деньги и методы утилизации радиоактивного металла. Ни второго, ни третьего у штаба по ликвидации последствий, естественно, не было.

На кладбище техники двутел остановился на сутки, исходив его вдоль и поперек, превратив множество новых с виду автомашин в металлолом. Когда он покинул пригороды Припяти, направляясь дальше на север, к реактору, дозиметристы установили, что уровень радиации кладбища упал ниже природного фона.

Легенда о способности чудовища к поглощению радиации, так сказать, в чистом виде, то есть, по сути — к преобразованию элементарных частиц и ядерных реакций, еще раз получила реальное подтверждение, зафиксированное десятком измерений. Обескураженные эксперты из бригады спецвойск еще и еще раз включали свои приборы, делали анализы и приходили к одному и тому же выводу: радиоактивность металла и прилегающей местности исчезла!

По настоянию экспертов подполковник Сидорович созвонился с командованием бригады в Киеве и получил приказ «действовать по обстоятельствам», а в случае необходимости, при прямой угрозе безопасности станции, и вовсе открывать огонь на поражение. Изучать феномен специально, тратить силы и средства на исследования, специальную технику, консультации с учеными командование в лице Борова, как подчиненные за глаза прозвали начальника инженерно-технического и научного обеспечения войск генерала Борисова, не сочло нужным.

Силовой эскорт, в состав которого вошел спецбатальон Сидоровича, экипированный гранатометами, ранцевыми огнеметами и минометами, а также три бронетранспортера, три вертолета, два танка, фургон экспертов и машины технического сопровождения, продолжал следовать за монстром в пределах прямой видимости, то есть буквально по пятам. Солдаты убедились в мирном настроении великана и не предпринимали попыток остановить его, но — до тех пор, пока он не приблизился к проволочному ограждению километровой зоны. Здесь произошел первый огневой инцидент с чешуйчато-золотым гигантом, рост которого, по оценке наблюдателей, достигал уже восьми с половиной метров.

Как только двутел прорвал ограждение, со стороны пустыря за северным торцом здания к нему навстречу вышли бронетранспортеры, командир подразделения прокричал в мегафон команду: «Стой! Стрелять буду!» — как будто «динозавр» был нарушителем границы и понимал язык людей, а затем по ногам чудовища ударили пулеметы. Пули с воем и визгом срикошетировали от крупных чешуй великана величиной с ладонь человека и едва не стали причиной трагедии, сыпанув по цепи солдат, сопровождавших монстра с двух

сторон. Пятеро получили ранения, причем один тяжелое — в живот. Никто из военачальников почему-то не удосужился снабдить бойцов особого отряда бронежилетами.

Двутел остановился, но не потому, что осознал предупреждение, а потому, что попал ногой в подготовленную ловушку: военспецы успели обнести территорию зоны особо прочной стальной сетью с мощными капканами, способными остановить даже слона. Однако освободился великан достаточно быстро, без усилий порвав лапами сеть и сломав рычаги капкана. Затем снова направился к реактору, не обращая внимания на очередную порцию крупнокалиберных пуль. Один из бэтээров замешкался, отрабатывая обратный ход, и двутел, не задерживаясь, ударом левой руки-лапы буквально вплющил пулемет в верхний лобовой лист бронетранспортера; пулеметчик успел, к счастью, прыгнуть и не пострадал.

Но до четвертого блока гигант не дошел. Подтянулись огнеметчики, создали вал огня на его пути, и двутел наконец остановился. Одна его голова дважды слева-направо и справа-налево «просканировала» окрестности, а вторая в это время пристально разглядывала что-то под ногами. Затем она так же пристально рассматривала здание реактора, в то время как огнеметчики продолжали создавать барьер из струй огня. Видимо, посчитав свою задачу на данный момент выполненной, двутел сжался в однотелого «динозавра-медведя» и неторопливо потопал обратно. Лучи утреннего солнца высекали искры в его золотой «кольчуге», слепили глаза наблюдателям и многочисленным зрителям, работникам станции, случайно оказавшимся в это время в этом месте. Хвост гиганта — бронемашины, огнеметчики, бойцы спецгрупп, вертолеты — удалился, исчез в лесу. Наступила тишина.

Директор станции вытер вспотевшее лицо, перевел взгляд с экрана телевизора на лицо собеседника и хрипло произнес:

— Вот гад!

— А если бы он прошел к реактору? — поинтересовался собеседник директора, осанистый, с широким, складчатым, красноватым лицом, по которому буквально расплылись губы и туфлеобразный нос. Это был заместитель председателя Верховной Рады Петр Яковлевич Оселедец.

— Не прошел бы. — Пашкин залпом выпил стакан мине-

ральной воды. — Мы там заложили фугасы направленного взрыва и скрытые окопы с быстро твердеющим бетоном.

— Судя по его остановке, он учуял эти ваши сюрпризы. Нет, подготовились вы слабо, Станислав Семенович.

— Еще раз предлагаю обратиться за помощью к Москве. Специалистов у них больше, возможностей тоже.

— Обойдемся! — сказал Оселедец с пренебрежением. — Сегодня я встречаюсь с премьером и попрошу вскрыть кое-какие арсеналы. Завтра утром необходимые средства будут у вас. А как вы думаете, Станислав Семенович, это действительно мутант медведя, как говорят?

— Вопрос не ко мне, — буркнул директор станции. — Там у Сидоровича есть эксперты, они должны выяснить.

— Но медведи ведь в зоне не водятся?

— Ну и что? — Пашкин озадаченно посмотрел на собеседника.

— Я к тому, что эту зверюгу могли подкинуть в зону специально, для провокации.

— Что?! — Глаза директора станции полезли на лоб. — Кому это взбретет в голову устраивать такую провокацию?!

— Кому-кому, москалям, конечно, — усмехнулся Петр Яковлевич. — Кому же еще?

— Да зачем это им?!

— Я понимаю, у тебя среди них много друзей, знакомых, родственников, но... — Оселедец прихлопнул ладонью по столу, блеснул злыми глазами. — Есть такое мнение. И его надо проработать, понял?

— Вы там в Раде совсем с глузду зыхалы! — искренне ответил Пашкин. — Одичали совсем!

Он был прав. Интеллектуалов в правительстве страны было немного, большинство составляли такие недалекие и властолюбивые люди, как Оселедец. Ни один из тех, кто был причастен к государственной тайне под названием «Мутант», не призвал остальных к изучению тайны. Появилась угроза — даже не безопасности станции — потерять свои кресла, и все ониотреагировали на появление двутела, как реагировали зрители гладиаторских боев в Древнем Риме — опусканием большого пальца вниз, что означало: уничтожить!

Три дня двутел отдыхал в лесу — так восприняли его поведение эксперты Сидоровича. Но они все же установили, что гигант при этом подрос на целых полтора метра. Теперь его рост составил высоту трехэтажного дома — десять с лишним метров!

За это время подполковник перегруппировал силы, оснастил подразделения более эффективным оружием — лазерными винтовками, ракетными противотанковыми комплексами, безоткатными орудиями, а также оборудовал вокруг километровой зоны минные поля. И все же главным защитным средством оставались военные вертолеты, обладающие, кроме ПТУРС и НУРС, еще и ракетами класса «воздух — земля».

Десятиметровый гигант не препятствовал снимать себя на пленку, фотографировать и даже подходить чуть ли не вплотную. Возбуждался он, лишь когда вблизи появлялись эксперты со своей аппаратурой, пока не стало ясно, что он реагирует на дальнобойный рентгеновский интроскоп, снабженный в качестве источника лучей радиоактивным кобальтом.

И еще Сидоровича очень сильно раздражали и досаждали журналисты, умудрявшиеся проникать в тридцатикилметровую зону и пытавшиеся пробраться к лежке «чудовищного мутанта». Одному из них удалось пройти все кордоны, найти деревню Тепловку и познакомиться с первооткрывательницей двутела Мариной Шикиной. После чего в «Киевских ведомостях» и одновременно в московских «Известиях» появилась сенсационная заметка под заглавием: «Чернобыльский мутант». Шума заметка особого не вызвала, но заставила украинские власти ужесточить визовой и пограничный режимы и полностью закрыть Чернобыльскую зону. Но и эта статья не смогла насторожить дуболомов из спецвойск МДП Украины и обратиться к виновнице торжества, давшей интервью пронырливому журналисту. Правда, благодаря такой нерасторопности настоящее имя журналиста осталось нераскрытым. Этим журналистом была Алевтина Морозова.

Девушки продолжали жить в Тепловке. Марина регулярно ездила на работу, Алевтина бродила по окрестностям, ездила по деревням и собирала материал для очередной подачи в газету. Предлагать свои услуги «контактеров» военному руко-

водству зоны подруги уже не пытались. Но в их услугах нужда все-таки возникла. В конце сентября в один из дождливых дней, превративших местность вокруг реактора в болото, Муттик — в официальных кругах он получил имя Двоерыл — снова отправился к четвертому блоку станции, закрытому саркофагом.

Он свободно прошел все огневые заслоны, организованные специалистами Сидоровича, в том числе выдержал гранатометную и ракетную — из противотанковых комплексов — атаки, и преодолел минное поле. Ни противопехотные, ни противотанковые мины не заставили его остановиться и видимых повреждений не принесли. Не остановил его и залп НУРС с вертолетов. Когда фонтаны земли, огня и дыма от взрывов осели, взору летчиков и наземных наблюдателей предстала тускло бликующая золотом фигура Двоерыла-Муттика, неторопливо бредущего по пустырю к зданию реактора. Казалось, он вообще ничего не замечает вокруг, занятый только ему одному понятными размышлениями.

У западной пятидесятиметровой стальной стены с контрфорсами он остановился и около пяти минут разглядывал ее, то соединяясь в одно тело, то снова раздваиваясь. Затем обошел корпус блока и вплотную приблизился к северной стене, построенной бетонными уступами. Дотронулся до нее обеими лапами.

Все, кто наблюдал эту картину, затаили дыхание. Директор станции покрылся липким холодным потом, представляя, что будет, если монстр проломит стену. Те же чувства, если не в большей степени, владели представителем Верховной Рады. Оселедец в принципе никогда не отличался храбростью, а тут до него дошло, что может произойти еще одна катастрофа, страшнее первой.

— Сделай что-нибудь! — прошипел он Пашкину, как проколотый воздушный шарик.

Директор станции не ответил. Он не знал, что можно сделать в данной ситуации. Стрелять по монстру ракетами было нельзя, а огнеметов и пулеметов он уже не боялся.

Один только подполковник Сидорович чувствовал себя нормально, ибо находился в своей стихии и собирался использовать все средства, которые имелись у него в арсенале.

Он дал команду (находясь на своем КП в лесу), и с двух сторон к замершему у бетонной стены саркофага двутелу двинулись танки. По замыслу Сидоровича, они должны были оттеснить чудовище от саркофага и в случае его сопротивления расстрелять его в упор кумулятивными снарядами. Но танки не успели выполнить свою миссию.

Чешуйчатая шкура гиганта вдруг вспыхнула, заиграла огнями, покрылась сеточкой голубоватых змеящихся молний. Двутел без усилий всунул лапы в бетон, постоял так немного, продолжая искрить и играть электрическим сиянием, затем погас и перетек из положения «спиной к наблюдателям» в положение «лицом». Он не поворачивался, как это делает человек, а именно перетек, как бы вывернулся сам в себе, и направился прочь от реактора.

Из сотен грудей раздался одновременно облегченный вздох. Радовались работники станции, ликвидаторы, строители, инженеры, наблюдатели, солдаты. Пашкин с утомленным видом вытирал лицо. Оселедец шумно отдувался, сморкался, вытирал потное лицо, тоже достав громадный клетчатый платок, чувствуя острое желание зайти в туалет. Радовались Марина и Алевтина, видевшие всю драму на экране телемонитора, установленного в кабинете главного инженера станции, который командовал бригадой ликвидаторов.

Не радовался только подполковник Сидорович, которому не удалось показать всю мощь своего спецподразделения.

Когда двутел скрылся в рыжем лесу на западе от реактора, раздался чей-то изумленно-сдавленный вопль:

— Стена! Смотрите!..

Телекамеры сфокусировались на том участке стены, возле которого стоял Двоерыл, и все увидели две глубокие дыры в бетоне. Гигант действительно продавил стену в этом месте, словно она была не из бетона, а из пластилина.

Пашкина едва не хватил удар. Побледнев до синевы, он дотянулся до телефона, просипел:

— Серый, кто там поближе?! Как сильно нарушен изоляционный слой? Какая там радиация?!

— Похоже, он пробил стену на всю толщину! — донесся голос главного инженера. — Но выброса нет. Вообще ничего нет. Радиация равна нулю!

Директор станции дико посмотрел на потекшего зампреда Верховной Рады, пошевелил губами:

— Сидоровича на связь!

Подполковник откликнулся через минуту:

— Преследую мутанта. Направляется в сторону запретной зоны номер три. Могу нанести бомбовый удар.

— Не надо. Просто следуйте за ним, замеряйте фон. Полковник, вы что-то там рассказывали о девушках, якобы первыми открывших это чудовище. Где их искать?

— В деревне Тепловке.

— Спасибо. Найдите и доставьте обеих сюда. — Пашкин выключил радиотелефон, посмотрел на Оселедца. — В нашем положении не следует пренебрегать ни малейшим шансом. А ведь его надо изучать, Петр Яковлевич. Явление действительно сногшибательное.

— Нехай його вовки зучають, — отмахнулся Оселедец. — Колы вин знову на реактор полизе...

— Понял. За безопасность станции отвечаю я. Что ж, пусть ваши гэбисты помогают чем могут. Двоерыл — это проблема!

Марину и Алевтину доставили в штаб «по ликвидации проблемы», коей стал Двоерыл-Мутик, вечером двадцать восьмого сентября. Штаб располагался в кабинете директора АЭС Пашкина, и руководили его работой три человека: сам Станислав Семенович, полковник из министерства национальной безопасности Шпак Иван Эдуардович и физик-ядерщик, академик, специалист по теории кластерных взаимодействий, Пупков-Задний Константин Феоктистович.

— Ну-ка, доложите нам, дамы, почему вы живете в деревне, где жить запрещено? — спросил подполковник, полный телом, с лысиной на макушке, которую он скрывал, тщательно зачесывая три волосины, с мясистым лицом и угрюмо-ехидными водянистыми глазами.

Алевтина открыла рот, собираясь честно рассказать историю своего появления, и закрыла, сообразив, что она журналистка, да еще из Москвы. Выручила Марина:

— Во-первых, я ликвидатор и живу здесь давно... в отли-

чие от вас. И знаю, где что можно делать. Тепловка же перестала быть запретной зоной, там вполне можно жить. К тому же у меня есть свое начальство, а оно...

— Ладно, ладно, успокойтесь, Марина Сергеевна, — пробурчал директор станции, знавший в лицо всех сотрудников и ликвидаторов, покосился на полковника. — С вами все ясно. А кто эта девушка?

— Моя подруга, — отрезала Марина. — Гостит у меня с разрешения властей. Кстати, классный специалист своего дела. С Мутиком мы познакомились вместе. Можно, мы присядем?

Мужчины переглянулись.

— Садитесь. Расскажите, как и когда вы познакомились с этим.... двухговым Големом.

— С кем? — не понял Шпак.

— С двутелым. Они его называли Мутиком, мы зовем Двое-рылом. И так?

— Я увидела его еще весной, — пожалала плечиками Марина, — в канаве возле третьего блока. Подумала — какая странная смешная ящерка. Он тогда был с хвостиком, такой безобидный, милый, безротый, величиной с ладошку. Ну и взяла к себе домой, предварительно проверив фон. А потом он начал расти...

— Понятно. Почему он к вам привязан? Мне докладывали, что вы с ним якобы разговариваете, и он вас слушается.

— Это не совсем так. Мы понимаем друг друга, но разговором наше общение назвать нельзя. Он не всегда меня... нас понимает, а отвечает... — Марина замялась. — Это нечто вроде телепатии, вернее, передачи мысленных образов. Кое-что я воспринимаю.

— Мутант-телепат, — хмыкнул полковник. — Такой белиберды в моей практике еще не встречалось.

— Почему вы считаете это белибердой? — тихо спросил третий участник разговора, устроившийся в уголке кабинета; был он тучен, сед, одутловат, с глазами навывкате, имел обыкновение прятать руки в карманы брюк и смотреть на собеседника исподлобья. — Существование Двоерыла — факт. Утилизация им радиоактивных материалов — тоже факт.

— Мутант, он и есть мутант. Но чтобы он еще телепатиче-

ски общался с кем-то... — Шпак окинул кислым взглядом сидящих напротив девушек. — Я в это не верю.

— Не дано, господин полковник, — сочувственно проговорила Алевтина. — Полковник, он и есть полковник.

Шпак побагровел, открывая рот, но его опередила Марина:

— Мутик — не мутант. Это я сначала так думала, что он мутант ящерицы, потому и дала имя — Мутик. А он вообще не с Земли. Его родина где-то далеко в космосе.

Шпак со стуком захлопнул рот, хотел покрутить пальцем у виска, но сдержался.

— Черт знает что мы здесь выслушиваем! Вы хоть сами понимаете, что плетете? Откуда вам известно, что этот ваш... Мудик — из космоса?

Впервые Марина смутилась. Объяснить свою уверенность она не могла, а ощущения негодились в качестве вещественных доказательств.

— Я... видела... такие прозрачные картины... Мутик передает образы, как галлюцинации... — Она окончательно сбилась и умолкла.

— Галлюцинаций нам только и не хватало! — Шпак сардонически поглядел на Пашкина. — Я же говорил, от баб нигде нет никакого толку.

— Сам ты баба! — Алевтина встала, потянула подругу за рукав. — Пошли, Марин, с этими солдафонами говорить, что песок жевать.

— Ну, ты!.. — снова налился кровью полковник. — Придержи язык, а то..

— А то что? — вызывающе подбоченилась Алевтина. — Ты меня в тюрьму посадишь? Расстреляешь? Руки коротки, господин невежа! — Она высоко подняла голову и вышла.

Марина встала, неуверенно глянула на директора. Пашкин махнул рукой: иди, мол. Девушка исчезла за дверью. В кабинете директора установилась тягостная тишина.

— Вертихвостки! — буркнул, остывая, Шпак. — Мнят из себя королев. Сегодня же вышлю из зоны ко всем чертям!

Пашкин поморщился.

— Вы действительно солдафон, Иван Эдуардович. К женщинам другой подход нужен. А ну как они правы? И Двое-рыл — космический монстр, случайно свалившийся на Землю?

— Чушь!

— Не знаю, не знаю... А вы как думаете, Константин Фектистович? Есть в словах этой девицы резон?

— Пока нет полной информации, допустима любая гипотеза, — отозвался академик, безучастно отнесшийся к перепалке в кабинете. — Если эти девицы действительно контактируют с мутантом... э-э кем бы он там ни был, то они могут быть полезны.

— С бабами лучше не связываться... — начал полковник, но посмотрел на Пашкина и замолчал.

На пульте директорского селектора вспыхнул зеленый глазок, раздался чей-то молодой энергичный голос:

— Станислав Семенович, Двоерыл окопался в семи километрах от реактора, в центре запрещенной зоны номер четыре.

Шпак вопросительно глянул на Пашкина, тот проворчал:

— Это радиоактивное пятно: криптон-85, углерод-14, цезий-237, рубидий, стронций и куча изотопов. Фон — до тысячи кюри... Как он себя ведет?

— Никак, — ответил селектор. — Бродит по полям и нюхает землю.

— Нюхает?

— Ну, не знаю, наклоняется... а дозиметры после этого показывают в тех местах нули.

Мужчины в кабинете молча смотрели друг на друга.

— Надо было все-таки выслушать девчат, — сказал академик Пупков-Задний. — Надо знать, что он любит, чем питается, чего боится, чего ищет. Может быть, существует способ остановить его на подступах к реактору и без пальбы.

— Сами с ним разговаривайте, — махнул рукой Шпак. — У меня есть задание — ликвидировать объект угрозы, а не изучать его. Я не верю, что эти наглые бабы могут нам помочь. Лучший способ остановить уroda — пригрозить ему расправой.

Пашкин, знавший множество примеров обратного, промолчал. Он тоже не видел выхода из создавшегося положения. Угроза была слишком велика, чтобы полагаться только на советы молодых женщин. Никто не мог предсказать, во

что выльется новое появление чудовища у стен саркофага, хранящего за стенами из стали и бетона сто шестьдесят тонн ядерного топлива.

Марину и Алевтину на время оставили в покое, чему подруги были очень рады. Повлиять на ситуацию они не могли и уже не надеялись, но все-таки вынашивали планы помочь Мутику или хотя бы уговорить его покинуть территорию АЭС. Мирное поведение двутела еще ни о чем не говорило. Лишь Марина знала, что терпение «небесного динозавра» имеет пределы. Последующие события подтвердили ее уверенность.

Целую неделю гигант бродил по лесам, полям и лугам Чернобыльской зоны, методично прочесывая самые загрязненные давним радиоактивным выбросом места, превращая их в экологически чистые районы. За это время он подрос еще на четыре метра и теперь был виден издалека даже в лесу. К Тепловке он больше не подходил, и девушки могли только по слухам, от знакомых на АЭС, знать о его похождениях. Журналистов в Чернобыль не пускали, и вся информация о мутанте была засекречена так, что о положении дел не знали даже депутаты Верховной Рады и члены правительства, не говоря уже о народе. Зато слухам, один нелепее другого, не было числа.

Так, Алевтина, будучи в Славутиче — в магазинах города можно было купить все, что необходимо для жизни, — услышала историю о «рождении в лесах одной женщиной двухголового змея».

— И будто бы она с мужиками-то не спала, — рассказывала бабуля в троллейбусе, — а увидела во сне рогатого дьявола, поговорила с ним и наутро понесла и родила жуткое чудовище!

Историю эту Алевтина рассказала Марине, они посмеялись и погрустили. Действительность была более чудовишна и масштабна, чем любые выдумки, но именно они влияли на сознание обывателя, грозя вылиться когда-нибудь в панику. Во всяком случае, одно следствие слухов уже проявилось, самоселы перестали возвращаться в свои родные деревни и села в Чернобыльской зоне.

Очередной инцидент с Мутиком произошел третьего октября.

Марина и ее гостя узнали об этом раньше других, вернее, услышали ночью грохот канонады и поняли, что Мутик снова подошел к реактору четвертого блока. Подробности инцидента стали известны утром, когда Марина поехала на работу, прихватив с собой Алевтину.

Двutel вышел к проволочной изгороди километровой зоны со стороны Припяти, ни разу не наступив на мину. Не обращая внимания на эволюции военной техники, прорвал заграждение, миновал полосу сюрпризов Сидоровича — сети, скрытые ямы, ловушки и капканы — и преодолел ров с фугасами направленного действия; ни один фугас, как и мины на минном поле, не сработал.

Тогда полковник Сидорович с молчаливого согласия полковника Шпака применил новинки: боевой лазер, разработанный в украинских секретных институтах, напалмовые гранаты и танковые пушки с кумулятивными снарядами, способными пробить броню толщиной в полметра или бетонное укрытие толщиной в три метра.

Лазер, включившись, через пять секунд взорвался, оконфузив разработчиков. К счастью, никто при этом не пострадал. На гранаты четырнадцатиметровый гигант не прореагировал, а вот на выстрелы из пушек, произведенные в упор, с расстояния в пятнадцать метров, ответил сильнейшим разрядом, напоминавшим сноп ветвистых голубовато-зеленых молний. Сноп вонзился в ствол двадцатимиллиметровой танковой пушки слева и превратил ее и башню в странное ветвистое дерево из расплавленного металла. Ни один человек из экипажа танка не уцелел. Двutel повернулся ко второму танку, но его водитель, демонстрируя небывалую реакцию, уже дал обратный ход и успел отвести машину на безопасную дистанцию.

На ракетный залп двutel сначала не ответил, однако на эволюции вертолетов и вторую их атаку снова отозвался молнией, превратившей одну из грозных боевых машин в огромную «виноградную гроздь» — причудливый куст расплава. После этого двутелый великан, уже никем не преследуемый, проследовал к бетонной стене саркофага и, как и в прошлый

раз, утопил свои лапы в бетоне. Оделся в сеточку ослепительных голубых молний, постоял несколько минут и не спеша двинулся обратно, освещаемый прожекторами.

Вслед ему не взлетела ни одна ракета, не прозвучал ни один выстрел. Люди, свидетели происшедшего, изумленные, пораженные, обескураженные, ужаснувшиеся, смотрели в золотую бликующую спину чудовища и молчали, не рискуя вызвать его гнев.

Когда эксперты исследовали новые дыры в стене саркофага, стало известно, что Двоерыл опять продемонстрировал свое умение «выкачивать» радиацию: радиоактивный фон в этом месте упал ниже природного — двенадцати пикокюри. Но выявились и негативные последствия вторжения двутела в стену саркофага: стена, во-первых, дала трещину в двух местах, и во-вторых, резко подскочила активность ядра реактора, сплавившегося в единый ком ядерного топлива, защитных трубок, регулирующих стержней, металлоконструкций, оборудования стенок и корпуса реактора.

Марина Шикина была вызвана в кабинет директора АЭС сразу после появления на работе. На этот раз с ней больше говорили ученые и эксперты, нежели представители министерств обороны и безопасности. Они внимательно выслушали рассказ девушки и даже попросили пересказать видения, посещавшие Марину во время контактов с двутелом. Та пыталась это сделать, но не слишком вразумительно, и полковник Шпак, прямой и простой, как голенище сапога, прервал беседу, пренебрежительно назвав рассказ Марины «сонным бредом». Марина уже привыкла к манере его поведения и не обиделась, с грустью подумав, что решать судьбу Мутика будет именно этот облеченный властью недалекий человек.

— Вы уверены, что правильно интерпретировали свои галлюцинации... простите, видения? — спросил ее академик Пупков-Задний. — По-вашему, Двоерыл — не земное животное?

— Он не животное, — сдвинула брови Марина. — Во всяком случае, не больше нас с вами. Он другой, не такой, как люди, но все же разумный. Я это чувствую. А в том, что он прибыл на Землю из космоса, я уверена. Да и какое земное

животное, какой бы панцирь оно ни носило, способно выдерживать ракетные атаки?

— Спасибо, — кивнул Пупков-Задний. — Мы поняли. Как, по-вашему, можно повлиять на двутела? Заставить его не ломать саркофаг? Ведь это чревато новой катастрофой, страшнее первой.

— Я не знаю, — тихо ответила девушка.

— Я же говорил, все это ерунда на постном масле, — вмешался полковник Шпак. — Ничем она не поможет, да и что ждать от...

— Баб, — договорила Марина с презрительной улыбкой. — Вы законченный кретин, господин хороший! Позвольте узнать ваш официальный статус?

— Не грубите старшим, Шикина, — недовольно бросил Пашкин. — Это полковник национальной службы безопасности Шпак. Идите.

Марина невольно засмеялась.

— Я вас поздравляю, коллеги. Если операцией руководит господин Шпак, вы многого добьетесь!

Она вышла.

Директор станции посмотрел на брюзгливое лицо Шпака с оттопыренной нижней губой.

— По-моему, Иван Эдуардович, девица в чем-то права. Вместо того, чтобы помогать нам разобраться в ситуации, решить дело мирным путем, вы мешаете.

— Пойдите к черту, Станислав Семенович, — грубо ответил полковник, недобро сверкнув глазками. — Отвечаем за ситуацию мы оба, а не эта вертихвостка. Что вы запоете, если ваш Двоерыл разрушит объект «Укрытие»?

— Лазаря, — буркнул Пашкин.

— Я предлагаю конкретное действие, — сказал академик Пупков-Задний. — Послать девиц, открывших мутанта, для установления с ним прямого контакта. Сами девицы действительно не способны оценить пси-сообщения двутела, нужны специалисты, профессионалы. Но через них мы установим связь...

Шпак шумно встал. Голоса тихо переговаривающихся военных экспертов стихли, замолчал и Пупков-Задний.

— Стемнеет — будем его брать! — тяжело произнес полковник и вышел.

Но взять Двоерыла не удалось.

Операцию по захвату разрабатывали Шпак и Сидорович, однако они не учли ни прежних ошибок, ни данных о физической силе монстра, ни страха, который владел исполнителями, видевшими демонстрацию огневой мощи великана.

Вертолетчики сбросили прочнейшую кевларовую сеть на Двоерыла с высоты в сто метров, а не с двадцати, как задумывалось, и сеть зацепила его краем, а не накрыла в центре. Соответственно сработали замки, нарушив симметрию «сачка» и закрутив сеть вокруг торса исполина, оставив свободными его лапы. Двоерыл легко сорвал с себя сеть, глянул на поспешно удиравшие вертолеты и побрел в лес, волоча за собой тросы и капканы, которые тоже сработали нештатно. Следовать в темноте за гигантом было опасно, и основные силы Сидоровича, бронетранспортеры, танки и мотострелки остались дожидаться утра на берегу Припяти.

Но Двоерыл далеко не ушел. Побродив в окрестностях одного из кладбищ техники, участвовавшей в ликвидации аварии в восемьдесят шестом году, он к утру снова подобрался к проволочной изгороди, оконтуривавшей километровую зону реактора. Войско Сидоровича, сделав рывок, перекрыло ему доступ в зону, и наступило томительное ожидание новых бедствий, настоянное на нервном напряжении и страхе за судьбу АЭС.

— Что будем делать, Иван Эдуардович? — осведомился Пашкин у полковника Шпака. — Есть еще порох в пороховницах? Я имею в виду не ракеты и бомбы.

Директор имел в виду запасы интеллекта, мысленный потенциал, но полковник его не понял.

— Мы развернули полк «Водопадов»¹, а с аэродрома в Грабарях готово стартовать звено «Сушек» с ракетами класса «серая зона».

— Великолепно! — хмыкнул Пашкин. — Промахнись кто-нибудь из них, попади в саркофаг, и мы получим атом-

¹ Реактивные установки залпового огня третьего поколения.

ный взрыв мощностью в миллион Хиросим! Конечно, вряд ли Двоерыл выдержит такой взрыв, но ведь и от нас с вами ни хрена не останется.

— Что там — от нас, — усмехнулся бледными губами академик Пупков-Задний. — От Украины и Белоруссии ничего не останется!

— Ну? — посмотрел на Шпака директор станции.

— Пускайте своих баб, — буркнул тот, помолчав.

Через сорок минут к изгороди, возле которой топтался двутел, доставили Марину и Алевтину.

Девушки, одетые по-походному в джинсовые костюмы, медленно направились через заросший сорняками пустырь к огромной фигуре Мутика-Двоерыла, отмечая про себя, что он еще больше вырос. Остановились в десяти шагах, чувствуя невольное волнение и неуверенность. Ни Марина, ни ее подруга не знали, чем можно заинтересовать двутела и как уговорить его не трогать укрытие над аварийным блоком АЭС.

Мутик повернулся к девушкам и разделил тело на два торса. Одна голова его обратила внимание на Марину, вторая на Алевтину. Журналистка невольно вздрогнула, поежилась, сказала со смешком вполголоса:

— Он, похоже, относится к нам по-разному.

— Во всяком случае, различает, — отозвалась Марина, сделала шаг к великану в золотой чешуе. — Привет, малыш. Как ты себя чувствуешь?

Шестнадцатиметровый «малыш» приблизил к ней свою жутковатую голову, долго смотрел не мигая, потом отодвинулся.

— Подойди к нему ближе, — прошептала Марина, не поворачивая головы. — Он хочет нам что-то сказать.

Алевтина, чувствовавшая себя неуютно из-за десятков взглядов, скрестившихся на ней и не пропускающих ни одного жеста, подошла к Марине и стала рядом. Двутел присел, складывая ноги не как человек, а как кузнечик, снова приблизил к девушкам голову, потом вторую, и Алевтине показалось, что она внезапно провалилась в глубокий колодец со стенами из дыма и звезд.

Падение показалось долгим, почти бесконечным. Тело девушки пронизывало какие-то слоистые сложнейшие конст-

рукции, таранило сотни странных живых существ, летело вниз в сопровождении прекраснейших или чудовищных созданий и наконец достигло дна.

Удар по нервам был столь силен, что Алевтина потеряла сознание, а когда пришла в себя — поняла, что все еще стоит рядом с Мариной, поддерживаемая ее рукой. Мутик уже не сидел напротив на корточках, он уходил от них вдоль проводочного заграждения, поглядывая под ноги и по сторонам.

Где-то зарычали моторы танков, послышались голоса команд и постепенно стихли. К девушкам подбежали двое бойцов из отряда Сидоровича в спецкомбинезонах и с автоматами на груди.

— Быстрее, там вас ждет полковник.

— Шел бы он куда подальше! — пробормотала Алевтина, все еще чувствуя головокружение, повернула голову к подруге: — Что ты видела?

— Много чего, — ответила погруженная в раздумья Марина, испытующе посмотрела на Алевтину. — А ты?

— Я падала... в колодезь... но скорей всего это мое воображение так восприняло космос. Теперь и я уверена, что Мутик живет там. И еще я видела странную фигуру...

— Наш Мутик верхом на жутком динозавре?

— И еще на ком-то вроде черепахи! — Алевтина вцепилась в рукав куртки подруги. — Они потерпели катастрофу... разбились!

Марина кивнула.

— Мне он это показал давно. Но и тебя принял в друзья, раз решил рассказать свою историю.

— Может, не свою, а своего родителя, предка? Ведь он родился уже здесь? Ты нашла его детенышем?

Марина с удивлением посмотрела на Алевтину.

— А ведь верно! Я как-то об этом не подумала. Мутик же здесь родился! — Она внезапно стукнула себя ладошкой по лбу. — Поняла! Мутик ищет своего родителя... или его останки. Они явно где-то здесь. Вот почему он рыщет по территории АЭС.

— Он же радиацией питается...

— И питается одновременно. Но главное — ищет, мешать

ему не надо. Он не собирается устраивать тут атомный ад, разрушать саркофаг.

— Зачем же тогда он его ковыряет?

— Ты уже ответила на этот вопрос. Мутик питается радионуклидами, и саркофаг для него — огромный пищевой склад. Понимаешь? Его надо не отгонять от станции, не чинить препятствия, а, наоборот, создать все условия для прохода к блоку.

Алевтина засмеялась.

— Ты что? — озабоченно посмотрела на нее Марина.

— Представляешь рожу этого Шпака, когда мы сообщим ему наши предложения? Он наверняка загонит нас в психушку.

— Пожалуйста, идемте к машине, вас ждут, — сказал один из солдат, маявших рядом.

Девушки проводили взглядом блещущую спину Мутика и последовали за спецназовцами к ворчащему неподалеку бэтэру.

Шпак не принял версию подруг о космическом происхождении мутанта и о том, что Двоерыл ищет своего предка. Он был сугубо земным человеком, вернее, приземленным, провинциалом в худшем значении этого слова, без капли воображения и творческих потенций, он привык верить только своим глазам и знаниям, тем вещам, которые можно «помацать», и над отвлеченными теориями голову ломать не привык. Перед ним стояла задача — не допустить опасного врага на территорию охраняемого объекта, и полковник эту задачу стремился выполнить во что бы то ни стало, нимало не заботясь об исследовании феномена.

Так, утром он выгнал из кабинета делегацию ученых научно-исследовательского центра, ратующих за изучение удивительного существа, а часом позже пообещал отдать под трибунал своего заместителя, подполковника Зайца, который посмел заикнуться о том же.

Однако слова девушек неожиданно нашли подтверждение. Двоерыл, дважды обойдя реактор по кругу километрового радиуса, как обычно прорвал заграждение, подошел к домикам производственного объединения и растоптал одно из строений, в котором находилась насосная станция и узел пе-

регрузки с двумя автоцистернами для перевозки радиоактивной жижи. Затем начал работать экскаватором и бульдозером одновременно: лапами рыть котлован, а ногами отгребать землю в сторону.

Ему не мешали, и через час двутел вырыл не котлован, а ров в форме полукруга шириной в двадцать и глубиной в пять метров. Отошел, полюбовался на свою работу (у солдат устали пальцы на курках пулеметов, кнопках пуска ракет и рукоятках огнеметов) и снова спустился в ров. Еще через час он углубился в землю уже на десять метров и почти скрылся во рву, без устали выбрасывая кубометры грунта каждым движением «ковшей»-лап.

Напряжение наблюдавших за его действиями людей достигло предела. Полковник Шпак даже решил было послать подразделение разведчиков поближе ко рву, который приобрел к этому времени крестообразную форму, чтобы выяснить, что затеял монстр. Наземные телекамеры видели только горы земли, а оптика вертолетов не доставала дна рва. Но Двоерыл опередил полковника.

Вал земли, образовавшийся по краям рва-котлована, вдруг зашевелился, и над ним выросли две головы гиганта. Медленно, напрягаясь, останавливаясь на короткие мгновения, он вылез на свет спиной вперед, и стало понятно, что двутел тянет за собой некий белесый хвост, похожий на корневую систему какого-то исполинского дерева. Вытащил, посидел рядом на корточках, спрыгнул в котлован и тут же снова поднялся наверх.

Что он делал в двух огромных «корнях», вытянутых из земли, люди не поняли. Дважды его тело покрывала сеточка бледных на солнечном свете молний, перетекала с лап на «корни» и гасла. После этого двутел бросил возиться с «корневой массой» и двинулся к реактору.

Защитники АЭС, давно ждавшие этого момента, открыли огонь из гранатометов и переносных противотанковых комплексов, практически не промахиваясь, разукрасив тело монстра огненными цветами взрывов, но Двоерыл не остановился. Подойдя к уступчатой бетонной стене саркофага, он, как и прежде, вонзил в нее лапы, постоял немного, оделся в ослепительную желто-зеленую корону сияния и спокойно побрел

обратно, оставив еще одну пару отверстий в стене на высоте пятого этажа. Но на этом не успокоился, а вернулся к вытянутым из-под земли двум толстым «корням» и начал копать в них, то спускаясь в котлован, то выкарабкиваясь на обрыв.

Внезапно что-то вспыхнуло там, в глубине котлована, откуда торчали бело-жемчужные ажурные «корни», похожие на связки канатов или костей. Двutel выпрямился, заглянул вниз, дотронулся до «корня», засиял весь, словно превратился в язык огня, и... исчез!

Сутки обалдевшая команда Сидоровича искала двутелого монстра на территории АЭС. Однако Двоерыл действительно исчез, словно испарился, превратился в пыль, в газовое облако, в ничто.

Уже стало ясно, что он вытащил из земли верхнюю часть скелета какого-то исполинского существа, судя по очертаниям — своего родителя или предка. И это открытие привело умы всех действующих лиц в состояние шока. Всех, кроме полковника Шпака. Он бодро доложил начальству в Киеве о «ликвидации угрозы станции» и получил отеческое уверение министра безопасности в скором повышении в звании. Однако радость полковника, равно как и остальных участников событий, оказалась преждевременной.

Ровно через сутки Двоерыл вернулся!

Но это был уже совсем другой монстр.

Во-первых, рост его достиг высоты десятиэтажного дома. Во-вторых, от пояса и ниже он был закован в оранжевую броню из выпуклых шестиугольных плиток. И в-третьих, разогнав ковырявшихся в скелете его предка людей, он сразу закопал его обратно, заровнял площадку над могилой и потоком ослепительного радужного огня превратил ее в расплавленное море лавы. Когда лава остыла, взору потрясенных наблюдателей предстала «керамическая крышка», надгробие над могилой предка двутела, гладкое, полупрозрачное, бликующее под лучами осеннего солнца.

Затем подросший исполин двинулся к зданию четвертого блока, сбил молнией неосторожно приблизившийся вертолет

и одним ударом правой лапы проломил западную стену саркофага — стальную, с металлическими контрфорсами. Взывшая мгновением позже сирена означала, что в блоке резко повысилась интенсивность гамма-излучения. Разрушенная стена дала обильную радиоактивную течь.

Поздно ночью шестого октября президенту Украины позвонил президент России:

— Не спишь, вислоносый?

— Не сплю, чубатый, — ответил украинский президент, не всегда понимавший юмор собеседника.

— Ну еще бы тебе спать. Что там у тебя происходит в районе Чернобыля?

— А что происходит в районе Чернобыля?

— По моим сведениям, в тридцатикилометровой зоне отчуждения объявился некий мутант размером со слона и ломает объект «Укрытие». Может, нужна помощь? Так я немедленно пришлю.

— Как всегда, твоя разведка на высоте. Да, у меня появились кое-какие проблемы, но я уверен, что справлюсь.

— Ой, не кажи гоп, хлопче. Чернобыльская АЭС — не только твоя головная боль и забота. Если там снова рванет реактор... оставшийся в живых народ тебя не поймет.

— Представляю. Поверь, друже, делается все необходимое.

— Мне сказали, что этот мутант якобы не земной житель, а попал на зараженную территорию из космоса. Это правда?

— Да кто ж его знает? Ученые говорят одно, эксперты — другое, военные — третье. Его исследовать надо, а он лезет на саркофаг, как пчела на мед...

— И при этом поглощает радиацию, так?

Украинский лидер помолчал.

— Я думал, мои службы в состоянии обеспечить необходимую степень секретности этого дела.

— Милый мой, чем выше степень секретности, тем более мощные средства применяются для ее вскрытия. К тому же ты забываешь, что мы живем в других условиях, времена обособления, отгораживания своей территории от других глухи-

ми стенами прошли. Бедствия типа Чернобыля, понимаешь, преодолеть можно только сообща. Кумекаешь?

— Я-то кумекаю, да только в моем окружении немало «ястребов» и националистов из «черной сотни» УНСО, мешающих работать. И у каждого — своя команда.

— Тебе не позавидуешь. Ладно, крутись, борьба с внутренними радикалами — твоя забота, тут я тебе не помощник. Другое дело — Чернобыль. Если понадобится помощь — звони... если успеешь.

— Что ты имеешь в виду?

Теперь помолчал российский президент.

— Если твой Двоерыл сломает саркофаг... понимаешь? Киев слишком близко расположен от Чернобыля. Можешь не успеть эвакуироваться.

Тихий гудок означал конец связи. Украинский президент глянул на ставшую скользкой трубку телефона и в сердцах швырнул ее в стену кабинета.

Спустя трое суток после первой попытки проникновения в аварийный блок АЭС Двоерыл снова пропал.

Радиационная обстановка внутри саркофага несколько стабилизировалась, мощность излучения упала, но на территорию станции все же лег многокилометровый пылевой выброс, фонивший до ста рентген в час. Пришлось ликвидаторам снова вступать в бой с грозной стихией и дезактивировать около семи квадратных километров площади, не надеясь на помощь Двоерыла. В этой работе участвовала и Марина Шикина, надолго оставив Алевтину в деревне на попечении бабы Вари. А вскоре ей стало известно, что готовится план захвата Мутика с помощью новых секретных средств. Этими «секретными средствами» были: первое — генераторы плазмы, развивающие температуру около двадцати тысяч градусов, детище украинских физиков-атомщиков, и второе — специальный раствор, твердеющий практически мгновенно при добавке особого катализатора.

Утром двенадцатого октября бригада солдат начала рыть два котлована — у северной и западной стен саркофага. За трое суток котлованы размерами двадцать на сорок и глуби-

ной в пятнадцать метров были вырыты. В них закачали шесть цистерн маслянисто-желтого раствора и закрыли сверху крышками, автоматически открывающимися при команде с дистанционного пульта. По мысли разработчиков захвата, двутел должен был провалиться в один из котлованов и застрять в застывшем растворе.

Последствия этого шага никто не просчитывал, само собой разумелось, что монстр ничего сделать не сможет. И данный расчет больше всего говорил об интеллекте разработчиков проекта. Вернее, о его отсутствии.

Марина узнала о «секретном» плане захвата случайно, из разговора начальника группы, с которым работала, с одним из строителей ловушек. Вечером она все рассказала Алевтине, и девушки даже всплакнули — от бессилия что-либо изменить. Но не в их характерах было сидеть и ждать у моря погоды. В конце концов они решили любым способом известить Мутика о готовящемся покушении на него и переселились к зданию АЭС, договорившись с начальником турфирмы «Чернобыль-Интеринформ», что некоторое время будут жить и ночевать в помещении фирмы.

По территории АЭС они передвигались свободно, получив спецпропуска через друзей и многочисленных поклонников Марины. Дело теперь было за появлением двутела, деятельность которого заставила поседеть не только директора станции Пашкина и его сотрудников, но и физиков-ядерщиков, с трудом поверивших в уникальные способности «мутанта».

Десять дней на территории станции ничего не происходило. В конце октября погода испортилась, зарядили дожди, похолодало. Настроения среди персонала АЭС и ликвидаторов бытовали разные, но большинство сходилось во мнении, что двутел «наелся» до отвала и покинул Землю. Теперь уже все поверили в гипотезу инопланетного происхождения монстра.

Двоерыл-Мутик возник на территории станции утром двадцать шестого октября, неожиданно для всех. Но не для Марины. Она с Алевтиной как раз подъехала к пропускному пункту на территорию километровой зоны, когда сработала сирена оповещения и возле «могилы предка» Двоерыла воз-

ник он сам — выше корпуса четвертого блока, выше, чем можно было представить. Дождя в это утро не было, тучи поднялись выше, видимость улучшилась, земля за ночь подсохла, а у здания реактора и вовсе было сухо.

Марина проехала ворота и мгновенно свернула в ту сторону, где ворочалась гигантская металлическая фигура. Поэтому девушки оказались возле двутела раньше, чем кто-либо другой. Марина выскочила из джипа, замахала руками:

— Не ходи туда, Мутик! Там ловушка! Уходи, улетай с Земли, здесь у тебя нет друзей!

К подруге присоединилась Алевтина, стала рядом. Но исполин-двutel не ответил на призыв. Мельком оглянувшись на подбегających подруг одной из голов, он грузно потопал к четвертому блоку. Только теперь девушки отметили, насколько у него измученный вид. Чешуя двутела не светилась изнутри, как раньше, стала пепельно-серебристой, словно «золото» его брони превратилось в «свинец». Руки-лапы безвольно свисали по сторонам торса. Шел он согнувшись, словно от боли в животе, и еле поднимал ноги, задевая землю, поднимая, сдирая дерн и верхний слой почвы. До ловушки с раствором оставалось всего около двух десятков шагов, когда Марина обогнала его и встала на пути, вытянув вперед руки:

— Мутик! Там — смерть!

— Остановите ее! — проревел динамик на территории АЭС голосом полковника Шпак.

Тотчас же на крыше четвертого блока возникло движение, две фигуры в защитных спецкостюмах высунулись из-за кирпичных кладок и подняли винтовки с оптическими прицелами. Зачем туда Шпак посадил снайперов, можно было только догадываться.

Щелкнул выстрел, другой. Марина вскинула руки, зашаталась, упала. Алевтина бросилась к ней, но тоже упала: еще одна пуля попала ей в плечо. И тогда Двоерыл ответил снайперам своим знаменитым электрическим разрядом: сноп ярких сине-фиолетовых молний вонзился в крышу саркофага, превратив ее часть вместе со стрелками в красивое ветвистое «дерево». Люди исчезли. Стрельба прекратилась.

Мутик покачнулся, словно этому разряду отдал все силы, но не упал, опустился возле упавших подруг на колени.

— Огонь! — проревел динамик. — Ракетчики — огонь!

Однако никто из солдат и офицеров не смог выполнить приказ. Все молча смотрели на металлическое чудовище, склонившееся над телами девушек.

Двutel посидел в раздумье с минуту над телами потерявших сознание девчат, потом подхватил их на руки и медленно, тяжело, с остановками, раскачиваясь на ходу, двинулся к саркофагу.

Все, кто готовил ловушки, затаили дыхание, ожидая падения монстра в яму с раствором, однако этого не случилось. Двоерыл просто перепрыгнул замаскированную яму, продавил ногой стену саркофага и через несколько мгновений оделся в нежно-золотистый ореол свечения. После этого он действовал гораздо энергичней, решительней и быстрее.

Осторожно устроив девушек в углублении между правой и левой половинами торса, несколькими ударами разрушил всю северную стену саркофага, проник внутрь четвертого блока и погрузил руки сквозь перекрытия и корпус реактора в его сплавленные в единый ком внутренности.

К счастью, людей в корпусе четвертого блока не было, во избежание инцидентов Пашкин приказал эвакуировать оттуда всех ликвидаторов, даже инженеров контроля.

Свечение тела гиганта усилилось до такой степени, что на него стало больно смотреть. Затем произошло нечто вроде мощнейшего бесшумного взрыва, световая вспышка заставила людей отшатнуться от экранов мониторов или зажмурить глаза, а когда зрение восстановилось, ни Двоерыла с ранеными девушками, ни здания четвертого блока с саркофагом и аварийным реактором внутри на территории АЭС не было!

На этом месте теперь зияла колоссальная яма глубиной в сорок и диаметром в двести метров.

Ожидавший чего угодно: выброса, пожара, взрыва, наконец, — только не того, что произошло, Пашкин почувствовал слабость и потерял сознание. Через минуту он умер. Но это была единственная смерть, которой рассчитались люди за свою слепоту и неприятие н ы х законов бытия.

Драма 5

ТЕТРАРХ

Горизонт отодвинулся, подернулся голубовато-сизой дымкой, и дикая, всхолмленная поверхность полигона, вблизи серая, с узором черных, фиолетовых и рыжих пятен, вдали бесцветная, отблескивающая полями кварцита и скоплениями пегматитовых скал — даек и штоков, легла перед глазами во всем своем мрачном великолепии символом Хаоса, Тишины и Смерти. Октябрь, месяц бабьего лета, ничего не мог добавить к ее краскам. Впрочем, как и любой другой месяц года.

Алиссон отступил от края площадки и перевел дух.

Он стоял на спине суперзавра Тихони, вернее, на странной формы наросте, которому исследователи дали меткое название «седло»; издали он и в самом деле напоминал конское седло с высокими передним и задними краями.

Далеко, километрах в пятнадцати отсюда, что-то сверкнуло, метнулись световые зайчики — там группировалась исследовательская техника: вертолеты, вездеходы, передвижные лаборатории, компьютерные комплексы, радары, антенны радиостанции. Алиссон мельком посмотрел в ту сторону и достал из кармана дозиметр.

Из-за края площадки показалась голова Кемпера, одетого, как и палеонтолог, в защитный комбинезон, точнее, в новейший боевой костюм «силз» («тюлень»), удобный, не слишком тяжелый, одинаково хорошо защищавший тело от холода и жары, пуль и радиации. Костюмы предназначались для подразделений особого назначения военно-морских сил, доставили их в лагерь благодаря стараниям адмирала Киллера, и друзья были ему признательны за это, хотя и не испытывали симпатии.

В комплект такого костюма входит комбинезон из особой огнеупорной и пуленепробиваемой ткани, защитные перчатки, шлем, очки с плавающим сектором прицеливания и поляризационным покрытием, пистолет-пулемет МР15 в плечевом захвате, связанный компьютером с очками, кольчужная маска, рация, системы обогрева и охлаждения, карманы для боезапаса и ранец НЗ. Алиссон свой МР15 не носил, он не любил оружия. Кемпер же всегда в походы к суперзаврам

брал пистолет-пулемет и полный боезапас, хотя надобности в этом не было никакой. Норман подшучивал над летчиком, но тот, жилистый, выносливый и упрямый, никогда не жаловался на усталость, хотя приборов на себе таскал чуть ли не вдвое больше Алиссона.

Кемпер вылез на край седла, сбросил со спины рюкзак с датчиками и снял с рук и ног ежастые полусферы абсолютных липучек, с помощью которых можно было ходить не только по вертикальным стенам, но и по потолку. Липучки тоже были военным изобретением, как и многое другое, но удивляться этому не стоило: летчик и палеонтолог выполняли военных заказов вдвое больше, чем гражданских.

— Сколько? — спросил Кемпер, кивая на дозиметр.

— Двадцать¹. Естественный фон воздуха.

— Чудеса, да и только! Никак не привыкну.

Летчик имел в виду то обстоятельство, что гиганты-суперзавры, достигшие в длину трехсот метров, а в высоту ста десяти, в один прекрасный миг перестали излучать в гамма- и рентгеновском диапазонах! Уцелев после бомбовых ударов и атаки холодом, они сначала преобразовали свои «крылья» — фотоэлементные батареи в термоэлектрические, а потом и вовсе отказались от внешней энергоподпитки, вырастив себе какие-то достаточно мощные источники энергии. Без «крыльев» драконы потеряли часть своеобразия, зато создали седла, превратившие их в жутковатых оседланных «коней»... По ночам их тела испускали голубовато-фиолетовое свечение, и это было сказочно красиво. И страшно!

Чем они питались, оставалось тайной, может быть, просто горными породами, однако радиоактивные породы и шахты с ядерной начинкой звери искать перестали.

С момента атаки на них криогенераторами, создавшими двухкилометровую зону охлаждения с температурой жидкого азота, прошел ровно месяц. Отпустив с миром своих «покорителей», Кемпера и Алиссона, чудовищные твари провели все это время в непонятных маневрах вблизи оставленных ими пятиметровых яиц (как оказалось, они натаскали на место кладки около ста тонн радиоактивных руд), проделывая

¹ Имеется в виду двадцать микрорентген в час.

широкие круговые ущелья в скальном основании полигона. Со стороны казалось, что они пасутся, и возможно, это так и было.

Факт исчезновения радиации произвел настоящую сенсацию. Взвывая от восторга ученая братия бросилась было к панспермитам со своими приборами и идеями, но оказалось, что сверхдраконы могут терпеть присутствие только двух человек из всего многотысячного отряда на полигоне, а именно — палеонтолога Алиссона и летчика Кемпера. И программы исследований, в том числе и военных специалистов, пришлось менять и сокращать.

То, что у военных насчет суперзавров имелись свои соображения, Алиссону и Кемперу пришлось узнать сразу же после первого их похода к панспермитам. Всего им не говорили, но было и так понятно, что Пентагон заинтересован в раскрытии тайн драконов больше других ведомств и мечтает когда-нибудь завербовать их на службу. Мощь и неуязвимость зверей настолько поразили воображение «медных лбов», что они спали и видели, как полки выдрессированных суперзавров пересекают материки по их приказу и «наводят порядок» где это необходимо. Кемпер к планам военщины относился равнодушно, а на Алиссона они действовали тягостно, лишали удовольствия от собственной работы и ощущения таинственности.

— Да что ты переживаешь, — сказал ему как-то Кемпер за стаканом виски, — сделай вид, что всюю трудишься над их заданиями, а сам делай свое дело.

Алиссон так и поступил.

С Морисом Леко он встречался теперь довольно регулярно, француз, по существу, незаметно влился в компанию летчика и палеонтолога. Мыслил французский полковник, специалист по ядерным преобразованиям, оригинально, соображал быстро, и беседовать с ним было интересно. Так, он поразил Алиссона высказыванием, что все элементарные частицы суть возбужденные состояния вакуума, то есть в мире нет ничего, кроме пустоты в разных формах. Именно эту идею якобы подтверждали своим поведением скат Ифалиук на Муруроа и суперзавры в Неваде. Будучи палеонтологом, а не физиком, Алиссон оспаривать идею Леко не мог, но мощь

воображения оценил. Зато он, в свою очередь, произвел впечатление на француза своей новой гипотезой о рождении разума на Земле.

— Общая экологическая организация жизни на нашей планете, — сказал он, — подчиняется слабому варианту закона или, если хотите, принципа объединения. Но появление человека означает переход процесса структурирования на более сильный вариант закона, не имеющий исторических предпосылок. И произошел переход практически внезапно, сразу, будто кто-то действовал целенаправленно.

— Что вы хотите этим сказать? — озадаченно проговорил Лeko.

— То, что момент перехода практически совпал с появлением на Земле суперзавров, вернее, их общего предка. Кстати, возраст вашей манти тоже близок этому моменту — пятьдесят миллионов лет назад. Не так ли?

— Вы думаете, они попали на Землю одновременно?

— Вот именно. И появлением своим изменили закон. Не знаю как, но уверен — так было. Мы с вами — результат изменения принципа объединения.

— Ерунда! — только и нашелся, что ответить, Лeko...

Алиссон, вспомнив этот разговор, улыбнулся.

Площадка под ногами качнулась — Тихоня перешагнул скалу, оглянувшись при этом на людей в седле. Алиссона уже давно не покидало ощущение, что зверь чувствует к ним симпатию и ждет каких-то указаний, однако языка людей он явно не понимал.

Руководитель комплексной научной экспедиции, известный профессор, доктор биологии Стивен Тиммери, знаток индийской мифологии, предложил дать сверхдраконам имена Индра и Равана¹, и хотя его предложение было утверждено официально, Алиссон продолжал звать своих любимцев по-старому: Стрелок и Тихоня.

Панспермит шагнул правой передней лапой: визг раздираемого гранита, грохот рухнувшей скалы, стук рассыпавшихся во все стороны камней.

¹ Индра — Бог молний, грома и разрушительных стихий (*царь богов*); Равана — повелитель зла и демонов.

— Полегче, приятель, — проворчал Кемпер, — приборы посбрасываешь... Ишь усталился, будто понимает.

— Знаешь, — задумчиво произнес Алиссон, — у меня сложилось впечатление, что он нас действительно понимает. Может быть, не слова, а мысли, образы, но понимает. Или, в крайнем случае, воспринимает эмоциональное поле. И чего-то ждет. Нет, они не просто *anima vilis*¹, как утверждает Тиммери, но существа, функционально ориентированные, зависящие от чего-то или кого-то.

— А конкретнее?

— Вспомни рассказ Мориса о «скате-мутанте». Я убежден, что у них были хозяева. Вернее, хозяева были у их родителей, погибших на Земле по неизвестной причине миллионы лет назад. По моим прикидкам, драконы не обладают интеллектом, во всяком случае, подобном человеческому. То есть они не разумны... хотя никто еще, по-моему, не определил разницу между разумом и сложным инстинктом.

— Короче, зануда. В лагере, кстати, бытует мнение, что драконы разумны. Твой друг Тиммери склоняется к тому, что суперзавры — представители негуманоидного разума.

— Чушь! Разум всего лишь свойство адаптации, а в этом смысле нашим зверушкам он не нужен, они и так наделены чудовишной потенцией к выживаемости. Да и у человека мозг есть не орган мышления, а орган выживания, как клыки и когти — по образному выражению одного ученого².

Тихоня-Равана шагнул дважды: левая передняя лапа — правая средняя — левая задняя, затем правая передняя — левая средняя — правая задняя. Складывалось впечатление, что он что-то вынюхивает в россыпях камней, изредка оглядываясь на седоков. Его собрат Стрелок-Индра «пасса» в километре отсюда, но далеко не отходил. Грозное свое оружие — грайзер он теперь применял редко, хотя в первое время лупил лучом по любой движущейся цели вроде БТР или военного вертолета, справедливо относя их в разряд личных врагов.

В наушниках рации раздался голос дежурного связиста:

— «Тюлени», как дела? Что-то вы притихли.

¹ Низшие существа (лат.).

² А.Сент-Дьерди.

Алиссон вспомнил, где находится, переключил диапазон связи.

— Нормально дела. Через полчаса запустим систему, пусть коллеги готовятся к приему информации.

— Они давно готовы. Осторожнее, док, не сорвитесь.

— Типун тебе на язык! — проворчал Кемпер.

«Драконолазы» принялись за работу.

В течение сорока минут они установили на спине Тихони и на шее, за кружевным «воротником» высотой в десять метров, десяток датчиков и включили их в единую сеть анализирующего комплекса. После этого Алиссон принялся колдовать с прибором, о котором не говорил никому, боясь, что засмеют. Прибор этот назывался анализатором пси-информации и представлял собой нечто вроде миниатюрного детектора лжи. Он регистрировал до десятка параметров человеческого тела, в том числе электромагнитные поля, ауру испарений и звуков и «пакеты» биоизлучений. Палеонтолог хотел сначала убедиться сам — излучает ли суперзавр биоволны, мысленный фон, так сказать, а уж потом докладывать об этом координационному совету. Норман был уверен, что ажурный костяной нарост — «воротник», вздымающийся над головой панспермита трехзубой короной, является на самом деле антенной, а то и комплексом антенн.

Кемпер с любопытством понаблюдав за его действиями, глянул на часы.

— Ну, что, пошли? Я есть хочу, а нам еще топать и топать до лагеря. В следующий раз возьмем велосипеды.

Алиссон на шутку не отреагировал.

— Подожди, я тут проверяю одну идею. — Он, пытаясь, взобрался на шею Тихони. — Если... этот гребень — антенна, как я считаю, то прибор... должен... сработать.

— То говоришь, что драконы неразумны, то пытаешься поймать их пси-излучение. С таким же успехом можно просто позвать его и мысленно спросить, разговаривает ли он по-английски.

В тот же миг Тихоня изогнул шею и глянул на людей в упор.

Алиссон чуть не свалился вниз, на седло, потому что ему показалось, что по затылку кто-то врезал стеклянной бутыл-

кой, осколки которой вонзились в череп, прошли голову насквозь и вышли через глаза двумя лучами синего света. Вспышки эти породили целую вереницу тающих видений — странные призраки на невероятных животных или птицах, а звук удара вызвал в ушах грохот морского прибоя и каскад необычных звуков: шелканье кастаньет, бульканье и писк. Тело заполнилось водой, вода закипела, испарилась фонтаном через дыру в затылке, в глазах потемнело...

Длилось это состояние несколько мгновений.

Норман снова обнаружил себя висющим на шее суперзавра на «липучках», а Кемпер внизу на седле оглянулся по сторонам, шепча проклятия.

— Или я принимаю желаемое за действительное, — хрипло сказал Алиссон, — или он нас понял! Во всяком случае, анализатор сработал, в диапазоне био даже зашкалило.

— Чуть не задавил, дурак! — ответил Кемпер тенором. — Или это мне тоже показалось?

— А что ты почувствовал?

— Будто я упал в бездонный колодец и лечу в космосе... Потом вынырнул посреди болота: все зелено, зыбко, морда в тине, почти ничего не вижу, ноги свело... причем их шесть, а не две... И сверху кто-то сидит, давит на шею, вгоняет в болото...

— М-да, разные мы с тобой люди. Мне привиделось другое.

Алиссон слез вниз, погрозил пальцем все еще разглядывающему их Тихоне.

— Не балуй, зверюга. Может быть, ты нас и понимаешь, но мы тебя не совсем.

Суперзавр дернул головой, по коже шеи пробежала быстрая рябь, вызвав тонкий стеклянно-металлический перезвон выпуклых ромбовидных пластин.

Снова тяжесть навалилась на головы людей, сбив дыхание и ритм работы сердца. Алиссон потерял ориентацию, схватился за плечо Кемпера. В глазах поднялась кровавая пелена, спала, смыв все краски окружающего мира, так что тот стал полупрозрачным, как мутное стекло. Затем последовало головокружительное падение в бездну, свет в глазах померк, ударило в ноги... во все шесть... в груди гулко заработало три

сердца... Два боковых глаза требовали энергии, а передний слезился... и очень чесалась шея за плавником...

Очнулся Алиссон там же, на гладкой поверхности седла. Ноги дрожали, во рту пересохло, сердце колотилось о ребра, хотелось прилечь и закрыть глаза. Те же ощущения владели и Кемпером, разве что в меньшей степени.

— Хватит экспериментировать! — буркнул летчик, глотнув из фляги. — Я тебе не подопытный кролик, а эта зверюга не умеет рассчитывать дозы своего психованного излучения.

— Ты прав. И все же мы с тобой сделали сенсационное открытие: суперзавры отзываются на мысли человека! А значит, контакт с ними возможен. Если удастся... — Норман не договорил.

Видимо, не получив ответа, какого он ждал, Тихоня поднял голову к небу, и над пустыней прокатился леденящий душу клич, в котором смешались орлий клекот, волчий вой, бас органа, вопль трубы, тремоло сверчка и визг раздираемого железного листа!

Исследователи не помнили, как они спустились с крупа суперзавра и ударились в бег, пока не удалились на приличное расстояние. Остановились, с трудом переведя дыхание, уняли дрожь в руках и ногах, сделали по глотку виски.

— *Carmen horrendum*¹, — прохрипел Алиссон, пряча флягу.

— Это уж точно, — поддакнул Кемпер, не знавший латыни. — Орет он знатно. Рассердился, наверное.

— Скорее пожаловался сам себе на нашу тупость. Ведь явно хочет что-то сообщить, а мы не воспринимаем. Голова трещит... наверное, не совпадают спектры излучений наших мысленных сфер. — Алиссон оживился. — Хорошо бы попробовать поговорить и со Стрелком.

Кемпер посмотрел на ворковавших сверхдраконов — Стрелок подполз к Тихоне и тыкался мордой в гребень на шее — и сделал еще один глоток.

— Благодарю покорно! Тихоня ему сейчас нажалуется, того и гляди — лучом своим поджарит. Хочешь — лезь один, если жить надоело, а мне ни к чему знать, о чем думает дракон.

— Познавать — это радость для того, в ком воля льва², —

¹ Песнь, наводящая ужас (лат.).

² Ф. Нише.

проговорил рассеянно Алиссон. — Я, пожалуй, рискну влезть на Стрелка... завтра.

Кемпер засмеялся, хлопнул друга по плечу и направился к лагерю, бросив через плечо:

— Пошли домой, лев, потом поговорим.

— Значит, по-вашему, они читают мысли людей? — спросил скептически настроенный доктор Хойл, переглядываясь с коллегами, среди которых, кроме Тиммери, находились крупные ученые — зоологи, физики, биологи, ксенологи со всех концов света.

— *Jpso facto*¹, — спокойно произнес Алиссон. — Скорее не читают, а воспринимают мысленные образы. Читать — значит понимать язык, а драконы слишком далеки от всего земного, чтобы выучить язык. Нет, они чувствуют наши мысленные движения и пытаются ответить, передать свои образы, но, боюсь, вряд ли и мы поймем их, воспримем сообщение.

— Почему?

— Не берусь утверждать это априори, но диапазоны мысленных излучений человека и панспермита могут не перекрываться полностью, в таком случае передачи всегда будут сопровождаться шумом...

— Спасибо, понял.

Координационный совет заседал в одной из военных палаток лагеря, достаточно теплой и просторной. Среди присутствующих находился и адмирал Киллер, олицетворявший собой силы безопасности лагеря и службу сохранения секретности исследований, хотя на полигон и были допущены ученые из многих стран.

После того памятного раза, когда панспермит Тихоня-Равана «заговорил» с людьми, Алиссон и Кемпер уже дважды совершали восхождения на живые горы суперзавров, в том числе и на Стрелка-Индру, и оба раза воспринимали их мысленные, — ксенологи предложили термин — пси-передачи, хотя понять в них ничего не смогли. Контакты были больше эмоциональными, чувственными, чем информационными, что породило в среде ученых массу дискуссий, считать ли панспермитов разумными существами, пусть и негуманоид-

¹ В силу самого факта (лат.).

ного типа, или же «умными» животными, предрасположенными к приручению или дрессировке. Споры шли и вокруг сути термина «разум», в результате которых оппоненты нередко обвинялись в отсутствии такового.

Алиссон в спорах не участвовал, но имел свою точку зрения, основанную на идее Кеннета, который продолжал возиться со скелетом древнего суперзавра. Идея состояла в том, что скелет выполнял несколько функций, среди которых опорная и двигательная были не главными, главной же была роль хранилища мозга! Не костного мозга, а подобного тому, который у человека помещался в позвоночнике и в голове.

— То есть ты хочешь сказать, что панспермиты обладают колоссальными запасами нервного вещества, — сказал ошарашенный Алиссон, будучи в гостях у Кеннета. — И в то же время этот «длинный» мозг не является носителем интеллекта.

— Абсолютно справедливо. Этот мозг нужен панспермитам для иных дел, кои нам еще предстоит выяснить.

— А Тиммери считает, что старый дракон сдох, а труп его усох и фоссилизировался¹.

— Тиммери мыслит стереотипами, как и большинство стариков, но мы-то с тобой помоложе...

— ... доктор Алиссон? — услышал Норман и очнулся.

— Что, простите?

К нему обращался коротышка Хойл. Физик выглядел усталым и помятым, но в глазах его блестели живой, острый ум и проницательность.

— Нам до сих пор неизвестен источник энергии панспермитов, — терпеливо повторил Хойл. — От термоядерного реактора они избавились, если судить по прекращению гамма- и рентгеновского излучения, но что вырастили взамен — загадка. Я считаю — кварковый реактор, однако нужны замеры волнового фона.

— Не обязательно кварковый, — возразил коллега Хойла физик из России Романецкий. — Судя по тонким полевым

¹ Фоссилизирование — переход в ископаемое состояние с сохранением структуры.

эффектам, которые регистрирует наша аппаратура, панспермиты используют вакуумный резонанс.

— Для того, чтобы источником энергии служил вакуум-резонанс, им необходимо сбрасывать либо адронные струи, либо тепловое излучение в сопровождении нейтринных потоков, что не наблюдается.

— Ошибаетесь, коллега, у панспермитов уже отмечено несоблюдение гомойотермии¹, температура многих участков тела резко отличается от соседних. Это не доказательство?

Ученые заспорили, но разгореться спору не дал Киллер:

— Господа, успокойтесь, здесь не место для дискуссий. Доктор Хойл, что вы хотели сказать доктору Алиссону?

— Во-первых, два моих прибора перестали выдавать информацию, а во-вторых, неплохо бы установить еще с полсотни датчиков на телах панспермитов.

— Доктор, вы и так покрыли суперзавров слоем своих датчиков, зачем вам столько?

Хойл замялся, пытаясь сформулировать ответ так, чтобы его понял неспециалист, и Киллер не преминул заметить:

— Вы, ученые, явно не способны объяснить коллегам содержание гипотезы, ради которой затевается исследование. Убеждаюсь в этом еще раз. Док, — адмирал хмуро взглянул на Алиссона, — у вас появляется еще одна задача: приручить драконов.

Последовала секунда полной тишины, затем раздался шум: заскрипели стулья, ученые и организаторы заговорили, кое-кто засмеялся. Алиссон боковым зрением поймал жест Кемпера, покрутившего пальцем у виска.

— Как вы себе это представляете?

— А это уж ваши заботы! Вас тут сорок человек, придумайте чего-нибудь. Выигрыш при этом настолько велик, что мы заплатим вам любую сумму.

«Мы» — это военные, понял Алиссон. Подумал: для них это действительно находка колоссального значения. Во-первых, открывается перспектива решения многих инженерных задач и применения физических открытий в военных областях, во-вторых, панспермиты по сути уникальные эффекто-

¹ Гомойотермия — поддержание постоянной температуры тела.

ры, способные для достижения цели изменять самих себя. А может быть, и не только себя, но и сферу. К тому же, вполне вероятно, что они обладают свободой выбора материала.

— Попробуем, — услышал палеонтолог свой голос, не отвечая на изумленный взгляд Кемпера. — Хотя добиться того, чтобы драконы слушались нас *in extenso*¹, вряд ли возможно.

Киллер кивнул, оставаясь чем-то недовольным и хмурым.

— Теперь поговорим об оставленных ими яйцах. Что, если мы заберем их в Форт-Брагг? Лаборатории там мощные. Доктор Тиммери, вы уже выяснили?.. — Адмирал не договорил — в палатку вбежал дежурный офицер:

— Драконы ползут сюда!

Все повскакали с мест, бросились гурьбой из палатки. В лагере трижды взвыла сирена, поднявшая приличную панику. От городка исследователей до «пастбища» суперзавров было всего двенадцать километров, а звери могли передвигаться со скоростью до шестидесяти километров в час. Четверть часа — и они в лагере.

Алиссон выскочил вслед за физиком Хойлом и, еще не увидев за палатками ничего, услышал далекий вибрирующий вопль — это кричал Тихоня.

В стороне транспортной базы взревели двигатели вездеходов, раздалась команда охране и призывы забираться в машины. Один за другим в низкое серое небо взлетели вертолеты наблюдения и боевого охранения.

— Что будем делать? — Возникший сзади Кемпер хлопнул друга по спине. — Тревожно мне что-то.

— Мне тоже, — признался Алиссон, застегивая теплую меховую куртку. — Может быть, драконы зовут нас? Я имею в виду — не только криком, но и в мысленном диапазоне? Отсюда и тревога.

— Пошли навстречу, выясним. Только наденем «силзы», без них я чувствую себя голым.

Спустя несколько минут, предупредив гражданское начальство в лице Тиммери и военное в лице Киллера, друзья рысили к приближающимся панспермитам, которые с грохотом и гулом вспахивали каменистую почву пустыни. Их сле-

¹ Полностью (лат.).

ды — четыре громадные рваные борозды — были заметны даже из космоса, со спутников.

Встретились всего в трех километрах от опустевшего лагеря. Суперзавры остановились первыми, подождали, пока люди подойдут ближе, и вдруг как по команде вытянули шеи и положили головы на землю перед людьми, словно предлагая обойтись без «скалолазания».

— Никак они нам кланяются! — раздался в наушниках веселый голос ошеломленного Кемпера. — Зря я материл Киллера, драконов-то и приручать не надо, они уже кем-то выдрессированы.

Алиссон был потрясен не меньше летчика и ответил не сразу, по привычке анализируя событие со всех точек зрения.

— Видимо, драконы раньше нас преодолели коммуникативный барьер... и понимают нас больше, чем мы их.

— В таком случае они умнее, чем думают твои яйцеголовые коллеги.

— Что ж, продолжим диалог.

Они приблизились к страшной морде Тихони, снисходительно разглядывающего их передним шелевидным глазом, — боковые глаза-радары зверя были закрыты, — и остановились, озадаченно разглядывая новую деталь на носу — центральном рыле панспермита — три ветвистых, сверкающих золотом рога.

— Этого вчера не было, — хмыкнул Кемпер. — Вырастили за ночь. — Он чуть отошел, чтобы взглянуть на второго дракона. — У Стрелка то же самое. Вот бы мне так: захотел — вырастил рога... — Он подумал. — Впрочем, женюсь — они и так вырастут. А вот крылья не помешали бы. Или пистолет на пузе.

Алиссон улыбнулся, а летчик вдруг завопил во всю мочь, так, что Норман вздрогнул:

— Эй, Тихий, рога себе зачем соорудил?

— Не ори, они реагируют не на звук и радио, только на мысленный зов. А рога вполне могут играть роль вибрисс¹. Может быть, это проявление какого-то этапа эволюции дра-

¹ В и б р и с с ы — крупные осязательные волосы у млекопитающих (усы у кошек, львов и т.д.).

конов, но сдается мне, рога выращены специально для связи с нами. Чтобы преодолеть высокий порог мысленного восприятия... Сейчас проверим.

Алиссон подошел поближе к рогам (Тихоня лежал смирно в отличие от Стрелка, который то и дело поднимал голову и поглядывал в сторону тарахтевших на горизонте вертолетов), машинально передал мысленный привет и постарался четко представить голову суперзавра без рогов. Затем пририсовал к ней рога и поместил рядом фигурку человека.

Ответ последовал тотчас же.

Алиссона растянули, как резиновую куклу, до толщины карандаша, так что голова вошла в облака, а ноги — глубоко под землю, затем ноги отпустили, и удар в заднее место бросил его в космос. Короткая темнота, боль в позвоночнике, отчетливый хруст костей, верчение огненных спиралей, — и вот он уже сидит верхом на суперзавре, ощущая в теле странную раздвоенность, даже «растроенность». Суперзавр смирно стоит в стаде таких же исчадий ада со всадниками в седлах, только всадники эти не люди, а жуткие монстры, закованные не то в каменно-керамическую, не то металлическую броню.

Больше всего они напоминали разрубленного пополам, до пояса, гигантского пещерного медведя. Обе половины (размеры всадников соответствовали размерам «коней»-суперзавров, рост их достигал никак не меньше ста двадцати метров), опиравшиеся на одно сидалище, имели по две бугристые лапы и тяжелые медвежьи головы, вытянутые вперед, с крутым лбом, на котором светился один желтый шелевидный глаз. Многосегментные «латы» всадников отсвечивали тусклым золотом, покрытые на первый взгляд слоем полупрозрачного стекла, а в центре каждого сегмента торчал раскаленный до оранжевого свечения острый шип.

Алиссон, как зачарованный, разглядывал фиолетовую, почти черную, равнину с рядами суперзавров, молчаливых всадников, горы на горизонте, похожие на искусственные сооружения, и снова поймал себя на ощущении, что видит всю эту картину как-то своеобразно, не из одной точки, вернее, не одной головой. Глянул вниз, на свои ноги, и обомлел: он увидел обтянутые «стеклянным металлом» громадные бугри-

стые конечности, заканчивающиеся чем-то вроде копыт. А руки — две толстые бликующие глазурью лапы — держались за высокую переднюю стенку седла суперзавра.

В следующее мгновение невероятная картина пропала, Алиссон всплыл сквозь кипяток сознания на поверхность реальности и ощутил себя стоящим у морды суперзавра. Голова слегка кружилась, поташнивало, но отрицательных ощущений, подобных первым от контактов с драконами, не было. Панспермиты и в самом деле «подстроили» свои мыслепередатчики под параметры «приемников» в головах людей.

Палеонтолог оглянулся на Кемпера, топтавшегося сзади.

— Ты тоже видел?

— Что именно?

Алиссон вспомнил зловещие фигуры, оседлавшие суперзавров, и сглотнул горькую слюну. Каждое живое существо подчиняется закону соответствия среды и организма, поэтому рыбы могут жить только в воде, а птицы в воздухе, но представить среду, сформировавшую этих биторсных монстров, было невозможно.

— Всадников апокалипсиса?

— Кого? Нет, не видел. Обычный набор — призрачные тени, фейерверк, космос... Что за всадники?

— Потом расскажу. Иди к своему альтер эго — Индре, мой Тихоня настроил пси-резонанс со мной, может быть, Стрелок сделал то же самое для тебя. Только вопросы задавай не словами, а образами.

Кемпер, заинтригованный, ушел ко второму дракону, не удержавшись, чтобы не рявкнуть:

— Опустит голову, скотина! Да не вздумай дергаться или стрелять из своей пушки, я тебе не мишень в тире.

Норман покачал головой, глубоко вздохнул, собираясь с духом, и представил двухтуловищного медведеподобного «динозавра» на панспермите, сопроводив образ эмоциональной вопросительной интонацией.

Тихоня ответил не сразу. Прошла минута, прежде чем на Алиссона обрушилась пузырящаяся волна эмоций животного, чужих эмоций, из которых Норман уловил только одну знакомую — недоумение. Затем последовал тот же набор ощущений: растягивание в струну, «выстрел из рогатки», па-

дение, шум полета — хотя никуда он, конечно, не летел, и финальное ощущение — палеонтолог сидит на суперзавре, но уже не в виде монстра, а как нормальный человек в седле лошади. Под ногами дракона — твердая, белая, как кость, поверхность, над головой — чужое небо с мириадами ярких звезд, и впечатление такое, будто он сейчас прыгнет в небо и полетит.

Алиссон повернул голову и увидел рядом второго панспермита, всадником которого был знакомый двутелый урод. Ксенурс — пришло на ум название существа, составленное из двух латинских слов: *xenos* — чужой и *ursus* — медведь. Существо поманило человека лапой — жест был вполне понятен, второй лапой похлопало суперзавра по шее, и в тот же миг они исчезли — всадник и конь. Свет перед глазами померк...

Зрение вернулось через две-три секунды, но слабость и тошнота от мощной волны пси-излучения Тихони прошли не сразу. Алиссону показалось, что взгляд дракона выражает добродушие и сочувствие. Было ли так на самом деле, неизвестно, однако страха перед гигантскими животными, прирученными двутелыми существами — сомнений в этом не оставалось, — у палеонтолога не было давно.

— Да стой ты спокойно, урод, не брыкайся! — донесся голос Кемпера. — Никто тебе не угрожает, трус.

— Что там у тебя?

— Чуть не задавил, дьявол одноглазый. Ты знаешь, что он мне показал? Аж живот схватило!

— Всадника? Два туловища на одной заднице?

— Точно! Ну и химера! А ведь ты был прав, док, суперзавры — «домашние» животные, «рысаки»... для тех монстров.

— Я придумал им название — ксенурсы.

— Не слишком заумно? Я бы назвал их проще — двутелыми или наездниками. Но пусть будут ксенурсы. И где такое родится, а?

Алиссон вспомнил жест всадника на суперзавре — Тихоня явно предлагал «покататься». Но куда? И каков способ его передвижения? Ведь тот «наездник» просто исчез... вместе с «конем».

Рация принесла запрос Киллера, и палеонтолог коротко

рассказал о рогах суперзавров и телепатическом контакте. Затем предложил Кемперу проверить свою мысль. Летчик согласился без колебаний, жил он раскованно и любил риск не меньше Алиссона. Правда, если палеонтолог при этом был больше теоретиком, то Кемпер был практиком и всегда рассчитывал последствия каждого своего рискованного шага.

— А если они «лошади» космоса? Унесут куда-нибудь в дальнюю галактику, и не вернемся.

Норман задумался.

— Не должны. Если мы правильно поставим задачу, все будет о'кей. Главного — взаимопонимания — мы, кажется, добились.

— Но как это выполнить практически?

— Наверное, надо забраться в седло и снова установить мысленный контакт.

— Тогда полезли на твоего Тихоню, Стрелок все время дергается, что-то его беспокоит.

Через полчаса они влезли на спину суперзавра и устроились в одной из рытвин седла.

— Не страшно? — спросил Алиссон.

— Страшновато, — признался Кемпер, доставая флягу с виски. — Но интересно, дух захватывает. Как говорит один мой приятель: «Только делая прыжок в неизведанное, мы ощущаем свою свободу»¹. Зови своего «коня».

Алиссон поманил Тихоню пальцем, и Кемпер оценил шутку смехом.

Группа наземного визуального наблюдения базировалась на специально оборудованной передвижной платформе и имела в своем распоряжении мощные бинокли, телескопический монитор с фотоумножителем и выходом на экран, а также набор подзорных труб разного калибра.

Дежурили по трое, сменяясь каждые два часа: один человек — у пульта телескопа, двое — в кабине (шахматы, кросс-ворды, треп).

Старший оператор смены, заканчивающий дежурство,

¹ Т. Уайлдер.

лейтенант Морган, равнодушно вглядывался в фигуры суперзавров на экране телескопа. Вдруг он выругался, протер глаза, переключил аппаратуру на максимальное увеличение, схватился за бинокль. Еще через несколько секунд он докладывал по рации об исчезновении одного из драконов с людьми в седле.

К платформе срочно прибыл адмирал Киллер в сопровождении офицеров связи. Оглядев «пастбище» суперзавров в бинокль и обнаружив только одного из них, мирно дремлющего между глыбами песчаника, адмирал вызвал локаторщиков и вертолетчиков. Но и они не смогли выяснить причин исчезновения дракона Раваны с двумя исследователями. Объяснение физиков: панспермит телепортировался в космос, — ничего не объясняло, хотя Киллер и признал во всеулышание, что в этом что-то есть. Не то чтобы он доверял интуиции ученых или верил в их «сумасшедшие» идеи, но и не верить совсем не мог. Слишком уж необычны были сами гигантские твари, таившие в себе неизведанные запасы тайн и чудес. А главное — возможностей их применения.

Как сказал Хойл:

— Они более загадочны, чем египетский Абу-ль-Хавл¹, и потенциал их наверняка превышает скромные объемы нашей фантазии. Я бы даже ввел термин: сфинктура — степень загадочности объекта. У панспермитов она максимальна.

— Придется докладывать наверх, — сквозь зубы проговорил Киллер, отрываясь от окуляров бинокля. — Это ЧП степени один.

— Не спешите, — посоветовал физик. — Если панспермиты — «кони» пространства, то исчезнувшему Раване ничего не стоит вернуться обратно, лишь бы Алиссон нашел с ним нужный язык... а он его, очевидно, нашел.

— А если этот зверь разумен и решил отправить двух представителей вида хомо сапиенс братьям для изучения?

Хойл улыбнулся.

— Ну и воображение у вас, адмирал, позавидуешь! — Физик помолчал и задумчиво добавил: — Хотел бы я знать, каких всадников носили эти... «кони».

¹ Древнее имя Сфинкса.

— А я хотел бы знать, почему драконы не улетели раньше, если обладают такими способностями.

— Видимо, доктор Алиссон прав: панспермитам нужен приказ. То есть они действительно животные, прирученные какими-то существами для передвижения в космосе.

— Знать бы точно... Дьявольщина! Бэрринджер! — Адмирал взял микрофон рации. — Подберитесь к дракону поближе, пощупайте то место радарами сверху. Может быть, они просто провалились под землю?

Командир звена вертолетов ответил: «Слушаюсь, сэр», — и вертолеты повернули на запад, к неподвижному суперзавру Индре.

— Я бы посоветовал вам задействовать службу наблюдения за пространством, — сказал Хойл, собираясь уходить к своим коллегам, ждущим окончания тревоги в одном из вездеходов. — Вполне может статься, что дракон с «наездниками» болтается сейчас где-то в ближнем космосе или на Луне. Всадники-то они неопытные, управлять таким «конем» не учились.

Киллер смотрел в спину ученого, пока тот не скрылся в люке вездехода, потом кивнул наблюдателям и поспешил к штабной машине, мощному восьмиколесному бронетранспортеру «Пирана», оборудованному всеми видами связи и управления воинскими подразделениями в районе полигона. Спесь и надменность адмирал демонстрировал только в отношениях с подчиненными и гражданскими лицами, не имеющими веса в обществе, однако при всем при этом был он не дурак и умел ценить советы.

И все же система наблюдения за космическими объектами на территории Соединенных Штатов, способная разглядеть астероид размером в кирпич за орбитой Луны, а также на самой Луне, не смогла обнаружить канувшего в неизвестность суперзавра с исследователями. Ни час, ни сутки спустя.

Удар был страшен!

Алиссона буквально размазало по седлу суперзавра в тонкий атомарный слой, после чего он мгновенно испарился (поверхность седла оказалась раскаленной, как сковорода на огне) и повис эфемерным облачком пара, слепой, глухой, ни-

чего не соображающий, в каком-то полузабытии, близком к смерти...

Воскрес!

Каждый нерв тела вопил, будто его ошпарили кипятком, и это ощущение так и не прошло, только ослабело: жара в этом месте стояла страшная, «силзы» с ней явно не справлялись.

В ноздри проникли незнакомые ароматы, сбивающие дыхание. Некоторые из них напоминали ацетон, мускус, лимон, гудрон и другие в сочетаниях, невозможных на Земле, но были и вовсе незнакомые. Не повезло с воздухом, подумал Алиссон, вдруг с дрожью в коленках осознав, что они могли попасть в безвоздушное пространство, где их маск-фильтры абсолютно непригодны. Вместе с чувством страха вернулась способность думать, анализировать и делать выводы.

Во-первых, как и прежде, он с Кемпером сидел на спине Тихони. Во-вторых, дракон послушно перенес их туда, куда они хотели, вернее, в соответствии с их желанием. А желали они...

Минут десять спорили — куда отправиться и как внушить сверхдракону решение. О последствиях не думали; верили, что все обойдется, хотя не имели ни малейшего желания встретить ксенурсов — двутелых медведеподобных страшилищ. В конце концов сошлись на том, что для начала следовало бы выяснить, где находится родина драконов, а вопрос задали, представив мысленно целое действие: песчаная пустыня с тысячами черных граненых камней — яиц панспермитов — рождение маленьких суперзавриков — их рост — полет в звездное небо — исчезновение...

Тихоня глянул на них с некоторым сомнением, вытянул морду к небу, испустил знакомый вопль, словно предупреждая кого-то, и... затем последовал тот самый удар, встряхнувший весь организм и отключивший сознание — на время телепортации или подпространственного перехода. Термин был неважен, важна была суть процесса.

Алиссон, дыша, как рыба на берегу, встал на подгибающихся ногах и бросил взгляд с высоты суперзавра на расстилавшийся вокруг ландшафт. То, что они не на Земле, стало понятно еще до этого момента — по волне запахов и невыносимой жаре.

Тихоня стоял в центре чашеобразной долины с отвесными горными стенами, светящимися изнутри угрюмым вишневым накалом. Этот накал создавал эффект ложной прозрачности: было видно, что материал стен — горные породы, скалы с их полосатым рисунком, и в то же время казалось, будто скалы сложены из хрусталя или стекла, а сквозь них из глубин планеты пробивается свечение магмы.

Почва долины, ноздреватая, как сыр, была оранжевого цвета, а в ее порах с размерами от двух до пяти метров торчали верхушки граненых фиолетовых кристаллов. Тихоня правильно понял намерение людей и привез их на свою «родину» — в инкубатор панспермитов.

Небо над долиной слегка светилось, вернее, серебрилось, как слой жемчужно-серой пыли, а в зените над центром чаши виднелось черное кольцо с алой звездочкой в центре.

Что-то мешало Алиссону рассматривать чужой мир, какой-то дребезжащий звук... звон... словно звенели цикады. Он сосредоточился и понял, что это звенит дозиметр: радиация здесь была под стать жаре — гораздо выше защитных возможностей их костюмов.

— Как ты думаешь, — подал голос Кемпер, — этот кратер нам снится или существует на самом деле?

— Кратер? Скорее долина. Будь уверен, это денотат, я вижу то же самое.

— Дено... что? Попроще, док, мне ушибло голову, и я не соображаю.

— Денотат, объект, существующий вне восприятия субъекта. Тихоня послушно перенес нас к себе домой... в инкубатор. Слышишь звон? Это дозиметр. Яйца излучают, как твои «нулевые точки» после взрыва. Надо убираться отсюда, и поживей. Я, идиот, не подумал, что дракон может перенести нас туда, где воздуха нет совсем. Ему-то любые условия нипочем.

— Согласен. Но каков инкубатор, а?! Их тут десятки тысяч, если не миллионы. Кто же их выращивает?

— Самое интересное, что панспермиты не принадлежат к агамным¹ видам, поскольку размножаются яйцекладкой,

¹ Агамные виды — виды животных и растений, размножающихся без оплодотворения (почкованием, делением).

предполагающей оплодотворение, но представить этот процесс... — Алиссон покачал головой и закашлялся.

Кемпер хихикнул и тоже разразился кашлем.

— О, черт! Грохоту небось, как при сражении!.. Почему ты об этом подумал?

— Если бы я знал... по какой-то ассоциации.

— А как, по-твоему, Тихоня в таком случае мужчина или женщина?

Алиссон хотел сострить, но слова замерли у него на губах. От светящейся стены долины отделилась блистающая тусклым золотом фигура, двинулась к ним, постепенно вырастая в размерах и делясь на две... Впрочем, это был ксенурс, двутелый монстр, похожий на двух сросшихся медведей. Рост его достигал никак не меньше роста суперзавра, и в тяжелой молчаливой его поступи крылись угрюмая мощь и скрытая неведомая сила. Узкие светящиеся глаза во весь лоб на каждой голове чудовища смотрели на гостей внимательно и с угрозой, как показалось людям, но не меньше было и удивления.

Он вдруг позвал их: в голове Алиссона взорвалась граната странной музыки и кружевная вязь света, каждый узор которой имел свою спектральную окраску. Плюс к этому — всплеск чужих чувств, непонятных человеку, кроме одного: недоумения. Однако палеонтолог не успел разобраться в своих ощущениях. В ответ на зов существа Тихоня отозвался своим необычным воплем, словно конь — ржанием, признавая хозяина.

— Дует отсюда, — сдавленно прохрипел Кемпер. — Если это «пастух» — вряд ли он позволит нам вернуться домой на его «лошади».

Алиссон редко поддавался панике, владея оружием — головой почти с идеальной результативностью и успевая найти выход из положения, но вид существа был столь необычен, намерения его столь очевидны, а обстановка настолько своеобразной, что на анализ ситуации не хватило — не времени — душевного равновесия. Он зажмурился и изо всех сил представил поверхность Невады... без напарника Тихони, Стрелка. Просто забыл о нем. О чем в этот момент думал Кемпер, знал, наверное, только суперзавр. Но не о том, о чем Алис-

сон. Потому что Тихоня, послушный приказу из седла, но сбитый с толку противоречивостью мысленных образов «всадников», вынес их не туда, куда они хотели.

Люди успели увидеть гладь залива — вода в нем была интенсивного желтого цвета, суперзавр утонул в ней по брюхо; близкий берег с пляжем, усыпанным крупной галькой всех оттенков желтого цвета — ни дать ни взять, золотые самородки! — скалы за пляжем, коричневые, оранжевые, желтые; и бледно-желтое небо. Затем оба вдохнули чужой воздух и... потеряли сознание. Если атмосфера этого мира и содержала кислород, то его было слишком мало для дыхания. Зато много было инертных газов и углеводородных соединений.

Стрелок был настроен очень миролюбиво, судя по его реакции на вертолетные маневры, но и его хорошее настроение имело пределы. Когда вертолет Берринджера спикировал чуть ли не на голову, обошлось без жертв, несмотря на то, что вертолет был пробит насквозь через пилотскую кабину. Рухнул он уже в лагере, но пилоты остались живы.

Прибывший к этому моменту на полигон сенатор Джайлс не сдержался и наорал на Киллера, обозвав его безмозглым солдафоном. Зачем летчикам была дана команда сблизиться со Стрелком-Индрой, не знал, наверное, и сам адмирал, признавший свое полное бессилие выяснить, куда подевался второй панспермит с двумя исследователями.

Через полчаса Джайлс, Киллер и Тиммери беседовали в штабном бронетранспортере уже вполне мирно, вырабатывая стратегию дальнейших поисков и тактику доклада о случившемся в две инстанции: в Пентагон и президенту.

— Господа, я уверен, что мои люди овладели секретом передвижения панспермитов, — сказал Тиммери, меньше всего озабоченный политическими последствиями происшествия, — и решили провести испытания, не дожидаясь соответствующих указаний. Кемпер — летчик от бога и вообще лихой парень, ну а палеонтолог... — Тиммери улыбнулся. — Алиссон тоже не робкого десятка, авантюрная жилка не на последнем месте в его характере.

— Вот именно! — взорвался Киллер. — Авантюрист и под-

стрекатель этот ваш Алиссон! То-то он мне сразу не понравился. — Адмирал хотел еще что-то добавить, но наткнулся на взгляд Джайлса и передумал.

— Ты, Долф, как всегда, излишне категоричен в оценках. — Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений, уже успокоился, и ум его работал не на собственное оправдание, как у Киллера, а на объяснение случившегося и устранение последствий. — Док Алиссон умеет думать и работать, а для ученого это главное. Он не сумасшедший, чтобы уйти в космос и не подготовить пути отступления. Они вернутся. Остается только ждать.

— Вам хорошо говорить — ждать, а меня каждый час требуют на провод.

— Переживешь. — Джайлс помял свой второй подбородок громадной пухлой дланью. — Неужели ты не видишь, каким сокровищем мы обладаем? Ведь если подтвердится гипотеза «яйцеголовых»... простите, доктор. Если драконы и в самом деле могут телепортироваться в космос, а тем более управляемы... этому Алиссону памятник надо будет поставить! Более интересного и важного открытия, способного перевернуть земную науку, я еще не встречал.

— Согласен, — кивнул бородкой Тиммери. — Если не учитывать открытие наших коллег на атолле Муруроа, о чем нам поведал доктор Леко. Мы же и так имеем целый пакет открытий, каждое из которых дает толчок своей области науки. Чего стоит, например, загадка костяного скелета панспермитов, решенная Кеннетом. Если у человека мышцы занимают сорок процентов всего тела, то у панспермитов почти сто! То есть живой суперзавр не имел скелета, как...

— Доктор, — перебил руководителя экспедиции Джайлс, — как вы думаете, откуда к нам прибыли панспермиты? То есть родители этих, вылезших из яиц уже на Земле? Если судить по материалу их тел, драконы могли жить даже на Солнце.

Тиммери снисходительно взглянул на сенатора.

— Сущность жизни связана с организацией, а не с субстанцией. На Солнце панспермиты жить не могли бы только потому, что строение их тел слишком функционально, подогнано природой под существование в условиях планет, пусть и более массивных, чем Земля. А гадать — где находит-

ся такая планета, занятие не для ученого. Во всяком случае, в Солнечной системе, как мне представляется, таких планет не существует. Ни Юпитер, ни другие внешние планеты не имеют условий, необходимых для нормального функционирования таких организмов, как панспермиты.

— Именно это я и хотел услышать. — Джайлс помрачнел. — Да, честно говоря, не очень-то я уверен, что наши доблестные естествоиспытатели не совершили хинфлюг¹... Но делать нечего, будем ждать. Только не надо больше рисковать людьми, за оставшимся драконом можно следить и отсюда. А вообще-то, Долф, в лужу мы сели глубокую. Ведь это ты высказал идею «приручения» драконов?

— Нельзя ничего сказать о глубине лужи, не попав в нее, — улыбнулся Тиммери. — Закон Миллера, коллеги.

— Откуда я знал, что этот ваш Алиссон такой... прыткий, — огрызнулся Киллер. — Пусть только появится, я ему!..

Сенатор вытер лоб платком, вздохнул.

— Что ты ему, адмирал? Если он вернется, ты первый поздравишь его с успехом и повесишь на грудь медаль.

Снаружи вдруг раздался тонкий вскрик сирены. На броневой спинке, отделявшей кабину водителя от транспортного отсека, зажегся красный транспарант: «Тревога». Киллер схватил со стола трубку телефона, выслушал сообщение, лицо его налилось кровью.

— Поднимайте звено эф-шестнадцатых и роту «Блю лайз»! Берринджеру готовить свой «ирокез», я сейчас буду. — Адмирал бросил трубку и криво улыбнулся. — Он появился... в сотню двух миль отсюда. Но вместо людей дракон везет...

— Кого?! — подался вперед Джайлс.

— Поехали, посмотрим. Наблюдатель не поднял бы тревоги зря.

Спустя минуту они сели в вертолет, а еще через несколько минут увидели в бинокли вернувшегося сверхдракона. Впрочем, уже было известно, что этот панспермит — не пропавший с людьми Равана. А в седле его сидел внушающий ужас монстр, не двухголовый, как показалось вначале, а состав-

¹ Hinflug — полет в одну сторону (нем.).

ленный из двух гигантских «медведединозавров», растущих из одного седалища. Урод был закован в пластинчатые, блистающие золотом доспехи. У него было по одному узкому и длинному глазу на каждой вытянутой вперед, закрытой решетчатым забралом морде и по одной лапе на каждом туловище. Не обращая внимания на маневры двух истребителей F-16, он спокойно ехал на своем шестиногом «муле», имевшем зеленовато-коричневую окраску, направляясь в сторону пасшегося в тридцати километрах Стрелка-Индры.

— Боже мой! — прошептал Джайлс. — Что это за чудовище? И что ему здесь надо?

— Я не специалист по химерологии, — скривился Киллер. — Давно надо было уничтожить этих исчадий ада, а теперь расхлебывай тут чужую кашу. — В голосе адмирала, однако, вопреки смыслу сказанного прозвучало удовлетворение; он был человеком войны и чувствовал схватку. — Люди, наверное, захвачены, а это прибыл разведчик. Стоит попытаться захватить, а, сенатор?

Джайлс едва не выронил бинокль.

— У тебя крыша поехала, Долф! С чего ты взял, что люди захвачены, а к нам прибыл разведчик?

— Интуиция. Все, господа пацифисты, ситуация ясна! С этой минуты командуют здесь военные. Никто нам не простит, если мы не воспользуемся шансом и не скрутим этого... всадника.

Сенатор оторопело смотрел на адмирала, не зная, что сказать в ответ.

Каждый вздох отзывался в груди болью. Хотелось лечь удобнее, прекратить дышать и ждать ангела, который освободил бы душу от объятий страдающего тела...

Алиссон открыл глаза и сквозь пелену слез увидел склоненную над ним фигуру. На ангела она походила мало. Разглядев, кто это, Норман попытался вскочить, но сил хватило лишь на то, чтобы привстать. Гигантская, закованная в латы фигура почти человеческим жестом покачала головой с единственным светящимся горизонтальным глазом, разогнулась, и на человека глянули уже два глаза — с двух одинаковых «медвежьих» голов. Ксенурс! Два тела на одном тазобедрен-

ном суставе, две руки-лапы, две ноги со сплюсненными ступнями, похожими на копыта, вытянутые «медвежьи» морды с высоким лбом и щелью пронзительно горящего глаза...

Алиссон поднатужился и сел.

Они с Кемпером лежали в углублении седла суперзавра, окруженного какой-то бликующей прозрачной пленкой, словно козявки внутри мыльного пузыря. Пленка не искажала внешние предметы и была, вероятно, создана ксенурсом, который появился в этом мире в тот момент, когда люди потеряли сознание. Как он догадался, что гостям для дыхания необходим другой газовый состав, а тем более — сформировал необходимый воздушный объем, представить было трудно.

Палеонтолог огляделся.

Тихоня смирно стоял у бугристой стены янтарно-желтого ущелья и вынюхивал в ней что-то. Суперзавр, на котором сюда прибыл ксенурс, бродил по заливу по брюхо, то и дело окуная голову в желтую жидкость, напоминающую расплавленное золото. Алые и оранжевые валуны величиной с двух-трехэтажный дом ползали у ног спешенного ксенурса, буквально вылизывая его ноги; за «валуны» их приняли люди, на самом деле это были живые существа, хозяева или просто жители этого сверкающего мира.

Рядом зашевелился Кемпер, закашлялся, перемежая кашель проклятиями. Перевернулся на спину, сел, держась за грудь, и только теперь заметил возвышавшуюся над ними гигантскую «статую» ксенурса.

— О, дьявол! — Летчик мгновенно развернул плечевой пулемет, но Алиссон вяло похлопал его по спине.

— Остынь, это наш спаситель.

Словно убедившись, что и второй путешественник жив, раздвоенный «динозавромедведь» повернулся и зашагал прочь, вскоре затерявшись в изгибах прорезающего горный массив ущелья.

— Здешний воздух не для землян, — ворчливо продолжал Алиссон, — к сожалению, человек — биосистема с ограниченной способностью к адаптации. А он, очевидно, это знает.

— Какого лешего мы здесь оказались?

— Это я тебя должен спросить. Лично я думал о Земле, точнее, о возвращении в Неваду. А вот о чем думал ты?

— О том же... — Кемпер замер. — О возвращении домой... черт! Я ведь действительно думал о доме! Моем родном доме! Понимаешь? А эта образина...

— Уловила только одно знакомое ощущение — «дом»!

Кемпер встал, доковылял до края седла, глянул вниз с высоты в семьдесят метров. Потом протянул руку и дотронулся до пленки «мыльного пузыря» прежде, чем Алиссон успел крикнуть: не трогай! Однако ничего особенного не произошло. Рука летчика продавала тонкий прозрачный слой, удерживающий земной воздух внутри «мыльного пузыря» над седлом, но была вытолкнута обратно.

— Осторожнее, экспериментатор. Давай сначала думать, а потом делать.

— Думать — занятие для умственно развитых, для тебя, например, а я человек действия. Мой отец говорил: действие — это переход возможности в действительность; сущность жизни — в действии.

Алиссон покачал головой, но спорить не стал.

— Что будем делать... человек действия? Предлагаю возвращаться домой... если это возможно. Еще одна попытка «свободного» полета может закончиться для нас печально. К тому же меня тревожит наш последний прыжок. Что, если дракон просто-напросто не знает координат Земли? В таком случае как бы мы ни напрягались, пытаясь поточнее представить конечную точку перелета, нам это не поможет.

Кемпер вместо ответа достал флягу, отодвинул кольчужную маску, сделал глоток и принялся обходить седло, что-то выглядывая. Алиссон понаблюдал за ним немного, наконец не выдержал:

— Что ты потерял?

— Стратегический объект под буквами WQ, — буркнул Кемпер. — Может быть, слезем? Как-то неудобно делать это на спине Тихони.

Палеонтолог засмеялся. Кемпер некоторое время смотрел на него с недоумением, потом засмеялся в ответ.

Хохотали минуты две, пока не увидели возвращающегося ксенурса, смотреть на которого было страшно, но интересно.

— Абзу, — пробормотал Алиссон, вспоминая шумерийские мифы. — А его дракон — Асаг¹. Кстати, он здорово отличается от нашего Тихони.

— Образина редкостная, — согласился летчик. — Рос-то он не на Земле. Может, сбежим отсюда, пока не поздно? Поди, узнай, что у него в голове... точнее, в двух.

— Едва ли он спасал нас для кулинарных изысков. Это разумное существо, а значит, с ним можно договориться.

— Как?

— Мысленно, как с панспермитом. Смогли же мы установить с ним контакт.

— А о чем думать конкретно?

Алиссон невольно рассмеялся.

— Не о клозете же.

Кемпер рассердился.

— Чего ржешь? Я человек практичный, фантазии лишен начисто, даже раздевающуюся женщину представляю с трудом, а ты хочешь, чтобы я на равных говорил с инопланетным монстром!

— Думай о приятном... например... — Алиссон закусил губу, внезапно сообразив, что они сидят на спине суперзавра, способного по-своему понять их мысли и реализовать желания, о которых сами люди даже и не подозревают.

Однако опасения палеонтолога оказались напрасными. Ксенурс не стал разговаривать с людьми. Он с тяжелым звоном похлопал Тихоню по задку и, не задерживаясь, не взглянув на людей, прошагал к своему «коню», купавшемуся в заливе. Вскочил в «седло», отличавшееся по форме от «седла» Тихони, и исчез вместе с драконом. Ни вспышки, ни взрыва, ни звука. Так исчезают привидения, а не существа из плоти и крови.

— М-да, — хмыкнул Кемпер. — Спасибо за совет.

— Ты о чем? — опомнился Алиссон.

— Ты советовал думать о приятном? Вот я и подумал, чтобы этот приятель убрался отсюда подальше. Что будем делать, док?

¹ Абзу — Бог бездны; Асаг — крылатый дракон, демон подземного мира.

Алиссон вздохнул. Боль в груди прошла, но слабость в теле осталась, напоминая об опасности неосторожных шагов.

— Отдохнем, перекусим и помыслим. Пусть вопреки желанию, но осваивать этот процесс — я имею в виду мышление — тебе придется.

Тихоня наконец оторвался от стены ущелья, оглянулся на людей и направился к морю. На его морде отчетливо было написано сомнение.

...Двухкорпусный гигант, высота которого достигала не менее ста пятидесяти метров, похожий на двух сросшихся в тазу динозавров-медведей, за час достиг на своем «коне» каньона у Коннорс-Пик и принялся колдовать возле оставленных панспермитами яиц. Весил он, наверное, сотни тонн, потому что при каждом шаге выворачивал целые глыбы песчаника, оставляя глубокие следы и рвы. На маневры людей он внимания не обращал, словно не замечая их присутствия и попыток вступить в дружественный (и не совсем) контакт. К Стрелку-Индре он подошел только раз, похлопал его по крупу, оглядел седло и вернулся к яйцам. Затем начал в четыре руки-лапы возводить нечто вроде насыпи вокруг граненых цилиндров яиц, над которыми знойным маревом дрожал воздух.

Джайлс, как и, впрочем, остальные наблюдатели, разглядел, каким образом это делал чудовищный пришелец, и удивился изобретательности природы: две лапы монстра, с виду похожие на металлические гофрированные шланги толщиной в шесть-семь метров, в наплывах и утолщениях, заканчивались чем-то вроде култей без пальцев и когтей, но «култи» эти разворачивались в удивительные звездчатые многосегментные захваты, способные с одинаковой ловкостью поднимать многотонный обломок или сантиметровый камешек.

Когда насыпь достигла высоты коленей гиганта, стройка прекратилась. «Бимедведь» сделал что-то со своей правой грудью, металлические доспехи его раздвинулись, и наружу вылезли блестящие «внутренности» — кошмарные конструкции, в которых лишь угадывались знакомые геометрические формы: грибы, шланги, ежи, решетки, параболические чаши

и другие. Устройства эти повисли над огороженной территорией, и насыпь вдруг бесшумно выстроилась в дырчатый купол, накрывший яйца суперзавров. Устройства спрятались обратно в пояс прищельца, он обошел купол и удалился к своему дракону, который благосклонно посматривал на собрата — Стрелка-Индру и терпеливо ждал хозяина.

Джайлс протер глаза, но видение не исчезло: камни, огромные валуны и обломки скал продолжали висеть в воздухе, образуя удивительную сеть в форме идеальной полусферы. Общая волна рации принесла шумный вздох Тиммери и возгласы его менее сдержанных коллег. Ученые были возбуждены и жаждали деятельности. Сдерживал их только приказ Киллера, гласивший, что проблемами контакта с чужаком будут заниматься в основном военспецы.

На полигон прибыла целая комиссия из Пентагона, помощник президента по специальным вопросам, а также крупные специалисты из Форт-Брагга, Пэйн-Блаффа, Центра биологических исследований в Форт-Детрике, Ливерморской и Эджвудской лабораторий, исследовательских центров ЦРУ и Агентства национальной безопасности. Сначала все думали, что руководство всеми силами возьмет на себя помощник президента, наделенный особыми полномочиями, но он, отменив лишь распоряжение Киллера не подпускать к суперзаврам телевизионщиков и журналистов, оставил его командовать всем сложным механизмом экспедиции, а заместителями определил Джайлса и Джона Рестелла, начальника полигона. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой. Ни Киллер, ни Рестелл не обладали нужным объемом и широтой знаний, чтобы с успехом заниматься столь сложным и необычным делом, как информационный контакт с негуманоидным разумом. Не было подобного опыта и у ученых, но они обладали хотя бы такими качествами, как хорошее воображение, гибкость, нестандартность мышления и взглядов на проблему, сообщая они могли бы выпутаться из тупика. Военные такими качествами не обладали, а эрудиция сенатора Джайлса помочь им не могла, равно как и безумные идеи «конструкторов войны» — ученых и специалистов, работавших на военные программы.

Поскольку на радиозапросы и звуковые передачи «бимед-

ведь» не ответил, решено было запустить к нему роботов, запрограммированных обратить на себя внимание любыми средствами или «умереть». Пока фирма «Контрол отомейшн» готовила роботов, Киллер скомандовал послать в район действий пришельца автоматический вездеход с телекамерами, оборудованный установкой телесвязи и комплектом приборов, который подготовили военные эксперты. К сожалению, кроме научной аппаратуры, «догадливые» вояки из команды Рестелла подложили в вездеход заряд сильнодействующего наркотического вещества, способного усыпить целое стадо слонов. Кто был инициатором этой операции, дознаться не удалось. Джайлс подозревал, что сам Киллер; сенатор помнил заявление адмирала о захвате «разведчика» инопланетян.

Как бы то ни было, вездеход спокойно достиг лагеря медведеподобного монстра, миновав Стрелка, который раньше не преминул бы испытать на ползучей машине свой поражающий луч. Кошмарный пришелец, которому физик Хойл придумал название биурс — «двойной медведь», а Тиммери имя — Ракшас, что по индийской мифологии означало — ночное чудовище, демон, — сначала не обратил внимания на рычащую моторами у его ног букашку; все-таки рост исполина в сорок раз превосходил высоту вездехода. Но затем до него, видимо, донеслась радио- или звуковая передача, и биурс заинтересовался неведомым предметом. Один из его торсов наклонился над вездеходом, голова с пронзительно сияющим глазом оказалась всего в десятке метров от кабины, и... по чьей-то команде оператор взорвал отравляющий заряд. В морду правой половины медведя врезалось облако коричнево-зеленого газа. Биурс резко отшатнулся, чисто человеческим движением закрыв лицо лапой. Вторая «половина» медведя обняла его за глыбистые плечи, воздвигла над головой нечто вроде решетчатого зонтика и замерла.

Постояв так минут пять — лагерь исследователей разглядывал эту картину по телемониторам буквально затаив дыхание, — «динозавромедведь» наступил на вездеход и вернулся к своим делам, не сделав ни одной попытки отомстить «шутникам». Зато Стрелок отреагировал на происшествие по-своему: вдруг выстрелил по вертолету наблюдателей, заставив

его удалиться на безопасное расстояние в полтора десятка километров.

От вездехода с аппаратурой остался блин металла, впрессованный в плиту песчаника.

Еще через некоторое время биурс сел на «коня» и снова исчез, оставив суперзавра Индру сторожить купол с яйцами панспермитов. Лишь после этого люди в лагере, гражданские специалисты и военные, дали волю своим чувствам.

Что произошло, почему Тихоня вдруг решил перенести сидеков в другое место, что заставило его покинуть спокойный золотой мир, Алиссон так и не понял.

Они с Кемпером отдыхали, обсуждая варианты реакции панспермита на их совместное желание доставить их домой, на Землю, как вдруг глубокий удар по голове — удар изнутри — бросил их в колодец удушья, жары и непривычных ощущений вроде «вытягивания» головы из шеи, а очнулись они уже в ином мире.

Видимо, защитная пленка — или поле, — созданная ксенурсом, все еще выполняла свои функции, потому что новый мир был явно враждебным человеку. Суперзавр стоял по брюхо в озере не то расплавленного металла, не то вулканической лавы, жар которой ощущался даже на такой высоте и сквозь защитный купол и ткань «силзов». Лава пузырилась, извергала струи испарений и языки пламени, оранжево-желтую огненную поверхность ее пронзали черные дымящиеся пики скал, похожие наobelisks, на горизонте что-то взрывалось и вспыхивало мгновенным режущим светом, небо нависало багрово-бурой пеленой, и вся эта картина очень живо напоминала ад!

— Чистилище! — прохрипел Кемпер. — Здесь-то мы как оказались?

— Не знаю, — угрюмо огрызнулся Алиссон. — Можно подумать, что тебя ждал рай. Хорошо хоть, сила тяжести здесь почти земная, даже поменьше чуток. Либо Тихоня реагирует на наши подсознательные движения души, либо что-то ищет сам. Если не удастся четко представить место, куда мы хотим попасть, на Землю нам уже не вернуться.

— Не пугай, проповедник. Эти черные полеты мне тоже надоели. Знать бы, куда нас занесло.

— Что толку от подобного знания? Даже если это не соседняя галактика, а соседняя звезда, пешком домой нам не дойти.

— Но дракон же не топают пешком, а летает.

— Вряд ли здесь применим термин «летает». Панспермит использует законы иной физики... скажем, М-физики, и мы их не знаем.

— Что еще за М-физика?

— Это я так назвал — «мистическая физика», для определенности, хотя какая уж тут определенность.

— Я думал, ты знаешь все.

— Мудр тот, кто знает нужное, а не многое.

Кемпер достал флягу, заметил философски:

— Что ж, тогда выпьем. Не хочешь? Помогает успокаиваться и соображать.

Алиссон поднял руку предупреждающим жестом. Сквозь шумы kloчущего моря лавы послышался низкий рокочущий гул, разбившийся на отдельные гулы и всплески. Сзади, со стороны крупа суперзавра, замершего в каком-то оцепенении, из вихрящейся мглы выдвинулась громадная тень, остановилась. Затем снова послышался гул и тяжелые шлепки, так что задрожала почва и по расплаву пошли волны. Тень превратилась в гороподобное страшилище, слегка напоминавшее трицератопса — динозавра, жившего на Земле в мезозое, разве что рога этого «трицератопса» были ветвистыми, как у лося, а глаз на морде был один — горизонтальный и длинный, во весь скошенный лоб. Чешуйчатая грудь его, складками переходящая в голову, отсвечивала полированным металлом, как и шкура суперзавра, а каждая чешуйка была размером с голову Тихони! Рта чудище не имело, вместо него на вытянутой морде светился конгломерат каких-то крючков, пластин и перепонок, напоминая жвалы паука и оскаленную пасть обезьяны одновременно.

— Боже милостивый! — выдохнул Алиссон. — Спаси и сохрани!

— Хороший экземпляр! — бодро возвестил Кемпер, но и в

его голосе оптимизма было не больше. — Пусть сунется поближе, я его накормлю свинцовым горохом!

Только теперь Норман заметил, что плечевой пулемет летчик уже переместил из походного положения в боевое.

— Т-ты что?! Не сходи с ума! Ему твои пули — что дробина панспермиту!

— У меня есть и разрывные...

— А если прострелишь пленку? Думай, балда!

«Паукозавр», как окрестил его Алиссон, придвинулся вплотную и навис над Тихоней, как горный утес, заставив Кемпера умолкнуть. Наступила короткая томительная тишина.

Ног чудовище не имело, при движении сокращались складки груди, переходящие в брюхо, хотя вряд ли они способны были создавать тот самый гул и шлепки, будто по лаве шел двуногий великан. Голова монстра наклонилась ниже, она, как и голова панспермита, имела трехлучевую симметрию, и у Алиссона даже мелькнула мысль — не предок ли это суперзавров? — и в это время Тихоня, уловив панические мысли людей, прыгнул в космос...

Пережив те же ощущения, уже не вызывающие былых болей в позвоночнике и отрицательных эмоций, они выкарабкались из беспмятства в полной темноте и реагировали каждый по-своему, в силу воображения и разного опыта. Алиссону показалось, что он ослеп, а Кемперу — что очутились они в глубоком подземелье.

— Ты жив? — раздался в наушниках голос летчика.

— Такое впечатление, будто мне выкололи глаза.

— Просто нас занесло под землю. — Послышалось бульканье и недовольное ворчанье Кемпера. — Черт, виски кончилось! У тебя найдется глоток?

— Полная фляга.

— Тогда живем!

— Что-то раньше я не замечал у тебя тяги к спиртному. Не отравишься?

— Как говорил философ: когда это дракон умирал от яда змей?¹ Давай свой напиток богов.

¹ Ф. Ницше.

Алиссон передал флягу на ощупь, все еще ничего не видя, и в этот момент где-то далеко-далеко засияла желтая звезда, лучи которой оконтурили бледную, идеально ровную горизонтальную полосу, тающую в бесконечности. Стал виден абрис фигуры суперзавра с вытянутой вперед мордой, контуры седла, бликующая пленка вокруг него и человеческих фигур, но низ и верх, отделенные полосой, так и остались во мраке, вызывая мрачные ассоциации бездонной пропасти.

— Тихий, черт бы тебя подрал, ты куда нас занес? — проникновенно спросил Кемпер, глотнув виски.

Тихоня поднял голову повыше, и на носу его вспыхнул ослепительный свет, собрался в луч, ушел к горизонту — светлой полосе, по которой скользила далекая звезда. И тогда Алиссон с трепетом осознал, что дракон стоит на идеально ровном черном поле с рисунком квадратных плит и над головой его располагается точно такое же поле! Слово пол и потолок бесконечно большого помещения! Светлая полоса, по сути, играла роль горизонта — там, где плоскости сходились на пределе видимости, открывая вход в пространство... или куда-то еще.

Новая вспышка на голове суперзавра едва не ослепила людей, звезда на горизонте мигнула в ответ, и через минуту ушей коснулся низкий, очень низкий, почти инфразвуковой, рокот, на который спина Тихони отозвалась крупной дрожью.

— Что это? — прошептал Кемпер.

— Голос пустоты, — пробормотал Алиссон, обратившись в слух. — Нас кто-то зовет... А если не нас, то Тихоню точно. Вот что, Вир, давай определим конкретный образ, который надо внушить Тихоне, чтобы он доставил нас на Землю, и попробуем сосредоточиться. А то допутешествуемся, что кончится запас воздуха, дарованный нам ксенурсом.

— Да я не возражаю. Хотя интересно, где это мы с тобой оказались. На планету не похоже, да? Похоже на зазор между пластинами бесконечного конденсатора: плоскость вниз, плоскость вверх... Сила тяжести земная...

Снова издали прилетел низкий рокошующий гул, заставил резонировать седло суперзавра и даже кости черепа, как показалось Алиссону. Звезда на горизонте засияла ярче, и вско-

ре стало ясно, что источник света приближается. А еще через двадцать минут люди увидели, что это такое. К ним приближался странный зверь, похожий на гигантскую морскую мантию с размахом плавников в триста метров, на спине которого сидел, скрестив ноги, в позе индийского факира, ксенурс!

«Манта» — животное, а может быть, и транспортная машина — не касалась поверхности этого колоссального ангара — летела-стелилась над ней, а во лбу ее горел, пульсируя и ничего не освещая, исключительно яркий глаз. Остановилась она в полукилометре от суперзавра с седоками. Ксенурс легко слез с ее спины и направился к Тихоне.

— Бежим? — быстро проговорил Кемпер. — Нерешительность — симптом неудачи. Или попросим помощи? Что опасней?

— Спроси что-нибудь полегче. Но вторая твоя идея мне нравится больше. Похоже, Тихоня идет знакомой дорогой, от мира к миру, как он когда-то возил ксенурсов, и гнать его дальше — значит удаляться от Земли... Хотя это лишь предположение.

— Тогда остаемся. — Кемпер взвесил в руке флягу с виски, поглядел на друга и с некоторым колебанием вернул ему. — Дело за тобой, док. Одна надежда на твою светлую голову.

С момента первого появления двухтуловищного существа, получившего название «биурс», совет ученых экспедиции на полигоне заседал три раза, каждый раз апеллируя к военному руководству о привлечении своих лучших умов к исследованию ситуации и контакту с биурсом, но Киллер игнорировал их заявления с завидным хладнокровием, пока наконец Джайлс не нашел время поговорить с помощником президента. После этого к работе «группы риска», составленной из военспецов, были допущены биолог Тиммери, физик Хойл и лингвист Либих. Правда, их голоса решающими в группе не стали.

Биурс за двое суток, прошедших со времени своего первого появления в Неваде, появлялся трижды, продолжая свою таинственную деятельность вокруг яиц, изредка «беседуя» с родившимся на Земле панспермитом Индрой. А тот исправ-

но нес сторожевую службу, реагируя на приближение самолетов или вертолетов в соответствии со своим характером. Подступиться к нему ближе, чем на пятнадцать километров, не удавалось никому ни воздушным, ни наземным транспортом.

Однако ученых не оставляла надежда «получить доступ к телу» биурса и вступить в ним в контакт. И надежда эта была близка к осуществлению, когда на полигоне появилась бригада принстонской фирмы (штат Нью-Джерси) «Контрол отомейшн» с дюжиной специально запрограммированных роботов.

Трое из них больше всего походили на механических кентавров: гибкий гофрированный цилиндр — торс, полусфера с фотодатчиками, окулярами и «ушками» антенн — голова, четыре манипулятора — руки, плюс четырехногий корпус, в котором прятались электродвигатели, аккумуляторы, приборно-инструментальный комплект и компьютер. Остальные роботы напоминали гусеничные танкетки с тремя манипуляторами и набором инструментов вместо пулеметов.

Первыми к лагерю биурса направили две гусеничные машины. Они успешно преодолели каменистое ложе высохшей тысячи лет назад Коннорс-Рив, обогнули гряду скал, холмы и глубокие рытвины, но застряли в рваных бороздах — следах суперзавров и самого биурса, так и не сумев донести «приветы» людей и кое-какие сюрпризы, о которых знали только Киллер и его команда. Двум другим роботам повезло больше, но их почему-то расстрелял Индра, словно учуяв какую-то опасность. Разъяренный Киллер запустил еще двух гусеничных роботов и поднял в воздух звено «Апачей» для прикрытия, а когда Индра уничтожил первого робота, последовал ответный ракетный залп с вертолетов. Сорок восемь ПТУР «Хеллфайр», конечно, не могли повредить суперзавру, но люди этим как бы давали понять, что недовольны действиями бронированного «сторожа». Понял ли это сам Индра, было неясно, однако следующего выстрела из гамма-пушки не последовало, а биурс, внимательно наблюдавший за пируэтами винтокрылых машин, вдруг подошел к роботу и, взяв его своей страшной лапой, приблизил к морде правого тела. Дальнейшие события развивались стремительно.

То ли биурс передозировал усилия и раздавил корпус робота, то ли сработала вторая, «черная», программа, разработанная военными, то ли кто-то включил ее дистанционно, только робот взорвался. Это был не ядерный или тротильный взрыв, а скорее подрыв другой начинки робота — химической, и правую голову биурса окутало ядовито-желтое облако. Он резко откинулся назад, лапа сжала вездеход, сплющив его в ком металла, и обвисла, глаз правого туловища закрылся, а лапа левого обхватила голову и с минуту что-то с ней делала, будто вскрывала, копалась внутри и зашивала. Затем биурс повернулся, тяжелой поступью удалился к своему зеленому дракону, взгромоздился на него и исчез. Мстить он снова никому не стал. Видимо, не знал, что это такое — месть.

Среди ученых, наблюдавших за действиями механических посланцев, разлилось угрюмое молчание, а в группе военспецов, имевших задание найти «окно уязвимости» двутелого монстра, возникло ликование... длившееся ровно три минуты. Потому что биурс вернулся. И не один. Неизвестно, было ли то существо живым, или это был какой-то автомат, механизм, однако выглядел он, во-первых, ничуть не менее экзотично, чем сам биурс, а во-вторых, жуть внушал большую, потому что человек всегда видел в змеях и насекомых своих недоброжелателей. Здесь же взору предстало трехсотметровой высоты чудовище, соединявшее в себе черты богомола и кобры!

В лагере экспедиции повисла тишина.

Джайлс, который находился в компании Хойла и его молодых коллег, собравшийся было идти к Киллеру и затеять скандал, вернулся в палатку, глянул на экран телемонитора с чувством непоправимости случившегося и понял, что, если не предпринять что-нибудь умное, дальнейшие события окончательно выйдут из-под контроля и станут непрогнозируемыми. Хойл оторвался от экрана, чтобы оглянуться на возглас сенатора и пробормотать:

— Когда-то говорили, что дурак — сложное понятие, включающее бедность, честность, благочестие и простоту¹, но к этому классу дураков адмирал Киллер не принадлежит.

¹ Г. Филдинг.

Сенатор, его надо остановить. Он может подумать, что биурс вернулся отомстить, а это скорее всего не так.

Джайлс добрался до штаба Киллера в тот момент, когда тот отдавал приказ отряду ВВС атаковать «зловещих» пришельцев.

— Верни штурмовики! — Запыхавшийся сенатор вытер лицо платком и отпихнул адъютанта Киллера, который пытался его остановить. — Физики говорят, что это не есть демонстрация силы или угроза. Биурсу хватило бы и своей мощи, чтобы наказать нас. Пустите вперед ученых.

— Под моим началом ученых тоже хватает, — скривил губы Киллер; он потягивал гимлит¹, закусывая уткой на листьях спаржи и не отрываясь от экрана монитора, — и они не хуже разбираются в таких вещах. Во-вторых, ты забываешь, что ни на один призыв вернуть двух наших парней он не ответил.

— Значит, не понял.

— Ну да, конечно. Дракон понял, «конь», так сказать, а всадник нет. Чушь! Все он прекрасно понимает. А за это наказывают! Зачем он уничтожил роботов?

— Но ведь вы его сами спровоцировали! — Изумленный сенатор рухнул на сиденье рядом.

— Вот! — Киллер поднял вверх палец, ни капли не чувствуя себя виноватым. — И ты его пожалел! Урода! А кто-то из классиков, кого так любит твой умный Хойл, говорил: мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина: все остальное — лукавство.

— Безумство, — поправил Джайлс, который тоже читал Ницше.

И в это время «эф-шестнадцатые» вышли на цель.

Существо, на котором прилетел ксенурс, только издали и только когда на нем сидел двутелый гигант, было похоже на земную манту. Стоило «динозавру-медведю» слезть, как «манта» встала на дыбы и превратилась в помесь гигантской кобры с богомолем. Смотреть на это чудище было тошно и страшно.

Ксенурс обошел Тихоню кругом, нагибаясь к нему то левым, то правым телом, постукивая снизу по корпусу сверх-

¹ Смесь джина с лимонным соком.

дракона, — слышались металлические поющие удары, — так постукивали когда-то молотками механики по колесам старинных паровозов и вагонов. Затем нагнул голову суперзавра, так что она ушла из поля зрения замерших людей. Слышались новые звуки: треск, звон, скрипы. Тройной гребень на шее Тихони — его антенна-воротник — заискрился мелкими голубыми разрядами. Тела людей свела судорога, но не болезненная, почти приятная.

— По-моему, он нас не замечает, — заметил Кемпер. — Сейчас возьмет, сядет и раздавит. Давай покричим?

Алиссон улыбнулся, заинтересованный происходящим.

— А по-моему, нам ничто не угрожает. Эта зверюга, полунасекомое-полукобра, всего-навсего наземный транспорт ксенурса.

Словно вспомнив о седоках, двутелый колосс вдруг протянул лапу, раскрыв девятиметровую «ладонь» веером, накрыл прозрачный пузырь над седлом и перенес пузырь вместе с людьми, как воздушный шарик, на черную почву этого мира. Затем снова занялся обстукиванием и обслушиванием суперзавра.

Ошеломленные и слегка оглушенные седоки — удар о прозрачные стенки шара был приличным — не сразу пришли в себя. Флегма Алиссона и природный оптимизм Кемпера были поколеблены не столько необычностью свершаемого, сколько непризнанием в них ксенурсом равных себе по разуму партнеров. Да и несопоставимость масштабов людей и гигантских существ действовала на психику, подавляла и отвращала. Смотреть на «кобробогомола», закрывшего собой половину горизонта, было не слишком весело. Что же касается двутелого негуманоида, по мнению Алиссона, он был достаточно вежлив, проявляя минимальную в данном случае заботу, но и только. О контакте речь не шла, ксенурсу он был не нужен.

По-видимому, ксенурс удовлетворился осмотром суперзавра, потому что подал неслышимую команду, и «кобробогомол» послушно принял горизонтальное положение, превращаясь в «манту». Новая команда — тихий световой всплеск в мозгу Алиссона — и Тихоня взгромоздился на «манту», раскорячился, вставляя лапы и голову в выемки на горбу летающего чудовища. Последним на живую гору влез ксенурс,

уселся в седле Тихони, едва не доставая головами потолка-неба. Затем взялся обеими лапами за воротник на шее суперзавра, и вся эта конструкция исчезла. Ни вспышки, ни звука, ни дуновения ветерка.

Кемпер очнулся от недоверчивого изумления первым, разразился бранью и восклицаниями. Алиссон пришел в себя позже, сделавшись рассеянным и задумчивым. Он размышлял и делал выводы.

— Симбиоз!

— Что? — остановил бурный монолог летчик. — Ты о чем? Ты понимаешь, что он нас бросил?! Ссадил, забрал «коня» — и аллюр три креста!

— Симбиоз, — повторил Норман. — Носитель, конь и наездник. И сдается мне, что каждая часть этой троицы разумна по-своему. Нет, он нас не бросил, — сказал Алиссон уже уверенней. — Он просто проверяет способность Тихони работать в одной упряжке. Я даже думаю, что Тихоня искал и нашел именно тех, с кем должен был соединиться давно... хотя это спорно. И тогда мне понятно, куда мы попали. Две плоскости — и ничего больше. Экотон.

— Попроще, док, я не шибко грамотен.

— Экотон — пограничная зона между сообществами. На Земле это опушка леса, берег реки, а здесь, в мире чужих гигантов, он выглядит так. Хотя, может быть, это лишь мы, люди, со своими несовершенными органами чувств, видим этот мир таким, а ксенурсы и иже с ними видят его другим.

Кемпер вздохнул, помолчал немного, постучал по шлему.

— Звенит. Пустая голова — источник звона. И вообще я хочу есть, пить, спать и... домой.

— Я тоже, — засмеялся палеонтолог. — Неведомое и непонятное хорошо для организма в малых дозах, как яд. Подождем, он вернется. На, глотни виски.

Летчик отбросил кольчужную маску с нижней части лица и приставил ко рту флягу.

Неизвестно, почувствовал ли двутелый пришелец тревогу или просто был готов к коварству людей, дважды пытавшихся усыпить его, но на залп шести управляемых ракет «Мейверик» с трех самолетов F-16A «Файтинг фалькон» он отреаги-

ровал мгновенно, выпустив огромное черное облако. Впрочем, говорить «выпустил облако» было неправильно: просто воздух над районом в радиусе километра, в центре которого находились биурс, жуткий кобробогомол и суперзавр Индра, вдруг стал абсолютно непрозрачным, напоминая черную грозовую тучу! Ракеты вонзились в эту куполовидную тучу и... не взорвались! А затем в действие вступил Индра-Стрелок, для которого туча, наверное, была прозрачной. Две трассы гамма-луча поразили два самолета, а третья повредила вертолет «Хью кобра», неосторожно приблизившийся к зоне боевых действий.

Летчики сбитых истребителей катапультировались, а оставшиеся неповрежденными самолет и вертолеты быстренько ретировались на безопасное расстояние, не дожидаясь приказа растерявшегося командования.

Черная полусфера, накрывшая инопланетную компанию, исчезла без следа спустя минуту после бегства людей, и взорам наблюдателей предстала такая картина: двутелый динозавр-медведь подсаживает суперзавра Индру на кобробогомола, который, опустившись на землю, стал плоским, похожим на земного ската. Уместившись на спине коброската, Дракон вытянул морду и воткнул ее в углубление на шее «ската», а биурс влез на него, устраиваясь в седле, совершенно как человек-всадник. И это было противоестественно и страшно, потому что на человека этот сутулый монстр не походил никак!

Миг — и их не стало! Лишь зелено-серый «конь» биурса, на котором он прибыл на Землю, остался лежать на скалах, не заботясь о хозяине. И в этот момент шесть ракет, выпущенных с истребителей и воткнувшихся в песчаные барханы, взорвались, подняв новую тучу — рыже-багрово-черную. Когда пыль и песок осели, а обломки скал перестали падать, люди увидели шесть неглубоких воронок и невозмутимого суперзавра, для которого не страшны были и прямые попадания.

— Долф, ты скотина! — сказал сенатор Джайлс Киллеру, но из-за шума в эфире и взрыва возбужденных голосов в кабине БТРа адмирал не услышал этой фразы. Он уже вызвал своих главных экспертов и лихорадочно готовил план даль-

нейших действий. Биурс должен был вернуться, один или в сопровождении своих страшилищ, и у армии оставался шанс захватить его в качестве похитителя двух представителей хомо сапиенс... на которых лично Киллеру было глубоко наплевать.

Помощнику президента шел пятьдесят четвертый год, но выглядел он моложе: коренастый, гладколицый, с бакенбардами и прилизанными волосами. Звали его за глаза «куском мыла», видимо, имея в виду способность влиять на президента, а настоящее его имя было Мэтьюз Стюард.

В люк штабного бронетранспортера он влез, почти не пригибаясь, одетый, как и все здесь, в пятнистый комбинезон десантника. Адмирал Киллер проводил совещание и встретил его сдержанно.

— Господин Стюард, вы почти вовремя. Мы как раз обсуждаем проблему захвата нашего биурса... не нравится мне это название, хоть убей. Я бы лучше назвал его суперуродом.

Помощник президента сел в низкое удобное кресло, огляделся.

Кабина машины была переоборудована таким образом, что напоминала командный центр Пентагона и комфортный номер гостиницы одновременно. Аппаратура теле- и радиосвязи размещалась в передней части кабины, а остальной объем занимали кресла, стол с картой, бар и холодильник. Всего в кабине могло поместиться человек двадцать пять, но в настоящий момент в ней находилось, не считая операторов и офицера связи, шесть человек: Киллер, сенатор Джайлс, генерал Рестелл и трое руководителей военных центров, имевших, кроме высоких званий, еще и докторские степени. Всех их помощник президента знал прекрасно: химик и биолог Зборовски (полковник), астрофизик Стофф (генерал), психолог Экминстер (адмирал). Ни один из гражданских ученых на совещание приглашен не был.

— Итак, мы сошлись на том, что монстр... черт с ним, пусть будет биурс, — с обычной долей высокомерия продолжал Киллер, постукивая пальцем по золотому портсигару величиной с кирпич, — в отличие от суперзавров имеет по крайней мере одно «окно уязвимости», а именно — химическое. Разработанный в лаборатории доктора Зборовски газ

триметилди... эти... нолэтаз... не суть важно, подействовал на биурса, и если бы не вторая голова, то он был бы наш. Очевидно, что если нам удастся окунуть в газовое облако обе головы этого супермедведя...

— Я против, — буркнул здоровяк Джайлс. — Ваши методы, господа суперспецы, отдают терроризмом. Никто мне не доказал, что биурс захватил наших ребят в плен и держит у себя. По-моему, лучше натравить на него команду Тиммери, они быстрее найдут способ контакта с ним без стрельбы и угроз, а то ваши мальчишки из лабораторий заиклились на войне. Правда, можно и их подключить к Тиммери, почему бы и нет? В крайнем же случае предлагаю просто не трогать этих колоссов. То, что биурс ни разу не ответил на провокации, еще не говорит о его миролюбии. Если вы держите слона за заднюю ногу и он вырывается, самое лучшее отпустить его.

— Если это твое мнение, Кристофер...

— Это мнение Авраама Линкольна, Долф.

Киллер скривился. Он не был так образован, как сенатор, и его злило всякое проявление начитанности. Если бы можно было поменять местами души сенатора и адмирала, это было бы только актом справедливости, так не соответствовала внешность обоих внутреннему содержанию.

— Считаю, что споры излишни. У тебя, Кристофер, всегда было особое мнение, но в данном случае оно резко отличается от общей концепции. Тем более, что ничего мы с ... э-э, биурсом делать не собираемся, только выясним, где наши парни. Сам-то он разговаривать с нами не желает. Не так ли, Мэт?

Помощник президента посмотрел на Киллера, потом на мрачного Джайлса, едва заметно улыбнулся.

— Это наша земля, Долф, — вмешался Рестелл, — и мы не позволим хозяйничать на ней каким-то космическим монстрам... как французы позволили какому-то скату-мутанту раздолбать их полигон на Муруроа. А если завтра суперзавры забросают яйцами драконов всю Неваду? Или вообще Штаты?

Джайлс иронически поднял бровь.

— Господин помощник президента тоже так считает?

— Я присоединяюсь к мнению большинства, — прогово-

рил наконец Стюард. — Кстати, президент извещен обо всем и одобряет наши действия. Итак, джентльмены, в чем состоит ваш план конкретно?

Ксенурс отсутствовал около трех часов.

За это время Кемпер успел выспаться, а Норман — создать концепцию жизни таких существ, как суперзавр, ксенурс и кобробогомол. Увлечшись, он даже разбудил летчика, уснувшего мгновенно, как только его спина коснулась ровной плиты пола.

— Понимаешь, — сказал Алиссон, жестикулируя, — эволюция в мире этих существ действовала иначе, не так, как земная, она абсолютизировала эмерджентность.

— Что? — хрипло переспросил Кемпер, ничего не соображая со сна. — Какую джентность?

— Эмерджентность. Наличие у системы свойств, не присущих составляющим ее элементам. Действия ксенурса подтверждают это наглядно, недаром же Тихоня искал своего всадника, будучи сам всадником кобробогомола. Каждый из них выполняет какую-то одну функцию, а вместе они — коллективное разумное существо, способное решать сверхсложные задачи.

Кемпер упал навзничь и снова уснул, но Алиссон этого не заметил, продолжая ходить вокруг спящего товарища и рассуждать сам с собой. Остановился он лишь тогда, когда неподалеку объявилась сумасшедшая троица: ксенурс, суперзавр и их «тягач» — кобробогомол, от одного взгляда на которого хотелось перекреститься. Произошло это не так, как в прошлые прибытия.

Сначала в двухстах метрах от шара с людьми возникло огромное облако, сотканное из редких, тускло сияющих звездочек. Не сразу можно было разглядеть в этом облаке очертания «наездников» — ксенурса и суперзавра на кобробогомоле. Затем количество звездочек стало увеличиваться, а облако сжиматься, пока не приобрело размеры, близкие к реальным. И, наконец, когда сияние разом погасло, взору предстали знакомые диковинные существа.

Ксенурс слез с «коня» очень медленно, с видимым усилием, будто смертельно устал. Таким же усталым выглядел и

Тихоня, сползавший со «змеенасекомого» буквально на ощупь. Алиссон, глядевший на эту картину во все глаза, растолкал Кемпера и шепотом поделился своими наблюдениями.

Ксенурс посидел у туши кобробогомола на корточках, ощупывая свои тумбообразные ноги, потом в том же замедленном темпе обошел суперзавра, похлопал его по боку, влез на спину «кобры» и с низким гулом умчался в темноту. Посадить людей обратно на спину Тихони он забыл. Тихоня остался стоять, понунив голову и раскорячившись. Бока его сочлились тусклым желтым сиянием, и лишь гребенчатый нарост на шее светился чуть ярче, ничего не освещая, да горизонтальный глаз набух «кровью» — алым светом.

— Что это с ним? — прошептал Кемпер.

— Не знаю, — так же шепотом ответил Алиссон. — Сдается мне, Тихоня просто не подошел тем двоим, не обладая нужным свойством, родился-то он на Земле, далеко от родных пенатов. А может быть, просто растренирован. То-то они так медленно «проявлялись», будто с трудом реализовались в здешнем пространстве.

— И как же нам теперь взобраться на него? Эта пленка прочнее стали, вряд ли удастся ее пробить даже из пулемета. — Кемпер вдруг загорелся. — А если попробовать? Что мы теряем, кроме тюрьмы?

— Воздух, — остудил его порыв палеонтолог. — Воздух теряем. Уверен, что здесь, на этой равнине, царит вакуум. Разорвешь пленку — задохнемся. Кстати, дышать становится труднее, не замечаешь?

— Тем более надо что-то предпринимать. — Кемпер подошел к краю отведенного им пространства, уперся рукой в невидимое нечто и внезапно заорал: — Эй, выпустите нас отсюда!

Вздрогнувший Алиссон pokrutil пальцем у виска.

— Не кричи напрасно, у меня от тебя уже голова болит.

Летчик хмыкнул и сказал совершенно спокойно, будто не кричал только что:

— Да я ради профилактики. — Булькнула фляга. — Все-таки эта двухголовая образина, я имею в виду твоего ксенурса, вряд ли разумна. О нас он даже и не вспомнил.

— Устал. Видел бы ты, как он слезал с дракона — словно

выжатый лимон. Что-то у него не получилось с Тихоней... — Алиссон не договорил.

Твердая плоскость под ногами, заменяющая почву, разделенная светлыми линиями на квадраты со стороной в километр, вдруг начала светлеть, протаивать в глубину. Причем происходило это лишь с соседними квадратами; тот, на котором находились люди и суперзавр, оставался черным, блестящим и твердым. А поскольку люди, заточенные в прозрачный шар, стояли не в центре, а в углу на пересечении четырех квадратов, то им хорошо были видны три из них.

Квадраты оказались как бы крышками исполинских сотовых ячеек с невероятно тонкими стенками. Глубина ячеек была неизвестна, каждая из них заполнилась оранжевым свечением, и лиц замерших путешественников коснулась теплая волна: ячейки излучали в красном и инфракрасном диапазоне. В следующий миг плоскость, заменяющая небо над головой, внезапно растрескалась змеящимися белыми линиями, посыпалась в ячеи кусками зеркального стекла, открывая взору великолепную картину космоса: огромное звездное скопление в форме шара и уходящую за горизонт звездную полосу. Лишь над темным квадратом с людьми и суперзавром «небо» осталось твердым и непрозрачным, словно осколок «зеркала» был привязан к тверди невидимыми канатами.

А затем из светящихся глубин квадратных ячеек медленно и плавно поднялись знакомые «всадники» на гигантских плоских «скакунах»: ксенурсы на драконах, опирающихся, в свою очередь, на «мант» — кобробогомоллов. Тела их упрямо отсвечивали раскаленным металлом, и было их очень много, десятки, сотни тысяч! Поднявшись над ячеями, они перекрыли горизонт и почти загородили собой небосвод.

— Святой доллар! — прошептал Кемпер. — Никак это их конюшня! Или транспортная база? Целая армия кавалеристов! Ну и размах!.. Земной материк!

— Если не больше, — так же шепотом отозвался Алиссон.

Им становилось все жарче, воздух внутри «мыльного пузыря» нагревался все больше, жар проникал под защитные слои костюмов, несмотря на включенное охлаждение, и наконец стал невыносим.

— Тихий! — хрипло заорал Кемпер. — Мы же сгорим, скотина! Сделай что-нибудь!

Тихоня, то задиравший голову в небо, то заглядывавший в ближайшую из ячей, посмотрел на своих бывших седоков и словно в сомнении склонил голову набок. Он чувствовал мысленную сферу людей, их отчаянную мольбу о спасении, но вряд ли понимал, чего они хотят.

На одно мгновение Алиссону показалось, будто они находятся в трех местах сразу: на черном квадрате неизвестного плоского мира, в глубине кратера вулкана, погруженные в лаву, и на Земле, в пустыне... Потом наступила темнота и тишина...

Они уже не видели, как один из всадников вдруг обратил внимание на мертвый квадрат, прикрывающий пустую ячейку, и повернул свой составной «транспорт» к радостно затанцевавшему Тихоне.

Операцию по захвату биурса наблюдали только военспецы, командование и «черные береты» — охрана лагеря, для остальных членов экспедиции телесистемы включены не были под предлогом «регулировки» общего монитора.

Поскольку суперзавры — Индра-Стрелок и «конь» биурса — могли помешать операции, решено было заманить двухтелого динозавра-медведя в такое место, откуда он не был бы виден даже гигантам панспермитам и откуда его можно было вывезти под прикрытием темноты в ущелье Коннорс-Рив с отвесными стенами. Специалисты посчитали, что если завалить ущелье с двух сторон геометрически точными взрывами, биурс не сможет выбраться из «клетки» самостоятельно.

Рестеллу была дана соответствующая команда, и он развил бурную деятельность, меньше чем за сутки доставив в район экспедиции нужную технику и спецоборудование.

Для приманки биурса был выполнен макет яйца суперзавра в натуральную величину с радиоактивной начинкой, имитирующей излучение настоящего яйца, и доставлен в небольшую, но глубокую долину Рэд Хиллз в десяти километрах от лагеря. Разработчики операции не учли одного — нюха суперзавра на радиоактивность, и это едва не стоило им больших неприятностей.

Суперзавр Индра учуял контейнер сразу же после доставки его в пустыню, и даже двинулся было в том направлении, но в это время появился биурс. С момента его исчезновения на транспортной связке в составе кобробогомола и суперзавра прошло чуть больше двадцати трех часов.

На сей раз он прибыл на прежнем зеленом «рысаке» — панспермите и прежде всего подошел к сделанной им из каменных глыб полусфере над яйцами драконов. Что-то его в ней не устроило, он начал собирать новую кучу валунов, но доделать работу не успел: суперзавр Индра отвлек его своим целеустремленным маршем к Рэд Хиллз. Некоторое время динозавромедведь, выпрямившись во весь рост на ближайшем холме, смотрел в сторону долины с псевдояйцом, а затем решил прогуляться туда сам.

Звероподобные пришельцы, видимо, общались между собой в мысленном диапазоне — электромагнитных излучений чуткие датчики людей не фиксировали, — потому что Индра вдруг безмолвно повернул назад, раздавив по пути двух роботов, а тронувшийся вслед за ним зеленый «конь» биурса остановился. Таким образом первая часть плана Киллера реализовалась успешно. А когда биурс достиг долины и спустился вниз, — не без некоторого колебания: минуты две он осматривал горизонт сразу обеими головами, топтался и кружил, — в действие вступила вторая часть плана Киллера.

Замаскированные в двадцати милях южнее лагеря машины MLPS — реактивные системы залпового огня — дали залп. Сто двадцать ракет, начиненных усыпляющим газом, одновременно взорвались вокруг ничего не подозревающего биурса и создали мгновенно вспухшее желто-бурое облако, скрывшее под собой «яйцо», двутелого пришельца и всю долину. На панспермитов этот газ не действовал, что было уже отмечено более ранними «экспериментами», когда суперзавры ползали по Неваде в поисках пищи, но биурс не был готов к дыханию в отравленной атмосфере.

Сознание он потерял не сразу и, упав, еще пытался выбраться из долины, вызвав, очевидно, по мыслесвязи, своего «коня», который вздернул голову и начал озиаться, искать хозяина, однако была дана еще одна команда, и всю корытообразную площадь Рэд Хиллз накрыл второй залп — теперь

уже ракетами с кумулятивными осколками, способными прожигать любую броню. После чего наблюдавшие картину сделали вывод, что всадник не столь хорошо защищен, как его «лошадь»-суперзавр. Получив около семидесяти семи тысяч попаданий — добрая тысяча осколков пришлось на обе головы биурса, а сотни две поразили глаза, — биурс затих.

Тотчас же к долине выступил отряд мощных тягачей и подъемных кранов, ведомых бравыми парнями из группы спецназначения «Блю лайз», не боящихся ни черта, ни Бога, и через полчаса началась великая погрузка гиганта на суперпоезд из тридцати платформ с трехметрового диаметра колесами, каждая из которых была способна увезти груз весом в тридцать тонн по любому бездорожью. Одновременно в тот же район выдвинулся батальон противотанковых ракетных установок, предназначенный для отражения атаки суперзавров, если таковая произойдет. Но панспермиты, наверное, не могли самостоятельно решить проблему вылазки по маршруту исчезнувшего всадника-хозяина и продолжали бродить вокруг «гнезда» с яйцами, оставленными Тихоней и Стрелком.

Операция по загрузке биурса на автопоезд продолжалась два часа, причем пришлось использовать вертолеты, но все закончилось благополучно, и поезд направился к ущелью Коннорс-Рив, охраняемый, как весь золотой запас Штатов.

По прямой до ущелья от этого места было около восемнадцати километров, но приходилось объезжать холмы, каменные гряды и увалы, каньоны и глубокие балки, из-за чего дорога растянулась на целых сорок километров. Лишь к вечеру жуткий поезд приблизился к ущелью и углубился в него на две мили.

Дважды за время транспортировки (четыре часа) биурс начинал шевелиться, отчего стальные и кевларовые канаты толщиной в руку рвались, как нитки, и оба раза залп из гранатометов с двух колонн сопровождения успокаивал монстра: желто-бурый газ действовал надежно. И никто из возбужденных исполнителей и командиров этого действия не подумал о том, выживет ли пришелец в этих условиях и что он предпримет, если освободится.

В одиннадцать часов вечера пустыню потревожили два взрыва, заваливших ущелье Коннорс-Рив километровой вы-

соты почти отвесными стенами из скальных обломков. План Киллера был реализован идеально. И когда в штабе праздновали «победу», пили виски, джин, коньяк и закусывали шоколадом и персиками, Джайлс угрюмо задал вопрос:

— Ну и что дальше, стратеги?

— Все идет о'кей, — засмеялся захмелевший Киллер. — Ты хотел вперед пустить науку? Пусть идет. Хотя приоритеты — наши, армии.

— Но ведь он без памяти, и никто не знает, как он поведет себя, когда очнется. А если он вызовет своих «скакунов»?

— Мы их остановим, — легкомысленно отмахнулся генерал Рестелл. — Из Форт-Брагга только что доставили свои новые плазменные шарики, да и «коулдж-стоидж» еще имеются. Будем сбрасывать по парочке и держать драконов замороженными, пока двухголовый не заговорит. В конце концов должен же он сказать, куда дел наших людей. Надо вколотить в него всего лишь принципы нашей морали — и только.

— Армия всегда была проповедником добра, — хихикнул Киллер. — Брось свои сенаторские замашки, Крис, давай лучше споем «Боже, благослови Америку».

Джайлс допил тоник — спиртное он не употреблял, хмыкнул, пытаясь поймать ускользающий взгляд «куска мыла» и выяснить отношение помощника президента к происходящему.

— Кажется, Долф, тебе не удалось избежать соблазна проповеди добра с помощью огня и меча.

— Что? О чем ты?

Сенатор отвернулся от Киллера, глянул в упор на Стюарда.

— Мне не нравится, что здесь происходит, сэр. Тот, кто не чувствует боли, редко верит в то, что она существует, как говорил Сэм Джонсон, а мы не только усыпили биурса, мы его ранили! Зачем? Я отказываюсь участвовать в дальнейшей игре, и если вы, господин Стюард, не доложите мое мнение президенту, я сделаю это сам.

Помощник президента глянул на экран монитора, на котором застыла картина освещенного прожекторами ущелья с лежащим на дне двутелым чудовищем, кивнул. Во взгляде его мелькнуло удовлетворение, но, когда он повернулся к Джайлсу, глаза его уже были ласково-масленными.

— Я вас понимаю, сенатор. Не волнуйтесь, президент получит полную информацию о том, что делается на полигоне. Не исключено, что он сам появится здесь в ближайшее время.

Киллер захохотал.

— Вот и решение вопроса. Не лезь в бутылку, Крис, давай выпьем за удачу. Мой план был гениален и выполнен профессионально.

Джайлс раздавил в руке стакан, порезался, тупо посмотрел на руку и вышел. Оставшиеся в кабине бронетранспортера переглянулись.

Алиссон пришел в себя от боли в голове. Особенно болели глаза и уши, и он даже попытался пощупать их руками, но наткнулся на гладкую поверхность шлема. Глаза удалось открыть с третьей попытки; казалось, они засыпаны песком. Но и открыв глаза, палеонтолог не сразу понял, где находится: свет был слишком ярок и подвижен, из-за чего пейзаж перед глазами казался зыбким, как отражение в воде. Впрочем, он и потом казался зыбким, обманчивым, текучим и одновременно твердым. Живой металл — пришло на ум сравнение. Сила тяжести в этом мире была чуть меньше земной, порождая удивительное чувство легкости, и благодаря этому чувству остальные негативные ощущения переживались легче.

Они все еще находились на спине Тихони, лежали в одной из выемок седла, накрытого прежним прозрачным пузырем. Кто их посадил туда, осталось за кадром. Но не сам Тихоня, конечно.

Норман принялся — дышать было трудно, кислорода под колпаком оставалось все меньше — и, сняв шлем, все-таки потрогал уши. К его удивлению, они не выросли в размерах и не были поранены, хотя болели так, будто их смяли в блин. Снова надев шлем, он начал осматриваться.

Тихоня брел по сказочной, сверкающей полированным золотом, серебром и другими металлами почве долины, заросшей таким же сказочным металлическим лесом. Хотя форма «деревьев» вовсе не напоминала земные аналоги — кристаллы всех модификаций, плавно переходящих друг в друга, — все же это был настоящий лес. Живой лес! Потому что «деревья» шевелились, перетекая из формы в форму, ме-

няли цвет и плотность и дышали, оставаясь в то же время осязаемо твердыми, металлическими, чешуйчатыми, как шкура суперзавра. И Алиссон внезапно понял, что Тихоня на этот раз в самом деле привез их в свой родной мир, где жили его сородичи.

Но и этот мир не был гостеприимным для людей. Здесь так же царила страшная жара, а пленка защитного пузыря, не пропускающая макротела и воздух, почти свободно пропускала излучения, в том числе и тепловое.

— Ну, ты и здоров, док! — раздался сзади голос Кемпера. — Умудряешься все время подниматься раньше меня. Черт! До чего же душно! И уши болят... Где мы?

Алиссон, дыша, как рыба на суше, только повел плечом. Летчик подошел к нему, оглядел плывущий мимо ландшафт, хмыкнул и полез за флягой. Но та была пуста: виски кончилось еще на бесконечной равнине «конюшни».

Небо над головой было цвета меди — такое же твердое, как и все вокруг, но если задержать на нем взгляд — начинало казаться, что оно покрыто тонкой серебристой паутинкой трещин и вот-вот осыплется, как слой пепла, стоит стукнуть по нему палкой.

Тихоня повернул и полез напрямик через лес, сворачивая деревья, которые спустя минуту после прохождения суперзавра полностью восстанавливали свою форму и продолжали «течь стоя», как ни в чем не бывало. Еще через несколько минут этой плавной рыси (километров семьдесят в час, прикинул Кемпер) они выбрались на край ровного, будто проделанного ножом, обрыва. Лес под обрывом высотой в полкилометра не заканчивался, но этот лес был уже почти пламенем — золотистым, жидким расплавом, более текучим, чем вверху на равнине, и все же не терявшим форму. И температура в этом лесу держалась никак не меньше двух-трех тысяч градусов! А между исполинскими деревьями самых немыслимых очертаний, высота которых достигала трех-четырех сотен метров, бродили суперзавры, молодые и старые, то сходясь в группы, то расходясь в немыслимом танце. Тихоня, как замороженный, уставился на эту картину, а люди вынуждены были отступить ближе к хвосту дракона, прячась от излучения за гнутой стенкой седла.

— Если он туда прыгнет, — мрачно заметил Кемпер, обливаясь потом, — мы сваримся в собственном соку. Это его родина, и думать не надо, однако нам тут делать нечего. Ну и влипли мы с тобой!

— Он нас не слышит... — прохрипел палеонтолог.

— Кто? Господь, что ли?

— Тихоня. Я пытаюсь мысленно заговорить с ним, но, наверное, надо подойти ближе к антенне-воротнику.

— Не сходи с ума! Изжаришься!

— Так или иначе, надо что-то делать, долго в этом пекле мы не продержимся. — Алиссон отвел руку летчика и решительно двинулся к шее суперзавра, пока не уперся в податливо-упругую пленку защитного колпака. Тогда он раскинул руки, кожей всего тела чувствуя пульсацию огня, закрыл глаза и сосредоточился на одном видении: он стоит на берегу земного моря по колена в воде, смотрит в голубое небо с облаками и ощущает ласковый прохладный ветерок на лице...

Сомлел он незаметно, и Кемпер тут же оттащил его в «тень» седла, где было не так жарко. Летчик sprysнул его лицо водой из второй фляги НЗ и вдруг завопил что было силы:

— Вези нас домой, слышишь, урод?! А то морду набью!

Если бы Алиссон услышал своего друга, он бы рассмеялся. Но в сознание он пришел уже на земле...

Киллер только что выпроводил делегацию ученых во главе с Хойлом и был мрачен и зол. Ученые объявили ультиматум: или они наравне с армейскими специалистами участвуют в исследовательских работах и контакте с биурсом, или о том, что творится на полигоне, узнают журналисты и эксперты ООН. Имей он козыри на руках, адмирал только посмеялся бы в ответ на подобные угрозы, однако ситуация с биурсом зашла в тупик: разрешить проблему не смогли ни армейские чины, ни политики, ни военспецы.

Биурс не понимал, что от него хотят, а может быть, не хотел понимать, ибо разговаривали с ним на уровне требований, с позиций силы, ультимативно, подкрепляя свои намерения оглушающими ударами нервно-паралитического газа, как только двутелый пленник начинал вести себя «не так».

У гражданских специалистов даже была разработана вер-

сия по этому поводу, сводившаяся к тому, что сознание биурса плывет от непрерывных газовых инъекций, именно поэтому он никак не может сообразить, где находится и что от него хотят. Киллер сначала презрительно обозвал гипотезу «поисками дураков среди руководства», но потом призадумался: идея могла оказаться близкой к истине. Но он помнил и другое: очнувшийся после транспортировки биурс полез на стену, перегородившую ущелье, а когда испугавшийся командир ракетной установки, охранявшей стену со стороны западной части плато, выпустил в него четыре НУРС, — ответил жутким ударом неведомой энергии, превратившей часть стены, скалы на краю и каменистую осыпь в пузырчатый прозрачно-стеклистый монолит, напоминавший гигантский кочан капусты с дырой в центре, на месте кочерыжки. К счастью, разряд миновал ракетную установку с операторами, хотя стоявший рядом тягач превратился в одну из чешуй-листьев «кочана». Наверное, биурс все еще не восстановил зрение после того, как в глаза его попали осколки ракет второго залпа, и видел плохо. После этого инцидента ракетную технику отвели подальше и спрятали за скалами, надеясь, что инопланетная тварь не сможет самостоятельно вылезти из западни.

— Тупик, — вздохнул Киллер, не заметив, что заговорил вслух.

— Вряд ли вы их удержите, адмирал, — отозвался Мэтью Стюард, имея в виду ученых. — Следует, наверное, признать их требования справедливыми.

— Черта с два! — Киллер хотел добавить еще что-то резкое, но внезапно сник. — Я зря понадеялся на этих олухов из лабораторий и В-центров. Они могут только испытывать свои арсеналы и разрабатывать средства уничтожения себе подобных. На контакт с инопланетянами у них мозгов не хватает.

— Именно поэтому и привлечите кое-кого из лагеря исследователей, того же Хойла, Тиммери, Барбера, Романецкого, Леко. У них наверняка найдутся нетривиальные идеи. Если вы этого не сделаете...

Киллер внимательно посмотрел на помощника президента.

— То это сделаете вы, не так ли? Недаром о вас ходит сла-

ва, что вы всегда вовремя... умываете руки. Впрочем, в моих устах это похвала, мистер Стюард. Я подумаю.

— Сэр! — крикнул вдруг оператор с наушниками из-за прозрачной перегородки. — Наблюдатели сообщают, что в двадцати милях отсюда появился еще один суперзавр. С двумя людьми в седле. Похоже, это Равана...

Алиссона и Кемпера уложили в стерильном боксе передвижного армейского госпиталя.

Им повезло, что «скакуном» их был Тихоня-Равана со смирным и терпеливым характером, а не вспыльчивый Индра-Стрелок. Защитный пузырь над седлом исчез сразу же после «посадки» дракона на Земле, но люди были не в состоянии самостоятельно слезть с панспермита — они лежали в беспомощности. Снять Алиссона и Кемпера удалось через час, со второй попытки: дракон словно понимал, что нужно винтокрылым машинам с красным крестом на фюзеляже, и остановился, внимательно наблюдая за действиями вертолетчиков.

Первый вертолет, зависший было над седлом, шарахнулся в сторону от движения дракона, повернувшего к нему голову, зацепил винтом ажурный воротник на его шее и едва не разбился, с трудом дотянувшись до базы. Второму удалось забрать лежащих без движения путешественников и благополучно сесть возле госпиталя.

Палеонтолога и летчика раздели, обтерли влажными тампонами, привели в чувство и вкололи кучу укрепляющих и тонизирующих препаратов. После чего путешественники поели, выпили по литру специального коктейля и уснули, измученные и счастливые, послав к черту сгорающих от любопытства представителей командования. Разговаривать они были не в силах.

Проснулись через двенадцать часов, снова поели, отметив «воскрешение» стуком стаканов с коктейлем; оба с внутренней дрожью вспомнили пекло на родине суперзавров. После этого настал черед переговоров. Когда они закончились, обе стороны — Киллер и его компания, и Алиссон с Кемпером — были одинаково потрясены новостями. Однако, в отличие от Киллера, бывшие «кавалеристы» испытали и отрицательные

эмоции, узнав о судьбе биурса-ксенурса (поразмыслив, Алиссон справедливо отметил, что название «биурс» подходит двутелому чудищу больше, нежели «ксенурс», и решил впредь называть его, как все в лагере).

— Ну и положение! — присвистнул Кемпер, когда они наконец остались в боксе одни.

Алиссон, наслаждавшийся прохладой и чистотой постели, был поражен случившимся не меньше друга и в ответ лишь покачал головой. Тупость военных действовала на него угнетающе.

Через несколько минут в бокс заявили друзья и коллеги путешественников: Хойл, Тиммери, Кеннет, Романецкий, летчики и исследователи, всего душ пятнадцать. Протесты армейского врача и охранника они проигнорировали. Пришлось повторять историю путешествия и гостям, на что ушло в два раза больше времени, чем на тот же рассказ компании Киллера: во-первых, рассказчики не чувствовали скованности, во-вторых, Кемпер начал вспоминать подробности и не без юмора комментировать рассказ Алиссона.

Гости слушали жадно, а когда рассказ закончился, сидели некоторое время молча, переваривая услышанное. Первым заговорил Хойл; глаза маленького физика горели:

— Доктор Алиссон...

— Можно просто Норман, — великодушно разрешил палеонтолог.

— Э-э... Норман. Вы, по-моему, величайший из авантюристов, каких я только знаю! Не обижайтесь, это похвала. Лично я не решился бы на такое путешествие. Вы не смогли сориентироваться, куда вас заносило? Была ли это Солнечная система или вы побывали на планетах других звезд?

— Мне трудно говорить на эту тему, я не специалист, — осторожно проговорил Алиссон, — но мне кажется, ни один из миров, куда переносил нас панспермит, не является планетой Солнечной системы. В большей степени — из-за температуры воздуха, в меньшей — из-за несоответствия дневных светил Солнцу. Так, третий и четвертый переносы вообще были осуществлены явно в иные системы — небо там украшали близкое шаровое звездное скопление и кольцо

плериона¹. У меня сложилось впечатление, что дракон шел привычным маршрутом по цепочке миров.

— Как трамвай, — серьезно вставил Кемпер.

— И каждый мир вполне мог быть его родиной. А может быть, все они представляют «технологическую» цепочку родного дома.

Тиммери неодобрительно покачал головой.

— И после всех этих передрыг вы еще способны шутить? А если бы погибли или не вернулись, что, по сути, одно и то же?

— Ну не плакать же! Все закончилось нормально.

— Шаровые скопления — наиболее старые образования в Галактике, — пробормотал Хойл. — Я хочу сказать, что цивилизация этих биурсов... или всех трех симбионтов? — возможно, старше нашей. Значит, биурс — наездник, панспермит — всадник, а кобробогомол — скакун? Три составляющих одной разумной личности?

— По-видимому, так, — согласился Алиссон. — Биурс может играть роль «головы», управляющего центра. Одно его тело управляет драконом, а второе — кобробогомол.

— Браво! Мысль отменная! Жаль только, что недоказуемая.

— Почему? Косвенно это уже доказано.

Хойл вздернул брови.

— Чем же?

— Биурс не идет на контакт не потому, что не хочет, а потому, что не может, не являясь полноценным организмом без своих составляющих.

Физик задумался.

— Это спорно. Ведь понимал же вас панспермит, всадник, так сказать, не обладавший высоким интеллектом.

— Знать бы точно, кто из них умнее, — философски заметил Кеннет. — А вообще спор на эту тему бесполезен.

— А почему вы решили, что путешествие происходило по нашей Галактике, Стив? — осведомился Тиммери, такой же седогривый и длиннолицый, как адмирал Киллер, но не столь спесивый и надменный. — Наши парни могли побы-

¹ П л е р и о н — остаток сверхновой звезды.

вать и в других галактиках, и вообще в других вселенных. Во всяком случае, эти монстры настолько далеки по своим параметрам от нас...

— В данном случае это не столь важно, хотя, конечно, по внешнему виду действительно трудно поверить в наличие у драконов разума.

— Добавьте — подобного человеческому. Доктор Алиссон, ведь вы не заметили промышленной инфраструктуры ни на одной из планет?

— Кроме, пожалуй, мира двух плоскостей, — подумав, ответил Норман. — Если только гигантские ячеи-стойла можно назвать «промышленной инфраструктурой».

— Едва ли. И тем не менее отсутствие технологического пейзажа не говорит об отсутствии у обитателей миров разума. У вас чисто антропоцентристский подход к проблеме.

Хойл хотел возразить, но его перебил Кеннет:

— Ах, господа, не затевайте схоластических споров, есть вопросы поважней и поинтересней.

Физик не обиделся, тут же переключив тему разговора.

— Меня интересуют ваши ощущения, док... э-э, Норман, во время «подпространственных» переходов. То обстоятельство, что драконы владеют секретом преобразования топологических свойств пространства, не нуждается в комментариях, наша физика уже подошла к теоретическим разработкам многосвязных пространств: «суперструнных» узлов и топологических дыр, но я не понимаю, почему вы уцелели!

— То есть? — удивился Кемпер.

— Вы могли путешествовать по космосу со скоростью света только в виде волновых пакетов, а человеческое тело вряд ли способно вынести преобразования подобного типа.

— Факты — упрямая вещь, дружище, — пророкотал Тиммери. — Я понимаю, вы хотите минимальных объяснений их полетам, но никто не в состоянии вам их дать. В том числе и доктор Алиссон. Например, я как биолог и криптозоолог всю жизнь ишу объяснения цепочки причинных связей, приведших к зарождению жизни на Земле, но так и не нашел.

— Господа, господа, — запротестовал Кеннет, — мы снова отклоняемся от темы. Норман, мы как-то с тобой говорили

об эволюции драконов, помнишь? Поскольку цель эволюции — ослабление зависимости от среды...

Алиссон остановил его жестом.

— Я имел в виду программное обеспечение разума в приложении к панспермитам. Но это же... — палеонтолог пошевелил пальцами, — только мои фантазии.

— О чем речь? — осведомился Тиммери.

Алиссон пожал плечами, нерешительно глянув на поскучевшего Кемпера.

— Мы говорили об эволюции таких существ, как суперзавры. На Земле генетический код утвердился в результате жесточайшей конкуренции и естественного отбора. Живые существа, наделенные другими способами кодирования наследственной информации, не выдержали конкуренции и вымерли. Но панспермиты — пример совершенно иного способа кодирования...

— На уровне лептонного поля, — добавил Кеннет. — И совершенно неадекватная в человеческом понятии реакция биурса на наши действия, его неспособность злиться и мстить только подтверждают это.

— Господи, как скучен разговор яйцеголовых! — вздохнул Кемпер.

— Ну, не говорите, — живо возразил Хойл. — В наших разговорах и спорах жизнь танцует и смеется. Хотя, может быть, в данном случае им не место и не время. Мы еще поговорим... э-э, Норман, на эту тему. Я заинтригован и поражен.

— Я тоже, — добавил Тиммери.

Разговор разбился на несколько струй — у Алиссона образовалась своя группа слушателей и оппонентов, у Кемпера своя — и в конце концов иссяк. Хозяева устали.

Когда все ушли, Кемпер с удовольствием выдул две банки кока-колы и с облегчением откинулся на подушки.

— Уфф! Горло пересохло! Еще раз убеждаюсь в одной истине, которую я вывел самостоятельно: если женщина была второй ошибкой Бога, то ученый — третьей.

Алиссон засмеялся, откупоривая банку: горло пересохло и у него, и в этот момент в бокс вернулся Хойл, ведя за собой какого-то человека. Алиссон с удивлением узнал в нем Мо-

риса Леко, французского полковника. Хойл плотно закрыл за ним дверь и посмотрел на хозяев, уставившихся на гостей.

— Выслушайте его, Норман. Это ученый из...

— Мы знакомы, — усмехнулся Леко. — Извините, коллеги, но я слышал весь разговор, хотя и не присутствовал вместе со всеми. К сожалению, мне приходится применять методы нелегального положения. Надеюсь, вы меня простите за это. Во всяком случае, доктор Хойл меня понял. Дело в том, что наш скат-мутант на Муруроа здорово смахивает на ту зверюгу — коброботомола, которая возила суперзавра и биурса. И еще один момент: имею сведения, что в России, точнее, на Украине, возле Чернобыльской АЭС, найден двутелый великан, которого русские...

— Украинцы, — флегматично уточнил Хойл.

— Ну, все равно, славяне. Короче, украинцы считают его мутантом, помесью медведя и ящерицы. И он очень сильно похож на биурса, которого держат в плену ваши генералы.

В комнате наступила тишина. Но невольные космические путешественники были обескуражены в меньшей степени, нежели ожидал Хойл. Все же они были достаточно подготовлены всем тем, чему стали свидетелями за месяцы знакомства с панспермитами.

— Ну и что вы хотите сказать? — осведомился Алиссон наконец.

— У вас не возникло желания помочь пленному? Вернее, всем пленникам?

— К-кому? — не понял палеонтолог.

— Биурсу, — спокойно произнес француз. — Суперзаврам. Русскому двутелому, нашему скату...

— Вы с ума сошли! — крикнул Кемпер. — Док, неужели вы заодно с этим французским самоубийцей?

— Я не сторонник квиетизма¹, — хладнокровно ответил Хойл, — и не люблю быть просто созерцателем творящейся на моих глазах гнусности.

Кемпер и Алиссон переглянулись.

— Знаешь, Норм, это мне, пожалуй, подходит, — при-

¹ Квиетизм — пассивно-созерцательное отношение к добру и злу, как проявлениям воли Бога.

знался наконец летчик после минутного молчания. — Как, господин Алиссон? Попробуем?

Норман подставил ладонь, Кемпер хлопнул по ней рукой, а Хойл и Леко повторили жест, произнося в душе известное заклинание Дюма-отца: один за всех, все за одного!

Начальник погранслужбы Кокона Вселенной, галеарх Сомарева был весьма удивлен, когда к нему в личный четырехмерный объем заявился тетрарх Ивандамари и меланхолично заявил об исчезновении в области Хаадада третьего элемента своей тетрады, а именно — наездника.

Сомарева одарил гостя не менее меланхоличным взглядом всех трех многомерных глаз.

— Что делали ваш наездник в Хаададе, тетрарх? Вы ведь патрулируете Ханаан. Хаадад — запретная зона.

— Я получил странный сигнал из Хаадада и послал наездника проверить информацию. На одной из планет скопления ХХ-96, которую жители называют Землей, наездник обнаружил наследников монады Адамевы, адаптировавшихся к местным условиям,

— Вы говорите, жители планеты? То есть разумные существа? Но рождение цивилизации в Хаададе не было закодировано в геноме сингулярности.

— Мне удалось выяснить, что появление разумного кластера в Хаададе, вида хомо сапиенс, — результат распада личности Корректировщика Адамевы. Однако цивилизация людей пока не вышла из стадии социальных конфликтов. Наследники монады Адамевы находятся в условиях постоянного давления, что, наверное, является следствием вторжения ударной волны чужого закона в этом районе. Кстати, мой наездник захвачен людьми. Что посоветуете делать?

Сомарева сконцентрировался в трехмерности, представ перед Ивандамари в виде трех существ одновременно; как галеарх он имел возможность расщепляться на множество личностей, недоступную патрульным системам класса тетрады Ивандамари.

— Что вы предлагаете делать сами? — спросил Сомарева-первый, мужчина.

— Инициатива исходила от вас, — сказал Сомарева-второй, женщина.

— И вы знаете закон: инициатива всегда наказуема, — добавил Сомарева-третий, соединяющий в себе оба пола.

— Проще всего было бы освободить наездника, послав к нему носителя. Но у меня есть сомнения насчет этой простоты. Тот, кто вторгся в Хаадад, изменив законы бытия этого района Кокона, мог оставить в Хаададе хитро встроенный в закон механизм порога срабатывания усиления закона. Если я вмешаюсь, произойдет переворот закона.

— Правильно мыслите, патрульный, — одобрительно проговорил Сомарева-первый. — И все же: ваши действия?

— Никаких действий. Надо ждать. Судя по наблюдениям, среди людей нет единства, у наездника и у наследников тетрады Адамевы появились друзья. Есть шанс рождения новой полноценной тетрады.

Сомарева-второй (она) скептически поджала губы.

— Тетрада без саварджа¹ невозможна.

— Роль саварджа могут сыграть сами люди, они, по сути, — потомки личности самого Адамева.

— Хорошо, — после некоторого раздумья кивнули все три Адамевы. — Что вам нужно для столь сложного действия, выражаемого словом «ждать»?

— Средства наблюдения класса «виртуальный глаз».

— Получите. Но не забывайте, что ваша задача — патрулирование области Ханаана. Мы не гарантированы от второй волны вторжения в наш Кокон. Воюющий с нами Чужой Кокон не остановится на достигнутом.

— Монсеньор, для патрулирования границ необходимо усложнение патрульных систем до пентад. Тетрада не может гарантировать стопроцентное подавление чужого закона.

— Вместе с ростом сложности систем растет цена их ошибки, — сказал Сомарева-второй (она). — Предел для патрульных систем — тетрада, да и она, к сожалению, не является оптимально сбалансированным организмом. Примером может служить судьба монады Адамева. У вас все?

— Так точно, монсеньор.

¹ Савардж — наше управление (*санскрит*); в данном случае — командир, управляющий.

— Идите.

Ивандамари, в трехмерном континууме представлявший собой двух существ, в которых нетрудно было узнать людей, мужчину и женщину, втянул оба тела в четырехмерный кокон и тихо исчез в вакууме, став потоком информации.

Сомадева также перешел в четырехмерный континуум и вежливо «постучал» в мембрану многомерного личного кокона экзарха Саварджа, чтобы доложить ему о возникших осложнениях в системе защиты границ Вселенной. В исполнительности и уме патрульного Ивандамари он не сомневался, но в рождение полноценной тетрады в Хаададе не верил. Расщепление личности тетрарха Адамевы, в условиях атаки чужого закона не гарантировало рождение концептуально нравственной ветви разумных существ, по сути — его информационных потомков. К людям следовало присмотреться. Вполне могло случиться, что они сами стали носителями вируса чужого закона и могли сыграть роль инфекции. И тогда пришлось бы закрыть Хаадад в более жестком режиме — на противовирусный карантин.

Драма 6

МОНАДА

Так как официальное командование экспедиции, полностью перешедшее в подчинение адмирала Киллера, отказалось освободить биурса, Хойл решил действовать на свой страх и риск. Он понимал, что шансов у него и у его друзей мало, но и пассивно наблюдать за ходом «контакта» не хотел. Пример действий Алиссона заразил физика и позволил сбросить груз немалого количества лет, почувствовать себя молодым, энергичным и сильным.

Обсудив идею освобождения с французом Леко, а также с палеонтологом и летчиком, сумевшими вернуться буквально с того света, Хойл организовал своих сторонников в небольшую «группу риска», набрав ни много, ни мало — двенадцать человек. В нее вошли не только молодые ученые, ученики и последователи физика, но и друзья Кемпера и Алиссона,

француз и даже двое офицеров — связи и охраны, которых порекомендовал Кеннет.

Из анализа ситуации было известно, что ночью биурс не делал попыток выбраться из ущелья, поэтому в данное время суток его и не бомбардировали газовыми снарядами, хотя и вели наблюдение. Исходя из этого, одним из самых сложных дел в плане операции, разработанной Хойлом, Алиссоном и Леко, было лишить военных зрения. За биурсом вели наблюдение восемь телекамер и два радарных поста, не считая вертолетчиков с биноклями и спутников, и все эти средства, кроме спутников, надо было обезвредить.

С летчиками договориться предложил Кемпер, он знал их почти всех и брался подобрать парней в нужную смену.

Идея обмануть телекамеры принадлежала офицеру связи. Так как управление камерами осуществлялось из одного центра — с монитора в штабе Киллера, оператор предложил записать поведение биурса ночью, а в момент операции отключить телекамеры и пустить запись на экраны.

Сложнее дело обстояло с радарными постами. Один из них можно было попытаться вывести из строя, но поломка обоих сразу вызвала бы подозрения или замену установок. Поэтому решили в нужную ночь просто связать операторов поста, если они не согласятся участвовать в освобождении добровольно. Эту часть операции вызвались реализовать Морис Леко и капитан охраны Фосс.

Но самой трудновыполнимой деталью операции оставалось собственно освобождение биурса. В этой части плана мнения разделились. Хойл советовал просто взорвать перегородку из скальных обломков, ближайшую к плато, надеясь, что дальше биурс выберется сам. Алиссон же предлагал привести к ущелью суперзавра и лишь потом взрывать перегородку.

Физик умел думать быстро и принял предложение Нормана, хотя и с некоторыми уточнениями. Идея была отличная, он хорошо понимал это.

— Коль скоро удастся привести панспермита, — сказал он, — перегородку взрывать, может быть, и не придется. Но успеет ли панспермит достичь ущелья раньше, чем фанатич-

ный Киллер накроет биурса газовым облаком? Если двухтальный уснет, поход дракона окажется бесполезным.

— В таком случае надо сделать так, чтобы команда на атаку ракетным комплексам не прошла, — меланхолически заметил Кемпер. — Дружище, — обратился он к лейтенанту связи, — управление у вас проходит по кабелю или нет?

— Конечно, нет, по рациям.

— Вот и сделайте что-нибудь, чтобы Киллера никто не услышал.

— Попробую, — кивнул связист.

— Прекрасно! — Хойл нервно потер ладонь о ладонь, повернулся к Алиссону. — Итак, мой друг, вам снова достается самое интересное задание — оседлать дракона. Если больше не хотите рисковать, пойду я.

Алиссон с улыбкой качнул головой.

— Тихоня слушается только меня.

— Что ж, тогда cum deo!¹

Палеонтолог отправился к суперзаврам, все еще ничего не подозревающим, вспахавшим местность вокруг шатра с яйцами по радиусу в два километра, в десять часов вечера. Его сопровождал Кеннет, да и то лишь на самом начальном этапе пути. Идти вместе к цели не имело смысла.

Попрощались в трех километрах от лагеря, после чего Кеннет залез на скалу, чтобы понаблюдать за Алиссоном в бинокль и в случае чего успеть вызвать подмогу, а Норман отправился дальше. Ему предстояло пройти еще около восьми километров пересеченной местности. Маршрут был выбран таким, чтобы его нельзя было увидеть из лагеря ни визуальным наблюдателям, ни операторам радаров.

Дважды приходилось прятаться от вертолетов, хотя вряд ли летчики могли увидеть его в хаосе скал в крошечной тьме. Он и сам почти ничего не видел, несмотря на инфракрасную шлем, и ориентировался лишь по звездам, зная направление. Ночь наступила на удивление звездная и холодная, и

¹ Cum deo — с богом! (лат.).

отопление костюма работало во всю мощь, пока Алиссон не разогрелся от ходьбы и не уменьшил обогрев.

К двенадцати часам он уже вплотную подошел к лагерю суперзавров, видимых в приборе ночного видения оранжево-стеклянными тушами; температура их тел чуть ли не на полсотни градусов превышала температуру скал и воздуха. Тихоня лежал, прижавшись брюхом к песчаному бархану и вытянув вперед по камням длинную шею. Второй панспермит, «скаун» биурса, бродил в километре отсюда, поглядывая на шатер с яйцами. Изредка он вздрагивал и топорщил кристалло-чешуйчатую кожу, поднимая тонкий хрустально-металлический перезвон.

Тихоня-Равана почуял, а может, и заметил человека, когда тот приблизился на расстояние в сто метров. Вздернув голову, пристально взгляделся в фигуру в герметичном костюме, использовав и два боковых глаза-радары, затем спокойно опустил голову на место. По коже спины его конвульсивно пробежала волна, подняв звон. В ответ донесся тихий перезвон второго суперзавра.

— Узнал, — пробормотал Алиссон с облегчением и странной нежностью. — Узнал, бродяга!

Подойдя вплотную к морде Тихони, он легонько похлопал его по правой скуле, потрогал рог и четко и ясно представил, что лезет к нему на спину. Спустя мгновение пришел ответ. Алиссона словно окунули в расплав металла, тут же выдернули, и он увидел слегка искаженную картину всадника и коня: всадником был он — размером с биурса, а конем — суперзавр.

Алиссон снова похлопал Тихоню по морде, возвышающейся над ним, как гранено-пупырчатый утес, и включил липучки. Через две минуты он залез на голову супердракона, а еще через минуту слезал с шеи на поверхность седла. Предстояло самое трудное: заставить панспермита идти в нужном направлении и не улететь с ним при этом в космос.

Пискнул наушник рации:

— Норман, как дела?

— Нормально, собираюсь с духом. Очень не хочется путешествовать по дальним мирам одному.

— Видели, как он вас принял. Надеюсь, все будет хорошо. Мы начинаем свою часть операции. В лагере пока все тихо.

— Подождите, пока я не заставлю его идти. Надо, чтобы он понял и не поднял панику. Перехватчикам, чтобы взлететь и домчаться досюда, понадобится всего семь-восемь минут.

— Удачи вам!

Алиссон посидел еще немного, успокаиваясь, собирая волю в кулак, и заставил себя не отвлекаться.

Связист сделал все, что обещал, поэтому операторы войскового телемонитора ничего не заподозрили: два экрана исправно показывали неподвижно сидящего в ущелье биурса и смирно лежащих в другом районе суперзавров. Видео пленка была закольцована, и картина повторялась каждые три часа, но едва ли кто-нибудь из операторов смог бы это обнаружить.

Ни один из радаров вывести из строя не удалось, зато удалось напоить дежурных локаторщиков одной из установок, и к полуночи оба техника уже спали. Со вторым постом этот трюк не прошел, пришлось применить ум и силу, чтобы и последний дежурный радар не видел маневра суперзавров и людей.

Охранялся пост отделением десантников в черной форме: шесть человек по периметру, в сотне метров от машин с оборудованием, антенной и генератором, и двое возле антенны — капрал и ефрейтор. Группа небольших скал и камней удачно скрывала машину с экранами от большинства охранников, и шанс без шума обезвредить двоих у антенны увеличивался. Но, на беду, командовал отделением тот самый капрал Бенджамин Фримен, которого месяц назад Кемпер двинул по челюсти его же автоматом, а такое забывается не скоро.

Вместе с капитаном по фамилии Фосс, командиром охраны лагеря, и французом Леко Кемпер, переодетый в черный костюм десантника, добрался до радарного поста на вертолете.

Территория поста была освещена прожекторами, от машин протянулись, сливаясь с ночной темнотой, длинные тени. Татаканье движка генератора разносилось в ночи далеко и скрадывало шаги.

Возле машины с антенной их остановили.

— Момент!

Из тени выдвинулись две фигуры, одна высокая, другая пониже, но широкая, как шкаф. Кемпер взгляделся и обомлел: это был капрал Фримен, жаждущий покататься с летчиком в иных обстоятельствах.

— Допуск?

— «АА», — сказал Фосс, доставая бэдж из кармашка на груди.

Капрал внимательно осмотрел квадратик пластика с фотографией в пленке, вернул, козырнув, кивнул на Кемпера и Леко:

— А у них?

— Они со мной.

Охранник, помедлив, перекинул автомат из-под мышки за плечо, глянул на летчика, и вдруг глаза его сузились.

— Гм... а мы не встречались где-нибудь? По-моему, я тебя... — Капрал вспомнил. — Ага, вот и встретились, сукин сын! Летчик, кажется? А в нашей форме. Снова хочется поиграть в свои игры? Не получится, приятель, это говорю тебе я, Бенджамин Фримен. Капитан, вы-то как оказались в его компании? Руки за голову!

Капрал сунул в рот свисток, и в то же мгновение Кемпер точно и сильно ударил его в подбородок. Фримен едва не проглотил свисток, подавился, схватившись за горло, и Кемпер ударил еще раз. Упал капрал с таким грохотом, что казалось, эхо разбудит весь полигон. Но все было тихо, если не считать равномерного рокота генератора. Внешняя охрана плялилась в темноту, а не на освещенные будки поста.

Кемпер спохватился, вспомнив о втором охраннике, и обнаружил его лежащим в двух шагах. Глянул на Леко.

— Хорошо дерешься, — буркнул француз, пряча газовый пистолет. — Берись, перетащим в тень. Откуда он тебя знает?

— Он слишком много говорит, — вместо ответа сказал Кемпер, рассматривая сбитые в кровь костяшки пальцев. — И по-моему, у него бетонная челюсть. Добавьте ему порцию газа.

Ежесекундно ожидая окрика, они перетащили тела в тень и вошли в кабину управления. Три оператора в немом изумлении воззрились на них.

— Проверка режима, — лязгнул голосом Фосс, показывая издали свой допуск «АА» с золотым обрезом. — С каким интервалом вы со штабом выходите на связь?

— Два часа, — дернулся ефрейтор с наушниками на голове.

— Когда следующий доклад?

— Через десять минут.

— Докладывайте.

— Но...

— У меня еще много дел, в том числе технический контроль. Связь, быстро! Все нормально?

Ефрейтор молча повиновался.

— Вот и хорошо, ребята, — сухо улыбнулся капитан, когда короткий, в пять слов, доклад был передан оператору штаба Киллера. — А теперь поспите пару часов.

Дежурные не успели ни испугаться, ни сообразить, в чем дело: Леко стрелял из газового пистолета быстро и точно.

К вертолету добрались без помех и через десять минут были в лагере. Кемпер с благодарностью пожал руку Фосса и француза, после чего капитан отбыл в свое подразделение, а Леко присоединился к «группе риска».

С летчиками договориться было легче. С двенадцати и до двух ночи в барражировании над районом Коннорс-Рив участвовал экипаж майора Берринджера, который только с виду был солдафоном, недалеким и косноязычным, на самом же деле майор славился отзывчивостью и юмором и подчиненных уважал. Кемпера он понял сразу.

— Не надо меня долго агитировать, сынок, — заявил он, залезая в кабину своего двухвинтового «Кейюса». — У меня сын — специалист по изучению УФО, и я кое-что смыслю в пришельцах, винт им в глотку! Мне давно хотелось насолить этому выскочке Киллеру, вот и представился случай. Помоги тебе Господь, сынок!

Без четверти двенадцать Кемпер в сопровождении Хойла и Кеннета, одетых в «силзы», как и он сам, двинулись на вездеходе охраны к ущелью Коннорс-Рив. Они уже знали, что Алиссон добрался до суперзавра благополучно и ухитрился-таки заставить Тихоню идти в нужном направлении.

Ему удалось это с третьей попытки.

Сначала Алиссон решил просто представить плато с горным краем Коннорс-Пик и прорезающее горный массив ущелье Коннорс-Рив, помня, что в прошлые разы суперзавр реагировал на такие внушения тем, что перемещался в нужное место. Однако Тихоня не понял: Алиссон вновь пережил ощущения жаркого удущья, падения в глубокую пропасть, вытягивания головы из шеи, — ощущения, сопутствующие мгновенному перемещению в пространстве, и... очнулся там же, в пустыне, ночью! Вероятно, Тихоня не нашел в своей памяти место, соответствующее представлениям Алиссона, и вернулся обратно, не выходя из подпространства в космос.

Норман осознал, что произошло, и испугался. До спазма в желудке! Он вдруг представил, что скользит с Тихоней по почке миров и возвращается двое суток спустя... Уфф! Полный провал!..

Алиссон включил охлаждение комбинезона, пока не высох пот на лбу и под мышками. Подумал: не переоценил ли я свои силы? Что теперь? О чем думать? Что представлять?..

Посидев пару минут, он снова собрался с духом и попытался представить биурса, лежащего неподвижно на дне ущелья. И снова Тихоня его не понял, хотя и не стал прыгать в космос. Суперзавр только повернул голову к человеку, и вид у него был потерянный и сомневающийся. Впрочем, Алиссону просто хотелось верить, что это так. И тут его осенило.

Даже не проанализировав идею, он представил ноги суперзавра и заставил их двигаться. И Тихоня наконец сообразил, что от него требуется. Помедлив, он оторвал брюхо от скал, сделал шаг, оглянулся на всадника. Алиссон с чувством стукнул дракона по пластинам шеи и еще раз вызвал в памяти образ ползущего суперзавра. Тихоня с грохотом двинулся вперед.

Первое время он шел в сторону от Коннорс-Рив, но Алиссон дважды останавливал его, — делал это он все смелей и смелей, — корректируя направление, и наконец они поползли точно к ущелью, озаряемые только светом звезд.

Прожекторы лагеря включились только раз — наблюдатели услышали тяжелую поступь суперзавра, — но, пошарив по скалам, погасли. Управлял ими военный техник, входивший в «группу риска», и поднимать тревогу он, естественно, не стал.

Десять километров до ущелья дракон прошагал за десять минут, а у входа в каньон его уже ждали Кемпер, Леко, Хойл и Кеннет. Алиссон приказал Тихоне пересадить их в седло, обнялся с летчиком.

— Все в порядке?

— Стоило бы сомневаться. Знаешь, кого я встретил? — Кемпер засмеялся. — Того ублюдка, который не пускал нас к Джайлсу. Помнишь? Этот пес войны снова оказался на пути, хотел...

— Потом будете делиться впечатлениями, — перебил летчика Кеннет. — Самое трудное впереди. Двигаем к биурсу, пока нас не накрыли ракетным залпом.

Тихоня снова зашагал вперед с грацией шестиногого бегемота, увеличенного в пятьдесят раз.

Тревога в лагере началась, когда суперзавр с погонщиками преодолел плотину из обломков скал, перегородившую ущелье, и заглянул в каменный мешок, на дне которого сидел на корточках биурс.

Пружина ситуации сжалась до предела.

Джайлс вернулся из штаба в свою палатку злой и возбужденный. Разговор с помощником президента не получился, «кусочек мыла» не перечил сенатору, но и не соглашался с его точкой зрения, снова пообещав поговорить с президентом. Вряд ли стоило взывать к гуманизму и человечности этого чиновника, добившегося власти благодаря невероятно гибкому уму и умению вовремя поддержать нужную кандидатуру.

— Скользкая тварь! — сквозь зубы произнес Джайлс, бросая куртку на походную постель, гаркнул: — Сэм!

В палатку вошел адъютант, он же личный охранник сенатора, Сэмюэль Старджон.

— Подъем в шесть утра, завтра убываем в Тонопу.

— К вам гость, сэр. Пригласить?

— Кому там не спится? Уже полдвенадцатого ночи!

— Говорит, у него важное сообщение. Назвался зоологом, доктором наук Зальцманом.

Джайлс плюхнулся в кресло, едва не сломав его.

— стакан глинтвейна, тосты... зови, черт с ним!

В палатку робко протиснулся громадный мужчина, не то

чтобы толстый, но пухлый, с какой-то болезненной рыхлостью. Желеобразный, пришло на ум сравнение. Квадратное, с отвисшими щеками, такое же рыхлое, как и тело, бледное лицо окаймляли бакенбарды и редкая борода. Но глаза зоолога блестели остро и хитро.

Опасный парень, подумал Джайлс.

— Слушаю, — сказал он, удовлетворившись осмотром, отхлебнул горячего напитка. Сесть посетителю не предложил.

— У меня есть сведения конфиденциального характера, — заговорил Зальцман неожиданно тонким голосом. — Но хотелось бы иметь гарантии...

— Короче. Все, что вы скажете, останется здесь.

— Я вам верю (зато я тебе нет, подумал сенатор). Дело в том, что в лагере заговор. Некоторые мои коллеги решили освободить этого двутелого монстра...

— Что?! — Джайлс поперхнулся, изумленно уставившись на зоолога. — Что за чушь вы несете?

— Это не чушь. Хойл, Романецкий, Кеннет... и другие, всех я не знаю, уже исчезли из лагеря, но мне точно известно, что они пошли к биурсу.

— Безумие! — Джайлс залпом допил глинтвейн, швырнул стакан в угол. — Ну, а вы почему не с ними?

Рыхлый Зальцман дернул щекой, набычился.

— А-а, не взяли? — понял сенатор. — Понятно. Я бы тоже не взял. Вы уже сообщили кому-нибудь об этом?

— Нет, но если вы не примете срочные меры...

— Понятно. — Джайлс встал. — Приму.

Точным ударом кулака в подбородок он послал гостя на пол. Задумчиво сказал примчавшемуся на шум адъютанту:

— Ему стало плохо. Сделай укол успокаивающего, пусть полежит здесь, поспит. Я в штаб.

Накинув куртку, Джайлс вышел в ночь. Но у Киллера, видимо, были свои информаторы, и он включил тревогу, когда задыхающийся от бега сенатор подбегал к штабному БТР, придумав, как отвлечь адмирала, если он не спит. Втиснувшись в машину, сенатор стал свидетелем беспрецедентной ситуации: одна группа людей, рискуя жизнью, пыталась вызволить из западни чужое разумное существо, а вторая группа

пыталась им помешать, готовая уничтожить и пришельца, и его добровольных помощников.

— Вы с ума сошли! — прохрипел Джайлс, услышав последние слова адмирала: Киллер советовался с командиром эскадрильи перехватчиков, чем лучше обстрелять ущелье Коннорс-Рив.

— У меня нет другого выхода, — оглянулся на него полный холодной ярости Киллер. — Эти ваши мягкотелые «яйцеголовые» друзья сами подписали себе приговор. И решаю здесь я!

— И вы посмеете... стрелять?! Там же люди! Четверо ученых...

По губам Киллера скользнула пренебрежительная улыбка.

— Сенатор, есть цели, оправдывающие любые средства. В данном случае это могущество страны. Сядьте и не мешайте. — Киллер отвернулся, беря в руки микрофон рации, но приказ отдать не успел.

Давно не дрался с таким удовольствием, подумал Джайлс, лет десять, после того, как бросил спорт. Повернул Киллера к себе лицом и отправил адмирала в нокаут, как и доносчика Зальцмана перед этим. Помощник президента, генерал Рестелл, операторы у пультов и мониторов, офицеры связи и охраны, выпучив глаза, глядели на влипшее в стену кабины тело адмирала.

Сирена была слышна так, будто взывала в сотне метров отсюда, а не в двенадцати километрах, как на самом деле. Кеннет от неожиданности чуть не свалился вниз, и Кемпер едва успел удержать его на краю седла. Но и он подпрыгнул в испуге, когда Тихоня ответил сирене своим странным криком — воем-клекотом, от которого запросто могли лопнуть барабанные перепонки.

Биурс внизу, на глубине двухсот метров, зашевелился, неуверенно шаря вокруг себя обеими лапами. Правая голова его, на которой оранжево светился уцелевший горизонтальный глаз, посмотрела вверх, левая тоже запрокинула лицо, но ее глаз не светился, скрытый какой-то стекливой массой. Очень медленно биурс выпрямился. Шкура его — или броня скафандра? — тускло засветилась.

— О, господи! — пробормотал Хойл. — У него же глаз вытек!

— Очень похоже, но вряд ли соответствует истине, — попытался начать спор Кеннет, однако Алиссон цыкнул на них.

— Помолчите!.. Они разговаривают между собой... я чувствую. Пора сматываться.

— Пора взрывать стену, все готово.

— Не надо, для биурса это не проблема. Если только у него есть энергия. Поэтому нам надо быстренько убираться по-дальше.

— Но как? Мы же убьемся!

Словно в ответ Тихоня повернул к ним голову, приблизил страшную морду к седлу, так что Хойл и Кеннет отшатнулись. Алиссон же проворно полез на скулу суперзавра вслед за Кемпером, протянул руку французу, прошипел:

— Быстрее, месье!

Физик и палеонтолог неуверенно переглянулись, но окрик Кемпера заставил их последовать за Морисом Лeko. Спустя минуту все пятеро стояли на вершине каменной стены, не успев опомниться от смены впечатлений, и лишь негромкий голос Алиссона вернул их к действительности:

— Наша миссия окончена, коллеги. Давайте-ка отползем отсюда вон на ту высотку, оттуда все будет видно.

— А если Киллер сделает залп ракетами с газом? Или с чем-нибудь похуже?

— Что может быть хуже отравляющего газа? Не посмеет. А если и отдаст приказ, мы все равно не успеем уйти.

— В любом случае мы ничего не теряем, — жизнерадостно сказал Кемпер, — кроме жизни. — И первым полез на скалы.

Они перебрались с горы камней на край плато, нависающий над ущельем, устроились на плоском скальном горбу и увидели финал высвобождения всадника, но не своим конем, а внезапно прибывшей командой, которую никто не ждал.

Рядом с горой камней, перегородившей ущелье Коннорс-Рив, вдруг бесшумно замерцало огромное облако голубоватых звездочек. Это облако стало уплотняться, темнеть и через несколько секунд превратилось в громаду здания с высокой многосекционной трубой. Оторопев, люди смотрели вниз, на странное здание, явно слепленное из разных материалов. Видно оно было хорошо, потому что продолжало светиться изнутри багровыми прожилками.

Алиссон и Кемпер, никогда прежде не видевшие здания

Чернобыльской АЭС, разглядывали его просто как шестнадцатизэтажное строение, готовое вот-вот рухнуть, но Морис Леко и Хойл сразу узнали контуры печально знаменитого четвертого блока реактора, взорвавшегося в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году.

— Лопни мои глаза! — прошептал Хойл. — Это же...

— Чернобыльский реактор! — хмыкнул Леко, потряс головой. — По-моему, я сплю. Но как, черт побери... — Он не договорил.

Рядом с корпусом реактора протаял из воздуха контур какой-то двухголовой статуи высотой с трубу реактора, удивительно напоминающей нечто знакомое.

— Ущипните меня! — слабым голосом произнес Кеннет. — Это же... биурс! Только маленький!

Теперь и Алиссон понял, что статуя возле здания не что иное, как двутел, только раз в пять меньше исполина, которого они собрались вызволить из западни.

Малыш биурс, несмотря на «малый рост», достигавший высоты двадцати с лишним метров, осмотрелся по сторонам сразу двумя головами, несколько отличавшимися по форме от голов взрослого биурса, заметил радостно взиравшего на него с высоты горы камней суперзавра Тихоню и замер.

Несколько секунд «конь» и «всадник-малыш» разглядывали друг друга. Затаив дыхание, люди тоже смотрели на неземных существ, родившихся по воле случая на Земле, не зная, что предпринять. Потом Алиссон, сжав виски ладонями, прошептал:

— Они... разговаривают друг с другом... я их... понимаю!

Малыш-биурс вдруг прыгнул вверх и, как подброшенный пружиной, опустился рядом с горсткой людей на краю плато. Наклонился к ним, так что Хойл и Кеннет невольно отшатнулись, и положил на голую поверхность скалы два тела. Выпрямился, человеческим жестом указал одной из лап на тела и повернулся к Тихоне, все еще глядевшему на него во все три глаза. Перепрыгнул к суперзавру на гору камней и обломков скал, обошел его, доставая головами всего лишь до колен гигантских лап дракона, похлопал по боку, породив тяжелый слитный металлический звон, и ловко, как заправский наездник, взобрался в седло.

Кемпер очнулся первым, оторвался от созерцания «сладкой парочки неземных динозавров» и подбежал к телам людей, которых принес малыш-биурс. Ими оказались две прелестные девушки, одетые в джинсовые костюмы, белокурая и черноволосая.

Обе были ранены, темноволосая в шею и в голову, белокурая в плечо. Она и очнулась первой от прикосновения подбегавшего Алиссона. Застонала, открыла глаза, но вряд ли сразу разглядела, кто перед ней, несмотря на слабое свечение фигур биурса и суперзавра, едва рассеивающее ночной мрак в ущелье. Прошептала:

— Кто вы?

— Не понял, — озадаченно пробормотал Алиссон. — Кто вы?

— Она говорит по-русски, — сообразил приблизившийся Морис Леко. — И биурс этот — оттуда, с Украины. Знать бы, зачем он прихватил с собой чернобыльский аварийный реактор...

— Это знаю я, — отрывисто бросил Алиссон. — Вернее, догадываюсь. Насколько я понял из «разговора» Тихони и биурса в ловушке, тот связался с биурсом-младшим, родившимся в России...

— В Украине, — машинально поправил Леко.

— В Украине, и попросил о помощи. Но, кроме малыша-двутела, биурс-старший связался еще с кем-то в Австралии... или где-то в том районе...

— На атолле Муруроа, — пробормотал ничуть не удивившийся француз. — Он связался с нашим Ифалиуком.

— Кто вы? — повторила девушка, пытаясь сесть, и Алиссон с готовностью подал ей руку. — Где мы?

— Вы говорите по-английски?

— Немного. Так вы англичане?

— Янки. Норман Алиссон, палеонтолог. Это Вирджин Кемпер, летчик. Доктор Хойл, доктор Кеннет, Морис Леко, единственный француз в нашей компании... — Алиссон умолк, заметив гримасу боли на лице девушки. — О, черт, вы ранены! Давайте посмотрим рану. Как вас зовут?

— Алевтина, а ее Марина. Помогите сначала ей.

— Вир, ты там ближе...

— Я уже посмотрел. Раны две, но обе не опасны, пули прошли скользом. У меня есть спирт, сейчас она очнется.

Раздался стон, легкий вскрик, и темноволосая россиянка оттолкнула руку Кемпера с флягой виски. Вторая девушка на коленях подползла к ней, обняла, сказала по-русски:

— Успокойся, мы среди друзей. — Перешла на английский. — Дайте ей глоток... да и мне тоже.

Кемпер с готовностью сунул ей флягу.

— Откуда вы все-таки? И почему вас принес этот симпатичный маленький монстр?

— Это Мутик-то маленький?

— Какое странное имя — Мутик... Но вы не видели его старшего брата, он здесь, в ловушке.

— Потом выясним все детали, — перебил летчика Леко. — Надо спасать панспермитов. Тревога уже поднялась, сейчас сюда наверняка мчится свора Киллера на танках или, что хуже, на вертолетах. Они начнут стрелять, не задумываясь.

Все, не сговариваясь, посмотрели на пару биурс — суперзавр Тихоня, отчетливо выделявшуюся на фоне ночного неба и, казалось, терпеливо ждущую приказаний. И тут Алиссона осенило:

— Братцы, эти звери действительно ждут наших команд! Потому что они — э л е м е н т ы разумной системы — т е т р а д ы, понимаете?! Тот скат, что разнес полигон на Муруроа, — носитель, наши суперзавры — «кони», биурс — наездник...

— А четвертый элемент тетрады? Ты назвал только три.

— Четвертый элемент мы, то есть люди! Я наконец-то соединил разрозненные кусочки мозаики, которые мне внушал Тихоня, в одно полотно... Миллионы лет назад одна такая тетрада потерпела по неизвестной причине крушение и упала на Землю, а наши звереныши — их потомки!

— Бред! — неуверенно проговорил Кеннет.

— Хотелось бы верить... — начал Хойл.

— Не надо верить, — перебил его грубоватый Кемпер, хлопоча возле темноволосой Марины; Леко в это время начал было перевязывать белокурую девицу, но Алиссон ревниво отстранил его. — Морис, дело за вами. Надо сообщить Тихоне адрес вашего атолла.

— Зачем?

— Он перенесет нас туда.

— Но прежде надо освободить биурса. Зря мы, что ли, столько возились с ним? Как вы думаете, зачем малыш при-
тащил сюда реактор?

— Не догадались еще? Биурс голоден...

Леко звонко шлепнул себя ладонью по лбу, и все невольно засмеялись, даже раненые русские девушки; одна уже с видимой доброжелательностью принимала заботу Кемпера, а вторая с интересом посматривала на Алиссона. Но смех их длился недолго. С неба донеслось рычание, и над головами людей и панспермитов промчались стремительные треугольные тени, затмевая звезды.

— О, дьявол! — сдавленным голосом проговорил Хойл. — Истребители!

— Я беру их на себя! — Алиссон погладил Алевтину по щеке. — Извините, вас перевяжет Морис. — С этими словами он подбежал к обрыву и заорал:

— Тихий! Наклонись!

Суперзавр Тихоня с охотой приблизил к нему страшную рогатую голову, и Норман, закрыв глаза, отчетливо представил, как суперзавр лучом сбивает несущие смерть машины. Реакция Тихони не замедлила себя ждать.

Сверкнула вспышка, другая, по небу метнулись шпаги белесого света, и тут же в трех километрах отсюда над скалами вспыхнули неэффектные из-за расстояния облака пламени, погасли. Через десять секунд прилетели приглушенные звуки взрывов, и все стихло.

— Живем! — Леко хлопнул широкой дланью по плечу Хойла так, что коротышка-физик едва устоял на ногах. — Пусть теперь ваш Киллер сунется сюда! Эй, Норман, что дальше?

— А ничего, — подошел, блестя веселыми и дерзкими глазами Алиссон и встретил взгляд Алевтины. — Давайте я все-таки поухаживаю за вами.

— Не возражаю, — кивнула девушка, вполне понимая его чувства. — А вы боец, доктор.

— Это уж точно, — хохотнул француз. — Вы еще не знаете всего. Этот парень облетел полкосмоса на суперзавре...

— Очнись, Норм, — озабоченно проговорил Кемпер. — Ты тут много чего наговорил... непонятного. Что нам делать? Мы еще не довершили начатое.

Алиссон разогнулся, помог Алевтине встать.

— Сейчас эти парни освободят своего родственника, попавшего в беду, мы сядем на Тихоню и отправимся в Австралию...

— Далась тебе эта Австралия. На Муруроа, ты хотел сказать?

— В общем, подальше отсюда, туда, где их ждет скат-носитель. А потом... — Алиссон глянул на белокурую девушку. — Не побойтесь совершить круиз по космосу?

— Не побоюсь, — храбро, с вызовом ответила Алевтина.

Алиссон несколько мгновений всматривался в ее огромные, загадочные, ждущие глаза и оглянулся на скульптурную композицию биурс — суперзавр:

— Тихий, давай!

Суперзавр дернул головой, будто отвечая кивком на команду, и сиганул вниз, с обрыва, в ловушку, где сидел взрослый биурс, обалдевший от газа. Тихоня ни капли не боялся разбиться, с гулом и грохотом ударился лапами о дно ущелья, так что скалы вздрогнули, как от землетрясения. Лапы дракона увязли в каменном ложе бывшей реки почти по колено! Словно это была не твердая горная порода, а песок. Но малыш-двutel в седле даже не покачнулся. Он смотрел на своего старшего и гораздо более мощного собрата.

Биурс-пленник встал, так же пристально разглядывая единственным уцелевшим глазом всадника в седле суперзавра, затем грузно осел на свой костный зад. Было видно, что сил у него почти не осталось.

Двutel-малыш слез с «коня», отодвинулся в угол каменного мешка, как бы уступая место, и раненый биурс снова зашевелился, поднимаясь на ноги. С трудом залез в седло, но уселся не так, как обычно: правая и левая половины его тела прижались по обе стороны шеи суперзавра, лапы сжали гребенчатый нарост — антенну, и оба чудовища слились в одно, так что нельзя было различить границы их тел. А затем вся гигантская стена, образованная из обломков скал, запершая биурса в западне, плавно и бесшумно взмыла в воздух. Огромные многометровые глыбы выстроились одна возле другой, образовав колоссальную вертикальную решетку высотой в километр и толщиной в два скальных обломка.

У наблюдавших эту картину людей мороз пробежал по ко-

же, когда они прикинули мощь «коня» и всадника. А неземные существа продолжали демонстрировать свои возможности, о которых люди даже и не подозревали.

Тихоня вытащил из камня увязшие лапы и с грохотом двинулся прямо на решетку. Алиссон ожидал столкновения, удара и разлета камней, но суперзавр прошел сквозь преграду без единого звука, как сквозь голографический фантом, и лишь когда он оказался по ту сторону решетки, камни стали искажать форму, вытягиваться, цепляться клейкими нитями за бока и хвост дракона, и так и застыли. Те же, которые он не затронул корпусом, превратились в изогнутые поверхности, напомнившие паруса земных фрегатов, и тоже застыли, соединившись с нижними глыбами, деформированными в расплавленные бороды и хвосты, в одну гигантскую, гротескную скульптурную композицию неведомого скульптора-сюрреалиста.

Перед громадой здания Чернобыльского реактора суперзавр остановился. Биурс слез с него, буквально упал на здание, с грохотом разваливая его на части, вдавливая в каменное ложе ущелья. Знавшие об опасности содержимого за стенами саркофага девушки в ужасе зажмурились, прижались к своим «спасителям», не отходившим от них ни на шаг, ожидая смертоносного смерча атомного взрыва. Но взрыва не было. Тело биурса вдруг оделось в ослепительную сеть голубых и желтых молний, он замер на мгновение («Заряжается!» — шепнул Хойл) и встал, обретая былую точность и легкость движений. От многоэтажного корпуса четвертого блока АЭС и от саркофага, прикрывающего разрушенный реакторный зал, осталась груда сплавленного, тускло светящегося рубиновым светом конгломерата.

Биурс повернулся к выходу из ущелья (Алиссон схватился за голову, чувствуя мощный всплеск пси-излучения), и тотчас же напротив возник светящийся, как глыба зеленого стекла, суперзавр. Это был родной «конь» пришельца. Биурс легко взгромоздился на него, махнул рукой малышу-двутелу, продравшемуся сквозь каменный «витраж» выхода из ловушки, и вдруг оглянулся.

Он не сделал при этом ни единого жеста, подобного прощальному взмаху рукой, но у всех свидетелей его освобождения на скале возникло ощущение вошедшего в голову Кос-

моса! В этом ощущении не было ничего человеческого, ни одной знакомой эмоции, страсти или мысли, и оно быстро прошло, но след его остался — след безмерного разнообразия жизни и разума во Вселенной!

— Будь здоров! — проворчал расчувствовавшийся Кемпер. — Лети домой, сокол трехглазый... и прилетай попозже, когда у нас закончится калиюга.

Двутелый монстр приник к холке своего «рысака», и оба они с раскатистым грохотом помчались в пустыню, оставляя две глубоких рваных борозды. Грохот постепенно удалился, стих. В наступившей тишине стал слышен приближающийся рокот моторов — летели вызванные адмиралом Киллером вертолеты.

— Он что — бросил нас? — осведомился Кеннет.

— Пора и нам, — оглянулся Алиссон. — Он нас не бросил — предоставил свободу выбора. Теперь мы вполне можем заменить командира тетрады. Итак, вперед?

Хойл и Кеннет переглянулись. Физик покачал головой.

— Я, наверное, пас. Вы молоды, Норман, у вас все впереди, вам перемены по плечу. А мое дело — здесь, на Земле. Может, когда-нибудь и свидимся...

— Я тоже остаюсь, — буркнул Кеннет, отворачиваясь.

— А я с вами, — бодро шагнул к обрыву Морис Леко. — Доставьте меня хотя бы на Муруроа. Там я буду вам полезен. Не уверен, что отправлюсь с вами дальше, но и здесь мне делать нечего. Кстати, там у вас появятся попутчики: лейтенант Толендаль и его подруга Натили. Именно они первыми познакомились с Ифалиуком и научились его понимать.

Алиссон пожал руку Хойлу и Кеннету, подошел к Алевинне, взял ее под локоть и крикнул вниз, с обрыва, глазеющему на них Тихоне:

— Тихий, сажай малыша и забирай нас. Мы покидаем это негостеприимное место.

Вертолеты, посланные адмиралом Киллером для обстрела пойманного биурса газовыми снарядами и высадки десанта, приблизились к ущелью Коннорс-Рив в тот момент, когда группа людей перестала усаживаться в седло суперзавра Тихони и исчезла вместе с ним в неизвестном направлении.

Мчавшегося через пустыню биурса на своем «коне» вертолеты перехватить успели, но задержать не смогли даже с по-

мощью газовой атаки. Биурс сбил два вертолета, отогнав остальных, забрал яйца суперзавра, «побеседовал» о чем-то с суперзавром Стрелком и исчез вместе с ним.

И впервые сенатору Джайлсу, наблюдавшему эту картину на экране монитора, показалось, что он осиротел.

...Компания панспермитов и людей подняла изрядный переполох в лагере французских военных, окруживших атолл Муруроа плотным кольцом кораблей. Приказ о бомбардировке атолла с лежащим в глубинах лагуны «мутантом» был уже отдан, истекали буквально последние минуты, когда на рифе вдруг проявилась фигура гигантского, трехсотметровой длины, динозавра, на спине которого уютно расположились люди — трое мужчин и две женщины, а также два закованных в золотые латы чудовища ростом с девятиэтажный дом.

Присмотревшись, наблюдатели, не спускавшие с лагуны глаз, поняли, что чудовище — на самом деле одно, но тел имеет два, причем оба опираются на один таз с двумя ногами. Однако больше всего наблюдателей поразило другое: в одном из мужчин они с недоумением узнали полковника Мориса Леко, начальника штатной исследовательской команды полигона.

Словно зная, что на него сейчас смотрят десятки широко раскрытых глаз, полковник улыбнулся, помахал рукой, сделал поклон и повернулся к Алиссону, который разглядывал море, лагуну, риф и небо.

— Он здесь, на дне лагуны.

— Как нам его вызвать?

— По-моему, он не на дне, — сказал Кемпер, глядя на середину лагуны из-под козырька руки. — Норм, дай-ка бинокль.

Алиссон вспомнил о своем бинокле в снаряжении костюма и поднес к глазам бинокль. Он увидел катер, округлую гору под цвет воды, выроставшую над поверхностью лагуны, и двух человек на вершине горы — мужчину и смуглокожую женщину. Леко отобрал у него аппарат.

— Это Толендаль и Натили. Дело плохо, если они оседлали Ифалиука. Надо поспешить и выяснить, в чем дело. Не могли бы вы, месье, заставить нашего «коня» или этого престелного золотого «рыцаря» переместиться в центр лагуны?

Вообще-то здесь везде мелко, кроме двух-трех ям, пусть смотрит под ноги.

Алиссон кивнул, закрыл глаза, напрягся, так что кровь прилила к щекам, и... Тихоня с седоками оказался стоящим на горбу исполинской манти — Ифалиука, «бога лагуны», не сделав ни одного шага.

Через минуту суперзавр помог лейтенанту и его подруге вскарабкаться к себе на спину (они оказались не робкого десятка и ничуть не испугались страшной головы панспермита), и тогда стало ясно, почему жизнь внутри атолла и вокруг него замерла.

— Значит, генерал Рене все же отважился на ядерный удар, — пробормотал Леко. — Сколько у нас времени?

— Не имеет значения, — бесшабашно-пренебрежительно сказал Алиссон, на которого присутствие Алевтины действовало взбадривающе, не хуже глотка виски. — Сейчас мы это уладим. — Он снова повернулся лицом к воротнику-антенне на голове Тихони, напрягся и через несколько секунд расслабился. Обвел воинственным взглядом вопросительно глядевших на него приятелей.

— Все в порядке, Тихоня обезвредит бомбу или ракету, как только она окажется в поле его зрения.

— Я гляжу, вы все лучше понимаете друг друга, — усмехнулся полковник. — Суперзавр слушается тебя беспрекословно.

— Свой парень, — ухмыльнулся Кемпер. — Давайте знакомиться?

Все по очереди обменялись рукопожатием с загорелым до бронзового свечения улыбчивым лейтенантом, девушки обнялись с его подругой, и все шестеро посмотрели на Мориса Леко с таким откровенным ожиданием, что тот засмеялся:

— Понимаю, седьмой — лишний. Что ж, экипаж монады в сборе. Как говорится, савардж обеспечен, выбор за вами. Куда направитесь? Или продолжите патрульную службу?

Алиссон внимательно глянул в непроницаемые глазки полковника:

— Месье, мне кажется, вы не тот, за кого себя выдаете. Откуда вам известно о... патрулировании?

Леко снова засмеялся.

— Ну, скажем, мне приснился сон... — Он вдруг стал серь-

езным. — Просто я, полковник французской армии, доктор физики Морис Леко, на время получил обязанности контролера Хаадада. Вы уйдете, а я останусь... полковником. Понятно?

— Что это еще за должность — контролер Хаадада? — буркнул Кемпер, почему-то не доверявший французам. Черно-волосая Марина не отходила от него, и было видно, что летчику приятно.

— Он объяснит. — Леко кивнул на задумчивого Алиссона. — Прощай, тетрада. Попутного вам ветра, друзья.

Не поворачиваясь к ним спиной, полковник шагнул назад, сорвался с седла Тихони под дружный вскрик девушек и исчез.

Кемпер и Толендаль бросились к тому месту, где он стоял, глянули вниз, но ничего за корпусом суперзавра не увидели. Алиссон подошел к ним, спокойно оглядел спину смиренного на воде лагуны Ифалиука, вздохнул:

— Куда теперь, команда?

— А он? Ты же видел...

— Неужели разбился? — Толендаль явно намеревался спуститься, и Алиссон удержал его.

— Полковник не пропадет.

— Но он же упал... а высота здесь...

— Потом объясню, он вовсе не полковник... вернее, полковник, но не совсем человек.

— Не говори загадками, — нахмурился Кемпер.

— Давайте-ка уберемся отсюда, не хочется играть роль мишени для этих военных болванов, что запланировали на остров ядерную атаку.

— Вы хотите сказать, что мы... что нас... — Толендаль оглянулся на свою подругу. — Эти великаны могут нас унести отсюда? Как далеко?

— Хоть в другую галактику, — буркнул Кемпер, испытующе глядя на Алиссона. — Норм, ты уверен, что?..

— Уверен. Теперь нас шестеро, то есть три пары, что, собственно, составляет «критическую массу» управления всей тетрадой. Савардж, как выразился полковник. С помощью биурса мы войдем в единое поле сознания и образуем монаду, способную преобразовывать Вселенную. — Алиссон усмехнулся, хорошо понимая, что творится в душах окружаю-

ших. — И не смотрите на меня квадратными глазами. Я с ума не сошел. Готовы к... р о ж д е н и ю?

Алевтина, ничего не понявшая из объяснения палеонтолога, тем не менее не раздумывая шагнула к нему, стала рядом, оглянулась на подругу:

— Я с ним. А ты?

— А я с ним, — засмеялась все еще бледная Марина, кивая на хмуро удивленного и обрадованного одновременно Кемпера.

— Ну а мы с вами, — заулыбался француз. — Да, Тили?

— Но как это делается? — задал трезвый вопрос Кемпер, когда они пережили удивительное чувство общности. — Надо как-то устраиваться...

И тут в разговор вмешался двутел. Он внезапно протянул к ним раскрытые лапы, схватил двух своих «приятельниц», Алевтину и Марину, и посадил их к себе на плечи. Затем перенес таким же манером Натили и Толендаля, устроил их в «ключичном углублении» у шеи правого торса. Последними он поднял Алиссона и Кемпера, задумался на мгновение, словно оценивая каждого, и безошибочно усадил каждого к «своей половине»: Нормана к Алевтине, Вирджина к Марине.

И тотчас же над атоллом раздался звенящий торжествующий крик-вой-клекот Тихони, заставив похолодеть от страха всех, кто его слышал. Кроме шестерки саварджа.

Затем наблюдатели со всех сторон атолла, генерал Рене, контрразведчики, сотрудники службы безопасности Франции, офицеры и морские пехотинцы увидели потрясшую их до глубины души картину: над лагуной воспарила кошмарная композиция из трех чудовищных существ — гигантский «скат-мутант» держал на спине сверхдинозавра, в седле которого сидел двутелый монстр; людей издали видно не было. Потом вся эта «скульптурная» группа, словно отлитая из серебра и золота, покрылась сеточкой фиолетово-синих молний и исчезла.

Новорожденный Корректировщик отправился в свой первый полет...

*14 мая 1996 г.
Орехово-Зуево*

ПОВЕСТИ

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ

ФАКТЫ МИНУВШЕГО ДНЯ

Паракас, Шочипилья

В понедельник тринадцатого августа в десять часов утра в Шочипилье, по улице Уанкавелика, огибающей президентский дворец с тыла, двигался длинный белый автомобиль — «Линкольн» выпуска восемьдесят седьмого года.

За рулем машины сидел плотный крупнолицый человек в строгом сером костюме сотрудника комиссариата внутренних дел. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида и, казалось, решал какую-то задачу.

Наконец он принял решение, остановил машину и хотел выйти, но сомнения вдруг охватили его с новой силой, заставив около двух минут взвешивать цель приезда.

Полицейские в белых касках, охранявшие второй вход на территорию дворца, переглянулись. Один из них положил руку на приклад карабина и медленно направился к машине. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Из-за поворота Уанкавелики к площади Оружия вынеслись две автомашины: черный «Мерседес» и серый «Шевроле», в несколько секунд преодолели расстояние до «Линкольна». Раздались пистолетные выстрелы и автоматные очереди. Водитель «Линкольна» открыл стрельбу раньше, ухитрился убить водителя «Мерседеса» и пробить переднее колесо «Шевроле». Обе машины столкнулись, и хотя сидевшие в них люди были профессионалами и продолжали стрелять, все же заминка позволила владельцу «Линкольна» объехать место аварии и устремиться прочь. Его машина была буквально изрешечена пулями, но сам он казался заговоренным. В то же мгновение навстречу из-за поворота ограды дворца вывернули еще два автомобиля, такие же, что и первые, сцепившиеся бортами. Автоматные очереди залаяли с новой силой.

«Линкольн» резко вильнул вправо и врезался в чугунную узорчатую ограду резиденции Отца страны. Удар. Фейерверк осколков лобового стекла. Водитель невероятным кульбитом перелетел через острые наконечники вертикальных прутьев ограды, но остался цел и невредим. Приземлившись на ноги, как заправский гимнаст, господин в сером бросился бежать по газонам дворца с такой быстротой, какую не показывают даже спринтеры на соревнованиях, но автоматный огонь был слишком плотен — сидящие во всех четырех машинах стреляли из автоматов «узи», грохот стоял, как во время настоящего сражения, — и водитель «Линкольна» успел пробежать всего шагов двадцать (каждый — в три-четыре метра!). Пули нашли его, вонзились в спину, а он продолжал бежать, только медленнее, метров через десять остановился, покачиваясь, повернулся, поднял руку вверх — пули продолжали рвать его тело — и упал...

Только после этого охранники дворца опомнились. Сержант в будке включил сирену, а его напарник выстрелил вверх, заорав:

— Бросайте оружие!

Компания преследователей расселась по машинам с ошеломляющей быстротой, не обращая внимания на полицейских, взревели моторы, два «Шевроле» и «Мерседес» исчезли, осталась поврежденная машина с лопнувшим скатом, без номерных знаков.

Стрелявший полицейский, открыв рот, смотрел на нее во все глаза, не веря, что остался жив. Сержант выключил сирену, выскочил из будки.

— Снова террористы прикончили жертву. Нашли место. Ты видел, как он бежал?

Полицейский прокашлялся, вспомнил о карабине и закинул его за спину.

— Дураки проклятые! Зря тревогу дал, капитан по головке не погладит. Пошли посмотрим, кого они там пришили.

Сержант открыл проход в ограде, и они рысцой направились к убитому.

Человек в сером костюме, ставшем на груди бурым от крови, лежал на спине и... был еще жив! Его глаза останови-

лись на попятившихся полицейских, губы искривились в усилии выговорить слово.

— Передайте... они... — сказал он тихо, но четко. — Передайте... они эксперименти...

Пуля ударила его прямо в висок и откинула голову влево. Он замолк.

Полицейские, не услышав выстрела — стреляли из винтовки с оптическим прицелом и стрелок был далеко, — схватились за карабины, попятиться еще дальше, озираясь по сторонам. К ним подбежал командир поднятого по тревоге взвода охраны.

— Что случилось, Хуан?

— Не видишь? — грубо ответил сержант, первым опустив карабин, и мрачно повернулся к товарищу. — Это конец, мой дорогой Тики. Ну и подстраховочка у них, чувствуешь, а? Уж не профи ли это работа?

— Кто это? — Командир взвода кивнул на убитого, в то время как его люди цепью шли к ограде. — Ну и наделали дырок! Дуршлаг, а не... — Полицейский нагнулся и присвистнул. — Ну и ну! Да это же... это же Пино!

Перед ними лежал комиссар полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино.

Паракас, Шочипилья

Четырнадцатого августа посадка на вечерний рейс «Боинга-747» компании «Эйр Паракас», обслуживающей международную авиалинию Шочипилья — Лима, проходила в атмосфере деловой суматохи: пассажиры искали места, рассаживались, начинали знакомиться, кто-то уже требовал стюардессу, пилоты осматривали салоны громадного трехсотпятидесятиместного лайнера, двенадцать стюардесс в коротких юбочках «писко» с блистательными профессиональными улыбками помогали пассажирам устраиваться на местах.

В салоне первого класса в носу самолета было тише, чем в других салонах, публика здесь подобралась солидная: торговые агенты, адвокаты, юристы, представители фирм и компаний, банковские служащие; все они давно прошли школу авиапассажира и чувствовали себя свободно и раскованно.

И лишь один пассажир, худой, чернобородый, одетый в белый европейский костюм, был напряжен и возбужден, хотя и скрывал это от всех. Он сидел во втором ряду у прохода и, делая вид, что смотрит в иллюминатор, наблюдал за входом в салон.

Стюардесса ввела новых пассажиров, по виду — янки, или, как их называли в Паракасе, гринго. Оба загорелые, дюжие, в полотняных костюмах «туна» местного производства, увешанные фотоаппаратурой. Черноволосый американец жевал резинку, его напарник, похожий на него неподвижным, сонным лицом, но посветлей, сдвинул на лоб широкополый соломенный «стетсон» со шнурками. Оба шутили с бортпроводницей, однако глаза их оставались холодными и внимательными.

Американец в шляпе скользнул по салону равнодушным взглядом, мгновение смотрел на уткнувшегося в журнал чернобородого и молча прошел на свое место в пятом ряду возле прохода. Его спутник поблагодарил стюардессу и, что-то сказав со смехом товарищу, заснял на пленку ноги уходящей девушки. Сел он, однако, на другой стороне прохода, напротив запасного люка.

Посадка заканчивалась, стюардессы начали обход палубы, пилоты принялись задраивать люки, и в этот момент чернобородый вдруг отбросил журнал и рванулся по проходу вон из салона. Тем не менее его внезапный бросок не оказался неожиданным для «фотолюбителей».

Оба вскочили почти одновременно, мгновенно вытащив из сумок и баулов пистолеты бесшумного боя. Чернобородый сделал акробатический прыжок, распластался в воздухе над головами молодых людей, никто не заметил удара, но пистолеты вылетели из рук. Взвизгнули дамы.

Чернобородый упал, как кошка, на ноги, тут же развернулся и наградил преследователей ударами, от которых оба грохнулись на пассажиров по обе стороны прохода. Но из-за двери в салон вышли еще двое крепких парней с пистолетами, и чернобородый сделал то, чего от него никто не ожидал, кроме тех, кто за ним охотился. Он прыгнул к борту самолета там, где стояли столики для настольных игр, и двумя ударами рук... проломил стенку борта! В салоне наступила изумленная

тишина, вытянув шеи, пассажиры смотрели на невероятную картину. Лишь вооруженные пистолетами молодчики не были ошеломлены и, вероятно, учитывали возможности своего подопечного. Они открыли огонь в тот момент, когда чернобородый ударом ноги пробил в борту брешь, достаточную для того, чтобы в нее пролезть. Но и после того, как в беглеца впились пули из двух пистолетов, он упал не сразу, успев пролезть в дыру. Упал он уже наружу.

Четверо молодых людей: американцы-«фотолюбители» и прибывшие позже — исчезли из салона прежде, чем в дело вмешались вооруженные летчики и агенты безопасности. Беспрепятственно выпрыгнув из самолета, они расселись по машинам, ожидавшим их неподалеку, и растворились в ночи.

Убитый в белом костюме остался лежать в полусотне метров от шасси самолета. Как он туда дополз с дюжиной пуль в спине, никто сказать не мог. Из отъезжающей последней автомашины хлопнул негромкий выстрел — контрольный, как говорят военные. Пуля попала чернобородому в голову: убийцы были аккуратны и дело свое знали.

Паракас, Пикаль

— Душно здесь, — сказал Хонтехос, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

Его собеседник внимательно посмотрел на профессора: в кабинете было прохладно, на улице стояла прекрасная погода — плюс двенадцать градусов — еще не весна, но уже и не зима, и в открытое окно в кабинет проникал живительный аромат свежего воздуха. Говорили, что известный ученый-параканист Карлос Хонтехос, один из исследователей долины Аймара в Паракасе, заблудился в сельве и проплутал три недели, но капитан полиции Пикаля Доминго Эрнандес слухам не верил по должности. «Интересно, — подумал он, — с чем заявился в полицию профессор? Не для того же, чтобы сказать банальность?»

— Вы правы, — кивнул Хонтехос, — не для того.

Эрнандес изобразил удивление; впрочем, он и в самом деле был удивлен, хотя в телепатию не верил, опять же — по должности.

— И правильно делаете, — снова кивнул Хонтехос. В глазах его сквозь туман тоски мигнули веселые огоньки. — Телепатии не существует. Пока. Хотя эта возможность заложена в человеке. Но я не об этом. До вас дошли слухи, что я много дней бродил в сельве. Вы не поверили и правильно сделали, я не заблудился: меня похитили. С какой целью — долго объяснять, у меня нет времени, за мной охотятся, потому что я ушел от них и теперь являюсь свидетелем. Я понятно выражаюсь?

Эрнандес не сказал ни да, ни нет. Он был флегматиком по натуре, унаследовав не только характер матери, принадлежавшей к племени кечуа, но и способность отца-испанца к логическим построениям. Капитаном полиции Пикаля он стал благодаря именно своим математическим способностям, ровному отношению к товарищам и философскому складу ума. Индейцев — коренное население Паракаса — он не только терпел и не притеснял, пользуясь властью, но и уважал, чем завоевал популярность даже среди воинственных горных племен кечуа и аймара — потомков инков, лично соблюдая три заповеди инков: амасуа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь лжецом, не будь трусом.

— Я хотел сделать заявление. — Хонтехос замолчал, явно пребывая в затруднении, пожевал губами. — Только прошу не считать меня сумасшедшим и больным, я вполне трезв и здоров. — Профессор усмехнулся. — Даже более чем здоров. Хотите проверить? Мне семьдесят три года, а выгляжу я на восемьдесят, не так ли?

Эрнандес критически оглядел ученого: старик был сух, тонок, лицо пергаментное, в морщинах, единственное богатство — пышная седая шевелюра. Да, возраст читается легко.

Хонтехос улыбнулся, взял со стола капитана массивную бронзовую пепельницу и почти без усилий разломил ее руками на две части. Подал обломки полицейскому.

— Это чтобы придать вес тому, что я хочу сообщить.

Эрнандес, хмыкнув, повертел в руках обломки пепельницы, попробовал пальцем свежий излом и поставил обломки на стол.

— Однако вы фокусник, профессор. Как вы это делаете? Хонтехос не успел ответить.

Со звоном разлетелось стекло единственного окна кабинета, брызнула кровь, профессора силой удара бросило на второй стол с пишущей машинкой. В затылке его зияла дыра величиной с кулак. Эрнандес упал за свой стол, рванул с пояса пистолет и вдруг увидел, что Хонтехос... встает! Ученый со смертельной раной в затылке медленно оторвался от стола, повернул голову к капитану и отчетливо произнес два слова:

— Сильяр... чаранга...

Вторая разрывная пуля — выстрела капитан снова не услышал, стреляли с улицы из винтовки с оптическим прицелом — попала Хонтехосу в щеку и отбросила к стене.

Эрнандес выстрелил в потолок, и в кабинет вбежали помощник и двое дежурных, остановились на пороге, глядя на представившуюся глазам картину: их шеф выглядывал в окно с пистолетом в руке, а возле забрызганной кровью стены лежал убитый двумя выстрелами в голову профессор истории и археологии Карлос Хонтехос да Сильва.

Швейцария, Берн

Где-то далеко-далеко, на краю света, зазвенели вдруг хрустальные колокольчики. Их звон коснулся слуха, но не умер сразу, а продолжал звучать все тише и тише, пока не стал бесплотной тенью звука...

Кристофер приоткрыл глаза, боясь утонуть в голубизне. Он лежал в траве на вершине холма. Пахло медом и цветами, над лицом, скрывая горизонт, покачивались под ветром стебли пушицы и кинрея, было тепло и солнечно, и не хотелось выползть из пещеры сладкой дремы, в которой витали древние воспоминания о чьих-то добрых и ласковых руках...

Снова зазвучали колокольчики. Шевельнулась Диана. Ее голова лежала на сгибе его локтя.

— По-моему, это вызов, Крис.

— Меня нет, — сказал Кристофер сонным голосом. — Я в отпуске.

Звон повторился, еще раз и еще.

— Какой настырный! — с досадой сказала Диана. — Ответь ему, Крис, он не отстанет. Это наверняка Мак Хелбрайт.

— Надо было послушать совета Корна и уехать, — вздохнул Торвилл. Осторожно высвободил руку и, не вставая, пополз вниз с холма. Диана засмеялась вслед.

— Жаль, что твой «Дацун» не ручной, как «мустанг».

Кристофер дополз до своей голубой машины и дотянулся до радиотелефона.

— Здесь Торвилл.

— Дежурный МС-2 Хелбрайт. Вы заняты, Кристофер?

Вопрос был риторический. Кристофер покосился на Диану, выглядывающую из травы с травинкой во рту. Очарование летнего, пьянящего свежестью дня уступило место ожиданию неизвестной тревоги.

— Придется отложить отдых, — извиняющимся тоном продолжал дежурный. — Вас разыскивает Неран.

— Не говорил, что ему от меня надо? Дежурство группы закончилось, все разъехались кто куда... И я тоже.

Дежурный засмеялся.

— По-моему, вас просто хотят наградить. Неран будет ждать в четыре ноль-ноль по Цюриху в Лозанне, в центре.

— Буду, — после короткого раздумья сказал Кристофер, предпочитая обходиться минимумом жестов и слов, где это было возможно.

— Я все слышала, — заявила Диана. — Вот почему я не хочу выходить за тебя замуж. Спасатели не принадлежат самим себе, а я хочу, чтобы ты был мой на все сто процентов.

— Хочу, не хочу... — пробормотал Кристофер, покосившись на эмблему горноспасательной службы на рукаве своей форменной рубашки. — Логика женщины редко выходит за рамки двух слов: «Я хочу».

Он плашмя упал в траву, полежал немного, глядя на Диану, задумчиво покусывающую травинку, и привлек ее к себе.

— К черту шефа, Нерана, Альпы и вообще все горы на земле! Сегодня же вечером махнем на юг, в Италию, к морю. Выбирай место. А вообще странно, что меня вызывают в центр. Может быть, просто нужна консультация?

— Может быть, — протянула Диана насмешливо. — Сколько таких «может быть» на моей памяти! Снова, наверное, кто-то потерялся в горах, вот и вызывают.

Кристофер покачал головой.

— В этом случае меня вызывали бы на КСП¹, а не в центр. А вдруг дежурный прав и меня ждет награда? Разве я не достоин?

— Достойн, достойн. Давай не будем говорить о работе, до четырех еще целая пропасть времени. Используем его с пользой.

Кристофер осторожно перевернулся и поцеловал Диану в шею.

Ветер затих...

В три часа Торвилл встретил в холле ЕВРОСПАС — Европейского центра горноспасательной службы — руководитель альпотряда Фредерик Неран и, пожав ему руку, сделал жест следовать за ним.

Нерану пошел сорок шестой год. Родился он в Гааге, с двенадцати лет жил в Австрии, а в девятнадцать переехал в Швейцарию. Исходил Альпы вдоль и поперек, вместе с шерпом Ноухи покорил все альпийские четырехтысячники по сложнейшим маршрутам и в тридцать лет стал обладателем «Золотого триконя» за покорение северной стены Пти-Дрю в одиночку.

Потом в тридцать два он сорвался с карниза Гранд-Жорас и полгода пролежал в Берне в клинике Спалинского с переломом локтевого сустава. Три года тренировал руку и снова ушел в горы проводником альпийских групп. В сорок лет ему предложили работу в МС-2 — швейцарском отряде спасательной службы альпинистов ЕВРОСПАС. Он согласился. Торвилл, которому пошел двадцать шестой год и который прослыл альпинистом без нервов, попал в МС-2 случайно и сначала не собирался работать там долго, но под влиянием Фредерика Нерана остался в отряде навсегда.

В кабинете президента ЕВРОСПАС Ольбора Троэльс-Лунна находились двое мужчин в костюмах «информэл дрэсс» по американской моде, не скрывающих природного телосложения. Держались они свободно, раскованно, и Кристофер определил в них руководителей высокого ранга.

— Знакомьтесь, господа, — сказал президент ЕВРОСПАС

¹ К С П — контрольно-спасательные пункты; располагаются у базовых альпинистских и горноспасательных лагерей.

по-английски. — Фредерик Неран, руководитель МС-2 «Лемур», и начальник первой группы Кристофер Торвилл.

Старший из гостей, высокий, с гладко выбритым лицом и седыми баками, наклонил голову.

— Гарольд Годфри Мейнард Косински.

Его напарник, в свою очередь, слегка поклонился.

— Стэнли Джордж Миллер. — Голос у него был приятный, с хрипотцой.

Руководители горноспасательной службы раскланялись в ответ.

Троэльс-Лунн вышел из-за рабочего стола, жестом пригласил всех к овальному столику и креслам в углу кабинета возле мини-бассейна, выложенного голубым кафелем.

Все расселись, поглядывая друг на друга. Секретарь прикатил низкий столик с напитками, с содовой, ловко разлил в бокалы оранжевый шипучий киа-ора и исчез.

— Мистер Косински — начальник международной комплексной археологической и этнографической экспедиции в Паракас, — сказал Троэльс-Лунн. — А Миллер — квартирмейстер экспедиции. Название «Паракас» вам ни о чем не говорит?

Спасатели переглянулись.

— Кажется, это государство в Южной Америке, на границе с Перу.

Президент ЕВРОСПАС кивнул.

— Совершенно верно, небольшая страна на границе Перу и Боливии, шесть миллионов населения, столица — Шочипилья, семьсот тысяч жителей, государственные языки — испанский и кечуа. Вы знаете испанский?

— Да, — сказал Неран. Торвилл молча кивнул.

— Вот и прекрасно. Дело, по которому наш центр посетили высокие гости, ординарно: вас хотят пригласить в качестве альпинистов передового отряда, экспедиция будет работать в основном в горах. Но прошу хорошо взвесить все «про эт контра», прежде чем решать. Итак, господа, прошу вас.

Руководители экспедиции одинаково оценивающе посмотрели на президента ЕВРОСПАС.

— Мы хотели бы, чтобы наша беседа осталась эксдиректори...¹

¹ Эксдиректори — закрытый (англ.).

— В кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств, — сказал Троэльс-Лунн, — прослушивание практически исключено, хотя я не вижу необходимости.

Разговор продолжался на английском, хозяева владели им свободно, хотя больше привыкли к немецкому и французскому.

— Хорошо, — сказал Косински. — Джентльмены, цель нашего визита ясна: нам нужны опытные скалолазы. Поскольку выбор пал на вас, никто не сомневается в вашей компетентности, и все же предупредить необходимо: Паракас — не обычная страна, эта страна — памятник культуры и искусства древних индейских цивилизаций и, к сожалению, представляет интерес не только для ученых, но и для... — Косински поискал слово, — для контрабандистов и любителей наживы всех мастей. Что накладывает определенные ограничения и создает трудности для работающих там иностранцев. Могут произойти... — Косински снова замялся, — разного рода инциденты, и в каждом случае надо совершенно точно знать, как реагировать, что делать. Вы меня понимаете?

Неран и Торвилл понимали.

— Если вы согласны, — продолжал начальник экспедиции, — то подробный инструктаж получите от моего коллеги, который уже давно занимается подготовкой. — Кивок в сторону Миллера. — Я же вкратце сообщу о причинах, побудивших готовить международную экспедицию.

Три года назад в высокогорном районе Паракаса недалеко от города Пикаль была открыта долина Пируа, практически отрезанная от остального мира скальными стенами, своеобразный «затерянный мир» по Конан-Дойлю. В научных кругах это открытие породило сенсацию — не тем, что открылось новое «белое пятно» в географии, а тем, что долина оказалась «кладом» реликтовой флоры и остатков древней доиндейской цивилизации, не уступающей, судя по всему, доольмекской и любой другой культуре. Кроме того, в долине живет странное племя, совершенно изолированное от нашего мира на протяжении последних веков.

Правительство Паракаса, дабы предотвратить грабеж долины браконьерами и частными «исследователями», издало указ об образовании в долине заповедника со всеми вытекаю-

шими отсюда последствиями, а год спустя при содействии ООН и ЮНЕСКО в Пикале решено было открыть международный исследовательский центр — Пирин, как мы называем его для краткости, то есть Пируа-институт. Единственной трудностью, причем практически непреодолимой, оказалась высота расположения долины — более четырех тысяч метров над уровнем моря, а также ее изолированность. Вертолеты на таких высотах хоть и летают, но грузы доставить в заповедник, — Косински отпил глоток напитка, — не могут, да и сесть им негде — долина сплошь поросла сельвой, сквозь крышу которой пробиться невозможно. Отсюда и решение доставить экспедицию в долину через южную скальную стену, она немного ниже остальных и расположена невдалеке от Пикаля.

Неран скептически поджал губы.

— Стоит ли приглашать для такого простого дела альпинистов из Европы? Неужели в Паракасе нет своих скалолазов?

— Разумеется, есть, — спокойно сказал Косински. — Но, во-первых, дело это не такое простое, как всем представляется, а во-вторых, у местных альпинистов нет опыта «безнадежного» спуска. Есть и в-третьих.

Косински отпил еще один глоток киа-ора, промокнул губы.

— В группу скалолазов экспедиции будет входить ваш давний знакомый Джонатан Улисс. Это он назвал ваши имена.

Неран и Торвилл переглянулись. Президент ЕВРОСПАС нахмурился.

— Улисс? Но ведь он, насколько мне помнится, не горноспасатель, а... профессиональный искатель приключений.

— Это меняет дело, — сказал Неран. — Улисс — альпинист экстракласса, один из немногих, кто овладел свободным соло¹. Я согласен, господа. Думаю, Кристофер тоже согласен. Где сейчас Улисс? Я не видел его четыре года.

— Он закончил Рочестерский университет, — сказал Миллер, — но работает в Италии тренером одной из частных привилегированных школ.

— По альпинизму?

¹ Свободное соло — метод так называемого «чистого подъема» на скалы без всяких приспособлений, основанный на силе рук, координации и ловкости.

— Нет, это называется спецподготовкой: стрельба из всех видов оружия, борьба, приемы хатха-йоги, аутотренинг и так далее.

Троэльс-Лунн покачал лохматой, без единого седого волоса головой.

— Я же говорил, он авантюрист. Впрочем, вам видней.

— Авантюрист — совсем не такая уж плохая характеристика, — улыбнулся Косински. — Этот парень мне понравился. Он был гонщиком, пожарным, полицейским, цирковым артистом, акробатом, каскадером. В Китае изучал санчин-до, в Японии — карате, бокс — в Таиланде. Участвовал в кругосветном путешествии на воздушном шаре, переплывал Ла-Манш в одиночку, охотился на акул, прыгал с парашютом с Килиманджаро и так далее.

— Но главное, — вставил кивающий на каждое слово начальника экспедиции Неран, — что он альпинист от бога. Что касается его душевных качеств... я до сих пор жалею, что он ушел из отряда.

— Что ж, — вздохнул Троэльс-Лунн, — вам с ним работать, не мне. Благословляю вас, Фредерик. Когда намечается экспедиция?

— Подготовка уже идет. — Косински поставил бокал и встал, за ним остальные. — Непосредственный поход в долину Пируа планируется через две-три недели, но вам надо быть в Пикале уже завтра. За работу в Паракасе вы получите гонорар — десять тысяч долларов плюс премия за риск. Подходят вам такие условия?

— Вполне, — сказал Неран. — Завтра мы будем в Пикале. Если не будет трудностей с визами.

— Билеты на самолет заказаны, — сказал Миллер. — Вы летите с нами сегодня в девять вечера. Снаряжение брать не надо, там все есть. Визы получите в Шочипилье. Вопросы еще есть?

Торвилл засмеялся, за ним Неран и Троэльс-Лунн.

— Ну и хватка, — сказал президент ЕВРОСПАС. — Жаль, что я вышел из формы... тридцать лет назад, а то пошел бы с вами.

Гости откланялись.

«Интересно, — подумал Кристофер, — что я скажу Диане?»

Джонатан Улисс прибыл в Шочипилью двадцать второго сентября.

В столице Паракаса он не был ни разу, но ориентировался в ней неплохо благодаря изученной карте города, полученным сведениям и кинофильму, который просмотрел дважды. Поэтому найти улицу Унион с отелем «Маури» не составило большого труда.

Осмотрев номер и бросив вещи, не распаковывая, Улисс начал обход достопримечательностей Шочипильи. Для начала он обошел центральную часть города от площади Оружия до площади Сан-Мартина с конной статуей Сан-Мартина, любовался на старую Шочипилью с ее старинными домами в мавританском стиле: квадратные башни с замысловатым орнаментом украшали полукруглые фасады зданий, дворики были выложены булыжником или вымощены крупной галькой, сохранились и деревянные колоннады, и крытые переходы, построенные еще в шестнадцатом веке.

Издали Улисс осмотрел фасады президентского и муниципалитетского дворцов, кафедрального собора, импозантного здания «Торгового дома Оэчсле», посидел в сквере возле фонтана, струи которого били из пастей невиданных зверей. Никто не шел сзади, не изображал гуляку, случайно остановившегося неподалеку.

Тогда Улисс обошел президентский дворец по улице Такна и медленно прошелся по улице Уанкавелика мимо северного входа, где неподвижно высились двое полицейских в белых касках с карабинами за плечами. Ничто уже не напоминало, что здесь почти месяц назад произошло загадочное убийство комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауродель Пино. Однако Улисса интересовало другое: расстояние, которое успел покрыть комиссар до того, как упал. Счет тогда шел на секунды, и растерявшиеся свидетели — охранники дворца могли дать не совсем точную оценку событий, но и они отметили, что комиссар жил слишком долго: когда преследователи открыли огонь, он был в полусотне метров от ограды, а упал, пробежав метров тридцать.

От президентского дворца он направился в иммиграционную службу. Чиновник понравился Улиссу. Внешне симпа-

тичный парень, который должен нравиться женщинам. Глаза — цепкие, зоркие, внимательные — выдавали в нем человека с богатым жизненным опытом, сильного и знающего себе цену. Он понравился Улиссу сразу, хотя работать мог на любую контору, кроме своей официальной, от контрразведки Паракаса до ЦРУ США.

Он задал несколько ничего не значащих вопросов. Улисс честно ответил на все, и они расстались, довольные друг другом.

Попужинав в кафе дымящейся похлебкой, картошкой по-уанкайски, с рисом и черной фасолью, шашлычками «анти-кучо», Улисс направился в отель, где должен был дожидаться квартирьера экспедиции Миллера в течение двух суток.

Отель «Маури» ночью походил на глыбу, взрывом вырванную из каменоломни. Освещенный паркинг отеля был невелик и полностью забит автомашинами всех марок и моделей.

Улисс взял ключ у сверхвежливого портье, одетого по европейской моде, сунул ему монету в четверть инти и по лестнице поднялся на самый верх отеля — на пятый этаж. Дежурный на этаже встретил его профессиональной улыбкой, предложил кофе и проводил внимательным взглядом.

Комнаты номера давили тишиной.

Улисс распахнул окно и включил музыку — здесь стоял роскошный японский кассетник «Сейко». Раздававшаяся мелодия удивила: Григ, увертюра «Осенью». Улисс ожидал чего-нибудь в стиле уанка-майо. Что ж, вкус у гостиничного персонала вполне...

Джонатан привычно обошел гостиную, спальню, проверяя память — все ли стояло и лежало так, как он оставил? Кажется, ничего не тронуто: саквояж, костюмы, белье.

Мебель в стиле чиппендейл — рококо с обилием тонкой резьбы. Неплохо, хотя отдает снобизмом. Улиссу приходилось жить в таких роскошных апартаментах — когда позволял бюджет. Он разделся, полчаса тренировал блокировку при ударе сзади, принял душ и постоял у зеркала, рассматривая себя с тщательностью кокетки. Бифкейк¹, как говорят англи-

¹ Б и ф к е й к — сплошные мышцы; о мужчине атлетического телосложения (англ.).

чане. Лет двадцать пять — если судить по телу, тридцать — если по лицу, и лет пятьдесят — по глазам. Н-да, господин Улисс, сложный вы человек, как заметил сэр Косински, человек с прочными идеалами, проживший несколько жизней — если судить об опыте не по количеству прожитых лет, а по числу событий, растянутых на годы. «Бессмертный» Улисс, не знающий слова «страх», чудом избежавший смертельных объятий лавин и каменных склепов глубоких пропастей и ущелий... Пятнадцать лет риска, не поддающегося никакому учету, из них три года — борьба с судьбой в горах, где человек подобен слезе на ресницах Аллаха — по тибетской пословице... Думал, ну наконец-то остановился, сделал окончательный выбор. В горах, пожалуй, как нигде, чувствуешь вкус борьбы со стихией. Но нет того ощущения победы, которое испытываешь, победив сильного противника-человека. И он снова ушел. Потом были два года жизни по инерции — после гибели женщины, на которой он хотел жениться... Небольшая остановка перед новым перегоним риска. Нет, состояние консонанса — не для него...

Переодевшись в вечерний халат «а ля инка», Улисс проверил, хорошо ли заперта дверь, и через наушники еще раз прослушал кассету с материалами о корпорации «Птичий глаз», взявшей на себя финансирование международной экспедиции в неисследованный уголок Паракаса.

Родословная корпорации уходила довольно глубоко в прошлое, в девятнадцатый век, одно это говорило о ее конкурентоспособности. Возникла она в шестидесятых годах прошлого столетия в Англии как компания по перевозке замороженных продуктов. В начале двадцатого ее руководители были втянуты в аферу с расширением рынка сбыта, и после разоблачения махинаций, суда, смены руководства и реорганизаций она стала именоваться компанией по консервации и перевозке фруктов. А уже в семидесятых годах, перешагнув границы Великобритании, превратилась в гигантскую транснациональную корпорацию «Птичий глаз», в компанию авиа- и автосервиса. Фургоны, холодильники на колесах, суда, самолеты и вертолеты с эмблемой КАС и стилизованным

птичьим глазом можно было встретить и в Европе, и в Азии, и в Австралии — на всех материках Земли.

Уничтожив кассету с информацией, Улисс улегся на диван и стал листать отчет Пирина за прошлый год, состоящий, по сути, из двух десятков отчетов — по числу его научно-исследовательских отделений. Судя по ним, можно было понять, что некоторые попытки проникнуть в долину Пируа все же увенчались успехом. Ученые сумели немного изучить флору долины: бук, тис, мирт, платан серебристый, акация, кипарис, эвкалипт, панданус, жаботикаба и лепидодендрон — реликт, исчезнувший на земле миллионы лет назад; и ее фауну: ленивцы, муравьеды, броненосцы, из хищников — ягуар, священный зверь индейцев, около двух десятков змей, удавы-анаконды и множество более мелких зверьков, а также насекомые, от гигантских бабочек до термитов. В принципе, нормальное население сельвы, без особых отклонений от нормы, разве что отсутствуют москиты — бич сельвы, и это прекрасно! Зато в растительном мире долины отклонений от нормы больше. И наконец, племя индейцев, населяющих долину.

Улисс нашел фотографию аборигена. Пигмей, рост четыре с половиной фута, гладкое лицо, довольно правильное, скулы почти не видны, губы пуговкой, зато нос занимает пол-лица — настоящий «орлиный», отличительная черта всех индейских племен Америки. И умные, настороженные глаза. М-да, дружить с такими опасно.

Улисс отбросил отчет, закинул руки за голову, подумал: если правительство Паракаса не остановит доступ в долину дельцов и бизнесменов, эти симпатичные индейцы, застывшие в развитии где-то на уровне бронзового века, окажутся под угрозой исчезновения. Опыт геноцида у американцев накоплен колоссальный, примеров хищнического отношения со стороны сильных мира сего к слабым — сотни! Правда, в последнее время слабые стали понимать, что они не одиноки, что у них есть друзья, готовые прийти на помощь в борьбе за свободу и независимость.

Часы пробили одиннадцать вечера.

Улисс достал из нагрудного кармана фотографию: Анна поправляет волосы на затылке с рассеянной улыбкой. Это

было шесть лет назад. Осталась только единственная фотография... и память...

Некоторое время Джонатан боролся с собой, потом смял фотографию, шелкнул зажигалкой и поднес комочек бумаги к огню.

Он уже собирался выключить свет и ложиться спать, как вдруг в соседней комнате раздался шум.

Улисс прислушался. Говорили двое, громко и зло, что-то упало, закричала женщина. Интересный компот. Что они там не поделили?

Снова удар, звон стекла, теперь женщина кричала, не переставая. Улисс различил на испанском «помогите» и «больно». Черт бы их подрал! Разве можно так обращаться с женщинами? Он надел шлепанцы, вышел в халате в коридор. Дежурного на месте нет, никого в коридоре. И шума не слышно. Джонатан поколебался, но для очистки совести решил постучать в дверь соседнего номера — не приснились же ему крики?

Дверь открылась, словно его ждали. Перед альпинистом стояла женщина ослепительной красоты с профессиональной улыбкой на умело подкрашенных губах.

— Вам кого?

— Извините, — пробормотал Джонатан. — Мне показалось, что у вас кто-то кричал.

— Телевизор, — ответила женщина, разглядывая его с видимым интересом. — Входите.

— Извините, уже поздно...

Женщина улыбнулась.

— А на вид вы не трус. Входите же, я не кусаюсь.

Улисс пожал плечами и вошел. И лишь пройдя в гостиную, понял, что сделал это напрасно.

В гостиной горели бра, на стене висел работающий телевизор, а у журнального столика с бутылкой «Писко-сауэр» и тремя бокалами стоял, поигрывая брелочком, мужчина крепкого сложения с равнодушным, словно сонным лицом, в рубашке с короткими рукавами и джинсах.

Улисс оглянулся, и ситуация вообще перестала ему нравиться: сзади приближался еще один здоровяк и вертел в пальцах кастет. Глаза у него были холодными и цепкими,

прицеливающимися. Он явно не годился для роли брата красоты, как и первый головорез для роли ее друга.

— Добрый вечер, — сказал Улисс, делая вид, что не понимает цели маневров троицы. Впрочем, он и в самом деле не понимал.

Женщина коротко рассмеялась, взяла со столика бокал, отпила глоток и села в кресло, закинув ногу на ногу; они у нее были красивые, полные, туго обтянутые чулками-сетками.

— Самовлюбленный павлин в халате. Сидел бы в номере, и все было бы тип-топ, а теперь придется раскошелиться.

— Это шутка? — сухо спросил Улисс, досадуя, что влип в историю. Надо же, забыл про телевизор!

— Пошевеливайся, приятель, — негромко сказал громила сзади. — Не заставляй девушку ждать. Триста долларов — и мы разойдемся, довольные друг другом.

Улисс оглянулся, оценивая противников. На обыкновенных вымогателей эти парни походили так же, как воротилы бизнеса на безработных. Интересно, этот номер с криками и бранью подстроен заранее или все получилось случайно? Парням захотелось развлечься?

— Сожалею, мисс. — Джонатан вздохнул. — Но у меня нет никакого желания дарить вам три сотни долларов. Надеюсь, шутка закончилась и я могу идти к себе. Извините за вторжение. Попросите этих джентльменов пропустить меня.

В руках у соннолицего вдруг вместо брелока оказался пистолет — «люгер» с глушителем. Улисс понял, что у него почти нет выбора, к тому же показалось, что в его комнате кто-то есть. Он без приседа, не меняя позы, прыгнул в центр комнаты к спортсмену, который, переоценив преимущество положения, опустил пистолет и смотрел на женщину, потягивающую вино. Реакция у гангстера была неплохая, но он успел лишь вскинуть оружие. В следующее мгновение ребро ладони Улисса опустилось на бицепс противника, а удар ногой в голову отбросил его к шкафу.

Второй вымогатель мгновенно стал в стойку, нацепив на левую руку кастет. Улисс сделал обманное движение и успокоил его укол пальца в нервный узел на шее. Оглянулся на женщину, сидевшую в прежней позе и с любопытством наблюдавшую за ним поверх бокала, и выбежал в коридор.

В его номере царил бедлам: белье из шкафа выброшено, кровать распотрошена, стулья опрокинуты, саквояж стыдливо показывал внутренности, вещи разбросаны по полу, по столу. Рылись, судя по масштабу разгрома, несколько человек, что-то искали. Что?

Улисс закрыл дверь — коридорный на этаже все еще отсутствовал, — вызвал лифт и опустился на второй этаж, где дежурил полицейский.

Вылый коричневолицый сержант с усами щеточкой выслушал его лаконичное повествование о нападении и попытке ограбления, сделал непроницаемое лицо и похлопал Джонатана по плечу:

— Кто-то решил пошутить, сеньор, а у вас уже и штаны мокрые. Пойдем посмотрим на твоих «террористов».

Они поднялись в номер Улисса.

Шкаф стоял на месте, белье аккуратно лежало на кровати, сложенное стопкой, саквояж стоял в углу. Ни одной вещи на полу или столе. Быстро работают, профессионально. Теперь ясно, что происшествие с «вымогателями» в соседней комнате — отвлекающий маневр. Кто же это все устроил и для чего?

Сержант сдвинул фуражку на затылок.

— М-да! Ты, часом, не лунатик, парень? Наркотиками не балуешься?

Улисс сделал вид, что совершенно сбит с толку. Путаясь, он стал длинно рассказывать, как в соседней комнате на него напали двое, пытаясь ограбить.

— Чушь! — перебил полицейский, чей добродушный вид был весьма обманчив; дело свое он знал тугο. — Ты что, и в халате ходишь с бумажником? Пошли посмотрим теперь на твоих обидчиков.

Они остановились у двери соседнего номера, сержант постучал и сказал негромко:

— Откройте, полиция.

Дверь шелкнула, приоткрылась, в щель выглянул полный господин в пижаме, с животом и лысиной на полчерепа.

Сержант козырнул.

— Этот человек утверждает, что в вашем номере на него напали двое неизвестных. Вы подтверждаете?

Толстяк очень натурально вытащил глаза.

— Что?! У меня? Я уже давно сплю. Он что, сумасшедший? — говорил он по-испански с акцентом.

Сержант повернулся к Улиссу.

— Он?

Джонатан отрицательно покачал головой.

— Те были моложе... и с ними была женщина.

— Женщина?! — возмутился толстяк. — Я никогда не приглашаю к себе колгел¹, я порядочный человек и семьянин и не позволю...

Полицейский прервал речь «семьянина» взмахом руки.

— Тихо! — Он снова повернулся к Улиссу. — Вы настаиваете на своей версии с нападением?

— Нет, — сказал Улисс. — Видимо, мне и в самом деле просто приснился отвратительный сон.

— Ну и отлично. Не пей на ночь неразбавленное виски. — Сержант хохотнул, похлопал Улисса по спине и ушел, насвистывая сквозь зубы мотивчик из «Минни глас». Толстяк, бурча, смерил Улисса взглядом и закрыл дверь.

Джонатан вернулся к себе, осмотрел комнаты, ванную, туалет, тщательно запер дверь и только после этого позволил себе расслабиться окончательно. Все же трудно выдавить из себя идиота, напуганного ночным кошмаром. Едва ли полицейский находится в сговоре с вымогателями, просто он достаточно опытен и знает, как успокаивать постояльцев, не впуская полицию в грязные дела. Каждый хочет жить, а до пенсии этому здоровяку еще далеко.

Значит, проверка, примитивный маггинг. Интересно, сколько их было на самом деле? Четверо? Нет, вероятно, пятеро, а то и больше, иначе они не успели бы за те десять минут, пока Улисс бегал за помощью, убрать следы чужого присутствия в номере. Но унести тех двоих далеко они не могли, спрятали где-то в одном из соседних номеров. Если поискать, найти их можно, не скоро они еще опомнятся от ударов.

Джонатан усмехнулся и тут же помрачнел, понимая, что проявил себя далеко не с лучшей стороны. Трюк с «женским

¹ Колгел — красotka в номер.

криком о помощи» известен давно, и клевать на него прости-тельно только желторотому юнцу.

Улисс встал на руки, сделал ширш-асану. Три минуты — внутреннее созерцание, еще пять — полный отдых тела, расслабить мышцы, связки, минута — остановка сердца, потом «массаж» печени, селезенки, почек, желудка... Все! Он вскочил и побежал в ванную. Вода — основа жизни, ежедневный душ — половина здоровья.

Насухо вытерев тело, Джонатан переоделся в спортивный костюм и вышел на балкон. Мысли все еще вертелись вокруг визита непрошенных гостей, удовлетворения собой он не чувствовал, наоборот, все больше крепла уверенность в том, что надо было позволить «вымогателям» сделать свое дело, а не сопротивляться. Правда, с другой стороны, играть «дурака» опасно, гангстерам не всегда нравятся глупцы, дрожащие за свою шкуру, особенно мужчины в расцвете лет. Трусость сильного всегда противоестественна... и противна.

Полчаса Улисс любовался безлунным небом и слабой иллюминацией Шочипильи. Время перевалило за полночь, и никому из жителей города не было никакого дела до Джонатана Улисса, альпиниста, бродяги по характеру, тридцати с лишним лет от роду, которого только что вполне могли убить...

Улисс разгладил лицо руками и приказал себе прекратить самоанализ. Толку от этого было мало, никто не мог сказать ему, правильно ли он поступил, и даже собственная интуиция молчала. Мысль о вознаграждении и ожидание боя несколько согревали душу. Джонатан был игроком, любившим игру не из-за конечного результата, а ради самого процесса игры. Главным для него было действие, борьба, жесткое состязание ума, ловкости, хитрости и силы, балансирование на тонкой струне над пропастью небытия. Конечно, нельзя сказать, что результат был ему неважен, но все же он любил игру в чистом виде, а игрой могло быть все что угодно, в том числе и война с террористами, шантажистами и гангстерами.

Как и любой деловой человек своей среды, Улисс был способен идти на компромиссы, в том числе и со своей совестью, но все же от многих искателей приключений его отли-

чала одна черта: он никогда никого не предавал, не отказывался от обязательств и слыл человеком слова...

Перед сном Джонатан еще раз проверил, не пропало ли что-нибудь из снаряжения и не оставил ли вечерний визитер «микрошпионов» — подслушивающие устройства, и только после этого лег спать.

*Швейцария,
Верн-Паракас, Пикаль*

Торвилл загляделся на ловкие пальчики диспетчера архива, порхающие по клавиатуре терминала, и пропустил вопрос мимо ушей.

— Что вы сказали? — с виноватой улыбкой переспросил он. — Простите, я отвлекся.

— Медицинскую карту тоже? — повторила вопрос девушка.

— Да, медкарту тоже.

Диспетчер кивнула, и снова ее пальцы, живущие, казалось, отдельно от рук, побежали по панели терминала.

Архив ЕВРОСПАС был полностью автоматизирован и снабжен пневмопочтой, поэтому на поиск и получение нужного документа уходило от силы пять-шесть минут.

Во внутренностях приемной станции пневмопочты что-то зашипело, заурчало, откинулся квадратный лючок, девушка протянула руку и вытащила из отверстия коробку с эмблемой ЕВРОСПАС и выбитым на крышке номером. Открыла крышку и высыпала на столик стопку документов: личное дело Джонатана Улисса, медкарту, копии наградных листов, карточку учета кадров, фотографии.

— Он что, умер? — полюбопытствовала диспетчер.

— Боже упаси! — Торвилл заложил документы в пластиковый конверт. — Пропал без вести, как говорят. Не знаю, зачем его документы понадобились шефу?

Торвилл потоптался возле стола, ощущая исходящую от девушки волну любопытства и почему-то сострадания.

— Простите, но меня просили напомнить... очень важно... Все, что мы сейчас сделали, идет под пометкой «служебная тайна».

Лицо девушки осталось деловым, сосредоточенным, но сочувствие излучать она перестала.

— Если бы я этого не понимала, я бы здесь не работала.

Кристофер пробормотал извинение и ушел из архива, досадуя неизвестно на кого и неизвестно за что. Конечно, настроение от того, что отпуск сорвался, а Диана улетела отдыхать, не могло быть хорошим, но задание было интересным, и надо настроиться на него полностью, чтобы исключить даже возможность неудачи.

Неран был один. Он ходил из угла в угол кабинета, заложив руки за спину.

— Я готов, — сказал Торвилл, выкладывая на стол конверт из архива. — Здесь вся документация по Улиссу.

Неран кивнул, вытащил из конверта фотографию альпиниста четырехлетней давности и рассматривал некоторое время.

Улисс был высок, поджар, с рельефными мышцами атлета. Овальное лицо с твердым ртом спокойно и малоподвижно, в серых внимательных глазах прячется вызов.

Низкорослый, худощавый, похожий на мальчишку, Торвилл всегда благоговел перед крупными, сильными мужчинами. Это тайное молчаливое восхищение родилось в детстве: Кристофер рос без отца, заступиться за него было некому — ни в школе, ни во дворе, — и он мечтал вырасти высоким и сильным, чтобы воздать обидчикам должное. Будучи хилым и болезненным, нрав он имел яростный и неукротимый, не пасовал перед авторитетами и вечно организовывал для самоутверждения всякие отчаянные мероприятия. Он и в горы пошел из-за самоутверждения, чтобы доказать другим, а больше себе, что он кое-чего стоит, и «заболел» горами на всю жизнь.

— Вижу, у тебя нет настроения. — Неран прищурился. — Диана, наверное, обиделась, что не удалось провести отпуск вдвоем?

— Не успел спросить. — Кристофер пожал плечами.

— Тогда в машину, до посадки в самолет всего полтора часа. Кстати, — остановил Торвилла начальник отряда. — У тебя не возникало вопроса: почему мы согласились на не собственную нам работу?

— Это было первое, о чем я подумал, — признался Торвилл с виноватой улыбкой. — Но потом понял, что эта работа — тоже спасательская, разве что в ином плане. Меня иногда подмывало сменить ампулу...

— Но престиж горноспасателя оказывался выше других профессий, так?

Кристофер подумал.

— Доля правды в этом есть, я не чужд профессионального тщеславия и честолюбия. Но главное — я знаю, что нужен.

Сквозь маску сурового, чуждого сентиментальности человека на лице Нерана проступило выражение нежности, но длилось это столь краткий миг, что Кристофер не поверил глазам своим.

Их начали «пасти» в здании аэропорта, но ни Торвилл, ни Фредерик Неран, ни Косински с Миллером, встретившие спасателей у стойки с номером их рейса, ничего не заметили. «Пастухов» было несколько, и связь между собой они поддерживали через микрорации, незаметные глазу, замаскированные под перстни, кольца, серьги и другие мелочи мужского и женского обихода.

В Лиме группа наблюдателей сменилась и передала прибывших «из рук в руки» сменному отряду «пастухов» в Шочипилье, который вел руководителей экспедиции до Пикаля. Все разговоры между членами экспедиции были, таким образом, зафиксированы и переданы резиденту ЦРУ в Пикале, заинтересованному во всех деталях, касающихся открытия долины Пируа.

Единственный отель в Пикале назывался «Ривьера» и отличался от парижского прародителя так же, как сарай с углем отличается от пирамиды Хеопса. Впрочем, номера в нем были неплохие, не слишком дорогие, но со всеми полагающимися удобствами, с телефоном, телевизором и даже с кондиционером.

Бросив вещи, не распаковывая, на широкий диван, Торвилл переоделся в легкую одежду, подождал, пока переоденется Неран, и они отправились знакомиться с Пикалем, Пирином, климатом и бытом одного из типичных уголков Паракаса — страны невиданного горного хаоса и древних руин.

Пикаль ничем не отличался от сотен других таких же городков с населением в несколько тысяч человек, расположенных на склонах гор на Парамо — так на местном наречии называлось плоскогорье высотой от трех с половиной до четырех тысяч ста метров. Так же, как и всю страну, его населяла мозаика рас: белые, индейцы, метисы, негры, мулаты, китайцы, гринго — американцы, хотя преобладали, конечно, индейцы — кечуа и аймара, а из белых — испанцы и португальцы.

Хотя на улицах Пикаля было немало трех- и пятиэтажных домов, а на главной улице — Кольмене — стоял даже десятиэтажный «небоскреб», все же глаз то и дело натывался на сиенные горные вершины, окружавшие город со всех сторон, довлевшие над ним, молчаливые и суровые, как и весь этот край. Однако, несмотря на солидную высоту над уровнем моря, дышалось здесь довольно легко, что оказалось для Торвилла приятной неожиданностью: он привык к постоянной нехватке кислорода на высотах выше двух километров.

Лето в Паракасе, как и в других странах южного полушария, наступало в декабре, и сентябрь был началом весны, поэтому днем температура держалась на уровне восемнадцати-двадцати градусов, а ночью снижалась до четырнадцати-шестнадцати. В общем, климат здесь был мягкий, отчего настроение Торвилла наконец начало подниматься.

Он с удовольствием рассматривал архитектуру Пикаля, очень похожую на архитектуру столицы Паракаса — Шочипильи. При постройке зданий использовались в основном эквадорский дуб и седрелло — испанский кедр, а также каоба. Фасады более современных зданий отделывались белым известняком — сильяром, который легко поддавался обработке и резьбе. Резные деревянные двери, ажурные металлические решетки на окнах, традиционно закрытые снизу балконом, могли удовлетворить эстетические вкусы любителей старины любой нации. Неудивительно, что на улицах Пикаля было много туристов.

Кристофер обратил внимание на дюжих молодцов с мускулистой выпуклой грудью, и Неран пояснил, что у всех индейцев высокогорья хорошо развита грудная клетка — кислорода на высотах около трех с половиной километров все же в два раза меньше, чем на равнине.

Они потолкались на городской ферии — базаре, где женщины в пончо и чульо, шерстяных шапочках-ушанках, продавали с лотков и тележек фрукты и овощи, изделия кустарей, обувь, одежду и сладости. Торвилл попробовал «халву доньи Пепы», сваренную из муки, меда, корицы и тростникового сахара, оказалось вкусно, купил еще. У шестов с одеялами из шерсти ламы и альпаки мелькнуло знакомое лицо. Кристофер даже остановился — это был Улисс, но человек тут же затерялся в толпе, и ответить на вопрос, был ли это на самом деле Джонатан Улисс, никто не мог.

Торговля с тележек и колясок велорикш шла и на улицах Пикаля. Продавали всякую всячину: свечи размерами от мизинца до полутора метров в длину, статуэтки Христа, поделки из серебра, тростника тоторы, медвежьих когтей, тапочки из меха ламы, индейские мокасины и «археологические древности», найденные в горах.

Назвать город зеленым было нельзя, тем не менее деревья и кустарники на его улицах и площадях, где почти не ходил транспорт, встречались часто: низкие оливковые деревья, реликтовые кенуали, альгарробо, виноград и низкорослый кустарник тола, напоминающий можжевельник. Попадались и манговые, и даже бананы, оплетенные ползучим вьюном.

Альпинисты обошли Пикаль за два часа, побывали у Кальбидо, здания городского совета, посетили развалины какого-то древнего замка, возле которого высились серебристые резервуары нефтеперегонного завода «Кочан», и, усталые, побрели в отель, делаясь впечатлениями. В Пирин, который был построен на северной окраине города, в стороне от людской суеты деловых и торговых кварталов, решили явиться на следующий день. Времени у них было много, первая экспедиция в горы была назначена на октябрь, ближе к лету, к хорошей погоде.

Паракас, Пикаль

С тех пор, как в Пикале был построен исследовательский археологический центр Пирин, или, как его называли приученные к лаконичности жители города, П-сентре, у начальника полиции Доминго Рауля Эрнандеса не было спокойно-

го дня. Он сразу был вовлечен в странные события, порой жуткие, порой курьезные, но всегда исполненные тайного и темного смысла.

Началось все с убийства Карлоса Хонтехоса, известного во всем Паракасе ученого-паракиниста, ставшего заместителем директора Пирина. А затем пружина событий начала закручиваться все туже и туже, не оставляя времени на тщательный анализ обстановки и размышления о долге полиции «сохранять мир и спокойствие».

В день приезда группы горноспасателей из Швейцарии, которым был доверен штурм стены Тумху, скрывающей за собой долину Пируа, из склада Пирина было похищено пять комплектов снаряжения для альпинистов. В тот же день произошла авария в аэропорту Пикаля, если можно назвать аэропортом взлетную полосу длиной в две мили и одноэтажное бунгало с двускатной крышей, построенное из адобе — глиняных кирпичей. Трехместный вертолет «Бертелли», как оказалось, не принадлежавший ни одному из гражданских ведомств, ни экспедиции, врезался в ангар с авиатехникой Пирина и взорвался. Взрыв разворотил алюминиевую крышу ангара, останки вертолета упали на тягач, начался пожар, но, к счастью, взорваться и гореть в ангаре было нечему. Пожар затушили, а из кабины извлекли троих: двое — летчики, третий — индеец-пигмей из долины Пируа. Как он попал в кабину «Бертелли», никто сказать не мог, потому что оба пилота скончались в госпитале Пикаля спустя три часа после аварии. Индеец остался жив, но молчал, не понимая вопросов, заданных ему специалистами по южноамериканским языкам, вызванными из Пирина.

Эрнандес лично участвовал в расследовании причин аварии наряду с экспертом Интерпола, прописавшимся в Пикале после открытия долины Пируа, но результатов не добился: вертолет не регистрировался в хозяйстве Пирина и не был приписан ни к одному из аэродромов страны, в том числе и к военным, а пилоты не числились в списках обслуживающего аэродром Пикаля и экспедиции персонала. Точка.

Капитан, как и после убийства Хонтехоса, связался со службой безопасности в Шочипилье, проанализировал возможные места нарушения границы разбившимся вертолетом,

предполагая, что тот летел откуда-то из-за границы с Боливией, но сотрудник безопасности посоветовал Эрнандесу заниматься своими делами и не мешать. И капитан сделал вывод, что его служебное рвение имеет пределы. Тогда он взялся за изучение долины Пируа, справедливо полагая, что это может пригодиться ему в ближайшее время: как только передовая группа экспедиции найдет проход в долину, начнется новый этап ее прямого изучения, связанный с определением границ использования ее археологических памятников и установлением государственного контроля за соблюдением правил экоэтики. Однако оказалось, что информация о долине Пируа уместается на трех страницах машинописи. Летчики, открывшие долину, и единственная группа исследователей, сумевшая на вертолете пробиться в Пируа и прожить там четыре дня, слово в слово повторяли одно и то же: долина вытянута в меридианальном направлении, разделена, как со-ты, перегородками из скал на десятки почти недоступных участков, заросших мощным покровом сельвы, и представляет собой идеальный «затерянный мир» по Конан Дойлю, разве что без реликтовых представителей фауны вроде летающих ящеров и динозавров. Но останки древнеиндейских сооружений археологи обнаружили, и очень богатые, судя по описаниям, хотя для их изучения нужны были десятилетия и усилия многих сотен специалистов из разных стран.

Тогда капитан стал без особой цели составлять досье на прибывающих в Пикаль иностранцев и паракасцев, не предполагая, к чему это его приведет в ближайшем будущем. Для этого дела он выделил молодого смышленного инспектора Алехандро Фьерро и дал ему в помощь сержанта Вюмера, немца по национальности, пожилого, но неглупого и умеющего держать язык за зубами. В тот же день Эрнандесу позволили из Сегуридад, и уже знакомый работник безопасности сказал в трубку не очень вежливо:

— Капитан, оставьте самодеятельность. Ваше дело — поддержка порядка во вверенном вам регионе, международный исследовательский центр — не ваша епархия, как и прибывающие иностранцы. Как и уголовные дела, с ними связанные. Если появится необходимость, мы вас привлечем. Уяснили?

Капитан уяснил и дал зарок ни во что не вмешиваться, даже если Пирин взлетит на воздух, хотя совсем не работать он не мог.

За прошлую неделю в Пикаль, кроме альпинистов Нерана и Торвилла, а также начальника экспедиции Косински с помощником Миллером, прибыли врач Дэвид Аллен, американец; представитель комиссии экононадзора ООН Рыбин, русский; эксперты-археологи Сигурд Ингстад, норвежец, и две женщины — Джой Эксмур и Мириам Фитлинн. Джой работала врачом, Мириам — ботаником. Обе женщины, судя по описаниям Алехандро, были из разряда «старых дев», и почему их в предпенсионном возрасте понесло в Паракас, в горы, Эрнандес понять не мог.

Проанализировав поступившие материалы, капитан запер их в сейфе, пообедал в кафе «Баньян» и снова приехал в аэропорт. Его необъяснимо тянуло туда, словно тайна разбившегося вертолета была крепко связана с его собственной судьбой.

Инспектор Кеведо-и-Вильегас, официально занимавшийся разбившимся вертолетом, встретил его на поле возле автофургона с эмблемой компании «Птичий глаз»: два голубых переплетающихся кольца и в центре глаз орла.

— Как дела, Уго? Что удалось выяснить?

Инспектор, тучный, лоснящийся от пота, потрогал свои длинные усы.

— Шеф, по аварии ничего нового выяснить не удалось. Не задень они старую антенну возле ремонтного ангара, ничего бы не случилось и никто ничего бы не узнал. Но тут есть занятная деталь. — Капрал снова подергал ус, понизил голос. — Возле ангара крутится подозрительный тип и, кажется, тоже интересуется разбившимся вертолетом.

— И кто же он, узнал?

— Нет, сеньор капитан. Молодой и ловкий, выше вас, в серых брюках и рубашке, сумка через плечо.

— Хорошо, разберемся. Пошли еще раз посмотрим на это место.

Ангар с ремонтирующейся техникой обслуживания аэропорта, где произошла авария, уже функционировал: алюми-

ниевую крышу в месте взрыва залатали, поврежденную технику починили, пятна гари смыли и закрасили.

Эрнандес с любопытством прошелся по ангару, в котором было не так жарко, как снаружи, разглядывая моечные машины, автотрапы, тягач, трактор и заправщик. Ангар изнутри казался больше, в нем было сумрачно, гулял сквозняк, принося запахи бензина, солярки, масел, нагретого металла. Возле одного из скипов стоял вертолет «Бертелли» без стекол, со снятым винтом и помятым носом. В кабине возился техник в комбинезоне с «глазом» на плече, еще трое выправляли обшивку, грохоча пневмокувалдами. За вертолетом шумел вентилятор, автопогрузчик укладывал в стену контейнеры.

Капитан понежился в струе воздуха от вентилятора, побродил вокруг вертолета, стараясь не мешать работающим, попытался представить, как произошла авария.

Поскольку вертолет взорвался, значит, бак с горючим был полон, поэтому причиной аварии отсутствие топлива быть не могло. Остается грешить на пилотов: либо они были неопытны, либо не учли какие-то факторы, пролетая мимо антенны.

Эрнандес обошел тягач и не заметил, что за ним пристально наблюдает один из техников ангара.

Итак, пилоты... Неопытность отпадает, в условиях аэропорта, расположенного в горах, гробануться можно в два счета, значит, работать здесь должны асы. А какие факторы могли не учесть пилоты? Внешние отпадают, погода была тихая, безветренная, видимость отличная. Внутренние, скажем, пилот был пьян... Чепуха, его не выпустили бы на трассу. Хотя не исключено. Неполадки в управлении? Комиссия таковых не нашла. Был странный маневр, словно пилота кто-то подтолкнул под локоть, в результате чего вертолет рыскнул в сторону и вниз и врезался в старую антенну.

Эрнандес задумчиво погладил горячую стенку одного из боков ремонтной мастерской.

Маневр... словно пилота толкнули... Кто мог его толкнуть? Напарник? Он не самоубийца... Тогда остается индеец-aborиген, обнаруженный в кабине. Куда его дели потом?..

Кто-то дотронулся до плеча капитана.

— Салют, камарадо.

Эрнандес оглянулся и узнал того самого сотрудника «Департаменте Сегуридад» — паракасского департамента государственной безопасности, с которым он беседовал по делу Хонтехоса месяц назад с глазу на глаз.

— Отойдем, капитан, — сказал сегуридо, молодой, загорелый, спокойный.

Они вышли из ангара под защиту фургона «Континенталь».

— Что вы здесь делаете, сеньор Эрнандес? Мы же с вами обо всем договорились и по телефону беседовали о том же: не суйтесь в это дело, оно вне вашей компетенции. Лавров оно не принесет, а для продвижения по службе достаточно четкой организации работы полиции при ловле торговцев наркотиками. Ваша самодеятельность доставляет нам только лишние хлопоты. Уберите этого болвана с аэродрома и давайте больше не возвращаться к этой теме. Идет?

Эрнандес сдвинул фуражку на затылок, сплюнул на бетон и засек время, за которое плевков испарился наполовину.

— Двадцать семь градусов, — сказал капитан полиции и поднял безмятежный взгляд на собеседника, который не уступал ему в умении держать себя в руках. — Я понял вас. Эдак я и вовсе останусь без работы, а? Если понадобится, звоните, всегда к вашим услугам.

Эрнандес вскинул два пальца к фуражке и, окликнув капитала, зашагал к зданию аэропорта. Однако, не дойдя тридцати шагов, повернулся к видневшейся из-за бунгало наблюдательной вышке. Полицейский рысил сзади, обливаясь потом и мечтая о глотке воды.

Капитан поднялся на вышку, где за стеклом торчали трубы дальномера, и панорама Пикаля в окружении сельвы и гор развернулась перед ним во всем великолепии. Минут двадцать он разглядывал поле аэродрома, горную цепь на юге, стену Тумху на севере, за которой пряталась долина Пируа, а еще дальше — граница, и сказал вслух:

— Ясно, что вертолет летел с севера. Солнце светило им в глаза, вот летчики и налетели на антенну.

Эрнандес бросил последний взгляд на горы и увидел высоко над ними черную точку: это парил король Анд — кондор.

Наутро голоногая горничная в голубой юбке с крохотным белым фартучком принесла ему конверт.

— Это вам, сеньор.

Улисс удивленно пожал плечами.

— Мне? Вы не путаете, сеньорита?

— Нет, велено передать альпинисту Улиссу из двадцать первого номера. Вы Улисс?

— Вчера еще был Улиссом, благодарю вас.

Оставшись один, Джонатан тщательно осмотрел и прощупал конверт, но никакого подвоха не обнаружил. Внутри, судя по всему, клочок бумаги, и все. Интересно, кто мог знать, что в Шочипилье он остановится в отеле «Маури», да еще в двадцать первом номере? Улисс вскрыл ножом конверт, поймал выпавший листок голубой банковской бумаги с водяными знаками, на котором было начертано всего одно слово по-английски: «Берегись!»

Хмыкнув, Улисс посмотрел бумагу на просвет, на всякий случай подержал над пламенем зажигалки — ничего, пусто — и спрятал послание в карман саквояжа. Оделся в свой обычный костюм: джинсы, бело-голубая майка с эмблемой фирмы «Кено», перекинул через плечо ремень фотоаппарата «Миолта» и отправился по обычному маршруту: «старый город» — площадь Оружия — муниципалитетский дворец — улица Уанкавелика.

Улицы «старого города», мощенные булыжником и адобе, были забиты толпой туристов, на площади Оружия с фонтаном и светильниками прошлого столетия народу было поменьше, а на улицах, огибающих президентский и муниципалитетский дворцы с тыла, бродили только кошки и редкие случайные прохожие: жилых домов здесь не было. Улисс сделал несколько снимков президентского дворца, не обращая внимания на охранников, наблюдавших за его манипуляциями, и направился прямо к ним.

— Простите, капитан, — обратился он к сержанту-полицейскому по-испански. — Я репортер, представляю «Диарио де ла тардэ». Разрешите сделать пару снимков этого великолепного реликта с газона внутри?

Сержант сделал непередаваемый жест, могущий означать

все что угодно — от разрешения до отказа. Он был молод, но опыт имел немалый и на обращение «капитан» не реагировал совсем.

Улисс подошел к ограде и снял то место, где был убит комиссар полиции Альберто Тауро дель Пино.

— Говорят, у вас тут месяц назад произошла какая-то история с комиссаром, — сказал он и посмотрел на второго охранника, смуглого верзилу с лицом красавчика-херувима.

— Так бы сразу и сказал. — Сержант снисходительно сплюнул под ноги. — Проваливай, писака. Все, что можно выжать из этого дела, газетчики уже выжали, ты опоздал.

— Да? — Улисс разыграл жадное любопытство, что в общем-то и не надо было особенно разыгрывать, и сожаление. — Наши читатели любят сенсации, особенно в разделе уголовной хроники. Я аккредитован в столице, но, к сожалению, был в отъезде. Капитан, всего два слова для нашей газеты: что здесь произошло? Кто убил комиссара и за что? И правда ли, что он умер только через час, хотя в него попало сто пуль? Назвал ли он имя убийцы?

Полицейские, настроенные добродушно, переглянулись, сержант покачал головой.

— Все газетчики одинаковы, способны из мухи сделать слона. И откуда это в вас берется? Слышал, Гарсиа? — Сержант посмотрел на своего напарника. — Сто пуль! В то время как в комиссара попало всего тридцать две. И умер он почти сразу, через пару минут, а не через час. Откуда ты набрался такой чепухи, приятель? Спрячь игрушку, не то засвечу пленку, здесь нельзя фотографировать.

— Так ведь писали... — Улисс нехотя засунул фотоаппарат в футляр. — Всего-то две минуты? Из этого сенсации не выжмешь. Извините, полковник, видимо, придется искать другой материал. Спокойного дежурства.

Улисс перешел улицу, оглядываясь с видом великого разочарования, сфотографировал еще раз ограду и будку охранника и незаметно выключил миниатюрный кассетник в кармане рубашки. М-да, сеньор сержант, только таким лопухам, как вы, и охранять президента. Комиссар Пино жил *две минуты* после того, как в него попало тридцать пуль, из них двенадцать разрывные и две — в голову! Как такое возможно?..

Джонатан свернул на улицу Кьедрас-Неграс, и в это время в десяти шагах от него затормозил оранжево-голубой пикап с эмблемой «Птичьего глаза». Из него выскочили, щурясь на солнце, трое крепких парней в одинаковой униформе: серые джинсы и серо-белые куртки с короткими рукавами, с кармашками на груди и на боках, белые кепи. Делают вид, что вышли размяться. Интересный поворот.

Улисс нагнулся, завязывая шнурок на кроссовках. Сзади в тридцати шагах еще трое, одетые в местные вестидо: коричневые пончо, большие соломенные шляпы, сандалии из грубой кожи, но все трое выделяются из толпы прохожих особой поступью, упругой и в то же время словно крадущейся. Какого рожна им надо? Еще одна проверка на прочность? Не слишком ли много проверок для скромной особы бывшего альпиниста, а сейчас тренера в школе физической подготовки, соблазненного большим денежным призом за восхождение на стену Тумху в Пикале и завербованного для этой цели руководством экспедиции в долину Пирау?

Джонатан остановился возле стеклянной витрины посудной лавки и сделал вид, что разглядывает ажурное керамическое блюдо. Но молодцы из «Птичьего глаза» искали именно его. Один из них остановился за спиной Улисса и похлопал его по плечу.

— Очнись, сеньор фотокорреспондент, хочу тебе кое-что напомнить.

Джонатан оглянулся через плечо. Ба, знакомые все лица — один из вымогателей в гостиничном номере! Тот, что подходил сзади. Привычка такая? Или он всегда выступает вторым номером?

— Гони монету, — продолжал молодой верзила, держа правую руку так, как держат профессионалы карате. — Только такса несколько увеличилась со вчерашнего вечера.

Он не знал, что Улисс был специально тренирован для нападения из самых невыгодных с виду положений.

Удара не заметили ни сам вымогатель, ни его друзья, ни прохожие. Собственно, это был и не удар. Улисс безошибочным выпадом пальца нашел тянху — нервный узел яремной выемки на груди парня. Тот мягко осел на тротуар.

— Помогите, ему плохо, — позвал Джонатан оторопевших

друзжков потерявшего сознание «грабителя». Пока те соображали, в чем дело, Улисс быстро пересек улицу и нырнул в переулок, заметив, что троица компаньерос в шляпах, подстраховывающая основных задир, в нерешительности мнется поодаль.

Вернувшись в гостиницу, он упаковал вещи, вызвал такси и через час был в аэропорту, откуда начинался его путь к месту основных событий — в Пикаль. В Шочипилье ему больше нечего было делать.

Время полета он проспал, убедившись, что никто им не интересуется ни в открытую, ни исподтишка. При посадке полюбовался горным пейзажем и разливом сельвы к северу от Пикаля. Как и везде на высокогорьях, сельва Паракаса делилась на три яруса: верхний, высотой в сто—сто двадцать футов, состоял из гигантских сейб, эвкалиптов, кипарисов, гинкго и акаций; средний ярус был представлен бобовыми, омбу, панданусами, пальмами и аралиями, называемыми паракасами муку-муку, а нижний состоял из различных пексовых кустарников, папоротников, бромелий, орхидей и аронника. Конечно, с высоты Улисс не мог оценить ее снаружи и изнутри.

Аэродром Пикаля — каменная площадка длиной в милю и шириной в пятьсот футов, с тремя бетонными языками разворота и выхода на взлетную полосу — охранялся нарядами полиции и имел пропускную зону. Особенно тщательно проверяли груз отлетающих пассажиров, а вещи вновь прибывающих осматривались формально, в чем Улисс убедился лично.

Охранялся аэродром серьезно, и не зря: уже дважды за историю его открытия случались инциденты со стрельбой — во время попыток контрабандного вывоза золотых и археокерамических украшений, бесценных реликвий исчезнувших праиндейских цивилизаций Паракаса, оставивших в окрестностях Пикаля заметный след.

Всех прибывающих специалистов экспедиции обслуживали транспортники компании «Птичий глаз», заключившей с правительством страны контракт на комплексное обслуживание всех археологических групп и этнографических экспедиций, и Улисс был доставлен в отель «Ривьера» вполне ком-

фортабельно вместе с веселым французом-археологом Гийомом Карсаком, с которым познакомился по дороге. Инициатором знакомства был Карсак, неплохо говоривший по-испански.

Они поселились в соседних номерах и после необходимых формальностей поехали знакомиться с Пиринем, располагавшимся за городом в окружении живописных скал и роскошной зелени.

Пирин представлял собой круглое двухэтажное здание диаметром в сто двадцать футов из алюминия и сипорекса — легкого пористого бетона. Сверху он был похож на спортивный диск с ручкой: в «ручке» прятался хозяйственный комплекс — электроподстанция, водоочистка, душевая (вода бралась рядом, в реке под языколомным для европейца названием Пикальютльопока, и все приезжие называли ее короче — Пикалька), столовая, бар, склад и материально-техническая база. «Диск» был собственно гостиницей с небольшим конференц-залом — он же кинозал, фотолабораторией и кабинетом директора. Гостиница еще не работала, хотя многие из приехавших ученых уже в ней жили, как, например, директор Пирина доктор археологии Хулио Энрике Эчеверриа. Но ее открытие было не за горами — ждали приезда начальника экспедиции в Пируа.

На крыше здания были оборудованы солярий и вертолетная площадка. В общем, сделал вывод Улисс, строился Пирин с размахом, и надо признаться, строительные фирмы «Птичьего глаза», настоявшие на своем проекте и сорвавшие на этом в ЮНЕСКО немалый куш, свое дело знали.

Вновь прибывших встретил хмурый молодой парень в бело-сером форменном костюме с нашивками старшего администратора и эмблемой «глаза». Звали его Леннард. Американец. Представившись и не дав времени осмотреться, он повел гостей из «карантин-приемника» — холла — по коридору на второй этаж, где располагался кабинет директора. Процедура знакомства не заняла много времени, директор был занят разговором с какой-то молодой женщиной поразительной красоты — судя по смуглому тонкому лицу, испанкой или креолкой. После этого Леннард повел их в жилую зону,

не обращая внимания на заявление француза, что он «готов на любые условия, если здесь есть такие женщины!».

— Поселю вас в английском секторе, — сказал администратор. — Каюты уже приготовлены, можете переезжать из отеля хоть сегодня. Надеюсь, нет смысла доказывать, что это удобней, чем каждый день добираться сюда из города.

— Если комнаты уже готовы, то я вселяюсь немедленно, — обрадовался темпераментный Карсак. — Не имеет значения, в каком секторе мы будем жить. Кстати, эта мадам... у директора... тоже сотрудник института?

— Тоже, — сухо отрезал Леннард.

— А как ее зовут? И где она живет?

— Вы задаете слишком много вопросов, а у меня мало времени. Ваши номера на первом этаже, сеньоры, вот ключи. Остальные вопросы — к вашим непосредственным руководителям или к господину Миллеру, это наш квартирьер. Всего доброго.

Леннард кивнул и удалился, прямой и чопорный, как настоящий администратор.

Карсак фыркнул, разразился тирадой о несносном характере янки, но Улисс его не поддержал. Они нашли свои комнаты-каюты: каждому досталась отдельная, что, безусловно, являлось роскошью в условиях походно-экспедиционного исследовательского центра, — и с любопытством ознакомились с их внутренним убранством.

Видимо, подбором мебели и обстановки в каютах занимались люди, знающие толк в уюте. Каюта Улисса состояла из двух крохотных комнат: туалетной и спальни-гостиной. Кровать убирается в стенку, в углу телефон, мини-телевизор «Сони», бар, два кресла и столик в стиле мебели эпохи королевы Анны — под ореховое дерево, гнутые ножки, изящные обводы.

На одной стенке комнаты картина в дешевой раме — библейский сюжет, подражание наивной манере художников пятнадцатого века. Улисс подошел ближе, хмыкнул. Д. Г. Россетти¹. Копия, конечно, но копия на взгляд дилетанта очень удачная.

¹ Д. Г. Россетти — представитель школы прерафаэлитов — течения в английской живописи середины девятнадцатого века, ставившего целью восстановление принципов искусства раннего Возрождения.

На второй стене цветная фотография — не то каньон Колорадо, не то долина Замков: потрясающей красоты горный провал, величественные горные вершины и причудливые скалы, хаос оранжевых, коричневых, алых, черных теней, а на одной из скал — фигурка альпиниста. Значит, комнату готовили именно для него. И готовили, судя по всему, англичане. Или для англичанина, каковым и является Джонатан Улисс, родившийся в Корнуолле более тридцати лет назад.

Улисс походил по комнате — три шага от двери до двери. Интересно, предусмотрено ли в здании кондиционирование в летнее время? Кондиционера не видно. Или у них кондиционирование централизованное? Похоже на то, вон и решетка в потолке — для поддува. Джонатан подставил руку: из отверстия, забранного мелкоячеистой сеткой, шел слабый ток холодного воздуха.

В углу вдруг свистнул телефон. Вероятнее всего, кто-то из администрации Пириня проверяет связь.

Но это был Гийом:

— Осмотрелся? Зайди, полюбуйся на мои апартаменты.

Улисс толкнул дверь каюты француза.

Ультрасовременная обстановка: мебель в стиле «мобайл», на потолке вентилятор, на стенах фотографии почти обнаженных красавиц — «пин ап»¹, как говорят англичане. Эта комната явно готовилась для любителя обнаженной натуры.

— Как тебе это нравится? — сказал Карсак, улыбаясь во весь рот. Он успел принять душ и вытирал влажные волосы бумажным полотенцем. — Я не ожидал, что у них здесь прямо-таки комфорт! — Он показал на фото красоток. — Узнали, подлецы, мое хобби. Что собираешься делать? Я, наверное, махну за вещами в отель. Надо было сразу сюда ехать, только время потеряли. А ты?

Улисс отрицательно качнул головой.

— Я, пожалуй, ночь пересплю в отеле, поищу своих старых знакомых, они должны были прибыть раньше, а утром перееду.

— Как знаешь. А я пойду поищу ту красотку, что сидела

¹ Пин ап (англ.) — фото красотки из журнала, приколотое к стене.

у директора. Интересно, она тоже археолог или из команды обслуживания?

Улисс покачал головой, поцокал языком и вышел, провожаемый смехом Гийома.

Посидев в своей каюте несколько минут, он вдруг с удивлением обнаружил, что тоже думает о женщине, прикидывая, кто она и откуда. Усмехнувшись, Джонатан встал и внимательно осмотрел свою каюту.

Туалетная, сверкающая пластиком под розовый мрамор, была чиста, зато в телефоне обнаружился «микро» — подслушивающий аппарат размером со спичечную головку. Радиус действия «микро» не превышал двадцати ярдов, поэтому приемник должен быть установлен где-то поблизости, в какой-то из кают или недалеко от здания. Кто же это такой любопытный? Неужели во всех комнатах установлены такие «жучки»? Или только в каюте альпиниста Улисса?

Джонатан осмотрел себя в зеркале и остался доволен: полуспортивный костюм — голубая рубашка с погончиками, синие шерстяные брюки, кроссовки — выгодно подчеркивал его фигуру. Неплохо. Пусть всем будет ясно, что идет спортсмен, в меру модный и недалекий, на лице которого написано презрение ко всем дохлякам и интеллигентным хлюпикам.

Вернувшись в отель — подвез фургон «Континенталь», перевозящий продукты для Пирина, — Улисс поужинал в ресторане и отправился по значным местам Пикаля, питаемым в основном приезжими туристами, с интересом разглядывая вывески магазинчиков и лавок, называемых в Паракасе «ки-куче». Их было много — в основном продуктовые и овощные лавки, заваленные фруктами, орехами, копченой рыбой, сушеным мясом, и антикварные, торгующие всякой всячиной от статуэток, «сделанных руками инков», до изделий из багасо — бумаги из трухи сахарного тростника или из тростника тоторы. Встречались пикантерии — закусовые, салуны, кинотеатров было два — «Ягуар» и «Кондор», в обоих шли американские фильмы.

Ради любопытства Улисс пару раз заглянул в бары, но обстановка в них была свойственная всем барам: толпа у стойки, пивные автоматы, дым коромыслом, в воздухе витали устойчивые запахи пива и рыбы.

Управление полиции располагалось на улице Кикуйо, где основными торговыми заведениями были газетные киоски и табачные лавки. Запахи в этом районе города плавали необычные: нагретого асфальта, йода и не то корицы, не то кожуры банана. Изредка на улицу, по которой ездили на велосипедах и очень редко на автомобилях, просачивались звуки музыки, смех, возгласы, приглушенный говор и странные щелчки, то одиночные, то сериями, похожие на далекие выстрелы. Заинтригованный Улисс «запеленговал» источник звуков и вышел к тиру.

Дверь тира, разрисованная системами оружия, открылась, выпуская группу хохочущих молодых людей в форме летчиков с нашивками эмблемы «Птичий глаз». По-видимому, корпорация прибрала к рукам все хозяйство Пикаля, некуда было глянуть, чтобы не наткнуться на ее всевидящий «глаз». Улисс поколебался немного и вошел.

У стойки с винтовками, пистолетами и автоматами «арвен-37» разговаривали двое: хозяин тира, лысый брюнет с бочкообразным туловищем, и пожилой негр в белом костюме. Третий посетитель, худой длинный хмурый парень, упорно всаживал пулю за пулей в противоположную стену помещения, изредка попадая в мишень.

Оба собеседника мельком посмотрели на Улисса, потом перестали разговаривать и молча уставились на него.

— Добрый вечер, — вежливо пробормотал Джонатан и, чтобы не показаться смешным, подошел к стойке с оружием.

Молодой человек продолжал стрелять из американской винтовки «М-14», ничего не видя и не слыша.

Улисс осмотрел богатый арсенал, из кучи пистолетов выбрал длиннорылый «магнум» с глушителем. Хозяин выдал ему две обоймы и показал мишени: фигурки экзотических зверей, горбоносые профили индейцев, автомашины, вертолеты.

Джонатан сделал пристрелочный выстрел, прикидывая отдачу, ход курка, твердость руки. Потом в три секунды расстрелял обойму, поразив семь мишеней. Лишь в одну мишень он не попал — не то рысь, не то леопард.

Нескладный стрелок рядом смотрел на Улисса открыв рот.

Джонатан, покачав рукой, определяя усилия для переноса пистолета, сделал еще одну мгновенную серию выстрелов, не промахнувшись на этот раз ни в одну мишень.

— Фаст дроу¹, — с уважением проговорил хозяин тира басом. — А вы, сеньор, стрелок экстракласса, такие к нам еще не забредали. Меня зовут Гарсиа, Гарсиа Перрейра. Вы приезжий? Куда — ясно, в П-сентре, а откуда?

— Италия, — сказал Улисс. — Но я англичанин, альпинист.

— О, монтанеро! Уважаю! Буду рад видеть вас у себя чаще, сеньор, вы хорошая реклама моему заведению.

Выйдя из тира, Улисс поздравил себя с удачей: завтра в Пирине все будут знать, что прибывший из Италии альпинист — хороший стрелок, а это не только реклама, но и предупреждение.

В ресторан отеля «Ривьера» Улисс добрался поздно вечером, так и не обнаружив слежки. Видимо, его решили на время оставить в покое, удовлетворившись прямолинейной проверкой «на прочность». Он был тем, за кого себя выдавал.

Ресторан был как ресторан, разве что размерами поскромнее обычных ресторанов Европы. Зал шестиугольной формы, на стенах панно: морские пейзажи с парусниками. В одном из углов на возвышении — музыкальный автомат и пианино, на котором розовощекий юнец в экстравагантном серебристом костюме исполнял что-то в стиле кантри.

Улисс насчитал тринадцать столиков, все были заняты. В центре зала танцевала под музыку всего одна пара. В воздухе витали приятные цветочные ароматы, с потолка тянуло прохладой.

Джонатан прошел к стойке, поздоровался с барменом, ознакомился с перечнем напитков и заказал «Кит-марк тоник» — коктейль из ананасового сока, нескольких капель ликера и долек лайма. Бармен мгновенно выполнил заказ и придвинул вазу с какими-то плодами, напоминавшими виноград, но крупнее.

— Попробуйте местных деликатесов, сеньор, это ягоды жаботикабы. Вы, очевидно, впервые у нас?

¹ Буквально: «быстрое вытаскивание», переводится как «чемпион по стрельбе» (англ.).

Улисс кивнул, не удивляясь прозорливости бармена, отдал синеватый, с глянцем плод, имеющий приятный винный привкус, как у мускатных сортов винограда.

— Ну как?

— Благодарю, превосходно.

Улисс еще раз оглядел зал и вдруг увидел француза Карска в незнакомой компании, центром внимания которой была давешняя красавица креолка из кабинета директора Пирина. Гийом, судя по всему, был в своем репертуаре, занимая место «души общества» и веселого рассказчика. Женщин в зале было немного, и на собеседницу француза посматривали из-за соседних столиков. Джонатан задержал на ней взгляд и чем больше рассматривал, тем больше убеждался, что девица, во-первых, бесспорно мила, во-вторых, чем-то похожа на известную американскую актрису Джоан Боулд, а в-третьих, не так проста, как хочет казаться. Что ж, ради любопытства можно и познакомиться.

Обогнув танцующих, Улисс подошел к сидящим за столиком, поздоровался и вместе с восклицанием Гийома «Вот и наш альпинист!» получил острый и оценивающий, совсем не женский взгляд креолки. Ого! Это взгляд мужчины, а не красивой девушки! Недаром она даже издали кажется независимой и производит впечатление сильной натуры.

— Знакомьтесь, — сказал Гийом. — Это Джонатан Улисс, альпинист и вообще хороший парень. Анхелика Форталеза¹.

— Понял.

Улисс осторожно пожал протянутую маленькую руку. На безымянном пальце девушки сверкнул дивной красоты золотой перстень с выпуклым изображением горбоносого индейского лица из матово-черного камня. Порфир, определил Улисс.

— Зовите меня просто Хели, — предложила девушка низким грудным контральто на отличном английском. Глаза у нее были большие, серые, лучистые, и не верилось, что она способна смотреть, как прицеливающийся стрелок.

— А меня можно просто Джо, — ответил Улисс ей в тон, стоически отражая прямой вызов ее взгляда.

Он сел, без удивления отметив, что его бородатый сосед,

¹ Крепость (исп.).

судя по внешности, скандинав, тоже не сводит с Анхелики взволнованных сверкающих глаз. «Красавец, — с иронией подумал Улисс, — хоть бы крошки выбрал из бороды. Неужели он тоже на что-то может претендовать? Да в его взгляде можно спокойно прочесть все, о чем он мечтает. Господи, я понимаю, что ты не можешь создавать всех умными и добрыми, но и дураков следовало бы делать поменьше, ибо это по крайней мере жестоко!...»

Гийом назвал всех компаньонов, среди которых оказался даже один русский (скандинав был норвежцем, звали его Сигурд Ингстад, русского — Алекс Рыбин), налил Улиссе бокал «Черного рыцаря». Тот пригубил вино и, продолжая незаметную для других дуэль взглядов с Анхеликой (черт возьми, она совсем не робка, эта куколка, и умеет держать себя в незнакомой компании!), пропустил вопрос француза мимо ушей.

— Готов! — сказал Гийом в наступившей тишине и засмеялся. — Хели, вы разите наповал! Джо, старина, очнись.

Джонатан улыбнулся, отпил глоток «Рыцаря» и поставил бокал.

— Не отрицаю, сражен. Но, мне кажется, из вас тоже никто не ожидал встретить в Пикале...

В глазах девушки сверкнул иронический блеск.

— Ну-ну?

— Венеру, — вывернулся Улисс.

Компания развеселилась.

— Мы тут беседуем о загадках долины, — сказал русский, полный дружеского сочувствия. — Анхелика — старожил Пируа-института и вообще Пикаля и знает много интересного.

Улисс поймал на себе неприязненный взгляд норвежца. Вероятно, Ингстад уже заподозрил в нем соперника, потому что в его взгляде ясно читались угроза и вызов. Спасибо за откровенность, сеньор Ингстад.

— Очень жаль, что не пришел раньше, — сказал Джонатан искренне. — Меня тоже волнуют загадки долины, в том числе главная — когда я получу гонорар. А если без шуток, то интересно, когда и откуда пришли в долину предки современных аборигенов. Насколько я информирован, культура пируа отличается, хотя и незначительно, от всех древнепаракасских культур викус, уари, окендо, чавин, а также тольтекской и инкской.

Рыбин засмеялся, а Гийом воскликнул с восхищением:

— Аппетит явно исследовательский, а не альпинистский! Просто диву даешься, откуда ты все это знаешь? Боюсь, друзья, Джо не ограничится покорением стен Тумху, его интерес уплыл в археологию и параканистику.

— Да, это загадка, — задумчиво проговорила Анхелика. — Культура индейцев пируа напоминает культуру клиф-двеллерс — жителей скальных городов, имеет много общего с культурой чавин, во всяком случае, найдены археологические памятники культуры с петроглифами в чавиноидном стиле, но в ней есть сходство и с азиатской традицией, особенно с древней японской культурой дзEMON. Но главное, что ее отличает от других, — тяга к золотым украшениям. В искусстве золотойковки, скани индейцы пируа, кажется, не имеют себе равных в Южной и Центральной Америке. Вернее, не имели. И немудрено: древние перуанцы открыли здесь богатейшие месторождения самородного золота и разрабатывали его в течение нескольких веков.

— Интересно! — искренне сказал Улисс.

— Еще бы. — Анхелика едва заметно усмехнулась. — Так вы альпинист? Любопытно.

— В настоящее время он мальчик, потерявший голову, — вставил Гийом и похлопал Улисса по спине. — Пройдет, Джо, голова тебе еще пригодится. Может быть, потанцуем? — Француз чувствовал, что инициатива ускользает от него, и сдаваться не хотел.

Анхелика покачала головой.

— Благодарю, сеньоры, мне пора. Очень рада была познакомиться. Надеюсь, Джонатану Улиссу удастся проложить дорогу в Пируа, к золоту.

Она встала, помахала рукой на прощание, отмела попытку Гийома проводить ее и пошла по залу к выходу. Вся компания молча смотрела, как она идет.

Форталеза была не просто красивой женщиной, она была вызывающе красивой, хотя и не переступала границ нон-ю¹ ни в одежде, ни в поведении, и редко кто из мужчин в зале не оглядывался ей вслед.

¹ Мешански претенциозный, не принятый в высшем обществе (англ.).

Не очень высокая, тонкая в талии. Волосы некрашенные, свои, светлым водопадом скрывают плечи. Одета в пушистое, обтягивающее и подчеркивающее достоинства фигуры платье. Улисс давно не видел у женщин такой походки: широкий, уверенный, твердый шаг, что при малом росте говорит о независимости и высоком уровне притязаний. И снова пришло ощущение, что он где-то видел эту женщину: смутное воспоминание чего-то связанного с кинофестивалем в Каннах... Кого она ему напоминает? В ней действительно есть что-то от американской актрисы Джоан Боулд или это причуды памяти?

Уже на пороге Анхелика оглянувшись, нашла Улисса глазами и ушла.

— Ну ты даешь! — с обидой сказал Гийом. — Пришел, увидел, победил! Не по-товарищески, Джо. Я первый сделал это археологическое открытие!

— Он же не виноват, что ты ростом не вышел, — заметил с мягкой улыбкой Рыбин. — Верно, Сигурд?

Норвежец что-то пробурчал в свой бокал.

— Как тебе удалось уговорить ее пойти в ресторан? — спросил Улисс. — Не ожидал встретить вас в городе.

— Гийом отбил ее у директора, — засмеялся русский. — Со свойственным ему нахальством он предложил ей все что имеет, лишь бы она пошла в ресторан, она согласилась, хотя вряд ли у Гийома есть что отдавать, кроме руки и сердца. Почему она согласилась, для меня тайна. Как и для Гийома, наверное. Она врач медсектора Пирина. Кстати, заметили у нее перстень? Найден в Некрополисе — городе мертвых в долине Пируа, так, кажется, его называют, Сигурд? Таких перстней археологи, первыми проникшие в долину и разбившиеся потом, отыскивали около десятка, и все абсолютно одинаковые.

— Перстень красивый и выглядит как новый. Интересно, сколько лет он пролежал в развалинах?

— А бог его ведает, — вздохнул приунывший Гийом. — Покопался бы в развалинах пару дней — сказал бы. Жаль, что долина закрыта для вертолетов, давно бы там были.

— А как же те парни-археологи туда прошли?

— На вертолете, с трудом нашли голую скалу, сели, но далеко от скалы пройти не удалось, покопались рядом в разва-

линах, похватали, что обнаружили, и назад. А когда возвращались, что-то случилось прямо на гребне Тумху: вертолет грохнулся. Трое вдребезги, четвертый до сих пор в больнице. Говорили, что с этим делом не все чисто, но конкретно никто ничего толком не знает. Ну что, останемся на ночь здесь, в отеле?

— А тебе охота тащиться пешком в Пирин?

Они допили, что оставалось в бокалах, и покинули полупустой ресторан.

Пикаль, улица Койлоритхи

Диггори Дайамонд, помощник президента американского филиала фирмы «Птичий глаз», был одновременно резидентом ЦРУ в Пикале, переехав туда из Шочипильи после открытия долины Пируа. Это открытие послужило причиной многих бед, свалившихся на голову резидента, и главной из них было то, что в долине Пируа уже три года работала тайная биологическая лаборатория международной наркомафии «Демииург», материал для которой не надо было искать на стороне — в долине обитало племя индейцев пируа, боковой ветви некогда могучей индейской цивилизации чиму. Теперь, после открытия и связанного с ним археологического ажиотажа, резко возросла опасность рассекречивания лаборатории, что усугубилось еще и преступным самоуправством ее заведующего Эриха Копмана, немца по национальности, опьяненного кажущейся неуязвимостью и вседозволенностью: в августе команда «ангелов» лаборатории без санкции сверху захватила комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино, археолога Хонтехоса и священника Фелипе Овехуно, и Копман проделал над ними опыты. В конце концов все трое через неделю, оправившись от лекарств, совершили побег из лаборатории, преодолели горную стену Тумху — без снаряжения и альпинистских навыков! — и, если бы не меры, предпринятые Дайамондом, дело закончилось бы весьма печально, хотя утечка информации все же имела место.

Конечно, и без этих эксцессов резиденту было ясно, что дни работы лаборатории в Пируа сочтены, однако все его

усилия были направлены на то, чтобы затормозить процесс изучения долины, и в течение последних полутора лет это вполне удавалось: пока строили исследовательский центр, пока создавали фонд помощи экспедиции, уточняли ее состав, изучали подходы к долине сверху и снизу. Дайамонд мог быть доволен, он многое сделал для пользы дела, задержав начало работы Пирина на целых полтора года, но шефы в Лэнгли, а также «отцы» Дела, продолжали настаивать: сделайте все возможное, чтобы задержать экспедицию еще на год, — совершенно не учитывая создавшейся ситуации.

Долина оказалась истинным раем для археологов-параканистов и этнографов, она была буквально напичкана остатками сооружений древней цивилизации пируа. Здесь были и маунды — конические курганы с погребениями, и скальные города в пещерах, вырубленных искусственно, и культовые сооружения вроде храмов и кива — святилищ круглой формы, и остатки пуэбло — «сотовых» городов на расчищенных некогда от сельвы плоских холмах, и Некрополис — город мертвых, общий на всю долину, и пирамиды, и водопровод, и даже своеобразная «китайская стена» длиной в пятнадцать миль, почти перегородившая долину на две неравные части.

Кроме того, в долине жило племя индейцев-пигмеев, разводившее лам и альпак — родственных ламам животных, славившихся красивой шерстью. Индейцы пируа селились в основном в тех местах, где были расположены некогда культурные и религиозные центры пракультуры пируа, словно современные пируа остались хранителями секретов и тайн исчезнувшей цивилизации. Их примитивные поселения прятались в сельве рядом с реликтовыми лепидодендровыми рощами, ставшими одним из предметов поклонения и табу. Но для «джентльменов» из «конторы» долина стала еще и источником колоссального дохода: прекрасно сохранившиеся реликвии доиндейской культуры, контрабандно вывезенные из Пируа, продавались «любителям древнего искусства» за бешеные суммы, и допустить, чтобы этот источник иссяк, они не могли, пойдя на сотрудничество с мафией.

Дайамонд знал эти обстоятельства, ему кое-что тоже перепадало с общего стола, вернее, с двух «столов», но работать ему становилось все трудней и трудней, а возможности оста-

вались прежними, возможности большие, подкрепленные спецтехникой и прекрасной агентурой, но не безграничные, как признался сам себе резидент, отбросив обычную американскую амбициозность. Судя по донесениям агентов, роль хозяина обстоятельств уплывала из рук Дайамонда неизвестно в чьи руки, и никто пока не мог ему сказать, как долго будет длиться этот процесс и когда закончится. Правда, опыт работы в Перу, Колумбии и Боливии у Диггори Дайамонда был большой и позволял надеяться, что он вовремя учует запах жареного...

Позавтракав в одиночестве и просмотрев утренние газеты, доставленные из столицы, Дайамонд, рослый, тяжелолицый, с шапкой выгоревших волос, падавших на широкий лоб, поднялся в рабочий кабинет. А через четверть часа к нему заявился тот, кого он с нетерпением ждал уже вторую неделю: голландец Леон ван Хов, член европейского филиала «конторы». Ван Хов был невысок, с виду грузен и неуклюж, с припухшими веками и почти безгубым ртом. Ему шел сорок восьмой год, однако по физическим кондициям он не уступал хорошо тренированному «зеленому берету». Правда, об этом знал только его непосредственный руководитель.

— Хэлло, Дигги, — приветствовал он Дайамонда.

— Наконец-то, — буркнул тот, вставая и протягивая руку. — Я жду тебя десять дней, мог хотя бы позвонить.

— Из Европы дозвониться в эту глушь сложнее, чем наоборот, да и не было особой нужды. А у вас тут не так жарко, как я себе представлял.

— Весна — не лето. Садись. Виски?

— Ни в коем случае, что-нибудь безалкогольное и похолодней. Какого дьявола надо было прятать лабораторию так далеко? Что, в Центральной Америке уже нет места?

Дайамонд налил в бокал испли — напиток местного производства — и бросил в него два кубика льда.

— Это долгая история. К тому же не мы первые вышли на Копмана.

Ван Хов отпил глоток, зажмурился, потряс головой.

— Ничего подобного прежде не пил! Сок?

— Нет, напиток, индейцы называют его испли и делают из хлеба.

— Из хлеба? У русских есть напиток квас, тоже делается из хлеба, но вкус у него другой, я пил. Расскажи все же, как вас сюда угораздило?

— Если коротко, то дело было так. Друг нынешнего босса Дела биохимик Дортман в поисках «эликсира бессмертия» — был у него такой бзик — путешествовал по Южной Америке и забрел в Пикаль. Как он нашел путь в долину — одному богу известно, но факт остается фактом: он пробрался в долину Пируа и обнаружил там реликтовую древовидную траву в три метра высотой, сок которой оказывал на местных индейцев-пигмеев усыпляюще-одурманивающее действие. Биохимик привез сок в Европу и показал боссу, то есть Копману, который тогда боссом, естественно, еще не был. А тот в это время искал препарат, снимающий шоковое состояние у пациентов после операции с «молчащими» генами. Копман ради любопытства сделал биохимический анализ сока и, хотя тот претерпел изменения после транспортировки, нашел формулу алкалоида, практически удовлетворяющего всем заданным параметрам. Так Копман оказался здесь... где его нашли «отцы» местной мафии, переросшей впоследствии в международную организацию...

— Филиалом которой подвизается теперь «Птичий глаз», — подхватил ван Хов. — Но ведь сок можно добывать в долине и везти куда угодно.

— К сожалению, его свойства исчезают спустя сутки после вытяжки. Ну, а когда на лабораторию вышли мы, психофармаколог и биохимик Копман стал сверхсекретной персоной, а я — его ангелом-хранителем. Удовлетворен?

— Вполне. Но к делу. Против нас начала работать СИУ.

Даймонд изменился в лице.

— «Чистилище»? Не Интерпол, точно?

— Интерпол не занимается политикой, он только навел СИУ на нас по контрабанде.

— Кто-то засветил Паракас? И почему именно Паракас? Утечка индейских раритетов может происходить и в Перу, и в Колумбии...

— Только в Паракасе остались следы цивилизации уари и чиму, и только в Паракасе открыта долина Пируа.

— Значит, погорел кто-то в Штатах. — Даймонд помрач-

нел. — Да, СИУ — серьезная фирма. — Он вдруг не удержался и, не меняя мрачного выражения лица, хохотнул. — Надо же, какая ирония судьбы: против ЦРУ начинает работать СИУ! Хотя я привык называть ее «Чистилищем». Придется привлечь весь компьютерный арсенал «конторы», а может быть, и Агентства¹, чтобы сбить их со следа.

Резидент ЦРУ хмурился не зря. За аббревиатурой СИУ скрывалось название международной организации по борьбе с организованной преступностью, пресечению деятельности наркомафии и тайных лабораторий, экспериментирующих на людях, — «Клин ап»², хотя профессионалы контрразведки США и стран интерблока привыкли больше к названию «Чистилище». Это была частная организация, имеющая глубоко законспирированную структуру и орган управления. За ней уже числился ряд достаточно крупных разоблачений, и не учитывать ее потенциал и возможности было бы по крайней мере недальновидно.

— Кто конкретно занимается в «Чистилище» Паракасом?

— Достоверно известен только один человек — Стэнли Миллер, начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку. В Паракас прибыл как квартирнер экспедиции в долину.

— Я знаю.

— Мы подозреваем еще нескольких человек, главные претенденты из них — Косински, начальник экспедиции, и приглашенные альпинисты: Неран, Торвилл и Улисс. Последнего мы проверяли на профпригодность, и, хотя дерется и стреляет он хорошо, как и положено инструктору спецшколы, все же сомнения относительно его реноме не рассеялись. Он является членом «Британского клуба Кирка», или «Клуба опасного спорта», основанного Дэвом Кирком еще в семьдесят девятом году. Эти горе-спортсмены специализируются на разного рода опасных трюках типа коррид на роликовых досках, спуска с гор на инвалидных колясках, прыжков с мостов

¹ Имеется в виду Агентство национальной безопасности США.

² К л и н а п (*англ.*) — очищение территории от нежелательных элементов.

и небоскребов, а однажды прыгнули в Ниагарский водопад на автобусе, переоборудованном в амфибию.

— Психи! Чем же отличился наш друг?

— Улисс спустился в кратер Кракатау во время извержения и участвовал в спуске с Альп на глыбе льда. Было это более двенадцати лет назад. Потом он совершил немало подобных «подвигов», пока не остепенился.

— Рисковый малый. Или совсем дурак, или...

— Вернее всего, второе «или»: это его стихия. Ну все, я пошел. Будем работать вместе, один ты не справишься.

— Всегда предпочитал работать в одиночку, но, видимо, придется менять стиль. Приходить ко мне домой и в контору больше не надо, будем держать связь по радио, встречаться же только в исключительных случаях. Против нас работают не дилетанты.

— О'кей. Передай по линии, что я прибыл. До связи, адмирал. Удачи нам всем!

Ван Хов пожал протянутую руку и вышел, демонстрируя походку старого моряка, готовый на все: на улыбку в лицо и выстрел в спину.

Пикаль,

Пируа-институт (Пирин)

Три дня подряд Джонатан Улисс вместе с Нераном, Торвиллом и двумя проводниками-индейцами из местных жителей изучал подходы к стене Тумху, вовлекая в поиск удобной и безопасной тропы многих специалистов Пирина, в том числе и сотрудников «Птичьего глаза». Им удалось пройти вдоль всей двадцатитрехмильной стены и определить места наиболее удобных и безопасных с виду подъемов, расположенных вблизи дорог или индейских троп. Оставалось только подготовить снаряжение и наметить сроки штурма, хотя сам Улисс мог бы пройти все маршруты в одиночку за два-три дня. Однако торопиться ему было некуда, у него совсем другие задачи.

Все это время он продолжал думать о сеньорите Фортале-за, удивляясь, почему его потянуло к этой редкой, если честно признаться, красивой девушке.

Вернувшись в Пирин после обеда и дружески распрощавшись с Торвиллом, с которым он быстро нашел общий язык, Улисс принял душ и решил поближе познакомиться с экспертами-археологами Сигурдом Ингстадом и Алексом Рыбиным. Однако для знакомства необходим был повод, и Джонатан с полчаса просидел в своей каюте, придумывая этот повод. Ничего не придумав, он вспомнил о «микрошпионе», вмонтированном в телефон, и решил отыскать хозяина, заинтересованного в темах его телефонных переговоров. Но в какой же каюте он обитает? Слева каюта русского, в следующей живут женщины, справа каюта норвежца, еще дальше какого-то голландца. Напротив — Гийома... Стоп! Микрофоны наверняка внедрены у всех членов экспедиционного отряда, и по логике аппаратура приема и записи разговоров должна находиться в одном месте, а именно — этажом ниже или выше. Причем каюта с аппаратурой должна располагаться точно по центру круга прослушиваемых кают. Итак, что у нас внизу? Кажется, подвал.

Улисс достал отпечатанный типографским способом рекламный буклет Пирина, нашел описание здания. Этажом ниже и в самом деле располагался полуподвал, в котором разместился бытовой сектор, а выше оказался административный горизонт с двадцатью четыремя кабинетами и археологическими лабораториями.

Определив предполагаемый центр, где должна была находиться радиоаппаратура приема, Улисс поднялся на этаж выше и прошелся по коридору, овеваемому прохладным воздухом с запахом миндаля. Над своей каютой он обнаружил каюту с табличкой: «Старший администратор». Вспомнился молодой человек по имени Леннард. Вот даже как? Игра в открытую? Старшему администратору, как никому из обслуживающего персонала, легко определить прибывающих специалистов в любое удобное место... чтобы всегда быть в курсе их открытий. М-да...

Джонатан задумчиво прошелся по коридору, почти пустынному в этот час, миновал каюту Леннарда, подумав, что не стоит торчать здесь долго: кому-нибудь покажется подозрительным, что альпинист Улисс бродит в рабочее время по горизонту хозяйственных служб. На перекрестке коридоров

он оглянулся и не поверил глазам: дверь каюты старшего администратора открылась и выпустила... Анхелику! Сеньору Форталеза! Не оглядываясь, она быстро пошла прочь, одетая в серый комбинезон санитарной службы, и скрылась на площадке эскалатора.

Улисс постоял с минуту, глядя ей вслед, и побрел по коридорам, насвистывая марш гарибальдийцев, пока не уперся в тупик с дверью на балкон. Подергал ручку — заперта. Спокойно, сказал он сам себе. Может быть, старший администратор Леннард вызвал врача Анхелику Форталеза, чтобы посоветоваться с ней о мерах по улучшению санитарного состояния столовых Пирина. Может, она каждый день докладывает ему о здоровье персонала... или делает ему массаж...

Улисс улыбнулся. Поднявшись на самый верхний этаж здания, он обнаружил там выход на крышу и, не задумываясь, шагнул на лестницу. И на первой же лежанке солярия увидел Анхелику. Лишь тренировка на сдержанность помогла ему удержаться от возгласа удивления: всего три минуты назад Джонатан видел врача в комбинезоне, выходящей из каюты Леннарда. Когда же она успела надеть шорты, верхнюю часть купальника-бикини и лечь на крыше загорать?

Альпинист бесшумно подкрался к девушке и сел на краешек лежанки. Она открыла глаза, посмотрела внимательно и снова закрыла их.

— Это вы, монтанеро? Или сон?

Улисс засмеялся.

— Это моя тень.

Он нагнулся и легонько коснулся ее губ своими.

— Для тени вы слишком материальны, — сказала она без возмущения.

И тогда Улисс поцеловал ее по-настоящему; ударила в голову хмельная волна влечения и понесла в жаркую бездну закрытых глаз и медленный полет сквозь тяжелое биение сердца... Потом Анхелика уперлась в грудь Джонатана рукой и сбросила ноги с теплой лежанки, глядя на него потемневшими, глубокими глазами, перевела дыхание.

— Не кажется ли вам, сеньор, что вы слишком спешите?

— Я так живу, — беззаботно ответил Улисс. — Сегодня вечером вы снова поедете в город?

— Не знаю, я не всегда бываю свободна.

— Вот кто свободен. — Улисс показал на черную точку в небе, где под солнцем парил кондор. — Летит, куда хочет, занят только личными делами, и плевать ему на тех, кто внизу.

— Вы тоже так хотите?

— Летать? О да.

— Нет, плюнуть на тех, кто внизу.

Улисс с интересом посмотрел на девушку, она рассмеялась и встала.

— Ну как, вы нашли удобные для штурма Тумху места?

— Я могу взойти на стену в любой точке... и без снаряжения. Но экспедиции этот метод не подходит.

— Сеньор, вы обыкновенный бахвал!

Улисс пожал плечами.

— Ничуть, я просто последователь Тернера, основателя «Клуба свободного соло». Слышали?

— Нет, а кто это?

— Альпинист, хороший парень. Покорил в одиночку чуть ли не все безнадежники, и не только в Европе, но и в Гималаях, Андах, на Памире, и опять же — без снаряжения.

— Что такое безнадежники?

— Участки отвесных и наклонных стен, подъем по которым считается практически невозможным. А место я нашел отличное, завтра пройдем пробный маршрут, через пару дней основной, а потом сделаем подъемник — нечто вроде подвесной дороги. Я думал, работа будет посложней. Кстати, интересная деталь: ночи здесь гораздо прохладнее, чем в обычных тропиках. Я был в сельве Амазонки, в джунглях Миссисипи, в римбе Мадагаскара, в Африке — никакого сравнения! Хотите прогуляться пешком? Погода превосходная.

Анхелика задумчиво посмотрела вниз.

— Здесь водятся ягуары. Да и змей достаточно.

— Вы боитесь?

— Нет, просто хорошо знаю эти места. Из-за строительства местная живность, конечно, потерпела изрядный урон, однако сейчас все постепенно приходит в норму. Экспедиция пока работает в комфортных условиях; в долине, если мы туда в конце концов попадем, будет несравненно сложнее.

— Сомневаетесь, что мы пробьем туда дорогу?

— Дело не в дороге.

Улисс подождал продолжения, но его не последовало.

— Тогда объясните, почему женщина с такими внешними данными сидит где-то у черта на куличках вместо того, чтобы участвовать в конкурсе «Мисс Америка»?

Девушка рассмеялась, хотя Джонатану почудились в этом смехе искусственные нотки.

— Это долгая история, когда-нибудь я вам ее расскажу... если докажете, что достойны рассказа. Но вы не сказали, где же все-таки место, откуда вы собираетесь штурмовать Тумху?

— Всего в двенадцати милях отсюда, возле развалин странных башен: вверху они шире, чем внизу, и сделаны из хорошо пригнанных отесанных глыб. В каждой по одному окну, похожему на поддувало.

— Это «Чульпы» Сильюстани. — Анхелика казалась удивленной. — Многие считают их своеобразными могильниками, но истинный смысл постройки башен пока скрыт от взора.

— Там еще недалеко вход в пещеру...

— Уткупишго практически не исследована, но в долину по ней не пройти, пробовали. Индейцы, местные жители, говорят, что пещера уходит глубоко в «чрево земли». Кстати, именно там нашли...

— Что?

— Так, пустяки.

«Останки вертолета, — мысленно добавил Улисс, — с теми беднягами, которые совершили настоящий подвиг, проникнув в долину по воздуху. Интересно, они еще на месте или убраны? Имеется в виду — останки. Посмотреть бы поблизи...» Он медленно обнял Анхелику за плечи и притянул к себе. Цвет глаз девушки странным образом менялся: то светлел, то темнел, словно внутри загорался и гас огонь.

— Монтанеро, «штурм унд дранг» вам не к лицу, — прошептала она.

Они поцеловались. И еще раз... и еще...

В седьмом часу вечера Анхелика выскользнула из его объятий — на крыше так никто и не появился — и поправила волосы.

— Хватит, — строго сказала она вспухшими губами. — Вы изрядный наглец, сеньор альпинист, совсем вскружили голову бедной девушке. Это может сильно сказаться на здоровье...

— На чем?

— На вашем, сеньор Улисс, на вашем. У меня есть весьма ревнивые поклонники...

— Мистер Леннард, например.

Быстрый взгляд в упор и тут же смущенная улыбка, скрывшая мелькнувшую в глазах растерянность... или настороженность.

— Вы наблюдательны, монтанеро, хотя не помню, чтобы я... Впрочем, это неважно. У вас могут быть неприятности, учтите.

— Я не боюсь. — Улисс напряг руку и ударом пальца пробил жестяной желоб для стока воды.

Анхелика улыбнулась, покачала головой, нахмурилась и подала руку.

— Сегодня мы уже не встретимся, я еду в Пикаль... по делу. Но хочу дать совет: будьте осторожнее в выборе друзей.

— Спасибо за совет, обычно я осторожен. Может быть, я смогу быть полезен в Пикале?

— В качестве любовника? — В голосе Анхелики прозвучал сарказм, который она не пыталась скрыть. — Я очень не люблю надоедливых... — Она подыскивала слово.

— Самцов, — подсказал Улисс. — Постараюсь быть разумнее.

Девушка хмыкнула, взъерошила волосы на голове альпиниста и пошла к лестнице. Оглянулась.

— До завтра, монтанеро.

— Меня зовут Джонатан.

— По имени я называю только друзей. Не обижайтесь. Буэнас ночес.

Улисс не сдвинулся с места, пока девушка не скрылась в будке люка. Тогда он сел на ближайшую лежанку и сказал вслух:

— Черт меня побери!

В душе он добавил кое-что похлеще и был прав, потому что понял: его ловко заставили играть по чужим правилам, а он сообразил это лишь теперь. Анхелика не сказала ничего, а монтанеро Улисс уже выдал имя: Леннард. Впрочем, вышло это по наитию, неосознанно, и кто знает, так ли уж не вовремя. Девочка, несомненно, умна и умеет вести себя в любой

ситуации. А поцелуй... Ничто человеческое нам не чуждо, сеньор Улисс, к тому же это весьма приятно, чего скрывать. Если бы еще не это дурацкое ощущение былой близости... знакомые интонации, лукавые нотки... Откуда это? Он же ее никогда не встречал...

Спустившись к себе, Улисс достал карту окрестностей Пикаля и принялся внимательно ее изучать.

ШОТИМТЬЯ

Миллер заметил слежку в двенадцатом часу дня, когда выходил из Института археологических исследований Паракаса. Вернее, он заметил ее раньше, еще утром, но не придал значения серому «Плимуту», сопровождавшему его машину до Музея инквизиции. Интуиция сработала, когда он увидел «Плимут» в третий раз, у выезда на автостраду.

Миллер сделал вид, что забыл нечто важное, вернулся на стоянку и припарковал машину, искоса посмотрел в конец паркинга — «Плимут» не двигался с места, в его кабине сидели четверо, но разглядеть лица было невозможно.

Стэнли закрыл машину и озабоченно поспешил к главному входу в институт. Поднявшись на третий этаж, зашел в кабинет заместителя директора по организационным вопросам, с которым расстался полчаса назад.

— Хорошо, что ты не ушел, Евджен. У тебя есть парень, умеющий фотографировать и держать язык за зубами?

Эугенио Моравес пригладил пышные черные как смоль усы.

— Столь редкостные качества в наше время дефицит. Что случилось? Почему ты вернулся?

— Кажется, мне прицепили «хвост» — серый «Плимут» на стоянке у левого крыла здания. Надо найти способ подойти ближе и сфотографировать пассажиров, но незаметно.

Моравес не удивился ни жаргону, ни предположению, потому что был одним из немногих местных жителей, ставших агентами «Чистилища», внедренными в Паракасе в одну из самых «горячих точек» — Институт археологии.

— Ты уверен? Ведь если это так, ты засвечен и операция провалилась.

— Не волнуйся, я в своем уме, а о провале операции говорить рано. Действуй, у меня мало времени.

— Тогда жди в библиотеке, ее окна выходят на стоянку.

Миллер поднялся на этаж выше, нашел столик у окна, разложил газеты и сделал вид, что читает, наблюдая за машинами внизу.

Через несколько минут на стоянке появилась высокая блондинка в брюках с громадной белой матерчатой сумкой. Она нерешительно оглядела машины и подошла к «Плимуту», наклонилась к боковой дверце. Та открылась. Блондинка что-то спросила, водитель в темных очках отрицательно покачал головой, дверца захлопнулась. Девушка отошла и тут же села в кремовый «Фиат», уехала.

«Молодец!» — подумал Миллер, сообразив, что девушка отвлекала пассажиров «Плимута», пока фотограф откуда-то снимал машину.

Больше ничего не происходило. Подождав четверть часа, Миллер вернулся в кабинет Моравеса. В кабинете, кроме хозяина, никого не было, но на столе лежал роскошный «Фуршля комб-люкс» с пленкой мгновенной обработки.

— Готово, — сказал замдиректора, вскрывая фотоаппарат с чуть ли не полуметровой трубой длиннофокусного объектива. — Десять снимков. Хватит?

Миллер, восхищенный виртуозной работой, взял готовые фотографии, быстро просмотрел.

В кабине «Плимута» сидели трое в одинаковых костюмах с галстуками. Один курил, другой держал в руках прибор, напоминающий бинокль. Лицо водителя в очках показалось Миллеру знакомым, но в этом надо было разбираться в спокойной обстановке.

— Спасибо! — пожал он руку Моравесу. — Профессиональная работа. Девушка с сумкой — твоя выдумка?

Паракасец молча пожал плечами.

— Ну спасибо, старина. До встречи.

— Смотри, не лезь на рожон, как говорят русские. Звони, если понадобится моя помощь.

Миллер вышел из здания института, сел в «Лянчию», взяв тую напрокат, и направился в центр города. Оставив машину у муниципалитетского дворца и пройдя его насквозь, он вы-

шел с другой стороны на улицу Уанкавелика, убедился, что его никто не преследует, и ровно в три часа вошел в здание штаб-квартиры службы безопасности, где его ждал сотрудник по связи Сегуридад с Интерполом. Сотрудник был молод, смугл от природы и хладнокровен и носил звучное индейское имя Кольор¹. Его кабинет поражал посетителей внутренним интерьером в стиле «модерн». Неискушенный посетитель, каковым и был Миллер, не сразу нашел бы стол хозяина среди «космических колонн», скульптур «мобайл», всякого рода витрин, полированных плоскостей и ниш.

— Проходите, — вышел из-за одной из блестящих, металлических на вид плоскостей хозяин кабинета, с улыбкой кивнул на скульптуры. — Дань футуризму моего начальника. Но я привык. Садитесь. В этом кабинете я почти не работаю, и служит он для приема важных гостей. О вашем приезде я извещен.

— К сожалению, я заметил слежку, — сказал Миллер. — Меня начали «пасти» по крайней мере вчера, но сегодня удалось определиться точно. Мне повезло сфотографировать наблюдателей. Никого из этих ребят я раньше не встречал.

Начальник отделения «Эол» подал фотографии Кольору. Тот несколько минут рассматривал снимки, потом отложил и посмотрел на Миллера.

— Одного из них я знаю, он связан с местными карни-коро². Остальных попробуем идентифицировать по картотеке в центральной Геренции³. Слежка — это и плохо, и хорошо. — Сотрудник службы безопасности говорил, кивая в такт словам, как бы вбивая их в стол. — Хорошо тем, что неизвестный руководитель известной нам «конторы» наконец проявил себя, недооценивая, видимо, ваш опыт и профессионализм. Плохо тем, что «контора» и Дело вышли-таки на вас, а ведь вы начальник отделения, и знают об этом единицы. Значит, у вас в центре есть...

Миллер расстроено покачал головой.

¹ Кольор — в переводе с кечуа «звезда».

² Карни-коро — мясник, в смысле — убийца (*исп.*).

³ Геренция — полицейское управление.

— Я пришел к такому же выводу. Но зато этот факт дает возможность вычислить их связника.

— Каким образом?

— О том, что я связан с «Чистилищем», знали трое, ими займются коллеги в Стокгольме, а вот весть об этом мог принести сюда, в Паракас, только европеец. Давайте проанализируем всех приехавших три-четыре дня назад в Шочипилью иностранцев и выясним, кто из них конкретно интересуется Пикалем и экспедицией в долину Пируа.

— Это можно сделать за один день, данные о прибывших иностранцах хранятся в памяти компьютера в Геренции, а доступ к нему можно получить у комиссара, не объясняя цели. Я сделаю. Давайте договоримся о связи. И, пожалуйста, будьте осторожнее, правил у нашей игры не существует, особенно у профи «конторы».

— Постараюсь, — скупой улыбнулся Миллер и достал из-под мышки пистолет.

Хозяин оценивающе прищурил глаз.

— Универсал, модель «лама-рапид», калибр 6-35, двенадцать выстрелов, в том числе стреляет ампулами с ядом и слезоточивыми капсулами. Неплохо. И все же это не гарантия безопасности. Прикрытие у вас есть?

— Не гарантия, знаю, но я редко расслабляюсь. — Миллер пропустил вопрос о прикрытии мимо ушей. — Что у вас?

— Не так много, как хотелось бы: данные по контингенту «Птичьего глаза» в Пикале, информация по расследованию аварии на аэродроме. Отдача пока мизерная, но мы не можем работать в открытую — вспугнем всю стаю. Во всем этом деле с аварией есть один довольно интересный факт — наличие индейца в кабине потерпевшего катастрофу вертолета, явно принадлежащего одной из тайных баз. Вероятно, он был захвачен — имеется в виду индеец — с какой-то определенной целью, но сумел освободиться и вступить в схватку с пилотами.

— Меня больше интересует, кто был пилотом вертолета и куда ведет этот след. На территорию Паракаса? В Боливию?

Кольор достал из бара, замаскированного под книжную полку, шейкер с колотым льдом, бутылку виски и сифон с содовой.

— Вам в какой пропорции?

— Один к трем. — Миллер понаблюдал за действиями хозяина и не выдержал: — А выучка у вас не местная, штатовская.

Кольор соорудил коктейли, спокойно посмотрел на гостя.

— Я учился в Штатах пять лет, привычки остались. Но это не значит, что я подражаю гринго, просто цивилизация стучится и в наши двери. Коллега, вы не сказали о прикрытии. Если оно есть, мы будем действовать иначе, если нет...

— Считайте, что нет, — сказал Миллер уклончиво. — В Пирине я буду один, еще двое — на связи в Пикале и двое здесь, в столице.

Молодой человек пожал плечами, допил коктейль и поставил бокал на книжную полку.

— Что ж, у каждого свои методы. Мне приказано оказать вам всестороннюю помощь, и я ее окажу. У нас есть дополнительная информация по делу. После вашего сигнала мы подтянули к границе наблюдателей, но толку получили мало: днем горы молчат, а ночью перекрыть стену Тумху нечем, нужны не просто человеческие глаза, нужна техника. А ее у нас пока нет. Министерство обороны пообещало, но едва ли нужная техника появится скоро.

— Нужны радары, приборы ночного видения, инфракрасная, лазерные дальномеры, многодиапазонные радиации с устройствами предохранительно-охранной сигнализации.

— Да, мы разобрались и сами. Тем не менее и без техники удалось получить косвенные доказательства того, что лаборатория «Демиург», как вы ее назвали, находится именно в долине Пируа. Ей просто негде быть, кроме долины, потому что в окрестностях Пикаля, которые проверены нами досконально, нет ни одного намека на присутствие тайной биологической лаборатории. Те трагические случаи, имевшие место в Пикале и Шочипилье, произошли после того, как была открыта долина и началось строительство археологического исследовательского института — Пирина. Но это известно и вам. А вот то, что неизвестно.

Кольор достал пачку цветных и черно-белых фотографий. Все они изображали склон горы, сельву, подковой опоясывающую большой незаросший участок и на нем металлические обломки какой-то машины.

— Это остатки вертолета, на котором трое смельчаков-археологов и пилот побывали в Пируа, нам его показали крепостяне.

По характеру обломков ясно, что вертолет сбит ракетой из переносного ракетного комплекса типа американского «стингера» или французского «мистраля». К сожалению, до нас возле вертолета побывали те, кому надо было убрать следы, и обломки ракеты мы не нашли. Остается сам факт: кто-то очень сильно не хочет, чтобы мы проникли в долину, и всеми силами стремится оттянуть начало работы экспедиции.

Миллер посмотрел фото и вернул хозяину.

— И на том спасибо. У вас есть сведения о помощнике президента фирмы «Птичий глаз» Диггори Дайамонде?

Кольор улыбнулся.

— Нам не зря платят деньги. Он резидент ЦРУ в Паракасе. Но подступов к нему нет, работает исключительно чисто.

— А что вы знаете о работе лаборатории «Пачакамак» в Тиллибо?

— Но ведь это, насколько я знаю, сельскохозяйственная лаборатория, — с удивлением сказал сотрудник Сегуридад. — Работает по контракту совместно с немецкой фирмой «Бонге».

— Значит, ничего. — Миллер достал конверт. — Здесь кое-какие материалы о работе этой «сельскохозяйственной» лаборатории на территории вашей страны. Судя по всему, «Пачакамак» работает под контролем Центра биологических исследований армии США в Форт-Детрике. Возможен вариант ее связи с лабораторией «Демиург» в Пикале.

— В Пируа, — машинально поправил Кольор. Он был поражен услышанным, но владел собой хорошо.

Они договорились о способах связи, и Миллер покинул резиденцию службы безопасности. Тем же способом он вернулся к машине, бегло отметив присутствие за колонной Сан-Мартина серого автомобиля наблюдателей. В голове вдруг снова вспыхнул вопрос: кто? Кто из пяти членов Исполкома СИУ — «глаз» ЦРУ?

Информ-координатор Драган Милич? Тридцать девять лет, холост, всегда ровен и дружелюбен, но без подобострастия. Безусловно умен, умеет ждать и доводить дело до конца. За спиной опыт работы в Интерполе.

Вильям Купер, негр, пятьдесят восемь лет, обстоятелен, молчалив, строго придерживается распорядка дня, отец пяти-рых детей, двое из которых погибли в Неваде во время одного из подземных ядерных испытаний.

Мегнад Джагадис Санпур, индеец, восемьдесят три года, маловосприимчив к одобрению и порицанию, терпелив, сдержан, опытен, глава большого семейства; жена погибла во время взрыва на химическом заводе.

Ксавье Октабио да Вильегас, испанец, сорок пять лет, красив, жизнерадостен, иногда поспешен в решениях, энергичен, деловит, смел, удачлив.

Хенрик Соренсен, швед, самый молодой из членов Исполкома — двадцать восемь лет. По фигуре — богатырь из скандинавских саг, по характеру тоже — снисходителен, незлопамятен, медленно переключается с одного дела на другое, зато способен в поисках истины пробить кулаком горный хребет...

Миллер вздохнул. Ни одной зацепки ни к одному из членов Исполкома «Чистилища» он не имел. Все они работали в организации не первый год и знали свое дело отлично. Тем не менее осведомитель ЦРУ должен быть их уровня: в СИУ только они, председатель Исполкома Кемпер и директор — организатор работы отделов Лигейра, знали, что Стэнли Миллер — начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку.

Пикаль

Утром Улисса вместе с Торвиллом и Нераном пригласили в медпункт Пирина для профилактической проверки самочувствия. Для альпинистов этот неучтенный медицинский контроль оказался неожиданным, но, как им объяснили, вызван он был «необходимостью уточнения пределов работоспособности в условиях высокогорья».

— Ну, коли надо, значит, надо, — сказал Неран. — Хотя тот, кто отдавал распоряжения, либо чиновник-формалист, либо дурак. Мы всю жизнь проводим в условиях высокогорья и чувствуем себя прекрасно.

Перебрасываясь шутками, все трое перешагнули порог медпункта с табличкой «Пункт врачебного обследования» и

очутились в небольшом помещении вроде тамбура с двумя, кроме входной, дверями и застекленным окошечком со шелью под ним. Над левой дверью висело табло, у правой стояли весы.

— Джонатан Улисс, — раздался женский голос из скрытого динамика, одновременно на табло зажглась надпись «Войдите».

Улисс помахал товарищам и шагнул в дверь из толстого голубого пластика.

За дверью его ждал уютный кабинет с ультрасовременной пенополиуретановой мебелью. В углу стол, стойка картотеки, рядом какая-то установка с пультом, сверкающая хромированными поверхностями.

За столом сидел молодой человек в очках с редкой щеточкой усов и с лысиной на макушке. Кроме халата и брюк, на нем ничего не было. В руках он держал прямоугольник медицинской карты из плотной зеленой бумаги.

— Раздевайтесь.

— Совсем? — осведомился Улисс.

— По пояс, — лаконично ответил врач.

Джонатан снял куртку и рубашку.

Молодой человек скользнул взглядом по его мускулистому торсу, молча заполнил журнал на столе, кивнул на металлическую площадку с резиновым ковриком позади хромированной установки.

— Становитесь.

Улисс взобрался на площадку.

— Что это?

— Флюорограф.

Врач придвинул к груди и спине альпиниста черные экраны, надел на руки браслеты, включил аппаратуру.

— Дышите глубже... На что жалуетесь?

— На отсутствие развлечений.

Врач не отреагировал на шутку.

— Вдохните и не дышите... Что за шрам на спине?

— Шрам? — Джонатан попытался посмотреть за спину, но ему это не удалось. — Неудачный прыжок в воду. Разве он еще виден?

— Когда?

— Года три назад.

— А шрам выглядит свежим. — Врач переключил что-то на пульте установки, пощелкал рычажками и кнопками. — В вашей медкарте нет данных о травме. Беспокоит?

— Ни боже мой.

Шрам Улисс заработал в Милане, попав в уличную потасовку, устроенную чернорубашечниками.

— Долго лечились?

— На мне все заживает как на кошке. Отлежал три дня, на четвертый пошел на свидание с девушкой.

Молчание, щелчки переключателей. В левой стороне груди родилась боль, словно в легкое воткнули иглу. Улисс вскрикнул.

— Черт побери, что вы там делаете?

— Терпите, — буркнул врач. — Это профилактическая прививка. Болели в детстве отеком легких?

— Вроде нет.

— Странно, правое легкое увеличено. Вы точно помните? Джонатан начал сердиться.

— Точно. Долго еще будете исследовать? Я здоров.

Врач молча освободил Джонатана, что-то черкнул в журнале.

— Одевайтесь. Следующего.

Улисс вышел, недоумевая: этот медосмотр отличался от всех осмотров применением аппаратуры, соединяющей в себе флюорограф и что-то еще, и походил на допрос на полиграфе¹.

— Ну что? — встретил его вопросом Неран.

— Здоров как буйвол, — сказал Улисс. — Заходите, я подожду вас у снабженцев, проверю снаряжение.

— Я уже проверил, — улыбнулся Торвилл. — Все снаряжение погружено в вертолет, остается только сесть и лететь. Местные власти дали «добро» на прокладку пробного маршрута и выделили проводника.

— Оперативно! — пробормотал Улисс таким тоном, что Неран засмеялся:

— Крис знает свое дело, иначе не работал бы в отряде. Сбоев у него не бывает.

¹ Полиграф — детектор лжи.

Торвилл порозовел под взглядом Джонатана, однако остался серьезным. Улисс похлопал его по плечу и вышел из кабинета медицинского пункта.

Вертолет с опознавательными знаками гражданской авиации Паракаса стоял на посадочной площадке в двухстах ярдах от здания Пирина. Летчиков было двое, молодые смуглые парни, похожие друг на друга, как братья. Первого звали Уго, второй назвался Доминго.

— А где бакуэно? — любопытствовал Улисс.

— Это я, сеньор. — Из кабины высунулся редковолосый толстяк и помахал рукой; на местного жителя он походил мало. На коротком рукаве его защитного цвета рубашки красовалась эмблема «Птичьего глаза».

— И давно вы из Европы? — спросил Улисс. — Вы ведь немец?

Проводник моргнул, глазки его блеснули холодом и настороженностью.

— Но и вы, сеньор, кажется, не паракасец? Англичанин? Джонатан засмеялся.

— Один — один. — Он назвал себя. — Просто мне стало интересно, проводник — и не местный.

— Карл Типлер, — представился толстяк, раздвигая в улыбке тонкие губы. — Я здесь уже больше двух лет, изучил местность не хуже индейцев, в том числе и горы знаю. Боюсь вас разочаровать, сеньор, но мне кажется, выбранные вами места подъема не самые удачные. И вообще Тумху — горы с сюрпризами.

— Что вы имеете в виду?

Толстяк пожал плечами.

— Случаются и неожиданные обвалы, и лавинные сбросы, и сели. Тумху — старые горы, эродированные, как полураставший кусок сахара, нужно тщательно изучить каждый участок, прежде чем идти на приступ.

— Мы будем осторожны, — беспечно махнул рукой Улисс. — Мне случалось подниматься на стены посложнее этой. К тому же здесь платят не по времени, а за конечный результат.

Летчики, молчавшие во время разговора, переглянулись, не решаясь вмешаться.

— А ваше мнение, соколы? — подмигнул им Улисс.

— Мышиная возня, — презрительно пробормотал тот, кого звали Уго. — Дали бы нам волю, экспедиция давно работала бы в долине.

— Одним уже дали волю, — буркнул проводник, скрываясь в кабине.

— К сожалению, бакуэно прав, — вздохнул Улисс. — Вертолет — штука хорошая, но только в том случае, если есть, где ему приземлиться. А в долине скалы и сельва. Вот когда мы расчистим в долине площадку, тогда придет и ваше время.

Торвилл и Неран появились через несколько минут, их провожал незнакомый мужчина, грузный и неуклюжий, то и дело спотыкающийся. Лицо у него было словно опухшее, тяжелое и неприятное.

— Леон ван Хов, — представил его Неран, — инспектор эконадзора ЮНЕП¹. Хочет лететь с нами.

— Я не помешаю, — пророкотал басом ван Хов, пожимая руку Улиссу с неожиданной силой. — Мне вменено в обязанности контролировать работу экспедиции, чтобы не повторились случаи нарушения экоэтики, как в других районах, представляющих археологический интерес. Иногда исследователи, изучая одно, разрушают другое, бесценные реликвии древних времен, а этого допустить нельзя.

Случаев таких Улисс не знал, да и многословность инспектора ООН ему не понравилась, но он никогда не судил о людях по первому впечатлению.

Вертолет оторвался от земли и полез к солнцу.

Вскоре он преодолел двенадцать миль до предгорий Тумху, где кончалась сельва и начинались причудливые клыкастые скалы и складки горной стены, изъеденные сотнями ниш и выбоин. Единственная ровная площадка, на которой можно было посадить вертолет, располагалась у трех искусственных башен — «Чульпы» Сильюстани, как их звала Анжелика Форталеца, — над ними начинался вход в пещеру Уткупишго.

Летчики и проводник сразу начали выгружать альпинистское снаряжение, а Улисс, незаметно наблюдая за ван Ховом,

¹ Ю Н Е П — международная программа ООН по окружающей среде.

достал бинокль и прошелся взглядом по полосе каменной стены над черным зевом пещеры. Высота Тумху в этом месте не превышала километра, зато здесь хватало наклонных плоскостей и карнизов над отвесными участками, затрудняющими подъем. Тем не менее ничего непреодолимого, тем более для профессионалов.

— Пойдешь первым? — раздался над плечом голос Торвилла.

Улисс опустил бинокль, прищурился, разглядывая подчеркнуто спокойное лицо альпиниста, и вдруг понял.

— Пожалуй, я сегодня побуду на страховке, — сказал он. — Погляжу, как работают спортсмены-спасатели из «Лемура-два».

От удовольствия и оттого, что Улисс разгадал его желание, Кристофер порозовел.

— Спасибо. Пойдем, как и намечали, зигзагом? От пещеры?

— Пожалуй, это наиболее безопасный и простой маршрут. Белые пятна здесь — это, вероятно, известняк, обходите. Кронштейны для скользящего каната лучше всего крепить на козырьках габбро. — Улисс заметил, что Неран прислушивается к его словам со скептической усмешкой, и закончил: — Вы и сами знаете все не хуже.

Поставили палатку, проверили выгруженное снаряжение: клинья, крюки, ремни, карабины, катушки с бечевой, альпенштоки и трикони, а главное — комбинезоны, в которые были вшиты новейшие замки и узлы для сращивания бечевы. Неран и Торвилл привычно облачились в костюмы и, общаясь друг с другом взглядами и жестами, стали подниматься ко входу в пещеру.

— По-моему, они слишком самонадеянны, вы не находите? — проворчал в спину Улиссу незаметно подошедший ван Хов.

Джонатан мельком посмотрел на него и стал подтаскивать к наклонной поверхности скалы бухты бечевы и металлические костыли. Проводник суетливо помогал ему, то и дело испуганно вздрагивая или шепча какие-то молитвы, когда ему казалось, что кто-то из альпинистов сорвался и падает.

— Кстати, вы заметили? — Инспектор ООН почему-то нервничал, как и проводник, хотя это было видно только

внимательному глазу. — Здесь нет ни одной кровососушей твари: ни москита, ни мошки. Знаете, почему? Где-то недалеко растет омбу.

Улисс знал эту особенность гигантской древовидной травы, как знал и то, что лагерь вблизи омбу разбивать нельзя — ночью дерево-трава испускает такое зловоние, что долго терпеть его невозможно. Однако ван Хов не учитывал еще одного обстоятельства: они находились на высоте почти четырех километров над уровнем моря, а москиты плохо осваивали высокогорье.

Торвилл вбил первый костыль и по расщелине взобрался сразу метров на десять вверх. Неран подтянул репшнур, шелкнул карабином пояса и, не оглядываясь, полез за ним. Работали альпинисты быстро, сноровисто и привычно, выключив из внимания все, что не касалось собственно подъема, хотя Улисс подметил некоторую торопливость в действиях Кристофера: молодой человек, может быть, по большей части неосознанно, хотел показать свое бесстрашие, готовность к риску, ловкость и точность расчета.

— Они так до самого верха и ползут? — спросил ван Хов.

— Почти, — лаконично ответил Улисс и стал разминаться. Голландец с удивлением посмотрел на его упражнения.

— Вы тоже ползете?

— Только до пещеры. Мой день завтра, сегодня мы проложили прикидочную трассу.

— Как вы думаете, сколько им понадобится времени на весь маршрут?

— На весь — часов шесть-семь, но сегодня они пройдут чуть больше половины пути, во-он до тех козырьков. Дальше пойду я.

— Один?

Улисс вместо ответа прикрепил на спину бухту бечевы и вдруг полез по вертикальной бугристой стене как паук, подтягиваясь на кончиках пальцев без видимых усилий. Проводник, возбужденные летчики и инспектор ООН, открыв рот, смотрели на него, как на ангела, возносящегося на небо. За две минуты достигнув небольшой площадки у черного зева пещеры, Джонатан прикрепил конец бечевы к репшнuru,

свисающему у стены, и перекинул через блоки, закрепленные на костыле. Затем он тем же манером вернулся обратно.

Проводник захлопнул рот и пробормотал:

— Вы так и работаете, без страховки? А если не за что будет зацепиться?

Улисс не ответил, глядя из-под козырька руки на две ползущие вверх фигуры.

— Я слышал об этом методе подъема, — пробурчал ван Хов, потоптался рядом. — Но никогда не видел в исполнении. По-моему, вы просто самоубийца. Впрочем, это ваше дело. Не будете возражать, если я попрошу летчиков доставить меня обратно? Здесь мне пока делать нечего, а ждать три-четыре часа...

Улисс пожал плечами.

— Не возражаю.

Ван Хов улетел.

Альпинисты продолжали подъем, изредка советуясь с Улиссом, какое направление избрать. За два часа они преодолели около четырехсот метров и установили два промежуточных узла крепления будущего блочно-канатного подъемника. Было заметно, что они устали, хотя и не снижали темпа, и, когда подошли к нависающему козырьку гладкой скальной плиты, откуда начиналась самая трудная часть маршрута, Улисс крикнул, чтобы они возвращались. Неран, как старший в связке, повозражал для порядка, потом закрепил в стене финиш-блок и показал, что будет спускаться скольжением.

Спуск занял всего двадцать минут, да и то потому, что альпинисты проверяли крепления костылей и блоков; они могли бы оказаться на земле в три приема за пять минут.

— Есть хочу, — заявил Торвилл, замазывая бактерицидной пастой палец: содрал кожу на средней фаланге.

Проводник, смотревший на него как на личного врага, сбегал к вертолету и принес бутерброд в целлофане и жестянку кока-колы.

Пока альпинисты переодевались и утоляли голод, всегда сопровождающий большой мышечной энергопотерей, Улисс и летчики собрали лишнее снаряжение и алюминиевые детали будущего подъемника в палатку.

— Неплохо бы оставить здесь кого-нибудь в качестве сто-

рожа, — сказал Неран, выбрасывая банку. — Я очень не люблю проверять перед подъемом свое же снаряжение, а проверять во избежание сюрпризов придется.

— Резонно. От нас ждут сигнала, и, как только мы пройдем стену и спустимся с другой стороны, можно будет дать команду на перебазирование экспедиции к подъемнику. До вечера я побуду здесь... с проводником. — Улисс посмотрел на толстяка Типлера. — А часам к семи вы пришлете замену, пусть Косински побеспокоится.

— Зачем тебе оставаться? — удивился Торвилл. — Вернемся вместе, а герр Типлер побудет один.

— Нет, в Пирине мне пока делать нечего, а здесь тишина, природа, развалины... романтика! Хочу погулять и подышать стариной.

Кристофер дернул плечом, но возражать больше не стал.

Вскоре вертолет улетел, в предгорье вернулась прозрачная, насыщенная тысячью ароматов тишина.

Проводник побродил возле башен и сел в тени одной из них, обложившись банками с кока-колой.

Улисс прикинул, стоит ли сначала проверить пещеру, манившую таинственным соседством с построенными тысячу лет назад башнями-«Чульпами», и решил, что не стоит. Пещеру можно было осмотреть и позже, и не только осмотреть, но и попытаться найти ход, ведущий в долину, однако поход в пещеру требовал подготовки. Тогда Джонатан снял куртку — было не очень жарко, но этот жест означал, что он не собирается уходить далеко и надолго, — крикнул Типлеру, что он побродит у скал, и направился вдоль стены на запад, в ту сторону, где потерпел аварию вертолет археологов.

— Смотрите не нарвитесь на ягуара! — крикнул вдогонку проводник. — Говорят, их в здешних местах много.

Сначала Улисс шел по голой щебнистой поверхности, обходя скалы, каменные россыпи и отдельные хилые деревца, нашедшие крохи влагодаяющей почвы, потом открытое пространство кончилось, сельва придвинулась вплотную, над головой сомкнулись кроны деревьев верхнего яруса: баньянов, тиса, сейб, кипарисов, платанов. Пахнуло душной и влажной смесью запахов сельвы, заметно возросла температура — ветру негде было разгуляться и унести часть тепла с собой.

Почва была на удивление мягкая, несмотря на близость горной гряды, без травы, лишь кое-где на могучих корнях панданусов встречались эпифиты и семейства грибов, добавляющих к густой смеси ароматов гнилостные запахи, да изредка попадались обломки скал и валуны, свалившиеся с гор в незапамятные времена. Улисс шел быстро, зорко всматриваясь в полумрак гигантских серых, зеленых и коричневых стволов, клубков лиан и редких зарослей кустарника, потом побежал.

Через пять минут он продрался сквозь заросли молодого бука и выбрался на край леса, круто поднимающийся к скалам. Остановился, прислушиваясь.

Сквозь шорохи сельвы изредка доносились другие звуки: хлопанье крыльев, треск ветвей, крики птиц, приглушенный звон и тихое рычание. Как будто никого не слышно — присутствие человека всегда обнаруживается по встревоженной возне птиц и мелких животных.

Улисс перебежал открытое пространство до ближайшей скалы и сразу же наткнулся на блестящую полосу, похожую на металлического удава. Винт от вертолета, вернее, его половина. А вот еще какой-то обломок, похож на панель управления, и еще — кусок двери. А где же сам корпус? Не мог же он рассыпаться на мелкие части? Упал, смялся от удара, но не испарился же?..

Однако вертолета нигде не было. Дважды Улисс находил прозрачные осколки блистера, лобового стекла кабины и мелкие обломки каких-то приборов, но сам корпус с двигателем и винтами исчез. И это обстоятельство наводило на размышления: вертолет не мог провалиться в болото, топей здесь не было, не мог он и взлететь после падения с высоты в полтора километра — значит, его вывезли. Кто — неизвестно, ясно, что не полиция Пикаля, у капитана Эрнандеса нет таких возможностей, но и не индейцы, им обломки летающей железной машины ни к чему, на них не заработаешь. Но тот, кто это сделал, — великий искусник, маг, ибо пронести почти полутоннотонную махину через сельву без волшебства невозможно. И этот кто-то очень не хотел, чтобы обломками вертолета заинтересовались компетентные органы.

Улисс повертел в руках мятый стальной лист площадью около двух квадратных футов, вероятно, часть сиденья летчика,

и вдруг увидел маленький острый осколок, впившийся в лист; Джонатан принял поначалу этот осколок за заклепку. Он внимательно осмотрел его, понюхал и хмыкнул. Осколок, пробивший лист на излете и застрявший в нем — на большее его не хватило, — был осколком зенитной ракеты, которая выстреливалась из переносного «ЗРК», с плеча. Интересно, откуда здесь, в Паракасе, переносные «ЗРК» американского производства? И какой охотник ими балуется?..

Улисс упал за ствол саговника прежде, чем сообразил, что за шум раздался за спиной. По стволу словно хлестнули бичом, так что он вздрогнул и уронил несколько сухих листьев. Там, где только что была голова альпиниста, в коре дерева зияла маленькая дырочка — след вошедшей пули. Так, это уже игра посерьезней! Калибр одиннадцать и девять, «кольт» с насадкой бесшумного боя. Что мы можем ему противопоставить?

Джонатан перекатился за камень, достал из кармашка брюк узкий и длинный стилет для метания, прислушался. Ни шагов, ни шороха, тишина. А ведь ждать событий опасно, надо действовать, причем действовать нестандартно, так, как никто не ожидает: при отсутствии серьезного оружия против профессионалов помогает только этот прием.

Где-то гроыхнуло, в ту же секунду Джонатан прыгнул за ствол соседнего дерева, затем следующего, перебежал ложбину, прячась за стволом пандануса, ходульными корнями напоминающего гигантскую многоножку. Затем бесшумным бегом сделал полукруг и выбрался к тому месту, откуда по прикидке в него стрелял неизвестный «охотник».

Он не ошибся. С момента выстрела прошло всего две минуты, и стрелявший еще не решился проверить результат своей охоты. В зелено-серо-коричневом маскахлате он был почти невидим на фоне листвы и стволов, и Джонатан бы его не заметил, если бы не знал, кого искал. Стрелок, крепкий парень с бритым затылком, был вооружен «кольтом» с трубкой глушителя и, кроме того, бельгийским автоматом без приклада.

Подождав еще немного, он тенью скользнул вперед, к стволу саговника, за которым должен был лежать его «крестник». Джонатан догнал его и в прыжке рубанул ребром ладони по мускулистой шее. Перевернул на спину. Блондин, но

загорел до медного блеска, лицо смутно знакомо. Отдохни, парень. Интересно, давно он здесь и видел ли свою «жертву» в лицо? Если видел — дело швах!..

Улисс наклонился над потерявшим сознание убийцей и едва успел отвернуться от удара двумя пальцами в лицо. Неизвестный был профессионально обучен для такого рода дел и знал все жестокие приемы рукопашного боя.

Джонатан среагировал на второй выпад — колено в пах — и ответил ударом в живот, но парень все же успел вскочить, и схватка продолжалась до тех пор, пока противник вдруг не выхватил из бокового кармана комбинезона еще один пистолет — миниатюрную «беретту». Улисс понял, что ситуация переросла рамки схватки опытных борцов и подошла к пределу «или — или», тем не менее он все же сначала попытался обезвредить противника — убивать не хотелось, хотя все было честно: на него напали из засады и стреляли в спину.

Удар в руку с перехватом ответа — прием бадкан, прыжок — чтобы не попало по ногам, полусальто с поворотом (какие холодные и равнодушные глаза у этого мальчишки!), прием мкхан-юонг и в ответ потрясающий удар по копчику — прямой браг-чжа-ха-бо (в переводе — «прекращает воспалительный понос»). Черт возьми, как больно, когда бьют со знанием дела и не на тренировке!

Пистолет вылетел из руки парня, а сам он отпрыгнул назад и не рассчитал — налетел спиной на груды камней. Один из них качнулся, замер на мгновение и рухнул вниз с трехметровой высоты. Отчетливый хруст костей, вскрик и тишина...

Улисс перевел дыхание, расслабился. Ноги дрожали, в нижней части позвоночника родилось ощущение, что в нем торчит топор. Если не перелом, то ушиб приличный, здорово, гад, дерется... дрался. Джонатан сплюнул. Извини, я не хотел, сам виноват...

Кругом царило спокойствие, никто не появлялся из-за деревьев, не звал пропавшего, не окликал победителя, птицы продолжали свои разговоры, и лес не перестал шептаться с верхним ветром. Улисс быстро осмотрел карманы убитого и нашел удостоверение водителя на имя Абу Али Райхана, два пакетика наркотической жвачки, плоскую японскую рацию величиной с два спичечных коробка и фотографию: он, Крис

Торвилл и Фред Неран возле Пирина. Быстро работают, надо признаться, и почти безошибочно.

Улисс забрал рацию, разрядил автомат, бросил в яму, пистолет вложил в руку бывшего водителя, фото оставил в кармане. Затем затащил труп поглубже в скалы и засыпал камнями. Внимательно осмотрев место боя — не оставил ли следов? — он быстро направился к недалеким скоплениям скал. Но с полдороги вернулся — сработало подсознание, — разобрал камни и отогнул воротник маскировочного комбинезона убитого на груди, раздавленной каменной глыбой. Под комбинезоном оказалась голубая форменная рубашка без воротника, с полосой у шеи, такие рубашки носили все работники фирмы «Птичий глаз»...

Типлер ждал его возле палатки, изнывая от безделья, и то и дело вытирал шею и грудь смоченным в воде платком.

— Ну как, вкусили экзотики? Ягуара не встретили?

Улисс небрежно махнул рукой.

— Едва ли он отважится напасть, даже если захочет жрать. Вообще-то места здесь красивые, а главное, не заблудишься — Тумху и эти башни видны издалека.

Толстяк внимательно посмотрел на альпиниста.

— У вас царапина на щеке. Залезли в колючки?

— Нет, пытался пройти между скалами и вызвал небольшой обвал. Не хотите со мной подняться к пещере?

— Что я там не видел? Скоро придет вертолет. Да и не умею я лазить по горам как обезьяна.

— А мне любопытно. Все-таки индейцы не могли поставить свои «Чульпы» рядом с ней без причины.

Улисс взял моток веревки и полез на скалы, будто совсем не устал после прожитого дня и часовой прогулки по сельве.

Пикаль

Косински дал команду на перемещение экспедиции к горам Тумху, к месту, где готовился вступить в строй подъемник на стену, и Миллер вынужден был исполнять функции главного квартирера, заниматься организацией базы и размещением прибывающих членов экспедиции. Но в ночь на двадцать девятое сентября произошло событие, на несколько

дней задержавшее передовой отряд: выстрелом из духового ружья был убит сторож подъемника, а сам подъемник сброшен с километровой высоты вместе с костылями и узлами крепления. На месте преступления были найдены перо кондора и каменный нож, что дало повод говорить о нападении индейцев. Поскольку местные индейцы кечуа и аймара давно пользовались благами цивилизации в виде ружей, винтовок и пистолетов, то подозрение пало на недавно открытое в долине Пируа племя индейцев-пигмеев, якобы не желавших, чтобы в их мир проникли чужестранцы.

Воспользовавшись тем, что полиция занялась расследованием и заблокировала подступы к лагерю, Миллер решил проверить идею, родившуюся у него после изучения обстоятельств гибели паракасского ученого Карлоса Хонтехоса. После первого выстрела Хонтехос, по словам капитана полиции Пикаля Эрнандеса, будто бы произнес два слова: «сильяр» и «чаранга». Сильяром называли белый известняк, легко поддающийся обработке, из которого мастера Паракаса делали белоснежные фасады домов с резьбой и скульптурными изображениями, а чаранга была струнным музыкальным инструментом. После долгих размышлений Миллер подумал, что надо побывать в каменоломнях, где добывают сильяр, тем более что они располагались недалеко от Пикаля в горах Халька, соседствующих с Тумху, и поискать там чарангу. Мысль была, что называется, на грани бреда, но Миллер доверял интуиции и не сомневался, что искать надо в каменоломнях.

С разрешения директора Пирина он взял вертолет и, собравшись за несколько минут, вдруг понял, что один ничего не сделает: нужен проводник. Поразмышляв, Стэнли решил положиться на случай и выбрал того самого проводника, с которым ходили альпинисты, — Карла Типлера. Никто не мог знать цели его самостоятельного поиска, а подозревать во всех работах «Птичьего глаза» агента Дела или лаборатории «Демидург» было бессмысленно.

Взлетели в полдень, провожаемые неотрывным взглядом дежурного по «аэропорту», как громко именовали в институте посадочную площадку возле Пирина. Минут пять Миллер рассматривал полог леса под вертолетом, скрывающий реку, и машинально отмечал отдельные группы разрушенных временем скал, пронизывающие пятнисто-зеленый покров сель-

вы. Скалы ослепительно сверкали вкраплениями кварца, словно усыпанные драгоценными камнями. Некоторые из них напоминали развалины замков, индейских уступчатых пирамид, другие походили издали на челюсти динозавров.

Металлическая стрекоза пролетала над рошей лепидодендронов, и Миллер задержал взгляд на этих удивительных растениях, реликтах палеозоя, произрастающих только на территории Парамо — высокогорий Паракаса, выделяющихся необычной красотой даже из роскошной растительности в районе Пикаля.

Лепидодендроны принадлежат к виду древовидных. Кора их, серо-зеленая, светлая, ромбовидно иссечена и напоминает рубчатую подошву армейского ботинка. Кроны ветвятся, заканчиваясь пушистыми метелками. Цветут лепидодендроны необычно — цветы у них появляются прямо на верхних толстых ветвях, на коре, а основание дерева похоже на металлическую колонну с мощными контрфорсами и досковидными корнями.

— Интересные деревья, — прокричал сквозь гул мотора Типлер, заметивший взгляд заместителя директора экспедиции. — И пахнут, как парфюмерный цех, стоять вблизи в период цветения невозможно.

Местность под вертолетом постепенно повышалась, в сплошной шкуре сельвы появились пролысины, песчаные и каменистые плечи, сельва вскоре поредела, распалась на островки и словно ушла под землю. Горы Халька, дикие, неприступные, исчерченные сине-серыми тенями, надвинулись вплотную. Проводник стал показывать пилоту дальнейший маршрут, хотя, по мнению Миллера, не очень хорошо ориентировался и сам.

Сели возле живописной группы скал, на краю громадного котлована, созданного человеческими руками. И стоило Миллеру вылезти из кабины, как он сразу увидел то, что искал, вернее, надеялся найти: одна из скал у каменоломни издали очертаниями идеально напоминала старинный музыкальный инструмент — чарангу.

Отказавшись от помощи Типлера, Стэнли неторопливо побрел по краю обрыва и скалам, делая вид, что ищет удобный спуск в котлован, отсвечивающий кристалликами слюды и кварца в изломах силъера. Сначала он попробовал под-

няться на скалу, похожую на безголового верблюда, потом поискал обход и наткнулся на удобную расселину, ведущую вверх, прямо к скале-«чаранге». Оглянувшись — не следит ли кто? — Миллер пролез в расселину и начал подъем, вглядываясь в трещины стен узкого естественного коридора. И уже через несколько ярдов увидел на стене справа нацарапанную чем-то острым стрелу. Человек, занятый только подъемом, ее бы не заметил.

Начальник «Эола» удвоил внимание. Через полсотни ярдов расселина обмелела и превратилась в тропу на краю обрыва, опоясывающую корпус «чаранги». Вторая стрела была выцарапана прямо на тропе в виде штрихпунктира, и заметить ее мог только острый глаз того, для кого она предназначена. А на самом верху скалы, ровном как стол, лежал камень весом в три-четыре сотни килограммов. Он явно был принесен сюда специально, потому что отличался от скалы по цвету и осколком ее быть не мог.

Миллер прошелся по макушке «чаранги», но больше ничего не обнаружил, даже мелких камешков и песка. Тогда он попытался приподнять глыбу или хотя бы повернуть на другой бок, однако без рычага его сил на это не хватало. Надо было звать кого-то на помощь. И в этот момент сзади раздался шорох.

Как он удержался от выстрела, Миллер не знал, сработало какое-то «реле» безопасности, затормозившее палец на курке в последнее мгновение. Из-за края площадки со стороны тропы, по которой он шел, торчала голова индейца, причем, судя по размеру, ребенка. Несколько секунд Миллер и непрошенный гость смотрели друг на друга, потом Стэнли опустил пистолет и поманил индейца пальцем, не сводя с него взгляда.

Индеец улыбнулся — так можно было расшифровать его гримасу — и легко поднялся на край скалы. Миллер понял, что перед ним не ребенок, а пигмей. Руки индейца были пусты, он вытянул их ладонями вперед и что-то произнес на птичьем языке, показывая на камень.

— Хочешь помочь? — пробормотал начальник «Эола». — Что ж, попробуй. А в спину никто не выстрелит, пока ты мне помогаешь? Как в лагере Тумху?

Индеец снова что-то прошебетал, указал на пистолет Миллера и сделал отрицательный жест.

— Ну хорошо. — Стэнли решился. — Берись за тот угол, — он показал, как встать и куда толкать, — и по команде толкай вперед.

Со второй попытки им удалось сдвинуть глыбу с места, и в углублении под камнем блеснул небольшой цилиндр с закручивающейся крышкой — в таких упаковках в Паракасе продавали таблетки от головной боли. Миллер спрятал цилиндр в карман, спохватился, что выпустил добровольного помощника из виду, но рядом уже никого не было, индеец стигнул как мираж.

Спустившись на землю с «чаранги», Стэнли отвинтил колпачок металлического пузырька. Внутри оказалась миниатюрная кассета звукозаписи от диктофона и клочок бумаги с надписью по-испански: «Тому, кто найдет. В долину можно пройти через одну из «Чульп» Сильюстани».

К вертолету Миллер добрался через полчаса, размышляя над загадкой неожиданного появления индейца-пигмея. Напрашивалось два вывода: индейцы, обитатели долины Пируа, появились здесь неспроста, они знали, что спрятано на скале у каменоломни, кем спрятано и зачем. И второе: в таком случае археолог Хонтехос, убитый в Пикале, был с ними связан. Как? Это уже другой вопрос, но Миллер надеялся, что разгадка кроется в маленькой кассете для диктофона.

— Что вы здесь искали? — спросил проводник, не знавший, зачем он понадобился главному квартирному экспедиции. — Если место для нового лагеря, так спросили бы у меня заранее: тут на двадцать миль в округе нет ни глотка воды.

— Зато есть сильяр, — сказал Миллер, пожалев, что взял Типлера с собой. Летчик наверняка знал, где находятся известняковые каменоломни, и он мог обойтись без проводника.

В Пирине, в своей каюте, Стэнли еще раз проверил содержимое цилиндрика, подумал и спрятал кассету в обойму для патронов, заменив ею один патрон. Обойму загнал в свой «ама-рапид», а пистолет упрятал в кобуру под мышкой. После этого он отправился на поиски диктофона. Судя по кассете, она подходила только для американской модели «Райтер» фирмы «Итон», работавшей на Пентагон.

Пикаль, Пирин

Улиссу пришлось показать свое умение перед многочисленной публикой, в которую входили ученые, местные жители, работники «Птичьего глаза» и представители полиции Пикаля. Размяв пальцы, проверив гибкость и подвижность суставов, Джонатан за час преодолел километровую стену Тумху и закрепил на ее гребне механизм блока, с помощью которого Торвилл и Неран начали восстанавливать подъемник.

Отдохнув, Улисс взял бинокль и принялся разглядывать развернувшуюся перед ним в направлении на север панораму долины Пируа с редкими низменностями, многочисленными перегородами и нагромождениями скал, а также группами столбообразных скал, на удивление ровных, словно обработанных человеческими руками, протыкавших мощный покров трехъярусной сельвы. Река скрывалась под ним полностью, хотя Улисс знал, что она пересекает долину с востока на запад. С виду долина и в самом деле представляла собой уголок дикой природы, не имевший ни одной удобной посадочной площадки. Вертолету сесть здесь было негде. Разве что на вершине одной из столбовых скал.

Джонатан сделал несколько общих снимков долины широкоугольным «Компакт-автоматом» и сфотографировал одну из самых красивых групп скальных останцев, которую мысленно назвал «замком»: скалы издали действительно напоминали развалины колоссальной крепости или замка, хотя по высоте превосходили настоящие замки раз в тридцать. Затем, дождавшись Торвилла, Улисс попросил подстраховать его и спустился на веревке вниз, в долину, затратив на спуск около сорока минут: маршрут был не так прост, как показался сверху.

— Как долго тебя ждать? — спросил Торвилл, когда он только начинал спуск.

— Часа два, — ответил Улисс. — Хочу поискать место, где сидели археологи, они не могли улететь отсюда далеко. Только не оставляй страховочную бечеву на незнакомых мне людей.

— Я подожду сам...

Теперь Джонатан стоял внизу под нависшим козырьком скалы и всматривался в сумрак первого яруса сельвы, не ре-

шаясь почему-то сделать шаг вперед. Ему все время казалось, еще во время спуска, что за ним наблюдают внимательные глаза, но, как ни вглядывался он в скалы и заросли гигантских сейб, никого так и не увидел. Хотя ощущение осталось.

Улисс бесшумно спрыгнул с обломка скалы в заросли папоротника и спрятался за стволом аботикабы, поросшим крупными лилово-синими плодами.

Тихо, сумрачно, душно, со всех сторон доносятся лишь обычные лесные шорохи. Подождав немного, альпинист сорвал несколько ягод и углубился в заросли, чутко прислушиваясь к жизни сельвы.

Вскоре он выбрался к реке, только однажды вспугнув какую-то нелетающую птицу: зверинец долины при первом знакомстве казался небогатым. Раздеваться он не стал, окунулся в реку прямо в одежде, с наслаждением напился. Натруженные пальцы заныли. Побрел по колено в воде, окунаясь иногда по грудь. Небольшой удав в позе вопросительного знака проводил его застывшим взглядом, издали донеслось негромкое, но весьма характерное рычание — ягуар! Выходит, зверинец здешних мест солиднее, чем показался минутой раньше. Царь сельвы не будет подавать голос зря.

Улисс застыл, прислушиваясь, но зверь не повторил своей угрозы дважды. Он был далеко.

Через двести метров река привела его к лепидодендроновой роще, запах которой разносился по всей округе и пересиливал все остальные ароматы сельвы и болота.

Подлеска в роще не было совсем, вероятно, лепидодендроны подавляли рост кустарников и трав, и толстые светло-зеленые стволы стояли как свечи, буквально светясь своей бархатистой, ромбовидно иссеченной корой, смыкаясь метельчатыми кронами на пятидесятифутовой высоте. Верхние толстые ветви, начинавшиеся в тридцати футах от земли, обросли оранжевыми цветами. У основания деревья утолщались, выбрасывая мощные «лапы» и досковидные корни, а запах в роще стоял, как в цехе парфюмерной фабрики, вернее, завода по производству благовоний и бальзамов.

Улисс, оглушенный наркотическим действием испарений древовидных плаунов — лепидодендроны не были деревьями в полном смысле этого слова, — прошелся по роще и вдруг

заметил штабель срубленных гигантов. Пятидесятифутовые стволы были очищены от ветвей и сложены в аккуратные штабеля по восемь-десять штук. От штабелей шла заметная в рыхловатой почве гусеничная колея, исчезающая в зарослях колючего тамариска на границе роши.

Джонатан хмыкнул, оглядел штабеля, сделал несколько снимков и двинулся по колее, чувствуя, как напряглись мышцы живота — первая реакция организма на включение в режим боя.

Колея вела к реке, переползала через нее и на другом берегу выходила на дорогу! Светло-серые плоские плиты цепочкой уходили в чащобу. Шириной дорога была как для легкового автомобиля, плиты кое-где выщерблены, вспучены, разбиты или отсутствовали совсем, но сомнений в том, что это настоящая древняя дорога, не было. И строили ее очень давно, если судить по могучим корням секвой, сейб и панданусов, во многих местах взломавших плиты дороги, а возраст лесных великанов исчислялся не одной сотней лет.

Джонатан сошел с плит и побежал рядом с дорогой, утопая по щиколотку в рыхлой подстилке сельвы. Спустя четверть часа он неожиданно выскочил к поселению индейцев, аборигенов долины.

Дорога из плит утыкалась в полуразрушенную стену из осевших от времени каменных блоков с уцелевшими воротами в виде арки. За стеной под кронами деревьев высились конусовидные вигвамы индейцев из тростника тоторы, накрытые шкурами альпак. И ни одной живой души, ни малейшего движения — мертвое молчание покинутого селения встретило альпиниста.

Он долго вслушивался в молчание деревни, потом перебежал к арке в стене. С настороженным любопытством осмотрел фриз ворот с красивым орнаментом из переплетенных ромбов. В каждом ромбе помещались выпуклые изображения людей-кошек, а на колоннах ворот виднелись полустертые изображения хищных птиц.

Улисс обследовал деревню, но никого и ничего не нашел. По неизвестной причине хозяева ушли отсюда и не вернулись. Судя по количеству вигвамов — десять, племя было невелико, душ тридцать-сорок. Улисс, теряясь в догадках, по-

размышлял, куда они могли исчезнуть, но мысленный анализ при отсутствии данных был бесполезен, как пятна на солнце.

В последнем вигваме альпинист спугнул викунью, чей визг подействовал на него хуже очереди в упор. С трудом удержавшись от выстрела, он в душе обругал ближайшую родственницу свиньи и покинул селение: дорога из плит пересекала деревню индейцев и ныряла в заросли тамариска. Гусеничный след четко отпечатался на центральной площади селения и снова терялся на каменной дороге. Джонатан почувствовал, что разгадка гусеничной колеи недалеко.

Через несколько десятков шагов дорога привела к новой стене, разрушенной почти до основания, с такими же арочными воротами, что и первая. А за ней высилась ступенчатая пирамида — на первый взгляд; приглядевшись, Улисс понял, что это древний индейский храм, увитый ползучими плетями ядовитого сумаха, плющом и травой.

Рядом с храмом стоял вполне современный навес из алюминия и брезента, а под навесом прятался небольшой гусеничный вездеход со сменным рабочим инструментом: он мог работать канавокопателем, подъемным краном, бурильной установкой и пожарной лестницей — комплекты оборудования лежали тут же, завернутые в промасленную бумагу. По всему было видно, что хозяева трактора обосновались в долине давно и прочно, но к готовящейся экспедиции они, конечно, никакого отношения не имели. М-да, уважаемые «исследователи», дорого вам обойдется беспечность персонала, отвечающего за скрытность работы. Или вы просто не успели замести следы своей деятельности? А пытаться оттянуть пришествие официальной экспедиции, убили сторожа подъемника? Это же прокол, уважаемые, непростительный профессионалам. Или вы цепляетесь за все, не брезгуя методами террора?

Джонатан бегло осмотрел содержимое навеса, обнаружил штабель пятигаллоновых канистр — спирт, вероятно, топливо для вездехода, и все внимание обратил на храм, чье присутствие давило на психику, вызывая тревогу и неуверенность.

Вход в древнее святилище индейцев поражал обилием каменной резьбы, цветными петроглифами, изображавшими

священных зверей и птиц — ягуаров и кондоров. Из глубины храма тянуло холодом, неприятно леденящим прилипшую к телу одежду.

Подождав, пока глаза привыкнут к мраку, Улисс двинулся дальше, жалея, что нет фонаря и спичек. Широкий проход разделился на три узких. Разведчик выбрал правый и через несколько шагов оказался в каменной келье, освещенной сверху лучиком света, падающим сквозь круглое отверстие в потолке.

Свет был скуден, но все же Джонатан разглядел груды пластмассовых ящиков и картонных коробок. Почти все они были запакованы и приготовлены к транспортировке, но, как убедился Улисс, вскрыв две коробки, в них находились похищенные реликвии исчезнувшей древней культуры индейцев пируа. В ящиках предметы побольше: статуэтки, ритуальные маски, домашняя утварь из золота, жезлы, оружие; в коробках — богатые украшения из золота и драгоценных камней, кубки, целиком вырубленные из хрусталя и инкрустированные золотом, талисманы, небольшие скульптуры птиц и зверей.

Улисс спрятал понравившуюся ему тончайшей работы фигурку ягуара величиной с палец в карман, прошелся по келье, вспугивая дребезжащее эхо, и обнаружил в углу на каменном блоке бумажный пакет. В нем были серьги, похожие друг на друга как две капли воды. Джонатан представил цену всем этим находкам и присвистнул: если контрабандистам удастся вывезти сокровища из страны, они заработают миллионы, если не десятки миллионов долларов. Каждому из найденных предметов не было цены!

Альпинист обыскал по очереди все три внутренних помещения храма, но, кроме пустых ящиков и бочки с водой, ничего больше не нашел. Замаскированная тайная база «специалистов» по ограблению древних памятников культуры была пуста.

Тогда Улисс обошел храм кругом в надежде отыскать другой выход или тропу к храму, и у восточной стены пирамидального здания наткнулся на небольшой сарай или ангар с каркасом из алюминиевых трубок, обтянутых полиэтиленовой пленкой. Внутри ангара стоял разобранный мотодельтаплан: сиденье с рукоятью управления, за спинкой — двига-

тель с винтом, лопасти складываются и серебристые крылья из майларовой пленки на трубчатом каркасе. Далеко на таком аппарате не улетишь, но если стартовать с горы, через границу уйти можно спокойно.

Джонатан хлопнул в ладоши и суеверно сплюнул через левое плечо: удача пришла неожиданно. Но пора было убираться отсюда, он и так задержался на час, путешествуя по джунглям. Надо предупредить Торвилла, который мог не выдержать и пойти на поиски.

Через полчаса Улисс без помех добрался знакомой дорогой до гряды скал и, дав сигнал, вскарабкался на крутой бок первого карниза. И вдруг что-то заставило его посмотреть вверх.

Метрах в двухстах выше по отвесной поверхности скалы ловко карабкался человек, одетый в маскировочный серо-зеленый комбинезон. Он двигался по стене без всяких приспособлений, свободно, как и Джонатан, разве что более рискованным манером. И это был не Торвилл, как поначалу решил Улисс.

Человек добрался до натянутой весом альпиниста веревки, полоснул по ней ножом и спокойно двинулся дальше, скрылся среди бугров и ниш. Улисс едва успел прилипнуть к скале, удерживая вес тела на кончиках пальцев. Веревка упала сверху свободными кольцами. Если бы Джонатан не владел свободным соло, он лежал бы сейчас внизу, разбившись в лепешку. Но его странный недоброжелатель не учел подготовки альпиниста. Господи, как свободно он шел по вертикали! Кто это был? Во всем мире не наберется и пяти человек, способных повторить подобный трюк!..

Когда Улисс поднялся на стену к перевалу, он был мокр как мышь.

— Я уже хотел идти вниз, — хмуро признался Торвилл, помогая ему на последних метрах подъема. — Что случилось? Оборвалась вертикаль?

— Здесь неудобный спуск, — буркнул Джонатан, не отвечая на вопрос, и лег, раскинув руки и ноги. — Надо перенести канатку по гребню метров на триста к западу. Глотнуть чего-нибудь есть? В горле пересохло.

Торвилл достал флягу.

— Испли, местное производство.

Джонатан, запрокинув голову, сделал несколько глотков, кивнул, возвращая флягу:

— Ничего, своеобразный. Кстати, ты заметил, сколько над долиной кондоров? Кружат и кружат, словно долина медом намазана. А ты что такой хмурый? Недоволен, что заставил долго ждать? Извини.

Торвилл покачал головой.

— Непонятные вещи у нас творятся. Снизу передали, что в Пирине умер наш квартирьер Миллер.

Улисс медленно приподнялся и сел.

— Что? Как умер?

— Никто толком не знает, его нашли в своей каюте мертвым. На теле ни одной царапины и лицо спокойное, а он... не дышит. Ну что, будем спускаться?

Улисс долго не отвечал, а когда заметил пристальный взгляд Кристофера, очнулся и встал.

— Да, брат, судьба иногда преподносит сюрпризы, когда их не ждешь. Давай первым, я подстрахую.

Пикаль

В кабинете начальника полиции собрались практически все инспектора, способные хоть на какую-то отдачу. Эрнандес оглядел свое войско и понял, что надеяться на повышение с таким контингентом нельзя. Из пяти инспекторов лишь толстяк Кеведо-и-Вильегас соображал без выпивки, остальные же думали не о службе, а о том, как бы не подставить себя под пулю, нож или удар чиарахе, и днем и ночью вливали в себя писко-сауэр.

— Докладывай ты, Альфонсо, — сказал капитан, наливая в стакан испли.

— А что докладывать? — поднялся долговязый Альфонсо Фиоретура. — Убитый — местный житель, которого соблазнил заработок, работал шашлычником, врагов не имел. Любил выпить. Женат. Следов никаких, кроме стрелы, которая попала ему в шею. Мне кажется, что стреляли откуда-то сверху: стрела вошла в шею под острым углом, впритирку с ухом.

— Это все?

— Все, сеньор капитан, — вздохнул Фиореттура. — Дохлое дело. Но это дело рук белых, а не индейцев. Ни аймара, ни кечуа никогда не применяли духовых ружей.

— Может быть, это те индейцы, которые живут в долине? — робко предположил чернокожий Нгури, самый молодой из полицейских.

— Ты их видел?

— Нет, но все говорят...

— Не надо повторять то, что говорят все. Плохо работаете, медленно, без вдохновения. В результате это дело у нас забирают. Из столицы прибыл майор Барахунда¹, будет вести расследование.

Инспектора переглянулись. Фиореттура фыркнул.

Эрнандес холодно посмотрел на каждого.

— Вот обсмеять кого-нибудь вы умеете. Лучше бы занимались своим делом или выучили бы амачакуй², на вас смотреть тошно! Одного можно плевком перешибить, другой способен выпить бочку писко и проспять трое суток, третий при каждом шаге по колено в землю проваливается... — Эрнандес махнул рукой. — Впрочем, это глас вопиющего в пустыне. Робиросо, глаз не спускать с лагеря экспедиции, докладывать о любых подозрительных лицах немедленно.

— Слушаюсь, капитан! — кивнул Кеведо-и-Вильегас и под взглядом Эрнандеса с трудом встал, пытаясь убрать живот.

— Нгури будет у тебя стажером. Альфонсо, пойдешь в долину, ты самый худой и не боишься жары и духоты. Каждый день будешь докладывать по рации обо всем, что увидишь и услышишь.

— Но как же я в форме...

— Пойдешь туда как подсобный рабочий, начальник экспедиции объявил о привлечении местных к участию в раскопках. Рацию получишь на складе, я распоряжусь.

— Еще и заработаешь пару песо на пиво, — хихикнул Нгури и виновато поежился, застигнутый осуждающим взглядом капитана.

¹ Заваруха (исп.).

² Амачакуй — национальная борьба индейцев; с кечуа — «защищайся»; состоит из двадцати приемов и не уступает карате.

«Как дети, — подумал Эрнандес, — совершенно не понимают, с кем и за что им предстоит драться». А что драться придется, видно невооруженным глазом, и не только потому, что в Пикаль прибыл майор Барахунда.

На столе тихо проблеял селектор. Капитан дотянулся до нужной клавиши и снял трубку.

— Сеньор капитан, докладывает Агуас. В П-сентре умер заместитель начальника экспедиции сеньор Миллер.

— Убит?! — привстал со стула Эрнандес.

— Нет, врач сказал, что умер сам от внезапной остановки сердца. Это бывает, мне говорила сестра жены...

Эрнандес переключил клавишу селектора.

— Марко, машину эксперта и врача быстро к выходу. Я поеду сам. — Он встал, застегнул рубашку. — Нгури, поедешь со мной. Кажется, снова у этих ученых несчастье, прямо злой рок какой-то. Знать бы, кто так умело олицетворяет собой этот рок...

Машина подкатила к парадному входу в здание Пирина. Эрнандеса уже ждали. Через несколько минут его провели на второй этаж, в каюту умершего, где томился от скуки и присутствия трупа меланхолик с двадцатилетним стажем работы в полиции — Агуас. Увидев начальника, он вскочил, вытянув руки по швам.

— Сеньор капитан, докладывает капрал...

Эрнандес поднял руку, прерывая полицейского.

— Сюда кто-нибудь входил?

— Я закрыл коридор и запретил впускать всех, кроме майора из центральной Геренции.

— Кто был кроме него?

Агуас наморщил лоб.

— Врач, мухер буэна моса¹, директор П-сентре, сеньор майор Барахунда... э-э... это я уже говорил... и... ля хомбре²... лысый такой, толстый, одетый в трайе депортиво³...

— Журналист?

¹ Статная женщина (*исп.*).

² Мужчина (*исп.*).

³ Спортивный костюм (*исп.*).

— Нет, экс... экс... эксперт по эколиге...

— По экологии?

— Си, сеньор капитан, по экологии.

Эрнандес кивнул, пробормотал под нос:

— Ему-то что здесь надо? — И подошел к лежащему с открытыми глазами Миллеру. — М-да, не повезло парню. Умереть просто от остановки сердца — это посложнее, чем получить вывих кисти.

Эрнандес оглядел труп и дал знак эксперту и врачу приступить к работе.

— Закончите — сообщите, я буду... Где майор Барахунда?

— Улетел обратно в Тумху, в лагерь, сказал: мне здесь делать нечего, пусть занимается местная полиция.

— Ничего не передавал?

Агуас виновато поерзал.

— Нет, сеньор капитан, ни слова.

— Кто обнаружил труп первым?

— Не знаю, сеньор кап... — Агуас запнулся. — Извините, не догадался спросить. Но мне сказала врач П-сентре, очень красивая молодая мухер буэна моса.

— Где она?

— Ждет вас у господина директора П-сентре.

Эрнандес махнул рукой Нгури следовать за ним и направился к директору Пирина.

Хулио Энрике Эчеверриа был не один: в кабинете сидели Анхелика Форталеа, врач экспедиции, и Леон ван Хов, инспектор ООН. Ван Хов уже успел переодеться в летний джинсовый костюм — шорты и безрукавку.

— Буэнос диас¹, сеньоры. — Капитан бросил два пальца к козырьку фуражки. — Прошу прощения за вторжение. Прискорбный случай, и, к сожалению, не единственный. Ваш исследовательский центр переживает черную полосу. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Да-да, конечно, — мелко закивал седой гривой Эчеверриа.

— Валяйте, — буркнул голландец, посмотрев на врача.

— Первый вопрос к вам, сеньорита. — Капитан вежливо

¹ Буэнос диас — добрый день (*исп.*).

поклонился женщине, о красоте которой был уже наслышан; действительно мухер буэна моса. — Кто вам сообщил о смерти сеньора Миллера?

— Никто, я нашла его мертвым в одиннадцать часов утра и сразу позвала вашего человека.

— А откуда вы знаете, что это наш человек? — вежливо удивился Эрнандес.

Девушка улыбнулась.

— Кто же этого не знает?

— М-да! Понятно. Объясните, как вы попали в каюту сеньора Миллера?

— Он главный квартирьер экспедиции, а я врач, отвечаю за медицинское обслуживание, и хотела узнать, когда в долину будет передислоцирован медпункт.

— Спасибо, сеньорита. А вы, господин Хов? Каким образом оказались вы там?

— Ван Хов, — поправил голландец. — У меня тоже было дело к Миллеру, но я опоздал. Когда я пришел, там уже был этот ваш... работник.

Эрнандес коснулся околыша фуражки пальцем.

— Благодарю за терпение, сеньоры, премного обязан. Теперь я вас покину.

— А меня? — заволновался директор. — У меня вы почему ничего не спросили?

Капитан с сомнением посмотрел на ученого.

— Но вы же ничего не видели?

— Как это не видел? — Эчеверриа снял и снова надел очки. — Я, например, еще утром, около девяти, совершенно случайно видел, как в каюту к сеньору Миллеру заходил незнакомый мне молодой человек.

— О! — Эрнандес достал блокнот. — Это интересно! Можете описать незнакомца?

— Я видел его мельком... По-моему, он среднего роста. Широкоплечий, смуглый, но европеец, светловолосый, одет в обычный костюм...

— Почему вы решили, что он европеец?

— Ну как же? — Эчеверриа поднял удивленный взгляд. — Я же антрополог... вижу сразу. Он или славянин, или западноевропеец, француз.

— Может быть, это был русский? Рыбин?

— Ну что вы, Алекс Рыбин прекрасный ученый... и человек, я знаю его отлично. А этого видел впервые.

— Ну хорошо, спасибо за информацию. Узнаете входившего, если встретите?

— Наверное, узнаю. И сразу сообщу.

— Благодарю, сеньоры. Труп мы заберем, я вызову машину.

Эрнандес еще раз козырнул, пожелал всем здоровья и вышел, едва не разбив дверью лоб подслушивающего разговор Нгури.

— Что ты на это скажешь? — спросил он мулата уже в машине.

— По-моему, я тоже видел того парня, — выпалил Нгури. — В городе, у доньи Пепе, он покупал сантолино¹.

Эрнандес иронически приподнял бровь.

— Парней с такими приметам, малыш, в Пикале можно обнаружить сотни три, если не больше.

— Клянусь, сеньор капитан, я его видел! Увижу еще раз — задержу, не будь я кениец!

Капитан промолчал, ожидая, пока в машину влезут эксперт и врач.

— Ну что, Хорхе?

— А дьявол его знает! — буркнул врач, недовольный чем-то. — Никаких ушибов, порезов и ссадин, никаких следов яда — мертв, и все. Не мог же он умереть от укуса комара?

— При чем тут комар?

— Да на шее у него есть небольшая припухлая точка, как от укуса комара. Я сделал соскоб, но вряд ли что-нибудь найду и в лаборатории.

— И все же анализ необходим. Кто знает, что произошло? Может, и в самом деле сердечный приступ. Но два трупа за сутки — это слишком много.

— В том-то и дело, что на инфаркт это не похоже, ни одного симптома. Он не гипертоник, совершенно здоровый человек. Лег и... уснул. И все!

¹ Сантолино — талисман, оберегающий от «дурного глаза». Обычно его вшивают под кожу.

Помолчали, пока «Бьюик» преодолевал подъем перед въездом в Пикаль.

— А у тебя что? — спросил наконец Эрнандес у неразговорчивого эксперта.

Тот молча протянул небольшой кусок белого камня.

— Был в кармане мертвеца. Больше ничего, никаких следов борьбы и обыска.

— Сильяр?

— Совершенно верно, сильяр.

— Все сходится. Миллер зачем-то летал в каменоломни... Ты хорошо искал?

Эксперт не обиделся, погладил усы и пожал плечами.

— Так ведь искать практически нечего. Это смерть в естественных условиях, никаких следов ограбления или паники.

Капитан вздохнул и признался в душе, что докладывать в столицу пока нечего, кроме констатации факта смерти. А так как полковник Чавес уже выразил свое недоверие, прислав без согласования майора Барахунду, то пусть майор и разбирается с трупами, а мы посмотрим, чем это кончится. Похоже, кто-то спешит сорвать экспедицию в Пирау, используя все доступные методы, не гнушаясь убийством даже таких людей, как Стэнли Миллер...

Пикаль

Дайамонд закончил отчет о затратах «Птичьего глаза» и собирался позвонить в Пирин, чтобы еще раз напомнить Анхелике Форталеза об обещании поужинать вечером в «Ривьере», и в этот момент позвонил ван Хов.

— Справочная? В котором часу отправляется самолет в Шочипилью? В двенадцать?

— Вы ошиблись номером, — сказал резидент, мельком посмотрев на часы: до назначенного ван Ховом часа осталось тридцать три минуты.

Через полчаса Дайамонд был в агентстве аэрофлота.

Ван Хов зашел через минуту, его проводили через черный ход, со стороны парка Манава.

— Не мог передать новости по рации?

— Сообщение слишком важное, чтобы доверять рации, к тому же нужен совет. И, может быть, помощь.

Даймонд достал бутылку с «Черной кровью», налил себе и гостю на палец, проглотил, закусил ломтиком ананаса.

— Садись. У тебя десять минут, укладывайся.

— Постараюсь, мне тоже светиться здесь ни к чему. Сначала новость неприятная. Сюда едет спецкурьер «Чистилища» с материалами по контрабанде раритетов. Это в лучшем случае высылка из страны, в худшем по законам Паракаса — тюремное заключение на семь-десять лет.

— Кто курьер?

— Известно только имя — Филипп Моррисон. Но он может приехать под любым другим.

— Тогда пора уходить, как ни крути. А жаль, в долине еще немало необследованных развалин, скрывающих золото. Знать бы, кто этот курьер и в чьем обличье прибудет...

— Еще не все потеряно, в Пикаль вылетел еще один работник «Чистилища», Милич, он нам поможет.

— Каким образом?

— Он не только агент «Чистилища», но и работник команды «Гамма», подчиненной только директору конторы. Он знает многих агентов СИУ и, встретив знакомое лицо...

— Ясно. Милич. Опиши его.

— Он сам тебя найдет.

— Черт! Еще бы два-три дня, и мы бы ушли тихо и с грузом.

— Опасно. Миллер мертв, но его «Эол» должен быть здесь. СИУ не посылает одиночек туда, где могут быть «плохие климатические условия».

— Нашли у него хоть что-нибудь?

— Ничего. К сожалению. Он профессионал и все держал в голове.

— Какого черта он летал в каменоломни? Что искал? Почему именно там? И нашел ли? Досадно, что он умер, у живого можно было бы добиться признания. Как это случилось?

— Мы и не хотели убивать, решили обыскать без шума, ввели снотворное, экспериментальный препарат, распадающийся в крови через три минуты после укола, а у него черная реакция на транквилизаторы. Сердце остановилось — и все.

— Это прокол, уважаемый эксперт, который может аук-

нуться в ближайшее время. Я не думал, что вы способны работать так грубо. Надеюсь, ваши люди не наследили?

Голландец опустил голову, нехотя процедил:

— Похоже, этот старый дурак, директор Пирина, видел исполнителя.

Дайамонд побагровел, молча глядя на агента.

Ван Хов взглянул на него, криво усмехнулся.

— Исполнитель был в парике и переодет, так что едва ли Эчеверриа узнает его, даже если встретит. Но я уберу парня оттуда, будет в резерве. Не нервничай, Дигги, все будет о'кей. Мне в ближайшее время понадобится твоя техника наблюдения за подходами к долине. Где установлены телекамеры и как мне к ним подключиться?

Дайамонд налил себе виски, разбавил лимонным соком.

— К моим телекамерам тебе не добраться. — Он выпил, вытер губы. — Мы приспособили в качестве их носителей кондоров. Идея Копмана.

— Кого приспособили?

— Кондоров, или, как их называют индейцы, криско. «Королей Анд». Камеры вшиваются птицам под кожу и передают панораму на монитор с компьютером, который синтезирует общий вид долины и всех подходов к ней. Оператору остается внимательно следить за экраном. Один выход системы имеется в лаборатории, в долине, второй — у меня.

— Ясно. Но мне нужна оперативная отработка наблюдения, не буду же я сидеть у тебя в резиденции и командовать своими парнями оттуда. Кстати, наблюдение за Торвиллом и Нераном не дало результатов, по всем данным, они являются агентами СИУ.

— А Косински и этот стрелок-альпинист Улисс?

— С Косински мы еще работаем, а Улисс... он весьма умело уходит от наблюдения, хотя это получается вполне естественно. Во-вторых, во время пробной проходки стены Тумху, когда в лагере остались Улисс и толстяк Типлер (Дайамонд едва заметно улыбнулся), исчез твой телохранитель, который собирал и прятал обломки вертолета.

— Райхан?! Что значит — исчез?

— Не вышел на связь, мы там все прочесали — никого, хотя видны следы потасовки и перестрелки. Теперь я уверен,

что никто, кроме Улисса, не мог бы потягаться с Райханом в открытой рукопашной. К тому же этот альпинист лазает по скалам как бог! Ты бы видел!

— Видел, — буркнул резидент. — Он опасен. Опаснее любого безопасника из Сегуридад, причем хотя бы тем, что с его помощью экспедиция вот-вот начнет переселяться в долину. Его надо убрать.

— Это не так-то просто сделать. Возле Пирина все время крутится полиция. Эрнандес что-то унюхал и начал копать. В общем, пахнет жареным, потому я и зашел.

Дайамонд закурил «Джекпот».

— Я мало чем могу тебе помочь. К несчастью, один из входов в долину, самый ближний, теперь блокирован экспедицией, эти кретины альпинисты выбрали место подъема прямо возле входа.

— Так это все-таки пещера? Как ее... Уткупишго?

Резидент отрицательно мотнул головой, выпуская струю дыма.

— Нет, вход в одной из башен, или «Чульп» Сильюстани, как называют их индейцы.

— Значит, это из-за него вы убрали индейца-сторожа?

— Он заметил курьера Копмана, пришлось инсценировать нападение индейцев из долины.

— А где второй выход?

— Недалеко от каменоломни, куда летел Миллер, сквозная пещера, никому не известная. Тебе знать ее координаты не обязательно, твоя забота — ликвидировать сеть «Чистилища». Эвакуация лаборатории — моя забота. Ищи Райхана, он не мог исчезнуть бесследно. Это один из лучших моих клавар¹. Где я тебе возьму еще одного?

— Но мне все равно без твоей помощи не обойтись, ты же понимаешь.

Дайамонд выпустил клуб дыма и погасил сигарету.

— Попробуем ввести в игру Ушастого... если согласится Копман. Мне бы еще пару дней продержаться, а там хоть потоп...

— Кто этот Ушастый?

¹ Клавар (исп.) — пришить.

— Помнишь, в Каролине год назад прошел процесс над садистом-убийцей Гориллой Джеком?

— Слышал краем уха.

— Ему грозил электрический стул, но молодцы Копмана выкрали Гориллу из тюрьмы, доставили сюда и провели над ним опыт. Так вот до опыта это был узколобый косноязычный дегенерат с маниакальной жадой убийства, к тому же безнадежно больной эпилепсией, а теперь он практически здоров, интеллект его вырос на порядок, а физические кондиции позволяют делать то, на что не способен ни один человек в мире. Он даже лазает по горам не хуже твоего красавца подопечного Улисса. Но главное в другом: он, кроме всего прочего, телепат.

— Что?! — Ван Хов чуть не подавился долькой ананаса.

— Что слышал. Он способен читать мысли. Вообще все, кто прошли через эксперимент, были способны к телепатии. Поэтому и Пино, и Хонтехос, и священник Овехуно смогли выбраться за пределы лаборатории и попытаться бежать. Если бы они объединились, никто уже помешать бы им не смог. Но, к счастью, они решили бежать в одиночку.

Голландец, потрясенный, смотрел на резидента.

— Значит, все эти слухи о лаборатории... не вымысел?

— Это не слухи. Мечта о сверхчеловеке осуществима, мы теперь знаем точно. Правда, не всех надо приобщать к расе суперхомо, честные и наивные дураки, получив сверхинтеллект и сверхвозможности, почему-то предпочитают проявлять свои способности не там, где это необходимо их наставникам. Ушастый — иное дело. Решено, я попробую договориться с Копманом, чтобы его прикрепили к твоей команде.

— Как я его найду?

— На людях ему показываться вредно, слишком заметен. Он найдет тебя сам. Связь будем держать только по рации и встретимся ли еще раз, не знаю. Может быть, в долине?

— Лучше в Штатах.

Дайамонд улыбнулся.

— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Желаю удачи, Райфл. — Диггори Дайамонд хлопнул вана Хова по плечу и вышел, уверенный в себе, спокойный и надменно-величавый, как и полагается быть бизнесмену. Он

знал все имена и клички, под которыми работал Леон ван Хов, в том числе и его настоящее имя — Райфл Комбер.

— С нами бог! — пробормотал ван Хов, глядя ему вслед.

Увидеть труп Миллера Улиссу так и не удалось: полиция забрала его раньше, чем альпинист вернулся из промежуточного лагеря под стеной Тумху. Он посидел в баре института в одиночестве, выпил бокал «Серебряного кондора», почтив память заместителя начальника экспедиции, и отправился искать Торвилла.

Спасатель оказался в спортзале, играл в лакросс¹. Подошел разгоряченный и улыбающийся. По сути, был он еще очень молод, да и развит неплохо: худощав, мышцы не рельефные, но жилист и гибок.

— Подключайся, мы им сейчас накидаем...

— Некогда. — Джонатан отвел Кристофера в сторону. — Да и не умею я играть в эту игру. Крис, ты хорошо знал Миллера?

Торвилл пожал плечами, оглядываясь на игроков.

— Совсем не знал. Встречал только один раз, когда он приезжал с Косински в Лозанну. Да еще летели вместе. А что?

— Понимаешь, он взял у меня одну вещичку, сказал, покажет специалисту... а она дорога мне как память. Не знаешь, полиция не объявляла, что нашли у него в карманах?

— Позвони в полицию, тебе скажут. Но если он не носил ее с собой, то она у него в каюте. Попроси ключ у администратора и поищи. Ты только об этом собирался спросить? Тогда я побежал.

— Подожди. Ты не видел Анхелику?

— По-моему, она гуляла с этим французом, Гийомом. Извини, меня ждут.

Улисс понаблюдал немного за игрой, потом поднялся на крышу здания.

Ночь была великолепна: звездное небо, мрак, удивительная прохлада, запахи и звуки сельвы — все было исполнено тайного смысла и очарования. Хотелось стоять на краю безд-

¹ Лакросс — индейская игра в мяч, синтез баскетбола и футбола.

ны, и любоваться небом, и думать только о хорошем, и ждать необыкновенных встреч с женщиной, представлявшей собой тайну, не меньшую остальных тайн долины. Правда, ждать Улисс не любил, его натура жаждала действия, и приходилось сдерживать себя, просчитывать каждый шаг, заранее прикидывать поведение в том или ином случае, будучи ограниченным узкими рамками положения альпиниста, любителя острых ощущений.

Ангелики на крыше не оказалось. Джонатан сел на крайний лежак и около часа провел в оцепенении; на душе было пасмурно и не хотелось верить, что на этой земле люди готовы уничтожить друг друга ради любого пустяка: золота, власти, низменных удовольствий... Он нащупал в кармане маленькую тяжелую фигурку ягуара, нагретую от тепла его тела, и это прикосновение словно разбудило в нем решимость.

Улисс спустился на второй этаж жилого сектора, осмотрелся — никого — и подошел к двери каюты под номером сорок один, находившейся почти в тупике коридора. Здесь жил Миллер. Улисс толкнул дверь, она не поддавалась. Быстро вставил в замочную скважину универсальную отмычку, повернул дважды, замок тихо шелкнул. Джонатан быстро вошел и закрыл за собой дверь. Потом зашторил единственное окно и включил настольную лампу.

В каюте царил застарелый беспорядок, стол с выдвинутыми ящиками был забросан окурками, хотя Миллер не курил. Полицейские?

На полу валялись неубранное белье, мотки проводов, ботинки, журналы: американские «Эсквайр» и «Бойс мэгэзин», английский порнографический «Пикчерс», бутылки из-под виски «Чивас-Ригал». Ничего себе кавардак! Неужели это оставили служители закона?

Джонатан быстро просмотрел одежду в шкафу, чемоданы и понял, что в комнате был обыск и учинен он уже после того, как полицейские увезли покойника. Найти в этом хаосе то, из-за чего убили квартирьера, не представлялось возможным, к тому же оставаться в его каюте было рискованно. Улисс заглянул в ящики стола — все пусто, кроме верхнего, в котором лежали рассыпанные патроны и обойма для писто-

лета «лама-рапид». Джонатан машинально взял обойму, выщелкнул еще два патрона, хотел бросить обойму в стол и неожиданно заметил, что последний патрон в обойме вовсе не патрон, а черная капсула-кассета для миниатюрного диктофона, завернутая в клочок тонкой папиросной бумаги. М-да, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Хотя, если задуматься, везет тому, кто любит и ценит риск, везет игроку.

Улисс интуитивно понял, что пора уходить. Он осторожно приоткрыл дверь, высунул голову из комнаты — никого, бесшумно выскользнул в коридор. Но уйти не успел: на лестнице послышался шум, топот ног — поднимались трое или четверо мужчин.

На решение оставались секунды. Джонатан, не раздумывая, толкнул дверь соседней каюты — заперта, рядом с ней тоже, напротив — заперта. Господи, неужели никого на всем этаже?

«Как я объясню свое появление здесь, где пахнет криминалкой?..»

Последняя дверь перед лестничной клеткой оказалась незапертой, и, лишь открыв ее, Улисс понял, что попал в каюту Анхелики.

В комнате было темно, кто-то завозился на кровати.

— Кто здесь? Это ты, Рю? — Голос был женским, но принадлежал вовсе не Анхелике Форталеца, врачу экспедиции.

— Не включайте свет, — сказал Улисс, запирая дверь. — Не бойтесь, я не грабитель.

Женщина тихонько засмеялась.

— Я не боюсь, но ведь не каждый день со мной знакомятся столь оригинальным способом, в темноте. — Говорила женщина по-английски со специфическим акцентом. — Вы урод? Или еще хуже — глубокий старик?

Улисс замер, прислушиваясь к гулкому шуму в коридоре.

— Ни то, ни другое, просто люблю розыгрыши и надеялся застать здесь хозяйку. Не будете же вы отрицать, что это комната Анхелики?

— Конечно, не буду. Но Хели уступила ее мне, потому что сама переехала сегодня в лагерь в горах. Так что, если вы разочарованы, мистер альпинист, можете уходить.

— Что? — Джонатан не поверил ушам. — Вы меня знаете?

— Хели предупредила, что вы можете зайти, и сказала, что ждет вас в лагере. Так вы Улисс?

— А вы, судя по акценту, японка.

Женщина снова засмеялась, словно прозвенел мелодичный колокольчик.

— Вы очень проницательны, сэнсэй. Так и будете стоять на пороге?

Шум шагов в коридоре стих.

Улисс нашарил выключатель на стене, вспыхнула лампа на потолке под абажуром в виде китайского дракона.

На кровати, шурясь, сидела молодая японка, миниатюрная, очень красивая, одетая в традиционное кимоно для сна. Тонкий аромат каких-то незнакомых духов защекотал ноздри непрошеного гостя.

— А вы не боитесь, что я могу перейти рамки дозволенного при первом знакомстве? — с любопытством спросил Джонатан.

— Нет, сэнсэй, я с детства владею ниппон-ре.

— Это разновидность карате? — Улисс притворился наивным, прекрасно зная, что такое ниппон-ре: в свое время он прожил в Японии, в префектуре Фукума, почти год.

Женщина зашлась в тихом смехе; японки всегда славились беззвучным смехом, плачем и сдержанностью.

— Это переводится как «умение освободиться от надоедливой мужчины». К тому же сейчас должен прийти мой друг, профессор Токийского университета Рю Сугайто, а он владеет карате в совершенстве.

— Спасибо за предупреждение, в таком случае мне пора откланяться. Как вас зовут?

— Харикара Хоси, профессор биохимии.

— О! И сколько же вам лет? Хотя простите за бестактный вопрос.

— Почему? Я не скрываю возраста, мне двадцать семь.

— И уже профессор?

— Что подделаешь. — Харикара пожала плечиками, в голосе ее проскользнули грустные нотки. — Я многим пожертвовала, чтобы стать ученым, в Японии женщине сделать это очень трудно.

«Как и везде», — подумал Улисс. Хотел спросить, чем бу-

дет заниматься в археологическом центре биохимик, но передумал. Попрошавшись, вышел из уютной каюты Анхелики, оставив слегка разочарованную японку ждать своего друга. Поднявшись к себе, тщательно занавесил окно, запер дверь, включил музыку и достал из кармана кассету для японского диктофона «Синити». Размотал клочок папиросной бумаги и обнаружил на нем какую-то надпись таким мелким почерком по-испански, что с трудом прочитал: «Тому, кто найдет. В долину можно попасть через одну из «Чульп» Сильюстани».

«Чульп» Сильюстани», — повторил Улисс про себя и вспомнил странные башни из отлично пригнанных друг к другу каменных глыб. Вот оно как... Вот, значит, каким образом проникли в долину американцы. Но если этот вход теперь закрыт для них, то как же они будут эвакуировать базу в долине? По воздуху? С помощью мотодельтапланов?

Джонатан порылся в вещах и достал магнитофон «Сейко», имеющий гнездо для прослушивания диктофонных записей: японцы — практичный народ и давно унифицировали свою аппаратуру звукозаписи для привлечения покупателей удобством и многофункциональностью. Закрепив наушники, альпинист включил воспроизведение, и глуховатый голос Хуана Карлоса Хонтехоса начал рассказ о лаборатории «Демидург»...

Утро следующего дня казалось обыкновенным.

Улисс умылся, сделал зарядку, позавтракал и в числе двадцати других членов экспедиции погрузился в вертолет, доставивший его в девять часов к подножию Тумху.

Лагерь все еще охранялся полицией, а по его территории слонялся угрюмый майор Барахунда, переодетый в партикулярное платье. На его лице ясно читалось: «А пропади оно все пропадом!»

К удивлению альпиниста, Анхелики в лагере не оказалось. Как объяснил ее коллега, не то врач, не то санитар, она добилась разрешения войти в состав передового отряда и еще на рассвете вместе с альпинистом Нераном и шестью молодцами Косински ушла наверх.

— Теперь они уже, наверное, в долине, — закончил черноволосый врач с неприятным бегающим взглядом.

Джонатан пожал плечами и пошел искать начальника экспедиции.

Косински в белом костюме и широкополой шляпе распоряжался у больших холмов снаряжением, которое надо было в первую очередь перетранспортировать в долину. Ему помогали норвежец Ингстад и француз Гийом Карсак, весело ответивший на приветствие.

— Господин Косински, — отозвал в сторону начальника экспедиции Улисс. — Здесь я вам не помощник, сейчас придет Торвилл и проконтролирует подъем основного груза, а мне бы хотелось поработать в долине. С перевала я заметил несколько скал, на которых видны развалины...

— Не возражаю, — кивнул Косински, поняв недосказанное. — Там уже находится ваш коллега Неран, обговорите и прикиньте с ним маршруты, потом обсудим, чему отдать предпочтение.

— Джо! — позвал Улисса Гийом. — Говорят, ты уже побывал в раю? Я имею в виду долину.

Джонатан подошел к французу.

— Скорее в аду. Жарко и душно, как в настоящей сельве, разве что не хватает сырости, а так — дикая амазонская сельва. Честно говоря, больше люблю работать в климате альтиплано, но, если хорошо платят, могу и в аду.

— Я тоже. — Гийом засмеялся. По натуре он относился к холерикам: был нетерпелив, иногда резок, склонен к риску, обладал быстрой речью и выразительной мимикой. Недаром говорится, что холерик симпатичен только при наличии высокого интеллекта, а Гийом Карсак был именно таким человеком.

— А ну расскажи, с кем ты был вчера, — сказал Улисс, равнодушно окидывая взглядом заросли кустарника толы, за которыми скрылся эксперт ООН ван Хов. — И как тебе удалось ее уговорить?

— Кого? — удивился Гийом. — Я весь вечер провел в Пикале в кафе «Жемчужина Отуско». Познакомился с девочками из шочипильского кабаре «Зефир». — Он прищелкнул языком. — Испанки — суперкласс! Жаль, что тебя с нами не было, оценил бы сразу.

— А мне сообщили, что ты гуляешь с Анхеликой.

Француз сделал скорбное лицо.

— Этот тет-де-пон не моего масштаба. К тому же я не в ее вкусе. Она вчера искала тебя.

— Окстись, — улыбнулся Джонатан. — Я-то ей зачем?

— Не прибежняйся, мон шер, все знают, что ты ей понравился. Она даже твоего друга Торвилла расспрашивала о тебе: кто, да откуда, да что заканчивал, где работал, женат или нет...

— Ты серьезно?

— Зачем мне врать? — обиделся Гийом. — Слышал собственными ушами... случайно... Вон и мсье Ингстад может подтвердить, он тоже слышал. Эгей, Сигурд, подойди!

— Некогда, — отмахнулся норвежец, взвалил на плечо тюк палатки и удалился к подъемнику.

— Рожа — что передок у «Мерседеса», — кивнул на него Гийом, — и манеры солдафонские, но пусть катится, мне с ним не спать. Слушай, ты идешь в долину? Возьми меня с собой, замолви словечко шефу, а?

— Не спеши, еще успеешь вкусить экзотики, пусть сначала оборудуют лагерь в долине, подготовят площадку для вертолета. Вечером встретимся.

Улисс медленно прошелся возле «Чульп» Сильюстани, сложенных из глыб весом не менее трех-пяти тонн каждая. Одна из башен венчала вход в пещеру, выходящую в долину. Которая же из них? У всех трех нижние окна — «поддувала» — одинаково забиты более мелкими камнями, попробуй определи... Альпинист заметил возле крайней башни вездесущего ван Хова и вынужден был повернуть назад.

Через двадцать минут он поднялся на стену Тумху, а еще через полчаса Неран, командующий спуском грузов с той стороны, встретил его в долине.

— Привет, Джо. Долго же ты спишь. Сеньора Форталеза ждала тебя, ждала, потом махнула рукой, и пришлось мне, старику, страховать ее на подъеме. Тебе было бы сподручней, а?

— Да уж, — согласился Улисс, чувствуя, как рубашка начинает липнуть к телу. — А где она сама?

— Тут недалеко, рассовывает по палаткам аптечки первой помощи. Мы нашли неплохое место для лагеря всего в трехстах ярдах отсюда. Но вода чистая и холодная, я пробовал,

должно быть, где-то бьют ключи. А место весьма неплохое, расчистим немного, и можно будет принимать вертолеты.

Из зарослей альгарробо и реликтовых кенуалей, в стене которых была прорублена просека, вынырнул молодой индеец с перевязанными лентой волосами.

— Иди за Миагой, он проводит. — Неран кивнул на индейца, безмолвно взвалившего на плечи очередную порцию груза. — Я дежурю здесь, на приеме.

Улисс подхватил длинный и тяжелый сверток с лопатами и зашагал следом за проворным проводником. Через пять минут ходьбы по зеленому сумраку сельвы вышли на небольшую каменную плешь, обрывающуюся в продолговатое миниатюрное озерцо, почти накрытое сверху кронами роскошных саговников и мангров. Под сенью оливкового дерева стояли три палатки, четвертую ставили трое мужчин, еще двое разбирались в гуде снаряжения. Анхелика, одетая в тропический полотняный комбинезон песочного цвета, непроницаемый для укусов насекомых и шипов растений, возилась с фотоаппаратом.

— Наконец-то, — ничуть не удивилась она, увидев Джонатана. — Сеньор любит понежиться в постели? Буэнос диас, монтанеро. Не хотите составить компанию для небольшой прогулки по долине Пируа? Ни-я, ни вы не относимся к клану ученых мужей и можем пока заняться разведкой в свое удовольствие. Не возражаете?

Улисс не возражал.

— А куда мы направимся?

— Посмотрите на север. Видите скалу над деревьями? Со стены перевала я высмотрела в бинокль кое-что любопытное, думаю, не заблудимся.

— Когда вас ждать, сеньорита? — спросил один из мужчин, в котором Джонатан узнал полицейского по имени Альфонсо.

— К вечеру, — беззаботно ответила Анхелика.

Фотоаппарат она повесила на шею, протянула УлиССу спортивную сумку.

— Возьмите, здесь кое-что может нам пригодиться.

— Но здесь живут какие-то индейцы... опасно. Это их территория. Убили же они сторожа...

— Ничего, как-нибудь договоримся. Не отставайте, мон-танеро, курс на север.

Улисс перекинул ремень сумки через плечо, и ему вдруг стало неуютно, словно тень упала сверху, тяжелая и холодная, спину лизнул чей-то неприятный взгляд. Он поднял голову и увидел парящего кондора. Показалось, птица с угрозой смотрит прямо на него...

— Ты вооружен? — перешла на «ты» Анхелика, когда они удалились от развертывающейся базы настолько, что перестали быть слышны голоса квартирьеров.

Улисс ответил не сразу:

— Как обычно. Я вообще не выхожу из дома без оружия, привычка. А что?

— Говорят, в долине водятся ягуары.

Шаг девушки был легок и быстр, и Джонатан невольно вспомнил Гийома: «Видел, как она ходит? Лань и тигрица одновременно!» Теперь было видно, что француз почти не преувеличивал. Мимолетно подумалось, что природа редко реализует максимальные потенции совершенства в человеке, а если и реализует, то почему-то всегда в женщине...

Они углубились в сумрак сельвы, живущей своей особенной, торжественно-естественной жизнью, полной скрытого движения и потенциальной угрозы. Мощные корни древесных гигантов затрудняли движение, жара и духота усилились, люди вскоре взмокли от пота, но Анхелика неумоимо и гибко скользила между стволами деревьев куда-то в сторону западных скал, изредка останавливаясь и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубины леса. Сейчас она совсем не походила на юную богиню, пресыщенную роскошью и мужским вниманием, какой показалась Улиссу в день знакомства.

Через несколько минут под ногами глухо цокнула ровная как стол плита. С ней стыковались еще две, разорванные трещинами, но еще способные служить той цели, для которой были уложены: это была дорога, как две капли воды похожая на ту, что открыл Улисс в свою первую вылазку.

Анхелика присела на корточки, придерживая фотоаппарат и бинокль, постучала ладошкой по серому монолиту.

— Кажется, за открытиями здесь далеко ходить не надо.

Как сказал бы Гийомчик: чтоб у меня глаз вытек, если это не дорога.

Джонатан кивнул. Он вдруг заметил, что вопреки бравате в голосе и спокойным жестам девушка украдкой вглядывается в обступающие их заросли, словно чего-то боится. Пришло ощущение скрытого наблюдения, хотя ни глаз, ни слух не отмечали ничего подозрительного.

— Попробуем проверить, куда она ведет? — предложила Анхелика. — Мне кажется, я догадываюсь, что мы увидим.

Плиты древней индейской дороги изредка утопали во мху или под грудами мелких камней, но были почти не тронуты временем, вырезанные с удивительным мастерством из цельных каменных глыб. Путешественники не прошли по ней и пятисот ярдов, как вышли на край поляны, утопающей в зарослях тунгового кустарника. Посреди поляны возвышался правильной формы холм, увитый плющом, заросший мхом и травой. Из вершины холма вырастала одинокая тонкая скала, белая, столбообразная, высокая, напоминающая минарет. Улисс не сразу понял, что перед ним древнеиндейский пирамидальный храм.

Анхелика оглянулась, восхищенная и обрадованная.

— Я не ошиблась, именно эту скалу я и видела в бинокль. Ты понимаешь, что это такое?

— Скорее всего храм или святилище.

— Нет, монтанеро, это доказательство правоты покойного Хонтехоса, считавшего, что предшественницей индейской культуры Паракаса была культура Чавин. Этот храм построен в чавиноидном стиле предками индейцев чавин вокруг одиночной скалы, считавшейся жилищем бога. И этот факт говорит о том, что когда-то долина была связана с большим миром.

— Но ведь в долине живут индейцы-пигмеи, этот храм могли построить их предки...

— Так оно и было, потому что их предками и являются индейцы чавин. Когда связь долины с внешним миром по какой-то причине была отрезана, оставшаяся часть племени постепенно деградировала и вырождалась. Я вообще удивляюсь, как племя выжило в условиях генетического имбридинга столько веков! Теперь понимаешь все значение долины?

Этот «затерянный мир» — сокровищница не только для археологов-параканистов, но и для этнологов, историков, экологов, ботаников, биологов и других специалистов. Значение его трудно переоценить.

Дорога из каменных плит привела прямо к полуобвалившемуся зеву входа, полускрытому космами плюща и травы. Теперь ясно было видно, что это действительно храм, стены которого — уступ за уступом — собраны из каменных блоков в одну-две тонны каждый. Над входом виднелся сохранившийся портал с выпуклым изображением какой-то хищной птицы.

Анхелика оглянулась, но не на спутника, а на лес. В глазах ее читалось беспокойство.

— Мне все время кажется, что за нами следят...

Джонатан незаметно потрогал рукоять пистолета и пошутил:

— Или ягуар, или индейцы. Это их дом, а мы гости незваные, пришельцы. Возьмут, да и снимут скальпы.

Девушка покачала головой, прислушиваясь.

— Мне мой скальп еще нужен. Поглядывай по сторонам, я взяла тебя в качестве арьергарда, вот и защищай тылы. Может, они нас не тронут?

Кого она имела в виду под словом «они», Анхелика не сказала.

Путешественники углубились в темноту святилища. Жара сменилась прохладой каменного склепа.

Анхелика достала из сумки фонарь, в луче света стены коридора отбрасывали красные искры — храм был сложен из гранитных глыб. Под ногами лежали груды земли, каменных обломков, осколков посуды и статуй. Что-то белело в щели возле стены. Улисс нагнулся и поднял окурок сигареты.

— Кажется, мы здесь не первые, — сказал он, рассматривая окурок. — «Лаки страйк». Такие сигареты курят в основном гринго, американцы.

В глазах Анхелики отразился свет, казалось, они метнули молнии.

— Может быть, тут были археологи, которые потом разбились?

— Они были американцы?

— А что им мешало купить такие сигареты в столице? Да и в Пикале их можно найти.

Улисс пожал плечами.

— Да я не возражаю.

Коридор кончился, они вышли в центральное помещение храма. Стены, украшенные выпуклыми изображениями хищных зверей и птиц, полуобвалившиеся, в пятнах плесени, с глубокими нишами. В нишах, окруженных орнаментами, статуэтки странных существ — людей-кошек и людей-птиц. Узор орнамента, как заметил Джонатан, состоял из повторяющихся веток дерева, которые заканчивались... изображением человеческого глаза!

И здесь «глаз», невольно усмехнулся про себя альпинист. Только не «птичий», а человеческий. Похоже, индейские художники были первыми авангардистами в истории цивилизации.

Луч фонаря выхватил из тьмы в центре зала ворох предметов. Во все стороны прынули огненные блики — золото!

Здесь были собраны десятки изделий из золота и драгоценных камней: статуэтки, маски, громадные серьги в виде людей-кошек и ягуаров, ножи-бритвы, калабасы, черепа в золотой фольге, посуда, жезлы и другие предметы, назначения которых Улисс не знал. Он подошел ближе, наклонился и вытащил из груды палицу из позеленевшего металла — тонкая рукоять, на конце утолщение с шипами и блестящими камешками.

— Макана, — сказала Анхелика тихо: у нее перехватило голос. — Оружие индейцев, известное еще с эпохи Окендо.

Улисс бросил палицу обратно.

— Интересно, кто собрал здесь эту коллекцию? Едва ли все это так лежало сотни лет. Ты не находишь? Кстати, для врача ты слишком хорошо разбираешься в археологии.

— Ты не прав. — Анхелика вдруг выключила фонарь. — Я не смогла вовремя выбрать профессию, а увлеклась археологией, вернее, параканистикой, когда уже закончила медицинский. Я очень люблю свою страну, ее обычаи, традиции, ее историю и народ. А увлечение археологией ничуть не мешает мне быть врачом.

— Поразительно! — проговорил Улисс. — В этой куче —

миллионы! Кто же смог проникнуть в долину? Грабители могил?

Анхелика ответила через минуту:

— Пошли отсюда, холодно. Сообщим полиции... Кстати, как ты относишься к Леону ван Хову?

— Эксперту ЮНЕП? — Улисс удивился вопросу. — А никак, я его почти не знаю. Мне он показался несколько утрюмым и... назойливым, что ли. Но встречались мы всего дважды.

— Назойливым? — Анхелика первой вышла на свет, внимательно оглядела заросли в полусотне шагов. — Выходи, арьергард, все спокойно. Твои предложения: идем назад или пойдем дальше?

— Конечно, дальше, я не люблю работать вычным животным, когда другие оборудуют лагерь, а больше ничего не умею.

Девушка рассмеялась, хотя глаза ее остались холодными и настороженными. Она хорошо играла свою роль. Знать бы, какую...

— Не очень-то верится, монтанеро, мои друзья были свидетелями того, как ты показывал класс в тире.

— Умение стрелять еще не доказательство универсальных способностей. Просто я в последнее время работал в одной из частных спортивных школ тренером.

— А где тебя откопал Миллер? Или сам Косински?

— Идея была Фреда Нерана, он помнил меня по работе в альпотряде «Лемур», а нашел Миллер.

— Хороший был человек, жаль его. А тебе? — Анхелика повернулась и в упор взглянула на Улисса.

— И мне! — искренне ответил тот, подумав: «Не понимать ли этот вопрос как намек? Мол, не вы ли убийца, монтанеро?.. Славная у нас пара, любовь между делом, а безобидные вопросы на засыпку оборачиваются остриями кинжалоподобных угроз и полны скрытого смысла. Кто вы, сеньорита? Действительно врач или принадлежите к еще какой-нибудь солидной организации типа контрразведки «Птичьего глаза»?..»

Анхелика, не оглядываясь, обошла храм и сделала несколько снимков. Джонатан пожал плечами, поплелся рядом, не без успеха демонстрируя предполагаемому наблюдателю нежелание шляться по жаркой духоте сельвы. Пусть

думают, что это здоровый увалень-тюха, лентяй и лопух, которого можно испугать «натуральным» рычанием ягуара...

Следующий марш-бросок через сельву в направлении к центру долины оказался короче первого. Уже через двести шагов путешественники вышли на край обрыва, замаскированный кустарником и длинными колючками. Анхелика нашла свободный от колючек клочок земли и подозвала Улисса.

Внизу под обрывом он увидел развалины города, почти скрытые зарослями фикуса, кустарника и трав. И все же в зелено-серой массе можно было разглядеть узкие улицы, складывающиеся в замысловатый узор, напоминающий лабиринт, дворы, дома без крыш, толстые стены, сложенные из глиняных кирпичей. Это была даже не долина — ущелье, и город за ним продолжался уже в скалах, переходя в пещерный. Едва ли его можно было разглядеть сверху, из кабины вертолета.

— Напоминает фолли¹, — проговорил Улисс. — Можно пройти в десятке шагов и ничего не заметить. Сверху, наверное, тоже не видно города. Все заросло.

— Попробуем найти спуск. — Девушка достала бинокль, осмотрела обрыв, и вскоре они спустились с десятиметровой высоты на дно ущелья, медленно двинулись по улице, утопая в траве по пояс.

Джонатан почувствовал на себе знакомый липкий, какой-то «стеклянный» взгляд, поднял голову и увидел кружившего над городом крупного кондора.

— Такое впечатление, — сказал он, — что ни один пейзаж долины не обходится без этих птиц.

— Ну естественно, вся история индейских цивилизаций связана с культом кондора, что отражено и в фресках Чавин. Хорошо, что ягуары встречаются гораздо реже.

— Не нравится мне это.

— Что именно? Что ягуары встречаются редко?

— Нет, что кондоры так любопытны.

В ту же секунду где-то недалеко раздалось приглушенное

¹ Фолли — букв. «причуда» — искусственные руины для придания современным городам черт старины (англ.).

рычание. Анхелика вздрогнула, инстинктивно схватив Улисса за руку.

— Легко на помине, — хмыкнул он, доставая свой «штейер». — Это ты виновата, сглазила. Может, не будем искушать судьбу, вернемся?

— Он не посмеет напасть днем на двоих сразу.

Стараясь не шуметь, они пошли дальше. Улица города-ущелья вскоре привела их к центральной «площади» поселения, посреди которой стояло небольшое строение круглой формы с входом, напоминающим цветочный бутон. Строение было увито плющом, оплыло, но свод его не рухнул, как у других зданий города.

— Кива, — сказала Анхелика. — Святилище индейцев, все южноамериканские индей... — Она не договорила.

Из глубины строения снова раздалось рычание.

— Ягуар! Вот он где прячется! Не ходи туда.

Улисс отвел руку девушки: в рычании зверя ему почудилась не угроза, а жалоба.

— Дай фонарь. Оружие есть?

— «Вальтер».

— Раньше мне казалось, что пистолеты не входят в медицинское оборудование, а? Отойди в сторону и жди.

Улисс включил фонарь и, не обращая внимания на хриплое ворчание невидимого зверя, приблизился к святилищу. Луч света выхватил из тьмы какие-то ящики явно современного вида с надписью «фрукты» и эмблемой «Птичьего глаза» и... клетку с ягуаром! Клетка была маленькая, зверь в ней уместился только лежа — великолепный пятнистый самец с переливающейся шкурой, — но даже издали было заметно, что он ослабел от голода и неудобной позы. Глаза его блеснули ненавистью, но рык получился не грозный, а бессильный.

Джонатан вернулся к спутнице.

— Он в клетке. Видимо, приготовили, чтобы увезти на материк. М-да, веселенькое дело! На каждом шагу следы белых, а мы никак не могли добраться сюда. Они-то как пробираются в долину? Я имею в виду контрабандистов. Надо сматываться отсюда, вернуться хозяева — нам несдобровать.

— Пошли, — согласилась Анхелика, потом остановилась. — Может, выпустим его? Жалко...

Улисс хотел отказаться, но встретил ее умоляющий и испытующий взгляд и махнул рукой.

— Выпустим. Лишь бы он не кинулся на нас.

Но ягуар не кинулся — то ли в благодарность за освобождение, то ли решил «не связываться», то ли ослабел так, что думал только о бегстве. Он лишь рявкнул с обидой и предостережением в голосе и трусцой направился в глубь ущелья, скрылся за развалинами.

Улисс пробормотал ему вслед:

— Не попадайся больше, кошка, второй раз тебя не освободят.

— И спасибо не сказал, — с облегчением засмеялась Анхелика.

На траву упала легкая тень. Кондор, совсем низко. Что-то блеснуло у него на груди. Недолго думая, Джонатан поднял пистолет и точным выстрелом сбил птицу на вираже. Грудой перьев она рухнула в теснину улицы-ущелья. Не обращая внимания на изумленный вскрик девушки, альпинист подбежал к месту падения кондора, перевернул его на спину и присвистнул. Из перьев на груди птицы выглядывал зрачок миниатюрной телекамеры. Улисс знал такие штучки весом в сорок граммов, фирмы «Хаттори сейко», на ЧИП-кристаллах, выполненные с использованием технологии направленной диффузии.

Подошла Анхелика.

— Ты зачем? — Она заметила объектив. — Что это?

— Лишний глаз, — ответил Джонатан. — Странно у вас в Паракасе идет эволюция пернатых. В Европе у птиц только по два глаза.

И снова глаза девушки не смогли скрыть не то досады, не то угрозы. Интересно, о чем она подумала? Дурак ты, монтер, и уши у тебя холодные? Или прикидывает варианты шахматной партии Улисс — «вальтер»?..

— Ты действительно не понимаешь, что означают наши открытия?

Альпинист пожал плечами.

— Этими открытиями пусть занимаются компетентные органы, мое дело — скалолазание. Я вообще не люблю связываться с полицией.

— Я не о том, монтанеро. Если мы сообщим обо всем в полицию — моментально станем мишенями, подумай об этом. Контрабандисты не любят, когда кто-то проникает в их тайны. Пошли отсюда, мне что-то не по себе...

Через час они выбрались к лагерю со скверным ощущением целящегося им в спину невидимки. Оба думали об одном и том же: кто его спутник? В лагере их ждало сообщение о смерти одного из рабочих передового отряда по имени Альфонсо. Того самого, в котором Улисс узнал полицейского.

Пикаль

Неприятности начались в полдень.

Сначала Эрнандесу сообщили о пропаже из морга трупа Миллера, а спустя полчаса позвонил Барахунда и тоном, не предвещающим ничего хорошего, буркнул:

— Бери своих экспертов и дуй в лагерь у Тумху. Одна нога там — другая здесь.

— А что случилось?

— Умер Фиоретура.

— Альфонсо?! Каким образом? Что значит — умер?

Барахунда, не отвечая, бросил трубку.

Эрнандес взял с собой врача, эксперта и Нгури и со всей скоростью, на которую был способен «Форд» шестой модели, помчался к Пирину, где дежурил вертолет. Через двадцать минут он был в лагере, население которого находилось в легком шоке после третьего трагического случая, и нашел Барахунду, угнетенного жарой и отсутствием каких бы то ни было улик, возле одной из палаток, где покоилось тело Альфонсо. С майором беседовали двое: красивая испанка, врач экспедиции, и здоровенный парень, альпинист, с помощью которого Фиоретуру перенесли из долины на плато. Эрнандес заглянул в палатку, постоял немного и вышел, жестом пригласив медэксперта зайти.

— Как это случилось?

— Свидетелей нет, — нехотя ответил Барахунда. — Он решил искупаться, остальные в это время переносили вещи и... думали, что он отлучился по нужде. Потом начали звать, а он... в озере. Никаких следов борьбы на теле. Упал и утонул.

— Где он купался? Там глубоко?

— Бочаг глубиной в пять футов, дно ровное... В общем, капитан, дело темное. Он у тебя не страдал сердечной недостаточностью?

— Он умер не от сердечного приступа, — возразила глубоким контральто врач, — а от удушья. И едва ли я ошибаюсь. Я вам нужна, сеньоры?

— Нет, — после минутного колебания сказал Барахунда. — А вы задержитесь, молодой человек, — добавил он, видя, что сопровождавший врача альпинист собирается идти за ней. — Повторите капитану вашу историю.

Улисс рассказал об открытии «пещерного» города и индейского храма в долине. Замолк, выжидательно глядя на майора. Что-то в выражении его лица не понравилось Эрнандесу. Налет превосходства?.. Нет, скорее тень иронии. Интересный парень и, как видно, не дурак.

— Контрабандисты? — поднял на капитана свои выпуклые черные глаза Барахунда.

— Похоже, — согласился Эрнандес. — Но канал сбыта имеют не в Пикале, я бы засек. В Боливии? По ту сторону долины — граница.

Барахунда покачал головой, но не ответил. Кивнул Улиссу:

— Хорошо, монтанеро, идите, но прошу своими открытиями не делиться ни с кем, и передайте это же врачихе. Вы там, в долине, никому не говорили о находках?

— Не успели, началась эта история с утопленником.

Майор кивнул, и альпинист ушел.

— Ну и что вы об этом думаете, дон Доминго? — спросил Барахунда. — Не слишком ли много смертей за последнее время? С Миллером ничего нового не выяснили?

— Вы же запретили мне заниматься этим делом, — сказал Эрнандес, подумал и добавил: — Его... украли. Прямо из патологоанатомического отделения. Мои олухи клянутся, что никого не видели, ничего не слышали, но он... исчез.

— Лихо! — только и сказал майор Барахунда, вытаращив глаза. — Кому он мог понадобиться?

— Тому, кто его убил, — предположил Эрнандес, не моргнув глазом.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы убийства.

Майор опомнился.

— Тьфу на вас, капитан! Кто вам сказал, что Миллера убили? Доказательств нет. Никогда не обосновывайте вывод на непроверенных слухах, это помогает сохранить хорошее мнение начальства при полном отсутствии результата. Займитесь поисками трупа. Если появится информация, сообщите.

— Слушаюсь, — вытянулся Эрнандес. — А что делать с Альфонсо?

— Что и обычно. Везите к себе, на вскрытие... потом доложите.

— Жарко сегодня, — сказал капитану медэксперт, вылезая из палатки, достал сигареты, глядя на удаляющегося Барахунду. — Не по-весеннему. Она права. — Он закурил. — Права.

Эрнандес понял, что эксперт имел в виду врача экспедиции.

— Судя по всему, парень просто захлебнулся. На теле ни синяков, ни ссадин, только два-три следа укусов насекомых. На всякий случай я взял кусочки тканей на исследование, но, — эксперт затынулся, — дело дохлое. Может быть, что-то покажет вскрытие?

К полицейским подошел нервный Косински.

— Господин капитан, ваш работник запретил переход в долину, но это же смешно — задерживать экспедицию из-за...

— Труп — это всегда смешно, — поддержал его Эрнандес. Косински сбился.

— Ну нет, конечно, я хотел... простите. Однако никто не застрахован от несчастного случая, и, если бы все экспедиции откладывались из-за смерти одного из участников, мы не знали бы сейчас Америки. Как долго нам еще бездействовать? И так потеряли черт-те сколько времени!

— До полного выяснения обстоятельств дела. Расследованием займусь я сам. Думаю, завтра вы сможете продолжить переброску экспедиции в долину.

Косински попробовал протестовать, но, ничего не добившись, удалился, кипя от негодования.

Подбежал Нгури.

— Сеньор капитан, я его узнал!

— Кого?

— Того сеньора, который по описанию сеньора Эчеверья заходил к сеньору Миллеру.

Эрнандес хотел выругаться, но лишь вздохнул.

— Где он?

— Разговаривает за одной из «Чульп» с тем голландцем, что был вместе с Эчеверья, когда мы с вами с ними говорили.

— Не Эчеверья, а Эчеверриа. Веди.

Нгури с азартом устремился вперед, как молодая гончая, учуявшая след зверя, но не оценившая по неопытности его размеров и силы. Выйдя за границу базового лагеря, оцепленного «гвардейцами» Эрнандеса, возле третьей «Чульпы» Сильюстанни, стоявшей дальше других от скал, в кустах толы, они издали увидели Леона ван Хова в компании с каким-то странным субъектом. Хотя от увлекшейся разговором пары было добрых пятьсот футов, это не помешало Эрнандесу разглядеть незнакомца. Внешность его была отталкивающей: лет сорок—сорок пять, сутул, с широкими покатыми плечами и длинными руками, ноги не видны, скрыты кустарником, а лицо жуткое, свирепое, с глубокими морщинами, широко-скулое, глаза упрятаны глубоко под надвинутый низкий лоб, уши сплющены и свисают, как у летучей мыши. Встретишь такого один на один — инфаркт обеспечен. Ну и чудище! Рождает же земля таких. Явно не испанец, не абориген...

Незнакомец словно услышал мысли капитана, поднял нависающую над ван Ховом голову, поглядел в сторону приближающихся полицейских и... исчез, будто растворился в воздухе.

— Он? — коротко бросил Эрнандес.

Нгури, имевший такое же острое зрение, звучно сглотнул.

— Н-нет... это же... дьявол! А тот обыкновенный форзудо¹, одет в... черный, обтягивающий... трайе депортиво. Куда же он делся?

Ван Хов оглянулся на них, помахал рукой и двинулся навстречу.

— Какими судьбами, комиссар? Любуетесь на эти изумительные постройки?

— Кто это с вами разговаривал? — равнодушно буркнул Эрнандес. — Интересный тип, я раньше его здесь не видел.

— А, этот!.. — Ван Хов оглянулся. — Да, прямо скажем, не красавец. Предлагает услуги в качестве верхолаза.

¹ Форзудо — крепыш (исп.).

— Как верхолаза? Может быть, скалолаза?

— Не вижу разницы.

Эрнандес улыбнулся.

— Что ж, экологу прощительно не знать разницы, хотя она есть, и весьма существенная. Но почему он обратился к вам?

— Видимо, счел за начальство. У вас еще есть вопросы? — В голосе ван Хова слышались нотки раздражения.

— Пока нет.

— Тогда прошу извинить, меня ждут дела.

Голландец повернулся и как колобок покатился к лагерю.

— Вот что, малыш, — сказал Эрнандес, глядя ему вслед. — Осмотри-ка здесь все потщательней. Если встретишь его ушастого собеседника, попытайся установить, где живет и кто он.

— А того, которого я узнал?

— И его тоже. Не нравится мне этот эксперт из ООН, больно уж прыток.

Капитан вернулся в управление, и скучающий Хулио сообщил ему вест о прибытии из Женевы эмиссара Интерпола.

— Не понял! — удивился Эрнандес. — Он что же, прибыл прямо в Пикаль, минуя столицу?

Дежурный по управлению кивнул.

— Он велел... извините, просил встретиться с ним в семь вечера, здесь, в Геренции...

Капитан подумал.

— Это становится интересно. Черт с ним, подожду. Как его зовут, назвался?

— Драган Милич.

***Окрестности Пикаля —
долина Пируа***

Рассвет альпинист встретил в долине Пируа в полной боевой форме, готовый к любому поединку, как физическому, так и интеллектуальному. Отсутствие таковых ночью он пережил с удовлетворением, хотя ждал развития сценария с засадами, западнями и схватками.

В полночь он проник в лагерь возле перевала Тумху и по очереди обшарил угрюмые башни «Чульп», благо возле них не оказалось полицейских постов и они не были освещены.

Вход в подземелье обнаружился в самой крайней башне, стоявшей несколько особняком, причем замаскирован он был искусственной плитой, изображавшей каменную глыбу. Улисс никогда не разгадал бы по виду в этой «глыбе» подделку и лишь по звуку определил за ней пустоту.

Спустившись в дыру по ступенькам, он включил инфракрасный фонарик, надел очки ночного видения и спокойно преодолел почти прямой, довольно чистый подземный туннель длиной в полмили, нигде не встретив никакой хитроумной индейской, а также и любой другой ловушки. Выход из туннеля высотой в пять футов — то ли его строили пигмеи, то ли экономные белые пришельцы — оказался прямо под извилистыми досковидными корнями саговника, найти его, не зная точных координат, было бы весьма затруднительно.

Улисс дождался рассвета и уже без инфраоптики обнаружил хорошо утоптанную тропу, уходящую в глубь сельвы. Но, хотя ее никто не охранял, Джонатана не покидало ощущение, что хозяева подземного перехода и тропы знают, что он ими воспользовался, и заманивают вглубь намеренно. Можно было, конечно, возвращаться, он проверил точность сообщения по записке и нашел способ быстрого проникновения в долину, но что-то подсказывало Улиссу, что назад идти тем же путем уже нельзя. Тогда он выбрал другой путь — вперед.

Тропа, отклоняясь влево, через милю с небольшим вывела его к длинной стене сланцевых обнажений, и Джонатан сразу увидел лагерь, чужой лагерь, покинутый, на пятачке между стеной скал и зеленым забором сельвы, у группы пещер, четко просматривающихся на желто-серой поверхности обнажения. Лагерь состоял из двух пятнистых, под цвет скал и почвы, палаток и навеса, под которым прятался штабель аккумуляторных зеленых ящиков. Вокруг ни души.

Улисс тенью спустился к громадной яме у подножия каменной губы, обошел полуразвалившуюся каменную постройку из адобе, напоминавшую сарай, и у двух расколотых каменных плит наткнулся на шахту с уходящими вниз лестницами. Пользовались ими, судя по отпечаткам на глине, давно. Джонатан заглянул в шахту, но спускаться не стал, а поднялся выше, к пещерам. Но это оказался совсем не город,

как он подумал вначале. Внутри горы все пещеры соединялись в одну галерею с рядом круглых отверстий в полу. Под ногами захрустели какие-то кости и черепки, повеяло необычным запахом — запахом камфары и тлена.

Улисс надвинул очки и посветил в одно из отверстий. Луч инфрасвета выхватил из мрака каверну, похожую на пузатую бутылку из-под вина — вид изнутри. На дне каверны располагались неподвижные фигуры, мумии с поджатыми к подбородку коленями и скрещенными на груди руками, почти все они были повалены, многие разломаны на части.

Джонатан посветил в соседнюю каверну и спрятал фонарь. Он попал в Некрополис — город мертвых. Уже разграбленный, опустошенный, растоптанный жадными и алчными вакерос — грабителями могил.

Судя по величине и качеству обработки пещер, здесь хранили элиту древних индейцев пируа.

Вылезая из Некрополиса через крайнюю пещеру, Джонатан споткнулся о подвернувшийся обломок статуи, и это его спасло: пуля прошла над ухом, срикошетила от стены и взбила пыль на полу у каверны. Улисс отпрянул назад, под защиту стен пещеры, и замер, вглядываясь в зелено-коричневые дебри по ту сторону скально-глинистого обнажения. Он угодил в ловушку, и мгновение назад его спас только случай.

Несколько минут истекли в неподвижности и молчании. В сельве не дрогнула ни одна ветка, не шевельнулся ни один листик, полная угрозы жаркая тишина не выдала стрелявшего ни одним звуком. Но стоило Улиссу переместиться к другому отверстию пещеры, как два фонтанчика пыли с каменным крошевом обозначили границу жизни и смерти на каменной губе выхода. Выстрелов слышно не было, стреляли из американской винтовки «М-16» с глушителем, и стрелок не шутил.

Улисс осмотрел свое прибежище и с грустью констатировал, что выйти из него целым и невредимым будет очень не просто: все восемь отверстий пещеры выходили на склон обнажения и просматривались издали с любой точки напротив. Стрелку надо было только дожждаться, когда жертва выглянет из дырки, и всадить в нее пулю. Но он мог поступить иначе: дожждаться подмоги или с помощью той же вин-

товки зашвырнуть в пещеру пару десятков ампул со слезоточивым газом, после чего можно было брать гостя голыми руками.

«Все-таки за мной следили, — подумал Джонатан. — Если не напрямую, то дистанционно, с помощью телекамер, сродни тем, что вшиты кондорам. То-то я все время пытался вспомнить, что упустил из виду. Теперь хочешь — не хочешь, а придется рисковать».

Он осмотрел длинную пещеру более внимательно, только сейчас заметив, что среднее отверстие пещеры полузавалено грудой камней с обрушившегося свода и выходит прямо к развалинам «сарая». Если уж где и прорываться с боем, то только здесь. Стрелок не ждет его отсюда, а одного-двух мгновений будет достаточно, чтобы допрыгнуть до постройки, крылом уходящей в сельву. Но ради вящей бдительности надо придумать отвлекающий маневр.

Улисс отступил в глубь галереи с отверстиями каверн, подобрал камень, сосчитал до трех, бросил его в крайнюю брешь и одновременно с ударом камня о пол нырнул ласточкой в узкую прорезь закупоренного выхода.

Бросок стоил ему исполосованного об острые грани обломков костюма, двух-трех ушибов и царапины на шее — там, где прошла пуля снайпера: стрелок все же успел перенести огонь с ложной цели на альпиниста и едва не достал его с третьего выстрела. Однако Улисс был уже далеко. Ответную стрельбу поднимать он не стал.

Теперь он знал главное: как проникли в долину белые контрабандисты и как они выносили золото индейцев пируа. Правда, предстояла еще одна поисковая экспедиция, не санкционированная ни руководством Пирина, ни главой нынешнего археологического отряда Косински. Но хотя поиск значительно облегчался теми сведениями, которые смог оставить после своей смерти Хонтехос, следовало подготовиться к этой экспедиции более тщательно, взвесив все *pro et contra*¹.

Улисс отыскал место перевала с подъемником, наскоро объяснился с его охраной и за полчаса преодолел стену Тум-

¹ За и против (*лат.*).

ху. В десятом часу утра он прибыл в Пирин и столкнулся с Торвиллом. Тот был чем-то взволнован.

— На ловца и зверь! — Кристофер пожал Улиссу руку, смущенно отводя глаза. — Не знаю, зачем, но тебя искала полиция.

— Полиция? — удивился Джонатан. — Меня?

— Я еще спал, когда они зашли ко мне. В общем, твою комнату обыскили и... знаешь, с ними вертелся этот противный тип из ЮНЕП...

— Ван Хов?

— Да, он, и все время шептался с офицером.

— Эрнандесом? Такой высокий, усатый, смуглый, поджарый.

— Нет, усатый, но низкорослый, плотный, хмурый. Фамилия у него интересная...

— Барахунда.

— Точно! — Торвилл искоса посмотрел на царапину на шее Улисса. — Ты осторожней, пожалуйста, по-моему, они сидят в твоей каюте, ждут.

— Спасибо, — поблагодарил Улисс, дружески сжимая локоть альпиниста. — Я ни в чем не виноват, так что бояться мне нечего. Но за предупреждение спасибо. Ты утром сегодня не встречал Анхелику?

— Не встречал со вчерашнего дня, с момента, когда привезли этого беднягу Альфонсо. Что передать, если увижу?

— Вот и расскажи, что меня ищет полиция.

Торвилл в замешательстве взглянул на товарища, хотел спросить: «А где ты был ночью?» — но передумал.

— Есть еще одна новость, — остановил он Улисса. — Говорят, что в Пирин прибыла бригада Интерпола.

— Ну и что?

Альпинист смешался, покраснел.

— Да ничего, говорят.

— Ну и черт с ними, нам-то что за дело? Кстати, давно надо было заняться всеми этими смертными случаями, невозможно спокойно работать. Ну, будь, вечером встретимся в баре.

Во взгляде Торвилла отразилось сомнение, но он ничего не сказал.

Улисс направился к лестнице на второй этаж, и вдруг

у него сами собой напряглись мышцы спины: сработало подсознательное чувство опасности. Он оглянулся и в конце коридора успел увидеть мелькнувший силуэт человека. Подробностей разглядеть не удалось, но Джонатан был уверен, что видел эту характерную фигуру. Где? Уж очень знакома... И вспомнил: на скальной стене. Этот человек, похожий на гориллу, передвигающийся по вертикальной стене не хуже его самого, перерезал ему веревку.

В каюте Улисса ждали двое молодых людей в штатском. Один из них сразу встал, второй сунул руку под мышку.

— Буэнос диас, сеньоры, — вежливо сказал Джонатан, с любопытством разглядывая гостей. — По-моему, я запирал дверь на ключ.

— Мы из полиции, — сказал тот, что встал первым. — Вы Джонатан Улисс?

— Не отрицаю. А по какому вопросу я понадобился полиции? Формальности или что-то серьезное?

— Нам приказано доставить вас в управление полиции Пикаля. Мы наслышаны о ваших способностях и соответственно подготовлены. Надеюсь, вы будете благоразумны.

— Надейтесь. Но что именно мне инкриминируется? Должны же вы при аресте сообщить задержанному, за что его взяли?

— За недозволенное ношение оружия, — сказал второй и показал пальцем на левую руку Улисса, где под мышкой в захвате висел пистолет. — «Вальтер» восемьдесят седьмого года выпуска. Кстати, носите вы его вполне профессионально.

— Потому что я профессионал, — пожал плечами Улисс. — Но это не причина для ареста.

— Вы правы, — раздался голос за дверью, и в комнату вошел невысокий, но крепкий тяжелолицый мужчина. — Позвольте представиться: майор уголовной полиции Барахунда. Вам знакома эта вещь? — Он протянул Улиссу необычной красоты перстень.

С первого взгляда Джонатан узнал перстень Анхелики.

— Знакома, это кольцо нашего врача сеньориты Форталеа.

— Еще бы вам не знать. Так вот, сеньор, вы обвиняетесь в убийстве этой сеньоры. В последний раз ее видели с вами и... перстень этот нашли в его комнате. Еще есть вопросы?

Улисс вспомнил встреченную фигуру в коридоре.

У него почему-то создалось впечатление, что и в долине в него стрелял этот человек. Нетопырь. Бесшумный, ловкий, сильный. Страж службы ликвидации... Неужели они убили Анхелику?!

— Ну и дела! — сказал Джонатан спокойно. — Вы, майор, действуете, как в анекдоте: сейчас я сделаю ошибку, а вы учитесь. Многому научите своих парней таким способом. А если я не подчинюсь?

В комнату вошел еще один человек, высокий, гибкий, подтянутый, с красивым открытым лицом. Он белозубо улыбнулся.

— А вот этого делать не следует, мистер Улисс, вас просто убьют. Я, как и вы, не верю обвинению, но не проверить факты не имею права. Думаю, все скоро выяснится, и мы вас отпустим.

— Кто вы такой? — нахмурился Барахунда. — Как сюда вошли? И почему командуете?

— Я Драган Милич, — снова улыбнулся вошедший, — инспектор Интерпола. Вот мой сертификат.

Пикаль

Нгури ворвался в кабинет капитана, словно занесенный ураганом.

— Я его нашел, сеньор капитан!

— Кого? — поднял от стола голову Эрнандес.

— Того парня, который стоял с голландцем и который похож на человека, заходившего в комнату Миллера перед его смертью.

— Ты уверен? Где он?

— Я его выследил. Он сидел у доньи Пепы, ел халву, а потом вышел, я за ним, — затараторил Нгури. — Он зашел в аптеку, потом в оружейную лавку и все время оглядывался...

— Короче.

— Потом он вошел в офис транспортной фирмы...

— «Птичий глаз»?

— Да, сеньор капитан, и оттуда уже не вышел. Я ждал больше часа, но контора закрылась, а он... остался.

— Он мог выйти и через патио, — сказал задумчиво Эрнандес, покачивая двумя пальцами авторучку так, что она казалась гибкой, резиновой.

— Я не совсем тонто¹ и поставил с другой стороны одноглазого Кучо. Он клянется, что из дома вышел только сам сеньор Дайамонд, директор фирмы. Сеньор капитан, я не мог ошибиться, это азесино², клянусь матерью!

Эрнандес расстегнул кобуру, проверил в пистолете обойму и встал.

— Ну что ж, vedi. — Он нажал на клавишу селектора. — Марко, группу усиления на выход, мою машину.

Но капитан не успел выйти из управления, потому что у входа двое молодых людей под предводительством майора Барахунды подвели к нему Улисса в наручниках.

— Привет, — сказал майор. — Куда это ты торопишься? Забери этого парня, он подозревается в убийстве Миллера и Анхелики Форталеа. Мы нашли в его конуре перстень девушки и патрон от пистолета Миллера.

— Альпинист?! — удивился Эрнандес. — Какого черта!

— Я реагировал примерно так же, — сказал Улисс не без иронии. — Но ошибкой здесь не пахнет, это обычный заговор с целью очернить человека. Правда, не знаю, кому это выгодно. Не прошу защиты, прошу разобраться.

— Разберемся, — буркнул Барахунда. — Капитан, спрячьте его пока, у меня нет времени заниматься этим молодчиком. Я слышал, у вас был гость?

— Откуда вам известно? — прищурился Эрнандес, направляясь обратно в кабинет. Крикнул дежурному: — Марко, приготовь КПЗ!

— Работа, — пожал плечами майор, первым входя в кабинет начальника полиции Пикаля. — Вы обязаны были доложить о госте сами. Снова играете в мистера Холмса? Навели бы лучше порядок в Пирине, этот старый болван Эчеверриа не в состоянии организовать даже лечение больных.

— Вот как? А кто заболел?

¹ Тонто — дурак (*исп.*).

² Азесино — убийца (*исп.*).

— Двое, Фишлибих и Гордон, и оба одной болезнью — Монге¹.

— Монге? — переспросил спокойно ожидавший своей участи Улисс. — Но ведь ею страдают только альпинисты... вернее, те, кто не имеет гиповентиляторной тренировки. Разве эти двое участвовали в прокладке трассы через перевал Тумху?

— Заткнись! — бросил один из молодых людей угрожающе.

Барахунда задумался. И в это время очнулся молчавший до сих пор Нгури, не сводя взгляда с одного из охранников.

— Клянусь, это он! — Полицейский указал на парня рядом с Улиссом. — Сеньор капитан, это... — договорить Нгури не успел.

В руке парня блеснул металл, раздался хлопок, Нгури отлетел к стене кабинета и сполз на пол. Еще один хлопок — Эрнандес отшатнулся, схватившись за плечо. Стреляли из «люгера» с глушителем. Оторопевший майор Барахунда не сделал даже попытки выхватить пистолет, он ничего не понял. Зато все понял Улисс. Бросок, удар ногой по руке, второй удар — в живот, падение на пол — от выстрела второго профессионального убийцы (черт, в наручниках не разгонишься!), удар в колено (где их подцепил этот дурак Барахунда?) и обоими кулаками с браслетом в подбородок...

Стрельба, неслышная в коридоре, длилась всего несколько секунд и оборвалась так же внезапно, как и началась.

Эрнандес, несмотря на полуобморочное состояние, успел достать пистолет, но стрелять было уже не в кого: «помощники» Барахунды, открывшие стрельбу, лежали без движения, как и сам Барахунда, получивший пулю в горло. Нгури свернулся в комок у стены, он умер, не приходя в сознание.

— Кто... вы? — прошептал Эрнандес, зажимая рану под ключицей. Из-под пальцев на белую форменную рубашку выдавились струйки крови.

— Не суть важно, — хрипло сказал Улисс, нагнулся и вытянул из кармана майора ключ от наручников. — Важно, что эти подонки занервничали. Они из службы ликвидации, я

¹ Болезнь Монге — ступение крови из-за увеличения количества эритроцитов.

с ними уже знаком, но они пешки. Нужен их шеф. О каком госте говорил майор?

— Кто вы? — повторил Эрнандес. — Говорите, диаволо, а то пристрелю!

— Идите к черту, капитан! — отмахнулся Улисс. — Вам уже говорили, и совершенно правильно: не суйтесь не в свои дела. Вы же все время ухитряетесь попасть в какую-нибудь историю. Правда, на сей раз мне без вашей помощи не обойтись.

— Вы... интерполовец?

Улисс пропустил вопрос мимо ушей.

— Откройте замок.

Эрнандес, морщась, повернул ключ, альпинист снял наручники, потряс кистями.

— Порядок. Итак, сеньор капитан, слушайте внимательно. Сейчас вы позвоните в столицу, в Сегуридад, и все расскажете тому сотруднику, с которым имели дело, его зовут Кольор, полковник Кольор. А сами оцепите лагерь возле перевала и никого к стене, а тем паче к башням Сильюстани не подпускайте. В одной из них — вход в подземелье, ведущее в долину Пируа. Поняли?

Эрнандес на секунду забыл о раненом плече.

— Вы... откуда ты это?..

— Сорока на хвосте принесла. Есть такая птица. Ну а я пошел, надо успеть до того, как служба ликвидации начнет работать в долине. Да, опасайтесь одного человека очень странной наружности: урод, лицо асимметричное, уши...

— Знаю, видел.

— Тем лучше, проинструктируйте людей. Увидите — стреляйте без предупреждения! Он чрезвычайно опасен! Кто к вам приходил? Европеец?

— Драган Милич, инспектор Интерпола.

Улисс присвистнул, покачал головой.

— Вот это да-а! Никогда бы не подумал!.. Ну, желаю удачи, капитан, она всем нам сегодня пригодится. Передайте Кольору, чтобы перекрыли границу сверху, контрабанда из долины уплывает большей частью туда. Вызывайте врача, лечитесь — и вперед.

Улисс задержался на пороге, глядя на Нгури.

— Жаль мальчишку, наблюдательный был парень.

Он ушел. Эрнандес дотянулся до селектора и вызвал дежурного.

Окрестности Тумжу

Кристофер беседовал с Нераном, лежа в траве, и вспоминал прощание с Дианой. Казалось, было это совсем недавно, вчера, и примерно в этом же месте — если закрыть глаза. Но если открыть, сразу видно, что обстановка иная: слева — каменная стена до облаков, справа — светлый и чистый до изумления строй деревьев.

Где-то протарахтел и сел вертолет.

— Наша командировка, похоже, заканчивается, — сказал Неран, покусывая травинку.

— В долине работы непочатый край, — возразил Торвилл, не открывая глаз.

— Вряд ли экспедиция начнет работу в ближайшие дни, полиция перекрыла все подходы к лагерю. Странные дела творятся тут, в Пикале... Умирают совершенно здоровые с виду люди... Мне это не нравится. — Неран помолчал. — Я, пожалуй, уеду.

Торвилл не ответил.

— А что случилось с нашим другом Улиссом? У него неприятности? Зачем его искала полиция?

Кристофер открыл глаза, полежал немного и встал. Из-за лепидодендронового состолия — пять стволов вместе — как привидение выглянул Улисс и махнул рукой. Вставать не было никакого желания, но предчувствие беды кольнуло сердце и заставило альпиниста стряхнуть сонное оцепенение.

— Я сейчас. — Он встал и углубился в чистую и светлую, как зал с колоннадой в каком-то дворце, рошу.

Улисс ждал за кустом тамариска.

— Привет. Хорошо, что не пришлось искать тебя по всему предгорью. Нужна твоя помощь. Но предупреждаю: риск смертелен и случиться может всякое. Может быть, придется драться и стрелять.

— Что произошло?

Джонатан мгновение колебался, потом вытащил из-за кустов рюкзак, отшелкнул клапан.

— В долине прячется команда грабителей могил, контрабандистов. Они захватили Анхелику и... ее надо выручить. Драться умеешь? Стрелять? Держи.

— Подожди. — Торвилл отвел руку Улисса с пистолетом. — Значит, ты работаешь...

— Не имеет значения. Вообще-то моя цель — не контрабандисты, но тебе знать этого не надо. Идешь? Времени у нас очень мало. До нынешнего момента мы находились с гангстерами в положении сюрпляс¹, но они все же начали гонку первыми.

— Не говори загадками, я не люблю ходить вслепую.

— Узнаю неранскую закалку, — улыбнулся Улисс. — Хорошо, коротко о главном: фирма «Птичий глаз» — прикрытие международной корпорации контрабандистов, ее глава здесь, в Пикале, американский делец Дайамонд, он же агент ЦРУ. Почуяв, что пахнет жареным, он начал сворачивать контору...

— Постой, — поднял руку Торвилл. — Извини, я не все понял. ЦРУ, ты сказал? Зачем разведке заниматься контрабандой?

Улисс посмотрел на него с интересом, тихо засмеялся.

— А ты не такой лопух, каким кажешься с виду. Не обижайся. — Он потрепал порозовевшего альпиниста по плечу. — Ты прав, ЦРУ не должно заниматься контрабандой, но в Паракасе соблазн был настолько велик, что сотрудники конторы не удержались, и... этот прокол и привел меня сюда. Не спрашивай больше ни о чем, Крис, я и так сказал больше, чем должен был. Но у меня нет выхода. Идешь?

— Иду, — сказал Торвилл. — Подожди минуту, пойду предупреду Нерана, а то начнет волноваться.

Альпинист вернулся к палатке, возле которой сидел начальник альпотряда, и, придумав причину, вынуждавшую его покинуть лагерь у Тумху, оставил Нерана одного.

Улисс ждал его на том же месте, уже переодетый в тропи-

¹ С ю р п л я с — в спринтерской велогонке: остановка на велосипедах с целью вынудить соперника начать гонку первым.

ческий комбинезон с противопотным слоем, не стеснявший движений. Протянул спасателю такой же.

— Переодевайся. Это НЗ, рация и «штейгер», стреляет ампулами с шоковым препаратом. Не знаешь, ван Хов в лагере или в Пирине?

— Это эксперт по экологии? По-моему, я его видел возле палатки Косински. С ним был какой-то тип, белый, незагорелый. Я его раньше не видел.

Улисс задумался.

— Что же, тем лучше. Начнем именно с него. Тебя полицейские пропустят? Ну и отлично. Найдешь этого незнакомца и предложишь прогуляться до последней «Чульпы», но так, чтобы не знал ван Хов.

— Это к той, что стоит отдельно?

— Там полицейских постов нет. А скажешь следующее... — Улисс проинструктировал Кристофера, что делать и что говорить. — Ну, с богом!

Новоприбывший, о котором говорил Торвилл и которого звали Драган Милич, отыскался у вертолета — разговаривал с молодыми археологами, обиженными своим положением. Кристофер подождал, пока он закончит беседу, и подошел.

Милич мельком посмотрел на альпиниста и с удивлением оглянулся, когда Торвилл окликнул его по имени. От него пахло дорогим «Кинг флауэ». Было заметно, что за внешностью своей Милич следит тщательно. «Любит нравиться окружающим», — подумал Кристофер в не свойственной ему псевдозначительной манере, бессознательно копируя Нерана. Потом честно признался себе, что «посланец Интерпола» и в самом деле симпатичный малый. Мужской характер, твердый и властный, помноженный на природный ум, проглядывал в каждом его жесте.

— Вы мне? По-моему, мы незнакомы.

— Я и не утверждаю обратного, — миролюбиво улыбнулся Торвилл. — Я Крис Торвилл, альпинист-спасатель.

— А-а, слышан. — Милич не протянул руки для пожатия, в глазах его промелькнули иронические искры. — Это вы первым штурмовали Тумху? Справились с этим делом неплохо?

— Не я один. Вообще-то я должен быть в отпуске, но пла-

тят здесь тоже неплохо, да и захотелось повидать другие страны. Хотя, честно признаться, скалы везде одинаковы.

— Это верно, — согласился Милич. — Так вы меня знаете? Откуда?

— Меня послали... послал один приятель, попросил, чтобы я нашел вас и передал, что он хочет с вами встретиться. Будет ждать возле самой крайней «Чульпы».

— Где-где?

— Эти каменные «перевернутые» башни называются «Чульпами», хотя никто не знает их истинного предназначения. Даже индейцы.

— Приятель? Ваш или мой?

— Ваш. Он так сказал.

— Но я только что прибыл, и никто не... м-м... А как его имя?

— Он назвался Дигги... или что-то в этом роде. По-моему, он болен, потому что все время держится за живот.

Милич подумал, посмотрел на часы и кивнул.

— Если нетрудно, проводите меня к нему, чтобы я не искал. Дигги, вы говорите? И он прямо назвал мое имя?

— Ну да, сказал позвать Милича.

— Странно, меня здесь никто не знает.

Вышли за пределы оцепленной территории, обогнули первую «Чульпу», поднялись ко второй, похожей издали на гигантский гриб-сморчок. Торвилл оглянулся и заметил, что за ними в отдалении бредут один за другим двое: мулат в грубой одежде паракасского крестьянина и здоровяк европеец, в котором Кристофер не без удивления узнал археолога из Норвегии. Ему-то что надо?

— Бальзам, чувствуете? — проговорил Милич, вдыхая воздух полной грудью. — Что это так пахнет?

— Всего понемногу. Эвкалипты, аралиевые, реликтовые деревья лепидодендроны, роща неподалеку.

— Ей-богу, симфония ароматов! Ничего подобного прежде не нюхал. А вообще-то прохладно. Всегда так? Или мне повезло? Думал, в тропиках жара невероятная.

— Летом действительно жарко, хотя воздух остается сухим и чистым, а сейчас только начало весны. Но говорят, в долине климат совершенно не такой: жара, духота, безветрие...

одним словом, пекло. Я работал в условиях альтиплано, так там, несмотря на жгучее солнце, холодно в любое время года.

— Спасибо за информацию. Однако мы пришли. Вот наша «Чульпа», а где же Дигги?

Торвилл огляделся, но никого не увидел. Лагерь был скрыт пригорком, заросшим толгой, сельва в этом месте подступала к скалам вплотную. Нигде никого.

— Ну? — Милич пристально смотрел на альпиниста. — А теперь давайте правду: зачем вам понадобилось тащить меня сюда и откуда вы знаете мое имя?

— Захотелось пошутить, — сказал Торвилл сердито. Он сердился на Улисса, не подающего признаков жизни. — А заодно проверить реакцию агента «Чистилища».

Взгляд Милича потемнел. Он похлопал по карманам и вытащил таблетку жевательной резинки.

— Не хотите? «Фери сан», редко бывает в свободном ходу. Вы меня сильно озадачили, право слово. Кто вы?

Торвилл перевел взгляд ниже и увидел зрачок дула пистолета, глядевший на него из руки «интерполовца». Кто-то вдруг прыгнул на Милича из-за глыбы камня, ударил по руке и подхватил выпавший пистолет. Это был Улисс. Он ловко, одним движением сверху вниз, обыскал согнувшегося от боли курьера, вытащил из кармана еще один пистолет — миниатюрную «беретту», рацию и удостоверение офицера международной уголовной полиции.

— Полковник, — прочитал он вслух и сунул книжечку обратно. — Извините, чуть не опоздал. У него было двойное прикрытие, пришлось повозиться. Ну здравствуй, Драган. Не ожидал, что ты пожелаешь в Паракас лично. Миллер — твоя работа?

Милич разогнулся, растирая руку.

— Для такой работы есть специалисты. Кто ты такой? Я тебя впервые вижу.

— Еще бы, — кивнул Улисс. — Если бы ты меня знал, едва ли я имел бы счастье разговаривать с тобой здесь. У меня мало времени на выяснение семейных отношений, поэтому ответь всего на два вопроса. Как ты сам понимаешь, тебе дается шанс уцелеть, по правилам «Чистилища» таких, как ты, в живых не оставляют. Но я попробую договориться с руково-

дством, чтобы тебя официально выдали властям твоей страны... Раймонд Крессел. Полковник ЦРУ с двадцатилетним стажем. Ну как, я доходчиво объясняю?

— Доходчиво. — Милич сплюнул. — Я тебя вычислил. Джонатан Улисс. Жаль, что поздно. Спрашивайте. Знаю — отвечу.

— Вопрос первый: точные координаты лаборатории «Демииург» в долине, где работает фашист Копман.

Милич без подготовки прыгнул на Улисса, но тут же со стоном согнулся и упал на колени. Удара Торвилл не заметил.

— Мразь! Подонки! Вонючки пог... — Еще один удар, почти незаметный. Милич, не договорив, растянулся на траве. Закашлявшись, поднялся, сплюнул и вдруг засмеялся хрипло. — Вот сволочь! Я думал, только мои молодцы умеют так бить. Видно профессионала... Служил в армии? Джи-ай? Батальон «Солджер оф форчун»?

— Не имею чести, — тихо сказал Улисс. — Не был ни «диким гусем», ни «зеленым беретом».

— Странно, могу ручаться...

— Повторить вопрос?

— Не надо. И бить не надо, не поможет. Я не знаю координат лаборатории, ей-богу, не знаю. Я всего лишь офицер контрразведки.

— И начальник службы ликвидации.

Милич покачал головой, с интересом разглядывая Улисса. Торвилл вдруг поймал себя на том, что ему нравится, как держится агент ЦРУ.

— Ты ошибаешься, чистильщик. Я не знаю такой службы.

Молниеносный выпад, стон, Милич снова падает.

— У инков, на золото которых вы позарились, есть три заповеди: амасуа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь трусом, не будь лжецом. Так вот, не будь лжецом, Крессел.

Торвилл поморщился, перехватил взгляд Улисса.

— Что, жалеешь?

— Зачем эти... эксцессы?

— У нас нет времени. Ненавижу хищников в человеческом облике! На его руках кровь сторожа-индейца, Миллера,

полицейского Альфонсо и многих других. Ну как, красавчик, добавить еще?

— Я же сказал — не знаю! — простонал Милич, массируя рукой живот. В голосе его сквозь боль слышалось восхищение. — Ну и удар! Вот скотина!

Улисс засмеялся коротким неприятным смехом, от которого у Кристофера побежали по коже мурашки. Он постучал пальцем по циферблату часов.

— Что делать?

— Придется... обезвредить. Итак, ты не знаешь координат лаборатории. Допустим. А кто знает? Ван Хов? Или только сам Диггори Дайамонд?

Милич перестал массировать грудь и выпрямился.

— Черт бы вас драл! Вы что же, знаете, кто он?

Улисс кивнул.

— Кто этого не знает?

Милич хрипло рассмеялся, закашлялся.

— Все-таки «Чистилище» — отличная организация, признаю. А ведь начиналось все с нуля. Хорошо, что мы сразу поняли, к чему это все может привести, и приняли меры. Да, СИУ знает дело, но не лучше конторы, заруби это себе на носу, чистильщик.

Улисс и Торвилл переглянулись.

— Хотите совет? — предложил Милич, перестав смеяться и ругаться. — Вам лучше отпустить меня с миром, парни. Я орешек не по вашим зубам. Желаете заниматься ван Ховом и его окружением — занимайтесь, если надоела голова на плечах, но я не из его компании.

— Ладно, красавчик, заткнись. Последний вопрос, по крайней мере мой. Где Анхелика?

— Кто?

— Не притворяйся. Сеньорита Анхелика Форталеза.

Милич криво улыбнулся.

— Удивительная женщина!.. Хотя я с ней познакомиться не успел. Кстати, вы знаете, что она работник Паракасской службы безопасности? Для меня это было полной неожиданностью.

— Для меня тоже. Где она?

Милич кашлянул, торопливо вытянул руку вперед.

— Только не бей, дурак, мне же больно. Я знаю, что ее за-

хватали люди Копмана, но, где ее держат, убейте, не знаю. Думаю, в лаборатории, в долине.

— Похоже, мы в тупике. — Улисс толкнул Милича ногой. — Лежать, гад! Считаю до трех. На счете три — стреляю. — Он достал пистолет, стреляющий шоковыми иглами. — Раз, два...

Глаза Милича расширились, но лицом он владел хорошо.

— Ну и стреляй, болван!

— Три!

— Не надо, Джо. — Торвилл приставил ладонь к дулу. — Я не хочу участвовать в обыкновенном...

— Договаривай.

— Убийстве.

— Зато он сделал бы это не задумываясь. — Улисс спрятал пистолет и, поколебавшись, признался с улыбкой: — Честно говоря, я тоже не стреляю в безоружных. Пусть живет... пока.

— Благодарю, — усмехнулся Милич, смахивая со лба капли пота. — Особенно обнадеживает это «пока». Но я в самом деле не знаю, в каком именно месте долины расположена лаборатория. Знаю только, что ее снабженцы часто болеют какой-то болезнью...

— Монге? — быстро спросил Улисс.

— Д-да... похоже... кажется, Монге. Хочу еще предупредить: не вздумайте сунуться в долину, Копман не дурак и окружил лабораторию мощной системой защиты вплоть до крупнокалиберных пулеметов, лазеров и ручных зенитно-ракетных комплексов... — Милич вдруг прикусил язык.

— Это мы уже знаем, — сказал Улисс. — Ничего нового ваш новоявленный Франкенштейн не применил. Хотя... может быть, и ты не все знаешь, полковник. Крис, отрежь-ка футов десять репшура.

Они связали курьера ЦРУ, забили в рот кляп и уложили в густые заросли толы так, чтобы он не мог двигаться.

— Часа два-три пролежит, а больше и не надо, — сказал Улисс, критически оглядывая свою работу. — До встречи, Крессел. Хотя лучше бы нам не встречаться. Скажи спасибо, что со мной этот парень. Тебе ведь хорошо известно, «Чистилице» не прощает шпионов, убийц и предателей, так что, если выберешься отсюда живым, убирайся домой и не высовы-

вай оттуда носа. Макговерн¹ еще лет двадцать назад дал всем вам, «рыцарям плаща и кинжала», хороший совет. Последуй ему.

Они выбрались из кустарника к наклонной стене «Чульпы».

Шел уже седьмой час вечера, солнце давно скрылось за горным хребтом. Небосклон начал синеть, приобретая глубину и твердость.

— О каком совете ты вспомнил? — не удержался Торвилл.

— Ты о Макговерне? — очнулся Улисс. — Он сказал: «Вернись домой, Америка». Если бы она, Америка, послушалась... Знаешь, а ведь этот подонок, сам того не желая, дал ориентир. Помнишь, он заговорил о больных? Болезнью Монге страдают только...

— Скалолазы.

— Плохо тренированные люди, правильно. Значит, лаборатория расположена еще выше, чем Пикаль. Но в долине всего несколько подходящих групп скал, на которых можно расположить комплекс зданий, их можно вычислить.

— Не обязательно зданий, это могут быть естественные или искусственные пещеры.

— Молодец, соображаешь! А я, кажется, даже знаю, какие скалы подходят для этой цели лучше других. Для себя я называл их «Замком», он хорошо виден с перевала: плоский останец плато в окружении эродированных «башен», заросший сверху сельвой. Итак, вперед?

— Вперед! — сказал Торвилл не задумываясь.

Тумху они преодолели не по верху, а под землей, по разведенному Улиссом туннелю; никто его не охранял.

В долину уже спустились сумерки, а в сельве было совсем темно. Путь до «Замка» занял около двух часов, и альпинисты подобралась к его крутым бокам, когда окончательно стемнело и в небе высыпали звезды.

— Странно, что все тихо, — шепнул Улисс, останавливаясь. — У них тут наверняка должна быть охрана. Кстати, тебе не кажется, что пахнет хлебом?

Кристофер принялся.

— Скорее какими-то отбросами.

¹ Макговерн Дж. — американский сенатор, бывший шеф ЦРУ.

— Это омбу, «трупное дерево», видимо, растет неподалеку. А поскольку оно растет только вблизи водоемов, то поблизости река. Не свалиться бы в омут. Держись в кильватере.

Лавируя между стволами секвой и буков, они направились к громаде отвесных стен «Замка», нависавшего над сплошным покровом сельвы. Спустились вниз по склону небольшого ущелья, напоминавшего овраг. Глаза уже привыкли к темноте, но мрак, сгущенный зарослями, был плотен и вещественно осязаем — когда путешественники натыкались на внезапно возникающие на пути камни, стволы и корни деревьев. Улиссу было легче, он шел в инфраочках, а Торвиллу доставалось крепко. Темп передвижения после трех-четырех столкновений снизился до черепашьего.

Через несколько минут выбрались на край поляны, вернее — озерца, причем узнали об этом, когда Улисс окунулся в воду по пояс.

— Стоп! Здесь вода... Речная заводь.

— Может, родник?

— Может быть, и родник, но это хорошо, что здесь вода, легче замести следы.

Они обошли водоем по каменистому берегу и снова углубились в чащу, держа курс на громаду «Замка». Некоторое время пробирались молча и неожиданно вышли к стене, сложенной из грубо отесанных камней — Кристофер определил это на ощупь. Он замер, но Улисс успокаивающе сжал его плечо.

— Наверное, постройка древних индейцев. Археологи до нее доберутся не скоро, хотя таких построек в долине много. Осторожно, тут ямы...

Взяли вправо, обходя стену, дотрагиваясь до нее рукой. Стена внезапно повернула, образуя угол, и тут же Улисс остановил товарища, предупреждая толкнув его в плечо.

Буквально в десяти шагах в темноте висели два малиновых огонька, выписывая замысловатые траектории. Один из огоньков разгорелся ярче, осветил пальцы и губы, и Кристофер понял, что это огонь сигареты: впереди стояли и молча курили двое.

Улисс тихонько потянул Торвилла за собой, они отступили за угол, и вовремя: один из курящих включил вдруг фо-

нарь и осветил часть древней постройки, за которой скрылись альпинисты.

— Ты что, Ян? — слышался голос на английском.

— Показалось, будто кто-то смотрит в спину.

— Дай очередь по кустам.

— Спятил? Босс голову открутит за шум.

— Ты что же, в самом деле так его боишься? Да он первым даст деру, если запахнет жареным.

— Но до этого успеет отдать своим палачам-вивисекторам для экспериментов, как тех троих. Индейцы не в счет. Ладно, пошли по маршруту. Надо было взять собак, чувствовали бы себя спокойнее.

— Что-то ты мне сегодня не нравишься, Ян. Нервный какой-то, напуганный... Зря я с тобой в паре пошел.

— Ну и катись, смельчак. Скажешь Дюку, пусть выделит для патрулирования Ушастого, я с ним как за каменной стеной.

— Неужели этот препарированный упырь не отбивает у тебя аппетит?

— Нисколько. Я человек не брезгливый.

— Да у него же взгляд мертвеца.

Один из двоих заржал.

— А обвиняешь в трусости меня. Двигай вперед, смельчак.

Голоса отдалились, смолкли. Слышался удаляющийся шорох осторожных шагов.

С минуту Кристофер и Джонатан не двигались, вслушиваясь в обычную шуршащую тишину сельвы, дожидаясь, пока в глазах перестанут мелькать яркие пятна после вспышки фонаря. Потом Улисс прошептал:

— Искать эскалатор или лифт нет смысла, хотя он должен быть. Придется идти на скалы без разведки и прикидки маршрута, иного выхода нет.

Торвилл почувствовал холодную тяжесть в желудке и молча стал разминать пальцы. Он никогда не штурмовал отвесные стены без снаряжения скалолазов: триконей, скальных крючков, кошек, стремян, молотка.

Улисс достал из заспинного кармана моток репшура, обвязал себя им, отмерив пятнадцать футов, привязал другой конец к ремню Торвилла. Оба сделали петли через плечо и левую руку, подергали шнур, проверяя прочность зацепления.

— Я пойду первым, — шепнул Джонатан. — Иди по звуку. Рывок веревки — начинаешь движение. Надень очки, в них видно лучше.

— А ты?

— Я в них не нуждаюсь. Готов?

Торвилл встретил руку товарища.

У скал виднелось небо, и ориентироваться стало легче, чем в лесу, да и в очках действительно было лучше видно, хотя Кристофер не сразу разобрался в оттенках коричневого и багрового цвета: более теплые участки скалы и почвы светились чуть ярче остальных.

Улисс двинулся первым — багровый призрак на черно-коричневом фоне, — и Кристофер забыл обо всем, кроме подъема. В нем пробудились все «звериные» инстинкты, усилившие реакцию, чутье, интуицию и силу, но он шел по следу, а Джонатан двигался первым, двигался так, словно не цеплялся, карабкался по вертикальной скальной стене, а бежал как паук, не останавливаясь ни на секунду, вытягивая Торвилла с середины перехода. Кристофер никогда не видел, чтобы человек так преодолевал подъем на гору по отвесным скалам, но на восхищение у него не было ни сил, ни времени.

Сколько длился подъем, он не помнил. Только вдруг руки встретили пустоту, потом горизонталь плоского холодного камня. Торвилл бездыханным вполз на скалу и провалился в беспамятство. Очнулся от того, что Улисс влил ему в рот глоток воды.

— Жив, скалолаз? Отдохни минутку.

— Мы... уже поднялись?

Джонатан тихо засмеялся.

— Не верится? Мы шли тридцать семь минут, я засек. Теперь нас не достать даже с собаками, мы на вершине «Замка». И угадали мы правильно, лаборатория где-то здесь, иначе не было бы внешней охраны внизу. Правда, те двое могли сообщить наверх, что мы здесь, если засекли подъем, но не захотели поднимать шум. Идти можешь?

Торвилл глотнул еще воды из фляги и встал, хотя все тело молило о пощаде и каждая мышца отказывалась повиноваться.

— Я тут приметил тропу, выложенную плитами. Ведет куда-то в глубь леса. Индейцы и здесь побывали, и раньше всех.

Если наше свободное соло замечено, то скоро за нас возьмутся всерьез. Поторопимся.

За голым пространством скал начинался густой кустарник, переходящий в заросли сельвы: вершина «Замка» была покрыта лесом, сотни лет не знавшим человека.

Джонатан отыскал тропинку, и они двинулись по каменным плитам древней дороги или улицы — поди разберись в темноте. Перешли на бег, рискуя свалиться в яму или врезаться в дерево, хотя Улисс интуитивно угадывал повороты тропинки. Через десять минут выбежали на край широкой каменистой поляны с черным провалом в центре.

За поляной, под пологом из гигантских фикусов и сейб, виднелись какие-то строения — целый поселок из пирамидальных палаток и конусовидных домиков. Сквозь щели в некоторых из них пробивался неяркий желтый свет, мелькали темные фигуры, доносился приглушенный говор людей и шум, напоминающий шум разгрузки корабля в порту.

Улисс хотел что-то сказать, но в это время из леса на поляну выползло что-то длинное и серое, похожее на гусеницу. Оно достигло провала в центре поляны и... не упало, а повисло над ним! Вокруг забегали люди в комбинезонах, тоже не падавшие в пропасть.

Недоумевающий Кристофер повернулся к Улиссу, тот предупреждающе сжал его локоть.

— Не сообразил? Они покрыли поляну черной краской, чтобы сверху она казалась пропастью, дырой. Ловко придумано! С самолета никто ничего не увидел бы.

— Что они делают?

— Вероятно, готовятся к отходу. Вот что, обойдем эту «пропасть» справа. Видимо, Копман занимался здесь не только исследовательской работой, но и контрабандой, вот и понадобился такой большой транспортный узел.

В этот момент серая «гусеница» на поляне стала превращаться в чудовищного «кита», раздуваясь все больше и больше, пока не превратилась в дирижабль!

— Эх, вот когда накрыть бы это гнездо! — процедил сквозь зубы Улисс. — Где твоя рация? Моя, к сожалению, накрылась, я на нее лег. Пора давать сигнал десанту.

Торвилл пошарил в заспинном кармане и похолодел.

- Я... у меня... ее нет.
- Как нет? Я же тебе давал.
- Я, кажется, ее... забыл.

Улисс застыл на мгновение, потом похлопал сгорающего от стыда альпиниста по спине.

— Ладно, обойдемся. Может быть, капитан Эрнандес успел сообщить о воздушном контроле границы кому следует. Да и лаборатория должна иметь рацию.

- Прости, я...
- Брось переживать, это моя вина, что не проверил.

Они обошли поляну справа и подошли к лагерю с другой стороны, там было сравнительно тихо.

— Стой здесь и жди. — Улисс отобрал инфраочки и проверил обоймы в пистолетах. — Вернусь через десять минут. Поднимется шум — не паникуй, ночь для нас союзник непобедимый, но едва ли они осмелятся шуметь, им это очень невыгодно.

Джонатан беззвучно канул в темноту, через минуту его силуэт мелькнул у входа в одну из палаток, сквозь щели которой пробивался слабый свет.

Торвилл прижался спиной к дереву и замер, сжимая в потной руке пистолет, все еще переживая свою ошибку. Он не знал, что будет делать, если Джонатана схватят, но надеялся, что решение придет само. Откуда-то появилось странное спокойствие и способность к мгновенному анализу ситуации, как во время подъема на скалы. Вероятно, организм сам регулировал степень концентрации душевных и физических сил и «включал форсаж» в момент наивысшей опасности.

В течение последующих минут Кристофер слышал только глухой шум загрузки дирижабля на поляне, никого не видя возле ближайших палаток. Потом из сельвы, не близко, но и не далеко, долетел kloкочущий животный вой и оборвался на низкой ноте. Кристофер вздрогнул, облился жарким потом. То ли собственная память, то ли память предков нарисовала картину охоты с собаками так ярко, что в душу вцепились когти тоски и безысходности. По их следу шли собаки!..

Улисс появился через десять минут. Он нашел Кристофера и, сдерживая дыхание, стиснул его плечо горячей рукой.

- Все правильно, Крис, это хозчасть лаборатории. У них

тут целый парк дирижаблей. Просто и остроумно: грузят на-грабленное ночью на дирижабль — и поминай как звали. Об Анхелике оба моих «приятеля», которых я разбудил, ничего не слышали, но рассказали, что сама лаборатория в полумиле под землей, вернее, в пещерах, ты был прав. Охраняется, как банк Рокфеллера. Улавливаешь?

— Как мы туда попадем? С пистолетами против пулеметов?

— Ничего, пройдем.

— За нами, по-моему, погоня с собаками, я слышал вой.

— Вой или лай?

— Вой, но он... собачий. Не смейся, я знаю, старый дом моего отца стоял рядом с полигоном, на котором полицейские натаскивали овчарок...

— Понятно. В таком случае мы не успеем добраться до лаборатории... если только меня не обманули. Но минут десять форы у нас есть. Бегом за мной!

Они помчались с максимально возможной скоростью в глубину сельвы, в направлении, выбранном Улиссом со слов работников лаборатории. Выбежали на дорогу — плиты и гравий, видимо, еще одна из древних индейских дорог, построенных тысячи лет назад, но сохранившихся под сводами сельвы благодаря сухому и жаркому климату. Прибавили скорость. Некоторое время бежали молча; Торвилл стал понемногу отставать, на один прыжок Улисса ему приходилось делать два.

Снова где-то сзади коротко провыла собака. Кристофер догнал товарища и уже не отставал.

Они уцелели благодаря случайности, когда тропинка вильнула влево.

Улисс не заметил поворота, запнулся за корень и свалился куда-то вниз, вслед за ним в яму ухнул Торвилл. Они замерли, обратившись в слух. Совсем недалеко от них кто-то спросил по-немецки:

— Кто здесь?

Второй голос отозвался тихо, как будто из поднебесья:

— В чем дело, Курт?

— По-моему, что-то упало в кусты неподалеку. Я думал, это ты уснул и свалился.

— Я и в самом деле вздремнул. Поменяемся?

— Давай.

Послышались скрип, шорохи, позвякивание.

Улисс подтолкнул Торвилла, и тот первым выбрался из ямы. Всмотревшись, разглядел изгородь из колючей проволоки, калитку, за которой располагалась будочка. За будкой стоял гигантский засохший бук, в ствол которого были вбиты металлические костыли, образуя лестницу.

Разведчики осторожно подались назад. Они не добежали до колючей проволоки всего с десятков шагов. «Если бы не яма — конец!» — подумал Торвилл с прежним холодным, рассудочным спокойствием.

— Нам надо за проволоку, — прошептал он на ухо Улиссу.

— Это и я понимаю, — отозвался тот. — Бандит не соврал, мы у цели. Попытаемся обойтись без шума, хотя положение у нас аховое: ни вперед нельзя, ни назад — заметят. У тебя пистолет с глушителем?

— Может быть, лучше стрелять ампулами?

Улисс беззвучно затрясся от смеха, Кристофер нервно рассмеялся в ответ без звука, про себя.

— Ампулой стрелять лучше днем, сейчас можем не попасть в тело, игла — не пуля. Но попробуй. Я беру того, который на дереве, ты второго в будке. Целься наверняка.

Кристофер нерешительно помялся. Улисс понял его колебания.

— Не хочешь стрелять в человека? К сожалению, я могу не успеть снять обоих, они же снайперы и обучены стрелять на шорох. Если поднимется шум, все равно придется стрелять.

На Кристофера подействовал не столько последний довод, сколько мысль о том, что он оказался плохим помощником Джонатану.

— Хорошо, беру нижнего.

Они подползли к колючей проволоке, долго всматривались в темноту, примеряясь каждый к своей цели, потом Улисс тихонько свистнул, подавая сигнал. Выстрелы прозвучали почти одновременно — сухие щелчки, задавленные плотной растительностью сельвы. Сидевший на дереве охранник свалился на землю молча, а прохаживающийся у будки тихо вскрикнул, но выстрелить в ответ уже не успел — шокотический препарат сработывал мгновенно.

— Порядок, малыш. Подстрахуй на всякий случай, я открою калитку.

Торвилла вдруг затрясло, и он с трудом заставил себя собраться.

Джонатан открыл проход в изгороди, повозился в будке, потом забрался на дерево.

— Влезь посмотри, Крис. Тут у них инфраоптика почище моей — тепловой бинокль или что-то вроде него. Хорошо, что лентяй наверху спал, когда мы появились, иначе они бы нас ухлопали в два счета.

Улисс подвинулся, давая место Кристоферу. В стволе бука было дупло, оборудованное под сторожевую нишу, в нем свободно умещались два человека.

— Хорошо устроились, надолго. Смотри — рация, галеты, инфраочки, винтовка с оптическим прицелом. Стрелять умешь?

— Когда-то умел. Как ты снял хозяина? Ниша с земли не видна.

— Он стоял на суку под дуплом и смотрел в нашу сторону. Опоздай мы на секунду... Так, это не рация, к сожалению, а телефон. Жаль, я думал, удастся дать сигнал. Знаешь что, у меня идея: у нас есть шанс использовать свое преимущество. Преследователи будут идти по следу...

— Понял. Оставаться здесь мне?

Улисс кивнул, виноватым тоном пробормотал:

— Я бы остался, но тогда у нас не хватит времени..

— Иди. Все равно я не умею делать того, что умеешь ты. Где встретимся?

— Здесь же. Я попытаюсь выяснить, где у них центр управления, резиденция самого Копмана, здесь ли Анхелика, потом найду радиостанцию и выйду в эфир открытым текстом. Потом вернусь за тобой. Будут нажимать — беги за мной и ищи вход под землю.

Улисс спустился вниз, махнул рукой наблюдавшему за ним в прибор ночного видения Торвиллу и исчез. Кристофер вздохнул, сел поудобнее, направил вниз ствол автоматической винтовки с тем же клеймом «Сделано в США» и стал ждать. Он уже не имел права сомневаться, колебаться и страдать — всему свой миг и свой час. Для него наступил час самой опасной игры, который подсознательно был рядом все-

гда, игры, где призами были жизнь и смерть. Наступил час проверки формулы: человек стоит того, что он может. В той, другой жизни, оставшейся в Альпах, в горах, казавшихся чуть ли не родным домом, Кристофер боролся только с камнем и не чувствовал гнева и ненависти, когда горы оказывались сильнее тех, кого он спасал. Здесь он боролся с равными себе по силе, но превзошедшими его по жестокости, подлости и человеконенавистничеству, и в сердце не должно было быть места жалости к убийцам-маньякам в тогах ученых...

Собака возникла из зарослей бесшумно, как баргест из английского фольклора — дух, предвещающий смерть. Она и сама была смертью, воплощенной в образе зверя, специально выдрессированного для охоты на человека. Крупнее обычной немецкой овчарки, похожа на дога, но и не дог: Кристофер не знал, что это был мастиф-волкодав, который мог выстоять в поединке с рысью или барсом. Главным в облике мастифа было выражение беспощадной и целенаправленной жажды убийства в сочетании с хищной злобой и жуткой неутомимостью механизма.

Торвилл выстрелил в тот момент, когда мастиф учуял его и поднял морду вверх. Вторая собака появилась следом, за ней еще одна. Кристофер едва успел снять их двумя выстрелами, третьим добил взывшую собаку, раненную в шею.

Видимо, проводник был неопытный. Он сначала высунулся из чащи, но тут же залег, окликаая кого-то в зарослях. Кристофер понял, что если не предпринять решительных действий в ближайшую минуту, то ему не поможет ни позиция, ни техника. Он тщательно рассчитал, где лежит преследователь, прицелился и выстрелил два раза подряд, потом выскочил из дупла и, как на крыльях, слетел по скобам на землю, тут же сиганув в кусты фикуса; прибор ночного видения все-таки был как нельзя кстати.

Из-за проволочной изгороди по дереву дважды ударил автомат. Замолк. В тишине где-то недалеко послышались голоса, команды, на мгновение вспыхнул прожектор, лес наполнился шумом, возней, топотом ног.

Не дожидаясь, пока на место действия прибудет охрана лаборатории, Торвилл продрался сквозь кусты и побежал в ту сторону, где скрылся Улисс.

Хозяин стряхнул пепел сигареты в плоское каменное блюдо с искусственно выдавленным в дне изображением летучей мыши, повертел в пальцах туми — жертвенный нож древних индейцев и положил рядом с блюдом. Он не знал, о чем говорить с представителем власти, и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы не знаете, что это такое?

Эрнандес, сидевший в мундире, надетом на забинтованное плечо, поморщился и кивнул.

— Профессор, я паракасец, а не новичок но маду¹. Забавная штука, я видел подобные в музее Лидо в Шочипилье.

— Это всего лишь копия, хотя я надеюсь найти туми и в Пирау. Эти ножи характерны для всех доиндейских и древнеиндейских цивилизаций Южной Америки. Как и калабасы. — Хозяин кабинета погладил крутой бок посуды для воды. — Сделаны из тыквы, но сохранились по сей день. Практически каждое современное индейское племя бережно хранит рецепт выделывания из тыкв различной посуды. Эта калабаса найдена в окрестностях Пикаля, но, если бы не задержка экспедиции, уверен, мы имели бы подобные находки и в долине.

«Как будто мы виноваты в задержке», — подумал Эрнандес, страдая от боли и временами накатывающейся слабости. Он сделал все, как велел Улисс: соединился с управлением Сегуридад в Шочипилье, сообщил о случившемся и даже поделился своими соображениями об участии в инциденте корпорации «Птичий глаз» и ее посредника в Пикале Диггори Дайамонда. Его выслушали, приказали взять под охрану Пирин и лагерь возле гор Тумху, ничего не предпринимать без специальной команды, и теперь капитан ждал реакции Сегуридад, а может, ждал развития каких-то событий, но ничего не происходило. Ничего. Шел уже девятый час вечера, стемнело, а ни армии, ни сил безопасности в поле зрения капитана и его подчиненных не попадало. Словно столица забыла о сообщении и решила подождать до утра.

¹ Но маду^{ро} — неспелый, зеленый (исп.).

— Я слышал, — сказал Эрнандес, — что покойный Хонтехос считал прародиной индейцев пируа Японию.

— Ну, Хонтехос был оригиналом, хотя последователей у него хватает. Есть, например, и такие, которые утверждают, что предками индейцев пируа являются племена, некогда селившиеся у Байкала, в России. Вернее, на территории современной России.

Эрнандес поднял брови. Хозяин кабинета улыбнулся.

— Да-да, не удивляйтесь. Это я не отношусь к оригиналам и свои гипотезы строю исключительно на доказанных аргументах и фактах. Я участвовал в археологических экспедициях в Мексике, Колумбии, Бразилии, Чили, Гватемале, Перу, изучал культуры чиму, инков, ольмеков, тольтеков, в последнее время, до назначения сюда директором, исследовал культуру чавин, господствовавшую в северном Перу восемнадцать веков, начиная с тысяча пятьсот пятидесятого года до нашей эры и кончая триста двадцать седьмым нашей, то есть за тысячу лет до появления инков. Так вот, в найденных несчастными первопроходцами Пируа остатках культуры долины чувствуется чавиноидная традиция: керамика с изображениями кондора и ягуара, орнаменты с петроглифами. Видели? Нет? Жаль. Кстати, чави — на одном из карибских языков — ягуар, а чави-нави — сыновья ягуара с копьями. Конечно, на культуру пируа должны были наложиться такие особенности, как почти полная изоляция от остального мира и обилие золота в долине, но берусь утверждать, что индейцы пируа — предки индейцев чавин, и пришли они из Юго-Восточной Азии около десяти тысяч лет назад. Это самая первая из высокоразвитых цивилизаций на территории Паракаса. Что касается ее отличий от других цивилизаций, то об этом можно говорить только после окончания работы экспедиции.

— Значит, вам повезло, что долину открыли лишь два года назад. Никогда не думал, что за Тумху — неоткрытые «белые пятна».

— Ну, это легко объяснить. Подступов к долине со стороны внешнего мира не было, а с самолета невозможно определить, изучен этот район или нет. На территории Паракаса еще много неисследованных уголков, особенно в альтиплано Кордильер.

Эрнандес украдкой посмотрел на часы. Его собеседником был директор Пирина, известный паракасский археолог Хулио Энрике Эчеверриа, который пустился в пространственные рассуждения о предполагаемых открытиях в долине Пируа. Капитан его не прерывал, думая о своем. Внезапно директор остановился:

— Извините, вам неинтересно, я вижу. Заболтался. Если хотите, давайте поговорим о контрабанде произведений искусства древнеиндейских цивилизаций. Я неплохо знаю методы «работы» контрабандистов, приходилось встречаться.

Эрнандес очнулся, с любопытством взирая на ученого.

— Вы что же, думаете, и в Пируа пробрались контрабандисты?

— Уверен. Я же не мальчик и понимаю, из-за чего заварилась вся эта неприятная похлебка с экспедицией. Кому-то невыгодно, чтобы исследователи проникли в долину, вот они и принялись действовать. А кому невыгодно больше всего? Конечно, контрабандистам.

Капитан покачал головой.

— Вы проницательны, профессор.

— Жизненный опыт, — улыбнулся Эчеверриа, пустив по лицу лучики морщин.

Дверь внезапно отворилась, и в кабинет вошли двое мужчин. В первом Эрнандес узнал голландца ван Хова, а второй притягивал взор своей необычностью, отталкивающей нестандартностью. Он был сутул, массивен, хотя передвигался с легкостью и грацией хищника, с длинными руками, а лицо поражало обилием бугров, морщин и вмятин, оно было не просто безобразным, а зловеще безобразным, жутким и твердым, как ритуальная маска. Но больше всего капитана потрясли уши незнакомца: они были не очень большими, но формой напоминали перепончатые крылья летучих мышей, и кровеносные сосуды просвечивали сквозь розовый перламутр перепонки, как нервы летательного аппарата.

— Вы ко мне? — Эчеверриа вопросительно посмотрел на вошедших. — Или это ваши знакомые? — обратился он к Эрнандесу.

— К вам, — кивнул эксперт ЮНЕП и выстрелил в грудь старику из «асахи» с насадкой бесшумного боя. Директор

Пирина посмотрел на свой пиджак и мягко завалился на бок, зацепив стул.

Эрнандес рванул из кобуры пистолет, но страшная сила вырвала из рук оружие, едва не выломав пальцы, и придавила к сиденью.

— Вам же говорили, капитан, не суйтесь в это дело, — спокойно сказал ван Хов, садясь на место Эчеверриа, выдвинул ящик стола и бегло осмотрел его содержимое. — Говорили?

— Кто вы? — хрипло спросил Эрнандес.

Голландец поднял отрешенно-холодный взгляд.

— Я? Агент ЦРУ, если вам будет угодно. Хотя у меня найдется с десяток других профессий, которыми я владею вполне легально. Эксперт ООН по программе ЮНЕП — одна из последних.

— Я догадывался... еще до прихода альпин... — Эрнандес запнулся.

Ван Хов кивнул.

— Можете не договаривать, я знаю, кто у вас побывал. Джонатан Улисс. Так?

Капитан полиции сплюнул ему под ноги и сказал презрительно:

— Кончайте умные разговоры, скоты! Стоит мне крикнуть, и через минуту здесь будет вся бригада. Так что советую не шуметь.

— Мы и не будем, — кивнул спокойно голландец. — А кричать не надо, вряд ли вас кто-нибудь услышит. Мы уже уходим, капитан, но прежде ответьте на пару вопросов. Где сейчас Улисс?

— Далеко. — Эрнандес снова сплюнул, чувствуя на затылке дыхание кошмарного телохранителя ван Хова. — Вам его не догнать.

Вошедшие переглянулись.

— Он в долине, — глубоким, звучным голосом, дико контрастирующим с его внешностью, проговорил ушастый страж. — Успел уйти еще днем, часов в пять, судя по тарараму в голове этого копа. И главное, капитан был так неосмотрителен, что позвонил в Сегуридад и передал разговор с Улиссом начальству.

Ван Хов задвинул ящик, задумчиво посмотрел на ужаснувшегося от услышанного Эрнандеса.

— Что, капитан, не ожидал? Этот парень способен читать, что написано в чужих мозгах, так же свободно, как в газете. Нет смысла торговаться. Жаль, что поторопились вы со звонком в Шочипилью.

— Надо и нам поторопиться, — сказал ушастый. — Безопасность наверняка уже рыщет где-то поблизости, но они могут поднять по тревоге и армию.

— Ты прав, надо уходить. А жаль, местечко здесь райское. Я за тобой не утворюсь, иди первым, а на той стороне вызови мне проводника. И спеши к Эриху, Улисс — не сопливый щенок, я видел, как он ходит по скалам. Его надо опередить и обезвредить.

Ушастый улыбнулся, так мог бы улыбаться гранатомет.

— Не беспокойтесь, он не уйдет далеко. Что делать с этим?

— Он бесполезен, но как свидетель может быть опасен...

Это было последнее, что услышал Эрнандес в жизни.

Пикаль, Пири

Свысоты в пять миль окрестности Пикаля казались дымящейся трясинной серо-зеленого с пятнами коричневого цвета — так их окрасил легкий вечерний туман сельвы. Где-то в нескольких милях к северу от Пикаля, у суровой гряды гор Тумху, располагался лагерь экспедиции в долину Пируа, ставший объектом отвлекающего удара контрабандистов Дела и агентов ЦРУ США.

— Мы опаздываем, — наклонился к собеседнику полковник службы безопасности Майо Кольор.

— Не думаю, — спокойно ответил тот. — Едва ли они решатся уходить днем, когда еще светло. А до ночи мы успеем закрыть границу.

— И все же мы могли бы начать операцию раньше, — с укоризной проговорил Кольор.

— Без армии — нет, — покачал головой сосед, костистый, широкий, но очень худой, с большой головой и коричневым гладким лицом. — А чтобы доказать необходимость совмест-

ной операции, договориться о взаимодействии и разработать план, потребовалось время.

Они замолчали.

Самолет произвел посадку.

Руководителей Паракасской службы безопасности встречал сотрудник отдела Кольора «французский археолог» Гийом Карсак. Едва ли кто-нибудь из его приятелей в Пирине узнал бы в нем весельчака-юмориста, любителя женского пола.

— Анхелика исчезла, — сказал он полковнику вполголоса, ответив на рукопожатие. — Майор Барахунда, капитан Эрнандес, профессор Эчеверриа убиты. Исчезли альпинисты Улисс и Торвилл, эксперт Леон ван Хов и сотрудник Интерпола Милич.

— Святой кондор! — вырвалось у Кольора. — Когда все это произошло?

— Барахунда убит еще...

— Об этом я знаю. Остальные?

— Эрнандес и Эчеверриа найдены в лагере полчаса назад. Никто не видел убийц и не слышал шума. Эчеверриа убит из пистолета марки «асахи» японского производства, а капитан... у него перелом основания черепа. Эксперт-криминалист утверждает, что удар нанесен рукой, вернее, ребром ладони, сзади.

— Поехали в Пирин, — сказал спутник Кольора. — Обсудим все по пути. Кстати, полковник, каким образом в это дело оказался замешан начальник полиции?

— Он молод... был, — со вздохом произнес Кольор, — и не в меру активен. Я его предупреждал, он не внял совету. А жаль, парень был неглуп, можно было бы взять его к себе в отдел.

Черный «Бьюик» принял их в свое нутро и помчал по шоссе к Пикалю, несколько высотных домов которого виднелось над зубчатой кромкой сельвы. Через сорок минут машина миновала полицейский пост на окраине города и подъезжала к громаде Пирина. Их ждали двое в штатском и полицейский офицер. Один из встречающих, массивный, косопалый, с недобрый тяжелым лицом, молча повел прибывших за собой.

В кабине с двойными дверями, напоминающими водоне-

проницаемые переборки тамбура подводной лодки, — резиденции директора института — царила стандартная обстановка кабинетов любых других деловых организаций и фирм: стол с видеоприставкой и селектором, плоский телевизор на стене, карта Паракаса на другой, деревянная мебель, штора, скрывающая за собой одну из стен, шкаф и вделанный в стену сейф. Тело Эчеверриа уже убрали и кровь с пола смыли, в кабинете было чисто и свежо.

— Знакомьтесь, сеньоры, — сказал Карсак. — Филипп Моррисон, заместитель начальника отделения «Эол» организации СИУ. Он не обидится, если кто-то из вас назовет СИУ «Чистилищем».

Второй спутник мрачнолицего, узкоплечий, но подтянутый, стриженный очень коротко, наклонил голову.

— Сотрудник отдела Хенрик Соренсен.

Здоровяк мельком посмотрел на Кольора и мигнул.

— Он неразговорчив, — мягко сказал по-испански, без акцента, Моррисон, — зато надежен. Не правда ли, коллега?

— Как рокфеллеровский сейф, — без улыбки ответил Карсак. — Но, в отличие от сейфа, не боится взлома. Прошу садиться, сеньоры.

Кольор подождал, пока сядет его большеголовый спутник, привыкший к оказанию ему должного внимания, и сел сам. За ним сели остальные.

— Итак, все по порядку. В каком состоянии операция?

— Разрешите мне, генерал? — сказал заместитель начальника «Эола», чем-то похожий на самого Миллера.

Начальника Паракассской службы безопасности покорило такое обращение, но он не дал воли раздражению.

— Посты в ключевых местах расставлены, за долиной ведется аппаратное наблюдение с подключением компьютерной системы распознавания объектов.

— Простите, — вежливо сказал генерал, — я так полагаю, что расставленные посты принадлежат вам? То есть организации СИУ?

— Вы же сами дали согласие на участие «Чистилища» в операции, — вполголоса проговорил Кольор. — Они же нас и предупредили о...

— Я помню, — сухо сказал генерал. — Просто хочу уточ-

нить детали. Кстати, кем определены эти... м-м... ключевые места?

— Нами, — пожал плечами Моррисон. — Хотя не без помощи ваших специалистов. Но аппаратура, извините, тоже наша. Я не склонен приписывать СИУ все заслуги в организации операции, лавры нам не нужны — важен результат. Такова основа работы «Чистилища». К тому же без привлечения сил безопасности и контрразведки, да и армии нам не обойтись, потому что перекрыть надо всю северную границу. Понадобятся самолеты, около двух вертолетных полков и двух десантных. Единственная заковка: мы не знаем точных координат лаборатории в долине. Хотя убеждены: эвакуировать ее еще не успели.

— Каким же образом вы хотите действовать? Как только охрана лаборатории обнаружит нашу группировку, заведующий попросту уничтожит базу, он же не болван, чтобы оставлять улики.

— Мы захватили некоего Леннарда, одного из работников компании «Птичий глаз», работающего на ЦРУ, — сказал Карсак. — Он сообщил кое-что интересное, в том числе и об алчности своих начальников, до сих пор греющих руки на вывозе из долины золотых изделий. Именно этот фактор и помог нам ухватиться за ниточку и размотать клубок и он же позволяет надеяться на то, что основные богатства Пируа не тронуты.

— Вы не ответили на вопрос. Не будем же мы сбрасывать десант на всю долину.

— Конечно, нет. В долине в настоящее время находится наш работник, — сказал Моррисон. — Надежный парень, он даст сигнал.

— А если не даст?

Моррисон поднял угрюмые спокойные глаза на генерала.

— Даст.

Генерал хмыкнул, посмотрел на Кольора.

— Ну что, Майо? Вы здесь главный, командуйте.

Кольор понял его намек правильно: крайним в случае провала операции станет он.

Наступило недолгое молчание, которое прервал генерал:

— Мне говорили о профиле работы лаборатории, но я счел это... э-э... ошибочной информацией. Не думаю, что та-

кое возможно — я имею в виду поразительные результаты ее деятельности.

— К сожалению, возможно, — сказал Моррисон, посмотрел на часы и кивнул Соренсену; парень вышел. — Не знаю, как насчет суперменов, рождающихся при пробуждении «спящих» генов, но то, что из ущербного психически и морально типа выращен свехубийца, — факт.

— Вы о ком?

— Руководитель лаборатории провел эксперимент не только на Хонтехосе, Пино и других известных лицах, но и на преступнике, садисте и убийце, превратив его в исключительно сильного и ловкого человека. Говорят, он даже способен читать мысли, хотя объективной информации нет.

— И где этот монстр?

Моррисон помолчал и нехотя проговорил:

— По последним сведениям, ушел в долину.

Генерал покачал головой.

— Тогда я не завидую вашему работнику. И предлагаю начать операцию немедленно, пока еще есть возможность обшарить долину до наступления темноты и найти лабораторию.

— Рано, — отрезал Моррисон и поправился: — Простите, генерал, все равно уже темно, ночь вот-вот наступит, и нет смысла спешить. Подождем сигнала. Если до двенадцати его не будет, начнем развертывание полков на границе. Кстати, не мешало бы еще раз напомнить пограничникам Боливии о нашей операции. Кто-нибудь из засевших в долине молодых может прорваться.

— Боливийская сторона предупреждена. Но почему вы так уверены в своем работнике?

— Потому что он человек слова, и еще не было случая, чтобы он подвел. Его жена погибла в Штатах при негласном испытании в одной из военных лабораторий сильнодействующего галлюциногена, с тех пор он работает в «Чистилище». Но дело даже не в этом, просто я знаю его достаточно хорошо и уверен, что он способен пройти через ад.

— Кто же этот человек? — спросил заинтересованный начальник службы безопасности.

Моррисон не успел ответить — в кабинет вошел Соренсен.

— Только что при попытке проникнуть в долину задержан Диггори Дайамонд, американский гражданин, директор филиала фирмы «Птичий глаз» в Пикале. С ним трое — видимо, охрана. В центре долины была слышна стрельба.

— А сейчас?

— Тихо. Стрельба длилась всего две минуты.

— Успели засечь направление? — встрепенулся Кольор.

— Машина еще работает, но едва ли она выдаст рекомендации с большой точностью — темно.

Генерал, Кольор и Моррисон посмотрели друг на друга.

— И все же подождем, — хмуро сказал начальник «Эола».

Долина Пируа

Джонатан оставил Торвилла одного с тревогой в сердце и странным ощущением игры: будто ему было всего десять лет и он с другом играл в «казаков-разбойников». Ощущение это быстро прошло, но все же что-то сдвинулось в душе, отреагировало на жизнь вокруг, на внешние раздражители, пришли в движение жернова какой-то психологической машины, а может, и не только психологической, грозя подмять Улисса, перемолоть в муку его веру в себя, в свое дело, его надежду и волю.

Всю жизнь он, искатель приключений, «певец риска», удивительных мгновений победы над собой или обстоятельствами — как говорили друзья, или «профессионал по выживанию» — как говорили с долей уважения враги, боролся с обстоятельствами в условиях стопроцентного риска и выходил победителем. Но пришел час, когда количественные показатели его способностей перешли наконец в иное качество. Это когда два года назад он вдруг почувствовал: хватит странствий! Дальнейшее увеличение километража не даст новых ощущений. И он остановился, начал осматриваться, куда его занесло, кто рядом, что делать дальше?.. А потом погибла Анна, и все чуть снова не завертелось в привычном темпе, но его вовремя нашел Миллер, умудренный опытом, всегда знавший точно, ради чего он рискует жизнью. Однако еще долго что-то мешало жить и работать, словно спазм грудной клетки, пока Улисс не понял, что это всего-навсего усталость.

Память — странная штука, дает о себе знать в самые неподходящие моменты жизни. Джонатан вдруг вспомнил свой первый экзамен на выживаемость — участие в гонках на мотоциклах по горным дорогам в Италии, потом первое прохождение полигона «страха» — когда он по молодости лет едва не нанялся в отряд «диких гусей» — наемников, подготовленных для карательных операций в разных частях света, вспомнилась встреча с Анной, ее нелепая гибель в Арканзасе, встреча с Анхеликой... Мгновенные росчерки прожитого, как следы трассирующих пуль, пронизали пространство памяти, оживили застывшие там навеки картины... Сколько раз ему приходилось рисковать жизнью? Не счесть! Спокойное бытие — что это за штука? Преподавание борьбы в школе физической подготовки с постоянным ожиданием перемен? Это спокойная жизнь? А уколы памяти, а боль воспоминаний, затухающие, как угли костра, о которые еще можно обжечься... И все же рано или поздно приходит твой судный день, когда обстоятельства вывернут тебя наизнанку и обнажат твою суть, и ты поймешь, на что способен, и, преодолевая муку самооценки, начнешь ковать себя заново, бить и обжигать, смешивая в горниле души силу и злость, веру и доброту, любовь и ненависть, слезы и смех... И ты поймешь наконец, что формула «выжить во что бы то ни стало» не гарантирует душевного спокойствия...

Улисс очнулся у серой бетонной стены, сжимая в руке пистолет. Выругался беззвучно, прислушался — все тихо пока — и отступил под защиту деревьев. Перед ним располагалась приземистая бетонная постройка с трубой на крыше, напоминающая трансформаторную будку с единственной дверью. Рядом смутно белели шатры двух стационарных палаток, похожие на древнеегипетские пирамиды в миниатюре. Вокруг ни души, словно лагерь брошен. Но к чему тогда охрана и проволочное ограждение? Что это — вход в подземный бункер?..

Улисс принюхался — пахло хлебом и чем-то еще приторно-сладким. Знакомый был запах, противный. Джонатан попытался вспомнить, от чего он, но не смог. Взял влево, обходя будку, и наткнулся на невысокий свеженаасыпанный холм, возле которого неприятный запах был сильнее.

Улисс сплюнул, нагнулся, зачерпнул ладонью горсть земли, липкой, дурно пахнущей, с твердыми камешками, выбрал камешек побольше, остальные выбросил и брезгливо вытер руку листьями папоротника. Выбрал просвет между деревьями, где было посветлее, приблизил камешек к глазам и выругался. На ладони лежал почерневший... человеческий зуб!

Конечно, Улисс был готов к неожиданностям, но свидетельство преступлений тайной лаборатории — холм человеческих костей, пересыпанных прахом, — потрясло его до глубины души! Серая «трансформаторная будка» была крематорием. И материалом для него служили аборигены — индейцы-пигмеи пируа. Догадка пришла сама собой: факты, известные Улиссу, соединились в единую логическую цепь, и он понял, на ком отрабатывали методы оживления «молчащих» генов «ученые» лаборатории. Спрятав зуб в кармашек комбинезона, он нырнул в кусты, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой.

Интуиция вывела его к целому палаточному городку, окружавшему два крошечных бунгало с плоскими крышами из дерева и алюминия. На корпуса эти строения не походили. Неужели основное хозяйство и в самом деле под землей, как сообщили те двое, что остались у дирижабля? Но где же тогда вход в подземелье?

Первое бунгало имело одну дверь и два окна, в обоих горел свет. Тусклый свет пробивался и через щели палаток, лагерь был явно обитаем, хотя Улисс с облегчением отметил про себя отсутствие охранения. Видимо, обитатели тайной базы не ждали гостей, надеясь на неуязвимость убежища.

Джонатан подкрался к двери бунгало, справедливо определив, что это командный пункт лагеря или пост охранения. Едва он вознамерился толкнуть дверь, как она открылась сама, сноп света упал за порог, и в проеме показался человек.

— И передай Дюку: пусть срочно вызовет Ушастого, — сказал он кому-то за дверью. — Если наблюдатели не пьяны, значит, кто-то проник на территорию и поднялся на вершину. Судя по шуму у второй линии, они не шутят. Я с «шестеркой» пойду проверю Билла, что-то он не отвечает.

Он собрался закрыть дверь, но Улисс прыгнул и ударил выходящего в живот. С тихим «ох» мужчина согнулся попо-

лам, и Джонатан ударил его рукоятью пистолета в основание шеи. Человек упал. Улисс придержал дверь, несколько секунд вслушивался в звуки, долетавшие из глубины строения, потом бесшумно шмыгнул внутрь домика.

Тамбур с тремя дверями, одна наружу, а две другие?

Вторая оказалась дверью шкафа с противохимическими балахонами и противогазами, а третья вела в пустую комнату — стол и два стула, — освещенную трубкой дневного света. Никого. С кем же разговаривал выходявший?

В центре комнаты вдруг что-то скрипнуло, стол отъехал в сторону, открыв квадрат люка, и откуда-то снизу донесся голос:

— Проверь кабель у второго и третьего блоков. Предупреди Губатого, пусть поторопится со своими «кроликами». Всех уничтожить, это приказ босса.

Поднимающийся по лестнице буркнул что-то под нос.

Улисс втиснулся в тамбур, сдерживая дыхание.

Из отверстия люка выбрался человек в коричневом комбинезоне, шагнул в тамбур, заметил гостя. Рука его метнулась к поясу, но на то, чтобы достать оружие и выстрелить, ему требовалось около секунды, а Улиссу — в три раза меньше. Удар пришелся в подбородок, верзила грохнулся о стол и сполз на пол. Связывать его не было времени, потому что из глубины нижнего подземного этажа спросили:

— Что ты там уронил, Стин?

Улисс замер на мгновение перед люком в преисподнюю, мысленно воззвал: «Ну держись, «чистильщик»!» — и прыгнул вперед и вниз.

У лестницы был один пролет в двадцать ступенек, Джонатан преодолел ее в два приема.

Подземный зал превзошел самые мрачные ожидания: он был большой, квадратный, с полом, выложенным настоящим черным паркетом. В центре — аквариум с плавающим в нем... черепом! Двухсекционный пульт с дисплеем, возле пульта подставка с красивой статуэткой из блестящего желтого металла.

Рядом с пультом стоял на коленях худощавый юноша в сером костюме и копался в его внутренностях, второй сидел в кресле с наушниками на голове и вертел ручки прибора, похожего на генератор ВЧ, третий — старик с лицом Мефисто-

феля — укладывал кабель у стены в аккуратную бухту. Все трое оглянулись на звуки прыжков и молча уставились на пистолеты в руках Улисса. Молодой сделал движение к тумбе стола, Джонатан выстрелил. Игла попала в щеку парня, тот упал и успокоился.

— Не двигаться! — негромко сказал Улисс и повел стволом пистолета в правой руке. — Лечь на пол! Обоим! Руки на затылок!

Парень за пультом и старик повиновались без единого слова.

«Радиста» с наушниками Джонатан обыскал первого, связал. Потом та же участь постигла молодого храбреца — альпинист не хотел рисковать, хотя шоковый препарат иглы сделал свое дело. «Мефистофеля» Улисс заставил встать к стене.

— Прошу ответить на несколько вопросов, от этого будет зависеть ваша судьба. Подходит такой выбор?

— Задавайте, — глухо буркнул старик.

— Что это за прибор с наушниками, рация?

— Нет, контроллер системы подрыва.

— Понятно. Чем занималась лаборатория?

Молчание.

— Даю три секунды.

Улисс подождал три секунды и выстрелил. Звонко взорвался экран дисплея.

Старик не двигался, глядя на Улисса исподлобья.

Альпинист поднял левую руку с пистолетом и выстрелил, не целясь. Пуля задела плечо «Мефистофеля», тот вскрикнул, схватился за плечо. В глазах его тлея ненависть.

— Идиот! Зачем это тебе? Ты же и так покойник...

Улисс хладнокровно направил пистолет ему в лоб.

— Даю еще пять секунд. Не ответишь — покойником будешь ты. А потом я примусь за остальных, у меня нет выбора.

На лбу старика проступила испарина.

— Я не имею отношения к непосредственному персоналу лаборатории, я всего лишь оператор ЭВМ.

— Повторить вопрос?

— Лаборатория занималась биологическими экспериментами...

— Смелее, у меня мало времени.

— Экспериментами по генному ускорению, биодевииации «молчащих» генов. А больше я ничего не знаю, клянусь!

— И экспериментировали, конечно, на людях, на «презренных индейцах», так? Я видел крематорий. Сколько же вы убили?

Старик побледнел, уставился на Улисса.

— Кто заведующий лабораторией? — быстро спросил тот. — Ну?!

— Эрих Копман.

— Где он?

Ответить «Мефистофель» не успел. Один из аппаратных шкафов в углу зала сам собой отъехал в сторону, открыв освещенный проем еще одного люка, ведущего вниз. Из глубины колодца раздался странно знакомый голос:

— Не стреляйте, монтанеро, я — Копман. Вы блокированы сверху и снизу, весь ваш разговор был слышен, так что делайте выводы. Можно, я поднимусь?

— Поднимайтесь, — подумав, вежливо разрешил Улисс.

В зал, как чертики из коробки, выскочили из люка трое похожих друг на друга парней с автоматами, зашли справа и слева. Автоматы держат профессионально, только дула выглядят из-под мышек. Последним вылез энергичный толстяк, в котором Улисс, к изумлению своему, узнал Карла Типлера, «проводника» экспедиции! Оператор, лежавший на полу ничком, как его положил альпинист, встал.

— Не ожидали? Мне искренне жаль, что так получилось.

Типлер-Копман подошел к пульту, бегло оглядел индикаторную панель, повернул голову к «Мефистофелю».

— У вас все готово? Что морщишься, ранен?

— Царапина. К взрыву все готово. Стин пошел проверить кабели у блоков Ц и Д и предупредить Губатого.

Шеф лаборатории кивнул, посмотрел на Улисса.

— Похоже, он не дошел. Пошлите к Губатому еще кого-нибудь. Ну, что будем делать, Джонатан Улисс? Люг, заberi у него на всякий случай оружие.

Крепкий молодой человек забрал пистолеты Улисса, ловко обыскал карманы, нашел стилет.

— Больше ничего, босс.

— О'кей. Итак, Джонатан? Или у вас есть другое имя?

— Нет, — сказал Улисс. — Чужих имен не покупаю.

— Как вы догадались, где расположена лаборатория? Или взяли кого-то из моих людей?

— Те, кого мы взяли, не сказали ни слова.

— И все же вы здесь, странно... Впрочем, у каждого свои методы работы и свои тайны, а уж у работников «Чистилища» тем более. Зачем вы влезли в уголовно-политическую мясорубку? Это же не ваш профиль. — Копман фыркнул. — Джонатан Улисс, гонщик, альпинист, и вдруг — частный детектив! Не думаю, чтобы «Чистилище» вам много заплатило. Не скажете, сколько? Любопытно все же.

— Десять тысяч плюс премия за риск.

— Неплохо, но я могу дать больше. Хотите работать в моей команде? Полста тысяч плюс гонорар за отдельные акции.

Улисс пренебрежительно сплюнул.

— У нас цены несколько иные. Смерть Миллера вам не оплатить.

— Принципы? Уважаю принципиальных людей. Но чего вы добьетесь? Наша с вами игра — игра с нулевым результатом. Придется перенести лабораторию в другое место, и только. Хотя позиция в долине была идеальной со всех точек зрения.

— Конечно, идеальной. Во-первых, в сельве легко упрятать даже космодром, а не только взлетную площадку дирижаблей. Во-вторых, материал для изготовления вашего противошокового препарата всегда под рукой и, в-третьих, хватает и экспериментального материала, на котором можно отработать методику, — пигмеи. Никто не будет искать без вести пропавших.

— Вы правы, — кивнул Копман. — Голова у вас варит, я заметил это давно. Правда, в какой-то степени идиосинкразия к риску у вас имеется. Должны же вы понимать, что, ввязавшись в драку с нашей конторой, выжить чрезвычайно трудно, почти невозможно. Через полчаса мы уходим, а лагерь взорвем. Вместе с вами, Джонатан, уж простите мой черный юмор. У вас есть ко мне вопросы?

— Три.

— Всего-то? Слушаю. — Копман кивнул «Мефистофелю». — Ликвидируйте «конюшню», Перри, потом придете

сюда со своими. И дайте отбой Ушастому, его противник сам пришел в клетку. Пусть командует механикой отхода.

Улисс в задумчивости подошел ближе к немцу.

Охранники сдвинулись тесней, заплывая пол жевательной резинкой.

— Скажите, вы на самом деле добились результатов или случившееся с Хонтехосом и другими — раздутый миф?

Заведующий лабораторией оживился.

— Когда-нибудь мне за эти исследования вручат Нобелевскую. Мифа нет, ваш Хонтехос в действительности получил сверхвозможности, но, к сожалению, задумал рассказать о моей работе всему миру, а это преждевременно, как вы понимаете. Пришлось моим друзьям принять меры.

— В частности, Дайамонду?

— Не только. Видите, вы слишком много знаете для того, чтобы уцелеть.

— Скормите его Ушастому, — буркнул один из телохранителей.

Копман оценивающе посмотрел на Улисса.

— А что, это идея! Любопытно было бы посмотреть, как долго вы продержитесь. Хотя вряд ли выстоите. Ушастый — моя гордость.

— Тоже «подопытный кролик»?

— Он себя таковым не считает. Был приговорен к смертной казни, я его вытащил. Любопытный экземпляр, скажу я вам, сами увидите. Решено, появится Ушастый — устроим корриду. Хотя времени у нас очень мало.

— А зачем вы захватили таких известных людей, как Хонтехос, Пино? Чтобы показать свою силу?

Копман хлопнул себя по ляжкам, засмеялся.

— Ну, естественно! Скажете, цинизм? Нет, мой друг, вызов. Мы нарочно выбрали для испытаний таких людей, которые известны если не мировой, то хотя бы южноамериканской общественности. Хотите знать, как все это было сделано? — На щеках Копмана разгорелся румянец. Он вдруг сбросил маску хладнокровного и вежливого бизнесмена и стал тем, кем был на самом деле, — заурядным ученым-маньяком фашистского толка, для которого опыты над людьми — обычное дело. — Давайте даже сделаем так: я и вас сделаю

сверхчеловеком. После боя с Ушастым. Хотите? И вы станете господином толпы, а захотите — и любой политической системы. Представляете, кем вы можете стать?

— Представляю, — кивнул Улисс. — Эти речи я уже слышал где-то или читал.

— О да, их отец Ричард Хелмс¹. Он сказал: «Контроль над людьми — вот главная цель ЦРУ». Добавлю — великая цель!

— Действительно, великая. Мы ошибались, предполагая, что лаборатория работает над каким-то препаратом вроде «сыворотки правды» или экспериментирует с генами бактерий для производства новых штаммов. Никто в руководстве не хотел верить в «конструирование генотипов» нового поколения.

— Моя работа называется несколько иначе: «Реконструкция генных структур человека с помощью активизации «молчащих» генов». Но вы хорошо разбираетесь в терминологии.

— Пришлось подучиться. О вас мы тоже знаем немало. Ведь начинали работу вы с галлюциногенами в Форт-Брегге, потом в Пэйн-Блаффе, были начальником отдела биологических исследований в Форт-Детрике...

— Не стоит перечислять мой послужной список, у меня осталось для вас две минуты. Ваши вопросы закончились? А я все жду, когда вы спросите о сеньорите Анхелике.

Улисс шагнул к толстяку.

— Она все-таки у вас?

— У нас. Кстати, вы знаете, что она сотрудник службы безопасности Паракаса? Была внедрена в «Птичий глаз», но слишком преуспела в своей деятельности, и моим коллегам пришлось срочно вывести ее из игры. Если бы не я, ее бы уже не было в живых, служба ликвидации не любит шутить.

— Что с ней?!

— Жива, хотя очень слаба. — Копман поколебался. — Я мог бы и не говорить, но не люблю лжи. Я сделал эксперимент уже после того, как ее пытали электротоком, все равно она была на грани... м-м... смерти. И не поверите: уже на второй день она встала! Эксперимент удался! Очень сильная девушка! Хотите с ней повидаться? Она в моем личном боксе,

¹ Ричард Хелмс — директор ЦРУ с 1966 по 1973 г.

двумя этажами ниже. К сожалению, времени у меня уже нет, иначе я бы отпустил вас к ней.

— Кто пытал ее электротоком? — Голос сел, и Улисс вынужден был повторить вопрос. — Кто и зачем?

Копман пожал плечами, открыл в стене незаметную дверцу, за которой оказался бар с батареей бутылок, разлил в бокалы коньяк. Протянул бокал Джонатану.

— Это все «голландец», его головорезы. Не знаю, чего он от нее добивался.

— А ты, значит, «посочувствовал» — провел эксперимент.

— Она бы все равно не выжила, я сделал как лучше, все-таки шанс был. Давайте выпьем, дружище, все мы смертны...

И в этот миг Улисс, готовившийся уже целых пять минут, распластавшись в воздухе, выполнил удатт-наяну — одновременный удар по всем противникам, находившимся в пределах досягаемости: правой ногой в подбородок — парню слева, левой рукой в горло — телохранителю справа и кулаком правой руки — в висок стоящему сзади.

Удар ногой достиг цели, парень упал без звука, второй верзила тоже выбыл из схватки, третий успел выстрелить, но пуля лишь обожгла щеку Улисса. Выстрелить еще раз оглушенный охранник не успел. Джонатан вырубил его на выдохе, не вставая с пола, попав в солнечное сплетение, рванулся к Копману, который уронил бокалы, выхватывая пистолет из-под мышки. Улисс опередил его на долю секунды — реакция у заведующего лабораторией уже была не та, возраст, да и бокалы в руках помешали. Выстрел, вскрик «Мефистофеля» — пуля попала ему в раненое плечо, — удар Улисса — все произошло в одно мгновение.

Копман еще падал, когда Джонатан вспомнил об операторе у пульта. Он нырнул за спину немца, подхватил с пола его пистолет и открыл огонь, перекачиваясь в угол. Оператор начал стрельбу на доли секунды раньше. Две пули, выпущенные с расстояния в семь-восемь футов, достались Копману, третья оцарапала Улисса шею, еще одна впиалась в пол в дюйме от его головы. Потом уже выстрелил альпинист.

Тишина наступила внезапно.

С минуту Джонатан не мог отдышаться, ожидая появления новых действующих лиц, вытер кровь на щеке, но она

продолжала сочиться; шея саднила, почему-то болел бок. Один из телохранителей Копмана зашевелился. Улисс подошел и снова послал парня в нокаут. Остальным их же ремнями связал руки за спиной и уложил лицом вниз у стены. Подошел к Копману, поднял веко и опустил.

«Жаль, — подумал Улисс, — он бы еще пригодился».

«Мефистофель», сидевший на полу у пульта, зажав плечо, заскулил, когда Джонатан поднял на него взгляд.

— Не убивайте! Я скажу... все скажу...

— Где ваша рация? — тихо спросил Улисс.

— В параллельной шахте, — заторопился старик. — Внизу есть переход, я покажу, но радист ее, наверное, уже уничтожил.

— Охрана внизу есть? Сколько человек?

— Пять, всего пять, они на выходе и в боксах... двое.

— Они слышали весь этот шум?

— Нет, сэр, прямая звуковая линия соединяет только императив-зал и каюту босса, а он здесь...

— Как вы собирались уходить отсюда после взрыва?

— Не после — до взрыва. На мотодельтапланах. Уйти должны были... не все, только... четверо...

— Ясно, лишние свидетели вам ни к чему. А сколько всего людей на базе?

— Сорок два.

Улисс присвистнул, не спуская глаз с «Мефистофеля». Тот, кривясь от боли, торопливо начал оправдываться:

— Я просто инженер по обслуживанию компьютерной сети, сэр, исполнитель, что мне приказывали, то я и...

— Где находится личный бокс Копмана?

Оператор непонимающе заморгал. «Ну, конечно, — подумал Улисс, — своего босса они знали здесь под другим именем». Он указал стволом пистолета на заведующего лабораторией.

— Отдельный штрек из главной лаборатории, это двумя этажами ниже. Замок двери кодовый, но я знаю шифр. Вы... не будете стрелять?

Улисс взвесил в руке пистолет. Старик не сводил с него расширенных глаз, его куртка на плече набухла кровью. Джонатан поднял стул и с размаху ударил по пульта.

— Так-то будет надежней. Шифр и ключи от дверей.

«Мефистофель» потянулся к карману. Улисс взял ключи, проверил обойму, пистолет, стреляющий шоковыми ампулами-иглами, сунул в карман, оружие Копмана — во второй. Потом запер люк, ведущий на нижние этажи подземелья, и поднялся по лестнице к верхнему люку, посмотрел на раненого.

— Я сейчас вернусь. Но не дай тебе бог позвать кого-нибудь на помощь или развязать этих горилл! Выключи свет и сиди тихо как мышь. Понял?

— Да, сэр, — с трудом прошептал оператор.

— Перевяжи чем-нибудь плечо.

Улисс нащупал запоры люка, откинул его, сосчитал до десяти и прыгнул вверх, в темноту, как в воду.

Долина Пируа

Кристофер едва успел нырнуть в заросли акации, как мимо протопали трое с автоматами в армейских маскировочных костюмах. Там, откуда Торвилл бежал, со стороны ворот в проволочном заборе изредка доносились рычание и одиночные выстрелы из оружия бесшумного боя, похожие на удары палкой по матрацу. Но смолкли и они.

Переждав минуту, Торвилл выбрался из зарослей, испарав руки и лицо, и через полсотни шагов набрел на угрюмые постройки, возле которых витал тошнотворный запах тления и паленой шерсти. Сквозь просветы между деревьями — Кристофер не снимал прибор ночного видения и ориентировался отлично — были видны палатки и легкие домики из дерева.

Брезгливо зажав нос, Кристофер обошел палаточный городок и притаился в десятке шагов от первого домика, наблюдая за единственным входом и решая, войти или обследовать сначала всю территорию, как вдруг свет в единственном окне строения погас. Сквозь стены просочились странные звуки, напоминающие шелканье кастаньет. Дверь открылась, из нее вышел человек, постоял, шатаясь, и побрел по тропе в глубь леса, ощупывая голову.

Торвилл разочарованно проводил его взглядом — это был не Джонатан. Но все же что-то удерживало альпиниста у до-

мика, интуиция подсказывала, что Улисс не мог миновать этого строения, внешне выделяющегося среди палаточного городка.

Подождав еще несколько минут, Кристофер решил все же убраться из лагеря, и в это время к домику подбежали двое, остановились, тихо переговариваясь, и закурили. Остальное произошло в три-четыре секунды.

Дверь толчком распахнулась, из проема выпрыгнул человек и угодил прямо в одного из курящих. Оба упали. Второй мгновенно вскинул автомат, висевший на ремне дулом вниз. Торвилл выстрелил машинально, еще не поняв, почему вмешивается в события. Автоматчик упал, а один из упавших ранее вскочил — это был Улисс.

— Сюда! — позвал он Кристофера, безошибочно угадав его в темноте.

Торвилл метнулся к нему, нырнул в барак с открытым люком посередине. Один за другим они спустились в зал координации лабораторных бункеров, освещенный только индикаторами на панели пульта. «Мефистофель» сидел в кресле и постанывал изредка.

— Кто это? — спросил Торвилл, переведя дыхание.

— Дежурный инженер.

— А остальные?

— Охрана.

Торвилл сглотнул слюну, помолчал немного.

— А с ним что?

— Ранен.

— Может, его надо перевязать?

Улисс посмотрел на альпиниста так, что тот поежился.

— Давай о деле. Что у тебя? Не ранен?

— Пронесло. Была бы у нас шапка-невидимка, а?

— Обойдемся. Они собрались взорвать базу, надо спешить.

— Узнал, где Анхелика?

— По словам их шефа, ее пытали бандиты ван Хова, а Копман отбил и увел ее к себе... чтобы провести эксперимент. Жаль, он умер сразу!.. — Улисс провел ладонью по лицу. — Хорошо, что ты захватил инфраочки, может быть, придется опять идти в темноте. Наш путь вниз, на дно этой преисподней, в бокс Копмана. Ты готов?

Торвилл унял дрожь в руках и глубоко вздохнул.

— Тогда следуй за мной. Чем быстрее мы выберемся отсюда, тем больше шансов спасти Анхелику.

— Постой... ты сказал, что над ней... Копман экспериментировал над ней?!

Улисс снова провел ладонью по лицу, помолчал минуту, потом сказал изменившимся голосом:

— Главное, что она жива. Эй, «Мефистофель», или как там тебя, Перри, давай вперед и без фокусов, ты знаешь, как я стреляю.

Старый инженер полез в люк первым, поддерживая раненую руку, еле сдерживая стоны.

Следующее помещение, в которое они спустились, было естественной пещерой, полостью в недрах скалы, образованной при дегазации раскаленной трещины. Теперь это была операционная с тремя столами, бестеновыми лампами, шкафами с аппаратурой и инструментами. Она пустовала, но за стеклянной дверью, ведущей в соседнее помещение, горел свет и слышались мужские голоса.

— Это дверь в коридор, — прошептал проводник. — Люк в нижний зал в конце его.

— Куда он ведет?

— В бункер нейроисследований, а оттуда — в жилую зону. Бокс заведующего — первый по счету, с металлической дверью.

— Где сидит охрана?

— Без меня они не откроют решетку.

Улисс поднял руку, бесшумно подошел к стеклянной двери.

— Пак, по-моему, у нас гости, — послышался голос за дверью; видимо, охранник говорил по телефону. — Я не могу связаться ни с боссом, ни с координатором, ни с внешней охраной, никто не отвечает. Может, они уже удрали?

Ответа его собеседника Торвилл не услышал, но через несколько секунд охранник вызвал другого напарника:

— Люг, в лагере происходят странные вещи. Пак говорит, что Губатый исчез, централь не отвечает, на входе была слышна перестрелка. Никто ничего не знает. Где босс? Не проходил?

Снова тишина, а потом:

— Хорошо, поднимусь наверх и дам по морде этому спесивому Перри, любимчику босса, чтобы вовремя предупредить

дал обо всех событиях, а ты свяжись с базой и ВПП. Пусть поищут Ушастого.

Улисс посмотрел на Торвилла, призывая его к вниманию.

Кристофер проглотил кислую слюну, снова преодолел противную дрожь рук и взялся за теплую рукоять пистолета.

Дверь открылась, в глаза брызнул белый свет. Улисс по-кошачьи прыгнул навстречу могучему, с бычьей шеей охраннику и с разгона ударил его в голову. В следующее мгновение проводник, стоявший чуть впереди Торвилла, повернулся и нанес тому удар в пах. Зазевавшийся Кристофер едва не потерял сознание от жгучей боли. Сдерживая крик, он ударил в ответ, попал противнику по губам, но слабо, и получил еще один удар — инженер был профессионалом не только в электронике и драться умел. Свет в глазах померк. Кристофер, слабея, гаснущим сознанием понял, что проигрывает схватку, и спустил курок. Выстрела он уже не услышал...

Пикаль, Пирин

Было без четверти одиннадцать, когда Кольор и Моррисон выбрались на плоскую крышу Пирина, где собрался отряд резерва — двенадцать человек, вооруженных автоматами и гранатами со слезоточивым газом. Остальные отряды ждали сигнала, сидя в кабинах вертолетов.

На душе полковника скребли кошки, озноб то и дело охватывал спину, но желание действовать успешно блокировалось волей, хотя ожидание для полковника было худшим из противников, потому что победить его можно было только терпением.

Воздух был прохладен и чист, дышалось легко и свободно, но начальнику сил безопасности казалось, что атмосфера над институтом пропитана напряжением и угрозой, а легкий ветер приносит вместе с бальзамическими запахами сельвы еще и ядовитые флюиды злобы и ненависти.

Моррисон был, как всегда, угрюмо-спокоен, только изредка поглядывал на светящийся циферблат часов.

Подошел сосредоточенный Соренсен, одетый в спецкомбинезон.

— Все готово, сэр. «Десятый» передает, что воздушное

пространство долины заблокировано. Десант ждет сигнала. Боливийские пограничники держат с нами связь.

Моррисон мельком посмотрел на Кольора.

— Плохо, если они успеют уничтожить базу.

— Это было бы неудачей, — согласился Кольор. — Может, ваш работник сумеет предотвратить взрыв? Мне он показался довольно решительным парнем.

Моррисон внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы знаете, кто он?

— Догадался. Джонатан Улисс. Больше просто некому. Мы ведь следили за всеми, кто прибыл в Пирин и вообще в Пикаль, и знаем способности и возможности каждого. Сначала я подозревал, что он работает на Даймонда.

Заместитель начальника отделения «Эол» отвернулся.

— У нас есть еще немного времени, проверьте готовность людей.

Соренсен растворился в темноте.

Кольор понимающе усмехнулся.

— Извините, у меня к вам вопрос личного свойства, но он требует откровенного ответа.

— Спрашивайте.

— Какие цели преследует «Чистилище» — понятно, и я только приветствую их, но каким путем попали в организацию вы? Почему? Причина? Крупный заработок или что-то еще?

Моррисон молчал минуты две, провел ладонью по щеке, проговорил глухо:

— Как и все, кто там работает...

— Не понял.

— В СИУ работают в основном те, кто стал жертвой лабораторий, прямо или косвенно, в своих странах или за рубежом, и чаще всего лабораторий ЦРУ и Пентагона. На моей семье испытали новейший психотомиметик.

— Простите, — пробормотал Кольор. — Я не знал...

В молчании прошло несколько минут. Затем полковник покачал головой.

— Не думал, что масштабы деятельности этих лабораторий так велики. Ведь если верить вашим словам, то... Про-

стите, я оговорился. Если из двадцати тысяч членов вашей организации хотя бы половина — жертвы...

— Откуда вы взяли эту цифру? Даже я не знаю, сколько членов в организации, но процент жертв больше, уверен. Добавьте сюда всех, кто добровольно помогает нам в нашей деятельности.

— Что же вами руководит? Мсть?

— Ненависть, — шепотом ответил Моррисон. — Мсть слепа, а ненависть... Мы не хотим, чтобы повторилось то, что произошло с нами. И, видит бог, мы не одиноки. Я знаю, многие не приемлют наших методов борьбы с этой жуткой системой смерти, но мы не хотим ждать, когда правосудие доберется до убийц и садистов-маньяков. И мы будем уничтожать их везде и всегда! Кто осудит нас за это?

— Во всяком случае не я, — сказал Кольор тихо.

— Сэр, в районе центрального плато в долине снова слышна перестрелка, — бесшумно подошел Соренсен. — Наблюдатель докладывает, что будто бы видел какие-то темные предметы над скалами, похожие на воздушные шары.

Моррисон быстро повернулся к полковнику.

— Вероятно, это дирижабли или на самом деле воздушные шары. А мы ломали голову, как контрабандистам удастся вывозить ценности. Оказывается, все просто. Хенрик, а почему молчат радарные посты? Узнай, в чем дело... — Моррисон не закончил.

Совсем близко, в стороне взлетно-посадочной площадки, затрещали выстрелы, ухнул взрыв, второй.

— Что там такое?

— Нападение на вертолеты, — отозвался подскочивший Карсак. — Взорван вертолет, нападающих — человек пять.

— Они начали отвлекающий маневр, — пробормотал Кольор. — Не боятся, мерзавцы, словно у себя дома! Точно рассчитали, когда нужно начинать. Нападающих уничтожить!

— Есть уничтожить!

Из будки лифта выскочил один из членов команды Карсака.

— Лейтенант, вас хочет видеть один парень.

— Гони в шею!

— Он говорит — очень важно.

— Но мадуро! Энрике, приказ полковника — уничтожить

отряд! Что там у остальных? Вызови Горио. Что за парень? Что ему надо? Потом, потом...

— Пусть подойдет, — сказал Кольор.

Из будки вышел еще один человек, приблизился к полковнику.

— Я Алексей Рыбин, эколог... Простите, вы старший?

Молодой человек был явно растерян, по-испански говорил с акцентом. «Сразу видно славянина», — подумал Кольор.

— Прошу прощения, у меня важное сообщение...

— Короче и не в рифму, — бросил Моррисон.

Русский заторопился:

— Мне приказали передать, что через десять минут Пирюа-институт взлетит на воздух.

— Что?!

— Мне приказали...

— Кто приказал?

— Ингстад, Сигурд Ингстад.

— Я, кажется, знаю, кто это, — сказал Кольор. — Один из археологов, норвежец. Значит, он вам приказал? А вы послушались?

— Он пригрозил, что если я скажу, кто мне передал эти слова, то... у него пистолет...

— Где он?

— Не знаю. — От волнения Рыбин начал жестикулировать. — Если дадите оружие, я помогу найти.

— Его уже наверняка нет в здании, — быстро сказал Карсак.

— Займитесь своими делами, лейтенант, — бросил Кольор, — с этим парнем я разберусь сам. — Полковник потерял интерес к русскому. — Энрике, быстро организуйте эвакуацию населения Пирина. Вы правы, Филипп, они все рассчитали. Сволочи! Мигель, поступаешь в распоряжение мистера Моррисона. Включайте сирену и действуйте. Я попробую найти мину, если она существует. А вы, Филипп, передайте своему «десятому»: пусть попробует проследить за дирижаблями и захватить груз.

— Уже передал.

Кольор бросился к лифту в сопровождении восьмерки агентов резерва. С надрывом взвыла сирена, кромсая барабанные перепонки, перекрывая все остальные звуки. Время замедлило бег, счет пошел на секунды.

Полковник метался по коридорам, до хрипоты орал на бестолковых жильцов, направляя их вниз, за пределы здания. А сам все время думал о том, где бы он на месте террористов Дела заложил взрывчатку.

Последний обитатель Пирина покинул здание спустя одиннадцать минут после начала тревоги. Взрыва не было. Полицейские и агенты группы резерва еще осматривали каюты в поисках самых тугоухих, а Кольор вдруг остановился в коридоре второго этажа, вспомнив об Анхелике, о ее каюте. После исчезновения девушки там никто не жил и никто туда не входил. Может быть, взрывчатка, если это не блеф, рассчитанный на панику и отвлечение главных сил, заложена там?

Кольор промчался по коридору второго этажа, соревнуясь в скорости с собственной тенью, преодолел два пролета лестницы в два приема и метнулся в жилую зону южноамериканского сектора, остановился перед белой пластиковой дверью с номером три. Чувствуя, как от бешеной гонки сердце пытается разбить грудную клетку, полковник ударил ногой в дверь. Закрыто! Тогда он отошел на несколько шагов и с разбегу врзался в дверь плечом. Пластмассовый лист лопнул и прогнулся. Двумя ударами Кольор выбил осколки из рамы и ворвался в каюту. Темно, где у них тут выключатель? Вот он!

Вспыхнул свет. Никого. Прямо в центре комнаты груды желтых ящиков, опутанных проводами, и на одном из них небольшая коробка со шкалой и двумя ручками.

Кольор опустил пистолет, на цыпочках, будто боясь разбудить спящего, подошел ближе и даже сквозь оглушительный бой пульса в голове расслышал слабое тиканье часового механизма...

Долина Пируа

Улисс оглянулся на выстрел, в бешенстве добил «Мефистофеля» и помог Торвиллу подняться. Потом, видя, что альпинист не в состоянии идти сам, усадил его у стены.

— Посиди немного, очухайся. Последи за верхним люком. Если не появлюсь минут через двадцать, спускайся, но осторожно.

За стеклянной дверью была небольшая комната с двумя дверями, освещенная скрытым под панелью светильником. Дверь слева закрыта, а справа приотворена. В щель была видна часть освещенного каменного коридора с ковром на бетонном полу. Воздух чистый, прохладный, свежий, с запахами ванили и кофе, к которым примешивался довольно странный тонкий запах, отнюдь не напоминавший больничные покои и все же связанный с медициной.

Улисс бесшумно выключил свет и толкнул правую дверь от себя. Коридор был пуст. В его конце горбился на полу купол люка.

Люк скрывал за собой узкий колодец с закрепленными на стенке скобами, упирающийся в куб переходного отсека. Коридор за переходником охранялся: Улисс в глазок на двери рассмотрел в углу стол с пультом селектора, кнопочным телефоном и настольной лампой и верзилу-охранника в костюме цвета хаки с автоматом на изготовку и рацией на ремне. Он лениво двигал челюстями и смотрел на дверь, поигрывая автоматом (все тот же «равен-37»), уверенный в своей неуязвимости. Сколько раз Улисс убеждался в том, что человек, надеющийся на преимущество положения, терпит поражение! Альпинист толкнул дверь и выстрелил. Верзила, икнув, отлетел к стенке и сполз на пол с удивлением на лице.

Джонатан оглянулся — сзади все тихо. Один-ноль. В следующую раз, парень, будешь помнить, что с предохранителя автомат снимается за три десятых секунды, а это бездна времени!

Подобрав автомат охранника, Улисс откинул люк в конце коридора, ведущий еще ниже, к святой святых лаборатории — центральному лабораторному бункеру. Его охватило ощущение беды, вернее, раздражающее чувство — что-то упущено из виду. Что?..

Прыжок вниз — сколько их еще предстоит?

Комната — точная копия операционной, но с охраной: один лежит на диване, второй сидит у стола с книгой. Удивленный взгляд, движение к автомату у тумбы стола...

Улисс стремительно провел боковой тэ-рэ, рванулся к лежащему на диване и обрушил на его голову кулак. Спящий вырубился, не успев сообразить что к чему. Первый славлен-

но хрипел, выползая из-за стола. Из-под пальцев, прижатых к лицу, текла кровь. На мгновение Улиссу стало его жаль, но молнией пронеслась мысль — Анхелика! — и он нанес еще один удар. «Через полчаса очнешься, юноша, я не убийца, как ваш босс».

Пока все шло хорошо, даже слишком хорошо. Одно то уже хорошо, что здесь только охрана, «исследователи» или спят, или собираются в дорогу. Или уже эвакуированы. Хотя вряд ли, времени у Копмана не было, несмотря на то, что он не спешил, потому что рассчитывал уйти один. Что ж, тем лучше.

Джонатан выбрался в боковой штрек, ведущий к боксу Копмана. Нигде никого не видно. Где же охрана? И где бокс этого подонка? Здесь целых четыре двери и все металлические.

Его спасли реакция и везение: стрелявший целился в грудь, а Улисс нагнулся и, заметив вспышку, нырнул на пол. Автоматная очередь прошла над спиной. Вторая впиалась в то место, где он только что лежал, а третья прошла дверь напротив: стреляли из ниши в конце штреха, невидимой из-за хитроумно сделанного освещения. Это был последний «укрепрайон» перед личной резиденцией Копмана.

Улисс метнул в тупик одну за другой две гранаты величиной с грецкий орех и откатился в угол.

Прозвучали два негромких хлопка, два крика. Для верности десять секунд можно подождать... Готово! Этот газ валит с ног слона и распадается за шесть секунд. Ваше «изобретение», господа цэрэушники, извольте испытать на себе.

Дверь в бокс Копмана оказалась первой — «Мефистофель» не соврал. Улисс нашел замок и, всадив в него всю обойму из автомата, открыл дверь.

Целых четыре комнаты: гостиная, спальня и лаборатория, разделенная прозрачной стеной на два отсека: в одном — пульт, медицинская аппаратура, сейф, в другом — кресло, напоминавшее зубоорудное, стол с клеенкой, шкаф с инструментарием и стойка с целым набором электроламп. Именно отсюда и растекался по дому «псевдобольничный» запах, к которому примешивался запах хлеба. Копман экспериментировал с противошоковым препаратом.

Джонатан лихорадочно осмотрел все комнаты — чисто,

пусто, лишь в гостиной на полу груды бутылок из-под виски и пустых банок из-под пива «Анхойзер Буш». Где же Анхелика? Неужто Копман соврал? Или перехитрил? Зачем? Он же был уверен в том, что Улисс в его руках. Где Форталеза?..

Гостиная — никого, бар почти пуст.

Лаборатория — никого, сейф заперт, черт с ним!

Спальня — тоже пусто, вполне спартанская постель не смята, платяной шкаф забит одеждой на все времена года... А это что? Зеркало чуть ли не во всю стену. Зеркало...

Улисс потрогал черную пластину сбоку от зеркала, толкнул его от себя, и зеркало повернулось на оси, открывая вход в замаскированную комнату. Пахнуло теплом, лекарствами, хлебом. Вспыхнул свет.

Анхелика лежала на кровати и смотрела на вошедшего огромными черными глазами. В них были боль, и мука, и еще что-то, чему Джонатан не решился дать название, потому что это касалось его лично, как подсказывала ему обострившаяся интуиция. Он сглотнул ком в горле, шагнул к кровати.

— Хели, девочка моя, что они с тобой сделали?!

Улисс опустил ее возле девушки на колени, прижал на мгновение ее голову к своей груди. Анхелика подняла руку и погладила его волосы.

— Джо! — Голос ее был почти не слышен, шелест, а не голос. — Ты все же пришел... — По щеке девушки поползла слеза.

У Джонатана заныли зубы, так он их сжал.

— Копман мертв. А нам надо уходить, потому что скоро вся эта вонючая база взлетит на воздух. Надо спешить.

— Я знаю. — Анхелика заставила его поднять голову, вглядываясь в лицо бездонными глазами, потом, слепо шаря рукой по кровати, нашла его руку. — Не верю, что ты... думала, ты из их компании. Не пожалеешь? Мне сделали операцию...

Улисс поцеловал ее холодные пальцы, с содроганием заметил на оголившемся запястье глубокий след от металлических браслетов и синяки на венах — следы не то пальцев, не то укулов.

— Переживем. Встать можешь?

— Попробую... помоги.

Девушка села, ухватила его за шею, закрыла глаза.

— Голова кружится... сейчас пройдет... Я уже вставала, но еще не умею регулировать силы.

— Где тебя взяли?

— Вызвали в лагерь, будто бы к больному. Встретил ван Хов и... больше ничего не помню.

Улисс покачал головой.

— Элементарно просто — усыпили и доставили сюда. Что же твои друзья из контрразведки тебя не подстраховали?

— У них были свои конкретные задачи. Я сама виновата.

— Если бы я догадался раньше, где ты работаешь!.. Держись за шею.

Альпинист подхватил девушку на руки и, не чувствуя ее веса, бросился из комнаты. В святая святых Копмана — его биохимической лаборатории с компьютерным комплексом и аппаратурой геной инженерии — вспомнил о втором пистолете и вручил его Анхелике.

— Стрелять-то умеешь, разведчица? Следи на всякий случай за тылом и держись крепче.

Торвилла он нашел сидящим на ступеньке лестницы у люка. Рядом ничком лежал человек в черном с автоматом в руках. Улисс все понял.

— Порядок! Больше никого не видел?

Торвилл встал, его шатнуло.

— В ушах шумит, будто ветер, ничего не слышу...

— Ранен?

— Пустяки. Но помяли здорово! Здравствуй, Хели. Что с ней?

— Они ее пытали! Я понесу, а ты прикроешь сзади. Где-то здесь у них есть рация, необходимо найти.

— Зачем?

— Десант ждет моего сигнала. Они не знают координат лаборатории, мы догадались с тобой случайно, нам повезло.

Бункер с рацией отыскался в том же штреке, где располагались и апартаменты Копмана. Снова помог автомат — с его помощью Джонатан расстрелял замок. К счастью, рация еще не была уничтожена, хотя радист, уходя, отсоединил терминал кодовой связи от питающих фидеров.

Очевидно, антенны и волноводы были выведены наверх,

на скалу, в бункере стоял только блок управления рацией, но одного взгляда на панель Улиссу было достаточно, чтобы определить фирму мощного специализированного многодиапазонного передатчика и высокоселективного приемника для связи со спутником. Такие рации разрабатывала «Инжиниринг бродкастинг систем корпорейтед» по заказам Пентагона. Пользовалось этими рациями и ЦРУ.

Включение передатчика и проверка его функционирования были делом трех минут, поскольку управлял всем процессом работы рации компьютер. Улисс набрал программу передачи в эфир открытым текстом и заставил его повторять передачу непрерывно, надеясь, что призыв будет услышан, а передатчик запеленгован. Больше делать им здесь было нечего.

— Теперь на волю, в пампасы, — сказал Улисс Торвиллу, наблюдавшему за его действиями во все глаза. — Выберемся и пойдем на север: с той стороны скалы ближе всего, милях в двух. Держись, Хели.

Никто не помешал им пройти обратный путь из глубин подземелья, через лабораторию, препараторские и хирургические бункера к выходу из этого дьявольского гнезда, оборудованного новейшей современной техникой. Охрана непосредственно комплекса «Демииург» была уничтожена, а внешние посты не слышали перестрелки в недрах скалы.

Убедившись, что на выходе нет засады, Улисс сориентировался и нырнул в чащу за палатки, выбирая направление. «Успел бы десант, — подумал он, прижимая к себе драгоценную ношу. — Эти подонки уйдут и взорвут скалу, потом попробуй докажи, чем они тут занимались...»

Сзади хлопнул одиночный выстрел, и снова тишина, словно сельва вымерла на многие мили вокруг.

Подбежали к проволочному ограждению.

Торвилл, действуя захваченным автоматом как дубиной, сбил верхние плети колючей проволоки, прибитые к стволам деревьев, наступил на них.

— Проходите.

Снова побежали, петляя между громадными стволами и выступавшими на поверхность корнями сейб, пандусов и тиса. Их никто не преследовал, хотя Торвиллу все время казалось, что в спину смотрит кто-то чужой и опасный.

Спустя двадцать минут выбежали из сельвы на край обрыва.

Улисс бережно опустил Анхелику на землю. Перед ними простиралась бездна, заполненная мраком. Ни одного огонька внизу, только звездный бисер небосвода позволял отделить не глазу — чувству земное от небесного. Джонатан вспомнил, как они с Кристофером поднимались на плато несколько часов назад, и израненное тело, казалось, заболело сильнее.

— Что дальше? — прошептал Торвилл, еле переводя дыхание.

— Будем спускаться, — также шепотом ответил Улисс.

— По-моему, там впереди какие-то машины стоят.

Улисс поправил инфраочки и увидел черный продолговатый ящик — мотор с винтом. Это были мотодельтапланы, стоявшие в ряд под защитой тенистого полога ближайших к обрыву деревьев и приготовленные к полету.

— Кажется, удача улыбнулась нам снова.

— Что это? Самолеты?

— Дельтапланы с двигателями. Я проверю, а ты понаблюдай издали. — Улисс коснулся волос Анхелики. — Стреляй только в самом крайнем случае.

Альпинист безмолвно поднял винтовку.

— погоди! — вдруг сказала Анхелика, поднимаясь. — Мне кажется, там кто-то... Берегись, Джо! Там...

В то же мгновение им в лицо ударил слепящий свет прожектора, высветив фигуру Улисса, заслонившего собой остальных.

— Стоять! — гаркнул чей-то голос.

Улисс и Торвилл выстрелили одновременно, прожектор потух, но пуля Кристофера попала в бак ближнего мотодельтаплана, и тот взорвался, осветив поляну оранжевым пляшущим пламенем.

Протрещал автомат, очередь легла прямо под ногами Джонатана. Тот же голос приказал:

— Бросайте оружие, перестреляем всех!

Момент был критический, но именно в такие моменты Улисс действовал наиболее эффективно и быстро — качество, которое трудно воспитать и с которым можно только родиться.

— Брось винтовку, — обернулся он назад.

Кристофер безмолвно повиновался.

— Выходите на свет! Все трое. А ты, монтанеро, подойди ближе. Смелее!

— Джо, берегись! — прошептала Анхелика, подходя. Ее колотила дрожь. — Там всего трое, но среди них... Ушастый!

— Ну и... — начал Улисс, не оборачиваясь, пристально вглядываясь в неясную фигуру, возникшую слева от косых громад дельтапланов.

— Молчи и слушай, просто думай, я читаю твои мысли... Ушастый — это единственный из пациентов Копмана... Да, ты правильно понял, его «гордость»... да, «супер»...

— Я кому сказал? — прикрикнул неизвестный. — Улисс — ко мне, остальным стоять! Ну что, монтанеро, поговорим?

Фигура обрела четкие очертания и превратилась в человека с лицом-маской. Но особенно поражали уши: странно деформированные, они сужались кверху, как у зверей, а книзу расширялись грибообразными наростами, превращая и без того безобразное лицо в жуткую маску колдуна!

— Да уж, не красавец, — рассмеялся обладатель чудовищного лица, приближаясь. — Жаль, что мы не встретились раньше, отпала бы необходимость в операции мелодраматического вызволения сеньориты Анхелики. Кстати, рация, которую вы «включили», не работает, вернее, она начинает работать только при введении в программу кода разрешения передачи, а вы его не знаете. Так что помощь не придет.

— Что вы с ним церемонитесь! — шагнул в круг света еще один человек, в котором Улисс узнал Леона ван Хова. — Надо сматываться, к черту неоправданный риск! Сбросим всех вниз, и дело с концом. Зачем он вам нужен?

— Хочу удостовериться, так ли уж силен знаменитый Улисс, агент «Чистилища», знающий все приемы азиатской борьбы и ползающий по скалам как муха. А время у нас еще есть, сэр Моррисон упрям и не даст полковнику Кольору начать операцию раньше, чем придет сигнал. Ну что, монтанеро, покажете нам свое умение?

— Я... готов, — хрипло сказал Улисс.

— Джо, осторожнее! — крикнула Анхелика. — Он владеет

тэйквондо и приемами таи-сабаки! Не думай о приемах в момент проведения, он успеет перехватить...

— Заткните ей глотку! — сказал Ушастый.

Ван Хов выстрелил. Слабо вскрикнув, Анхелика упала. В тот же миг Улисс в прыжке преодолел отделявшие его от врагов пять метров и ударил голландца в горло, одновременно пытаясь заблокировать встречный удар — среагировал, гад! — Ушастого. Это ему удалось наполовину: удар был настолько силен, что прошел блок и едва не сломал альпинисту шею. Улисс упал на бок, не успев сгруппироваться, в голове словно взорвалась граната. Он тут же вскочил и, помня наставление Анхелики, вдруг выпрыгнул вверх на добрый метр — надо было сначала увидеть Ушастого.

Ударило по ногам: противник не ожидал прыжка и наносил удар в голову. Теперь Улисс видел, где враг, с радостью убедившись, что ван Хов лежит без движения. Блок против удара руки выдержал, но Ушастый обладал столь чудовищной силой, что у Джонатана отнялось плечо; ему даже показалось, что сломана ключица.

Ушастый уже стоял напротив в характерной для борца тэйквондо позе и улыбался. Ударил: нога — рука — рука — нога. Третий достиг цели — снова в голове Улисса взорвалась световая бомба! На мгновение он отключился, но инстинкты бросили его тело под ноги нападавшему, сбив комбинацию перехода с «танца слепого» на «танец смерти». Он успел перехватить ногу и рванул Ушастого под себя изо всех сил, срывая ногти с пальцев, дотянулся до подбородка головой. Лязгнули зубы. Ушастый оторвал руку Улисса от своего горла с такой силой, что сломал ему палец. Джонатан напрягся, пытаясь освободиться от захвата, но Ушастый был сильнее — ударил в бок коленом: молния пронзила тело, молния огня и боли. Улисс беззвучно вскрикнул и вдруг словно высвободил в себе дремлющую яростную силу, никогда не проявлявшуюся раньше. Он вывернулся из захвата, перехватил руку врага и с размаху рванул через плечо, сломав ее в локте. Ушастый зарычал, силясь освободиться от противника, встал на колени, потом на ноги, держа Улисса на весу! На сломанной руке! И вдруг вздрогнул, покачнулся... Джонатан отскочил назад и

увидел, что спина Ушастого напоминает дикобраза: в ней торчало около десятка тонких черных стрел!

Ушастый снова зарычал, сделал шаг к альпинисту, протянув к нему руки со скрюченными пальцами, и упал лицом вниз.

— Кто? Что это? Почему?.. — забормотал Улисс, не понимая, в чем дело. — Кто его?..

Из мрака, освещенная неровным пламенем горящего дельтаплана, вынырнула медно-блестящая маленькая фигурка, за ней вторая, третья... Индейцы-пигмеи...

Несколько секунд Улисс переводил взгляд с тела Ушастого на индейцев, и вдруг волна боли ударила в голову, оборвала сознание...

Очнулся он от прикосновения чего-то мокрого и холодного.

Он лежал на земле с перевязанным плечом, а напротив сидела Анхелика и держала в руке мокрое полотенце.

— Ты... жива?! — пробормотал он, приподнимаясь, и сморщился от боли в груди и в плече. — Он в тебя все-таки не попал.

— Попал, — слабо улыбнулась девушка, — в плечо, но я... не совсем норм... Я хочу сказать, не просто женщина... ну, не такая, как все.

— Я понял.

— Правильно, я теперь такая же, как... как...

— Этот Ушастый?

— Я хотела сказать, как Хонтехос и... другие. Сильнее и... могу заживлять раны... но не будем об этом. У тебя сломаны ключица и два ребра, нужен покой.

Улисс сжал зубы и встал, согнувшись. Постоял так немного, сделал усилие и разогнулся. Лицо его покрылось бисером пота.

— Где Кристофер?

— Он сторожит третьего у склада, недалеко.

— Третьего? Ах да!.. Зачем?

— Этот человек не совсем негодяй, он первоклассный нейрохирург и давно подумывал порвать с Копманом.

— Откуда ты знаешь?

Анхелика снова улыбнулась, грустно и виновато. Улисс посмотрел на нее исподлобья.

— Это правда? Ты в самом деле можешь читать мысли?

— Да.

— И знаешь?

— Да. — Она осторожно погладила его по щеке. — Ничего не изменилось. Я тебя тоже, Джо...

Улисс проглотил соленую от крови слюну, отвернулся и сделал шаг, содрогаясь от колющей боли в боку, от которой невозможно было свободно вздохнуть.

— Пошли к дельтапланам.

Он внезапно остановился, похлопал себя по карманам и извлек из внутреннего кармана куртки маленькую плоскую коробочку.

— Как же я забыл о ней!

— Что это?

— Рация, отобрал у... одного охранника. Смотри-ка, работает! Молодцы конструкторы! Дальность небольшая, но это все же шанс. Ее бы поднять повыше...

— Давай я подниму, — раздался рядом голос Торвилла. — Рад, что все обошлось, дружище! Здесь недалеко есть наклонившийся эвкалипт, я поднимусь по нему метров на тридцать выше.

— Не свались.

— Не беспокойся, или я не альпинист?

— Да, а где же наши друзья индейцы? — спохватился Улисс.

— Ушли. Сразу же, как только убедились в смерти Ушастого. Среди них тоже есть...

— Что?! Пациенты Копмана?!

Улисс молчал до тех пор, пока не вернулся Торвилл.

— Все в порядке, Джо. Будем надеяться, что нас услышат. Может, не стоит искушать судьбу? Подождем десант здесь?

— Нет, — качнул головой Джонатан, очнувшись от своих мыслей. — В лаборатории еще остались исполнители приказа, они могут взорвать скалу в любую минуту, особенно если убедятся в гибели Копмана. Садитесь по машинам. Где этот ваш... врач?

— Нейрохирург?

Торвилл ушел и вернулся с худым бородатым субъектом, руки которого были связаны за спиной.

— Развяжи его.

— Что ты задумал?

— Имя? — спросил Улисс, не отвечая на вопрос.

— Уильям, — сказал бородатый. — Уильям Принц.

— Ты оперировал индейцев?

— И я тоже. Вы хотите убить меня? К чему узнавали имя?

Улисс засмеялся и тут же закашлялся от боли. Покачал головой.

— Что ты задумал? — повторила вопрос Анхелика.

— Почему бы и нет, — сказал Джонатан. — Я хочу стать таким же, как и ты. Иначе мы никогда не будем вместе. Все! — не дал он ей возразить. — Вам пора. Встретимся внизу, в Пикале или в Шочипилье, как получится. Жди. Крис, освободи машины.

Принц и Торвилл освободили от расчалок крылья мотодельтапланов, выкатили из шеренги два аппарата, проверили моторы.

В свете догорающей машины Джонатан усадил Анхелику на сиденье, не обращая внимания на ее протесты, закрепил ремни. Потом содрал с ван Хова куртку, подал девушке.

— Надевай.

Она с отвращением оттолкнула руку.

— Не буду!

— Не дури, замерзнешь.

Улисс силой заставил ее надеть куртку, завел двигатель.

— Держите на юг, по звездам, сможете? Крис, лети первым, за тобой Хели. Через Тумху, я думаю, вы переберетесь, а сядете у лагеря по ту сторону. Если наши сигналы не услышаны, передашь привет Моррисону лично.

— Ты твердо решил?

— Что? — Улисс на мгновение запнулся. — Да, я решил. Если они не взорвут базу, мы встретимся. Вперед!

— Тогда я не полечу, — сказал Торвилл. — Я с тобой. Одному тебе не справиться.

Джонатан покачал головой. Ему показалось, что где-то внутри, а может быть, и вовне шевельнулся кто-то огромный и чужой, не понять сразу — злой или равнодушный, эдакий

беззвучный толчок по нервам. Словно горы вокруг долины открыли глаза и посмотрели на него оценивающе и с ожиданием.

— Крис, я вручаю ее тебе и спрошу, когда вернусь. Она — все, что у меня осталось. Не прощаюсь, пошел!

Торвилл колебался недолго. Слабый стрекот моторчиков дельтапланов казался ему ревом турбин сверхзвукового истребителя.

Джонатан подтолкнул его аппарат, и мотodelьтаплан нырнул с обрыва вниз, растаял в ночи.

— Джо! — позвала Анхелика. Слезы текли по ее щекам, но она их не вытирала. — Джо...

— Меня зовут Улисс, — пробормотал Джонатан. — Джонатан Улисс, бродяга. Я часто ухожу, но всегда возвращаюсь. Держись крепче, я найду тебя.

Анхелика плакала, но он уже не смотрел на нее. Разогнавшись, дельтаплан сорвался со скалы и растворился в темноте. Несколько секунд слышалось затихающее стаккато мотора, уплыло, рассосалось в воздухе, и на скалы, в сельву вернулась тишина. Но кто-то огромный продолжал ворочаться внутри Улисса, безмолвно и настороженно, вздрагивала под ногами гора, вздрагивала вся долина, Вселенная, в груди рос ком никогда ранее не проявлявшихся чувств, невыразимых ни на каком языке. Неизвестная сила колебала пространство, и Улисс, перестав сопротивляться ей, вдруг понял, что, кроме сил добра и зла, взращенных человечеством, есть третья сила — вера! Вера природы в лучшее в человеке и вера самого человека! Иначе откуда такое долготерпение у природы?

Остатки дельтаплана догорели, в сельву вернулся плотный мрак ночи. Вселенная вокруг перестала вздрагивать и всматриваться в человека, может быть, впервые в жизни ощутившего свою связь с ней и ответственность за все, что он делает.

Кто это сказал? Сам ли Улисс? Или тот, кто вырос внутри него? Или ветер принес эти слова из темноты?..

«К сожалению, палачи еще существуют, — подумал Улисс, — и ради того, чтобы их стало меньше, наверное, стоит время от времени вынимать шпагу из ножен».

— Пошли, Билл, — сказал Улисс нейрохирургу. — Сделаешь из меня сверхчеловека. Не ради приставки «сверх» и не

ради личной выгоды, но эта женщина будет чудовищно одинока, если я не...

— Я понял, — кивнул Принц. — Не думал, что придется когда-нибудь оперировать на... добровольцах. А если мы не успеем?

— Что ж, тогда встретимся на небесах. И все же попробуем успеть. Шагай вперед смелей.

Хирург безмолвно углубился в сельву.

И Улисс остался один на кромке обрыва, ни на кого не смея опереться — бездна мрака сзади, бездна мрака впереди, — и впервые понял, как жестоко и прочно его судьба связана с судьбами тех, кого он любил или ненавидел.

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР

Их подняли по тревоге в три часа ночи. Дивизион не стоял на готовности и от тревожного пульсирующего воя сирены отвык, хотя в последнее время тревоги были только учебными, а о настоящих действиях давно не говорили всерьез.

В кабине управления за несколько минут собрался почти весь офицерский состав дивизиона — дежурные офицеры плюс отдыхающая смена. Последним появился командир дивизиона, хмурый майор с уверенными движениями и темным взглядом исподлобья.

— Что слышно? — спросил он у командира радиотехнической батареи, сидевшего за пультом наведения. Экраны радаров светились, но были пусты.

— Объявлен поиск в секторе ноль — девяносто. «Соседи» работали по цели, но как только перехватчики ушли в воздух — цель исчезла. Сели — цель появилась.

— Чушь какая-то!

— Я такого же мнения.

Комбат — майор, специалист своего дела со значком «мастера» — разговаривал и одновременно работал с пультом, поворачивая в указанном секторе радиолуч, то включая, то выключая шумоподавление, и тогда по экранам бежала неровная зеленая полоска засвета — дорожка отраженного от поверхности земли радиоэха.

Офицеры сосредоточенно смотрели на экраны, устроившись кто на чем за спиной комбата. Командир дивизиона с минуту разглядывал мерцающие квадраты, потом надел наушники связи с оперативным центром. Ему уступили его собственное место у экрана-индикатора кругового обзора.

Некоторое время слышалось только ровное гудение высоковольтных распределителей за стенками кабины да команды

комбата операторам наведения. Потом командир повернулся к пульту и негромко сказал:

— Переключи масштаб. Цель появилась на дальности где-то около двадцати пяти километров от нас, на границе сектора.

Комбат переключил масштаб экранов, повернул антенны, и почти сразу на экранах высветилось пятнышко, едва заметно сползающее вверх.

— Дальность двадцать четыре, — мгновенно отчеканил оператор. — Скорость шесть метров в секунду.

— Высота?

— Высота сто плюс-минус два метра.

— Может быть, вертолет? — предположил невысокий худощавый лейтенант, офицер наведения, чувствовавший себя неуютно из-за того, что у пульта вместо него сидит начальник.

— Размеры подходят, но на сплошной металл не похоже. Видишь засветку? Словно редкое облако пассивных помех, чуть ли не просвечивает...

— На запросы не отвечает, — буркнул комбат. — Запросите «соседей», обычным кодом они пробовали связаться?

— Пробовали, — кивнул командир. — Даже открытым текстом. Ноль внимания... Цель вижу, — сказал он громче, видимо, отвечая центру. — Идет со скоростью шесть, набирает высоту... есть... понял. На дальности двадцать... — Он выпрямился и быстро оглядел присутствующих. — Приказано на дальности двадцать километров произвести запуск «малыша».

«Малышом» называли ракетный снаряд с телепередатчиком на борту. Применялся он редко, так как скорость его была довольно невелика и передать информации при подлете к цели он успевал мало.

— Он сейчас почти над Малым Проломом, — сказал пожилой капитан, командир стартовой батареи. — Двадцать два километра.

— Внимание! — повысил голос майор. — Готовность к пуску полуминутная. Съемка?

— Камера готова.

— Пуск! — коротко скомандовал он, когда дальность до цели достигла двадцати километров.

Комбат нажал кнопку, и недалеко от кабины раздался короткий грохот, дрогнула земля, передавая толчок кабине.

Над экранами наведения зажегся круглый белый глаз — включилась телекамера «малыша». На основных экранах было видно, как маленькая яркая искорка быстро ползет к зеленому пятнышку. Доползла...

В белом круге мелькнула кружевная тень, и в то же мгновение в центре экранов разгорелась яркая лучистая звездочка. Одновременно погас и экран «малыша».

— Взорвался?! — в изумленной тишине воскликнул лейтенант.

Звездочка погасла. Черточка цели все так же находилась в центре экрана, правда, она увеличила скорость, поднимаясь в небо. Искорка «малыша» превратилась в постепенно гаснущее облачко свечения.

Командир уже докладывал о случившемся в Центр, и в это время пятно цели разделилось на две черточки, одна из которых быстро ушла в небо и исчезла, а вторая начала снижаться, терять скорость, падая «за экран». Не доходя до поверхности земли, она вдруг вспыхнула и, оставляя на экране волнистый след, исчезла в полоске высвета местных предметов.

— Упала! — сказал взволнованный лейтенант. — Товарищ майор, разрешите съездить? Это ведь близко, пять-шесть километров...

Командир дивизиона выслушал тираду Центра и, сказав короткое: «Понял», — снял наушники.

— Мы ближе всех. Пограничники предупреждены, но они далеко, пока приедут... Дивизион в ружье! Наряд и машину — к воротам! Выезд через три минуты. Ты останешься, — он положил руку на плечо комбата, — на всякий случай, если вторая цель вернется. Poiщи в секторе, не найдешь — доложишь на КП. Дежурная смена остается на местах до отбоя готовности, остальные со мной.

Они стояли на опушке леса, недалеко от шоссе. Шел шестой час ночи, вернее утра, накрапывал мелкий дождик, небо стало серым, мглистым. Ветер играл полами плащ-накидок и задувал брызги в лицо.

Несколько бледных столбиков света от ручных фонарей

освещали широкую, но неглубокую свежую воронку, клочья мокрого вспаханного дерна, траву. В глубине воронки стоял плотный белый дым и не расходился, несмотря на ветер и дождь. Пахло чем-то горьким, как полынь, но все же не полынью: запах был незнакомый, неприятный...

— Никаких осколков, — доложил старший наряда, тенью возникнув из полутьмы. — Обшарили все вокруг на полкилометра. Сюда бы собак...

— Пограничники наверняка привезут. Только, мне кажется, и собаки не помогут.

— Почему?

— Слишком много таинственности. И ни одного осколка! Что же здесь тогда упало? Вы читали когда-нибудь о «летающих тарелках»?

— Конечно, — произнес лейтенант, откидывая капюшон и вытирая ладонью мокрое лицо. — Их чаще называют НЛО — неопознанными летающими объектами. Литературы на эту тему выпущено много.

— Сбить цель мы не могли, «малыш» не нес заряда, — пробормотал капитан. — Почему же она взорвалась?

— Кто — она? — прищурился командир, гася фонарик. — «Тарелка»? Не догадались взять пакеты? Надо было бы собрать образцы травы и почвы, для экспертов. И вызвать ученых, это их епархия.

— Тут какие-то следы, — позвал вдруг всех старший наряда. — Похожи на лошадиные и светятся.

Следы в самом деле были похожи на лошадиные, круглые, как блюдца, глубокие, и дно каждого следа — всего их отыскалось около полутора десятков — светилось призрачным зеленоватым светом. Кто-то огромный и тяжелый, как слон, но слон двуногий, потоптался у воронки и исчез, заранее посмеявшись над усилиями людей объяснить происшествие.

БЕРЕЗИН

Первым в Центре ему повстречался Гаршин, одетый, как на приеме в посольстве. Вообще-то организация, в которой работал Березин, называлась длинно и неудобоваримо: Центр по изучению аномальных явлений природы при Ака-

демии наук России, но все работники называли его просто Центром.

— Привет, жаворонок. Не рано?

— А сам-то зачем появился в такую рань? Да еще в светской униформе. Ты, часом, не перепутал утро с вечером? В таком костюме только с девушкой в ресторан идти.

Гаршин зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Злой ты, Березин, с утра, видимо, сон плохой приснился. А тебя разве не предупреждали, что сегодня к нам прибывает Теодор Слейтер? Со всеми вытекающими последствиями.

Березин смерил Гаршина взглядом. Он так и не научился определять, шутит Владислав или говорит серьезно. В отличие от него Гаршин был склонен к сдержанной насмешливости и тонкой иронии, и привыкнуть к его манерам мог далеко не каждый смертный.

— Пошли, не стоять же в коридоре.

В первой лаборатории отдела уже горел свет, а возле компьютерной панели возился Ивлев, начальник отдела, одетый в свою обычную кожаную куртку и джинсы. Березин покоился на Гаршина, но лицо Владислава осталось непроницаемым.

— Привет. — Ивлев прошелся по фигуре Березина критическим взглядом, и тот невольно втянул живот и расправил плечи. — Хорош, хорош. Слышали новость? Нолики появились на Алтае, недалеко от Бийска, деревня называется Малый Пролом. Красивое название, да? Кстати, у нас в гостях Слейтер. Надеюсь, слышали о таком.

Березин слышал. Доктор физико-математических наук, профессор Теодор Клиффорд Слейтер был директором аналогичной Центру организации в США, которая входила в состав Смитсоновского института и называлась Центр изучения кратковременных стихийных процессов. Центр этот, как и российский, делился на отделы и сектора: вулканологии, океанографии, физики атмосферы и тому подобное. При нем же был организован и отдел по изучению УФО — неопознанных летающих объектов¹, который негласно назывался ин-

¹ Аббревиатура английских слов: Unidentified flying objects — неопознанные летающие объекты, НЛО.

ститутотом Хейнека — по имени ученого, организовавшего в начале шестидесятых годов комитет по изучению УФО. Отдел, в котором работал Березин под началом Ивлева, тоже занимался изучением УФО или НЛО — к последнему сокращению привыкли больше, хотя пользовались и ласковым, уменьшительным названием неопознанных летающих объектов — нолики.

— Значит, поедем на Алтай?

— Не спеши, — усмехнулся Ивлев, — сначала закончи работу. Фигурой бог тебя не обидел, одет ты более или менее прилично, английским владеешь сносно, — начальник отдела глянул на часы, — вот и будешь представлять русскую науку... через полчаса.

— Спасибо за доверие, — сказал Березин, мрачняя.

Ивлев быстро взглянул на него своими яркими желтыми глазами и неожиданно мягко улыбнулся.

— Ладно, не сердись, Максим, я пошутил.

И Березин тут же повеселел, хотя и осердился скорее театрально, нежели всерьез. За что он уважал Ивлева, так это за умение ладить с людьми, гасить любые конфликты.

Внешность Ивлева описать легко. По мнению Березина, он на всех производил одинаковое впечатление — высокий, гибкий, бесшумный, в каждом движении сдержанная сила, лицо хищное, резкое, на котором выделяются удивительно яркие «тигриные» глаза, и добродушная полуулыбка...

— Красивый мужик, — как-то со вздохом признался Березину Гаршин, хотя ему-то грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него влюблены и млели от восторга, когда он заводил с ними разговор о балете или об искусстве йоги. Но Березин с ним согласился. Ивлев был красив особой, целеустремленной красотой, он был гармоничен во всем и всегда, а это, по мнению Березина, было едва ли не главным в человеке. Может быть, он и впадал в крайность, так как, по замечанию Рудакова, а тот редко ошибался, склонен был к построению культа личности, но очень многие под влиянием характера Ивлева меняли свое мнение вопреки собственному желанию. Отсюда и Березин понял, почему Анна больше внимания обращала на начальника, а не на него. Не понимал только одного, почему сам Ивлев с Анной...

ну, относился к ней так же, как к любой другой женщине. Может быть, именно это обстоятельство и подогревало надежду Березина, ибо надежда — последнее, что умирает в человеке.

— Ну, пошли, эксперты? — сказал с едва уловимой иронией Ивлев.

— Может, подождем Анну? — осторожно спросил Березин, решив, что ирония в голосе начальника отдела ему показалась. Но Ивлев в ответ только пожал плечами, а Гаршин усмехнулся, подмигивая. Березин уничтожил его взглядом и вышел, предоставив Владиславу право воскрешения без свидетелей.

Церемония знакомства длилась недолго: директор Центра Богаев и Ивлев встречались со Слейтером не первый раз, ему представили Гаршина и Березина, а им его и двух сотрудников Института уфологии, сопровождавших Слейтера в поездке. Приезд американцев не выходил за рамки совместной программы исследований НЛО, поэтому сразу же приступили к делу.

Кабинет Богаева был невелик, но уютен, четверо хозяев и трое гостей с удобствами расположились в креслах по сторонам изогнутого полумесяцем стола, с интересом разглядывая друг друга.

Ивлев держался свободно, с изяществом прирожденного дипломата, и, видимо, произвел впечатление на молодых коллег Слейтера, потому что они слушали его с гораздо большим вниманием, чем Богаева и самого профессора.

Слейтер сносно говорил по-русски, но через несколько минут перешли на английский, благо все в комнате владели им свободно.

— Господа, — сказал Слейтер после обязательных слов о погоде и здоровье окружающих. — Цель нашего визита состоит в следующем: загадками неопознанных летающих объектов мы занимаемся давно и накопили значительный статистический материал. Пора сомнений в существовании УФО, думаю, прошла для всех ученых, и для пессимистов, и для скептиков. Не так ли? Наши уфологи составили карты появлений УФО над территориями США, Канады, Мексики, ак-

ваториями Атлантического и Тихого океанов. Составляются карты для Африки, Южной Америки, Индийского океана. Нас главным образом интересует, сделано ли что-нибудь в этом направлении у вас.

После короткого молчания заговорил Богаев:

— Отдел по изучению НЛО у нас еще молод и невелик. До недавнего времени, вы знаете, в Центре была скорее инициативная группа в семь человек. Сейчас отдел насчитывает двадцать два человека.

Американцы переглянулись. Физиономистом Березин был слабым, но ему показалось, они были шокированы. Богаев тоже подметил их движение и быстро закончил:

— Но информации и у нас достаточно для определенных выводов. Более подробно о работе отдела расскажет начальник отдела Ивлев Игорь Тихонович.

Слейтер, очевидно, заметил смущение партнеров, снял узкие очки в невидимой оправе, подышал на них, аккуратно протер, водрузил на место и лишь после этого произнес:

— Извините моих коллег. Комитет уфологии Соединенных Штатов насчитывает более четырехсот сотрудников, поэтому, я думаю, вам будет понятна их неловкость.

«Уколот-таки, — подумал Березин, — вежливо, культурно, но уколот. Что ж, масштабы нашей работы поменьше, но ведь и мы кое-что можем, ведь территория России — это Штаты плюс Мексика, а мы все-таки регулярно получаем информацию со всех ее точек. Автоматика тоже многое значит».

— За что же извинять? — хитро усмехнулся Богаев. — Важно то, что отдел работает, имеет совместную программу исследований с Академиями наук многих стран, да и со стороны ваших ученых нареканий на малую численность отдела ведь не было?

Слейтер растянул губы в улыбку, его сосед слева, веснушчатый парень в полосатом костюме, представленный как кандидат медицинских наук, психолог, примерно одних лет с Березиным, негромко засмеялся. Второй ученый-уфолог, негр с довольно правильными чертами лица, в таких же очках, что и шеф, остался невозмутим.

— Мы получили предварительные данные для составления УФО-карт по своей территории, а также территории

стран Содружества и акватории Северного Ледовитого океана, — произнес Ивлев. — Хотя на Крайнем Севере сведения об УФО чрезвычайно скудны. В ближайшем будущем карты будут составлены и переданы международному координационному совету уфологов. С предварительной информацией на данном этапе этой работы мы можем познакомить.

Слейтер покивал круглой головой, на добродушном его лице ничего не отразилось.

— Нас интересуют также работы русских... — Веснушчатый кандидат наук достал откуда-то синюю папку (по традиции, что ли? Первый проект в США по изучению НЛО назывался «Синяя книга») и открыл. — Русских коллег по созданию автоматических станций наблюдения за УФО, их эффективности и отдаче.

— Пожалуй, это проще показать, чем рассказать, — спокойно сказал Ивлев. — Господин Березин, руководитель конструкторской группы, сделает это лучше, чем я. В свою очередь и у нас есть вопросы в адрес американских друзей.

— Да-да, — сказал Слейтер, — разумеется, но это, наверное, уже в рабочем порядке, если не возражаете. У нас много общих вопросов, достаточно узких и специальных, поэтому в предварительной встрече не стоит устраивать брэйнсторминг — мозговую атаку. — Он засмеялся.

Березин с Гаршиным вежливо поулыбались, Ивлев корректно переждал смех и продолжил:

— Частота появлений неопознанных летающих объектов над различными районами земного шара неодинакова, что, естественно, вызывает интерес у специалистов, а каково мнение ваших ученых на этот счет?

— К сожалению, у нас нет единого мнения, — вклинился в разговор молчавший до сих пор негр. Голос у него был густой и сочный (как у протодьякона, подумал Березин, вспомнив прочитанное в детстве). — На равных существует несколько гипотез, одинаково уязвимых, четыре-пять из них заслуживают внимания. Наиболее серьезные, по моему мнению, такие: первая — частота появлений УФО наибольшая над месторождениями полезных ископаемых — очень интересная гипотеза, позволяющая надеяться на практическое использование явлений УФО; вторая — УФО чаще всего по-

являются у наиболее загрязненных мест Земли. И третья — неопознанные летающие объекты скапливаются там, где деятельность человека наиболее активна.

— И все три гипотезы, — подхватил Слейтер, по-отечески погрозив пальцем говорившему, — не подтверждаются полностью, стопроцентно. Впрочем, как и все тридцать три остальные, в большинстве случаев спекулятивные.

У Ивлева дрогнули губы и на лице промелькнула тень иронической усмешки, но так быстро, что Березин даже усомнился, было ли это на самом деле. Мимику начальника отдела он понимал далеко не всегда.

— Интересно и увлекательно. Если бы мы сами не занимались изучением УФО, я бы счел эти гипотезы сказочными экзерсисами.

— Вы считаете, что выдвигать гипотезы — несерьезно?

— Как раз очень серьезно, — улыбнулся Ивлев чуть грустной и одновременно извиняющейся улыбкой. — Загадка УФО — это целый комплекс проблем, и каждая гипотеза может перерасти в теорию и... не отразить истины.

— Вы правы, — сказал Слейтер после некоторого молчания. — УФО — крепкий орешек, и заниматься ими следует основательно, хотя — не поймите меня превратно — мы не греческие экзегеты¹, и тайна неопознанных летающих объектов представляет для нас чисто познавательный интерес. Надеюсь, мы, как всегда, найдем общий язык.

— Язык науки, — сказал Богаев торжественно. Такие штампованные фразы мог произносить, не смущаясь, только он.

«Зануда», — подумал Березин привычно.

На этом торжественный прием иностранных гостей и закончился. Богаев остался со Слейтером заканчивать официальную часть визита, а Ивлев повел американцев знакомиться с Центром, предварительно наказав Гаршину подготовить в отделе для показа кино-, теле- и фотоаппаратуру. Указанной аппаратурой и вообще всеми видами записывающей техники у них занималась группа регистрации в составе Рудакова и Губаренко, но они в данный момент находились в командировке, и Гаршину пришлось их замещать.

¹ Экзегеты — толкователи оракулов, позднее богословы-схоласты, толкователи библейских текстов.

— Взаимовыгодное сотрудничество... — проворчал Березин Владиславу уже в коридоре. — Мы им информацию, они нам гипотезы.

— Брось, Максим, — нахмурился Гаршин. — Ты ведь на самом деле так не думаешь.

— Да уж... — не нашелся Березин с ответом, смущенный не столько смыслом слов Гаршина, сколько интонацией его голоса.

— Чувствуешь, насколько солидно у них поставлено дело? — Он скривил лицо, хотел что-то добавить, но лишь качнул головой и вздохнул.

— А у нас разве плохо? — пробурчал Березин, уже открывая дверь своей лаборатории, и с порога встретил синий взгляд Анны.

— Потом поговорим, — сказал за дверью Гаршин, проходя к себе.

Его группа занимала соседнее помещение.

— Привет, шеф, — сказал, не отрываясь от монтажного стола, Дима Шилов. — Там девочки у Владислава разобрали почту, есть интересные находки. Зайди посмотри.

Халат у аккуратного Димы был белоснежный, и весь его вид — чистый, опрятный, тщательно ухоженный — вызвал у Березина улыбку. Дима во всем был рационалистом до мозга костей, считая, что любопытство — тягчайший порок, за который надо карать отстранением от научной и исследовательской работы. Однако новости он ухитрялся узнавать одним из первых.

— Дима, — сказал Березин. — Сейчас к нам прибудут гости, и ты покажешь им нашу АСН и расскажешь принципы работы.

— Следует, наверное, показать уже отработанную модель? — не удивляясь, уточнил Дима.

Березин его понял. Конечно, они покажут старую модель автоматической станции наблюдения за НЛО, уже зарекомендовавшую себя отличной работой.

— Что-то серьезное, Максим? — спросила наконец Анна.

— Ничего, — ответил Березин. — Американцы, в рамках координационного совета. Ну что, продолжим настройку? Вчера вечером, ложась спать, я наткнулся на идею...

На следующий день Владислав с утра занимался демонстрацией документальных фильмов, запечатлевших НЛО в разных ситуациях, показывал гостям машинный зал Центра, потом компьютерный отсек отдела, который занимала гордость Ивлева — электронно-вычислительная машина «Рось-2000», знакомил ученых с программой статистической обработки поступавшей со всех концов страны информации.

Информационный центр на гостей не произвел особого впечатления, но сеть станций наблюдения, охватившая практически всю Федерацию, поразила воображение. Гаршин посмеивался в душе, наблюдая, как апломб новых знакомых постепенно исчезает, уступая место удивлению и одобрению.

Потом гостями завладел Березин, увел в свою лабораторию, откуда они ушли не скоро. У Максима тоже было что показать, к тому же в его группе работала Анна.

После обеда Ивлев и Богаев поехали с американскими учеными в Академию наук, а через полчаса после их отъезда вернулся из командировки Рудаков. Как обычно, он был невозмутим, и на широком добродушном лице его не дрогнула ни одна черточка, когда Гаршин неторопливо сообщал ему новости.

— Ой, Миша приехал! — обрадовалась Лена Лисовская, толкая серьезную Веронику Круглову. Жанна Аркадьевна работала за персоналкой и только улыбнулась, кивнув сухонькой головкой.

— Садись, — предложил Гаршин. — А где мистер Губаренко?

— Спасибо, я к себе, — сказал Рудаков. — У вас тут шумновато. А Губаренко в Осколе, там в девятой АСН передатчик барахлит.

— Ой, останься, — попросила Лена Лисовская, краснея. Это было ее тайным страданием — краснеть по любому поводу и без оно, все в отделе знали об этом, и единственным человеком, позволявшим себе шутки в сторону Лены по этому поводу, был ее брат Герман.

— Расскажи что-нибудь, Миша. Что привез, какие новости? Видел нолики?

— Не нолики, а неопознанные летающие объекты, — стро-

го сказала Жанна Аркадьевна, не признававшая фамиллярного отношения к объекту ее работы.

— Видел, — сказал Рудаков. — Можно, я потом расскажу? Это долгая история.

— Можно, можно. — Жанна Аркадьевна решительно сменила дискету в компьютере. — Вероника, принеси блок дискет и распечатку прихвати. Леночка, на линии Хабаровск, дай справку.

— Ну вот, всегда так... — Девушки неохотно вернулись к работе.

— Пошли зайдем к Максиму, — сказал Гаршин. — Он тебя ждал с нетерпением. Как-никак, искатель — его детище.

Они вышли из наполненного гудением, стрекотом и писками зала в белый тихий коридор. Дверь в лабораторию Березина была приоткрыта, из-за двери доносилась тихая музыка.

Сам Максим колупался во внутренностях новой модели АСН, Дима Шилов что-то яростно паял, Анна за столом склонилась над листом ватмана. Увидев Рудакова, она обрадовалась не меньше Лены Лисовской.

— Миша, ну наконец-то!

И хотя в ее радости звенели только дружественные нотки, наблюдательный Гаршин все же заметил мгновенный взгляд Березина, в котором был вопрос.

Дорого бы дал Максим, чтобы услышать восклицание: «Макс, ну наконец-то!» — подумал Гаршин.

Рудаков распаковал чемодан, достал оттуда в самодельном чехле искатель и положил на монтажный стол. Потом стал вынимать какие-то свертки, пакеты, кассеты и рассовывать по всем шкафам, столам и стойкам: расположение оборудования в лаборатории Березина он знал отлично.

Последним он достал из чемодана невероятной красоты каменный окатыш, отполированный водами Байкала, и вручил Анне.

— Это тебе. По заказу Максима. Лазурит.

— Спасибо, — тихо сказала та, принимая подарок, и удивленно и обрадованно глянула на Березина.

Максим искоса посмотрел на Анну, легкая краска легла на его щеки, но он сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Лазурит... — пробормотал Гаршин, рассматривая пере­ливы синих и голубоватых вкраплений на камне. — С рук не­бось купил?

— Обижаешь, начальник.

Рудаков, покончив с таинственной сортировкой, поколе­бавшись, сел на роскошный диван, предмет гордости лабора­тории. Где его откопал Березин — диван был выполнен в сти­ле барокко лет сто назад, — одному богу известно.

— Теперь он будет сутки сидеть на диване, тупо смотреть в одну точку и мучительно вспоминать, где был и что делал, — резюмировал Гаршин.

— Владислав, — сердито сказала Анна, но Рудаков с ка­менным выражением лица только посмотрел на Гаршина сквозь прищур век и ничего не сказал.

Характер у Михаила был невероятно сдержанный, ко все­му на свете он относился ровно и спокойно и завоевал сим­патии даже у строгой Жанны Аркадьевны по прозвищу Жан­на д'Арк, что, кстати, тоже не обошлось без помощи Гаршина. Владислава же лично Рудаков поражал не своим спокойствием, а тем, что мог пошутить в ответ так умело, тонко и метко, что не смеяться шутке было невозможно. К сожалению, про­исходило это редко, Рудаков был молчуном. К жутким же вы­падам Гаршина, которых поначалу пугались все в отделе, по­ка не разобрались, что за этим стоит взаимопонимание, он относился так же хладнокровно, как глухой к выстрелам.

— Рассказывай, Миша, — жалобно попросила Анна. — Дима, выключи магнитофон.

— Разве можно отказывать женщине, дорогой? — заметил Гаршин с «кавказским» акцентом. — Да еще *такой* женщи­не?!

И хотя Гаршин шутил, ему тоже не терпелось узнать, что же нового привез Михаил. Все сотрудники отдела бывали в командировках не раз, в основном как регулировщики ав­томатических станций, спеша уже по следам событий: то АСН засекли в атмосфере быстро перемещающиеся шары, то кто-то видел неизвестное светящееся тело, то где-то сел на воду или на землю необычной формы аппарат, то разрази­лась локальная электромагнитная буря... Редко такие путе­шествия заканчивались официальным утверждением фено-

мена, «узакониванием» собранной информации, особенно устного характера — со слов очевидцев. Но были и удачи: любопытные фотографии НЛО, записи шумов и помех при их пролете судовой и исследовательской аппаратурой и даже любительский кинофильм, снятый участниками одной из археологических экспедиций в Крыму.

Из всех сотрудников отдела лишь одному Рудакову посчастливилось дважды лично наблюдать неопознанные летающие объекты, и не только наблюдать, но и мастерски сфотографировать. Может быть, и на этот раз ему повезло?

— Искатель ваш работает, — сказал Рудаков, искоса посмотрев на Березина. — Но чувствительность слабовата, около двух километров. А обычные локаторы ловят НЛО...

— За десятки километров, знаю. Зато и ловят они обычные НЛО, — задиристо ответил Березин. — Мы же хотим видеть все, вплоть до «исчезающих призраков». А что, неужто встретил?

— Не без того, — вздохнул Рудаков точно так же, как и в комнате Гаршина. — Братья, может, подождем начальника все-таки? Не хочется два раза рассказывать одно и то же.

— Ох и толстокожий ты, Рудаков, — сказал Гаршин, отвернув ослепительно белую манжету рубашки, чтобы взглянуть на часы. Лицо его приобрело обычное снисходительно-внимательное выражение. — В таком разе я вас покидаю.

— Подожди, Владислав, — сказал Березин. — Моя разведка доносит, что к вам с почтой поступила любопытная информация. Не будет ли джинн так любезен...

— Будет, будет, мог бы и покороче, — усмехнулся Гаршин. — Любопытная информация пришла из Карелии. Пост воздушного наблюдения над Соль-озером засек и даже заснял НЛО. Кстати, наших станций там нет, не исключено, что новую модель Ивлев решит испытать именно там. Или на Алтае... или в любом другом месте. Чао, уфологи.

С этими словами Гаршин покинул уютную лабораторию Березина. За Рудакова он «не беспокоился», если тот сразу не поделился впечатлениями поездки, то упрашивать его бесполезно. Михаил был упрям, как носорог, а Гаршин не видел в этом особых достоинств, так как сам был уступчив и знал цену выражению: «Упрям — хоть кол на голове теши». Особен-

но это относилось к оппонентам его прошлых работ, ибо в последнее время новых работ у него не было, и слава растущего физика-теоретика его покинула.

Нет, тему свою, которую вел в ФИАНе, — раздел общей теории поля под названием «Теория преобразования энергии», — он не бросил, просто работу в отделе изучения неопознанных летающих объектов он считал случайным эпизодом. А в отделе он оказался по умело аргументированной просьбе Ивлева: тот при встрече сказал, что в движении НЛО много такого, что заставляет задуматься именно над иным принципом преобразования энергии. И он загорелся, согласился, черт его дернул!.. Да, Ивлев умеет убеждать, этого у него не отнимешь. А что вышло на деле? Кинограмм, фотографий, записей — вагон, выводов — нуль! И не видно даже просвета в стене фактов, через который удалось бы разглядеть хотя бы контуры новой теории. Эйнштейн незыблем, как сама истина, хотя и есть в его теории поля вопросы, которые он просто обошел. Впрочем, замахиваться на авторитеты модно, если бы еще и польза от этого была...

Гаршин зашел в свой сектор, поговорил с освободившейся Жанной Аркадьевной, выслушал ее жалобы на увеличение объема заказов — хотя ЭВМ «Рось-2000» и считалась собственностью отдела, но она обслуживала почти весь Центр, а это, по мнению Жанны Аркадьевны, был непорядок, потому что именно в этом она усматривала причину столь долгих поисков решения загадки НЛО.

— Что поделаешь, — улыбнулся Гаршин, — если мы еще не выросли за рамки статистических сводок об НЛО. Вот когда будет теория происхождения неопознанных летающих объектов, тогда...

— Теория теорией, а заказы растут, — сердито ответствовала Жанна д'Арк, вздергивая остренький носик. — Герман из машины не вылезает, сутками блоки меняет, настраивает...

— Вот здесь вы правы. — Гаршин взял Жанну Аркадьевну под локоть. — Персонала у нас маловато, но — будет, обещаю.

Кончилось все тем, что он передал власть до конца дня Герману Лисовскому и уехал в Физический институт.

«Важно не потерять мысль, — думал он, оглядываясь на

строгое здание Центра перед тем, как сесть в такси. — Можно забыть формулу, забыть цифровые данные, условия задачи и прочее, но главное — не потерять мысль, которую подарил мне Ивлев, сам не подозревая об этом. Скорость любого материального тела не может изменяться мгновенно, причем на порядок, закон инерции есть закон. Но ведь НЛО наращивает скорость движения именно так — мгновенным скачком. Что, если это следствие временного скачка?! Сдвиг во времени — скачок в пространстве! Что и говорить, мысль великолепная! Такую можно и по миру пустить. Подкину ее Гладышеву и Белецкому, они членкоры, они мохом старых успехов еще не обросли. Ай да я! Сдвиг во времени — скачок в пространстве... Подставим в формулу поля тензор временного изменения и...»

— Куда везти? — спросил шофер.

— В простран... в ФИАН, — поправился Гаршин. — Левоповоротный проспект, двенадцать.

РУДАКОВ

Когда кубик селектора пригласил его в кабинет начальника, он вздохнул с облегчением, хотя, наверное, со стороны никто бы этого не заметил.

В кабинете собрались руководители групп, ожидавшие очередного заседания «клуба кинопутешествий», как называл эти мероприятия сам же Рудаков. Кабинет был как кабинет: стол с селектором, видеотелефоном и телефаксом, стулья у стен, стойка АСН в углу, магнитофон и телевизор, встроенные в стену, книжный шкаф... Но Рудаков почему-то всегда чувствовал себя в нем неуютно. Нет-нет, ничего неопределенного, только неясное предчувствие необычности, печать таинственности, эфемерная и неуловимая... Может быть, виной тому была их собственная деятельность, связанная с загадочностью неопознанных летающих объектов? Или в кабинете Ивлева сильнее чувствуется его интеллектуальное превосходство, постоянное давление которого Рудаков чувствовал везде и во всем?

А ведь я ему завидую, подумал он, проходя к свободному стулу. И черта с два разберешь, черная это зависть или белая.

Что это, следствие комплекса неполноценности? Раньше вроде я его у себя не замечал...

— Откуда уныние в нашем клубе веселых и находчивых? — спросил Ивлев, быстро пробежав глазами по лицам сидящих. — Скоро повеселеете, обещаю. Сегодняшняя оперативка внеочередная, во-первых, потому что приехали американцы из института Хейнека; думаю, все уже в курсе событий. Ну, и приехал из командировки Михаил с кучей новостей, затрагивающих всех. Начинай, Миша.

Рудаков покосился на подмигивающего ему Гаршина и проговорил:

— Задание у меня было самое обычное — сменить пленку двух АСН, одна из которых стоит возле Баргузина, на Байкале, вторая на лесоповале у поселка Березовое Красноярского края. Ну, и забрать записи приборов, если таковые имеются, а также — снять наш искатель...

— Говорил бы сразу о главном, — вставил Тихонов, руководитель группы технической подготовки, критически относящийся ко всем докладчикам.

— А я не умею сразу, — отрезал Рудаков. — У Байкала ничего интересного АСН не обнаружила, есть кое-какие записи, но фотопленка чиста, значит, визуального обнаружения НЛО не было. А вот у Березовского лесопункта... Во-первых, там метеостанция, во-вторых, группа метеорного патруля — телескоп, радиолокатор и прочее; и есть очевидцы отсюда и отсюда. Самое интересное, что аппаратура АСН не включалась, а вот искатель березинский сработал. Правда, гораздо позже, чем очевидцы заметили шар, в пределах трех километров.

— Чувствительность слабовата, — сказал Ивлев, — но это исправимо. Важен сам факт — искатель работает. Направление работы понятно, Максим?

— Куда уж понятней, — сказал Березин.

Ивлев встал, быстро прошел к селектору, нажал клавишу и произнес:

— Семеныч, как только появится директор — дай знать.

Возвращаться не стал, сел за свой стол (двигался он стремительно, но скупое и точно), и Рудаков снова позавидовал ему, так как сам двигался с грацией медведя и ловким нико-

гда не был. К тому же Ивлев превзошел его еще в одном качестве: он мог сидеть и слушать собеседника абсолютно неподвижно, как каменный, оставив позади даже невозмутимость самого Рудакова, признанного «мастера» в данной области.

— Продолжай, — кивнул Ивлев.

— Ну а потом, собственно, и произошла встреча... Пленку я проявил еще там, а фотографии сделаю завтра, отдохну и сделаю. Ну, как это было? Вечером второго дня...

В Балахту, районный центр Красноярской губернии, Рудаков и Губаренко прилетели из Красноярска семнадцатого мая в три часа утра. Их уже ждали — мальчишка-шофер и сопровождающий из геологоразведки, и Рудаков в душе поблагодарил Тихонова и его подчиненных: группа технической подготовки знала свое дело, и еще ни разу у командированных не было задержки ни с транспортом, ни с гостинцами, ни с организацией любого рода помощи со стороны официальных руководителей на местах.

Сопровождающие без лишних расспросов доставили экспертов Центра в местное управление геологоразведки, откуда они в семь утра, так и не поспав и не узнав ничего толком, отправились на вездеходе к месту установки автоматической станции наблюдения за НЛО.

Вездеход был на воздушной подушке, за городом водитель дал полный газ, и полсотни километров до поселка Березовое, возле которого на сопке, рядом с метеостанцией, стоял мини-комплекс АСН, они преодолели всего за полчаса.

Под Березовым вдоль дороги пошли сплошные вырубki, в основном старые, поросшие кедровым молодняком и кустарником. Рудаков, глядя на голые пространства, усеянные пнями, которых не мог скрыть даже многолетний кустарник, с грустью подумал, что тайга в местах порубки уже никогда не восстановит своей былой красоты. Здесь даже леса не будет приличного — ивовый подлесок да кустарниковая ольха, а кедровые сосны и ель, составляющие основное богатство края, растут медленно, веками... Даже если рубить лес с умом, следует помнить, что природа на это не рассчитывала.

На метеостанции их встретил молодой светловолосый и светлоглазый парень, соединявший в одном лице начальника

и обслуживающий персонал. Парня звали Костей, работал он на станции недавно, «отбывал срок» стажировки, по его словам, будучи студентом Санкт-Петербургского гидрометеорологического института.

— Вашей аппаратуры я не касался, — сказал он, кивая на полускрытую оборудованием метеостанции круглую будочку за сетчатой оградой, стоявшую особняком на самом краю обрывистого склона сопки. — Говорят, там сплошная кошмарная автоматика, интегральные схемы и все такое прочее...

— Так оно и есть, — сказал угрюмый Губаренко, за дорогу не сказавший ни слова. Немногословие помощника импонировало Рудакову, и это его молчаливое одобрение сближало их больше, чем уверения в симпатиях.

— Извините за любопытство, но за два месяца отрыва от цивилизации невольно становишься навязчивым.

— Ничего, все нормально. Иди открой, — сказал Рудаков помощнику и снова повернулся к метеорологу. — Костя, вы не замечали, включалась ли аппаратура нашей станции?

— По-моему, да, один раз, причем вчера вечером. Я как раз готовил сводку в своем жилище, когда вдруг что-то сверкнуло в окне и загудело. Я выскочил — над будкой антенна ворочается. Повращалась и утихла. Вот и все. Антенна — это локатор, наверно? Правильно?

— Локатор.

— А луч...

— Это лазер. Больше ничего не заметили?

— Да вроде нет. Лазер... да, с размахом работаете, — с уважением сказал Костя. — В общем, как закончите дела, приходите, у меня и переночевать место найдется. А вечером можно в поселок сходить, всего три километра. Моя станция, — он улыбнулся, — тоже не без автоматики.

Рудаков поблагодарил словоохотливого метеоролога и обошел будку, в которой уже скрылся Губаренко. Под сопкой, в теснине миниатюрного ущелья, бежала такая же миниатюрная прозрачная речка. Оттуда доносился журчащий плеск и волнами накатывала свежесть.

«Хорошее место, — подумал Рудаков, обводя глазами горизонт. — Сопочник, тайга... здесь она, похоже, еще нетронутая. Пожить бы в таком уголке с месяц с детьми. А что, может, устроить когда-нибудь такую семейную экспедицию?»

— Алексеич, — приглушенно окликнул Рудакова из будки Губаренко. — Иди-ка сюда. Есть запись-то...

К вечеру они проверили функционирование систем станции, протестировали ее компьютер и сменили пленку в регистрационной аппаратуре. Губаренко к тому же откалибровал сельсины на антенне локатора и провел контроль синхронного включения теле- и фотокамер и лазера. По сути дела, задание было выполнено, но Рудаков с молчаливого согласия напарника решил отправиться в обратный путь утром, вечер же и ночь провести в компании с метеорологом, вобрать в себя «прану» тайги.

А около десяти часов вечера, когда Рудаков, прищелкнув к объективу портативной своей камеры инфракрасную насадку, снимал ночной пейзаж, вновь сработала автоматика АСН.

Выскочившие из домика Губаренко и Костя увидели сначала рубиновую нить лазера, хлестнувшую беззвездное хмурое небо, потом разглядели на штабеле досок силуэт Рудакова с камерой.

— Фотоаппарат! — крикнул он не оборачиваясь.

Губаренко сбегал за фотоаппаратом, и вовремя. Из-за вершины ближайшей сопки, поросшей кедром, выскользнули вдруг две светящиеся полупрозрачные полусферы и на бреющем полете пошли наискосок к речке. В этот момент снова сверкнул лучик лазерного шупа, коснулся одной из полусфер, и странные объекты мгновенно прыгнули метров на сто вверх, не тормозя и не останавливаясь. Секунду они продолжали движение по вертикали, потом остановились, снова раздумывая в нерешительности, что делать дальше, и разом метнулись к метеостанции, нацеливаясь, как показалось Губаренко, прямо на застывшего с кинокамерой Рудакова.

Полет полусфер был легок, бесшумен и стремителен. Казалось, сейчас они ударят в упорного человека с камерой, разнесут АСН, сметут с пути домик метеостанции, и Губаренко, падая, даже крикнул сгоряча:

— Ложись, Миша!

Но в последнее мгновение полусферы свечой пошли в небо, перпендикулярно к прежнему направлению, будто для

них не существовали инерция и законы тяготения, и растворились в черноте неба.

Рудаков перестал снимать только тогда, когда кончилась кассета. Опустив камеру, он стоял и смотрел вслед исчезнувшим «тарелкам», и в душе у него пели фанфары и били барабаны: успели! Не верится, что такое возможно. Не слишком ли часто фортуна поворачивается ко мне лицом? Что я их — притягиваю, что ли? Третья встреча с НЛО... как нарочно подстроено... как будто они только того и ждут, чтобы я их заснял на пленку...

Сзади зашуршали шаги, и раздался восхищенный голос метеоролога:

— Ну и нервы у тебя, дядя! Везет же людям! Да и мне тоже, а?

— Это точно, — хладнокровно сказал Рудаков, взвешивая в руке камеру. — Ну как, Леша, предчувствие — великая вещь? Давай-ка посмотрим березинский искатель, авось обрадуем и Максима.

— Давай, — ответил невидимый Губаренко унылым тоном, словно не он минуту назад волновался за товарища...

...Ивлев провел рукой по лицу, на котором застыла странная гримаса не то ожидания, не то недоверия, и встал.

— Понятно. Тебе, Михаил, придется, наверное, сделать фотографии сегодня, они понадобятся как иллюстрации наших успехов. Может быть, это и дипломатия, но пусть уж американцы посмотрят на нашу работу с уважением. Хотя, с другой стороны, институт Хейнека, конечно, фирма.

Рудаков пожал плечами:

— Наша фирма не хуже. Сделаю.

— Ты, Максим, займись искателем. Надеюсь, сам найдешь решение. Чувствительность в два-три километра — дрянь, конечно. Потом обсудим схему в рабочем порядке.

Березин промолчал, зато Гаршин заметил:

— У меня есть кое-какие теоретические соображения, Игорь Тихонович, по математической модели движения НЛО. По-моему, получается нечто любопытное.

— Останешься и обговорим. Так, что еще? Что у тебя, Паша? Кнежич, руководитель группы средств связи с НЛО, сму-

шаясь, заворочался на стуле. Лысина его покрылась испариной.

— Тяжело, Игорь Тихонович, — наконец сказал он под общий смех.

— Ну что ж, — смеясь, проговорил Ивлев, — я понял. Ко всем: завтра меня не будет, поэтому работаете, как всегда, от звонка до звонка.

Это он намекал на то, что в свободное от командировок и прочих путешествий время они работали не по нормативам — приходили раньше и уходили гораздо позже.

— По всем вопросам административного характера обращаться к Тихонову. Вопросы есть?

Есть, подумал Рудаков, но вслух ничего не сказал. Ему вдруг показалось диким несоответствие повседневной рутинной работы, всех этих совещаний, оперативок, теоретических споров, научных советов и так далее с загадочностью неопознанных летающих объектов, с волнующей таинственностью их существования и постоянства равнодушия к людям, к их попыткам изучения и контакта. Что же они на самом деле? Пресловутые пришельцы? Гости из параллельных или перпендикулярных пространств? Секретное оружие одного из государств? Что? Или — кто?..

БЕРЕЗИН

К сожалению Березина, Ивлев на Алтай послал одного Рудакова, а в Карелию поехал сам, и тоже без сопровождающих.

АСН все еще не была готова, и сотрудники лаборатории, поделившись разочарованием, решили до приезда начальника довести станцию до ума, чтобы при любом удобном случае выехать с ней по первому требованию.

В пятницу Березин задержался в лаборатории, чтобы в одиночестве, в идеальных условиях — вся информация находилась под рукой, то есть по необходимости выводилась на дисплей персонального компьютера, связывающего информаций статистической группы со всеми лабораториями других институтов, — поразмышлять «за жизнь» вообще и в частности над причинами явного нежелания ноликов контакти-

ровать с людьми, раскрыть свою тайну, хотя, конечно, задумывался над этим не раз и раньше.

Березин не надеялся сделать великое открытие, прозреть после долгого бдения и размышлений, несмотря на то что фактов для этого, казалось бы, знал предостаточно. До него многие умы пытались найти причины столь странного поведения НЛО и вообще появления их над Землей, но безуспешно. Нет, гипотез, конечно, было предостаточно, существовали даже серьезные теоретические разработки серьезных ученых, но все они были однотипны и не давали уверенности в истинности утверждений.

Собственно, они, специалисты (в официальной табели о рангах их называли экспертами-уфологами), относили к НЛО определенную группу объектов, то есть те объекты, которые действительно нельзя было опознать, сравнить с естественными аналогами типа птиц, роев насекомых, облаков, воздушных вихрей, видимых на экранах радаров. Под неопознанными летающими объектами они имели в виду те и только те объекты, поведение которых не укладывалось ни в какие рамки «естественности», такие, как шары-прыгуны, скачущие призраки Нансай-Шото, кольца Витта и другие. Все они наблюдались визуально и были описаны, многие сфотографированы, но главное — все они отражались на экранах локаторов, а причина отражения радиоволн всегда реальна. И материальна. Таким образом, были реальными и «призраки», хотя они и не становились от этого менее загадочными.

Чем не занимались эксперты Центра, так это изучением и контактами с «зелеными человечками», якобы пилотами НЛО, которых «видело» множество людей. Максим ни одного из «зеленых» — равно как и другого цвета — пришельцев не видел, в них не верил и считал правильной реакцию руководства Центра, а также Ивлева на «свидетельства» очевидцев.

Он включил магнитофон, выбрал мелодию с медленным ритмом и уселся перед экраном компьютера.

Ивлев сказал как-то, что НЛО — это тайна века, замаскированная шелухой сенсаций, раздутых слухов, косностью видных ученых и фантазией обывателей, желающих нагреть

руки на общественном интересе. И, просматривая материалы об НЛО, Березин понял, насколько тот был прав.

Впервые о странных летающих предметах как о реальных явлениях упоминалось еще в русских летописях одиннадцатого века (предания, былины, легенды, Библия и героический эпос народов мира в расчет не брались, эта информация была практически недоказуемой). Упоминались неопознанные летающие объекты и в исторических хрониках семнадцатого и восемнадцатого веков, в записках знаменитых путешественников прошлого: Марко Поло, Уильяма Дрейка, Колумба, Семена Дежнева и других.

Но двадцатый век оказался самым «счастливым» на пришествие НЛО. Загадочные светящиеся фигуры упоминаются в секретных документах первой мировой и Великой Отечественной войн, армада «летающих тарелок» в тысяча девятьсот пятьдесят втором году объявилась над Вашингтоном, потом над Индианаполисом и многими другими городами США, Франции, Японии, Болгарии, Польши и так далее. В семидесятых годах очевидцев встреч с НЛО стало так много, что за дело взялись крупные ученые и военные, и бум «зеленых человечков» начал постепенно стихать. Но интерес к необычным явлениям в атмосфере Земли не погас. Для профессионалов он подогревался действительными событиями, зафиксированными множеством способов — от магнитозаписи с экранов локаторов до лазерного зондирования, как это было во время полетов пилотируемых космических кораблей вокруг Земли и к Луне.

Диапазон скоростей НЛО — от нуля до десятков километров в секунду — заставлял предполагать, что они движутся в слое искусственно создаваемой плазмы, что в общем-то уже не казалось удивительным: земная наука вплотную подошла к решению этой задачи для своих летательных аппаратов. Кстати, именно слой плазмы (пока это не более чем предположение) и делает многие НЛО недоступными для визуального наблюдения. Но вот то, что они могли практически мгновенно изменять траекторию движения при огромных скоростях на девяносто и все сто восемьдесят градусов, говорило о победе над инерцией, а может быть, и над тяготением. А скорее всего и над тем и над другим. Даже Владислав Гар-

шин, будучи физиком-теоретиком и продолжая работу над теорией преобразования энергии, был бессилён объяснить принципы движения НЛО языком формул.

Включив свет — стемнело, — Березин прошёлся по лаборатории, поглядывая то на развороченный искатель, то на пустой экран, потом наугад набрал шифр, и по экрану побегла лаконичная запись события, сделанная когда-то военным летчиком:

«9.22. Тревога! В воздухе неопознанная цель!

9.24. Стартую. Выхожу на глиссаду атаки, ведет «земля». Скорость две сто, видимость нулевая — облачность.

9.26. Вышел «над солнцем», высота пятнадцать. «Земля» передает — цель в тридцати километрах, около сорока секунд полета. Увеличиваю скорость. В радаре всплеск.

9.27. Экран «забит» помехами, полагаюсь только на целеуказания. За километр до цели вижу по курсу оранжевое пятнышко. Пробую связь. Сплошной треск. Подпустив на сто метров, шар прыгает по вертикали, пропуская машину.

9.29. Возвращаюсь. Шар уходит на юго-запад, постепенно опускаясь к облачному слою. Пытаюсь догнать. Скорость две пятьсот... семьсот... три сто... Шар все так же впереди. На скорости в четыре «М» форма объекта меняется: шар сплющивается в диск.

9.31. Цель прыгает по перпендикуляру влево. От перегрузки теряю сознание.

9.32. Цель видна туманным пятнышком на фоне белой кипени облаков. Команды на открытие огня нет. Пытаюсь достать, форсируя двигатель.

9.34. Не доходя до облачного слоя, цель исчезает. Экран пуст, помех нет.

9.37. Команда «на посадку».

Березин вздохнул, переключая файл. Он и так чуть ли не наизусть помнил записи всех встреч с НЛО в воздухе. Теперь на экране — записи встреч на море. Пространная запись, сделанная журналистами со слов очевидца, капитана подводной лодки «Сахалин». Фотографии. Пленка магнитозаписи сопровождавших НЛО шумов.

Встреча произошла в Северном Ледовитом океане, возле острова Рудольфа (архипелаг Земли Франца-Иосифа). Лока-

торы засекли идущие встречным курсом «точки», по мощности отраженного сигнала похожие на самолеты. На всякий случай сыграли боевую тревогу: лодка шла в надводном положении. Непонятные «точки» прошли над лодкой, видимые только на экранах радаров, — наблюдатели сначала их не видели, потом вернулись, идя лесенкой, пять «точек» одна над другой. Лодка изменила курс. Объекты снизились до полусотни метров над уровнем океана и разом «проявились». От шаров и обычных «тарелок» НЛО в них ничего не было — плоские треугольники. Лодка описала циркуляцию, запрашивая объекты по радио, но трое из них тут же ушли по вертикали в небо, а оставшиеся упали в воду и скрылись. Некоторое время гидроакустики слышали шумы, характерные для погружения аквалангистов, но вскоре шумы стихли...

И еще десятки подобных записей и фотографий, сделанных летчиками, моряками, геологами, туристами, астрономами, космонавтами. Сообщения разнились по форме, месту действия, по отношению к объекту исследования, но все они сходились в одном: НЛО избегали непосредственных контактов с людьми, позволяя себя фотографировать, преследовать, изучать на расстоянии. Не позволяли только одного: нападать. Все подобные случаи, происшедшие как за рубежом, так и в странах Содружества, кончались трагически: «охотники» взрывались в самолетах или пропадали без вести.

«Нет, НЛО не новое явление электромагнитного характера, — подумал Березин, — есть и такие гипотезы. Аппараты? Вероятно. Или мы все чего-то не видим за всеми странностями событий с ними?

Собственно, чего ради я остался сегодня в лаборатории? В сущность НЛО не проникнуть путем абстрактных рассуждений. Хотел поразить Ивлева сумасшедшей идеей? Хотя стоп! Не надо слишком глубоко уходить в самоанализ. Это полезно лишь в малых дозах».

Выключив компьютер совсем, Максим походил по лаборатории, трогая пальцем приборы, потом подошел к магнитофону и включил запись звуковых шумов, сопровождающих — редкий случай — полет НЛО.

Комнату заполнил тихий переливчатый свист, шорох, вздохи ветра и странные звуки, похожие на звонкую капель...

В понедельник он едва не опоздал на работу: сначала проспал, потом долго не ходили троллейбусы, потом вспомнилось, что ключ остался в двери — в общем, одно к одному. По дороге продолжал размышлять над словами Гаршина, который в отсутствие Ивлева высказался весьма определенно о результативности исследований отдела. Кое в чем он был прав, конечно, признался сам себе Березин. Отдел был невелик, и практический выход от их изысканий пока равнялся воробыиному носу. С институтом Хейнека или французским SLEPS (Общество по изучению космических явлений) сравнивать их еще нельзя, триста-четырееста человек и задачи решают помасштабней, и цели, наверное, у них посерьезней. Но ведь отдел только начал работать по НЛО, до этого в Академии наук никто не придавал особого значения проблеме, никто даже не воспринимал ее всерьез, не говоря уж о систематическом изучении. А за год с небольшим работы отдел собрал информации больше, чем инициаторы-одиночки и любительские группы за прошедшие полсотни лет! В стране создана сеть АСН — автоматических станций наблюдения за НЛО, — намного облегчившая сбор информации, а приданная отделу быстродействующая ЭВМ — ее обработку. И плюс ко всему работники отдела, как энтузиасты и великие оптимисты, закаленные перестройками общества, верили, что работа их полезна и перспективна, что когда-нибудь в коридорах Центра на них станут смотреть с благоговением и перестанут за глаза и в глаза называть «любителями посуды» и «тарелочными диссертантами» — НЛО до недавнего времени называли «летающими тарелками» и даже «летающими блюдами»...

Так что зря Владислав в субботу затеял этот разговор, подумал Березин. Или затеял его нарочно, дабы проверить крепость их моральных устоев? Он любит психологические эксперименты, недаром подруга у него преподает в университете социальную психологию.

Березин замедлил шаг, сворачивая на проспект Вернадского. Вспомнилось, что Ивлев обещал новую разработку — излучатель. Как он там говорил? Излучатель СВЧ-пакета... Это же Максимова область — квантовая электроника. Ивлев его потому и вытянул из Томского института сильноточной электроники, где он работал по распределению над создани-

ем приборов СВЧ-диапазона. Правда, Березин отлично понял Ивлева, отобравшего для работы в отделе незаурядных людей. Анна, например, работала раньше начальником лаборатории в объединении «Белэлектроника», то есть вообще в другой стране, имела ряд опубликованных работ по созданию больших интегральных микросхем. Гаршин до Центра работал в Физическом институте Академии наук, имел степень кандидата физико-математических наук. Кнежич тоже был кандидатом, только технических наук, как и Березин, но специалистом в области автоматизации производственных процессов. Лишь Рудаков был в их среде инженером без степени, зато Михаил принадлежал к людям, владевшим, кроме основной профессии — прибориста-ремонтника, — еще тысячей других, донельзя нужных в их деле. Кроме того, руки у него были действительно золотые.

Максим уже вбегал по ступенькам в здание Центра, когда прозвенел звонок, означающий начало рабочего дня. Знакомый вахтер (кибер-пропускная система то и дело ломалась) сочувственно покачал головой, и Максим, не задерживаясь в коридорах, проскочил в сектор отдела.

В лаборатории царил обычный порядок. Дима Шилов уже залез во внутренности искателя с ультразвуковой насадкой, Анна готовила к работе блок контроля АСН.

— Тебя уже вызывал шеф, — сказала она в ответ на его «доброе утро, леди и джентльмены». Березин немного сник, но, подумав, решил, что речь пойдет не о чувствительности искателя или доводке АСН. Ивлев не повторяет дважды ни распоряжения, ни пояснения. Скорее всего он даст новое задание, ведь говорил же он об излучателе не ради шутки.

В кабинете начальника уже сидел Кнежич и разглядывал вычерченную на ватмане схему. На Березина он не обратил внимания, а Ивлев, ответив на приветствие, кивком указал на стул и сказал:

— Вот вам задачка посложней, чем все прежние. Посмотри, потом обсудим и решим, кому ею заниматься. Критиковать схему не разрешаю, ибо она отмоделирована на компах АН.

Минут пять Березин разглядывал схему и все больше убеждался, что чертил ее гений. Или сумасшедший. А так как Максим был уверен, что разрабатывал ее уважаемый шеф, то

скорее стоило признаться в своей некомпетентности, нежели в его сумасшествии.

С первого взгляда, конечно, Березин смог разобраться лишь в общих закономерностях схемы, схемы излучателя, сердцем которого была многорезонаторная система, возбуждающая волны субмиллиметрового диапазона, и вот тут-то он совсем обалдел! Таких сложных систем ему видеть еще не приходилось. Излучатель должен был, по мысли разработчика, излучать сложнейшие пакеты высших гармоник электромагнитного поля в пикосекундных интервалах, да еще сфазированных неким определенным образом.

Нет, рассказывать о схеме — все равно что объяснять слепому, какой цвет имеет небо. Березину не хватило бы красноречия, чтобы описать ее красоту и стройность. Она была неотразимо логична, выразительна, и он уже видел за тонкими линиями чертежа сам аппарат!

Наверное, он выглядел достаточно ошеломленным, как и Кнежич, впрочем, потому что Ивлев засмеялся, свернул лист ватмана в рулон и убрал в шкаф.

— По лицам вижу, что вам не терпится узнать — что, зачем и откуда? Итак, первое — что. Максиму сия область ближе, он уже работал с СВЧ-приборами. Это генератор ультразвуковых частот магнетронного типа, шкалу волн вы видели на схеме. Теперь — зачем. Хочу проверить оригинальную гипотезу, по которой НЛО движутся в создаваемых ими зонах с иным течением времени. Владислав уже схватился за эту мысль и строит свою теорию. Ну а начнет, наверное, Максим.

— Извини, — сказал Березин сдержанно, — тут и сомнений быть не может, но у меня возник вопрос: мы что — будем облучать НЛО? Что это нам даст?

— Это уже целых два вопроса. — Ивлев сощурил вспыхнувшие глаза, ставшие вдруг янтарными. — Как известно, НЛО не реагируют ни на радиозапросы, ни на лазерный луч, ни на ухищрения нашего уважаемого Павла Францевича, — Кнежич страдальчески вздохнул, — перебравшего массу вариантов связи. А вдруг они нас просто не слышат?

— Угу, — промычал Березин, стараясь не встречаться взглядом с Ивлевым. — А СВЧ-крик этого излучателя, стало быть, услышат?

— Утверждать не берусь, но будем надеяться.

Березин был разочарован до того, что перестал следить за своим лицом, и Ивлев, очевидно, понял, о чем он думает. Начальник улыбнулся:

— Не заглядывая в далекое будущее, Максим, кто знает, на что станут реагировать НЛО. А излучатель не прост, изготовить его сложно, просчитать рабочие параметры будет нелегко. Я даже думаю, что одним нам не справиться.

Оптимизма это Березину не прибавило, но зато он понял, что Ивлев на них надеется, в частности на него, и Максим не хотел убивать в начальнике эту надежду. К тому же ему показалось, что Ивлев в чем-то неискренен, чего-то недоговаривает, и хотя анализировать разговор он не стал, все же мысль надолго запала в душу. Осталась маленькая надежда, что в ходе работы над излучателем Березин сам разберется в его особенностях, и тогда станет понятным то, о чем умолчал Ивлев. А может быть, он сам хотел, чтобы Максим разобрался во всем без подсказки? Ведь он видел, что Березин остался недоволен его объяснением цели создания излучателя. В самом деле, зачем разрабатывать столь сложный аппарат для связи с НЛО? Если бы они захотели, они бы сами связались с людьми гораздо более простым и доступным способом. Что может быть, например, проще радиосвязи? Или, наконец, звуковой? А излучатель... уж не *воздействовать* ли на НЛО собирался Ивлев? Хотя, с другой стороны, мощность будущего аппарата не столь велика, чтобы воздействовать, а с третьей — кто его знает. Сбить их пытались, ничего не вышло, вот и все воздействия. Единственно, за что можно зацепиться, так это за самостоятельные крушения НЛО. Отчего они произошли, что им сопутствовало? Может, и Ивлев исходил из этого? Кстати, не забыть бы спросить, разобрались ли химики с теми осколками, которые им предоставили очевидцы крушения НЛО в качестве остатков разбитой «тарелки»?

Березин уже давно ушел из кабинета и работал в лаборатории, удивляя Анну рассеянностью и глухотой, а взбудораженное «серое вещество» все продолжало вить цепочку размышлений, добавляя все больше звеньев фантазии, и в конце концов он понял, отчего люди становятся шизофрениками — от

чересчур развитой фантазии, берушей верх над реальностью. Если он не перестанет... и все же не может быть, чтобы в его рассуждениях не было рационального зерна.

В этот день он так и не смог заняться излучателем, хотя Ивлев сам занес ему рулон со схемой. Сначала Рудаков показал всем кадры, снятые им под Красноярском на метеостанции, и Березин не мог не признать, что ему да и всем им невероятно повезло! Снимки были отличные, особенно последние — падение НЛО на метеостанцию, и даже Ивлев, редко высказывавшийся о качестве их работы, сказал, что это редкая удача, когда исключительность события соединяется с подготовленностью специалиста. Рудаков был, наверное, польщен, хотя и остался невозмутим, как Будда.

Группе Гаршина прибавилось работы, и Владислав ушел, унося все привезенное Михаилом — фотоснимки, пленку, записи приборов.

Чтобы удостовериться, что заснятые ими объекты относятся к категории неопознанных, Тихонов (это его обязанность) соединился с воинскими частями округа, а также с научными центрами Красноярского края и получил подтверждение того, что объекты не связаны ни с одним из упомянутых учреждений. Кроме того, пост воздушного наблюдения под Балахтой прислал отчет, из которого следовало, что аппаратура поста зафиксировала примерно в это же время удаляющиеся тела, похожие по параметрам на сфотографированные Рудаковым. Ошибки быть не могло: Михаил и Губаренко оказались свидетелями появления неопознанных летающих объектов в классическом виде.

После ухода Гаршина Березин с сотрудниками у себя в лаборатории подолгу рассматривали заинтересовавшие их кадры, пока сам Рудаков не убрал проектор и не отобрал слайды. Дубликаты они все же себе оставили.

Потом Анна с Димой принялись за сборку искателя, похожего на рупор старинного громкоговорителя, а Максим налег на доводку сердца автоматической станции наблюдения — блока питания. Продумывая варианты тестов, он вспоминал, как три месяца назад отдел начинал создавать искатель. К тому времени они уже достаточно хорошо разобрались в спек-

тре излучения НЛО, чтобы приняться за разработку фиксирующего излучения прибора. О том, что НЛО являются источниками электромагнитного излучения определенных частот, догадывались и до них: при появлении «тарелок» часто нарушалась радиосвязь, происходили утечки электроэнергии на линиях высокого напряжения, останавливались на дорогах автомашины — все разом, будто у них одновременно отказывали свечи зажигания, переставали работать навигационные приборы морских кораблей, отказывала электронная аппаратура самолетов; но только эксперты отдела после непосредственных измерений сумели определить диапазоны частот и прочие характеристики излучения и принялись за прибор обнаружения — искатель. Прибор нужен был портативный: современные радиолокаторы, к сожалению, в чемодан не спрячешь, а для них, экспертов, это было крайне желательно.

— Искатель тем более необходим, — сказал тогда Ивлев, — что существуют невидимые глазу НЛО, «призраки», о которых мы не знаем почти ничего, кроме факта их обнаружения радаром. В довершение всего и видимые НЛО видны относительно очень короткое время...

К концу дня лаборатория добилась кое-каких успехов. Березин опробовал блок питания станции и нашел, что он работает в пределах нормы, Анна с Димой закончили проверку искателя и запихнули его в корпус.

— Молодец, — сказала Анна Диме, устало снимая халат и улыбаясь своей удивительной улыбкой, за которую Березин пошел бы на костер, лишь бы она предназначалась ему. — Из тебя будет толк и еще маленькая толкучка, как говорит Миша Рудаков.

Дима слегка покраснел, поймав взгляд Максима, и серьезно ответил:

— Спасибо. На сегодня все, Максим Тарасович?

— Все, — сказал Березин. — Претензий не имею.

Дима ушел, не забыв вежливо попрощаться, а Анна направила на Березина раструб искателя и шутливо пригрозила:

— Кончай работу, Макс, и сдавайся в плен. Теперь я с помощью техники запросто могу запеленговать шумы твоего нагретого мозга.

— Лучше бы ты направила его под сердце, — полушутливо-полуугрюмо сказал Березин. — Своим искрением оно забивает все шумы мозга. Хотя это-то можно видеть и без прибора.

Березиным вдруг овладела безумная смелость то ли из-за усталости, то ли оттого, что они впервые остались одни в лаборатории, что создало иллюзию близости.

— Я сегодня обнаружил у себя ужасную силу воли, — продолжал он, не глядя на медлившую уходить Анну. — В течение дня я тысячу раз сдерживал себя, чтобы не признаться тебе в любви.

— И не выдержал все-таки, — улыбнулась Анна, приняв шутливый тон. — Не торопи события, Макс, не все так просто, как ты себе представляешь. — Глаза девушки стали печальными.

«Пошутил, называется, — подумал Березин, — испортил человеку настроение, идиот. Как будто Анна не поняла, что я не шутил. Хотя в каждой шутке есть доля шутки. И шутил ли я, вот вопрос? Но что она хотела сказать этим «не торопи события»? Что у меня есть шанс? Или я не ухватил настоящего смысла фразы? Черт!.. Вряд ли удастся изменить ситуацию, разбить наш почти классический треугольник. В чем же дело? Почему Ивлеву не замечает заинтересованности Анны? Ведь стоит ему сказать ей одно слово: «Пойдем», — и Анна пойдет за ним на край света. И это будет только справедливо, не более того, потому что они, говоря литературным штампом, созданы друг для друга».

Березин вздохнул. Он каждый день с тоской наблюдал, какими глазами смотрит на Ивлева Анна, оценивая каждое его движение, каждое слово.

— Не вешай носа, Макс, — сказала Анна на пороге. — Ты сегодня в разговоре упомянул графа Монте-Кристо; так вот, если помнишь, у него был девиз. Вспомнил? До завтра. Не забудь выключить питание и закрыть лабораторию, милый мой начальник группы.

И она ушла. А Березин остался сидеть с таким ощущением, будто в лоб ему с ходу загнали топор. И не от слов «милый мой»... А оттого, что девиз у графа Монте-Кристо был... всего два слова: «Ждать и надеяться». Ждать и... надеяться! Бог ты

мой! Что она хотела этим сказать?! Что он может надеяться на ее любовь? Невероятно! Как же тогда объяснить ее интерес к Ивлеву?..

Вечером к нему зашел сосед, полковник в отставке Сергей Филиппович Рудый. Сухой, поджарый, коричневый от загара — словно только с побережья Крыма, он казался лет на двадцать моложе своих шестидесяти семи. Разговаривать с ним было истинное удовольствие, но в этот вечер настроение у Березина наличествовало паршивое и выглядел он, наверное, не слишком приветливым.

— Здорово, — сказал, входя, как всегда без звонка и стука, Рудый. Одет он был в роскошный халат с крокодилами и лианами — умопомрачительный тропический пейзаж, в руке газета. — Читал? В Атлантике взорвался и затонул голландский танкер «Йоханнесбург». Более сотни тысяч тонн нефти разлилось по воде! Каково?!

— Представляю, — вяло произнес Березин. — Интересно, кому он ее вез? Украине, что ли? Ее президент до сих пор ищет нефть в Днепровских порогах. Садись, Филиппыч!

Рудый хмыкнул, бросил газету на стол и сел в кресло, выбирая, как всегда, самое уютное — мамино.

— Ни черта ты не представляешь. Это же бедствие почище некоторых вулканов! Эх, аукнется это нам когда-нибудь... Кстати, ты честно скажи, твои... эти... ненаблюдаемые объекты...

— Неопознанные, — улыбнулся Березин. — Неопознанные летающие объекты — НЛО. Не издевайся, Филиппыч.

— Все одно. Не они ли виноваты? А то здесь пишут, что летчики-спасатели вроде бы гонялись за какими-то шариками.

— Где? — Березин схватил газету и быстро пробежал глазами коротенькую заметку о катастрофе в океане и встрече спасательных самолетов с неизвестными светящимися телами, по форме близкими к шару.

— Убедился? — усмехнулся Рудый, наблюдая за ним. — Сколько мы книжек написали — очищайте природу, берегите, перестраивайте природу, сохраняйте моря и леса... Да разве в этом проблема? Проблема — как очистить и перестроить самого человека, чтобы он не пакостил, не губил эту самую

природу! Написать легко — сохраняйте, мол, — выполнять трудно. — Рудый махнул рукой и взъерошил ежиком редкую серебристую поросль на голове.

— Ну ты даешь, Филиппыч, — пробормотал Березин, включая телевизор. — Социолог прямо, ксенопсихолог... — И добавил, не подумав: — Тебя-то разве это касается?

Рудого вынесло из кресла, он энергично, но беззвучно произнес понятную фразу и, обернувшись на пороге, сказал:

— Лопух ты, Максим, ум у тебя крен в одну сторону дал — к технике, и ни хрена ты за нею не видишь. Думаешь, почему ты до сих пор не женился? Да потому, что в научный век и бабы поумнели, заметили в тебе слабинку — и все, считай, бо-быль... Думаешь, ежели я на пенсии, так мне и дела ни до чего нет? Шалишь, Тарасыч, я еще живой...

Дверь закрылась, и Березин остался сидеть, глядя за окно в сгущающиеся сумерки. Второй раз за этот день его бьют, и, кажется, за дело. Сидел он так довольно долго, думал о Рудом, продолжавшем жить и на заслуженном отдыхе не личными интересами, а интересами других людей, не потерявшем энергии и задора молодости, — Березин знал, что Рудый в соседней школе обучает младшеклассников рукопашному бою, является председателем отделения Общества охраны памятников, читает в городском лектории лекции по истории русского военного костюма; думал об Анне, их странных отношениях, полных намеков; об Ивлеве, о техническом прогрессе человечества, намного опередившем прогресс социальный, думал о себе, своем месте в отделе, о своих целях и неудачах... и наконец подвел итог невеселым своим размышлениям: первое — не надо создавать в себе культа хандры; второе — человек — средоточие звуков; третье — самое абсолютное в человеке — желудок! Что касается хандры, то прав Рудый — нехорошо, когда здоровый мужик выставляет напоказ свои переживания, хотя Березин в общем-то и старался не выставлять, ибо не переносил сочувствия. Что касается звуков, то и в этом Рудый справедлив: прежде чем сказать, надо подумать — истина хоть и избитая, но верная, ибо владеть языком — не одно и то же, что владеть собой. Ну а с третьим пунктом своих выводов Березин был согласен на все триста процентов, так как сформулировал его под давлением собственного желудка.

Пришлось идти на кухню и соображать ужин.

Виталька пришел в одиннадцать часов, странно задумчивый для своих двадцати студенческих лет. Березин лежал на диване, слушал «Драгонс» и листал подшивку журналов «Техника — молодежи» за тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Одновременно он продолжал размышлять над газетной заметкой о потонувшем танкере и появлении в том районе НЛО, что показывает явный интерес «тарелочек» к подобного рода явлениям.

— Не спишь? — пробурчал брат, включая воду в ванной.

— По-моему, нет. Ты чего хмурый? С Олей поссорился? Или сопромат завалил?

Виталий, не отвечая, скрылся в ванной. Через пятнадцать минут он пришел в комнату и, с яростным наслаждением растирая тело махровым полотенцем, произнес:

— Не люблю красивых женщин. История учит, что красивая женщина — это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

Сказав это, он ушел спать, а Березин, обалдев, смотрел ему вслед.

Жажда самовыражения... и неоправданные надежды... Вот вам и теория, господи преподаватели... сопромат, так сказать. Едва ли он сам придумал формулу, хотя парень он неглупый. Но теперь хоть ясно, что он снова поссорился с Олей. Ничего, помирятся, Оля не только красивая девочка, она еще и умница, довольно редкое сочетание полюсных качеств женщины. Им с братом просто повезло, что у Виталия есть Оля, а у Максима Анна. Правда, к Березину-старшему это относится более чем фигурально. Выключив магнитофон, Березин еще немного полежал и решил пойти к Рудому, помириться, а заодно поделиться плодами размышлений и новостями, ложился полковник всегда поздно.

КРИК В НОЧИ

В среду двадцать восьмого июня в Центр пришла телеграмма, утверждавшая, во-первых, что на Камчатке вновь заговорил вулкан Карымский; во-вторых, вулканологи, постоянно наблюдавшие за группой камчатских вулканов, видели

в районе Карымского странные летающие объекты, что подтверждают и радиолокационные посты восточного побережья полуострова.

Ивлев немедленно заказал телефонный разговор с Горноводском, под которым стоял базовый лагерь Петропавловского института вулканологии, и отправился оформлять командировки.

А через три часа с небольшим они уже мчались на аэровокзал: Ивлев, Анна, Максим Березин и Рудаков.

Для Рудакова срочная командировка никогда не была неожиданностью, хотя он и удивился, что в заурядную в общем-то поездку Ивлев посылает столько специалистов сразу; по его мнению, хватило бы и одного человека. Но вслух своих сомнений он высказывать не стал, всегда и во всем придерживаясь правила Леца: «Употребляйте все большее число слов во все меньших количествах».

При посадке в самолет Рудаков предложил было Анне помочь поднести саквояж, но встретил укоризненно-ревнивый взгляд Березина и вовремя прикусил язык. О чувствах Максима к девушке он знал давно, относился к ним с уважением и не без интереса следил за их отношениями, с виду деловитыми и ровными, как у всех. Ивлев, главный виновник создавшейся ситуации, строго держался нейтральной линии, линии полнейшего равнодушия, и это слегка забавляло Рудакова, считавшего, что начальник отдела просто выдерживает критерий хорошего руководителя, ибо Анна действительно была интересной женщиной.

В Петропавловск-Камчатский они прилетели в десять вечера по местному времени. За восемь часов полета Рудаков неплохо выпался и, выходя из салона «Ил-96», почувствовал себя отдохнувшим и полным сил.

В аэропорту Петропавловска Ивлев оставил их в транзитном зале и скрылся, посоветовав пока перекусить в буфете. На сей раз проблемой доставки и транспорта приходилось заниматься на месте, обычно же этим занимался Тихонов прямо из Центра.

Березин и Анна, оставив на попечение невозмутимого Рудакова сумки и аппаратуру, пошли искать буфет. Соседями Рудакова по скуке ожидания оказались молодые ребята, судя

по форме — спортсмены, и он заметил двоих из них, горящим взглядом проводивших Анну. Очень не понравились ему ни сами спортсмены, ни их кривые улыбки, и Рудаков решил не терять их из виду, собираясь при первом случае предупредить Максима. Тот не настолько горяч, чтобы затевать ссору, но уж если придется... От природы Березин был очень неплохо одарен физически, к тому же Рудаков знал, что Березин в свое время служил в десантных войсках, а это дает подготовку — будь здоров!

Спортсмены ушли куда-то, и мысли Рудакова свернули в иное русло.

Березин уверенно направился в конец зала, где, как он и ожидал, оказался буфет.

— Постоим? — спросил он, окидывая взглядом очередь, довольно длинную для столь позднего часа.

— А что нам остается? — пожалла плечиками Анна. — Как ты думаешь, мы увидим что-нибудь?

Березин понял, что она имела в виду НЛО.

— Вулкан мы увидим точно, — пообещал он, почти в открытую любуясь ею.

Одета она была несколько легкомысленно для командировки — в легкий сарафан, открывающий длинные стройные ноги, и в паутинку-кофточку. Высокая, смуглая... волна волос, перехваченная на затылке серебристой лентой, — красивее женщины Березин не знал и не хотел знать. За то, чтобы она всегда, вот так, как сейчас, стояла рядом, вплотную, касаясь плечом его плеча, Березин спокойно отдал бы всего себя, сразу или по капле, но без остатка. Жизнь его без этой женщины была бы пресной, серой, скучной, неудавшейся.

Анна заметила его взгляд и... не отодвинулась. Только легкая тень задумчивости легла на ее точеное лицо.

«В тебе одной
Все женщины Земли.
В тебе одной —
Глаза их, слезы, губы,
И нежность,
И рождения...
И сны», —

произнес Березин мысленно, надеясь произнести это когда-нибудь вслух. И тут он заметил двух подошедших молодых людей в спортивных куртках, бесцеремонно разглядывающих Анну.

— Девушка, — сказал один из них, черноволосый красавец с огненным взглядом. — Переходите в нашу компанию. Ребята мы веселые, с нами не соскучишься. Кстати, как вас зовут? О, можете не отвечать, вас зовут Грация, и вы — одна из трех богинь красоты.

Анна удостоила говорившего брезгливой гримасой — не навидела запах винного перегара даже в самом малом количестве — и отвернулась.

— Нас игнорируют, — сказал второй хрипловато. — И зря. Неужто мы такие страшные, а, Бибо?

— Они хотят есть, — сказал чернявый эрудит понимающим тоном. — У них легкое головокружение. Федя, обслужим девушку без очереди?

На Березина они не обращали никакого внимания, а такое подчеркнутое пренебрежение его всегда задевало, потому что не заметить «полтора метра плеч», как однажды выразился Гаршин, нельзя.

Чернявый оригинал попытался положить руку Анне на талию, и Березин вынужден был вмешаться. Он очень вежливо взял бойкого спортсмена за руку и мгновенным движением вывернул так, что тот присел, не имея возможности двинуться с места. Руку второго Березин поймал в движении тем же манером и повел их, в полуприседе, к выходу из зала, на ходу укоризненно приговаривая:

— Ребята вы веселые, спору нет, но если девушка не желает знакомиться, то усердствовать не надо, у нее уже есть провожатые, и в импорте она не нуждается.

Парни, видимо, почувствовали силу и профессиональную хватку провожатого и, хотя на них обратил внимание почти весь зал, бузу поднимать не стали, пообещав на прощание встретиться в другом месте.

— Напрасно ты с ними так, — покачала головой Анна, когда они съели по бутерброду и запили кофе. — Я и сама могу постоять за себя.

— Не напрасно, — хмуро возразил Березин. — Так быст-

рей и надежней. Если бы я начал их уговаривать... знаешь, слово за слово...

— А если бы они стали драться?

— Я бы их просто покалечил, — темнея, ответил Березин. — И так остановился на минимуме. Не выношу хамства, тем более...

Он замолчал и закашлялся, делая вид, что захлебнулся кофе.

— Извини.

Анна улыбнулась. Она все поняла, она, наверное, понимала Максима, даже когда он сам себя не понимал, и в душе Березина расцвело майское дерево. В душе он уже поклялся не говорить ничего лишнего. «Ждать и надеяться...» — вот теперь его девиз, и выбора нет.

Когда они вернулись к Рудакову, читавшему местную прессу, Березина неприятно поразило соседство недавних знакомых, но он сделал вид, что не заметил повышенного внимания с их стороны к своей персоне. Анна, перехватив его взгляд, взяла свою сумку и ушла переодеваться. Через десять минут она появилась в походном костюме: в джинсах и куртке, не потеряв, по мнению Березина, ни на йоту своей прелести.

Вернувшийся Ивлев коротко сообщил, что их ждет машина, мужчины подхватили вещи и поспешили вниз, к выходу из аэропорта.

— Шеф чем-то озабочен, — пробормотал Рудаков, перекидывая через плечо ремень кинокамеры.

Березин ничего такого не заметил, но у Михаила был верный глаз, и он ему поверил, хотя и не придавал словам особого значения.

Ивлев повел их через скверик, разбитый перед зданием аэропорта, в слабоосвещенное пространство автобусных остановок. Но не успели они пройти скверик, как в конце аллеи появились три тени, потом погода еще одна. Послышались смех и ругань. Все четверо стали поперек дороги, не пропуская группу экспертов. Шедший впереди Ивлев остановился и спросил не оборачиваясь:

— Кто это?

— Я не знаю, — виновато ответил Березин, ставя сумку на

землю. — Они не совсем вежливо познакомились с Анной... не все, вон те двое, в центре.

— Максим ни при чем, — быстро проговорила Анна. — Это я виновата. Давайте лучше вернемся, ребята.

Березин шагнул вперед.

— Игорь Тихонович, разреши, я с ними поговорю? Их ведь всего четверо.

— До поножовщины? — резко сказал Ивлев. — А ну, пошли все вместе, плотней, Анна в середине.

Они сдвинулись тесней и пошли прямо на озадаченных подобным приемом парней. Рудаков на всякий случай поудобней перехватил в правой руке ремень кинокамеры, а Березин вообще освободил левую руку, которой владел не хуже, чем правой. Но все обошлось, четверо молча расступились в стороны, и лишь спустя минуту в спины уходящим раздались смех и выкрики почувствовавших уверенность парней.

Березин споткнулся, оглядываясь, но Ивлев сказал: «Не останавливайся», — и он послушался, только зло буркнул:

— Вой шакалов.

— К сожалению, — вздохнул философски Рудаков, — переход высшего и даже среднего образования в культуру долг и мучителен, в чем мы убеждаемся на практике.

Анна засмеялась с видимым облегчением, а Ивлев вдруг проговорил странным тоном:

— Природа повторяется. Везде одно и то же: период роста цивилизации, действительно мучительный период, всегда сопровождается борьбой ума и добра с низостью и свинством. И не все цивилизации завершают социальную стадию эволюции...

Что он имел в виду, Березин не понял, да и занят был другим, но Анна посмотрела на Ивлева пристально и вопрошающе.

Вскоре они подошли к машине — военному «уазику», старшим в которой был хмурый лейтенант со значком специалиста второго класса на груди.

— Сейчас в часть, — пояснил Ивлев, рассаживая их в кабине, — а утром нас подбросят на вертолете прямо к базовому лагерю. Ну, а там посмотрим.

— А далеко ехать? — спросил Рудаков сонно.

— Сорок минут, — ответил лейтенант, с которого при виде Анны слетела вся его хмурость. — Около пятидесяти километров. Я думал, меня послали по меньшей мере за полковником... никак не ожидал штатских. Вы не по части техники, ребята? Не доработчики?

— Отчасти по части, — пробормотал Рудаков.

Лейтенант понял и больше не возобновлял разговора.

Ивлев, как нарочно, посадил Березина рядом с Анной. «Уазик» неимоверно трясло, Максиму пришлось придерживать Анну за плечи, и когда они доехали, с первого раза он этому не поверил.

Впереди в свете фар появилась решетка ворот со звездой, водитель посигналил, решетка скользнула вбок, и они въехали на территорию гарнизона.

Расквартировали их оперативно, и уже через полчаса, умывшись с дороги и попив чаю, они лежали на койках одной из пустовавших комнат офицерского общежития. Березин с удовольствием похрустел простынями, пожелал всем спокойной ночи, а в глазах уже плыла дремота, и сладко ныли мышцы ног...

— Единственное, что меня удивляет, — негромко сказал Рудаков и, сойдя с тропинки, с шумом повалился в высокую траву, — так это хорошая погода.

— Провидение за нас, — пробормотал Березин, оглядывая с голой вершины сопки простиравшуюся перед ними горную гряду. Карымский вулкан выделялся из нее столбом бурого дыма и глухим ворчанием. До него было километров пятнадцать, и Максим в который раз задал себе недоуменный вопрос: почему Ивлев выбрал место разбивки лагеря так далеко от вулкана? Да еще в другой стороне от лагеря вулканологов? — А тебя не удивляет, почему Игорь выбрал именно это место? Ни черта ведь не видать.

— А что тебе надо видеть? — лениво спросил из травы Рудаков.

— Нолики ведь наблюдали прямо над вулканом, а не здесь.

— И ты веришь, что мы тоже их встретим? По-моему, случай в Красноярске, когда мы с Губаренко буквально столкну-

лись с ними, настолько исключителен, что для повторной встречи необходим слишком большой набор случайностей.

Березин промолчал. Ивлев с Анной все еще находились у вулканологов, записывали показания очевидцев и решали еще какие-то проблемы, необходимые для дальнейшей совместной работы. Они отсутствовали уже четыре часа, и настроение у оставшихся, по крайней мере у Березина, портилось в геометрической прогрессии от каждой прошедшей минуты.

Иногда проснувшийся вулкан пыхкал особенно густым всплеском дыма, после чего скалы кругом начинали дрожать сильнее. Дрожь передавалась по телу к голове, и начинало казаться, что дрожит все, даже небо и солнце.

— Хотелось бы посмотреть вулкан поближе, — проворчал Березин. — Ни разу не видел извержения невооруженным глазом.

— Ты хорошо спал? — осведомился Рудаков, поднимаясь из травы, и из-под козырька ладони осмотрел горизонт. — Или тебя что-то беспокоит? Отсюда отлично все видно.

Он отмахнулся от комаров и снова лег.

— Спал-то я хорошо... — Березин вздохнул и присел рядом, подминая под себя метровые листья лопуха-белокопытника.

Ивлев поднял их в шесть утра, в семь они уже грузились в вертолет, а в полдень разбили лагерь на склоне одного из каменных утесов, окруженных хвойным редколесьем: пихтой, кедром, елью и даже тисом. Ивлев еще с воздуха высмотрел эту полуразрушенную временем скалу и отправил их с Рудаковым к ней сразу после выгрузки, так что они не успели полюбоваться типичным камчатским ландшафтом, наверстывая упущенное сейчас.

Июнь на Камчатке — пора цветения горицвета. Воздух был напоен терпкими ароматами вольнотравья, хотелось лечь на вершине кряжа, обдуваемой ветрами, смотреть в легкое летнее небо, вдыхать запахи, ни о чем не думать и испытывать блаженство, не омрачаемое никакими заботами, как в детстве. Тогда Березину было лет восемь... потом девять... и десять, когда вот таким же летним днем он со сверстниками выбегал в поле, падал в траву и подолгу смотрел в небо: синее, бездонное, влекущее... Как был тогда счастлив, понима-

ешь только сейчас, с опытом двадцати восьми лет за плечами; ведь это невероятное счастье — видеть мир через призму детского восприятия, впитывать покой, и тишину, и запахи древней земли и без оглядки верить в будущее, счастливое будущее...

Березин с завистью посмотрел на Рудакова, потом на сложенное у большого ребристого камня имущество и снова вздохнул.

- Палатку вечером будем ставить?
- Если бы еще не трясло... — невпопад ответил Рудаков.
- Чего?
- Земля дрожит, чувствуешь? Не уснешь.
- Так вулкан же...
- Вот и я говорю. И комары, черт бы их драл!

Березин пожал плечами и решительно направился к багажу.

Спустя час игрушечный на первый взгляд вертолет доставил Анну и тут же умчался обратно. Анна устало опустилась на валун, положив у ног свою сумку и кожух диктофона.

— Игорь остался, пожелал полетать над вулканом. Обещал быть к вечеру. А вы молодцы, палатку поставили.

— Это вот он, — кивнул раздетый по пояс Рудаков на Березина, натирая тело мазью от комаров. — Я преимущественно загорал и бил этих тварей. А шеф не говорил, чем нам дальше заниматься? Или и так понятно?

— Наверное, понятно, — улыбнулась Анна. — Максиму надо настроить искатель, а тебе киноаппарат. Ну, а мне все остальное.

Рудаков хмыкнул.

— Шефу, наверное, передали с «тарелок», что они прилетят специально для нас.

Анна переглянулась с Максимом.

— Миша, будь оптимистом до конца. Раз Ивлев велел готовиться, значит, обязательно что-то произойдет. Я есть хочу, мальчики, вы обедали? Ой, сколько здесь комаров! Миша, не мажь ты эту ядовитую гадость, у меня «Октадэт» есть.

— Понял? — сказал Березин, прихлопывая на плече очередную жертву. — Можешь не верить даже своим глазам — это тебе не поможет, потому что ты попал под колесо истории... которую делает господин Ивлев. Или, по-твоему, песимист — это звучит гордо?

— Пессимист — это хорошо информированный оптимист, — пробурчал Рудаков, забирая у Анны баллончик с репеллентом.

К вечеру они поставили еще одну палатку, для боящейся сырости аппаратуры. Рудаков испробовал кинокамеру на закате солнца, а Березин закончил настройку искателя. Комаров к вечеру слетелось столько, что репеллент уже не спасал, и Анна заставила мужчин зажечь можжевелевый костер, чтобы спастись от разъяренных аборигенов тайги в дыму. Проверив на всякий случай свой «компакт-автомат», Березин подошел к Ивлеву, стоявшему над обрывистым склоном кряжа, и некоторое время, как и тот, смотрел на солнце, раздувшееся до размеров воздушного шара, красное, просвечивающее сквозь мгlistую оранжевую полосу на горизонте. Эта картина — горы, недалекий громыхающий вулкан, почти безоблачное небо и алое солнце — создавала впечатление такого безграничного вольного простора, что могла заморозить и менее романтически настроенного человека, чем Березин, и он даже пожалел мельком, что в городе не увидишь таких красок, не ощутишь себя частью природы, не почувствуешь ее красоты и величия, а ведь в городе проходит большая часть жизни!.. Задумавшийся Березин машинально нашел глазами Анну — что она делает, почему не рядом? — и спохватился. У него был вопрос к Ивлеву.

— Игорь Тихонович, массы интересуются, не напрасен ли наш труд? НЛЮ ведь нельзя заказать по телефону, как такси. Почему ты уверен, что мы их тоже увидим?

Ивлев словно не расслышал, он даже головы к Березину не повернул — стоял и, прищурясь, смотрел на солнце. Стоял и смотрел, и лицо у него было как у слепого — кроткое и спокойное. Березин готов был уже повторить вопрос, но в последний момент струсил и продолжал стоять рядом дурак дураком, делая вид, что любит закатом.

В полночь по радиации Ивлеву передали, что радиолокационные посты засекли передвигающиеся тела в районе Сумаха. Направление движения — юго-запад.

— Сумах, — пробормотал Ивлев, водя карандашом по карте, освещаемой фонарем в руке Рудакова. — Около пятидеся-

ти километров. Удачно, они должны пройти мимо нас километрах в пяти-семи. Едва ли искатель потянет, но все же...

— Должен сработать, — заверил Березин из темноты.

— Вот бы один нолик кувырнулся, — произнес Рудаков мечтательно. — Из нас никто еще не был свидетелем крушения НЛО. Да и следы остались бы существенные.

Случайно в этот момент отсвет фонаря упал на лицо Ивлева, и Березин даже вздрогнул, заметив на нем совершенно не свойственное ему выражение. Мрачное? Нет. Враждебное, недоброе, зловещее? Нет, нет и нет. Ни одно определение не годилось, у Ивлева было *незнакомое* лицо, недобрым назвать его было нельзя. Длилось это мгновение, фонарь погас, и Ивлев сухо сказал:

— Ты прав, Михаил, это было бы очень любопытно.

«Ну и ну! — покачал головой Березин. — Вот тебе и зеркало души. Казалось, знаю все его жесты и мимику, а оказывается — не все...»

Минуты проходили в молчании, но ничего похожего на НЛО не наблюдалось. Далеко окрест разносилось ворчание вулкана, в его стороне иногда разгоралось облаком красное свечение и кто-то бросал на черную сажу склонов горсть оранжевых огоньков — вулкан выбрасывал из раскаленного нутра лапилли и вулканические бомбы.

По склонам скалы с треском и шуршанием скатывались от вибрации камни, и Березин между прочим подумал, что склоны довольно круты и не дай бог кому-нибудь подойти слишком близко к перегибу вершины и оступиться!

На небе появились облака, почти полностью скрывшие звездный узор. Похолодало.

Ивлев начал вызывать по рации лагерь вулканологов, как вдруг Анна, заставив всех вздрогнуть, воскликнула:

— Есть импульс!

— Где?! — прыгнул к ней Ивлев.

— Вот... только что был... вот еще.

Березин тоже подбежал к Анне, склонившейся над искателем. В фосфоресцирующем окошке пеленгатора дрожащая стрелочка металась между вторым и третьим делением и не могла успокоиться. Зеленый огонек индикатора поля горел теперь непрерывно.

В том секторе, на который указывала стрелка, по-прежнему было тихо, темно и спокойно. Кричала выпь, и от подножия приютившей их скалы доносился стук скатывающихся камней.

— Ничего не видать, — вполголоса сказал Березин. — Миша, ты что-нибудь видишь?

— Вопрос математически некорректен, — ответил верный себе Рудаков, — но я отвечу — ничего.

— Оно перемещается, — тихо сказала Анна. — Стрелка сдвинулась в соседний сектор.

— Вижу. Плохо, что мы не предусмотрели шкалу расстояний, поди разбери, где находятся сами объекты, а где прибор чувствует поле.

Березин ощутил легкий укол раскаяния — за искатель отвечал он, но сказать ничего не успел, — в следующую секунду застрекотала камера Рудакова.

— Вот они! — объявил Ивлев.

«Тарелок» было три: полупрозрачные диски с цепочками ярких звездочек по бокам. Летели они низко над скалами, иногда ныряя в провалы между ними. Размеры их было трудно определить, но Березину они показались величиной по крайней мере с грузовик.

Через минуту диски приблизились к людям на минимальное расстояние, около двухсот метров — везение колоссальное, если учесть, что люди не договаривались о встрече. Березин включил регистрирующую аппаратуру — все эти ЗЗУ, РМА¹, гравиметры, магнитодатчики, счетчик частиц — и принялся лихорадочно щелкать своим роскошным фотоаппаратом, забыв об окружающих. Он успел отснять и сменить две пленки, как вдруг совсем близко раздался гортанный, с металлическими модуляциями, странный до жути крик. Длился он несколько мгновений, не больше, заглушив бормотание вулкана и шорох осыпей, но Березина мороз продрал по коже — ничего подобного в жизни он не слышал!

Хотя за несколько часов бдения глаза и адаптировались к ночной тьме, но не настолько, чтобы отчетливо видеть друг

¹ ЗЗУ — звукозаписывающее устройство, РМА — радиометрическая аппаратура.

друга. Анну Березин отметил свечением шкалы искателя, Рудакова — по стрекотанию камеры, лишь Ивлев затерялся в темноте.

— Что там такое? — испуганно спросила Анна. — Кто кричал?

— Не я, — с неловким смешком отозвался Березин. — Миша, ты здесь? Где Ивлев? Игорь Тихонович!

— Игорь! — повторила Анна.

— Куда он мог задеваться, ведь только что стоял рядом.

— А вдруг свалился вниз? — подал голос Рудаков.

— Типун тебе на язык!

— Спокойно, — прозвучал неподалеку голос Ивлева. — Без паники, эксперты. Продолжайте наблюдение и съемку.

— Ничего себе — спокойно! — проворчал Березин, поднимая фотоаппарат. — Если здесь орут над ухом... по-динозаврьему.

— Потом обсудим... — начал было Ивлев и не закончил.

Скала под ними гулко треснула, слабо вскрикнула Анна, тут же один из замерших над лесом дисков полыхнул синим пламенем, словно в небе зажегся прожектор, и в этой длящейся несколько секунд вспышке Березин увидел, как часть скалы с Анной медленно кренится в пропасть, а сама Анна упала на колени, сиюсь дотянуться до обрыва. И еще Березин увидел за изломом каменного ребра приготовившегося к прыжку Ивлева.

Свет погас, но картина запечатлелась в мозгу Березина как на фотографии. Он сдавленно выкрикнул какое-то слово, и словно мощная пружина взметнула его над обрывом. Вторым прыжком он достиг того места, где за ширившейся трещиной видел Анну, в тот же миг снова полыхнула странная синяя молния, и в падении, роняя фотоаппарат в глубину разверзающегося провала, он успел схватить Анну за руку. Девушка сильно ударилась грудью о каменную стену провала, соскользнув, повисла на руке Березина, но он уже зацепился за бугристую поверхность обрыва и медленно вытащил Анну на его осыпающийся край.

С грохотом и гулом рухнула вниз отколовшаяся часть скалы, дохнув из глубины пылью и горячим каменным крошевом, вздрогнула земля.

В следующее мгновение рядом оказался Ивлев, сжал плечо Березина железными пальцами.

— Не пострадала?

— Ушиблась только, — дрожащим голосом ответил тот. — Ничего, пройдет. Ударилась удачно... — Он повернул голову и в мертвенном синем вспыхивающем свете увидел лицо Ивлева. Начальник отдела улыбался. И Березин, подсознательно уловив смысл улыбки, понял: Ивлев мог сам помочь Анне, реакция у него была отменная, и стоял он ближе, но... ждал, пока это сделает он, Березин. И если бы тот запоздал, Ивлев успел бы ее спасти!

НЛО исчезли после очередной вспышки, будто кто-то выключил иллюминацию, а Березин сидел возле Анны, не обращая внимания на тревожную суету Рудакова, держал ее за руку и ни о чем не думал — наступила реакция. Лишь пробормотал:

— Фотоаппарат жаль, уронил...

— Пустяки, — буркнул Рудаков, присаживаясь рядом на корточки. — Я тебе новый куплю. Ну, как она? Аня, слышишь?

— Все нормально, — слабым голосом проговорила Анна. — Спасибо, Максимушка...

— Дай ей что-нибудь успокаивающее, — негромко сказал Ивлев. — Лечи до конца, спаситель. Н-да, неудачно все это...

— Наоборот, удачно, — возразил Рудаков. — Все хорошо, что хорошо кончается.

— Я не о том, что хорошо кончается. Надо было выбирать место более безопасное.

Березин встал, взял Анну на руки и отнес в палатку. Рудаков посветил ему фонарем.

— Эх, был бы готов излучатель! — пробормотал Ивлев, провожая их взглядом.

— Кто же кричал все-таки? — спросил Рудаков, когда они свернули аппаратуру, перенесли палатки подальше от обрыва и приготовились ко сну. Ивлев перед этим связался с вулканологами и передал все, чему они были свидетелями, кроме случившегося с Анной.

— Может быть, птица, — задумчиво ответил Ивлев. — Сдается мне, слышал я уже где-то подобный крик, но где — хоть убей, не помню...

— Странно. И еще НЛО. Я перестаю верить теории вероятности: чтобы лично два раза повстречать «тарелку», зная прекрасно их нежелание встречаться... извините, это выше моего понимания.

— Я думала, ты уже привык, — усмехнулась Анна. — Чему ты, собственно, удивляешься? Наоборот, было бы удивительно не встречаться с неопознанными «столовыми наборами» после столь интенсивных поисков и массы затраченных средств.

— Вот именно, — сказал Ивлев с иронией. — Хороши эксперты, не видевшие ни разу предмета своей экспертизы!

Березин не вслушивался в разговор. Крик все еще отзывался в его ушах многократным эхом, совершенно невыносимый крик, в котором мало что было от голоса живого существа. Может, он раздался с прилетевших ноликов? Или все же земная природа не менее изобретательна и просто продемонстрировала свое умение быть таинственной даже в самое прозрачное время?.. А перед глазами падала в пропасть Анна... и вспыхивал косо летящий фиолетово-голубой диск... и улыбался мудрыми глазами Ивлев, и мелко-мелко дрожала земля, отзываясь на приглушенный рокот подземного огня...

ГАРШИН

Командированные приехали в среду, и Гаршин, в общих чертах знакомый с их приключениями, не рискнул расспрашивать странно задумчивых товарищей. К тому же он знал, что Ивлев непременно расскажет все на оперативке и во всех подробностях.

К этому времени работа по составлению частотных карт проявления неопознанных летающих объектов продвинулась вперед ощутимо, и Владислав по нескольку раз в день выводил карту на дисплей, отмечая новые точки наблюдений и уточняя общую картину. Линии с равной интенсивностью появлений НЛО он называл изоуфограммами и, наблюдая их причудливый узор на метровом поле дисплея, в который раз задумался над тем, что ему напоминает этот узор. Но не хватало малого — отправной точки для цепи ассоциаций, и Гаршин, с внутренней досадой на самого себя выключая компь-

ютер, подумал, что в последнее время он либо перенасытился математическими построениями, либо его фантазиям не хватает безумия, чтобы идея в конце концов оказалась плодотворной.

Свою гипотезу о временных скачках НЛО он уже почти заковал в цепь формул, но для проверки некоторых теоретических выкладок нужен был эксперимент, нужен был, во-первых, мощный ускоритель на триста-четырееста Гэв, ну, хотя бы обнинский; во-вторых, группа квалифицированных специалистов для подготовки и проведения эксперимента. А поскольку Гаршин знал, что программа экспериментов на любом ускорителе элементарных частиц составляется на три года вперед и соблюдается неукоснительно, то проверить правильность своей гипотезы инструментальным путем он в ближайшее время не мог, ну а чисто умозрительные построения редко оказываются верными.

— Что это ты в последнее время погрузился? — заботливо спросила Жанна Аркадьевна, когда Гаршин зашел в машинный зал, за перегородку пульта. — Уж не влюбился ли?

— Нечто в этом роде, — улыбнулся Гаршин. — Неужели заметно?

— Еще как! Кто же эта счастливица?

— Ее зовут — «Теория развития обратной временной волны в плотном гравитационном поле», — отшутился Владислав. — Лена, подберите, пожалуйста, фильмы, где запечатлен полет ноликов, и отдайте в лабораторию на размножение.

— Хорошо, Владислав Вартанович, — сказала Лена Лисовская. — Но едва ли они выполнят наш заказ быстро.

— Я помню, мы им уже давали когда-то подобный заказ, и они выполнили его за четыре дня. Если и на этот раз потребуются столько же времени, меня это устроит.

— А что новенького привезли ребята с Камчатки? — поинтересовалась Вероника Круглова. — Они все какие-то странные приехали, даже Миша Рудаков.

— В чем же его странность? — удивился Гаршин.

— На вопросы не отвечает...

Гаршин засмеялся одновременно с Жанной Аркадьевной.

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Думаю, на общей пя-

тиминутке нам обо всем сообщат. Кто у нас сегодня работает над картой?

— Герман. Он вышел покурить. Сказать ему, что он вам нужен?

— Не надо. Кстати, от химиков информация была?

Месяц назад из Башкортостана пришло любопытное сообщение от водителей механизированной колонны атомоходов о произошедшей на их глазах аварии с НЛО. Они разыскали и прислали в Центр несколько осколков якобы разбившейся «тарелки», и вот уже месяц химики центральной лаборатории бились над анализом осколков, но единственное, чего они добились за это время, — разложить материал осколков на элементы, так и не определив его комплексный состав. Сплавом этот материал назвать было нельзя, равно как и керамикой.

— Нового ничего нет, — виновато ответила Лисовская, словно от нее зависело поступление нужных документов.

— Ну хорошо.

Гаршин с минуту постоял у пульта, глядя на гудящие магнитные барабаны, перематывающие ленту, на мигание индикаторных панелей — машина решала очередную задачу, перемалывая в кристаллическом нутре лавину информации, — потом кивнул всем и вышел, чувствуя спиной взгляды подчиненных. И снова досада на самого себя, на свою заторможенность, беспричинную неудовлетворенность поднялась в душе дымной волной.

«Сходить к кому-нибудь поплакаться в жилетку? — подумал он, проходя мимо неплотно закрытой двери первой лаборатории, из-за которой как всегда доносились звуки музыки. — Но о чем плакать? У меня все есть: интересная работа, интересная проблема, интересная женщина, которая ждет моих звонков... У меня прекрасные товарищи по работе, не забывают и старые друзья в Цахкадзоре, меня любят мать и сестры... черт возьми, я же полностью счастливый человек! И все же чего-то мне не хватает. Чего мне не хватает? Риска мне не хватает, риска в работе... а может быть, просто перемены обстановки. Острых ощущений: погонь, смертельной опасности, поединков с врагами (не дай бог!) или с приро-

дой... Бред! Я же знаю, что я очень мягкий человек. Тогда в чем дело?»

Он задумался так глубоко, что чуть не столкнулся с Ивлевым, шагнувшим из двери в коридор.

— Извини, — сказал он, вымученно улыбаясь. — Затмение, понимаешь, нашло. Ощущаю дискомфорт, а причин не вижу.

— Червь сомнения грызет душу? — сказал Ивлев, окидывая Гаршина пронизательной желтизны взглядом. — Понимаю. Зайдем ко мне, есть разговор.

— Мы с Богаевым были в министерстве, — сказал Ивлев, по обыкновению полужакрыв глаза и застыв в кресле как статуя. — Решено развернуть исследования НЛО на уровне зарубежных организаций. К этой проблеме будут подключены не только российские институты и лаборатории Академии наук, но и научные центры Содружества. То есть от энтузиазма одиночных групп переходим к массовой атаке на непознанное.

— Что-то ты не в особом восторге, — пробормотал Гаршин, вслушиваясь в интонации голоса Ивлева.

Тот на миг сверкнул тигриными глазами.

— Отчего же, я вполне доволен. Дело не во мне. Американцы, несомненно, намерены в проблеме НЛО иметь практическую выгоду, причем не столько с научной точки зрения, сколь применения в военной промышленности. Слейтер признался, что они пытаются сбить НЛО с целью изучения материалов их оболочек и применения в военной технике.

— Я слышал. Говорят, эти материалы усиливают мощность двигателей самолетов и ракетных систем.

— Похоже на добротную научную спекуляцию. — Начальник отдела слегка поморщился. — Но для проверки таких гипотез нужны ученые другого профиля, химики, биологи, математики, а у нас до сих пор единственным теоретиком является некий кандидат физматнаук Гаршин Владислав Вартанович, фигура достаточно крупная, но... как говорят, один ум хорошо, а совсем ума нет — лучше. Нужна теоретическая база поведения НЛО, теория процессов, порождающих НЛО, теория энергообмена и движения... В общем, нужна глубокая теоретическая разработка проблем неопознанных летающих

объектов, с которой одному человеку справиться явно не по силам. Ты, конечно, знаешь, что нашими изысканиями интересуется не только Академия наук, но и Министерство обороны. В последнее время интерес этот приобретает материальную форму: нашему отделу теперь будет оказываться любая помощь, как людьми, так и техникой.

— А масштабы?

— От радаров до вертолетов и самолетов. В последней экспедиции мы уже убедились на деле.

— Мне нужен ускоритель. То есть не мне, а... для...

— Будет и ускоритель. Только, естественно, нужна хорошая аргументация. Она у тебя есть? Кстати, почему ты не спрашиваешь, что мы сделали, увидели, привезли?

— Сами, наверное, расскажете, — прищурился Гаршин.

Ивлев коротко рассмеялся.

— Хитришь. Хотя, конечно, расскажем. Ну, что у тебя с картой? Есть какая-то зависимость?

— Подбираем пока общее поле концентраций, но и на этом этапе вывод получается занятный: НЛО интересуют в первую очередь активные природные процессы типа извержений вулканов, лесных и торфяных пожаров, землетрясений и процессы, вызываемые человеком и сравнимые по мощи с природными: испытания ядерных устройств, старты космических кораблей, металлургические комплексы, горнодобывающие карьеры, военные маневры. Но больше всего — места загрязнения среды, самыми «горячими» из которых являются города, тепловые электростанции, химические и металлургические заводы, полигоны...

— Дымящие трубы! — сказал вдруг Ивлев со странной интонацией, заставив Гаршина вздрогнуть, до того это было неожиданно. — Сточные воды... вонь и дым... грязь и копоты! И это цивилизация?! Как можно не понимать того, что природу легче всего подчинить, повинаясь ей? Это ли не глупость космического масштаба?!

— Но ведь мы же боремся с загрязнениями, — с не свойственной ему робостью возразил оторопелый Гаршин. — От конгрессов и комиссий перешли к конкретным действиям. Есть даже профессия — инженер по охране среды.

— По охране, — улыбнулся Ивлев одними губами, глаза у

него стали ледяными. — Общество охраны природы от окружающей среды... Ты же умный человек, Владислав, оглянись. Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из которых губительны для жизни. Ведь то, что вы называете... мы называем промышленной цивилизацией, сможет просуществовать не дольше чем до середины следующего столетия! А что дальше?

— Да что с тобой, Игорь? — опомнился Гаршин, задавив в зародыше вспышку самого настоящего страха. — Ты о чем?

Ивлев погасил взгляд и грустно улыбнулся.

— Извини, Владислав, забыл, что мы не на лекции. Что касается моих слов... Понимаешь, я очень люблю эту... м-м... Землю, и мне больно глядеть на то, как люди ранят ее, мучают, пытаются, зная при всем при том, что нарушения экологической среды необратимы. Когда же они научатся оценивать свою деятельность космическими масштабами?

— Чего-то я не понимаю. — Гаршин наконец слегка перевел дух. Речь Ивлева поразила его куда больше, чем поразила бы сейчас любая «тарелка», появившись она здесь, в кабинете. — То есть я понимаю твои чувства и солидарен с ними, но почему ты в таком случае работаешь в Центре над проблемой НЛО, а не над...

Гаршин споткнулся на последнем слове, поняв, что допустил бестактность.

— Ну, ты пойми, я...

— Понимаю, — сказал начальник отдела. — Почему я не работаю ассенизатором, например, хотел ты спросить? И при чем здесь неопознанные летающие объекты? Да при том, что меня тоже интересует их загадочное тяготение к значным местам планеты, и я хотел бы знать, нет ли здесь ключа к решению многих проблем защиты нашей пресловутой среды обитания.

Они помолчали.

— Я вспомнил одно изречение, — сказал Гаршин, исподтишка наблюдая за внешне успокоившимся Ивлевым. Начальник отдела открылся ему совершенно с иной стороны, показав себя натурой загадочной и увлекающейся и, главное, имеющей цель в жизни. И какую цель! Хотя... может быть,

чего-то он, Гаршин, все-таки не понимает? — Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых.

Ивлев встал, распахнул окно, и в комнату ворвался порыв ветра, принесший с собой запахи горячей листвы, цветов и августовского асфальта.

Придя к себе, Гаршин полчаса сидел на столе, болтая ногами и тупо уставясь на футляр телефона. «Ушел в нирвану», — как сказал бы Рудаков. Думал о странном тоне слов Ивлева, слов, полных горечи и ненависти, произнесенных явно не для ошеломления собеседника или создания соответствующего впечатления. Нет, Ивлев был искренен, когда говорил свою обвинительную речь... хотя совершенно непонятно, что же послужило последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Что ж, не каждому дано мыслить глобально, масштабами космоса, как это ни грустно. Не каждому дано оценивать не только свои решения и поступки, но и решения и действия цивилизации. Это прерогатива мудрецов. К коим Владислав Гаршин пока не относится. И все же что-то здесь не так... такие разговоры ведутся не в среде исследователей, а скорее в среде социологов... и политиков. Что нашло на Ивлева?

Гаршин сидел на столе, смотрел на зуммерящий телефон и представлял перед собой земной шар, черный от массы человеческих тел, и остро захотелось ему вдруг еще раз поговорить с Ивлевым или поделиться с кем-то, кто бы его понял, а поняв, потрепал бы по плечу и сказал: выкинь эту блажь из головы, Владик. И сразу все стало бы на свои места. Ай, не стало бы, Владик, уже не стало бы. И чем же ты сам себе не угодил, чего копаешься в душе, как жук в навозе, и чего тебе не хватает, скажи на милость?

Он наконец снял трубку, но мембрана уже гудела гудками, и тогда он набрал номер и сказал:

— Герман, подготовь-ка дисплей к работе, и пусть Лена покопается в фильмофонде, нужна лента, снятая профессионалами...

Утром следующего за прибытием дня Ивлев устроил небольшую «пресс-конференцию» в отделе, пригласив Богаева и коллег по Центру из отдела физики атмосферы. Сначала он рассказал о результатах их удачной экспедиции на Камчатку, пересыпая рассказ точными и образными комментариями. Потом Рудаков показал увеличенные фотоснимки НЛО, киноплёнку он еще не успел обработать и этим, наверное, доставил Ивлеву неудовольствие, тот ожидал готового фильма.

Наконец, эксперты отдела ответили на все вопросы, касающиеся многих загадочных обстоятельств встречи с «тарелками», удовлетворив законное любопытство приглашенных, да и своих же сотрудников, и Ивлев проговорил:

— А теперь хочу от вас услышать то, ради чего и устроил сегодняшний разбор командировки. Прошу вас всех, невзирая на ранги, опыт и возраст, высказать свое мнение, мнение более компетентных, чем остальные, людей, о природе неопознанных летающих объектов. Мы работаем уже больше года, накоплен значительный материал, начата систематизация наших знаний, картографирование мест наиболее частого посещения НЛО районов и областей страны. Кроме того, мы знаем формы НЛО, манеру их поведения, сведения о сопутствующих явлениях и... и все. В дальнейшем нам следует придерживаться какой-то рабочей гипотезы; даже если она окажется ложной, принятие гипотезы даст нам централизацию усилий и координирование действий со многими институтами стран и республик Содружества. Мысль понятна? Начнем с... ну, скажем, с вас, Кнежич.

Кнежич от неожиданности схватился за бородку и начал ее жевать. Потом пожал плечами с некоторой растерянностью:

— Конечно, каждый из нас задумывался над этим вопросом, и не раз, но определенного мнения у меня, к сожалению, не сложилось. Некоторые гипотезы мне импонируют, например: НЛО — новое физическое явление, относящееся к атмосфере Земли, вернее, не новое, а неопознанное, неизученное. Вторая версия: НЛО — аппараты из антимира, время в котором течет в обратном направлении по сравнению с нашим.

— Ну, о первом вашем предположении, — улыбаясь, сказал гость из лаборатории физики атмосферы Савинский, — могу сразу сообщить, что она не соответствует действительности. Нет, я не отрицаю, что в атмосфере Земли могут происходить процессы, которых мы еще не изучили и даже, может быть, не наблюдали, но относить к ним НЛО — по крайней мере несерьезно.

— А могут ли «тарелки» быть оптическими галлюцинациями? — спросил угрюмый Герман. — Вызванными, скажем, неизвестным видом электромагнитного излучения?

— Не думаю, — не сразу ответил Савинский. — Но и более точно ответить не могу.

— Друзья, вы меня не поняли, — мягко произнес Ивлев. — Я просил вас лишь высказать свое мнение о природе неопознанных летающих объектов, а не обсуждать эту проблему. Что касается оптических галлюцинаций, то НЛО гораздо более материальны, чем оптические изображения, голографии. Американские космонавты наблюдали их даже на Луне, где нельзя сослаться на миражи и флуктуации воздуха. Итак, продолжим. Что это вы притихли, как на экзамене? Я оценок не ставлю, надо же когда-то разобраться, в какой стороне искать истину.

— Ну а все-таки, могут неопознанные летающие объекты быть неизвестным природным явлением? — робко проговорила Лена Лисовская, оглядываясь на Гаршина. — Разве мы уж так все и знаем о Земле?

— Сказать, что знаем все, — нельзя. — Ивлев подумал. — Но и отнести НЛО к неизвестным явлениям природы не годится по двум причинам: из-за неестественно богатого набора характеристик НЛО и, главное, из-за их целенаправленной деятельности. Вспомните — любое крупное событие в масштабах планеты не обходится без них. Но если раньше на такие события была способна лишь природа — вулканизм, цунами, землетрясения, пожары, падения метеоритов, — то сейчас их вполне воспроизводит человек.

— А я не согласен, — спокойно сказал тихий Дима Шилов. Березин с удивлением посмотрел на него. Вот уж не ожидал от тихони, каким он его знал давно, такой смелости. — У меня сложилось иное мнение. — Дима обвел собрав-

шихся сосредоточенным взглядом, и Березину показалось, что в его глазах мелькнула искорка иронии, когда он оглянулся на Максима: что, мол, начальник, не знаешь своих подчиненных? А они у тебя тоже мыслят, тоже кое-чем интересуются... — Как известно, запасы человеческого мозга не исследованы, хотя по некоторым данным колоссальны, то есть можно надеяться, что они огромны. Мое мнение: НЛО — это результат излучений мозга всех людей, выраженный в такой причудливой форме. Если хотите, НЛО — порождение человеческой фантазии, помноженное на неизвестные потенциалы психической энергии человека.

Дима сел. Все молча переваривали сказанное. Едва ли Шилов всерьез верил в свое предположение, но мысль его была по крайней мере оригинальна, а всякая оригинальная мысль требует обсуждения, и поэтому Березин удивился еще раз, когда Ивлев просто констатировал заявление Димы.

— Неплохо, — сказал он, едва заметно улыбнувшись, скорее самому себе. — Весьма оригинально. Думаю, в свое время мы вернемся к этой гипотезе, здесь есть о чем поразмышлять, единственный ее недостаток — она недоказуема. Итак, следующий?

— Зонды-роботы, посредники иной цивилизации, — буркнул Гаршин.

Березин еще вчера заметил странное настроение Владислава. Недоволен чем-то человек, а чем — не говорит. И сегодня он какой-то отсутствующий... Решает личную проблему?

— Есть еще одна интересная гипотеза, — вмешался Березин, припомнив майский визит американских уфологов. — Неопознанные летающие объекты — выходцы из будущего, аппараты наших сверхдалеких потомков, изучающих свою историю, и в частности, историю загрязнения биосферы Земли.

Ивлев изучающе посмотрел на Максима, словно тот сказал явную глупость, и произнес:

— В этом тоже что-то есть, гипотеза, по-моему, новая, не набившая оскомину.

Гаршин усмехнулся. Камень был в его огороде. Причастность НЛО к пришельцам доказывалась тысячекратно уже на протяжении полувека, естественно, гипотеза Владислава

о зондах-пришельцах была с бородой. Но... кто знает, может, она-то как раз и отражает истину? — подумал Березин.

— Разве гипотеза о пришельцах-роботах так уж неоригинальна? — вступилась за Владислава Анна. — Жизнь в космосе, вероятно, настолько редкое явление, что другая цивилизация наверняка найдет причины исследования нашей планеты. Ну, хотя бы затем, чтобы уяснить себе вопрос — почему разум на Земле развился именно у человека, а не у дельфинов, например, или у слонов.

— Согласен. — Ивлев остался серьезен. — Гипотеза тоже заслуживает внимания, а так как из всех известных и высказанных здесь она является и наиболее аргументированной, то, наверное, ее мы и будем придерживаться в дальнейшем. Ну а в этом случае нам, очевидно, придется осваивать новую профессию — контактеров, ибо специалистов по контактам с иными цивилизациями пока не существует ни у нас в стране, ни за рубежом. Пожалуй, на этом закончим.

— Можно еще мне? — поднялся забившийся по привычке в угол Тихоныч (Тихонов Иван Сергеевич, начальник группы технической подготовки). По роду своей деятельности в отделе он не касался проблем НЛО ни с какой стороны, но человеком был интересным, своеобразным и, несомненно, имел свое мнение о природе НЛО. — Я, конечно, не ученый, — продолжал хитрый Тихоныч, наморщив лоб. — Вам, конечно, видней, вы молодые, позаканчивали по два института... Но и мы кое-что почитываем на досуге. — О себе он говорил преимущественно во множественном числе. — Мы так полагаем, что неопознанные летающие тарелки — выходцы из соседнего измерения. Одновременно с нашей Землей существует бесконечное количество других Земель, в соседних измерениях; вот оттуда и лезут к нам нолики.

Тихоныч победоносно оглядел компанию и сел. Все выжидательно смотрели на задумчивого Ивлева, но, к общей неожиданности, ответил не он, а Гаршин:

— К сожалению, о реальности всех этих измерений, параллельных пространств и тому подобного можно говорить лишь в чисто математическом смысле. Параллельный мир — красиво, не спорю, но едва ли жизненно.

В наступившей тишине особенно четко прозвучали слова Рудакова:

— И срубили ему буйну голову с правой стороны наискось...

Смеялись все, даже угрюмый Герман позволил себе улыбнуться.

— Чья идея, Тихоныч? — смеясь, спросил Кнежич. — Признавайся.

— Сына, — ответил смущенный оборотом дела Тихоныч. Смех перешел в хохот.

— Ну что ж, — проговорил спустя несколько минут повеселевший Ивлев. — Спасибо всем. Выделяю нестандартные идеи Березина и Шилова, хотя высказаны они, судя по изложению, скорее в порядке фантазирования, а не зрелого размышления.

Березин на всякий случай сделал скорбное лицо, но, встретившись взглядом с Димой, не удержался, подмигнул.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда у меня все.

— Единственное, над чем стоит подумать, — сказал Максиму в коридоре Гаршин, — так это зачем пришельцам — ведь мы приняли пока НЛО за аппараты пришельцев — изучать точные ямы нашей планеты?

— Но они появляются и над городами.

— А города-то, дорогой мой, как раз и являются самыми крупными язвами на теле планеты. Не все, конечно... Ты вот можешь мне сказать, в чем главная ценность природы?

Березин задумался.

— Не можешь. Главная ценность природы — она сама, ибо замены ей нет и не будет.

Гаршин ушел к себе, а Березин, бесцельно глядя рукой шершавую стену коридора, вспомнил вдруг стремительное падение призрачного диска НЛО, синие вспышки света, жуткий зев расползающейся по скале трещины... и ему вдруг показалось, что знает он ответ на главный вопрос дня — что такое НЛО! Однако это знание длилось мгновение, мелькнуло и ушло, оставив в душе отзвук неясной тревоги и сожаления.

Трое суток они безвылазно сидели в лаборатории, чертили, пересчитывали топологические соотношения схемы, пая-

ли, монтировали и собирали макет пресловутого излучателя, разуверившись к концу работы не только в его работоспособности, но и вообще в его надобности. И все же к концу недели имели более или менее действующую модель излучателя, и присутствующий на испытаниях Ивлев молча пожал руки всем троице: Анне, Диме Шилову и Березину. Говорить он ничего не стал, но каким-то удивительным образом сумел передать и удовлетворение, и одобрение, и благодарность.

— Теперь очередь за опытно-промышленным образцом, — сказал он, глядя на неказистое с виду творение, представляющее собой невообразимое сплетение проводов, печатных плат, модулей, резонаторов и генераторов СВЧ-колебаний. — Да, с виду он невзрачен, но главное — работает, а красивым и удобным мы его сделаем. Эскизы, думаю, вы разработаете быстро, ну а изготовлением первого образца заниматься будет Томский институт сильноточной электроники. Вопрос финансирования этой работы улажен.

— А кто поедет в Томск? — стараясь казаться равнодушным, спросил Березин.

Ивлев усмехнулся.

— Поедете всей группой и еще Кнежич с вами. Работы много, а времени очень мало. Думаю, ты не будешь возражать?

Максим отрицательно покачал головой. Кто же откажется поехать в город, в котором прошли его студенческие годы плюс два года работы?

Эскизы прибора они сделали за два дня. Потом собирались в командировку день и уехали в Томск только в воскресенье. Это была обычная рабочая командировка, их никто не провожал и не давал напутствий.

В Томске пробыли недолго, чуть больше двух недель. Работали до одурения, хотя основную работу выполняли, конечно, мощные лаборатории института. Зато домой они привезли уже готовый излучатель. Второй экземпляр должны были изготовить и выслать в Центр через месяц.

В среду третьего сентября они устроили небольшой торжественный «прием» по случаю удачно завершенной работы. Излучатель лежал на монтажном столе, похожий на пулемет с

решетчатым диском по центру дула, сверкающий хромовым покрытием, красивый и воздушный, как декоративная игрушка.

— Последний крик дизайна, — с иронией сказал Гаршин, издали разглядывая излучатель.

— Не нравится — не ешь, — обиделся Березин.

— Красиво, ничего не скажешь, но будет ли полезен?

— Не беспокойся, будет, — отрезал Максим, хотя в душе был далеко не уверен. Попытки связи с НЛО проводились и раньше: французами, американцами, да и работниками отдела дважды, но ни радиозапросы, ни лазерный луч, ни звуковые передачи не помогли достичь успеха. Кто даст гарантию, что их излучатель СВЧ — именно тот аппарат, который позволит наконец добиться долгожданного контакта с НЛО?

— Я никак не уразумею, чем нам поможет излучатель? — сказал в пространство невозмутимый Рудаков. В белой рубашке, брюках и белых туфлях выглядел он парусом, и единственное, чего ему не хватало для полного сходства, — это флага над головой.

— Излучатель нужен для преодоления «шумового» барьера НЛО, — терпеливо разъяснил Березин. — Наши любимые нолики излучают так, что забивают все диапазоны помехами, а излучатель генерирует поток электромагнитных волн, практически не боящийся помех.

— Спасибо за пояснения. — Рудаков церемонно поклонился в его сторону, скорее всего без всякой задней мысли. — Но без эксперимента в реальных условиях все это слова.

— Миша прав, — сказала Анна, сидевшая на диване тихая и задумчивая. — Мальчики, мы решили только половину задачи. Для питания излучателя нужен по крайней мере движок. Есть у нас портативный движок? Генератор? Чтобы умещался в чемодане?

Их унылое молчание, подчеркнутое смешком Гаршина, разрядил Ивлев. Выслушав соображения по поводу энергопитания, он пообещал достать МГД-генератор в Физическом институте. Каким образом он собирался доставать его, никто не знал, но слов на ветер Ивлев не бросал.

В тот же день они провели повторные лабораторные испытания излучателя, еще раз убеждаясь в его работоспособности. Теперь оставалось применить его в деле, хотя Березин

не представлял себе, как это можно было сделать. Поставить излучатель где-то на будке автоматической станции наблюдения? Но НЛО могли в той местности не появиться совсем. Ждать «личной» встречи с ноликами? Но где? Нельзя же надеяться на случай, тем более что им везло уже дважды.

Недоумение «главного конструктора» отдела рассеял Ивлев. Однажды в середине дня, когда Максим с Анной помогали Гаршину разбираться в рулонах записей, поступивших с автоматических станций Крайнего Севера, он явился в машинный зал и изрек:

— Собирайтесь. Срочно выезжаем. Анна, Максим и... Максим, тебе нужен кто-нибудь в помощь?

— В принципе... разве что Миша Рудаков, — осторожно сказал Березин, подумав, что перетаскивать снаряжение одному — удовольствие не из приятных. — Или он занят другим делом?

— Пусть будет Рудаков. Заканчивайте с машиной и собирайтесь.

— А я? — напомнил о себе Гаршин, хмуро разглядывая испачканные графитом руки. — Можно и я поеду? Может, снизойдет озарение... а то я закопался в математике и ни шагу с места.

— И ты, — подумав, великодушно решил Ивлев. — Теоретик нам необходим. Но учти, работать придется больше носильщиком, амбалом.

— Грузчик с кандидатским стажем, — хихикнул Березин тихонько.

— Куда летим? — с любопытством спросила Анна, глядя на Ивлева снизу вверх.

— Куда? — переспросил Ивлев. — В Приморский край, под Уссурийск. О транспорте я уже позаботился.

ПОИСК ЦЕЛИ

В Приморье они улетели без Ивлева. Его по каким-то делам вызвали в министерство, и, разъяснив всем их задачи, он отбыл с Богаевым в неизвестном направлении.

До Хабаровска летели на комфортабельном «Ил-76». Пробыв в аэропорту три часа, эксперты Центра взяли билеты на

«Як-60», до Уссурийска. А при посадке в самолет произошел беспрецедентный случай: Рудаков, сказав перед самым отлетом, что отлучится на минуту, не пришел даже после вызова по громкоговорителю и остался в Хабаровске; рейс из-за оставшего пассажира, естественно, не отменили.

Билет Рудакова Гаршин оставил сопровождающей, чтобы та передала его и деньги на еще один билет товарищу. Настроение группы упало, и до Уссурийска они летели в молчании, каждый со своими мыслями.

Березин попытался угадать, по какой причине мог опоздать педантичный Михаил, человек точный и пунктуальный во всех отношениях, и остановился наконец на несчастном случае, подумав, что кому-то из них надо было бы остаться и разыскать Рудакова. Делиться выводами он, понятное дело, ни с кем не стал, было уже поздно, но, переглянувшись однажды с Анной, понял, что и она думает примерно о том же.

В Уссурийске Гаршин предложил позвонить в аэропорт Хабаровска и выяснить, что с Рудаковым. Признав идею хорошей, ему же и доверили ее реализацию. Но пока он навел справки и звонил, на транспортном «Ане» прилетел Рудаков, несколько смущенный оборотом дела.

— Ну и связи у тебя! — пробормотал Березин, пожимая ему руку с облегчением. — Собственный самолет! Быстро ты нас догнал. Там тебя Владислав по телефону ищет, иди обрадуй его. Что, кстати, случилось?

— Часы подвели, — сказал Рудаков, ни на кого не глядя. — Извините, братцы, так уж получилось...

По мнению Березина, Михаил чего-то недоговаривал, но колушаться в этой истории не хотелось, тем более что Рудаков чувствовал свою вину и заметно переживал. Инцидент был исчерпан, все повеселели, и комплект аппаратуры, с которой они уже порядком намучились, перестал казаться чересчур громоздким и тяжелым.

На автовокзале Уссурийска, до которого добирались на попутном «МАЗе», как и говорил Ивлев, их ожидали двое ребят из местного управления грузового транспорта. Они ждали второй день, просидели вчера до ночи, утром же пришли опять. Березина это не то чтобы удивило, но заставило призадуматься. Чтобы двое людей, имеющих свой план работы, го-

няли лодыря два дня, ожидая неведомо кого и неведомо зачем, — в этом чувствовалось влияние Ивлева, его умение доказать необходимость данного ожидания и его забота о своих подчиненных. Такое случалось не в первый раз, но Березина до сих пор поражала та готовность, с которой приходили им на помощь абсолютно посторонние и, главное, очень занятые люди, и он каждый раз чувствовал себя виноватым, словно отрывал людей от работы ради пустяков. Нет, он не считал, что работники отдела занимаются пустяками, но люди, которые им помогали, своим трудом создавали реальные ценности, они же лишь изучали возможности созидания таких ценностей в будущем, а что из этого получится — не знали.

Погрузив вещи в микроавтобус, который подогнали водители, эксперты Центра расселись по свободным сиденьям сами, и вскоре поплыла перед ними, разворачиваясь спиралью, синеватая лента дороги.

Уставшая Анна положила голову Березину на плечо и уснула, а он, боясь шелохнуться, почти весь путь до места просидел в одной позе, не обращая внимания на затекшие руку и плечо.

Вот уже второй раз они ехали рядом, и, хотя после того памятного разговора, когда Анна предложила «ждать и надеяться», и даже после ее спасения на скалах Камчатки, Березин ни одним намеком не давал ей понять, что считает ее чем-то обязанной ему, хотя отношения между ними остались внешне прежними, дружескими, не более, — надежда в душе росла. Миша Рудаков как-то сказал, что пессимист — это хорошо информированный оптимист. Во всех делах, требующих трезвого расчета, Березин старался быть пессимистом, но к Анне... тут уж он хотел быть только оптимистом, тем более что Ивлев, кажется, склонен был поддерживать в нем этот дух.

Бежали перед глазами другие дороги, пройденные им, десятки и сотни дорог, одинаковых лишь ощущением новизны и перемен; волосы Анны щекотали шею и щеку, Березин пил ее тихое дыхание и биение сердца, теплота ее тела была невообразимо приятна, и приходилось сдерживать себя, чтобы не нагнуться и не целовать ее в губы, не нарушить ее сна.

Сзади переговаривались Гаршин и Рудаков, причем оба часто смеялись, то ли рассказывали друг другу анекдоты, то

ли случаи из студенческой жизни. Пел о чем-то водитель. Но Березина все это не трогало — на плече у него спала Анна...

В поселок со звучным, но немного странным названием Крутые Стежки они приехали во второй половине дня. И только выйдя из машины, ощутили, насколько здесь жарко. Седьмой день сентября встретил их совершенно по-летнему: зноем и безветрием.

Окруженные ребяташками, наперебой предлагавшими свои услуги, они проследовали к одноэтажному зданию поселкового шерифа, возле которого стояли две грузовые автомашины и мотоцикл. В здании Гаршин, принявший на себя командование, задержался недолго. Вскоре вспотевшие от жары и тяжестей мужчины погрузили имущество группы в одну из машин, и веснушчатый паренек-шофер, пытаясь разговаривать Рудакова, авторитетным тоном поведал им историю пролетевшей здесь года три назад «летающей тарелки». Оживившийся Рудаков задал ему несколько вопросов, и тут выяснилось, что в поселке есть еще свидетели пролета НЛО, хотя «веры им нету, поскоку Грибаниха известная по всему хозяйству артистка» — по словам паренька. Что он хотел сказать, неизвестно, только, устроившись в малюсенькой гостинице поселка под названием «Дом приезжих», эксперты решили порасспросить очевидцев, прекрасно зная, что к новостям подобного рода мало кто относится серьезно.

Очевидцами оказались муж и жена Грибановы, рабочие одного из фермерских хозяйств. Обоим было под шестьдесят, но жена Грибанова выглядела лет на пятнадцать моложе, да и побойчей была, чем сам Грибанов, который в течение всего разговора только улыбался с виноватым лицом да кивал, когда жена обращалась к нему. И Березин понял, почему мальчишка-шофер назвал ее «артисткой»: рассказывая, Грибанова изображала всех действующих лиц не без актерского таланта.

Рассказ записали, чтобы потом на досуге прослушать еще раз и восстановить более или менее точную картину происшествия. Оказывается, в тот день почтенные супруги возвращались из соседнего поселка Сосновцы, в четырех километрах от Крутых Стежек. Шли тропинкой, обходя терриконы местной угольной шахты, кругом сопки, малоотличимые от

мелкопесочника Красноярского края и сопок Камчатки, разве что зарослями багульника, облепихи и живодера. В то время уже стемнело, но было еще достаточно светло, да и луна горбатилась над терриконами...

— Как раз мы по-над проволокой шли, — говорила раскрасневшаяся Грибаниха, наслаждаясь неожиданной властью над благодарными слушателями. — Недалеко совсем, в балке за терриконами, там и дорога асфальтовая с города...

— Шоссе на Уссурийск, — вставил муж, тут же смутившись.

— Не перебивай! И вдруг... — Грибанова всплеснула руками. — За проволокой из-под земли свет пошел! Старик мой кричит — ложись! Мы на землю — мало ли что, зона-то военная, не дай бог взорвется! Упали это мы, а свет вроде как от прожектора, столбом вверх и плывет, значит, будто прожектор летит тоже вверх. А из чего этот прожектор светит, не видно. Потом уж разглядели — черное что-то там, не поймешь что. Свет вскоре померк, но при луне далеко видать, вроде вспыхнуло там в небе, высоко... да. И все. Ага, и звякало еще что-то. А потом понаехало военных, на вертолетах, на машинах... Мы, значит, со стариком быстрее домой.

— Военные сразу после этого приехали? — быстро спросил Рудаков.

— Ну да, на транспортерах, что ли... и вертолеты еще. Мы даже убраться оттуда не успели.

— И вы им ничего не рассказывали?

— Так никто и не спрашивал, — пробормотал Грибанов. — Известное дело, старуха-то в бок ширяет — бегим до дому, ну и пошли от греха подальше.

Все рассмеялись.

— Ну, спасибо вам, — поднялся Гаршин. — Нам это очень важно, спасибо.

— Не за что, приходите еще, если надо.

— Спасибо, — еще раз сказала Анна, закрывая магнитофон. — Вы покажете нам то место?

— Конечно, конечно, — засуетился хозяин. — Тут недалеко, вона терриконы, видите?

И они пошли, сопровождаемые стайкой мальцов и соседями Грибановых — новость облетела уже полсела.

За два дня, в течение которых они ждали Ивлева, гадая, зачем он командировал четверых в обычный, казалось бы, информационный поиск; выясняли в ближайшей воинской части, к хозяйству которой относилась обнесенная проволокой территория возле шахты, был ли кто-нибудь из служащих части на этой территории в указанное время; а также съездили к радиолокационному посту наблюдения за погодой, узнать, нет ли у работников поста необычных наблюдений, — все четверо успели загореть так, как не загорали даже летом и в отпуске. Гаршин вообще обуглился, будучи смуглым от природы. Березин с Анной побронзовели, а Рудаков сжег спину и маялся потом в рубашке, ожидая, что кожа вот-вот начнет слезать с него чехлом.

Анна отрегулировала искатель, а заодно и всю записывающую звуко- и радиоаппаратуру. Березин пересмотрел схему излучателя, хотя «вылизать» ее в этих условиях не было возможности. Затем он принялся за монтаж и установку АСН, двадцать седьмую по счету в их учетном журнале.

«Все же интересно, — думал он, занимаясь настройкой, — что у нас получится? Излучатель ведь — конкретный аппарат с очень узкой направленностью, а для связи с НЛО необходимо что-то универсальное, как лазер, например... Впрочем, пробовали и лазер, и радио, и многое другое. Может, и прав Ивлев, СВЧ-диапазон еще не использовали».

В последнее время у Березина создалось впечатление, что Ивлев знает, какого эффекта следует ждать от излучателя. Но тогда непонятно, почему же он медлил до сих пор, не спешил с его разработкой? Надеялся на «обычные» методы связи? Или много времени ушло собственно на разработку схемы, она и впрямь-таки сложна? Искатель в свое время они создали потому, что не имели портативного и одновременно мощного локатора, размером где-нибудь с чемодан, чтобы удобно было его перевозить и использовать в любое время и в любом месте. Но для сегодняшнего дня техники создать такой локатор, к сожалению, невозможно. Искатель проще, он всего-навсего регистрирует известное излучение, не нуждаясь в мощных источниках питания. Иное дело — излучатель, для него нужен источник питания мощностью около десяти ки-

ловатт, и хотя Ивлев и обещал достать генератор, но не успел, поэтому излучатель, выходит, они волокли в такую даль зря.

Березин поделился сомнениями с Анной.

— Обещал — привезет, — коротко ответила Анна, и он ощутил укол ревности. Ивлев был далеко, но ближе, чем все остальные. Парадокс, которого не разрешить с помощью физики, математики и логики.

Вечером третьего дня их томительного отдыха Березин и Рудаков завершили установку автоматической станции наблюдения на вершине одной из сопок рядом с шахтой. Осталось подсоединить все приборы к компьютеру управления и подвести питание, но эту операцию решили уже отложить до утра.

Горбы сопек сужали горизонт, с запада набегала гряда не слишком симпатичных облаков, поднимающаяся луна напоминала прожектор, светящий в тумане. Березин подумал, что, вероятно, близится перемена погоды и что дождь внес бы хоть какое-то внешнее разнообразие: злей бы работалось.

Гаршин поговорил по рации с локаторщиками, но там за прошедшие сутки ничего подозрительного не отмечали и вежливо дали понять, что беспокоить их не надо, сами позвонят, если что-либо обнаружат.

— Мы им надоели хуже горькой редьки, — вздохнул Рудаков. — Прозорливость шефа, конечно, велика, но я лично сомневаюсь в удаче экспедиции на этот раз. Мы и так за лето выработали ресурс везения на десять лет вперед. Не думаете же вы в самом деле, что «тарелочки» кругом кишмя кишат и ждут не дождутся попасть в объективы наших кинокамер?

— Что толку от твоих рассуждений? — буркнул Березин, вытирая руки о траву. — Вот установим АСН, приедет Игорь, объяснит ситуацию, и ты первый с ним согласишься.

— И все же, — упрямо гнул свое Рудаков, — неопознанные летающие объекты очень редко появляются над одним и тем же местом с точностью в координатах до сотни метров. А ведь именно так с нами и было под Красноярском, на Камчатке... Разве это не везение? Не слишком ли милостива к нам фортуна?

— Собственно, что ты хочешь сказать? — Гаршин подоз-

рительно посмотрел на спокойное лицо товарища. — В чем сомневаешься?

— Да так... — стушевался тот, нагибаясь за чемоданчиком с инструментом. — Размышляю вслух.

— Сомневайся во всем, — сказал Березин насмешливо, — и потомки поставят тебе памятник. Все наши знания в области НЛО, по существу, сводятся лишь к тому, что нолики существуют. Впрочем, я с недавнего времени тоже сомневаюсь.

— Знания — это сомнения, оставшиеся неопровергнутыми, — изрек Рудаков. Переждав недолгий смех, он закинул на плечо ремень кинокамеры — своего второго «я», подхватил чемоданчик и, не торопясь, пошел к узкой асфальтовой ленте дороги, ныряющей в огороженную проволокой зону. — Не задерживайтесь, а то Анна беспокоиться будет.

— Ладно, ладно, — пробормотал Гаршин, свертывая рацию и глядя в спину Михаила. — Что-то странный он сегодня, а, Максим? Более разговорчивый, чем обычно... Что-нибудь случилось?

— А кто из нас интересовался его личной жизнью? Человек исправно ходит на работу, не болеет, всегда сдержан и так невозмутим, что, кажется, трагедий у него в жизни быть не может. А почему не может? Ведь он тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Ты вот сегодня впервые заметил, а я еще в мае, на Камчатке...

— И молчал.

— Ну а что бы я сказал? Скорее всего он заболел... или устал. Ты тоже в последнее время ходил, как курильщик марихуаны. Скажешь, нет?

— Во мне умирал лирик, — проворчал Гаршин. — Знаешь что, психолог, давай оставим этот разговор. Не ко времени и не по желанию. Пошли домой.

— Пошли, — согласился, вздохнув, Березин. — Приглашу Анну полюбоваться далью с сопки. С какой посоветуешь?

— С террикона, — усмехнулся Владислав. — Ты еще надеешься на успех?

— То есть?

— По-моему, скоро пойдет дождь.

— Дождь — мелочь. Ты на что намекаешь, физик-математик?

— Я говорю прямо. — Гаршин начал спускаться с сопки.

Березин внимательно посмотрел на далекие лиловатые полосы облачной гряды, помеченные угасающим днем, и в душе у него шевельнулось предчувствие неведомого события.

«ВАНТАРАЙЯ»

Ивлев прилетел глубокой ночью.

Разбудил Березина рокот мотора. Выскочив из комнаты, он увидел в стороне дороги конус света и габаритные огни вертолета. Мотор рыкнул еще несколько раз и замолк.

Сзади послышался голос Гаршина:

— Прилетел, ангел наш. Ну и реакция у тебя, Макс!

— А что такое? — спросил невидимый Рудаков от дома.

— Он спал, как медведь в берлоге, а я нет, и все равно он выскочил первым.

— Ну уж... — пробормотал Березин, хотя, если признаться, похвала была приятна.

— Что случилось, ребята? — Распахнувшаяся дверь вылила на землю сноп света, и в золотистом ореоле появилась тонкая фигурка Анны.

— Шеф прилетел, — сказал Гаршин. — Пошли, что ли?

Ивлев привез обещанный генератор — метровый цилиндр весом в центнер, а то и больше. Вертолет он не отпустил — поразительна была власть этого человека, — и летчик, молодой симпатичный мужик, сраженный красотой Анны, остался с ними.

— Спать сегодня не придется, — сказал Ивлев после обмена новостями. — Максим, Михаил, опробуйте генератор, погоняйте на разных режимах и подключите к нему излучатель. Ты, Владислав, свяжись с радиолокационным постом.

— А не пошлют они меня?..

— Пошлют — придешь обратно. Анна, готовь всю метрическую аппаратуру, а главное — искатель. Жаль, что не подключили к сети станцию, дополнительная подстраховка не помешала бы.

Березин виновато опустил голову: своевременный монтаж АСН лежал на его совести. Ивлев, как ему показалось, пребывал в дурном расположении духа. Разговаривал скупой, был

рассеян и однажды даже спросил, какое сегодня число. Причины его столь необычного поведения никто не знал, но к Максиму вновь пришло ощущение надвигавшихся событий, и, как оказалось, он не ошибся.

Работать пришлось у вертолета, в свете его прожекторов. В первую очередь они запустили генератор, потом подключили к нему излучатель, а заодно и все приборы Анны, нуждавшиеся в электроэнергии. Генератор «тянул» прекрасно, и Березин с Рудаковым обменялись одобрительными замечаниями. Излучатель тоже работал, но для настоящей проверки нужен был хотя бы один мало-мальски видимый нолик, и они, чтобы не жечь зря ядерное топливо генератора, выключили аппаратуру.

Было уже около трех часов ночи. Облака полностью заволокли небосвод, ветер стих, совсем как перед грозой. Темнота обступила их бивуак со всех сторон, лишь над территорией шахты небо слегка розовело от электрического сияния. Пахло пожухлой травой да ивовой корой. Ивлев чего-то ожидал, посматривая на часы, его нетерпение передалось экспертам и заставило их волноваться и быть в напряжении, словно перед экзаменом.

В три часа ровно зуммер рации оборвал наконец цепь ожидания, и время полетело испуганным оленем, разом подчинив чувства и действия единому ритму...

Пост РЛС засек движущиеся предметы, не идентифицирующиеся ни с одним из классов летательных аппаратов и птиц, в полутора километрах от небольшого городка Мальцево, то есть в восьми километрах от шахты. А так как для военных наука наукой, а служба — службой, экспертов предупредили, что некоторые воинские части подняты по тревоге.

Двигались НЛО — если, конечно, это были именно они, а не какой-нибудь каприз природы или человека — в сторону Уссурийского шоссе и, по идее, должны были пролететь чуть ли не над территорией шахты. Ивлев, без особых усилий (!) взгромоздив на плечи цилиндр генератора, коротко приказал:

— Действуем. Вертолет подогнать на вершину сопки, к АСН. Михаил, покажи дорогу пилоту.

Миновав шоссе, они остановились. Ивлев выслушал по рации информацию о перемещениях «призраков», подумал

и, вернувшись на асфальт, повернул в сторону терриконов, к огороженной проволокой зоне.

Пошел мелкий дождь. Предусмотрительная Анна набросила на плечи прозрачную накидку и превратилась в свете фонарей в елочную игрушку. Куртка Березина быстро намокла и потяжелела, но снимать ее он не стал: дождь был холодным.

У закрытых ворот зоны остановились, на проволочной их сетке висел «кирпич» и белый прямоугольник с надписью: «Запретная зона! Не входить. Не въезжать». За воротами стояла полосатая будочка, по всей видимости пустая. Но в свете фонаря Березин заметил у будочки черный столбик, отбросивший странный блик, и догадался, что вдоль проволочной ограды зоны проведена охранный лазерно-фотоэлементная линия. Прогресс, ничего не скажешь! Что же здесь так строго охраняется?

— Что там у них? — угрюмо поинтересовался Гаршин, обшарив шпагой света ближайшие заросли и будочку.

— А бог их знает! — отозвался Ивлев. — Зациклились на секретности. Может быть, прячут что-то... от общественности.

Фырча мотором, в полсотне метров от них на шоссе тяжело сел вертолет. Через минуту подошел Рудаков с готовой к съемке кинокамерой. Березин улыбнулся — невозможно было представить Михаила без камеры или хотя бы без фотоаппарата.

Ивлев установил цилиндр генератора на попа, подключил к нему излучатель — все очень быстро, даже, как бы это сказать, нервно, что было далеко не в его характере. Анна поглядывала на него с какой-то настороженностью и держалась в стороне. Рудаков безмолвно помогал. Березин взялся было за рупор искателя, но Ивлев отобрал, пощелкал переключателями и отдал Анне.

Гаршин куда-то запропал, у Березина голова пошла кругом от непонятной лихорадочной поспешности Ивлева, от общей атмосферы ожидания чего-то удивительного, если не страшного.

— Владислав, — позвал Ивлев, перекрывая кряхтенье вертолетного двигателя.

Гаршин отозвался откуда-то из-за кустов, сообщив, что стоит под деревом, где вполне сухо. Анна пошла на его дрожащий голос, исчезла в темноте. Ивлев глянул ей в спину, сухие губы его тронула странная усмешка.

— С соседней сопки обзор был бы лучше, — сказал вдруг Рудаков, отвечая, очевидно, собственным мыслям.

С четверть часа они просто всматривались в небо, прислушиваясь к отрывистым переговорам Ивлева по рации. А потом Рудаков почему-то шепотом произнес:

— Есть сигнал!

Ивлев метнулся к нему, загородил свет фонаря спиной.

— Они где-то близко. Погасите фонари, — обратился он к ним.

Наступила полная темнота. Шелестел по асфальту, траве и листьям деревьев дождь, захлопало — кто-то переступил с ноги на ногу, угодив в лужу.

— Кто-нибудь их видит? — резко спросил Ивлев. — Они должны быть совсем близко.

— Ничего, — отозвался Гаршин.

— А куда смотреть-то? — раздался спокойный голос Рудакова.

Березин невольно фыркнул, хотя и сам толком не знал, куда именно надо смотреть и что искать.

Клацнул тумблер — Ивлев возился с излучателем. Они по-прежнему ничего не видели, но Гаршин вдруг сказал вполголоса:

— По-моему, они прошли над нами...

Снова послышался шелчок переключателя, Ивлев шепотом выругался:

— Черт! — И приказал: — Максим, хватай излучатель и к машине, быстро!

В первое мгновение Березин не сообразил, какую машину имел в виду начальник отдела, потом озарило — вертолет! Неужели он хочет догнать невидимые НЛО на вертолете? Пустая затея. Если их не могли догнать сверхскоростные истребители-перехватчики...

Тем не менее Березин подхватил увесистый холодный футляр излучателя и побежал к вертолету, оскальзываясь на мокрой траве. Упал он всего раз и то удачно — мягким ме-

стом, фонарь помогал относительно. К его удивлению, Ивлев был уже там и втаскивал в кабину цилиндр генератора, что-то быстро втолковывая пилоту.

«Вот это фокус — обогнать в темноте с сотней килограммов за плечами! — подумал ошеломленный Березин. — Ну и сила, братцы вы мои!»

Выхватив у Максима из рук излучатель, Ивлев махнул рукой.

— Захвати искатель.

Березин повернулся и в свете зажженных фар увидел подбегавших Анну и Рудакова. Гаршин где-то отстал со своей рацией.

Зарокотал в рабочем режиме двигатель, лопасти винта нехотя тронулись с места, пахнуло ветром. Вертолет был двухместный, с багажным отделением и полностью застекленной кабиной. С одной стороны в ней сидел пилот, с другой влез Ивлев, руки его были заняты приборами.

— Не справишься один, — сказал Березин быстро. — Нужен помощник.

Ивлев колебался секунду.

— Давай!

Пилот было запротестовал, но Березин уже втискивался на сиденье к Ивлеву, потеснив его вплотную к пилоту, и, напрыгавшись до хруста в костях, захлопнул дверцу.

— Они идут на юг, на высоте ста восьмидесяти метров! — успел прокричать вдогонку Гаршин, выбежавший с рацией на дорогу. Догадался позвонить локаторщикам, молодчина!

Березин поискал глазами Анну с рацией у губ (откуда у нее рация?), с трудом помахал рукой, и они взлетели.

Пока Березин в ужасной тесноте, темноте и тряске возился, подключая к генератору излучатель, пилот взял курс на юг, в сторону пролетевших «призраков», а Ивлев вытянул вперед, вплотную к лобовому стеклу, искатель, определяя точное расположение невидимых до сих пор НЛО.

— Охота на невидимок, — пробормотал Максим, чувствуя прилив крови к щекам от натуги. — Поди туда, не знаю куда, лови того, не знаю кого.

— Включил? — перебил его Ивлев. От тона его голоса на Березина явственно повеяло холодом.

Он наконец подсоединил разъемы и шелкнул переключателем.

— Готово.

Генератор и в холостом режиме, и в нагруженном работал совершенно бесшумно, однако Березину показалось, что он загудел и завибрировал почти в инфразвуке. Не руками, а каким-то десятым чувством ощутил эксперт его вибрацию. Этот странный суматошный вечер, гонка с настройкой аппаратуры, появление НЛО и, наконец, погоня за ними — зачем все это? Ради контакта? Без всякой подготовки, имеется в виду — серьезной научной подготовки, без определенной цели, взяли и помчались... Что даст излучатель? И если НЛО — в действительности пришельцы, что эксперты скажут им? Да и поймут ли они людей? И вообще — заметят ли? Почему Ивлев так уверен в правильности своих действий?

Березин так перегрузился недоуменными вопросами, возникающими в мозгу с поразительной быстротой, что решил высказать их Ивлеву после приземления. В душе он уже уверовал в то, что ничего у них не получится.

— Левее, — быстро сказал Ивлев. — Еще... чуть вверх... так и держи, я их чувю.

Пилот послушно поворачивал штурвалом и, казалось, мало был озабочен тем, что несутся они в полной темноте, в дождь, да еще всего в двух десятках метров от сплошного лесного массива, в любую минуту рискуя врезаться в склон сопки или в какое-нибудь особенно высокое дерево.

— Еще левее!

— Мы кружимся на месте, — отозвался пилот. — Вон справа терриконы, я заметил. Пошли на второй круг.

Как это он умудряется ориентироваться в такой тьме?

Березин вдруг словно вылез из воды: гул двигателя, попискивание сидений, еще какие-то звуки волной обрушились на барабанные перепонки! И среди этого шума он услышал бормотание Ивлева:

— Неужели сменился шифр?.. Не может быть, парадоксы ведь исключаются... Изменился параметр выхода?.. Нет, проникатели сами иногда выпадают из поля, и тогда — крушение... редчайший случай, что я остался жив... Не хватает мощности излучателя?.. Нет, я просто не попадаю... попробу-

ем левее... вот так... а теперь так. Сколько же я гонялся за вами, хроновики чертовы! Столько усилий и — напрасно? Ну нет, без меня вам сегодня не уйти! Прошу прощения за жестокую меру, но иначе я не выйду на вас... на живых. Роботы не остановятся, даже если один из них и погибнет. Потому-то они и видимы... да... Но вы...

Березин не понял смысла ни одной фразы.

Ивлев, забывшись, разговаривал сам с собой, причем то на русском, то на какой-то смеси русского и других языков, отвечая только своим мыслям, и в интонациях его голоса было столько волнения, неуверенности и гнева, что у Максима язык прилип к гортани, пресекая попытку задать вопрос.

— Нас запрашивают пограничники, — прокричал пилот, показывая на наушники. — Они вылетают на своих машинах, а нам приказывают сесть... О! Это не пограничники... контр-разведка!

— Вверх, вверх! — прорычал Ивлев, и в следующее мгновение впереди них, чуть выше по курсу, неяркая фиолетовая вспышка разорвала мрак надвое. Следом за ней мелькнула еще одна вспышка — синяя, потом голубая, и пошло по спектральной гамме: зеленая, желтая, оранжевая, красная... Вспышки словно представляли собой трассу падения какого-то тела, и Березин понял, что НЛО «выпал из поля» — по терминологии Ивлева, — стал вдруг видимым и терпит аварию.

Излучатель! — мелькнула догадка. Вот для чего Игорю нужен был излучатель! Не для связи — для выдачи сигнала «я свой»! Или для дистанционного включения автоматики выхода из невидимости... что сопровождается аварийной ситуацией.

Березин с невольным страхом посмотрел сбоку на лицо Ивлева, выдергиваемое из темноты цветными вспышками. Кто же он?! Но в этот миг небывалый огонь стек с небес на землю, осветил лесную стену и склоны сопки на многие километры вокруг. Жутко накренилось летящее навстречу поле, взревел двигатель и тут же заглох. Мягкая, но властная сила перевернула Максима вниз головой... Толчок, еще один, удар и...

Опомнившись, он обнаружил, что вертолет лежит на боку

с разбитым вдребезги колпаком кабины, а Ивлева рядом нет. Нет и приборов — излучателя, генератора, искателя... Мгновенно ожив, Березин рванулся вверх, забыв о пилоте, шевелившемся под ним, и выскочил из кабины.

Небо над ними продолжало светиться, правда, тусклее, чем раньше, но все же в несколько раз ярче северного сияния. А всего в ста метрах от вертолета, заканчивая громадную вспаханную борозду, воткнулась в близкое шоссе немыслимая стреловидная ажурная конструкция, передняя часть которой была смята страшным ударом о землю; все склоны борозды были усеяны блестящими полосами, решетками и клейкими на вид нитями.

Ивлева Березин увидел не сразу, когда уже подбегал к месту падения НЛО — в том, что упал именно тот самый, пойманный радаром объект, он не сомневался. Игорь стоял в метре от выпуклого решетчатого бока упавшего аппарата и, согнувшись, казалось, рассматривал что-то в одном из его отверстий. Потом протянул вперед руку, коснулся дырчатой стенки, и... его не стало! Исчез!

Березин потряс головой, зажмурил глаза, открыл — Ивлев не появился. От аппарата не доносилось ни звука, только шелест дождя о его металлическую, судя по звуку, обшивку. Сколько Максим простоял в оцепенении, решая, что же делать, неизвестно, а когда наконец решился приблизиться к светящемуся феномену и позвать Ивлева, услышал топот. Из леса по шоссе бежали люди. Гаршин, Рудаков, Анна... и еще человек пять в одинаковых мокрых плащах, с оружием в руках. С оружием?!

Березин снова зажмурился, открыл глаза, но люди с автоматами не исчезли. Что-то кричала Анна... Что она говорит?..

— Максим, уходи! Отойди от нее! Быстрее!

Зачем? Что это означает? Кто эти люди? И почему Анна их не боится? Она с ними?.. С ними?!

Березин вдруг понял, вспомнив возглас пилота: контрразведка! Это были работники Федеральной службы контрразведки. Но при чем тут Анна?..

Березин перевел взгляд на светящееся тело неведомой машины и вовремя, его даже оторопь взяла: рядом с ней невысоко над землей стала вдруг проявляться такая же штуковина.

Проявлялась она долго, секунд десять, Анна успела подбежать к Максиму и повела его, сопротивляющегося, прочь.

— Успокойся, Максим, все в порядке. Мы здесь уже не нужны.

— Кто эти люди?

— По-моему, ты уже догадался.

— Контрразведчики? А ты?..

— Я тоже кроме всего прочего работаю в контрразведке. Увы, это так. Презираешь?

Березин, потрясенный, смотрел на нее во все глаза. Однако действие не закончилось, и его потрясение не было главным. Как зачарованный, он перевел взгляд на метаморфозы НЛО. Анна увела его недалеко, на полсотни метров от чужих, явно неземных машин, поэтому видно все было достаточно отчетливо, со всеми деталями.

Прилетели еще три вертолета, высадив десант спецназа в голубых беретах, оцепивший НЛО. Рычали собаки, раздавались голоса людей и команды командиров подразделений, Гаршин и Рудаков снимали и снимали всю эту картину, а Березин стоял рядом с Анной и смотрел, уже догадываясь, что произойдет.

Светящийся белесый «призрак» наконец полностью проявился, что-то звонко тренькнуло, на траву из днища аппарата упал сноп белого света, и на мокрую траву прыгнули трое... обыкновенных мужчин, одинаково хмурых, можно сказать даже угрюмых и озабоченных. Не придавая значения оцеплению и нацеленному на них оружию, они молча и деловито занялись осмотром упавшей машины, не отвечая на обращения к ним в мегафон руководителей прибывших спецчастей. Вскрыли «тарелку» в нескольких местах, потом исчезли внутри таким же манером, что и Ивлев перед этим. Стрелять по ним никто не решился.

— Вот этого я не ожидал, — подбежал к Березину Рудаков с камерой в руке и пистолетом в другой. — Ну никак не ожидал! А вы что такие спокойные? Пошли со мной. Максим, пойдешь? Мы имеем полное право на контакт.

— Это не контакт, — сказала Анна тихо. — Это обычная авария, подстроенная Ивлевым. И едва ли его друзья захотят

говорить с нами. Не суетись, Михаил, туда тебя уже не пустят.

Рудаков внимательно посмотрел на НЛО, потом на Анну.

— М-да, похоже, ты права. А у меня пленка кончилась. Да, о чем ты? Какие друзья? При чем тут Игорь?

— При том, что он вошел внутрь так же просто и спокойно, как эти парни. Игорь Тихонович не... не совсем человек, он их коллега, оттуда. — Анна показала на небо. — Неужели не понял?

Рудаков присвистнул, спрятал пистолет в карман и в задумчивости сделал шаг к висящему «призраку».

— Ты так уверенно говоришь... Но если все так, то их надо задержать! Кто тут главный? — обратился Михаил к группке прилетевших в плащах.

Никто ему не ответил. Плыла шелестящая дождем тишина, светились созданные неизвестно кем (но они же люди? с виду?) и неизвестно где (где еще, кроме Земли?) машины, шастали из «тарелки» в «тарелку» угрюмые здоровые парни в белых, обтягивающих тело костюмах, блестела прозрачная накидка Анны (Березин невольно посмотрел на ее лицо, странно спокойное и задумчивое. Она знала, что Ивлев — чужой! А Максим считал ее повышенное внимание к начальнику отдела чуть ли не безответной любовью... Как приятно ошибаться!), перламутровые блики ложились на мокрый асфальт шоссе живой рыбой чешуей...

И когда молчать и смотреть дальше стало невозможно, когда командир отряда контрразведки хотел дать команду «задержать их!», от светящейся висящей конструкции шагнула к людям знакомая фигура.

Мужчина в дождевике поднял руку для команды, оглядываясь на подчиненных, но Анна шагнула к нему, торопливо проговорив:

— Подождите.

Березин отодвинул плечом Рудакова и ступил навстречу Ивлеву, не слыша предостерегающих возгласов и восклицания Анны:

— Максим!

Они встретились посередине между НЛО и цепью солдат. Березин подошел к Ивлеву почти вплотную, вглядываясь в

текущее его лицо, пытаюсь понять его мысли, пытаюсь найти те признаки «чужеродности», которые дали бы право сказать — он не человек! Но ничего не нашел, никаких физических отличий, да и не смог бы, будь у него даже рентгеновское зрение, ведь та часть жизни Ивлева, знакомая Березину по совместной работе, давно охарактеризовала его по всем человеческим параметрам. Ивлев был человечней всех их оптом и в розницу, доказывать обратное было бессмысленно.

Кто-то тронул Березина за плечо. Анна...

— Я ухожу, ребята, — сказал Ивлев мягко, с грустной улыбкой. — Я возвращаюсь на родину, ибо только ради этого шел на все, даже на обман. Не осуждайте меня: чтобы вернуться, я был вынужден маскироваться таким образом, под именем Ивлева. Три года назад мой зонд потерпел аварию, кстати недалеко отсюда, но я остался жив. И три года шел к своей цели — к возвращению. Теперь я ухожу.

— Но... кто вы? — спросила Анна, голос которой зазвучал по-новому, одновременно требовательно и робко. — Откуда и зачем?

— Это длинная история, — с той же улыбкой произнес Ивлев. — Я знаю, Аня, вы работник службы контрразведки, но вы можете быть спокойны: вашей стране я не враг и не причинил никакого вреда. А утечки информации не произойдет по той причине, что мы и так знаем о вас все. Единственное, ради чего мы до сих пор вторгаемся в вашу ноосферу, чего мы не понимаем и что ищем, — это причины... — Он остановился, закусив губу.

— Кажется, официальные лица сейчас потеряют терпение окончательно, — сказал вдруг Березин, оглядываясь. — У них приказ — задержать вас любой ценой.

Ивлев улыбнулся.

— Не смогут. Хотя времени на объяснения у меня нет.

Из темноты раздался резкий, с металлическими переливами голос, живо напомнивший Березину крик в ночи на Камчатке, у разбуженного вулкана:

— Бантарайя, терг ийе!

— Вот и все, — вздохнул Ивлев, заметил взгляд Анны и вдруг обнял ее и Березина за плечи. — Живите счастливо, ребята, любите друг друга, любите друзей своих, любите Землю и боритесь за нее. Боритесь за то, чтобы и через миллионы

лет она осталась Землей, такой, какой она была всего лишь век назад — первозданно зеленой, нарядной, чистой... я видел это. Помните, что люди — часть природы, а не самостоятельная «вещь в себе». И для себя. У вас еще все впереди, поэтому не поздно выбрать себе цель в жизни. Но, ребята, ох как трудно правильно выбрать эту цель! Не поминайте лихом.

Ивлев резко отстранился, постоял мгновение, вслушиваясь в наступившую внезапно хрустящую тишину, сказал: «Как жаль, что кризиса не избежать, не остановить...» — и, повернувшись, в несколько прыжков достиг «призрака». Исчез. Никто даже не попытался его остановить. «Черные плащи», «голубые береты», солдаты погранвойск оцепенело дивились на НЛО и не двигались.

Раздался тонкий певучий сигнал, и в то же мгновение свечение чужих машин погасло. Пахнуло ветром, запахом озона, и их не стало.

— Занавес! — сказал Березин, оглядываясь на зашевелившихся людей. — Объяснить им ситуацию будет непросто. А, контрразведчица? Тебя за это не выгонят с работы, надеюсь? Вот почему он взял в эту командировку так много людей: чтобы нам поверили, что мы не лжем и находимся в своем уме.

Анна зябко передернула плечами и отошла с застывшим лицом, а Березин остался стоять с отрешенным видом, зная, что забыть Ивлева, кто бы он ни был на самом деле, никто из них не сможет.

Максим не знал, как сложатся у него отношения с Анной, не знал, где и кем он будет работать в дальнейшем, но одно теперь знал точно — неспроста аппараты соотечественников Ивлева появились над Землей. Он не успел, а может быть, не захотел сказать причин их появления, не сказал, кто они. Может быть, и пришельцы, разведчики иной цивилизации, имеющие свои определенные задачи и цели в отношении людей, но скорее всего они такие же люди, как и все. Их отдаленные потомки, изучающие причины... причины чего? О каком кризисе он упомянул? Чего не досказал?

И тут вдруг жуткая мысль пришла в голову: а что, если Ивлев имел в виду причины гибели цивилизации, всего человечества?! И все эти неопознанные летающие объекты — суть аппараты новой земной цивилизации, изучающей во време-

ни историю вырождения и гибели прежней, то есть современной? Ведь люди запросто могут это сделать — убить все живое на Земле. С помощью ядерных бомб или нейтронных, искусственно вызванных землетрясений или созданных в военных лабораториях вирусов неизвестных еще болезней, страшнее СПИДа. А может быть, и не так громко, а с помощью цепной реакции уничтожения природы, начинающейся с малого — с пятен нефти на воде, дымящихся труб и срубленного дерева...

Неподалеку взлетали и садились на траву, на дорогу земные вертолеты, прожектора залили поляну электрическим сиянием, превратив ночь в день. Поляна кишела людьми, еще не понявшими, что все уже кончилось и никогда не повторится. А в зените все еще светились зеленою низкие, сеющие мелкую водяную пыль облака.

«Ну уж нет! — сказал сам себе Березин с веселой злостью, очнувшись. — Черта с два меня угробишь просто так, мы еще посмотрим, кто кого...»

— Кто? — спросил внутри него трезвый голос. — И кого? Ведь ты остался один на один с собственной жестокостью «повелителя природы», сам против себя.

— Ну и что? Все мы, каждый — сам против себя, все мы против собственных болезней. Я это осознал. Теперь надо заставить осознать других. По крайней мере — это цель. Главное — вовремя оглянуться вперед. Разве нет? Не об этом ли хотел сказать Ивлев?

— Думай, если есть чем. И действуй.

Березин подошел к Анне, ощущая жар прилившей к щекам крови. Прибывшие пограничники с удивлением и опаской окружили экспертов, словно пришельцев неведомого мира. Рудаков показал на Березина и девушку и что-то проговорил, сделав отрицательный жест рукой.

— Анна, — позвал Березин, найдя глазами одинокую фигуру на краю поляны, похожую на фигуру Ивлева; мотнул головой, отгоняя наваждение. — Анна, я — с тобой!

ПИРАНЬИ

АВИАБАЗА «ДИКС». ШТАТ ТЕХАС

4 июня, 6 часов 11 минут

Дональд Кларк пошевелил руками и ногами, проверяя, удобно ли сидит летный комбинезон. В левой стопе возникло ощущение, будто пальцы лизнул шершавый язык собаки. Кларк на секунду включил продувку, пискнули выпускные клапаны, ощущение «языка» прошло.

— Контроль функционирования — восемь минут, — раздался в наушниках голос начальника полетов. — Не слышу доклада, «охотники».

— К полету готов, — бросил Кларк и, покосившись направо, встретил взгляд первого пилота.

— Кончайте бодягу, Дон, — сказал тот, подмигивая командиром. — Колымага в порядке, давайте взлет.

Шеф полетов ценил юмор и обычно в предполетных переговорах вставлял шутку-другую, но сегодня он был почему-то официален и скупен, степень секретности полета, наверное, давила и на него.

— Майор Дейм, занимайтесь своим делом, вы сегодня слишком возбуждены.

— Это у меня от острой алкогольной недостаточности, — не удержался Дейм, вызывая улыбку на губах командира. — Есть заниматься своим делом.

— Пассажиры, как слышите? Через десять минут взлет, — напомнил Кларк.

— У нас все в порядке, — после небольшой заминки скрипнул в наушниках голос Бартлоу, старшего группы испытателей.

Дональд Кларк шелкнул пряжками карабинов, вдавил рычаг фиксатора, отсоединил кислородный шланг и вылез из кресла.

— Пойду посмотрю, как они там. Последи за дисплеем, пока «Джордж» будет проводить контроль.

«Джорджем» на жаргоне летчиков назывался главный бортовой компьютер, ответственный за работу систем управления. Всего на борту бомбардировщика «Грейт хантер» насчитывалось девять компьютеров, не считая вычислительных комплексов спецгруза.

Кларк вышел из просторной кабины в тамбур, раздраил дверь и шагнул в первый бомбовый отсек, приспособленный для силового оборудования «скорпиона». Радиоэлектронная аппаратура и компьютеры «скорпиона» находились во втором бомбовом отсеке, а в третьем, хвостовом, были установлены излучатель и корректор траекторий. Все три пассажира (военспецы сверхсекретной лаборатории Пентагона «ИИ» — «Икспложен инсайд») располагались во втором отсеке в своих удобных операторских креслах и все разом нервно оглянулись на звук открываемой двери.

Никогда раньше Кларку не приходилось летать со столь молчаливой и разношерстной компанией. За два месяца совместных полетов и подготовки к испытаниям «скорпиона» он полностью разобрался в характерах специалистов, хотя сначала ему показалось странным, что старшим группы назначен Бартлоу, а не сам творец «скорпиона» Дик Эрхарт. Но спустя какое-то время Дональд признался себе, что решение командования оправдано: аморфный и безразличный ко всему Эрхарт не годился в начальники, как и в друзья.

У Кларка были приятели в штабе базы, по его просьбе они сделали осторожные запросы в управление кадров, пытаясь добыть информацию о деятельности троицы в прошлом. Но запросы остались без ответа, а через два дня обоих приятелей Дональда перевели на другую авиабазу, на Аляску.

Такая реакция спецслужб Кларка не удивила, он знал степень засекреченности «черных программ», но на сей раз дело касалось его личного участия в одной из них, и это обстоятельство отнюдь не повышало настроения командира бомбардировщика перед полетом, в ходе которого предстояло испытать «скорпион» в действии.

— От вас требуется только неукоснительное исполнение приказов и профессионального долга, — сказал ему шеф ба-

зы генерал Крейг. — Вы — летчик, Кларк, и только, и ни во что не должны вмешиваться, даже в критических ситуациях, кроме тех, которые считаются штатными. Карты полетов вас тоже не касаются. Они введены в компьютер и будут обрабатываться автоматически. Таким образом, вам остается лишь взлетать и сажать самолет, поэтому экипаж усечен: вместо четырех человек будут летать двое. Сделано это в интересах соблюдения секретности. Справитесь?

— Да, сэр!

— Кого возьмете вторым?

— Майора Дейма, сэр.

— Он молод, — поморщился Крейг. — И кажется, симпатизирует черным?

— Он прекрасный летчик, надежный и смелый.

— Ну хорошо. В конце концов, за полеты отвечаете вы, Кларк. Надеюсь на вас, полковник.

Генерал Крейг не отличался тактичностью и вежливостью...

Кларк встретил взгляд Блейка Милфорда, улыбнулся против воли и получил в ответ улыбку человека, способного на все. Во всяком случае, так ему показалось. Скулы светло, словно от глотка лимонного сока.

— Хэлло, парни! Как устроились?

— Превосходно, — буркнул Бартлоу. — Но глоток-другой джина не помешал бы.

— Помогите ему, полковник, — сверкнул металлическими зубами Эрхарт, возбужденный и потому излишне разговорчивый. — Думаю, пара баррелей горючего у вас найдется.

Шутка была неудачной, но Кларк заставил себя рассмеяться.

— О'кей, найдем.

Он вернулся в кабину в плохом настроении.

— Контроль РЭС закончен, — доложил Дейм. — Все в норме. Джефф дал «добро» на пуск двигунов.

— Запускай, — сказал Кларк, втыкая штеккер радиосвязи комбинезона в панель; затем подсоединил штуцер кислородного шланга. — Кресла на старт! Электропитание пуска включить!

Сначала тихо, потом громче и громче взвыли турбины двигателей, перекрывая все посторонние звуки.

Кларк захлопнул прозрачное забрало шлема, автоматически проверил герметичность и газообмен: норма.

— Ветер девяносто шесть градусов, двадцать футов в секунду, нижний край облачности тысяча сто. Помогите вам бог, «охотники»!

Голос диспетчера отдалился, стал неразличимым в нарастающем гуле. На тела летчиков медленно напознала мягкая, «бархатная» тяжесть ускорения.

По экранчику командирского дисплея поползли световые строки: «Длина пробега тысяча четыреста, скорость отрыва пятьсот, отрыв на четырех, тангаж в норме, подъем сорок и пять».

— Тяжеловато, — со смешком проговорил Дейм. — Видно, переел вчера за ужином.

На двенадцатикилометровой высоте самолет лег на курс, пресс ускорения исчез, дышать стало легче. А еще через несколько минут «Джордж» взял управление на себя и отшлепал на дисплее: «Продолжаю полет в режиме «инкогнито», экипаж на контроль, прошу не вмешиваться в программу».

— С прибытием, — сказал своим пассажирам Кларк. — Можете начинать.

Самолет-бомбардировщик «Грейт хантер» со спецгрузом на борту начал секретный полет по программе «Укол скорпиона».

**ЭЛЬ-СЕГУНДО, ШТАБ-КВАРТИРА
ИНСТИТУТА ТЕХНОЛОГИИ
ВОЕННО-КОСМИЧЕСКИХ СИЛ (ИМТ)
(РЕТРОСПЕКТИВА)**

Директор ИМТ Роберт Джарвик, доктор физики, профессор университета в Майами, преждевременно расплывшийся и облысевший, вошел в свой кабинет в хорошем расположении духа.

— Хэлло, Майк, — приветствовал он заместителя по науке, приятельски хлопнув его по спине. — Ты, как всегда,

раньше всех? Весьма похвальная точность. Как Лора? Не жалуются на плохую память мужа?

Сухопарый, в безукоризненном синем костюме, уверенный в себе Майкл Грэхем улыбнулся, обнажая ровные фарфоровые зубы.

— По-моему, если жены жалуются на мужей, их надо менять. Ты сегодня в хорошем настроении, Боб, это меня пугает.

— Пусть тебя это не волнует, просто Лиззи принесла потомство — пять маленьких чистокровных колли.

Директор института военной технологии любил собак, и поэтому его дом в Бэкъярде, пригороде Эль-Сегундо, напоминал псарню: собаки всех пород бродили из комнаты в комнату, лаяли, играли и грызлись, доставляя прислуге массу хлопот.

— Где наши законодатели? — Джарвик бросил взгляд на часы и сел за стол, совершенно пустой, если не считать чернильного прибора в виде скульптуры борзой и селектора с телеэкраном.

— Они весьма пунктуальны, — сказал Грэхем, — особенно Хадли. Держу пари, он заявится ровно в десять.

Джарвик пари не принял, зная о пунктуальности и педантичности заместителя министра обороны по научным исследованиям и разработкам генерала Джилберта Хадли.

Без трех минут десять попросил разрешения войти Фрэнк Дэвис, заведующий лабораторией «Икспложен инсайд» — тонконогий, узкогубый, с кислым выражением на длинном лице анахорета. Он был самым молодым доктором физики в Институте и очень самолюбивым, не терпящим никаких возражений человеком. Правда, дело свое он знал отлично. Вслед за ним робко переступил порог кабинета Ричард Эрхарт, «блаженный», как назвал его однажды директор ИМТ.

Без одной минуты десять явился Тони Галдеано, полковник АНБ¹, отвечающий за секретность исследований лабораторий Института, брюнет с острым носом и некрасивым, каким-то жеваным подбородком.

Джилберт Хадли вошел в кабинет ровно в десять. Был он

¹ АНБ — Агентство национальной безопасности США. (Здесь и далее прим. авт.)

тучен, рыхл и бледен, с вечно оттопыренной в брезгливой гримасе нижней губой. Маленькие прозрачные глазки, упрямые между складками век и набухших подглазных мешков, смотрели умно и холодно.

— Садитесь, господа, — кивнул Джарвик, и вся компания уселась в низкие кресла вокруг длинного стола из полированного черного дерева. — Начну без предисловий. — Джарвик сложил на груди пухлые руки, заросшие густым белым волосом. — «Скорпион» практически готов к работе. Доктор Эрхарт только что вернулся с авиабазы «Лайс», где в условиях повышенной секретности ведутся работы по подготовке «скорпиона» к испытаниям на реальных объектах. Он установлен в бомбовом отсеке. Полеты с ним уже начались, экипаж бомбардировщика «Грейт хантер» привыкает к необычному грузу. Срок проведения боевых испытаний — четвертого июня — остается без изменений.

— Каким образом обеспечивается секретность? — спросил Хадли, вытирая шею платком.

— Летчики, как и руководство базы, уверены, что испытывается новый лазер, — сказал Галдеано резким визгливым голосом. — В наших людях, я думаю, вы не сомневаетесь?

— Экипаж знает, по каким целям будет работать «скорпион»? — Заместитель министра был настойчив. Его острый прицеливающийся взгляд заставлял Джарвика поеживаться.

— Экипаж состоит всего из двух летчиков: командира и первого пилота. Это обычные работяги, хотя и на хорошем счету. О конкретных объектах и задачах испытаний знают только сам доктор Эрхарт и Сандерс Бартлоу.

— Последний — ваша кандидатура?

Галдеано пожал плечами.

— Он хороший инженер и профессиональный агент. Парень знает свое дело и вполне подходит для заданий такого рода. Ну, а доктора Эрхарта представлять, надеюсь, не надо?

— Никаких политических убеждений, — улыбнулся Джарвик. — Фанатик чистой науки, в чем я уже убедился. Для него результат изысканий — высшая цель жизни.

— Неплохая характеристика, — кивнул Хадли, разглядывая Эрхарта, на которого речь директора ИМТ не произвела никакого впечатления, будто речь шла не о нем. — Теперь

поговорим о координации наземных служб и ВВС во время испытаний. В шесть утра я дам готовность объединенному командованию воздушно-космическими силами Техаса, а Крейг поднимет в воздух на границы квадрата эскадрилью АВАКС. Очень хочу верить, что утечки информации не произойдет.

— Утечка исключена, — отрезал Галдеано. — Разрабатывал операцию я, а не господ из ЦРУ.

— ЦРУ работает грязно, — усмехнулся Хадли, — но себя оправдывает.

— Хочу напомнить старую спортивную истину, — процедил Дэвис. — Проигрывает не тот, кто играет плохо, а тот, кто играет хуже. ЦРУ работает хуже контрразведки стран Содружества, и об этом надо помнить всем.

Заведующему «ИИ» был свойствен своего рода кэмп, снобистское пристрастие к поучениям, и это больше всего отталкивало от него людей.

Хадли поморщился, засовывая в карман мокрый платок, но сказал не то, что думал:

— Боб, ты невнимателен, мог бы предложить хотя бы тоник со льдом... Ну что ж, давайте обговорим детали?

Директор ИМТ вызвал по селектору секретаря, и через минуту в кабинете появился столик, заставленный бокалами с соком и вазочками с колотым льдом.

БОРТ «ГРЕЙТ ХАНТЕР»

4 июня, 6 часов 30 минут

Кларку никогда не нравилась роль «дежурного на подхвате». Но хотя в этом полете ему была уготована именно эта роль, он привык подчиняться приказам и ничем не выдавал своего недовольства, в отличие от пилота, выражавшего недовольство в оригинальной манере: Дейм начинал разговаривать сам с собой, ругаться и петь.

Молчаливая троица специалистов из «Икспложен инсайд» работала четко и быстро. Наблюдая за ними по телекоммуникатору, Кларк отметил, что не ошибся в своих выводах отно-

сительно профессиональной подготовки каждого, а также доминантных сторон характеров.

За время совместной работы стало понятно, что Сандерс Бартлоу — натура сильная, эгоистичная, а Дик Эрхарт равнодушен ко всем и ко всему, кроме работы, рыл, но способен на грубость и злую шутку, в общем, натура редкая, первобытная — по выражению Дейма. И лишь Блейк Милфорд, доктор технических наук, фигура одиозная, с характером сдержанным и ровным, оставался для Кларка «темной лошадкой», или чемоданом с двойным дном — по оценке все того же Дейма. Милфорд был безусловно умен, и Кларк, в свободную минуту любивший пофилософствовать, решил даже сойтись с ним поближе. Его влекли загадочные, непрямолинейные характеры — было интересно разгадывать их, добиваться полной ясности, но если бы об этом его «хобби» узнало командование — «Грейт хантер» повел бы другой командир.

Правда, с Милфордом они так и не подружились, не вышло. Была-таки какая-то червоточина, которую инстинктивно чувствовал Кларк, хотя до истины докопаться не мог. Впрочем, Дональд и сам знал, что он психолог средней руки, ему не всегда удавалось разгадать человека, и примером этому была Шарлотта.

Кларк не раз вспоминал, как они познакомились.

Однажды после шести лет безупречной службы на полигоне Невады ему, как единственному пилоту, не допустившему ни одной аварии в полетах повышенной сложности и секретности, был дан трехнедельный отпуск. Дональд решил навестить отца, владевшего фермой в Техасе, в пятнадцати милях от Джэксонвилла. Отцу было за шестьдесят, но старик всю жизнь работал, не знал, что такое болезнь, и выглядел очень молодо. После смерти жены второй раз «вешать хомут на шею» он не собирался и все свободное время отдавал сыну, воспитывая его в спартанском духе.

Когда молодой Кларк, закончив в Джэксонвилле частную привилегированную школу волевой и физической подготовки, решил поступить в летное училище, отец ему не препятствовал, но высказал соображение, что с этих пор он не будет принадлежать себе и что только дура пойдет за военного летчика, хотя, с другой стороны, отсутствие семьи еще не по-

следнее из несчастий в этом мире. Как бы там ни было, Дональд закончил училище, стал лейтенантом ВВС и, прослужив всего лишь год на авиабазе «Мак-Дилл» и проявив выдержку, силу воли и великолепное знание матчасти, был повышен в звании.

Отец оказался прав: Дональд так и не женился. Женщины у него были, но расставался он с ними без сожаления, поскольку большинство из них обладало лишь внешними данными при полном отсутствии того, что мужчины романтического склада называют духовным миром.

Однажды, приехав к отцу в отпуск, Кларк решил повидать кое-кого из старых знакомых в Джэксонвилле. В ресторане «У нас все есть» он вдруг встретил Шарлотту, дочь Рекса Кинга, у которого снимал комнату, когда учился в школе. Раз два он видел ее мельком — то с родителями в кабине «Пежо», то в магазине, — но лишь теперь смог оценить Шарлотту по достоинству. Она была красива, стройна, женственна, а ее низкий смех мог зажечь кого угодно, даже майора ВВС.

Они познакомились повторно, но это не понравилось парням из ее компании. Поскольку они были неучтивы в обращении, Кларк вынужден был предупредить их, после чего последовала короткая потасовка, и троих парней пришлось срочно госпитализировать: Дональд владел кунг-фу школы барса и в свои тридцать пять был в расцвете сил.

С этого времени у него началась странная дружба с женщиной, умевшей быть ласковой и нежной, хитрой и изворотливой, жестокой и грубой. Чем все это закончится, не знали ни Дональд, ни Шарлотта, но их тянуло друг к другу, и, приезжая на побывку к отцу в очередной раз, Кларк тотчас мчался к ней. Он никак не мог понять, любит она его или просто играет, как с большой, дорогой и самой желанной игрушкой, которую можно обидеть, чтобы потом обласкать...

— О чем замечтался, кэп? — Стивен Дейм уже полчаса терроризировал «Джорджа», пытаясь выжать из компьютера какие-то сведения. — Не пора ли обедать?

Кларк машинально посмотрел вниз. Бомбардировщик шел над плато Эдвардс на высоте четырнадцати километров, облачный слой под ним не был сплошным, и в разрывах облаков изредка показывались знакомые ориентиры.

— Потерпи, Стив. Пожужим после сеанса связи...

Пилот снова занялся терминалом «Джорджа», а Кларк стал наблюдать за действиями пассажиров по телекому. Один из них, облачившись в герметичный костюм, возился в третьем бомбовом отсеке. Двое других хлопотали у пульта управления «скорпионом», изредка перебрасываясь малопонятными словами.

Кларку все время казалось, будто он упустил что-то из виду, что-то важное и неприятное, но ему никак не удавалось «сфокусировать» это подсознательное чувство, облечь его в конкретную мысль. И все же Кларк знал наверняка: тревога эта связана с работой испытателей. Конечно, ощущение «забытой дома вещи» могло возникнуть и по вполне безобидной причине, случайно, но не случайным было полнейшее неведение командира относительно главного задания: «скорпион» будет работать по реальным целям, но что за цели, где они будут располагаться и когда начнутся испытания — Кларк не знал.

И еще. У него давно возникло подозрение, что «скорпион» вовсе не является рентгеновским лазером, как утверждал генерал Крейг, а каким-то более новым оружием, наделенным свойствами, которые требовали совершенно беспрецедентного режима секретности. Что же это за штука, «скорпион»?..

Между тем наступило время сеанса связи. Кларк коротко доложил о самочувствии экипажа и переключил передатчик на систему дейтел: уже в течение двух месяцев пассажиры передавали на базу закодированную информацию о своих экспериментах и о работе отдельных устройств «скорпиона». Раскодировать эти передачи было невозможно, как и перехватить. Шеф закончил сеанс по обыкновению бодрым «С вами бог!», и Кларк выключил рацию.

— Говорят, Джефф любит пропустить за обедом стаканчик «бумеранга», — буркнул Дейм, стягивая с головы наушники. — Мне бы сейчас тоже не помешал стаканчик чего-нибудь покрепче, чем тоник. Ты знаешь, что такое «скорпион»? — спросил он вдруг безо всякой связи.

Кларк с удивлением посмотрел на пилота.

— Тебя-то почему это беспокоит?

— Противно, когда тебе не доверяют гражданские крысы, даже если они «яйцеголовые»¹. Так вот, «скорпион» вовсе не лазер, как утверждал этот вонючка Бартлоу... От него на милю разит духом ЦРУ! Да и Эрхарт... Одного поля ягода, нутром чую...

— Короче, экстрасенс. Откуда ты узнал, что такое «скорпион»?

— Я долго ломал голову, как влезть в компьютеры бомбовых отсеков, и догадался спросить об этом нашего «Джорджа» напрямую. А он, как оказалось, связан с ними в единую систему управления и бомбометания. Сейчас все восемь бортовых компьютеров переориентированы на этих психов из «ИИ», но никто не догадался заблокировать выходы их терминалов на «Джорджа».

— Молодец, — сдержанно похвалил Кларк. — И что же ты выяснил?

— Смотри.

Непривычно хмурый пилот шелкнул тумблером, и на экране дисплея поплыли зеленые строчки...

АВИАВАЗА «ДИКС»

4 июня, 6 часов 45 минут

Хадли вошел в кабину спецсвязи диспетчерского пункта в сопровождении генерала Крейга, жующего «чуингам», и свиты из трех офицеров охраны.

— Хэлло, Фрэнк, — приветствовал он заведующего лабораторией «ИИ», сидевшего на стуле возле одного из трех пультов, над которым слабо светился экран телесвязи. — Что слышно? Как дела у наших бравых летчиков?

— Норма, — ответил Дэвис, поправляя наушники. — Они на дуге разворота к району испытаний. Минут через сорок начнем отсчет. Цели уже в полете.

В кабине связи находилось всего пять человек: два опера-

¹ *Яйцеголовые* — презрительное прозвище ученых среди военной элиты США.

тора (агенты АНБ), Галдеано, Дэвис и начальник полетов. Вместе с прибывшими они составили солидную компанию, с трудом разместившуюся между аппаратными шкафами и пультами. Кондиционеры кабины зашипели сильнее.

— Что-то мне тревожно, — признался Хадли стоявшему рядом Галдеано, но так тихо, что никто больше его не услышал. — Секретность испытаний должна быть стопроцентной. Даже двухсотпроцентной. Если кто-нибудь пронюхает, на каких объектах мы собираемся испытывать «скорпионов»...

Галдеано неторопливо закурил «Джекпот».

— Нервишки пошаливают, генерал? Все будет о'кей. Разрабатывали программу трое, причем один из них решал эту проблему как чисто механическую задачу трех тел, вторым был я, а третьим — большой компьютер Агентства.

Хадли нервно потер шеку.

— Меня волнуют летчики. Было бы спокойней, если бы после полета они... забыли бы об испытаниях.

Галдеано поймал его взгляд, выпустил клуб дыма.

— Все продумано, Джил. Мы не упустим их из виду. В случае малейшего подозрения на утечку информации... все забудут. Но не думаю, что они догадаются о целях испытаний и об истинном назначении «скорпиона».

Заместитель министра грузно сел в специально для него приготовленное кресло, достал платок.

— Тони, прикажи принести чего-нибудь выпить, в глотке пересохло. «Бумеранг» тут у вас не водится?

Галдеано поманил офицера охраны, шепнул что-то на ухо.

— Даниэл! — громко позвал Хадли, с удовольствием отхлебывая любимый коктейль из запотевшего бокала, моментально принесенного офицером, взяв с бумажной тарелки сэндвич с икрой. — Просвети-ка нас по части охраны базы. «Скорпион» находится у вас два месяца, этого вполне достаточно для любой разведки...

Низенький, толстый генерал Крейг улыбнулся.

— Этой любой разведке надо иметь невидимок и неошутимок, чтобы они могли к нам проникнуть. База имеет четыре системы охраны: радиолокационную, акустическую, электронно-оптическую и сейсмическую. Мы контролируем даже птиц и кротов!

Хадли доел сандвич, допил «бумеранг» и вздохнул.

— Мне бы вашу уверенность...

— Внимание, «Грейт хантер» на приеме! — сказал начальник полетов.

Один из операторов вывел канал связи на общие динамики, и в кабине зазвучал голос командира бомбардировщика. Речь его была суха и лаконична: фраза о самочувствии экипажа и две — о работе систем самолета.

— Вас понял, — сказал начальник полетов. — Давайте действ-информацию, продолжайте работу.

— Есть, сэр, — сказал Кларк и замолчал. Через три минуты автоматика пульта сообщила о поступлении кодированного сообщения, и сеанс связи закончился.

В это время оператор центрального пульта подозвал к себе Галдеано:

— Вас к телефону, сэр. «Красная линия».

Полковник кивнул и в ответ на вопрошающий взгляд Хадли ответил, пожимая плечами:

— Меня требует на трубку кто-то из руководства, сейчас приду.

Его проводили в центральный пост диспетчерского пункта и вручили наушники с микрофоном. В наушниках закрипел противный голос начальника второго отдела научно-технического управления АНБ адмирала Бурша:

— Тони? Кажется, люди Бешеного Билла пронюхали об испытаниях.

Галдеано сразу вспотел: Бешеным Биллом в Агентстве называли Уильяма Бейси, директора ЦРУ.

— Ты слышишь? Шеф в тихой панике. Как это могло случиться?

— Не знаю. Мы учли каждую деталь операции, проверили всех людей... Разве что Джарвик или Дэвис? Может, они служат сразу двум хозяевам?

— Приезжай сразу после испытаний, с отчетом.

Галдеано сбросил наушники и пробормотал заклинание:

— Избавь нас, боже, от злого взгляда, большого зноя, ненастья тоже...

БОРТ «ГРЕЙТ ХАНТЕР»

4 июня, 6 часов 55 минут

Кларк зажмурил глаза и тряхнул головой: светящиеся зеленые строчки на сером экране были обильно разбавлены цифирью и математическими символами, но, чтобы в них разобраться, не требовалось специального образования.

«Скорпион» не был ни рентгеновским лазером, ни ультрафиолетовым, ни лазером светового диапазона, он вообще не имел к лазерной технике никакого отношения. Хотя справедливости ради стоило отметить, что лазер, разработанный фирмой «Вестингауз», в оборудовании «скорпиона» присутствовал — для пристрелки.

Если бы описание «скорпиона» встретилось Кларку в научном издании, он счел бы эту публикацию за шутку физиков, такие шутки встречались в серьезных журналах. Но «скорпион» существовал в металле, он был материален и вещественно зрим и готовился показать все, на что был способен. Он мог на любом расстоянии инициировать спонтанный ядерный распад любых простых элементов, которые в естественных условиях не радиоактивны и могут существовать миллиарды лет! На сей раз «скорпион» был запрограммирован на возбуждение атомного распада железа.

Кларк и пилот молча смотрели друг на друга. Командир очнулся первым.

— Но ведь это прекрасно! Ты понимаешь, что у нас, американцев, создано оружие, способное поставить на колени любого противника? Или же установить на земле вечный мир!

— Не присваивай чужие идеи, — мрачно сказал Дейм. — Это идея президента — установить мир с помощью силы. Ты еще не знаешь, на каких целях будет испытан «скорпион».

Возбуждение Кларка поухло.

— Не все ли равно на каких? Главное — он существует и работает. Это открытие колоссального значения для всей науки, а не только для «медных касок». Тот, кто его сделал, наверное, получит Нобелевскую.

— Это Дик Эрхарт, что ли? Может быть, и получит. — Пилот криво улыбнулся. — Я ему не завидую. Но неужели тебе

безразлично, что «скорпион» будет стрелять не только по специальной мишени?

— Что ты этим хочешь сказать?

— Читай дальше.

И Дейм заставил компьютер выдать остальную информацию.

Кларк прочитал и пожал плечами. «Скорпион» должен был сделать выстрелы по четырем целям: по космической — отслужившему свой век спутнику, по высотной цели — стратегической ракете, по воздушной — беспилотному самолету-мишени и по наземной...

Дальше шел ряд цифр и знаков, координаты цели и ее кодовое название — «Индеец Джо». Насколько Кларк помнил, так звали одного из персонажей романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

— Ну и что?

— А то... — Дейм убрал запись с экрана. — Наземная цель — это индейская резервация!

Кларк зачем-то расстегнул клапан шлема.

— Ты в своем...

— В своем, в своем! Я родился и вырос в тех краях, рядом с резервацией, милях в десяти, и знаю, что говорю.

— Это какая-то ошибка...

— Компьютер не ошибается, да и название цели говорит за себя. Проверь сам, если хочешь. Вот карта, а вот координаты...

Дейм развернул на дисплее карту Техаса, и красный огонек в перекрестье визирных меток накрыл точку с указанными координатами. В правом углу экрана высочила надпись: «Гранд-хоум».

— Ну, что я говорил?

Кларку стало жарко, но он сдержал готовое сорваться с языка проклятие.

— Что будем делать, Дон? — продолжал пилот. — Ты понимаешь, во что нас втравили? Это же убийство! Индейцы ничего не подозревают... да и белых в Гранд-хоум хватает.

— Успокойся, — пробормотал Кларк. — Попробуй установить точное время стрельбы и порядок следования целей. Что-нибудь придумаем.

ФОРТ-МИД, ШТАБ-КВАРТИРА АНВ

9 часов 05 минут¹

Адмирал ВМС Дэвид Бурш, похожий на Чарли Чаплина в старости, ходил по кабинету, заглядывая за тяжелые портьеры из майлара, словно искал шпионов. Погуляв из угла в угол, он сел за длинный стол, накрытый серебристым пластиком, положил на него ноги в мокасынах. Но отдыхал он недолго — ожил динамик селектора на столе:

— Дэвид, зайдите ко мне.

Бурш коснулся сенсора связи.

— Есть, сэр.

Директор Агентства Сирилл К. Форбрайт был белобрыс, малоподвижен, с лицом боксера-профессионала — если судить по расплюсненному носу и тяжелому квадратному подбородку, доставшемся ему от какого-то гориллоподобного предка. Не верилось, что под этой довольно уродливой маской кроется умный и дальновидный политик, сумевший сработаться с двумя президентами и сохранить директорское кресло.

— Что будем делать, Дэвид? — сказал Форбрайт низким приятным голосом, совершенно не гармонирующим с его внешним видом.

Бурш сел напротив, побарабанил пальцами по столу.

— Президент знает об испытаниях «скорпиона» в реальных условиях?

— Пока нет, хотя спит и видит, как Ближний Восток поднимает руки вверх, узнав о нашем новом оружии.

— Еще не поздно отменить испытания.

— Что это изменит? Секрет «скорпиона» уже не секрет, раз о нем знает Бешеный Билл. Твой любимчик Галдеано не может служить сразу двум фирмам?

— Не думаю. Просто у Бешеного Билла тоже есть профессионалы. Конечно, кто-то из наших опростоволосился, от Форт-Мид до Лэнгли какие-нибудь двадцать миль...

— Мне одно непонятно: как Билл узнал об испытаниях?

¹ Форт-Мид расположен в часовом поясе, где утро наступает на два часа раньше, чем на авиабазе «Дикс».

— Не вижу оснований для паники, — пожал плечами Бурш. — Он узнал только о факте испытаний, но ни условий проведения, ни целей, ни возможностей «скорпиона» не знает.

— Стоит ему сопоставить вылет «Грейт хантера» со взрывами спутника, ракеты и самолета-мишени и особенно с тем, что произойдет в Гранд-хоум... Билл недалек, но у него есть хорошие эксперты и специалисты по анализу ситуаций.

— Что касается воздушных целей — согласен. Но чтобы сопоставить уничтожение Гранд-хоум с полетом бомбардировщика в пятистах милях от него... Для этого надо быть гением. Или сумасшедшим. Я не благодушен, просто уверен в успехе. Но для страховки кое-что предпринял. После... э-э... катастрофы в Гранд-хоум ответственность за взрывы возьмет на себя несуществующая террористическая группа «Свободная Америка», а все газеты министерства — «Армитаймс», «Эйр форс таймс», «Фор командорз» и другие — поместят обзоры об испытаниях нового лазера. Но я посоветовал бы еще вызвать сюда Билла и постараться привлечь его на свою сторону. Время говорить вслух, что у нас есть «скорпион», еще не пришло, и Билл должен это понять.

— Я не ошибся в тебе, — сказал Форбрайт с удовлетворением. — Эта мысль пришла в голову и мне. Я вызвал Билла Бейси на девять, но он опаздывает. Подумай, как мы сможем на него повлиять.

Бурш не мог понять, чем Бейси так понравился президенту, что тот посадил его в кресло центральной разведконторы, но зато хорошо знал самого Уильяма Неряху, косноязычного и недипломатичного мужлана, место которого разве что в охране тюрьмы, а не в ЦРУ. Вместе с тем он не мог — объективности ради — не отметить такие положительные качества Бейси, как решительность и патологическую ненависть к мусульманам всех мастей.

— К вам направляется Уильям Бейси, — прокаркал динамик селектора голосом офицера-секретаря.

— Итак, наша линия поведения, Дэвид?

— Кнут и пряник, — буркнул Бурш.

— Иначе говоря, лесть и угроза? Что ж, подыгрывай.

Через минуту в кабинет вошел директор ЦРУ — грузный

краснолицый здоровяк с грубым бульдожьим лицом, на котором хитро поблескивали маленькие прозрачные глазки. Одет он был в рубашку цвета хаки с короткими рукавами, мятые брюки морковного цвета и желтые ботинки.

— Хэлло, парни. Ты меня вытянул прямо из постели, Сирил, в чем дело?

— Садись, Билл, — сказал Форбрайт. — У нас к тебе только один вопрос: зачем твои люди суют нос не в свои дела? Ведь мы, кажется, четко разграничили сферы нашей деятельности.

Бейси плюхнулся в кресло, задрал ноги и по очереди оглядел хозяев кабинета.

— Не устраивайте мне суд «кенгуру», джентльмены, я ведь могу и обидеться.

— Никто тут не собирается устраивать комедию, — сказал Бурш, сдерживаясь. — Нам стало известно, что кто-то из ваших мальчиков узнал об испытании «скорпиона».

— А что это такое? — осклабился Бейси.

— То, о чем тебе доложили утром, — сказал Форбрайт. — Синяя папка с тремя нулями.

— Уважаю профессиональную работу! Мы, оказывается, подстраховываем друг друга. — Директор ЦРУ отнюдь не был ошарашен известием.

— Билл, шутками здесь не пахнет, — медленно проговорил Форбрайт. — Если информация об испытаниях «скорпиона» просочится за пределы Лэнгли...

— Я все учел, парни. Но все же надо было ввести меня в курс дела сразу.

— Учти еще то, что ты подчиняешься Совету национальной безопасности.

Бейси выдержал прямое попадание взгляда Форбрайта с широкой улыбкой, обнажавшей золотые коронки.

— Я вижу, к чему ты клонишь, Сирилл. Но у меня вопрос к вам обоим: если я выполню ваши... м-м... будем говорить, пожелания, — на сколько нулей вырастет мой счет в «Чейз Манхэттен»?

Бурш и Форбрайт переглянулись.

— Не знаю, — решительно отрубил Форбрайт. — Ничего обещать не могу, все мы сидим на одном шестке.

— Предпочитаю сидеть отдельно. О национальных интересах я пекусь не меньше вашего.

Бурш усмехнулся, но снова сдержался.

По кабинету поползло молчание, холодное, неприятное и обманчиво спокойное, как ядовитая змея.

Директор ЦРУ хлопнул себя по ляжкам и захохотал.

— А здорово я вас прижал, коллеги! Ладно, говорите, что вам от меня надо. — Форбрайт поправил галстук.

— Какое ведомство у тебя занято... сбором информации о работе физических лабораторий?

— Второе, группа «Ф».

— Сколько исполнителей в группе знают о «скорпионе»?

— Четверо.

— Эти люди... должны исчезнуть, хотя бы на время. Вся добытая информация...

— Будет у вас завтра утром. Все?

— Да.

Форбрайт посмотрел на Бурша, но адмирал молчал.

— Тогда до связи, парни. А где же ваш любимец, итальянец?

Речь шла о Тони Галдеано, и невинный с виду вопрос свидетельствовал о том, что Бейси знает, где в настоящий момент находится помощник Бурша.

— В командировке, — после паузы ответил директор АНБ.

— Передавайте ему привет.

Директор ЦРУ вышел, насвистывая марш «зеленых берегов». Несколько минут в кабинете было тихо.

— Как ты думаешь, Дэвид, он сделает что обещал? — спросил наконец Форбрайт.

— Сделает, но не уверен, что не оставит себе копии. Да шут с ним! Давай поговорим лучше о возможных последствиях и о том, как их контролировать. Информация об испытаниях «лазера» будет передана на базу «Дикс», а реальная — в Шугар-Гроув, на нашу станцию связи. Все готово, через час-два мы получим видеоролики ото всех наблюдателей. — Директор АНБ кивнул, подвигал челюстью и сказал: — Ты веришь в предчувствия? Я — нет, воображения не хватает, но у меня с утра болит живот. К чему бы это?

— К поносу, — серьезно ответил Бурш.

БОРТ «ГРЕЙТ ХАНТЕР»

4 июня, 7 часов 45 минут

Кларк вошел в бомбовый отсек, переоборудованный для установки электроники «скорпиона». Трое специалистов из «ИИ», занятые своим делом, не обратили на него внимания.

— Сандерс! — крикнул Кларк. — Вы знаете, по каким целям будет... работать ваш «скорпион»? — Из-за гула двигателей приходилось напрягать голосовые связки.

— Конечно, — коротко отозвался Бартлоу, не поднимая головы. — «Скорпион» будет работать по четырем целям — в космосе, в воздухе и на земле. Вас что-то беспокоит, полковник?

— Меня беспокоит, знают ли об этом обитатели Гранд-хоум?

Бартлоу выронил штеккер со шнуром и рывком обернулся.

— Откуда вы...

— Это секрет. Но вы не ответили на вопрос. После испытаний вас будут судить как обыкновенных убийц. Вас это не волнует?

— О чем вы, Дональд? — обернулся Милфорд.

— О том, что наземная цель «скорпиона» — индейская резервация, — раздался сзади Кларка голос пилота. — Можно подумать, что ты этого не знал.

— Я — нет. — Милфорд посмотрел на Бартлоу. — Это правда, Сандерс?

Бартлоу пожал плечами, искоса глянув на продолжавшего молчать Эрхарта.

— Ну и что? Индейцем больше — индейцем меньше...

— О, гнилым душком потянуло! — проговорил Дейм, прихихываясь. — Ну конечно, это же речь нашего дорогого министра обороны! Надо же, какая у тебя память, Сандерс!

Бартлоу сжал кулаки.

— Полегче, приятель! Наш министр — парень что надо! Чем он тебе не нравится?

— Не нравится? Да я просто без ума от него! Если ты к нему вхож, передавай мое искреннее восхищение цветом его лица.

Милфорд рассмеялся.

— Горячий ты парень, Стив. Какая муха тебя укусила?

Гладко выбритое тонкогубое лицо Бартлоу пошло пятнами.

— Этот пес смеет обвинять лучших людей...

Кулак Дейма врезался в квадратный подбородок специалиста по лазерам. Бартлоу отлетел к вогнутой панели индикации одного из аппаратных шкафов.

— Перестань, Стив! — Кларк сжал плечо пилота. — Иди в кабину!

Тем временем Бартлоу вскочил на ноги и бросился к пилоту, но Кларк заступил ему дорогу.

— Спокойно, капитан, иначе вас могут высадить раньше пункта назначения. Пилот у меня один.

— Хорошо, Стив, — сказал Бартлоу, кривясь в бледной улыбке, взгляд его был полон ненависти, и пилот понял, что нажил себе смертельного врага. — Мы сквитаемся на базе. Обещаю, майором ты пробудешь недолго.

— Ладно, ладно, — проворчал Дейм, быстро остывая. — Я не против повышения. Не выношу, когда мне грубят. — И он вышел из отсека.

— Парень очень импульсивен, — сказал Кларк, — но ведь он высказал свое отношение к происходящему. Военная программа? Хорошо! Безопасность страны? Отлично! Испытания нового оружия? Великолепно! Я знаю, что такое воинский долг и дисциплина, но речь идет о плохо замаскированном убийстве! О целях «скорпиона» мне стало известно двадцать минут назад, Стив хорошо знает возможности наших бортовых компьютеров. До этого момента я колебался, не знал, что делать, но вы помогли мне сориентироваться. И вот что я вам заявляю: мы не позволим провести испытания «скорпиона» на живых людях. Не думаю, чтобы Крейг и вообще командование базы были замешаны в этом грязном деле. Так вот, как только пройдут выстрелы по спутнику и по воздушным мишеням, я отключу «Джорджа» и разверну самолет на базу...

— И подпишете свой смертный приговор! — воскликнул Милфорд.

— Возможно. Тем не менее я сделаю так, как сказал.

— Интересно, каким же образом вы узнаете, когда «скор-

пион» выстрелит по воздушным целям? — вкрадчиво осведомился Бартлоу.

— Это мое дело.

— Что ж, успеха вам, полковник, — засмеялся Бартлоу, уверенный в том, что никто не в силах помешать испытаниям.

— О'кей, Сандерс, я вас предупредил.

Кларк вернулся в пилотскую кабину.

— Ну что, Дон? — повернулся к нему Дейм. — Что ты собираешься делать?

— Заткнись! — зло бросил Кларк. — Займись лучше маршрутом. Учти, как только «скорпион» начнет поиск наземной цели, я разворачиваю самолет.

Дейм покачал головой.

— Попробую, но гарантии, что смогу определить момент пуска, дать не могу. «Джордж» после наших допросов и так работает не в расчетном режиме.

— Сделай что можешь.

Последующие десять минут ушли у пилота на переговоры с компьютером, а у командира — на поиски ориентиров и определение местоположения бомбардировщика.

Дейм сдался первым.

— Проклятье, они перехитрили нас! Выход всей бортовой вычислительной системы работает прямо на передатчик, а не на терминал «Джорджа». Единственное, что я узнал, — чередование целей запрограммировано случайным образом. То есть неизвестно, в какой последовательности будет стрелять «скорпион».

Пилот и командир встретились глазами.

— Сколько осталось до пуска?

— Минут двадцать. Что будем делать?

— Не знаю. Может быть, повернуть сейчас?

Помолчали, глядя на плывущие внизу облака. Гул турбин был так привычен, что мозг его не воспринимал — казалось, улитка самолета ползет по облакам в абсолютной тишине, лишь голоса из бомбовых отсеков, изредка пробивавшиеся в наушниках ларингофонов, нарушали эту вязкую «тишину».

— Разворачиваю, — сказал наконец Кларк. — И будь что будет!

Пилот молча показал ему большой палец.

Но у них ничего не вышло. «Джордж» сухо выдал на дисплей: «Отказываюсь выполнять ручной режим до финала программы «0». И зажег над штурвалом ручного управления аварийный индикатор.

Кларк пощелкал тумблерами, пытаясь отключить компьютер, но, поняв бесплодность своих попыток, откинулся в кресле и рассмеялся:

— Все предусмотрели, собаки! А мы с тобой погорели, пилот. Команда записана в память «Джорджа», и на базе все равно станет известно о нашей самодеятельности, даже если мы умудримся стереть разговор. Знаешь, у меня мелькнула мысль: что, если с помощью «Джорджа» подать шумовой сигнал на вход компьютера, управляющего «скорпионом»?

В глазах пилота загорелся огонек надежды.

— Мы же не знаем порогового значения сигнала, способного стереть программу.

— Дай команду «Джорджу», пусть поищет...

Дейм лихорадочно прошелся пальцами по клавиатуре терминала, застыл на мгновение, всматриваясь в экран дисплея, и ликующе возопил:

— Есть, командир! Мы им запустим такой алгоритм, что никакому компьютеру не переварить! Есть такая детская игра «испорченный телефон». Знаешь? Слово перевернуть можно так, что получится сущая абракадабра...

— Идея неплоха. Но как ты собираешься ее осуществить?

— Даром я, что ли, имею диплом военного программиста? — самодовольно сказал пилот. — Через пять минут мы запустим «испорченный телефон» в их компьютерный блок, пусть поднатужит свои кристаллические мозги.

Кларк еще несколько раз попробовал перейти на ручное управление — безрезультатно. Его усилия прервал голос пилота:

— Готово, командир, я запустил «телефон»! Теперь подождем немного...

Голоса пассажиров в наушниках неожиданно смолкли, потом разразилась буря криков и восклицаний, команд и ругани.

Пилот хихикнул:

— Я же говорил! Их компьютер проглотил команду и сошел с ума.

Вдруг на панели «Джорджа» зажглись красные окошки с надписью: «Перегрузка».

— О черт! — Пилот защелкал кнопками и тумблерами, пытаясь выяснить, в чем дело.

На экране дисплея всплыли светящиеся строки: «Смысловая перегрузка! Нерасчетный режим! Отработка команд исключена. Во избежание срыва программы вынужден передать управление контролируемому звену. Конец».

Зеленый глаз компьютера потух, зажглось табло: «Неисправность УС».

— Все, — горестно сказал Дейм. — Бери управление на себя, кэп. «Джордж» накрылся — обратная связь, черт бы ее побрал!

— Полковник, — раздался в динамике голос Бартлоу, — что случилось? У нас отказала автоматика.

— Все в порядке, — невозмутимо ответил Кларк. — Мы поворачиваем домой. Я же предупреждал, что не допущу испытаний вашего «насекомого» на людях.

— Ты с ума сошел!

— Чистая работа, не правда ли, Сандерс? — вмешался Дейм, и в его голосе вместе с удовлетворением и вызовом вдруг прозвучал страх.

— Ну и ну... — пробормотал динамик голосом Милфорда. — Это называется хитростаунс. Самоотсечение головы...

— Что? — переспросил Дейм. — Что ты сказал?

— Я сказал, что все мы после случившегося — покойники!

**КОНСТИТЬЮШЕН-АВЕНЮ,
ПЕНТАГОН, КАБИНЕТ 2-Е 880**

4 июня, 7 часов 50 минут

Заместитель министра обороны по научным исследованиям и разработкам взял замороженный стакан с мартини и выпил его стоя, глядя поверх головы вышколенного полковника-адъютанта.

— Еще, — сказал он, опускаясь в свое сделанное по особому заказу кресло: при необходимости оно превращалось в кабину из пуленепробиваемого материала. — И пару сэндвичей.

— Обед ждет, сэр, — почтительно прошелестел адъютант.

— Отставить обед.

Адъютант выскользнул за дверь, принес второй стакан мартини и сэндвичи с кроличьим мясом на бумажной тарелке.

Хадли выпил, запихнул в рот сэндвич и принялся сосредоточенно жевать, будто ничего, кроме собственного аппетита, его сейчас не волновало.

Телефон грянул на третьем сэндвиче. Звонил Крейг, в его голосе звучали панические нотки:

— Джил, они отказались от испытаний! Кларк повредил компьютерный блок «скорпиона», и сейчас они летят назад! Мало того, Кларк пообещал разогнать «лавочку», как он выразился, и сообщить всем о цели испытаний. Что делать, Джил?!

Хадли прошиб пот, и в течение минуты он вытирал с лица то, что пил перед этим.

— Скотина! — пробормотал он наконец и передразнил: — «Лоялен, дисциплинирован...» Вот тебе и лояльность! Это ты его рекомендовал? Теперь сам и расхлебывай.

— Джил, твое ворчание до одного места! Что делать? Если полковник сообщит вниз...

— Не сообщит. У него есть жена, дети?

— По-моему, нет. Есть отец...

— Свяжись с экипажем, объясните ситуацию. Если Кларк начнет болтать, с его отцом случится... инфаркт или что-нибудь похуже. Убедите полковника совершить посадку тихо, без эксцессов.

Хадли положил трубку, посидел, бессмысленно глядя на жалюзи окна, придвинулся к селектору.

Пользуясь черным телефоном чрезвычайного положения, он вначале объявил тревогу авиабазам «Эглин» и «Хилбурт-Филд», затем — готовность техасским радарным постам наблюдения за воздухом, чтобы те не проморгали маневр «Грейт хантер», посмей Кларк пойти на нештатную посадку. И наконец, вновь соединился с «Эглин».

— Джо, — сказал он генералу Фареру, командиру базы, представив на миг его неподвижное лошадиное лицо. — Подними в воздух эскадрилью перехвата. Цель укажу позднее. Пуски ракет — боевые.

— Есть, сэр, — меланхолично ответил Фарер. — Мы всегда готовы. Жду сигнала.

Хадли нажал клавишу отбоя и подумал, что не все потеряно, если существуют генералы Фареры, готовые без рассуждений выполнить любой приказ.

Через четверть часа по «красной линии» позвонил Бурш.

— Все в порядке, Джил. Крейг пообещал Кларку разобратся на месте и «наказать» виновных в постановке задач для «скорпиона». Если полковник будет молчать — придется его наградить.

Хадли помимо воли усмехнулся.

— Видимо, придется. Но я не хочу рисковать.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Можно подумать, вы со своим шефом знаете лучшее решение. Как говорится, знакомый черт лучше незнакомого. В этом случае я хоть знаю, что меня ожидает, а если Кларк не удержит язык за зубами — только дьявол знает, чем все это кончится.

— Но «скорпион» стоит два миллиарда! Да и свидетелей много, тот же Крейг, Билл, разработчики программы. Слухи имеют свойство просачиваться сквозь закрытые двери. Дело может дойти до того, что конгресс с подачи любого демократа, да хоть того же сенатора Вартана, назначит какую-нибудь комиссию, вроде той, что изучала последствия войны во Вьетнаме.

Хадли побагровел, но сдержал готовое вырваться ругательство, только голос его стал хриплым:

— Что ты предлагаешь конкретно?

— Ничего, — после паузы ответил адмирал Бурш. — Посоветуюсь с Форбрайтом и позвоню.

— Поздно советоваться, надо действовать.

Бросив потную трубку, Хадли расстегнул ворот мундира, затем переключил канал прямой связи и вызвал Фарера:

— Генерал, запишите приказ: сбить цель по данным постов из Шугар-Гроув. Как поняли?

— Сбить цель, станция наведения III-Г.

— Кто у вас в воздухе?

— Эскадрилья подполковника Моргана.

Что за цель ему предстоит сбить, командир авиабазы «Эглин» так и не спросил.

— Жду сообщений, — сказал Хадли и дал отбой.

В течение последующих десяти минут он проглотил еще один мартини, принял душ, но потел все так же немилосердно, впервые проникнувшись ненавистью к своему телу, доведенному до абсолютной неспособности к саморегуляции.

А потом зазуммерил «тревожный» телефон, и трубка, скользкая как лягушка, проквакала голосом Фарера:

— Сэр, подполковник Морган отказался сбить цель, о чем сообщил в эфир открытым текстом. «Грейт хантер» после этого сделал азимутально-высотный маневр и произвел посадку в районе озера Вьюкенен, где-то там река Льяно в Колорадо впадает.

Хадли несколько секунд сидел в оцепенении, ломая голову над тем, каким образом летчик самолета-перехватчика узнал, что его цель — бомбардировщик «Грейт хантер», потом длинно и сложно выругался и снял трубку телефона «красной линии».

— Сирил, — сказал он глухо, услышав голос директора АНБ, — «Грейт хантер» только что сел в бассейне Колорадо. Скорее всего экипаж попыбует скрыться. Они знают, что мы...

— Вы генерал, — перебил его Форбрайт. — Вы, а не мы! Надо же быть таким идиотом, чтобы отдать приказ сбить самолет! Вы представляете, какую кашу заварили бы? Слава богу, что все обошлось. Прилетайте немедленно ко мне, будем вместе думать, как вылезать из этого дерьма, пока не узнал президент.

БОРТ «ГРЕЙТ ХАНТЕР»

4 июня, 8 часов 00 минут

Самолет летел назад к базе.

Слова Милфорда насчет того, что они все здесь уже покойники, не выходили из головы Кларка, и чем больше он об этом размышлял, тем очевиднее был вывод: специалист из «ИИ» прав. Они стали нежелательными свидетелями для по-

литической и военной верхушки, проникнув в тайну, которую не должны были знать и гораздо более влиятельные люди, и теперь никто не мог дать гарантии, что они останутся живы или, в лучшем случае, на свободе. Пентагон таких фортелей никому не прощал, Кларк сам был свидетелем суда над лейтенантом ВВС Кроуфордом, отказавшимся сбить кубинский пассажирский самолет, заблудившийся над Мексиканским заливом. За нарушение воинской присяги — расстрел!.. А они, по сути, рассекретили операцию Пентагона по испытанию нового оружия. За это их даже не расстреляют, а бросят в аквариум с пираньями, и эти звери с плавниками в несколько минут сделают из них кровавый бифштекс!..

— Выше голову, — бросил Кларк, глядя на удрученную физиономию пилота, занятого контролем навигационной аппаратуры. — Что сделано, то сделано. Мы с тобой чисты перед совестью и страной, на остальное наплевать.

— Есть наплевать, кэп! — повеселел Дейм. — Подключаю метеосводку. Похоже, погода меняется в худшую сторону, слушай...

Голос с земли монотонно сообщал метеоусловия на аэродромах ближайших баз. Диспетчеры советовали произвести посадку в ближайшие двадцать минут, иначе «Грейт хантер» попадет в зону ненастья: ливень и ветер со скоростью двести футов в секунду! Но Кларк решил тянуть до своего аэродрома, а там попытаться спасти все, что можно, в том числе и жизнь.

— А вы все-таки камикадзе, полковник, — сказал Милфорд, заявившись в кабину и с проснувшимся любопытством глядя на суровое лицо Дональда. — Никогда бы не подумал, что вы способны на такое.

Кларк не ответил. В наушниках как назойливая муха жужжал голос Крейга, продолжавшего увещевать их «не предавать национальные интересы».

Бомбардировщик миновал Сан-Анжело, вскоре на юго-востоке показалась желто-коричневая полоса — край плато Эдвардс. И в это время ожил приемник общих каналов ВВС и гражданской авиации, настроенный на «блуждание» по диапазонам. На командной волне ВВС заговорил кто-то открытым текстом, голос был хриплый и низкий:

— Я подполковник Морган, вызываю борт сорок пять «Грейт хантер». Полковник Кларк, вас хотят сбить. Моя эскадрилья «Игл» отказывается выполнять приказ. Предупреждаю...

Голос уплыл из зоны слышимости — автомат перешел на другую частоту, но Кларк вернул канал обратно.

Неизвестный ему подполковник повторил информацию и пожелал нормальной посадки.

— Кажется, еще один камикадзе, — пробормотал Дейм, оглядываясь на изумленного Милфорда, а Кларк с невольным восхищением подумал, что мужественные и честные парни все же встречаются иногда на пути, и пожалел, что судьба не свела его с этим Морганом раньше.

— Вернитесь к себе! — резко приказал Кларк военспецу, и Милфорд безмолвно повиновался. — Стив, будем сажать самолет немедленно, не то найдется команда поговорчивей.

— Я готов.

— Тогда вперед!

Кларк отжал штурвал от себя и с помощью пилота сделал маневр, озадачивший операторов радиолокационных комплексов на плато Эдвардс: на высоте шести миль самолет отклонился к северу и вошел в густой слой облачности, затянувшей весь северо-восток Техаса. Снизившись до тысячи футов, тангаж и рысканье тяжелой машины достигли максимальных амплитуд.

Кларк взмок от напряжения. Он чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя человек на утлом паруснике, застигнутый штормом посреди океана.

— Гро-ба-нем-ся, — выговорил в четыре приема пилот.

Кларк выругался в ответ, ибо тут же отказал прибор контроля тяги левого двигателя. Самолет ощутимо поволокло вбок.

— Господи... пронеси! — раздался в наушниках голос Эрхарта. Судя по всему, его рвало.

Внизу проглянула речная долина, левый берег реки зарос лесом, правый был полузатоplen.

«Колорадо! — обрадовался Кларк. — Теперь проскочим!»

С трудом повернув, он повел громоздкий бомбардировщик над речной долиной, моля Всевышнего, чтобы не напо-

роться на линию электропередачи. Он неплохо знал этот район, потому что полгода стажировался на базе ВВС «Эдвардс» и помнил все ориентиры на плато. Примерно через семьдесят миль река должна была вильнуть на север. В этом месте в нее впадала другая река — Льяно, и левобережье Колорадо напротив устья Льяно, называемое «Лысиной старины Билла», было единственным удобным для посадки местом.

— Сварьйруй дроссельными, — процедил сквозь зубы Кларк, чувствуя, что и его желудок просит «открыть шлюзы».

— Имеем высокую вероятность сварьйровать на несколько футов под землю, — буркнул пилот.

Дейм тоже был весь мокрый от пота, из его прокушенной нижней губы тянулась струйка крови.

— Бери на себя левый и корму, я взял правый и нос. Закрылки вниз! Шасси!

— Взял!

Самолет вздрогнул.

— Дроссельные на максимум! Форсаж маршевым!

Взвыли турбины, мощно нагнетая топливо к гондолам двигателей. С гулом и грохотом «Грейт хантер» вломился в широкое ущелье между «Щеками старухи», вырвался на теснины над «Лысиной старики Билла» и, резко снизившись, запрыгал по неровностям каменистой почвы, разбрызгивая фонтаны грязи и проделывая широкий проход в зарослях чаппарала.

— Отстрел топлива!.. Парашют!.. Стоп турбины!

Удар, визг, свист сжатого воздуха, дикие толчки, от которых из носа хлынула кровь... Наконец затихающий гул, тряска, словно самолет ехал по стиральной доске, последний толчок — и бомбардировщик остановился с сильным креном на левый борт.

— Поздравляю с удачной посадкой, господа, — слабым голосом произнес Дейм, отдышавшись. — Прошу записываться в очередь к зубному врачу.

— Сволочи, — прозвучал в наушниках голос Эрхарта. — Сандерс, помоги снять скафандр... Не хватало еще утонуть в собственной блевотине.

Кто-то засмеялся — Милфорд скорее всего. За ним — Дейм,

потом — Кларк и последним Бартлоу. Смех на несколько мгновений сблизил их, но не мог же он длиться вечно.

— И что теперь, полковник? — спросил Милфорд.

Кларк посмотрел на левую прозрачную стенку пилотской кабины, сквозь которую была видна часть «посадочной площадки» с редкими кустами кустарника. Горизонт скрывался в мутной пелене дождя.

Не торопясь, Кларк снял шлем и, встретив вопросительный взгляд Дейма, сказал:

— Предлагаю выработать план действий. Но не в самолете. Рассуждать долго некогда — через полчаса оперативные вертолеты будут уже здесь. Ситуацию вы знаете...

— Ты все это затеял — ты и расхлебывай! — крикнул визгливым голосом Эрхарт. — Черт возьми! Чего ради я должен бежать отсюда?! Я не ломал автоматику управления...

— Дик прав, — раздался голос Бартлоу. — В случившемся виноват прежде всего полковник Кларк, и если мы отдадим его в руки правосудия как опасного маньяка, связанного с террористами, то выйдем сухими из воды. Кто «за»?

Кларк дал знак пилоту, и они проследовали в бомбовый отсек. Там горели белые панели и было довольно светло.

— Я всегда знал, что ты вонючка, Сандерс! — сказал Дейм из-за плеча Кларка. У пилота был такой вид, будто он проглотил живую гадюку. — Попробуй возьми меня, я тебе разможу голову, скунс вонючий!

— Я что-то не пойму, — обернулся Бартлоу к специалисту по управлению, не глядя на вошедших летчиков, — ты с нами или...

— Предпочел бы нейтралитет, — ответил Милфорд нехотя. — Твой вариант неплох, но едва ли шкура полковника Кларка стоит так дорого, что за нее нам даруют свободу и жизнь.

— Значит, отказываешься?

Милфорд молча выдернул личный ящик и быстро оделся в рабочий костюм.

— Откройте люки, командир, — решительно сказал он, останавливаясь перед Кларком.

Пилот вернулся в кабину. Милфорд поднял руку, раздвигая указательный и средний пальцы.

- Желаю удачи, парни. Она еще всем нам понадобится.
- Ты куда, Блейк? — завокнулся Эрхарт.
- В пампасы, — усмехнулся специалист по управлению.
- Кларк посторонился, пропуская его к люку.
- Бартлоу покосился на Эрхарта и махнул рукой:
- Проваливай и ты с ним. Я остаюсь.
- Кларк вернулся в кабину и коротко бросил:
- Уходим.

Ему очень хотелось догнать Милфорда и спросить, что тот намеревается сделать, ибо сам Дональд находился в абсолютном неведении относительно своих планов на будущее, но было уже поздно. И еще одно осталось загадкой: отношение Милфорда к происшедшим событиям. Почему он не встал на сторону Бартлоу? Испугался? Не похоже. Втроем у них еще были шансы задержать его и пилота. Быть может, сквозь каменный панцирь души проклюнулся росток совести? Едва ли это возможно после закалки в такой питательной среде, как военная лаборатория...

Тогда что заставило его предпочесть нейтралитет?

Они вскрыли аварийный шкаф, сбросили сидкотты¹, напоследок включили приемник. С минуту они слушали радиопередачи: мир вокруг жил своей жизнью, и никому не было дела до того, что бомбардировщик В-1С «Грейт хантер» совершил вынужденную посадку далеко в стороне от штатных аэродромов.

— Порядок, — сказал удовлетворенный Дейм, — а теперь...

И замер с открытым ртом: автомат перешел на частоту приема, и в кабине зазвучал резкий голос известного комментатора. В его сообщении говорилось, что в районе озера Вьюкенен при посадке потерпел аварию бомбардировщик В-1С. Экипаж погиб. Ведется следствие и поиск причин катастрофы.

Пилот, очнувшись, присвистнул:

— Прав Блейк! Нас уже списали с довольствия, мы «погибли в катастрофе». Ловко придумано! Осталось только

¹ Огнестойкая, водонепроницаемая летная одежда.

сесть в кресло и пустить себе пулю в лоб. Эй, вонючка, ты еще здесь? Не хочешь пулю в лоб? Ты ее вполне заработал.

— Идиоты! — прохрипел в ответ Бартлоу. — Какие же вы кретины!

Кларк взглянул на часы. С момента посадки прошло уже десять минут.

— Пора, Сандерс, не советую оставаться. Полиция не будет разбираться, кто прав, кто виноват. Вас просто пристрелят. — Он вдруг ударил себя по колену. — Пожалуй, нелишне вооружиться! Я никогда не пользовался этим раньше, но сейчас, кажется, самое время.

Дональд нашел пристегнутый к ремню замысловатой формы ключик и вскрыл бронированный кубик сейфа, замаскированный ложной приборной панелью.

— Итак, что мы имеем?

Командир стал разбираться в содержимом сейфа: вытащил армейский «кольт», пистолет «магнум», автоматическую винтовку «М-20», автомат «узи», несколько обойм с патронами.

Пилот хмыкнул.

— Можно отбиться от взвода солдат! Мы что, все это забрем с собой?

— Не все, но кое-что захватим. Держи-ка.

Дейм взял из рук командира странной формы пистолет.

— Что это еще за пугач?

— Ультразвуковой пистолет, потом объясню, как им пользоваться. Пойди посмотри, ушел ли Бартлоу.

Кларк рассовал по карманам обоймы, плоские коробочки, пакеты. Винтовку и кольт засунул обратно в сейф.

Вернулся пилот.

— Там никого. А это я нашел под пультом, там у них тоже нечто вроде арсенала.

И Дейм протянул Кларку пистолет еще более необычной формы, чем ультразвуковой. Черный пупырчатый ствол прятался в «воротнике» из длинных игл, дуло имело пять отверстий диаметром не более двух миллиметров каждое, кроме того, казенник пистолета был украшен блестящими штырьками и гнутыми скобами. Рукоять у пистолета была двойная и тяжелая, хотя курок-гашетка лишь один. Возле штырьков

Кларк заметил выгравированные цифры — от единицы до семи, а на второй рукояти под матовым окошечком светились римскими цифрами пять кнопок.

Кларк повертел «пистолет» в руках.

— Черт его знает, может, это и не оружие вовсе, а сварочный аппарат. Возьмем на всякий случай, авось пригодится.

Дейм открыл люк пилотской кабины, выглянул наружу.

Самолет стоял в небольшой ложбине между пологими холмами, упираясь носом в... изгородь! За изгородью начиналось поле, на котором стояло небольшое бунгало с загородкой для скота. Из-за колючих веток тсуги на летчиков смотрел открыв рот пожилой фермер в оранжевой куртке с капюшоном.

Несколько секунд длилась немая сцена, потом Дейм сказал:

— Привет, приятель.

Он спрыгнул на землю с десятифутовой высоты, утонув в грязи по колено. Кларк молча последовал за ним.

С неба, затянутого серой мутью, сыпалась мелкая водяная пыль, и уже в пятистах футах ничего нельзя было разглядеть. Куда делись Милфорд, Эрхарт и Бартлоу, угадать было невозможно, да Кларку и не хотелось этого знать. Он только мимолетно подумал, что за посадку в таких условиях ему в иные времена дали бы орден Вашингтона и объявили национальным героем.

— Что, отец, ты такого еще не видывал? — спросил он, подходя к фермеру.

— Э-э... а-а-а... Так вы не... шпион?

Дейм засмеялся и тут же умолк, предостерегающе подняв руку. Ему послышался отдаленный рокот моторов.

— Нет, не шпионы, отец. Мы летчики, вынужденная посадка. Не помог бы, а? Нам надо срочно добраться до ближайшего города.

— Как не помочь? Почему не помочь добрым людям? — заулыбался старик. — Надеюсь, не забудете старину Билла. Пойдемте, дам вам свой автофургон. Дикий вепрь, а не машина!

Они прошлепали по грязи за старожилом, на которого вдруг напал «говорун».

— Ехать вам всего час. Ближайший город Бернет, в пятнадцати милях от моей фермы. Выедете на грунтовку, по ней мили три вдоль Колорадо, а потом — на шоссе... Поставите фургон на стоянке у Перкинса, он меня знает... А я слышу — гудит что-то! Думаю, дай выгляну, а это ваш, значит, гроб летит, прости господи...

Кларк оглянулся на самолет, уже едва видный сквозь космы дождя, сглотнул вязкую и горькую слюну. «Грейт хантер» выглядел внушительно и гордо и вместе с тем был до боли сиротливым, словно его бросили на произвол судьбы. Да так оно, в сущности, и было...

В бунгало «старины Билла», оказавшегося, по его словам, потомком того самого Билла, именем которого была названа некогда пустошь на левом берегу Колорадо, они задержались ровно на три минуты: надели предложенные разговорчивым фермером броуги — грубые рабочие ботинки, анораки — куртки с капюшоном, и, отдав взамен свою обувь, хлебнули горькой рябиновой настойки «Седьмое небо» и влезли в кабину машины, пообещав «замолвить словечко» за старину Билла мэру Бернета.

— Кто бы за нас замолвил словечко? — пробормотал Дейм, когда бунгало фермера скрылось за пеленой дождя. — Куда теперь, кэп?

— Пока подальше отсюда, а потом видно будет. Старик дал неплохую идею: доедем до Бернета, сядем в поезд и через четыре часа будем в Джэксонвилле.

— А потом?

— В пятнадцати милях от Джэксонвилла ферма отца. Там подумаем, что делать дальше.

Они замолчали. Дождь не прекращался, и дорога превратилась в грязевой поток, по которому старый, выдавший виды фургон плыл, как по реке, взрывая и плюясь синим дымом.

Повезло, подумал Кларк, повезло дважды: при посадке и теперь — идет дождь. Локаторы, наверное, потеряли нас из виду, иначе вертолеты поиска были бы уже здесь. Заварил кашу... Стоило ли? Если бы знать наверняка, что цель оправдывает средства... Но была ли цель? Как бы там ни было, теперь поздно давать задний ход...

Кларк покосился на пилота: интересно, о чем сейчас думает Стив? Что касается лично его, то все правильно: он не смог бы стать соучастником убийства, причем убийства с кондиционерами и прочими удобствами. Увы, дражайший полковник Риган, главный военный психолог училища, ваша «теория выживания сильного и слепого» не помогла сделать из желторотого Дона Кларка «настоящего мужчину», готового исполнить без размышления любой приказ. Не то воспитание, не та голова, не тот материал...

Повернув с грунтовой дороги на шоссе, связывающее Льяно и Бернет, они услышали нарастающий гул и выскочили из машины. Где-то в стороне, невидимые из-за дождя, прошли над дорогой вертолеты...

**ЭЛЬ-СЕГУНДО, ВИЛЛА ДИРЕКТОРА
ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ
РОБЕРТА ДЖАРВИКА**

4 июня, 15 часов 40 минут

Джарвик, одетый в китайский халат с драконами, сидел в кресле, закинув ноги в ковбойских сапогах на журнальный столик, и держал на коленях щенка колли. Щенок лизал его пальцы, потом дотянулся до губ, и четверо гостей, молча глазевших на эту идиллию, прореагировали каждый по-своему: Майкл Грэхем отвернулся, Фрэнк Дэвис сделал умильную рожу, отчего стал похож на старуху, Тони Галдеано сплюнул, а начальник охраны виллы, наоборот, слюну проглотил.

— Ну иди, иди. — Джарвик опустил щенка на пол и подтолкнул. — Где же ваш друг, Тони?

— В туалете, — буркнул Галдеано.

В гостиную вошел Стэнли Вильямс, помощник директора ФБР по специальным операциям.

— Вот и я, джентльмены. Что произошло? Почему у вас такой похоронный вид?

Внешне Вильямс был так же сер, как и его костюм для повседневной носки, но в глазах его прятались ум и опасная, сродни угрозе, сила.

— Садитесь, — сказал Галдеано, сдерживаясь. — Не надо шутить, Стэн, вы прекрасно знаете, о чем речь.

Вильямс сверкнул улыбкой и бесшумно сел в пустующее кресло.

— Разве мистеру Хадли не удалось... посадить самолет, как требовали обстоятельства?

Джарвик посмотрел на часы и встал.

— Посидите без меня несколько минут, я сейчас вернусь.

Он вышел, и в гостиной установилась тишина. Галдеано усмехнулся про себя, подумав, что директор, по-видимому, до сих пор не представляет масштабов катастрофы, которая вот-вот разразится, если не уничтожить источники нежелательной информации, то есть в первую очередь экипаж бомбардировщика «Грейт хантер».

— Я не знаю всех подробностей, джентльмены... — Вильямс замолчал, вопросительно взглянув на Галдеано.

— Они сели на левобережье Колорадо, напротив устья Льяно, — буркнул Галдеано. — Из-за плохой погоды радары не смогли проконтролировать посадку... Когда вертолеты поиска нашли самолет, в нем уже никого не было.

— К сожалению, — вздохнул Дэвис, — погода в данном случае не может быть принята во внимание как форс-мажор¹.

— Фрэнк, ты же не дилетант в технике! — взорвался Галдеано.

— Радары не всемогущи, тем более что над плато Эдвардс хватает облаков не только дождевых.

И без того длинное лицо заведующего лабораторией «ИИ» еще больше вытянулось.

— Не ссорьтесь, коллеги, — сказал, появляясь из-за портьеры, Джарвик. — Мы все заинтересованы в этом деле, и надо объединить усилия, а не наоборот. К сожалению, открылось одно весьма печальное обстоятельство: этот кретин Эрхарт, не без вашего, кстати, ведома, уважаемый Фрэнк, сделал миниатюрную копию «скорпиона» и взял ее с собой в полет. При обыске самолета этой штуки, «мини-скорпиона»,

¹ Форс-мажор — непреодолимая сила, стихийное бедствие, обстоятельство, освобождающее от ответственности; оговаривается в контрактах.

так сказать, не обнаружили. Кто взял его с собой — неизвестно. Если сам Эрхарт, это одно дело, но если...

— Летчики?

— Гарантий нет, но подозревать надо всех. А это значит, что никого из беглецов щадить нельзя, при обнаружении — немедленно уничтожить! У кого есть план действий, Майкл?

Помощник директора посмотрел на шефа, потом на Галдеано.

— Это не моя епархия, пусть решает Тони.

Полковник АНБ озабоченно потрогал свой мятый подбородок.

— Прежде всего надо определить, куда они могут направляться...

— Прежде всего надо оцепить район посадки, — перебил его Дэвис. — И прочесать окрестности.

— Ценное замечание, — с иронией сказал Галдеано. — Особенно для непрофессионала. Все уже сделано. Крейг выбросил в район посадки группу спецназначения. Кроме того, в операции задействован вертолетный полк. Оцепление в радиусе десяти миль тоже выставлено.

— Но за те сорок минут, что вы искали самолет, летчики могли уйти из этой зоны, — сказал Вильямс. — Необходимо рассчитывать на худший вариант. Итак, куда они могли пойти?

— Я плохо знаю Кларка, — сказал Джарвик, — тем не менее думаю, что он не дурак и разделит экипаж. Они пойдут либо поодиночке, либо парами. Кстати, что заставило наших людей бежать с летчиками?

— Дурной пример заразителен, — буркнул Дэвис.

— Скорее всего они слышали сообщение радио, — покачал головой Джарвик. — Хадли поторопился давить на кнопки своего аппарата дезинформации. Сопоставив предупреждение этого сукиного сына Моргана и заявление Агентства, летчики поняли, что шансов у них нет, и...

— Тони, я могу полистать досье на членов экипажа? — напомнил о себе Вильямс.

Галдеано взял из рук Грэхема черную папку и передал помощнику директора ФБР.

— Очевидно, они изберут одно из трех направлений, —

сказал он. — Авиабазы, Нью-Йорк или Вашингтон. Первое понятно без объяснений. Нью-Йорк — это ООН и общественные организации типа «Женщины в борьбе за мир», «Ассоциация американских негров против войны» и так далее, Вашингтон — это Белый дом.

— Ну и шли бы к себе на базу, — буркнул Дэвис, скучая. — Да, это было бы неплохо, но они, если уйдут из силков на месте посадки, могут покатить и в Вашингтон, к президенту, а этого допустить нельзя.

— Послушайте, он же белый! — воскликнул вдруг Вильямс. — Этот ваш Кларк — белый! Я думал, он негр, от черномазых можно ждать все что угодно, но от белого...

Присутствующие переглянулись.

— К сожалению, существа дела это обстоятельство не меняет, — вздохнул Галдеано. — В досье учета кадров почти ничего нет о характере Кларка, кроме стандартного «мужествен». А вот в нашем досье отмечено, что он честен, правдив, излишне бескорыстен, бескомпромиссен и независим. Достаточно, чтобы подозревать его в симпатиях к нашим потенциальным врагам.

— Этого мало. — Вильямс захлопнул папку с документами. — Поищем материал у себя. Психология потенциальных смутьянов и неблагонадежных — наша сфера. Однако какую роль в игре с ними вы дадите нашей фирме?

— Вы пока в резерве, Стэн, — сказал Галдеано. — Пусть поработают люди Хадли и полиция, мы дали предупреждение по округу. Если беглецы выберутся из ловушки «джи-ай» и минуют лапы полиции, тогда придет время Бюро. И наше.

— Не оказалось бы поздно...

— Ну-ну, не следует недооценивать силы военных профи. К тому же ваша контора не всегда гарантирует успех операции.

— Вы не учитываете, что нам придется считаться с мнением общественности, — напомнил Джарвик. — Все эти антивоенные организации поднимут вой, узнав о существовании «скорпиона».

— Мы займемся прессой, — пообещал Вильямс. — Попробуем дать по «скорпиону» специальное уведомление. Иначе эти досужие правдолюбцы такой раздуют пожар...

— Летчики могут обратиться и в конгресс, — сказал Джарвик. — Надо учесть и этот вариант.

— Учтем, — наклонил голову помощник директора ФБР. — Наши люди в сенате и госдепе будут предупреждены. Учтем и то, что беглецы попытаются пересечь границу.

Джарвик взял с тележки-бара бутылку виски «Чивас-Ригал», налил в стакан и бросил туда два кубика льда.

— Вообще-то ваша суэта мне непонятна. С чего вы все за-нервничали? В первый раз, что ли, мы экспериментируем со «скорпионом»? Три стендовых испытания прошли удачно, и ни одной утечки информации! Даже президент не знает, что такое «скорпион». К тому же мы в своем доме и делаем что хотим. Мы — американцы, и этим все сказано!

— Не передергивайте, Боб, мы не на пресс-конференции. Приберегите свое красноречие для телевидения. «Скорпион» — не обычное оружие. Он откроет, вернее, уже открыл совершенно новую страницу в истории создания оружия первого удара. Страна, обладающая им, непобедима! Но об этом говорить еще рано. Не надо было привлекать для испытаний «скорпиона» ВВС и вообще военных. Полковник Кларк достоин уважения и электрического стула — за выкинутый им трюк!

— А что там случилось с этим майором? — спросил Дэвис, откупоривая жестянку с кока-колой.

— С каким майором?

— Не с майором, а с подполковником, командиром звена «эфпятнадцатых» Морганом, — поправил Джарвик. — Я уже говорил: он отказался сбивать Кларка. Пока сидит в бункере на своей базе. Возможен вариант, что нам придется его наградить.

— Это за что же? — изумился Вильямс.

— Если информация о «скорпионе» все-таки просочится в прессу. А офицера наведения публично разжалуем.

— Джентльмены! — Джарвик посмотрел на часы. — Времени у нас мало, но кофе-брейк необходим. — Он взял белую телефонную трубку с одним микрофоном. — Джойс, кофе и тосты в гостиную.

РЕКА КОЛОРАДО

4 июня, 22 часа 00 минут

Эрхарт первым бросил весла и, выругавшись, лег на дно лодки.

— К дьяволу! Эта гонка не по мне.

Милфорд подумал и тоже перестал грести.

С момента посадки прошло уже около трех часов. Из района их поисков они выбрались благополучно, помогла погода: гул вертолетных двигателей был слышен хорошо, видимо, высаживался армейский десант, но их лодку не заметил никто.

— Миль двадцать отмахали. — Милфорд подул на свои липкие от сорванных мозолей ладони и тоже лег.

Тучи разошлись, небосвод был усеян звездами, по восточному его краю пролегла Дорога Душ. Оба берега реки были темны и глухи, лишь однажды справа мелькнул огонек да изредка слышались крики какой-то ночной птицы.

— Ты так и не сказал, куда мы направляемся, — напомнил Эрхарт.

С минуту слышалось только хлопанье воды о днище лодки, потом раздался голос Милфорда:

— Через пару миль будем у Остина. Там у меня есть друзья. Переоденемся... а дальше загадывать нечего.

Эрхарт хмыкнул, но продолжать разговор не было сил — устали они изрядно. Снова и снова вспоминал он злополучный полет, терзаясь сожалением, что не прикончил Кларка.

— Напрасно мы не последовали советам Сандерса, — не выдержал Эрхарт. — Надо было взять полковника и передать кому следует. Я за собой никакой вины не вижу. Может быть, еще не поздно вернуться? — Эрхарт приподнялся на локтях. — Слышишь, Блейк?

«Дурак — это зародыш конца мира», — вспомнил Милфорд изречение Тэффи, а вслух сказал:

— Поздно. Ты же слышал: «Погибли при посадке». Неужели непонятно, что мы теперь свидетели, которых надо заставить молчать?

— Но я-то при чем?! — взорвался Эрхарт. — Я делал свое

дело и не собирался срывать задание. Откуда я мог знать, что в голове у этого психованного человека? Подполковника?

— Вот тут ты прав, полковник Кларк оказался сильнее и решительнее, чем мы предполагали. Уважаю таких парней.

— Все равно. — Эрхарт все-таки не унимался, видимо, не зная, как себя успокоить. — Надо было свернуть ему шею за это! И вообще, я тебя не понимаю: ты что, одобряешь его действия?

— Он заставил меня кое-что переоценить. Не думал, что такие люди еще встречаются среди нас.

— Я твоих восторгов не разделяю. Из-за него мы теперь находимся в положении дичи. Не хочешь ли ты сказать, что Кларк прав?

— Прав? Не знаю. Мне с детства вдальблывали в голову идею, что всегда прав тот, кто сильнее. В данном случае Кларк тоже был сильнее, но источник его силы не такой, к какому я привык.

— По мне главный источник силы — деньги. А после полета, кстати, у меня была бы в кармане кругленькая сумма. Черт бы побрал этих индейцев!

Милфорд тихонько присвистнул.

— Они-то здесь при чем?

— Из-за них разгорелся весь этот сыр-бор. И Кларк наверняка тайный агент Ирака, иначе не пошел бы на такой безумный шаг.

Милфорд покачал головой.

— Неплохо над тобой поработали попмены, — пробормотал он. — Ты всерьез веришь в «козни Саддама»?

— Мне до него нет никакого дела. Я собирался испытать свое изобретение, остальное не в моей компетенции. Почему я должен куда-то бежать? Я ничего не сделал, только разработал принцип работы «скорпиона». Зачем я здесь? Это ты меня втянул! — Последние слова Эрхарт выкрикнул, и эхо принесло с берега очередь «нул-нул-нул...» — Будь ты проклят вместе с...

— Заткнись! — тихо процедил сквозь зубы Милфорд, и было в его голосе нечто такое, от чего физик почувствовал неприятный озноб. «Ладно, — подумал он. — Еще поглядим, кто окажется умней. Надо было остаться на борту, но еще не

все потеряно. Физики такого класса, как я, на дороге не валяются...»

Милфорд в это время думал над тем, что ему делать дальше. Если он принимал какое-то решение, то выполнял его без колебаний. Единственное, о чем он пожалел, что не взял с собой НЗ. Эрхарт напомнил ему об этом, проворчав миролюбиво:

— Пожрать бы сейчас...

Милфорд посмотрел на светящийся циферблат часов.

— Пора к берегу, дальше пойдем пешком.

Они взялись за весла и повернули лодку к левому берегу.

Сразу за отмелью начинался лес, по-ночному угрюмый и таинственно-ждуший: сосны, флоридский тис, тсуга, ива и можжевельник. Под его пологом пахло ладаном и медом, видно, где-то неподалеку пряталось тюльпанное дерево.

Милфорд, не оглядываясь, углубился в чащу, Эрхарту пришлось ускорить шаг, чтобы не потеряться в темноте. Под ногами у них то шуршали прошлогодние опавшие листья, то чавкала насыщенная водой дернина, то путался луизианский бородатый мох. Несколько раз подавал голос волк, совсем близко пробежал какой-то крупный рогатый зверь, скорее всего олень, изредка кричала танагра и ухал филин.

— Заповедник здесь, что ли? — спросил запыхавшийся, исцарапанный Эрхарт.

Милфорд не ответил, следуя только ему одному известному направлению. Спустя полчаса они вышли на узкую дорожку, сложенную из бетонных плит. Дорога казалась заброшенной, но идти по ней было гораздо легче, хотя приходилось напрягать зрение, чтобы не попасть ногой в довольно широкие щели между плитами.

Они миновали наблюдательную вышку лесничего, в амбразуре окна которой блеснуло стекло объектива телекамеры, включаемой для определения координат пожара, обошли два штабеля каких-то брикетов с едким запахом, кажется, это были удобрения для лесных посадок, и неожиданно очутились на опушке леса. Дальше следовало изрытое траншеями и ямами поле, за которым вставало электрическое сияние города.

— Остин! — сказал Милфорд, блеснув глазами и зубами. — Хочу тебя предупредить, Дик. — Голос его был споко-

ен, но Эрхарт вновь ясно почувствовал в нем скрытую угрозу. — Или ты будешь выполнять все, что я скажу, или здесь наши пути расходятся.

Доктор физики из «Иксplotен инсайд» поежился, прикидывая соответствие возможностей своим желаниям, вытер потную шею рукой. От его одежды шел пар.

— У нас нет ни транспорта, ни одежды, ни денег. Нас схватит за шкуру первый же коп¹...

Милфорд смерил взглядом грузную, рыхлую фигуру Эрхарта и пожалел, что сразу не предложил ему идти своей дорогой. Но решений своих он не менял.

Еще через полчаса они вышли на окраину Остина в районе речного порта. Шел второй час ночи, когда Милфорд отыскал на одной из тихих, едва освещенных улиц телефон-автомат и набрал номер, несмотря на отсутствие монет. Эрхарт сделал вывод, что звонил Блейк в одну из аварийных служб города, но куда именно — не расслышал. Милфорд разговаривал тихо, загородив телефон широкой костистой спиной.

— Порядок, — сказал он, повесив трубку. — Через четверть часа нас подберут. Подождем.

Они уселись под оградой на кучу мусора и стали ждать, прислушиваясь к звукам, долетавшим из центра города, — сигналам автомашин, музыкальным аккордам, резким звонкам и свисткам... Вскоре они здорово продрогли: ночь была холодной, а одежда — мокрой от пота. Пришлось подниматься и делать разминку.

Им повезло: на улице так никто и не появлялся. Лишь однажды проехал старый «Форд» с погашенными фарами.

Обещанный Милфордом автомобиль появился только спустя сорок минут — спортивный «Ягуар» с откидным верхом. Человек за рулем молча подождал, пока они сядут, потом погнал машину с бешеной скоростью, не обращая внимания на испуганные возгласы Эрхарта.

Вскоре подъехали к двухэтажному особняку за кружевной железной решеткой. Водитель вышел, повозился с воротами,

¹ Коп — презрительная кличка полицейских.

открыл, но заезжать в них не стал. Махнул рукой — шагайте, мол, за мной.

По мусору на газонах и неподстриженным шпалерам кустарника Милфорд определил, что в доме давно уже никто не живет, но ошибся: внутри все было прибрано, свет в настенных бра включался автоматически.

Водитель остановился посреди холла, окинул взглядом своих пассажиров. Эрхарт только сейчас разглядел, что это... офицер полиции! От внезапного страха его колени стали ватными, и, чтобы не упасть, он сел на роскошный диван.

— Нам нужно скрыться, — сказал Милфорд. — Лучше в Мексику. Как скоро это можно сделать?

Неразговорчивый, ничему не удивляющийся лейтенант задумался.

— Придется ждать решения босса. — Голос у него оказался звучным и выразительным, как у актера кино.

— Сколько?

— День-два...

— Много. Придется побеспокоить босса раньше, где бы он ни был. У меня важная информация.

Полицейский пожал плечами.

— Попробую. Оставайтесь здесь. Выходить не рекомендую. Ванная, бар и кухня к вашим услугам. Кормить будут регулярно. Ждите сигнала.

Он ушел. Щелкнул входной замок, и беглецы снова остались вдвоем.

— Он в самом деле... полицейский? — выдавил из себя Эрхарт.

В глазах Милфорда вспыхнули искры смеха.

— Испугался? Он член нашей «семьи», третье лицо после босса и его заместителя... Располагайся, а я пошел в ванную. Только не вздумай смыться: дом охраняется.

«Какой семьи?» — хотел спросить Эрхарт, но прикусил язык, вдруг сообразив. Привезший их лейтенант полиции принадлежал к одной из «семей» мафии! Значит, Блейк Милфорд тоже имел к ней отношение, если сказал «нашей семьи»?!

— Выпей, — посоветовал Милфорд, стаскивая с себя комбинезон, — и успокойся. Мы в полной безопасности.

Эрхарт исподлобья наблюдал за ним.

— И давно ты... — начал он и умолк, надеясь, что Милфорд поймет.

Оставшись в одних плавках, Милфорд собрал в кучу одежду. Тело у него было угловатым, жилистым, мелкие шрамы на предплечьях походили на следы кошачьих когтей, но на самом деле — об этом знал только сам Милфорд — это были шрамы от гиббереллиновых шприцев. Блейк «сел на иглу» с десяти лет, а в девятнадцать по настоянию босса прошел курс лечения, проявив недюжинную силу воли. Но шрамы остались на всю жизнь.

— И давно ты в «семье»? — закончил Эрхарт со второго захода.

— С детства, как и все нормальные люди. Я родом из этих мест, из-под Кервилла. Начинал рассыльным, работал «тенью» букмекера, потом закончил колледж.

— А кто у вас босс?

Милфорд покрутил пальцем у виска.

— Детские вопросы будешь задавать на телевидении. Пошли мыться. И не забивай себе голову чепухой.

Эрхарт посмотрел ему вслед, и вдруг до него дошло, что все это с ним произошло наяву: посадка вдали от аэродромов, бегство, знакомство с той изнанкой жизни, с которой он, стопроцентный американец, был незнаком, поскольку обитал в тесном футляре деловых отношений с предельно узким кругом специалистов. До сих пор он жил оторванным от общественной жизни, замкнувшись на технических проблемах «Икспложен инсайд». Беспомощный, безвольный, но фанатично преданный делу, он жил в созданном собственной фантазией мирке, равнодушный к любым проблемам, не затрагивающим его лично, равнодушный к сотрудникам, начальникам, к людям вообще.

Но стоило только каким-нибудь образом вырвать его из этого мирка, как он становился другим человеком. Как любя физическая система стремится к положению равновесия, к состоянию покоя, так и Эрхарт в критические минуты начинал искать любые пути к достижению личного комфорта, утраченного душевного равновесия. И тогда верх брала его

скрытая натура — грубая, коварная и злобная, способная на любой шаг, неразборчивая в средствах к достижению цели.

Пока что Эрхарт следовал в кильватере чужой воли, так как не сумел сразу перестроить себя, избрать собственный вариант действий. Но приключения, в которые он был вовлечен помимо своего желания, кончились, и он, очнувшись, оказался в вакууме ничегонеделания, поставленный де-факто в условия, которые абсолютно не соответствовали его понятию покоя.

«Ладно, — подумал Эрхарт, — посмотрим. В такой компании можно не бояться полиции, а продать их я всегда успею».

С этой мыслью он пошел искать буфет с баром.

ОСТИН, УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

4 июня, 22 часа 20 минут

— Дай ему еще раз по морде и отпусти, — сказал Дуглас.

На лице сержанта отразилось сожаление, но лейтенант не стал ждать развязки событий, бросил последний взгляд на негра, которого приволокли агенты, заподозрившие его в попытке ограбления газетного киоска, и вышел из комнаты.

В коридоре Дугласа остановил Торнтон, предложил голубую «Бенсон энд Хеджес», шелкнул зажигалкой.

— Тебя искал Гарри.

— Зачем?

— Не сказал. Он у шефа, подойди. Я слышал, случилась какая-то заваруха с военными летчиками, посадили бомбардировщик не куда надо. Может, поэтому?

Дуглас кивнул и направился на второй этаж управления, в кабинет под литерой «А».

— Тебя ждут, — сказал ему розовощекий, похожий на куклу секретарь, единственным достоинством которого была привычка к лаконичной речи. Дуглас тоже обладал этим достоинством, предпочитая обходиться минимумом слов и даже жестов.

— Давно?

— Четверть часа.

Лейтенант сделал последнюю затяжку, бросил сигарету в

урну, одернул мундир и вошел в кабинет Луиса Маклеода, шефа полиции Техаса.

Шеф беседовал с бригадиром Гарри Тернером, демократически сидя рядом с ним на диване. Маклеод был тощ и узкоплеч, на его аскетическом лице выделялись близко посаженные к орлиному носу черные пронзительные глаза. Тернер, наоборот, был тучен, плешив, с лицом плоским, как блин. Он то и дело вытирал лысину платком.

— А-а, вот и Джи-Пи, — встал навстречу лейтенанту Маклеод, ловко избежав при этом рукопожатия. — Наш герой Джи-Пи, гроза преступного мира Техаса. Гарри, мне кажется, он давно заслужил повышение по службе.

— Возможно, сэр, — прохрипел Тернер. — Кое-какие задатки у него есть.

— Вот и займитесь этим, представьте рапорт по команде. — Шеф полиции сел за свой необъятный стол из красного дерева. — Садитесь, лейтенант, не надо демонстрировать мне свою отличную выправку. Вы знаете, что произошло? В нашем районе произвел посадку бомбардировщик В-1С «Грейт хантер» с пятью членами экипажа.

— Да, сэр. — Дуглас ничем не выдал своих чувств.

— Так вот, со мной только что говорил заместитель министра национальной обороны Джилберт Хадли. Эти парни — преступники! Они устроили диверсию, уничтожили какую-то уникальную установку и решили бежать к русским.

«Зачем же тогда они садились у нас, сели бы в Мексике», — подумал Дуглас, но сказал другое:

— Понял, сэр. Но я слышал обращение к населению, что при посадке произошла катастрофа и летчики погибли...

Начальник управления улыбнулся одними губами.

— Вы умный человек, Джи-Пи. Они живы... пока. Этих парней надо во что бы то ни стало найти. Они сбежали — погода, к сожалению, им благоприятствовала — и теперь где-то прячутся. У вас есть... э-э... друзья... которые... э-э...

Шеф полиции знал, что Дуглас работает на гангстеров, и это знание увеличивало вероятность его избрания в мэры города на ближайших выборах.

— Да, сэр, я понял.

— Вы назначаетесь координатором операции под кодо-

вым названием «Охота». Вся полиция штата будет подчинена вам... и Гарри, конечно.

Дуглас поймал взгляд Маклеода и понял, что шеф перестраховывается на случай провала операции, то есть не хочет рисковать ни местом, ни жизнью, и заботится о своих добрых взаимоотношениях со столь серьезной организацией, как мафия Техаса, и в то же время не забывает об официальных органах власти.

— Вводные вам даст Гарри, — продолжал Маклеод. — Я надеюсь на ваш талант... комиссар Дуглас. Вперед, парни!

В кабинете бригадира, провонявшем табаком и потом, Тернер плюхнулся в свое кожаное кресло, кивнул на алюминиевые стулья у стены.

— Садись. Виски?

— Нет.

— Черт бы побрал твою манеру разговаривать! Не знаю, за какие такие заслуги шеф счел возможным присвоить тебе очередное звание, это его дело, может, ты его родственник. Но за провал операции я тебя уничтожу! Учти.

— Учту, сэр.

Тернер долго разглядывал бесстрастное лицо Дугласа, потом вытер лысину. Он ненавидел лейтенанта всеми фибрами души, справедливо видя в нем соперника по службе. Дуглас не был ни богат, ни родовит, тем не менее шагал вверх по служебной лестнице гораздо быстрее остальных инспекторов полиции, проявив себя в нескольких делах с наркотиками и ограблениями. Никто не знал, что эти дела были специально инспирированы мафией для упрочения положения лейтенанта в полиции, разве что шеф полиции догадывался об этом, но молчал. Тернер же не догадывался ни о чем.

— Комиссар! — саркастически проговорил бригадир. — Черта с два, сначала закончи дело!

— Вводные, — коротко сказал Дуглас.

Тернер снова посмотрел на него долгим взглядом, расстегнул пуговицу на френче и закинул ноги на стол.

— Начало ты слышал. Они сели на левобережье Колорадо. Военные выбросили десант, но поздно — птички улетели. Прочесывание местности тоже ничего не дало. Дурак фермер, владелец ранчо, видел двоих, дал им сухую одежду и

свою машину — фургон «Транспортер ФБ». Говорит, они попались в Бернет, но в Бернете их не видели. Военные патрули перекрыли дороги — никого...

— Мне понадобятся их фотографии и описания.

— Вот папка... Уйти они не должны. Есть приказ — стрелять без предупреждения. Кстати, они вооружены...

Тернер не знал, чем вооружены летчики, как не знал этого и начальник полиции. Заместитель министра обороны не счел нужным сообщить им, что в сейфах, кроме обычного оружия, находилось и экспериментальное.

— Разрешите действовать, сэр? — вытянулся Дуглас.

— Действуй, — кивнул бригадир с кислым видом, — инспектор Жи-Пи Дуглас.

— Старший инспектор, — уточнил лейтенант и вышел.

В кабинете Хобарта Уинфилда, заместителя начальника полиции по связи с прессой, он встретил инспектора Буша.

— Пошли ко мне.

Меланхоличный, бледный, словно мучимый болезнью, Буш молча повернул вслед за Дугласом.

В своей комнатухе Дуглас бросил бювар на стол, достал из бара закрытые пластмассовые стаканчики с кофе, протянул один Бушу, затем достал пакетики с криспсом.

Пока инспектор пил кофе и хрустел жареным картофелем, Дуглас рассказал ему о задании, потом спросил:

— Понял?

— Понял, что Гарри хочет тебя слопать.

Дуглас усмехнулся, посмотрел на часы.

— Итак, Буш, тревога по штату уже объявлена, поиск начался. Что дальше?

— Досье. Надо знать их характеры и привычки. Прикинем, куда они могут податься, потом решим. Похоже, спать не придется.

Зазвонил телефон, Дуглас снял трубку. Звонил дежурный.

— Жи-Пи, вас спрашивает какой-то сумасшедший, называл себя «Блейк-специалист».

Дуглас метнул взгляд на Буша.

— Соединяйте.

В трубке зазвучал голос Блейка Милфорда. Дуглас выслушал его внешне спокойно, сказал «ждите» — и положил трубку.

— Кто это звонит тебе по ночам? Женщина?

— Губернатор штата, — хладнокровно пошутил Дуглас. — Я отлучусь ненадолго, а ты приготовь свежий кофе, только, чур, мне санка, не люблю капуччино. Полистай досье...

Буш пожал плечами.

— По мне лучше выпить баррель «Будвайзера»¹, чем стакан кофе. А листать стоит только «Скру», а не какое-то паршивое досье.

Лейтенант, в свою очередь, пожал плечами и вызвал машину.

Вернулся он через час, не потеряв ни грана своей невозмутимой сосредоточенности.

По кабинету витали запахи ароматного капуччино, Буш сидел, закинув ноги на стол, и жевал бутерброд, прихлебывая кофе.

— Я потерял надежду увидеть тебя до утра, — сказал он с набитым ртом. — И, чтобы не уснуть, сварил кофе во второй раз. Наливай себе сам.

Дуглас молча налил кофе, взял бутерброд.

— Есть новости?

— Почти никаких. Приходил Хобарт, принес фотографии, сказал, что на место посадки самолета прибыло командование базы. Заваруха приличная, если наши забегали, как тараканы от огня. По всем городам штата усилено патрулирование, но наши друзья как в воду канули.

— Всплывут. — Лейтенант подтянул к себе досье. — Читал?

— Листал, любопытная информация. У меня такое впечатление, что экипаж «Грейт хантер» подобран без должного анализа их послужных списков. Этот полковник Кларк, командир бомбардировщика, единственный, кто симпатичен мне из всей пятерки. Летчик экстра-класса, пять тысяч часов налета за спиной, и вдруг — преступник!

— Не думал, что после двух лет службы в полиции ты еще не потерял способность удивляться. Придется занести тебя в списки неблагонадежных.

¹ «Будвайзер» — марка пива.

Буш меланхолически дожевдал бутерброд, вытер губы, но сказал не то, о чем подумал:

— Только психи могут устраивать кофе-брейк ночью!

Дуглас усмехнулся, взял фотографию Дональда Кларка, всмотрелся. Лицо лобастое, правильное, с жесткой складкой губ. В этом лице угадывался характер волевой и решительный. Гладиатор, подумал лейтенант. Жаль, что полковник попал в эту компанию. Оплошал...

Быстро просмотрев остальные фотографии и внимательно прочитав документы, Дуглас задумался.

— Если они не дураки, — сказал он, — то примут единственно верное решение — слиняют в Мексику.

— Они могут быть умными и тем не менее выберут другой путь, потому что непрофессионалы.

— Исходя из этого и будем действовать. В любом случае они не могли из точки посадки уйти дальше чем на двадцать-тридцать миль. Очерчиваем круг с таким радиусом, перекрываем дороги, наглухо закрываем в этой зоне вокзалы, аэропорты, автостанции, мотели... Что еще?

— Пока хватит. Если до вечера не найдем следы — поищем другие пути. Скажем, засады дома, надзор над переговорами с базой, конгрессом и тому подобное.

— Далеко пойдешь, — прищурился Дуглас. — Пожалуй, я не ошибся, взяв тебя в помощники. Тебя давно пора снимать с мелких краж и переводить в отделение уголовных преступлений. После операции подскажу шефу.

Буш пришел в полицию рядовым полисменом, закончив университет в Сан-Антонио. Что послужило толчком к такому решению для безусловно неглупого парня, никто не знал, но Буш начал с нуля и за два года достиг чина второго лейтенанта и должности инспектора. Только Дуглас имел сведения, проливающие свет на секрет появления Клайда Буша в управлении полиции Остина: Буш хотел раскрыть тайну убийства отца, учителя русского языка в колледже. Клайд был честен, умен и наивен, чем умело пользовались все старшие инспекторы управления.

— Я в диспетчерскую, — сказал Дуглас. — А ты бери вертолет и жми в Бернет. По крайней мере двое из нашей пятерки крутятся где-то там. Да, возьми у Хобарта свидетельст-

во АА, чтобы на месте не доказывать на пальцах свои полномочия.

Лейтенант спустился в диспетчерский зал, наполненный пением пультов, звонками, стрекотом печатающих устройств, поговорил со старшим дежурным по управлению и в два часа ночи покинул здание. Сделав по привычке две петли по слабо освещенным улицам и не обнаружив «хвоста», Дуглас направил свой черный «Порше» в район Колорадо-Ривер, где находился самый фешенебельный ресторан города «Блю стилл». Припарковав машину на стоянке у западного входа в ресторан, он спустился по незаметной лестнице в подвал, показал охраннику безобидный значок с надписью «Голливуд». Миновав коридор, он толкнул дверь с надписью «Энергосеть» и очутился в небольшой комнате с тихо гудящими шкафами и электропанелями. Плотный молодой человек с цепким взглядом, сидевший за столом, заваленным бумагами, протянул к нему руку.

Дуглас молча отцепил ремень с пистолетом, положил на стол и открыл железную дверь с трафаретом «Аккумуляторы». За нею был тамбур и еще одна дверь. Здесь-то и располагался второй, неофициальный, кабинет босса.

В кабинете находились двое: сам Чезаре Паркано, по кличке Гурон — из-за орлиного носа и прямых блестящих черных волос, — и его заместитель, он же шеф безопасности «семьи» Бак Хьюлам, похожий на крокодила, подвергнутого вивисекции с целью очеловечивания.

Паркано прыгнул с полированного стола, на котором сидел, пожал руку Дугласу.

— Кажется, ты влип, малыш? Сэр Гарри сделает все, чтобы ты провалил дело.

Осведомленность босса когда-то потрясала не только молодого Дугласа, лейтенанта полиции, а также «лейтенанта» в иерархии «семьи» техасской мафии, но с опытом пришло подозрение, что информацию Паркано добывает из первых рук, то есть из источников вплоть до правительственного аппарата.

— Что будем делать с Блейком? — продолжал босс, белозубо улыбаясь, словно телекомментатор из раздела светской хроники. — Он «засветился»?

— Судя по его рассказу — нет. Он неглуп и понимает, что стал мишенью, хочет уйти за пределы «охотничьего загона».

— За границу? В Мексику? Мысль неплохая. Но что, если его там случайно опознают? Молодчики сэра Форбрайта умеют выкачивать правду даже из мертвых, когда это требуется.

— Их надо убрать, обоих, — подал голос Хьюлам, неприятно выпятив челюсть. — Не стоит связываться с компанией Хадли, они нас в лепешку раздавят.

— Ты тоже такого мнения, малыш?

Дуглас выдержал взгляд Паркано.

— Блейк нам еще пригодится, он говорил, что обладает важной информацией об испытании какого-то нового оружия. Можно по нашим каналам отправить его в «круиз» на год-полтора, а потом вернуть под другим именем в какую-нибудь лабораторию ЦРУ.

— Да, жаль. — Босс прошелся по кабинету кошачьей походкой гимнаста. — Жаль, что у нас порвался контакт с «ИИ». Лаборатория действительно разработала какое-то супероружие, но характеристик Милфорд не сообщал. Хочет продать подороже? Посмотрим... Что ж, коллеги, — улыбнулся он, останавливаясь перед Хьюламом и Дугласом, — чрезвычайно вам признателен за советы. Судьбу Специалиста я решу позже, как и его соратника, Эрхарта. Этот второй может стодиться хотя бы в качестве трупа, — Паркано снова безжалостно улыбнулся, — для того чтобы инспектор Дуглас получил повышение по службе. А сэра Гарри ты не бойся, малыш. Мы ему напомним историю с продажей его виллы. Все, что надо, получишь обычным путем. Вперед, малыш.

Дуглас четко повернулся и вышел. Паркано смотрел ему вслед с той же улыбкой, только глаза его были холодными как лед.

— Способный парень, — сказал он задумчиво. — Жаль, слишком умен... Или я преувеличиваю? Но — к делу. Надо помочь найти ему остальных. Это не значит, что мы тут же сплавим их в руки полиции. Но я должен знать о каждом шаге летчиков. Ты понял, Бак?

— Сделаем, босс, — коротко ответил Хьюлам.

ПРИГОРОД ДЖОРДЖТАУНА

5 июня, 5 часов утра

Кларк притормозил, свернул с дороги в кусты, подождал минуту и заглушил двигатель.

— Приехали? — промычал Дейм, поднимая голову с заднего сиденья.

Кларк вместо ответа открыл дверцу и вышел из кабины в мглистое, сырое и холодное утро.

Небосвод на востоке из беспросветно-черного стал серым и светлел с каждой минутой. В лесу, начинавшемся прямо за бордюром автострады, проснулись птицы, в их перекличке Дональд узнал крикливые голоса сойки и басовитое уханье лугового тропиала.

Где-то далеко послышалось пение мотора, потом оно вдруг оборвалось. Насторожившийся Кларк сделал знак выезжавшему вслед за ним пилоту. Но звук не повторился, и Кларк успокоился.

Утро рождалось тихое, росистое и светлое, призывающее к любви и доброте.

— Устал? — спросил пилот. — А я зверски хочу есть! Может, в машине что-нибудь отыщется?

Кларк оглянулся, пошутил:

— Наверняка там сыщутся не только сэндвичи, но и пара жестянок пива.

Машину они увели под Бернетом у ротозея маклера по продаже недвижимости, который согласился подвезти их к мэрии. До этого они утопили свой фургон в реке, когда чудом не попались полицейскому патрулю у въезда в Бернет. Упоывая на удачу, проголосовали темно-синему «Порше-928» и на нем миновали полицейский пост.

Маклер — рубаха-парень, успевший рассказать о себе почти все за четверть часа, что они колесили по городу, — оставил машину возле почты, попросив их подождать, пока он позвонит, и Кларк не стал искать другого случая, убедив совесть клятвой, что вернет долг и маклеру, и старику Биллу.

За город они выехали не по междугородному шоссе, а свернули на грунтовую дорогу, где наверняка не было патрулей. Поехали на восток, в сторону Остина, достигли государ-

ственной дороги №63 и по ней через три часа, по расчетам Кларка, доехали до предместий Джорджтауна, ползя со скоростью черепахи: шоссейку чинили в последний раз лет десять назад, и была она разбита до безобразия.

— Ну теперь-то ты скажешь, куда мы едем? — Дейм, зевая, рылся в багажнике, потом открыл блок-шкаф на передней панели. — Мчимся вслепую, как зайцы... О, смотри-ка!

— Не вслепую, — возразил Кларк. — Что ты там отыскал?

— Ты как в воду глядел! «Будвайзер». Держи!

Кларк поймал банку с пивом, сорвал колечко с крышки и с наслаждением выдул половину содержимого.

— Нормально! С непривычки даже голова закружилась. А как насчет сэндвичей?

— К сожалению, только пиво.

— И на том спасибо.

Кларк сел на место водителя, допил пиво и включил приемник. Кабина наполнилась голосами комментаторов, обрывками мелодий, шумом моторов и выстрелов, воплями Майкла Джексона. В эти ранние утренние часы мир уже сходил с ума.

Дональд прошелся по шкале КВ-диапазона, потом перешел на УКВ и сразу наткнулся на передачу, адресованную «стопроцентным благонадежным американцам».

— ... «Грейт хантер». Экипаж погиб, выполняя свой долг. Все граждане Соединенных Штатов склоняют головы перед мужеством этих парней. Вот их имена...

Кларк выслушал некролог самому себе и выключил приемник.

— Нашел! — вдруг завопил Дейм, торжествующе извлекая из багажника авоську, заполненную банками с яркими наклейками. Потом пригляделся и сплюнул. — Чтоб ты лопнул!

— Что там еще? — поинтересовался Кларк, с трудом одолевая неожиданный приступ апатии.

— Собачьи консервы, — буркнул пилот. — То-то я никак не мог определить, чем пахнет в кабине. Оказывается, псиной!

Дональд через силу рассмеялся.

— Бедный пес, ему теперь придется туго. А консервы,

кстати, не мешало бы захватить с собой: кто знает, не придется ли нам голодать...

— Разве мы собираемся идти пешком?

— До Джорджтауна около мили, на дорогах наверняка пикеты, нас теперь ищут по всему Техасу. Жаль, что погода перешла на службу к полицейским.

Дейм поднял недоумевающий взгляд, не сразу поняв шутку командира.

— Ты прав, в дождь было бы легче пробираться. Как гласит неписаная поговорка: «Хороший полицейский тот, кто в плохую погоду не высовывает нос на улицу».

— Сам придумал?

— А что, плохо?

Кларк допил пиво из второй банки, выбросил жестянку и тоже принялся осматривать машину. Закончив осмотр, разочарованно хмыкнул:

— Парень, видать, дошлый, ничего лишнего не возил. А переодеться нам не мешало бы.

— И чтобы в карманах кое-что звенело в придачу. Если ты хочешь добраться до Вашингтона, без денег ничего не выйдет.

Кларк кивнул в знак согласия.

— В Вашингтоне делать нечего, там нас живо слопают парни ФБР. Сначала доберемся до Джэксонвилла, встретимся с отцом. Экипируемся — и в Нью-Йорк.

— Сразу к федеральному прокурору?

— Нет. — Дональд не поддержал шутку. — В ООН. Это единственное место, где мы можем сохранить шкуру.

Дейм задумчиво поковырялся в ухе.

— Что ж, ты командир, тебе и решать. Ну а если мундиროносцы устроят засаду в доме твоего отца?

— Я это предусмотрел.

Кларк достал из кабины номер «Остин таймс», расстелил на траве и стал выгружать на газету содержимое карманов: черный цилиндр, похожий на баллончик из-под аэрозоля, два серебристых пакета, коробку с прозрачной крышкой, под которой виднелись коричневые продолговатые предметы, напоминающие грецкие орехи, пистолет необычной формы, еще один поменьше, но с оптическим прицелом.

— Вот именно, — сказал Дональд, встретив взгляд пилота. — Мы с тобой уже не существуем, и спецкомандам наверняка дан приказ стрелять без предупреждения. Так что придется драться. Или ты иного мнения?

Дейм отвел взгляд.

— Придется — буду. Я тоже не горю желанием стать покойником. — Он подумал. — Но и первым начинать стрельбу...

— Успокойся. — Кларк улыбнулся. — В нашем арсенале нет оружия, поражающего насмерть. Разве что та машина, которую принес ты? Например, эта штуковина — ультразвуковая. — Он взял в руки самый большой из пистолетов. — Тот, что поменьше, с прицелом, — пневматический, стреляет ампулами яда «Черный лист». Суточный паралич двигательных центров. В коробке — газовые гранаты, в баллоне — спецжидкость, вызывает припадки эпилепсии и называется подходяще — «Валькирия». В пакетах — порошок, вызывающий ожоги при добавлении его в воду. А это — пневмошприц со снотворным. Я мог бы взять еще «Тезер» — аппарат электрошока, но он слишком тяжел.

Пилот удивленно присвистнул.

— И это все было на борту нашей лайбы?!

— Было. «Для защиты экипажа», как гласит инструкция, которую учат только командиры. Все эти штучки прошли испытания в Сент-Олбансе и рекомендованы к применению на земле и в космосе. Знать бы, что за штуковину ты прихватил, не видел ничего подобного. — Дональд взвесил в руке ультразвуковой пистолет и протянул пилоту. — Это тебе. Применять только по моему сигналу. Обращаться так же, как с обычным пистолетом. Прицельная дальность стрельбы — до пятидесяти футов. Остальной арсенал у меня в сумке. Эх, нам бы еще пуленепробиваемых жилетов парочку...

Дейм поупражнялся с пистолетом, выхватывая его из кармана с гримасой, должной, по его мнению, принадлежать супермену вроде Рэмбо, и в это время над лесом послышался нарастающий рокот мотора.

— Под дерево! — неприятным голосом приказал Кларк, подталкивая Стива к ближайшей сосне. — Вертолет!

Вертолет с опознавательными знаками ВВС летел над до-

рогой на высоте пятисот футов. Дональд возблагодарил бога, что загнал машину в кусты, а не оставил ее на шоссе.

— «Чинук СН-27С», — сказал он, провожая глазами металлическую стрекозу.

— Это «Апач», — возразил Дейм. — У «Чинука» нет боковых подвесок с ракетами, а у этого шестнадцать штук, у меня зрение двухсотпроцентное.

Кларк не стал спорить.

— Идем, здесь нам ждать больше нечего.

Они тщательно замаскировали машину ветками чаппаралля и вышли на дорогу, по которой за это время проехал всего один автомобиль — молочный фургон. Какое-то время шли молча, прислушиваясь к звукам лесной жизни. Пилот несколько раз споткнулся и раздраженно сказал, ни к кому не обращаясь:

— И почему это государственные дороги, черт побери, всегда хуже частных?

Стивен Дейм принадлежал к «реактивным», деятельным натурам. Он не боялся попасть в калейдоскоп событий, сменяющих друг друга с бешеной скоростью. Это была его жизнь, торопливая и жадная на приключения, зачастую ставившая его на край пропасти, имя которой вечность. Дейм всегда спешил, спешил любить и ненавидеть, радоваться и мучиться от неудач; последние, правда, с ним случались редко. Рев мотора, мелькание сцен, головокружительное бегство в неизвестность — все это было для него скорее делом обыденным, нежели отклонением от нормы. Внезапная остановка, идиллическая тишина леса вдруг заставили его почувствовать иной ритм, ритм угрозы, скрытой вокруг опасности. Хорошее настроение покинуло пилота, и он наконец осознал, что играет в прятки со смертью. Однако природный оптимизм брал свое. Дейм не умел долго хмуриться и размышлять о последствиях своих действий, предпочитая действовать. Только одна мысль не давала ему покоя, и он ее высказал:

— Дон, мы все время летали с этим арсеналом в сейфе?

Кларк оглянулся и свернул в лес.

— Все время. Вспомни, где мы только не были. Вынужденная посадка в любом горячем районе без оружия равносильна глотку яда, как говорил инструктор. Не отставай.

Дальнейший путь продолжали в молчании, под шорох листьев и треск сухих веток, и через полчаса вышли к огороженной колючей проволокой городской свалке. Когда-то здесь была балка глубиной в тридцать и шириной в триста футов, по дну которой тек ручей. Теперь почти вся она до краев была заполнена мусором. Спектр запахов свалки был обширен: от бензина и ядохимикатов до мерзостных трупных миазмов.

Дейм принялся, забавно сморщив нос, и широко повел рукой:

— Меню на дисплее, кэп.

Кларк не ответил на шутку, выглядывая, нет ли поблизости роющих в отбросах людей, но было еще слишком рано, к тому же мусор из города начинали вывозить после обеда. Это было им на руку, потому что у Дональда родилась идея — «приодеться» именно здесь.

— Следи за въездом. Увидишь кого-нибудь — свистни.

— Ты хочешь туда пробраться? Зачем?

Кларк, не отвечая, быстро зашагал вдоль колючей изгороди, вскоре нашел дыру и пролез сквозь нее на территорию свалки. Вскоре он скрылся за горами мусора, а Дейм принялся терпеливо наблюдать за дорогой, готовый, в случае чего, бежать на помощь.

Время текло медленно. Заря гладила горизонт розовыми пальцами. Лишь карканье ворон нарушало утреннюю тишину. Вспугнутые Кларком, они поднялись в воздух и закружились над балкой, похожие на летящую по ветру тучу пепла.

Командир вернулся через полчаса с каким-то тюком под мышкой.

— Снимай все с себя, кроме нижнего, и переодевайся.

— Вот в это?! — Пилот брезгливо развернул тюк.

— Не крути носом, это некондиция с местной фабрики, нам повезло.

— Но тут только спортивные костюмы.

Кларк молча сбросил с себя куртку, выданную фермером, брюки из майлара и, оставшись в одних трусах, натянул спортивный костюм с эмблемой фирмы «Спиди».

— Тесноват, да и штанины разные, но сойдет. Я даже кроссовки нашел, почти новые. Надевай, время не ждет.

Кларк перекинул через плечо ремень своей сумки, а пневмопистолет сунул в карман.

Дейм с неохотой снял с себя одежду и проделал ту же процедуру с переодеванием.

— Ну вот, теперь мы спортсмены из местного спортивного клуба «Синие блузы». В город войдем со стороны северного бидонвилля¹, там полицейских пикетов быть не должно. Если нас и ждут, то на больших южных дорогах.

Они зарыли костюмы в песок и рысцой направились в обход свалки. Вскоре выбрались на узкую асфальтированную дорогу, ныряющую в трущобы бидонвилля. Кларк поздно сообразил, что дорога ведет к бензоколонке. Он совсем забыл о ней. Возле правой стойки маневрировал зеленый «Бьюик» с открытыми дверцами, а чуть поодаль стояла «Панда» — полосатая машина полицейского патруля.

— Хэлло, парни, — приветствовал их лениво широкий, как комод, капрал, выплевывая жвачку. — Футболисты, что ли?

— Бейсбол, сэр, — ответил Кларк, останавливаясь. — Тренируемся по утрам.

— Что-то я вас раньше здесь не видел.

— А мы в клубе недавно, сэр, — улыбнулся Дейм. — Вы нас еще оцените. На поле.

Полисмен осклабился.

— За кого играете?

— Не приставай к людям, Чарли, — проворчал второй полицейский из машины. — В таких костюмах тренируются только «Синие блузы». Это парни из команды Кроули.

— Вы настоящий детектив, капитан, — с уважением сказал Дейм.

— Сержант, — поправил полицейский.

— Не хотите ли чашечку кофе? — сказал пожилой негр, владлец заправки. — Я болею за «Синих».

Летчики переглянулись.

— С удовольствием, — сказал Кларк. — Хотя завтракаем мы обычно позже.

Провожаемые взглядами полицейских, они зашли в «ак-

¹ Бидонвилль — трущобы бедноты и безработных.

вариум» бензозаправки, где стоял блещущий никелем кофейный автомат. Хозяин налил им горячего кофе в широкие чашки и соорудил трехэтажные бутерброды: хлеб, сыр, колбаса, кетчуп.

— Нам нечем заплатить, — сказал Дейм с набитым ртом, — бумажники остались дома.

— О-о, это бесплатно! Джо Рислинг не берет платы с игроков любимой команды.

С улицы донесся сигнал, и хозяин поспешил к колонке. Кларк видел, как капрал что-то буркнул по рации — и подошел к негру.

— Стоят? — спросил, не оборачиваясь, Дейм.

— Стоят. Кажется, мы таки влипли, они уже предупреждены о нашем возможном появлении.

— Мы их слегка сбили с толку. — Пилот вдруг хихикнул. — «Спортсмены»... Я сроду в бейсбол не играл. У меня уже щетина выросла, так что я больше похож на менеджера в запое.

Краем глаза Кларк наблюдал за подъезжавшими машинами и думал, как выйти из создавшегося положения. Полицейские не уезжали, тоже следя за автомобилями, и поглядывали в их сторону. Потом капрал все-таки решил перестраховаться и направился к «аквариуму».

— Эй, приятель! — окликнул он Кларка с порога. — А где вы живете? Прошу извинить мое любопытство, но в этом районе я всех знаю, а вас вижу впервые.

— Я живу на Джексон-стрит, — сказал Кларк первое, что пришло в голову. — А он — на Десятой улице...

Дейм поставил стакан на стойку и нагнулся, словно для того, чтобы завязать шнурки.

На лице капрала отразилось легкое удивление, глаза его сузились, рука потянулась к поясу. В ту же секунду пилот схватил свой внушающий уважение ультразвуковой пистолет и навел на полицейского.

— Стоять! — негромко сказал Кларк, не сводя глаз со второго полисмена. — Ни звука! Уложим на месте!

К его удивлению, на лице капрала вместо растерянности и страха появилось удовлетворенное выражение. Он с облегчением вздохнул:

— Вот теперь все понятно, а то я боялся, что напрасно ломаю себе голову.

Кларк встал за стойку, достал второй пистолет.

— Револьвер на пол! Живо! Зовите напарника. Один неверный жест — стреляем!

Полисмен бросил свой «смит-и-вессон» в угол, толкнул дверь и позвал:

— Лон, зайди-ка, эти парни кое-что знают.

— Теперь три шага вперед, — приказал Кларк. — Лицом к стене.

Пока второй полицейский обходил подкативший «Форд», Дейм почти ползком подкрался к двери и, когда та отворилась, рукоятку пистолета свалил вошедшего на пол. Быстро расстегнул кобуру и достал длиннорылый «магнум».

Кларк вытащил из пакета пневмошприц со снотворным, подошел к капралу, следившему за ним широко раскрытыми глазами.

— Что вы хотите делать, парни? У меня жена, трое детей...

— Не волнуйтесь, вы просто уснете на три-четыре часа, а проснетесь отдохнувшими и крепкими.

— Наркотик? — спросил капрал, облизнув пересохшие губы.

— Нет, снотворное без всяких побочных действий.

— Напрасно вы это делаете, все равно вас поймают или подстрелят. Весь Техас на ногах.

Шприц, приставленный к оголенному локтю полицейского, слабо пшикнул, капрал обмяк и мягко осел на пол. Та же участь постигла и его молчаливого напарника, не успевшего прийти в себя после удара Дейма.

— А как быть с негром?

Кларк посмотрел сквозь прозрачную стену помещения.

— Поредееет поток машин — усыпим. Переодевайся, пока он занят. Спортивная форма опасна.

Они натянули мундиры полицейских, их самих уложили за стойкой так, чтобы не было видно с улицы.

— Эй, хозяин! — окликнул пилот владельца бензоколонки.

— Слушаю, мистер, — возник негр на пороге и замер с открытым ртом, глядя на пистолет в руках Дейма.

Кларк приставил шприц к его шее, и через секунду негр спал, не успев как следует испугаться. Оттащив его к поли-

цейским, летчики повесили на двери заправки бирку: «Не работает. Ближайшая станция на 17-й улице», быстро влезли в кабину полосатого пикапа, и Кларк завел мотор.

Он понимал, что на станцию им теперь нельзя и носа сунуть — там наверняка дежурят патрули. Аэропорт отпадал по той же причине. Оставались автодороги, всюду перекрытые и проверяемые с воздуха, но у беглецов не было выбора.

И снова им повезло. Насколько повезло — Кларк понял только час спустя, а сначала он просто подумал: хорошо бы зафрахтовать чей-нибудь частный самолет. И тут увидел на обочине дороги — они уже выехали за город — небольшой двухместный вертолет почтовой связи «Сикорский». Дверцы его были открыты, кабина пустовала. Видимо, пилоты завтракали: за шеренгами каштанов и акаций виднелся небольшой одноэтажный мотель с огороженным паркингом.

Кларк остановил пикап, посмотрел на пилота. Тот сразу все понял:

— О'кей! Прячем машину и...

Дональд свернул с шоссе, загнал пикап за акации, чтобы не увидели с дороги, да и из мотеля, и первым подошел к вертолету.

Ключ зажигания оказался в приборной доске, и беглецам ничего не оставалось делать, как влезть в кабину.

Хозяева «Сикорского» выскочили на лужайку, когда вертолет был уже в воздухе.

— Если господь будет помогать нам так же и дальше, — сипло проговорил пилот, глядя вниз, — то мы выкарабкаемся.

Кларк взял штурвал на себя, и машина послушно полезла в небо...

ЭКСПРЕСС ЛЬЯНО — ШРИВПОРТ

5 июня, 10 часов утра

Разносчик ловко набросал из спецтермоса в тарелку из фольги жареных сосисок, полил их кетчупом и сунул Бартолу.

— Приятного аппетита, сэр. — Похватал свои суповницы

и термосы, подвешенные на специальном коромысле, и ретировался из купе.

Сандерс закрыл за ним дверь и с минуту рассматривал себя в зеркале. Он нашел, что в этом костюме похож на биржевого дельца. Коренастый, с квадратным «бульдожьим» лицом, тусклыми пепельными волосами, круглыми совиными глазами и жестким, почти безгубым ртом, говорившим о жестокости, властолюбии и заносчивости, Бартлоу в свои сорок три года выглядел на тридцать с небольшим.

По служебной лестнице он продвигался довольно медленно, пройдя путь от «синего воротничка» до «белого» за пятнадцать лет, да и то благодаря не уму, а неистовой ненависти к «цветным» и коммунистам. Вожака рабочих на заводе металлоизделий в Виргинии, умело использующего черную пропаганду, не скрывающего намерений попасть в истеблишмент, заметили в полиции, и Бартлоу стал ее нештатным осведомителем. Карьера Бартлоу быстро пошла в гору, поскольку он был умнее стандартного агента с «чугунным лбом, железным сердцем и оловянным взглядом».

Бартлоу закончил сначала колледж, потом, не без помощи новых друзей, — Ричмондский университет, принадлежавший к «Айви лиг» — «Бархатной лиге». К этому времени он работал уже на Федеральное бюро расследований, проявив недюжинные способности по выявлению неблагонадежных в студенческой и профессорско-преподавательской среде.

После окончания университета Бартлоу пригласили в Роддский исследовательский центр фирмы «Вестингауз», где он спустя два года защитил степень доктора технических наук. Ему было всего тридцать шесть, а он работал уже не только на ФБР, но и на Агентство национальной безопасности, о чем не знал никто, кроме шефа отдела Ц-1 команды «гамма».

Хорошо владея «кольтом» калибра одиннадцать и сорок три, боксом и дзюдо, Бартлоу быстро преодолел путь от рядового сотрудника до руководителя «файвз» — пятерки, выполнявшей в отделе особо важные поручения. При этом, оставаясь лояльным сотрудником лаборатории, он участвовал в разработке системы РЕМБАСС — сети датчиков для радиоэлектронной разведки.

Наконец Бартлоу попал в сверхсекретные списки Пента-

гона. В них включали ученых и инженерно-технических работников, активно работающих на министерство обороны. Так он стал участником программы «Альфа» по разработке высокоэнергетического боевого лазера, потом — программы «Лодэ» (система зеркал на околоземной орбите для наведения лучей лазера) и, наконец, программы «Сейнт» — «Святой», по которой Пентагон разрабатывал спутники-перехватчики и противоракетные системы. Через шесть лет после этого Бартлоу вошел в состав группы испытателей «скорпиона» — секретнейшего из новейших военных изобретений и... благодаря непредвиденным обстоятельствам оказался государственным преступником. Разом обрушились те невидимые лесенки, по которым он столько времени карабкался вверх, не жалея ни себя, ни других.

После посадки, когда напарники по команде Милфорд и Эрхарт вдруг отказались противодействовать сумасшедшим летчикам, Бартлоу испытал прилив отчаяния и растерянности. Но сильная и эгоистичная натура вскоре взяла верх, и у него созрел план дальнейших действий. Вины за собой за совершившееся он не чувствовал, но заявление ЮСИА о гибели экипажа бомбардировщика «Грейт хантер», переданное по официальному каналу, не оставляло сомнений, что их «списали» с довольствия на этом свете, независимо от заслуг и притязаний каждого. Однако у Бартлоу оставалась надежда оказаться полезным настолько, что ему подарят жизнь и свободу, хотя бы и под другим именем.

План был прост: захватить Кларка, а то и его добровольного помощника Дейма, и передать их в руки специалистов АНБ или Пентагона. Сделать это можно было двумя способами: незаметно следовать за ними до тех пор, пока не представится случай застать врасплох, или устроить засаду в месте их предполагаемого появления. Бартлоу выбрал второй способ, веря в то, что Кларк сумеет избежать столкновения с полицией. Он уже понял, что полковник будет искать путь на север, в Вашингтон или в Нью-Йорк, но до этого он должен был найти средства для достижения цели. А средство это мог ему предоставить только отец-фермер, владелец ранчо под Джэксонвиллом, или... его девушка, Шарлотта, проживающая в самом Джэксонвилле. Полиция наверняка устроит за-

саду на ферме, но о Шарлотте знают очень немногие. Сам Бартлоу узнал о ее существовании чисто случайно, перед полетом, во время шутивного разговора о женщинах. Поэтому у Бартлоу был определенный шанс опередить полковника и пилота и встретить их в Джэксонвилле. Миновать этот городок Кларк просто не мог.

До того как командир и пилот покинули самолет, Бартлоу лихорадочно собрал свои личные вещи, натянул спасательный жилет из аварийного комплекта, хорошо защищавший от дождя, и направился в сторону реки. Он чудом избежал встречи с Милфордом и Эрхартом, за минуту до его появления нашедших лодку, и, услышав гул вертолетных двигателей, не раздумывая прыгнул в воду. Спасательный жилет автоматически наполнился воздухом из специального баллончика, и таким образом Сандерс превратился в кокон-лодку, не боясь, что утонет.

Полтора часа он плыл по реке, невидимый из-за дождя и тумана, потом, продрогнув, выбрался на берег и сбросил жилет.

Бартлоу сопутствовала удача: в двух милях от берега он наткнулся на пустовавшую сторожку лесничего, который уехал куда-то по своим делам. Переодевшись в сухое, Бартлоу поел сыра, найдя его в погребе, затем закопал свой летный костюм и обшарил сторожку. Он нашел велосипед, ящик пива, ружье, зажигалку и портмоне, набитое бонами. Взял только то, что нужно было прежде всего, — велосипед и портмоне.

Спустя три часа после вынужденной посадки Бартлоу выбрался из леса на дорогу №23 и к утру доехал по ней до Льяно, отмахав в общей сложности около восемнадцати миль.

Шел уже восьмой час утра, когда он обменял боны на доллары в утреннем банке «Корнел и К^о», купил билет на поезд и ровно в восемь сел в вагон. Никто не остановил его, не спросил, кто он и откуда, и Бартлоу наконец позволил себе расслабиться.

Мысли Бартлоу углубились в прошлое, оживили далекое детство, прошедшее в захолустном городишке Квинсли на юге Виргинии. Он рос без отца, дважды бросал школу, но мать все же смогла на прежние сбережения довести его образование до среднего. Ему приходилось утверждаться во всем

и везде самому, и эта школа самоутверждения развила в нем хитрость, жестокость и равнодушие к чужому горю. Он знал свои возможности, но претендовал на большее, чем очередь на биржу труда и раздача бесплатного супа.

Идеалом восемнадцатилетнего Сандерса, чудом не скатившегося на самое дно преступного мира, стал знаменитый киноактер Ричард Бартон. Особенно нравился он ему в роли ковбоя Кита Карсона. Сандерс пытался подражать своему кумиру, но товарищи жестоко высмеяли его: квадратная фигура юноши, его короткие ноги и тяжелое бульдожье лицо никак не напоминали высокого, широкоплечего красавца актера. Тогда Сандерс стал мстить обидчикам и в драках достиг совершенства. Его не мучили угрызения совести, когда после стычек с ним противники получали увечья и травмы, — дрался он умело замаскированными свинчатками и признавал только один закон — закон силы и шел вперед к одному ему известной цели...

Бартлоу уснул и спокойно проспал пять часов до Джэксонвилла, пока его не разбудил проводник.

Покинув вокзал, кишевший полицейскими патрулями, Бартлоу первым делом побрился, затем посетил греческий ресторанчик, где съел сувлаки и бифштекс на салатном листе, запив обед кока-колой, и сел в скверике на площади Маккарти. Следовало обдумать, что делать дальше.

Все пока складывалось удачно: он сыт, свободен, погоня потеряла его след. Казалось бы, можно спокойно укрыться в любом городке типа Джэксонвилла и жить припеваючи, сменив имя и род деятельности. Но Бартлоу слишком хорошо знал своих коллег из АНБ, чтобы чувствовать себя в безопасности. Пройдет какое-то время, и его найдут, и тогда едва ли ему помогут дзюдо, пистолет, деньги и старые связи.

Надо иметь хорошие козыри на руках, крупные козыри, чтобы перешибить ими карты ищек ФБР и полиции. Кларк, пилот и Шарлотта — вот эти козыри! Получив их, можно звонить в Агентство и, таким образом, сохранить шкуру целой...

Мимо скамейки прошествовал констебль, помахивая дубинкой. Он посмотрел на беглеца и тут же равнодушно отвернулся. Потом подошел бродяга в потрепанной куртке, с красными глазами кокаиниста и предложил билет в бар «Дикие гуси» с девицами легкого поведения. Бартлоу машиналь-

но взял билет и кинул никель в подставленную ладонь. Бродяга сгинул, прежде чем Сандерс успел спросить, где находится бар.

Он посидел еще несколько минут, затем зашел в аптеку, разменял доллар на даймы и позвонил в контору шерифа. В Джексонвилле, как и во многих других городах, у него были адреса и телефоны законспирированных агентов ФБР и АНБ, которые должны были в случае надобности выполнять его распоряжения как старшего по линии.

Трубку поднял помощник шерифа.

— Хопкинс на проводе.

— Хэлло, Джим. Мне нужен «омар в укропной воде».

Трубка помолчала.

— Вы обратились не по адресу. Кто говорит?

— Вашингтон-21.

— О'кей: слушаю вас.

— Нужен адрес девицы по имени Шарлотта.

Помощник шерифа подождал продолжения.

— Это все? Только имя?

— Да, все. Имя французское, не думаю, что у вас в городе много Шарлотт. Даю три часа, управитесь?

— Постараюсь, сэр. По-моему, у моего шефа тоже есть знакомая девица с таким именем. Куда сообщить?

— В бар «Дикие гуси», позовешь Александра. Кстати, где этот бар находится?

В трубке прозвучал смешок.

— Местечко вы себе выбрали... Это на углу Семнадцатой и Десятой улиц, двухэтажный желтый особняк, увидите.

Бартлоу повесил трубку и, посвистывая, ринулся в указанном направлении.

ОСТИН

5 июня, 10 часов утра

Офис уважаемого в городе бизнесмена Чезаре Паркано, занимавший двенадцать акров земли на Колорадо-Ривер, был выстроен в колониальном стиле и стоял в глубине сада, окруженный яблонями, гикори, каштанами и буками. Цветущее тюльпанное дерево наполняло окрестности густым аро-

матом, который хотелось намазывать на хлеб и запивать горячим кофе.

Паркано, известный в среде мафиози под кличкой Гурон, расхаживал по спальне в роскошном вьетнамском халате, держа телефонную трубку возле уха.

— Они только что угнали вертолет, — бурчал в трубке мужской голос. — Двухместный «Сикорский» с почтовой блямбой на корпусе.

— Милый, какие могут быть дела в такую рань? — томно напомнила о себе, нежась в постели, черноокая танцовщица из кабаре «Услада», подстриженная под знаменитую Брук Шилдс.

Пользуясь дистанционным управлением, она включила телевизор. Паркано бросил косой взгляд на красотку. Та мгновенно убавила громкость передачи и снова уставилась на экран, где знаменитый хоккеист старательно жевал котлету фирмы «Беджер Кинг». Шла обычная утренняя реклама пищевых королей.

— Держите их за хвост, — сказал Паркано. — Не упускайте из виду. У нас же есть связи в сельскохозяйственной авиации, поднимите пару машин...

— Поздно, босс. Но мы будем знать, где они сядут, я дал команду эйраскаутам метеослужбы — там есть наши люди, — чтобы включили радары в округе Джорджтауна. Как только сядут, мы поведем их дальше.

— О'кей. Но я слышу в твоем голосе нерешительность, Тэдди. Тебя что-то смущает?

— Руки чешутся, босс, — признался Тэдди. — Если бы не ваш приказ, давно отправили бы их к праотцам. Хорошо, что они не профи, иначе учуяли бы слежку.

— Пусть тебя не волнуют мои приказы, мой мальчик, — ласково проговорил Паркано. — Ты «кнопка»¹ и обязан их выполнять, не забывая себе голову вопросами — зачем да почему.

— Так точно, сэр.

Паркано положил трубку и, улыбнувшись лежавшей женщине так, что она поежилась, сказал:

¹ «Кнопка» — рядовой мафиози, исполнитель приказов.

— Ты свободна, крошка. Продолжим наш разговор вечером.

Девушка в мгновение ока оделась и упорхнула из спальни. Паркано надавил кнопку селектора:

— Кофе и Бака.

Через минуту японец-телохранитель внес поднос с кофе и тостами, за ним вошел крокодилоподобный Хьюлам.

— Кларк и Дейм угнали вертолет, — сказал Паркано, принимаясь за кофе. — Мне только что звонил Тэд. Как остальные?

Хьюлам опустился на жалобно скрипнувший стул.

— Специалист и этот... второй, Эрхарт, еще спят. Пятый из их команды, Бартлоу, едет в поезде Льяно — Шривпорт.

— Ты не находишь, что им колоссально везет? Прodelать такой кунштюк и жить после в течение суток — это как-то неестественно. Куда смотрит полиция, хотел бы я знать.

— И РУМО, и ЦРУ, — добавил Хьюлам. — И ФБР. Олухи!

Паркано покачал головой, с наслаждением вдыхая запах капучино после каждого глотка.

— Военная разведка и ЦРУ ими пока не занимаются. Не надо ругаться, Бак. Просто коллеги из ФБР долго раскачиваются. Но рано или поздно ребята из этих весьма уважаемых контор нападут на след наших подопечных, и нам придется вырабатывать стратегию поведения в этом деле.

Хьюлам пожал квадратными плечами.

— По-моему, лучшая стратегия — держаться от них подальше, у этих господ длинные руки.

Паркано улыбнулся своей вежливо-ледяной улыбкой.

— Ты меня обижаешь, Бак. Техас — зона моих стратегических интересов, и я не позволю хозяйничать в ней кому бы то ни было. Мы утрем нос этим господам, если позволим беглецам пожить чуть дольше, чем рассчитано кем-то сверху.

— Но Специалист «засвечен», — сказал Хьюлам. — Если люди Хадли узнают, что мы прячем «яйцеголовых» из «ИИ»...

Паркано допил кофе и хлопнул в ладоши. Японец-слуга бесшумно убрал поднос.

— Не узнают, — сказал бизнесмен. — Разве что ты им расскажешь? Безопасность «семьи», кстати, — твоя забота. Но Специалиста пока не трогайте, да и его напарника тоже.

Я еще не решил, что с ними делать. Не упusti остальных. Всех, кто попытается задержать летчиков, убрать!

Хьюлам шире открыл свои глазки.

— И копов?

— А чем полиция лучше остальных? У Тэда руки чешутся, вот и пусть поупражняется. Недаром же он получил кличку Стрелок. Вместе с Бородой Сэмом они составят отличную команду.

Шеф безопасности хмыкнул и безмолвно покинул спальню, подчиняясь взгляду Паркано, — тот стал переодеваться.

Через двадцать минут бизнесмен вышел из дома в сопровождении телохранителей. Одним из них был все тот же японец, владевший карате в совершенстве, трое других — профессионалы, служившие в свое время в морской пехоте.

Паркано сел в бежевый «Опель-монца» и поехал инспектировать свои заведения в Остине: итальянскую тратторию «Пиццерия», ресторан «Блю стилл», кондитерскую фабрику, трест аптек, через который мафия успешно сбывала наркотики, оружейный магазин и несколько дешевых забегаловок. К обеду он очутился в своем тайном кабинете в подвале ресторана и вызвал на доклад «лейтенантов». Выслушав руководителей групп, Паркано остался доволен: доходы «семьи» возросли, авторитет среди других «семей» Штатов — тоже.

Босс отпустил «лейтенантов» и, оставшись наедине с Хьюламом, стал диктовать тому список тех, кто мешал ему работать, делать бизнес. Начальника полиции в этом списке не было.

— С кого начать и в какой степени? — поинтересовался шеф безопасности «семьи», пряча «паркер» с золотым пером.

— С Морриса, — сказал Паркано. — Этот пивной бочонок отказался с нами сотрудничать. Начнем с подкупа, не клюнет — раскопай материал, сделаем из него козла отпущения... А Люка Дарнета придется убрать — слишком много позволяет себе этот писака. Что делать с остальными, пусть подумает Коупер. Как там наши дорогие летчики? Все еще держатся?..

— Бартлоу вышел в Джэксонвилле, ему повезло больше всех. Полковник и пилот посадили вертолет в районе Тринити, это между Баффало и Палестайном. Вероятно, тоже на-

правляются в сторону Джэксонвилла. Медом он намазан, что ли?

— Ну, почему туда стремится наш brave полковник, понятно. Недалеко от Джэксонвилла ферма его отца. — Паркано уже ознакомился с досье на летчиков, доставленными ему сотрудником ФБР, который также состоял в «семье». — А вот что ищет там Сандерс Бартлоу?

— Мистер Вильямс подозревает, что он работает на Агентство.

— Тем более непонятно его бегство. Позвонил бы с ближайшего телефона и был бы в безопасности. Агентство своих функционеров, как правило, не бросает, даже если армия жаждет их крови. А если эти ребята кинулись врассыпную, значит, случилось нечто такое, что оценивается только высшей мерой. С Бартлоу глаз не спускать... Где, говоришь, сейчас полковник?

— Посадку они совершили вынужденную — кончилась горючка. К тому же их застукали военно-воздушные патрули, под Баффало расположена какая-то база ВВС, там, видимо, были предупреждены. Наши люди не рискнули сунуться к месту посадки и... В общем, след временно потерян, босс.

Паркано несколько секунд молчал, яростно раздувая ноздри, потом стукнул ребром ладони по столу так, что свалил пепельницу.

— Вызови Джи-Пи, немедленно. Если военные захватят полковника, нам останутся объедки. И кто ведает, что этот Кларк расскажет о Специалисте. Лучше избавиться от него и труп передать полиции. Жаль, конечно, теряем хорошего работника.

Хьюлам улыбнулся.

— Сделаем, босс. Мало у нас других специалистов?

— Он был одним из лучших. Мне еще нужна раскладка сил в этом деле: кто охотится за летчиками, кроме полиции, и какими силами.

— Будет сделано, босс.

Хьюлам исчез.

Через четверть часа в кабинет вошел Дуглас, хладнокровный, подтянутый, с немигающими голубыми глазами.

— Что нового, Джи-Пи?

— Полиция Джэксонвилла опознала Александра Бартлоу. Я направил туда Торнтона. Хобарт сообщил мне полчаса назад, что радары базы ВВС «Дайс» засекли вертолет, угнанный из Джорджтауна неизвестными лицами. Скорее всего это те, кого мы ищем: полковник Кларк и майор Дейм. Дальнейший их след потерян, но ВВС бросили в район посадки вертолета десант.

— По твоему виду я заключаю, что ты не понял, чем это грозит тебе и нам всем.

Дуглас выдержал взгляд босса.

— Понял. Под угрозой моя карьера в полиции и наши связи с... некоторыми лицами в госаппарате. Бартлоу надо брать, а Специалиста и этого второго... выдать полиции как можно скорее.

— Правильно, — сказал довольный и несколько удивленный Паркано. — Ты не по годам умен, малыш, и это меня радует и огорчает. Радует потому, что из тебя выйдет толковый советник, а огорчает, так как я знаю о твоих, будем говорить, сомнениях в правильности некоторых моих распоряжений.

Дуглас остался спокойным.

— Это в прошлом, босс.

— Вот как? — Паркано задержал на полицейском внимательный взгляд. — Хорошо, коли так. А не жаль Специалиста? Он ведь, кажется, твой друг?

Лейтенант на мгновение растянул губы в улыбке.

— У меня один друг — «Арвен-37»¹.

— Хорошо сказано. Иди, малыш.

Дуглас четко повернулся, словно был в кабинете у шефа полиции, и вышел.

В машине он достал трубку рации, связался с конспиративной виллой, где отсиживались Милфорд и Эрхарт, и сказал негромко, изменив голос:

— Джигс, это Бак, дай мне Специалиста на провод.

Через три минуты ответил Милфорд:

— Слушаем.

Дуглас усмехнулся про себя: Блейк на всякий случай давал понять, что разговор прослушивается.

¹ «Арвен-37» — автомат-универсал, стреляет обычными и пластиковыми пулями, а также ампулами со слезоточивым газом.

— Все отлично, Блейк. Совсем скоро вы будете в самом надежном месте. Ждите с минуты на минуту сигнала.

Выключив рацию, он с места рванул свой «Порше» в разворот. Милфорд сразу понял, что имел в виду анонимный доброжелатель (скорее всего это был Дуглас). Мгновенно ожили сторожевые центры тела, отзывающиеся, как у хищного зверя, на любую тень опасности.

Не показывая вида, что встревожен, Милфорд вышел из комнаты привратника, служившего одновременно и сторожем, и начальником охраны виллы. Поскольку предупреждение было передано не лично или запиской, а по телефону, времени у них не было. Милфорд представил физиономию Эрхарта, который оккупировал бар и пил не просыхая, и ему стало противно. Однако уходить надо было вдвоем, в любом случае они — кандидаты в покойники. Интересно, с чего это вдруг босс решил ими пожертвовать? В угоду полиции или испугавшись более крупных хищников?..

Эрхарта Блейк нашел в гостиной. Отобрал у него бокал с виски и быстро написал на полях газеты: «Уходим, нас продали. Уберут!» Эрхарт соображал, несмотря на опьянение, очень быстро.

— Что будем де...

Милфорд прижал ладонь к его губам и махнул другой рукой: за мной.

Никакого оружия, кроме кухонного ножа, у них не было, но Милфорд знал, где его достать.

Они вышли из гостиной и спустились вниз, в холл. Милфорд открыл дверь привратницкой, где охранник продолжал нести службу у пульта.

— Дай-ка связь с лейтенантом, — указал на телефон Милфорд.

— Не веле...

Охранник не успел закончить фразу, как Милфорд, владевший приемами тайландского бокса, ударил его ногой в подбородок.

Теперь у них были автомат и кольт тридцать восьмого калибра плюс холодная ярость Милфорда, который не хотел умирать и решил драться за жизнь до последнего, хотя понимал, что они обречены.

Второго охранника, сторожившего подвальный гараж, пришлось связать. И тут преподнес сюрприз Эрхарт. Когда они выгнали «Форд» в сад, он вдруг ударил прикладом автомата напарника и, если бы Милфорд в этот момент не нагнулся, — проломил бы ему голову. В первое мгновение Блейк опешил, но, поймав злобно-трусливый взгляд изобретателя «скорпиона», понял, чем, а вернее, кем тот решил заплатить за свою жизнь.

— Выродок! — Блейк выстрелил, видя, что Эрхарт поднимает автомат, и вытолкнул его из кабины.

Отголоски выстрела разнеслись по саду, и тот сразу наполнился шумом, голосами людей и топотом.

Милфорд выехал со двора на улицу. В тот же момент рядом затормозил серый длинный, похожий на динозавра «Шевроле» Хьюлама. Блейк успел выстрелить раз и другой, дал газ, но в следующее мгновение очередь автомата прошла его насквозь. «Нельзя долго играть на двух инструментах сразу, — сказал кто-то с сожалением внутри него. — Давно надо было уйти из «семьи», Дуглас предупреждал, что Гурон коварен... жаль, не успел...»

Голос умолк, и Милфорд умер, сжимая в руке пистолет и не слыша перестрелки: отец «скорпионов», раненный в плечо, отбивался от людей Хьюлама с отчаянием приговоренного к казни, ранил двоих, но потом в автомате кончились патроны, и Хьюлам, подойдя к Эрхарту вплотную, трижды выстрелил ему в лицо.

— Убрать, быстро! — приказал он и процедил сквозь зубы: — Интересно, кто же успел их предупредить?

**ЭЛЬ-СЕГУНДО,
ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИИ
ВОЕННО-КОСМИЧЕСКИХ СИЛ**

5 июня, 16 часов 00 минут

Время ленча для Джарвика было священным, он никогда никого не принимал в это время, не говорил и не думал о политике и о научных исследованиях и даже любимого пса изгонял из кабинета, чтобы не мешал вкушать обед.

Он доедал омара, сваренного в укропном бульоне, жмурился от удовольствия, предвкушая битву с нежнейшим филе из слоновьего хобота, и в этот момент в кабинет вошел озабоченный заместитель.

Джарвик, у которого омар сам собой проскочил в пищевод, с грохотом бросил вилку на стол.

— Какого дьявола, Майк?! Война?! Русские идут?!

— Не кричи, Боб, счет меняется не в нашу пользу...

— Какой счет? Что ты мелешь?

— Двое с «Грейт хантер» убиты в Остине. Сопротивлялись полиции...

— Так бы сразу и сказал. — Джарвик снова принялся за еду. — Кого же ухлопали?

— Милфорда и Эрхарта. Хорошо, хоть «скорпиона» успел доделать. Остались летчики и Бартлоу.

— Эрхарта жаль. Он, как никто другой, знал нюансы работы «скорпиона». Дэвису будет трудно довести дело до конца. А где остальные?

— Летчиков, по сведениям Тони, видели в Джорджтауне, но потом потеряли в районе Тринити, между Баффало и Палестайном. С базы «Дайс» подняты вертолеты, ищут. А вот Бартлоу как в воду канул!

Джарвик задумчиво выцедил бокал сока манго, пососал кубик льда, наконец изрек:

— Это мне не нравится. Уйти они не должны. Не понимаю, почему Тони так спокоен. С момента посадки самолета прошло уже больше трех суток, а найдены только двое! Конечно, мы не сможем долго удерживать в секрете эту историю, так надо успеть хотя бы подготовиться к атакам этого черного сенатора, Вартана, и его окружения.

— Федеральное бюро не в состоянии контролировать все органы печати и передачу информации, тем более у общественных организаций вроде студенческих, рабочих и женских ассоциаций за мир и разоружение.

Джарвик вытер губы салфеткой и резко отодвинул от себя столик с обеденным прибором.

— Нам явно не хватает организации типа «Мардер инкорпорейтед»¹, которая существовала при Маккарти.

¹ Корпорация убийц.

Грэхем усмехнулся.

— Но почему же? В ЦРУ профессионалов хватает.

В это время заблеял телефон на столике из черного дерева.

Джарвик взял трубку.

— Сэр, вас спрашивает председатель комиссии по делам вооружений сенатор Вартан, — сказал секретарь директора. — Будете говорить?

— Соединяйте.

— Здесь Вартан, — раздался в трубке голос сенатора. — Добрый день, Боб. Извини, что начинаю с неприятных вопросов, но попасть к тебе на прием даже мне почти невозможно. Мы тут хотели бы знать правду о посадке бомбардировщика «Грейт хантер». Общественность взбудоражена слухами о новом оружии на его борту. Парни из Эй-би-си имеют информацию о том, что летчики вовсе не погибли.

— Чушь! — перебил сенатора Джарвик. — У меня сведения из первых рук — от поисковой группы с базы «Эдвардс». Экипаж самолета погиб, и тела их находятся сейчас на базе, с ними работает медицинская комиссия Колдемана. Подробности и результаты вскрытия будут известны сегодня вечером. А что касается оружия... Вы же знаете, Рон, мы от вас ничего не скрываем. Можете хоть сию минуту получить допуск в оцепленную зону и все проверить на месте.

— Спасибо, я воспользуюсь твоим советом, Боб.

Джарвик положил трубку с отвращением, будто держал в руке змею.

— Слышал? Павлин индейский!.. Хитер, как иезуит! Но ничего, у Тони есть кое-что для охлаждения сенаторского пыла. Майк, самолет должен быть пуст! «Скорпион» немедленно размонтировать и увезти на базу. Понял?

Грэхем кивнул.

— Ступай.

В пять часов порог кабинета директора ИМТ переступили Вильямс и Галдеано. Помощник директора ФБР казался невозмутимым и спокойным. Полковник, напротив, был угрюм и озабочен. Оба сели в кожаные кресла с высокими спинками. Джарвик подождал своего заместителя и только после появления Грэхема сел на краешек стола, почесывая за ухом громадного сенбернара.

— Господа, я пригласил вас, чтобы наметить конкретные пути испытаний «скорпиона» — нашей надежды на власть, равной которой не было ни у одного президента. Предлагаю испытать «скорпион» в Северном Ледовитом океане на айсбергах. Дэвис уже сделал необходимые расчеты.

Вильямс и Галдеано переглянулись.

— Боб, это... м-м... неплохая мысль, — осторожно начал Галдеано, почесывая подбородок. — Но давай сначала решим наши насущные проблемы, а потом станем думать о будущем.

Джарвик шлепнул сенбернара по морде.

— На место, Кук! Майк, — он посмотрел на своего заместителя, — что со «скорпионом»? Сильно поврежден?

— Я разговаривал с Дэвисом. Повреждены прицельные антенны и блок питания, а также собственный компьютер «скорпиона». Устранение всех неисправностей и доводка потребуют месяца три и, разумеется, дополнительные ассигнования.

— Ну это понятно. «Скорпион», кстати, и так обошелся нам в два миллиарда долларов! А что с тем подполковником, который отказался сбить «Хантер»?

— Пришлось наградить медалью, — сказал Вильямс. — За правильное решение не подчиняться «ложному» приказу наземной ЭВМ наведения. Наградили и отправили на Аляску с повышением.

— Правильно сделали, — сказал Джарвик, — пусть послужит там, пока уляжется вся эта шумиха. Стэнли, из Тринити никаких сообщений? Где летчики?

— Нуль. — Помощник директора ФБР хрустнул сухими пальцами. — Там скалы и пещеры и болото с запада, спрятаться можно в любом месте. Час назад нашли «Сикорский», который они увели. Утонул в болоте по самый винт. Потом накрыли залпом с вертолетов каких-то разинь, оказавшихся газовиками. Но с этими двумя можно не беспокоиться — головорезы Шувальда оцепили весь район и живыми их не выпустят. Проголодаются — выползут на свет божий. Меня больше тревожит пятый, Бартлоу. Он ведь ваш протеже, дорогой Тони?

— Был, — сказал Галдеано. — Бартлоу — профессионал и

хороший технический специалист, но не думаю, что он сумеет уйти от ваших парней и сделать заявление в прессу. Скорее попытается уехать из Штатов, связей у него хватает. Либо затаится в надежном месте. Но, повторяю, он профессионал, и все его действия можно рассчитать. Бартлоу никуда не денется, будьте спокойны.

— Может быть, подключить ЦРУ? — предложил Джарвик. Галдеано презрительно скривился.

— То, что штат конторы в полтора раза больше, чем у Агентства, еще не говорит о ее преимуществе.

— Ладно, Тони, не лезь на стенку, — примирительно сказал Джарвик. — Я хочу иметь стопроцентную гарантию успеха. Давайте-ка подумаем, как нейтрализовать конгресс и госдеп в случае утечки информации. Вот тут без вашей службы не обойтись, дорогой Стэнли, у вас самые полные досье на конгрессменов и сенаторов. На кого мы можем опереться в сенате и в палате представителей?

— Подождите, — хмуро сказал Галдеано. — По нашим данным, Бешеный Билл начал свою игру в истории с «Грейт хантер». Не знаю, как вы, а я не хочу терять свой портфель.

— Ты повторяешься, Тони. Боишься потерять портфель — перестрахуйся.

— Пусть Хадли даст команду сбросить на район, где прячется полковник, пару вакуум-бомб, — предложил Грэхем не моргнув глазом.

Галдеано снова поморщился.

— Майк, не думал, что ты дилетант в таких вопросах. Во-первых, чтобы накрыть беглецов с гарантией, потребуется не пара, а пара сотен бомб, легче дать два-три залпа дивизионном реактивных систем. Во-вторых, в оцепленном районе расположены поселок и база газовиков, всего человек семьсот. Но этих парней — полковника и майора — стоит опасаться. Оба неплохо вооружены всякого рода штучками из Сент-Олбанса, да и физически не уступают парням из морской пехоты. Они могут наделать много шума... особенно если доберутся до ООН.

Слова Галдеано разбудили в душах оруженосцев Сатаны — так за глаза называли специалистов-разработчиков новых вооружений — растерянность и беспокойство. По кабинету растеклось тревожное молчание...

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ТРИНИТИ

5 июня, 19 часов 00 минут

Вертолетный рокот ушел на север и вскоре совсем стих. В ущелье вернулся посвист ветра и плеск речной воды.

— Ушли, — сказал Дейм, прислушиваясь. Полицейский мундир на нем превратился в лохмотья, сквозь маску грязи блестели голубые глаза, в которых еще не утих азарт схватки.

Кларк был знаком с Деймом уже три года и знал его, казалось, достаточно хорошо, но последние события показали, что впечатлительный, великодушный и общительный пилот способен также и на решительные действия, вплоть до авантюры, и на самоотверженные поступки, а также готов бороться до конца. Раньше он казался Дональду аристократом, по случайной прихоти затесавшимся в ряды военных летчиков, веселым, не всегда тактичным болтуном, знающим тем не менее свое дело на удивление хорошо. Однако события, произошедшие за последние сутки, заставили Дональда взглянуть на товарища по-иному — с уважением и удовлетворением, так как пилот показал себя как настоящий мужчина.

Дейм подождал еще с минуту и выглянул из пещеры, в которую они забрались, спасаясь от военных вертолетов.

— Никого как будто не видно... Вылезем?

— Отдохни, — посоветовал Кларк. — Район наверняка оцеплен. Скорее всего придется ждать ночи. Если нас сейчас заметят — можем петь отходную. Я для них покойник вдвойне, потому что нарушил приказ. Пристрелят без разговоров.

— Меня тоже, — улыбнулся Дейм. — Но отходную петь рано, хотя на базе, наверное, уже объявлен траур по всем пятерым: сообщение о нашей гибели не могло миновать Крейга. Нам жутко везет, ты не находишь?

Кларк согласно кивнул, прислоняясь спиной к каменной стене и не открывая глаз. Вся его жизнь была подтверждением формулы: удача делается своими руками. Он относился к тому редкому типу людей, действия которых тем эффективнее, чем серьезнее ситуация. Именно поэтому ему много удавалось, хотя и в ВВС уже проникли щупальца коррупции, корыстолюбия и протекционизма, и пробиться сквозь толпу адъютантов, сынков и родственников толстосумов было

очень трудно, особенно таким бескомпромиссным и независимым натурам, как Дональд.

Конечно, он понимал, что в условиях армейской дисциплины его независимость — фикция, но все же ухитрялся поступать так, чтобы совесть хотя бы не вступала в острый конфликт с характером. На базе у него были ровные дружеские отношения практически со всеми летчиками и руководителями служб. Если Дейма побаивались за острый язык, то Кларка уважали за прямоту и манеру поведения — мягкую, располагающую и одновременно решительную, не терпящую возражений при явной неправоте собеседника.

Дональд давно уже понял, что социальная определенность лучше сложного винегрета симпатий и антипатий, и со всеми держал себя одинаково.

— Знаешь, я бы сейчас с наслаждением искупался, — сказал пилот, деятельная натура которого не терпела пассивного ожидания. — А потом съел бы пару пятиэтажных бутербродов и мороженое. Ты любишь мороженое? Я обожаю, особенно в кафе «У Говарда Джонсона».

Пилот снова выглянул наружу и стал ползать по пещере на коленях, что-то бормоча себе под нос. Через несколько минут он издал приглушенное восклицание:

— Дон, поди-ка сюда! Здесь лаз, я попробую разведать, куда он ведет.

— Не застрянь, — равнодушно ответил Кларк, но потом все же подобрался к пилоту.

Вдвоем, один за другим, они проползли полсотни футов по узкому наклонному и петлявшему лазу и очутились в просторном, освещенном сверху гроте с зеркалом воды в центре.

— Что я говорил! — Дейм оглянулся, в его глазах были восторг и изумление. — Если уж везет, то везет! Здесь нас никто не увидит...

— Инерция удачи, — пробормотал Кларк. Пилот понял мысль командира: они все еще были в ловушке, хотя удача действительно сопутствовала им с самого начала.

Грот соединялся с речной заводью узкой расселиной, не видной ни с самой реки, ни с противоположного берега. Летчики сбросили полицейское обмундирование, пришедшее в негодность после двухчасовой гонки сначала по болоту, а по-

том по скалам, и с великим наслаждением погрузились в прозрачную до самого дна, чистую и холодную воду.

После купания почувствовали себя бодрее, хотя есть захотелось еще больше. Подкрепились остатками галет, пачку которых Дейм прихватил с собой из вертолета, но только раздразнили аппетит. Пилот стал вспоминать блюда, съеденные им в Бакстере во время подготовки к полету, но Кларк его остановил:

— Одевайся, пора уходить.

— Во что? — Дейм пнул ногой жалкие лохмотья, в которые превратились его брюки. — Надо все бросить и дальше путешествовать нагишом, тем более если по реке...

— Нет, мундиры нам еще пригодятся, особенно в городе. Доберемся до Палестайна, а там что-нибудь придумаем. Плавать, надеюсь, умеешь?

— Как дельфин.

Они свернули форму и обувь в тючки, помогли друг другу закрепить их на спинах и по расселине спустились к реке. Примерно с четверть часа летчики прислушивались и вглядывались в молчаливые скалы по обоим берегам Тринити, потом бесшумно погрузились в быстрый поток.

День выдался знойным, но к вечеру жара спала, и поначалу плыть было приятно. Они держались «своего» берега, почти вплотную прижимаясь к скалам, пока позволяла глубина. Через полторы мили река повернула на юг, вырвавшись на холмистую равнину, поросшую буком, ильмом, каролинской тсугой и белым дубом.

Стемнело, но небо оставалось чистым и, пройдя красно-оранжевую гамму заката, предвещало холодную ночь.

Изредка из лесных зарослей, подступавших иногда к самой воде, доносились крики койотов и птиц, возня каких-то мелких зверьков. Ни одного человека пловцы так и не заметили, хотя чуть ли не кожей чувляли, что где-то близко всматриваются в скалы чужие внимательные глаза. Только однажды над рекой низко пролетел вертолет с опознавательными знаками ВВС, и снова наступила тишина, нарушаемая лишь плеском волн и шумом ветра.

Когда пилот замерз настолько, что руки и ноги стали казаться деревянными, впереди неожиданно показался мост.

Он был железнодорожным, трехпролетным и освещался двумя прожекторами. Еще три прожектора буравили воду опорами.

— Приплыли, — проговорил сквозь зубы Кларк. — Быстро к берегу — это по нашу душу!

Они выбрались на берег в пятистах ярдах от моста и, скрывшись в густых зарослях ивы, натянули мокрые мундиры, стуча зубами от холода.

— Это железная дорога из Баффало в Палестайн, — шепотом сказал Кларк. — Попробуем сесть в какой-нибудь товарняк.

Дейм вместо ответа начал ожесточенно махать руками и приседать в надежде согреться. Дональд последовал его примеру. Минут пять занимались гимнастикой, стараясь не шуметь: мост был так близко, что доносились голоса расхаживающих по нему солдат.

Наконец кровь веселее побежала по жилам, зубы перестали стучать, и Кларк махнул рукой: за мной.

Они продрались сквозь прибрежный кустарник к полосе молодого леса и углубились в него, чутко вслушиваясь в доносившиеся отовсюду звуки. Отойдя от моста примерно милю, приблизились к железной дороге и услышали приглушенный говор. Кларк дал знак пилоту оставаться на месте, а сам осторожно двинулся на голоса.

Возле железнодорожной колеи стоял бронетранспортер, двумя прожекторами освещая путь в обе стороны. По шпалам шагали двое солдат с автоматами через плечо, еще двое разговаривали у транспортера, и один из них держал в руках звукоулавливатель. Кларк похолодел: стоило солдату направить прибор на лес, и он услышал бы биение его сердца. Но патрулю, очевидно, надоело вслушиваться в жизнь ночного леса, солдаты лениво перебрасывались словами и жевали «чуингам».

Кларк вернулся к Дейму и поведал пилоту о создавшейся ситуации.

— Надо действовать, — шепнул в ответ Дейм. — Подойдем ближе, выберем момент и нападём. Потом подождём поезд и сядем.

Дональд покачал головой.

— Слишком просто у тебя все получается.

— А иначе нам не сесть на поезд. Линия идет как раз по границе оцепленного участка, они не дураки, понимают, что мы когда-нибудь выползем и попытаемся прорваться. Нет, надо выходить там, где нас ждут меньше всего.

Кларк подумал.

— Уговорил. Но сначала проверим, когда сменяются посты, дождемся поезда и только тогда нападём...

Они спрятались в яме всего в двадцати ярдах от бронетранспортера и час пролежали не шевелясь.

В бронетранспортере оказался еще офицер, державший по рации связь с командованием базы. Он вызвал патруль, выслушал рапорт и снова залез внутрь машины.

«Плохо дело, — подумал Кларк, — с тремя нам не справиться без шума. Этот капитан услышит возню и поднимет тревогу. Придется пробиваться с боем».

Пилот, очевидно, подумал о том же, потому что тронул командира за рукав и показал на свой тяжелый ультразвуковой пистолет.

Прошел пассажирский двенадцативагонный «метролайнер» из Палестайна, потом «флэксивен» из Баффало. Каждый раз солдаты настороженно поглядывали в обе стороны, а офицер вылезал наверх к пулемету. Наконец в одиннадцатом часу ночи послышался шум тяжелого состава: шел грузовой «пиггибэк».

Кларк сжал руку Дейма.

— Подберись поближе и возьми на мушку капитана, целься в голову. Нажмешь курок, когда я сниму солдата у левого прожектора.

Пилот исчез в траве.

Поезд приближался, машинист дал два гудка. В тот же момент Кларк выскочил из кустов, в три прыжка достиг бронетранспортера и, выстрелив в солдата возле левого прожектора, с размаху ударил второго рукоятью пистолета в висок. Офицер оглянулся и вдруг схватился за голову. Глаза его полезли из орбит, он захрипел и сполз на броню.

Второго солдата пришлось связать — удар у Кларка не получился, чему он был даже рад. За первого он не беспокоил-

ся: трехмиллиметровая игла-ампулка с ядом сделала свое дело мгновенно, солдат был парализован минимум на сутки.

— Стив, скорее!

Кларк выглянул из-за бронетранспортера, но оба патруля на полотне, видимо, ничего не заметили из-за света прожектора, бьющего им в лица.

Летчики перебежали дорогу прямо перед локомотивом, пропустили несколько вагонов-холодильников и один за другим взобрались на платформу с громадами контрейлеров.

— Порядок, — сказал Кларк, немного отдышавшись.

— Чисто сделано, — отозвался Дейм, сосредоточенно слизывая кровь с ладони: цепляясь за борт платформы, он содрал порядочный шмат кожи. — Не думал, что сам когда-нибудь стану главным действующим лицом чиллера¹. А если они начнут проверять платформы?

— Спрыгнем.

Пережитое нервное напряжение давало о себе знать, и они надолго замолчали, приходя в себя.

Уже у Палестайна над составом протарахтел легкий двухвинтовой «Сикорский». Он завис на некоторое время над головными платформами и отвалил в сторону. Спустя еще несколько минут Дейм и Кларк соскочили на землю, порядком набив себе шишек при падении. Спустившись с насыпи, нагнувшись на ручей, напились, промыли ссадины.

Ночь была звездная, темная и холодная.

— Бег «нон стоп» продолжается? — В темноте блеснули зубы пилота.

— Поищем дорогу, — не отозвался на шутку Дональд.

— Зачем искать? Пойдем по шпалам — быстрее доберемся. У города свернем...

Беглецы выбрались на железнодорожную насыпь, но не успели пройти и полмили, как вдруг впереди справа в трехстах ярдах от них вспыхнул прожектор и раздалась команда, усиленная мегафоном:

— Не двигаться! Буду стрелять! Бросьте оружие!

Им снова повезло: из Палестайна показался электропоезд. Кларк и Дейм одновременно прыгнули с насыпи влево, трас-

¹ Чиллер — фильм ужасов.

сирующая пулеметная очередь прошла над ними запоздало, а потом от преследователей их загородил поезд, машинист которого, испугавшись стрельбы, сыграл экстренное торможение.

Не сговариваясь, летчики рванули к городу, чье электрическое сияние вставало на горизонте. У преследователей не было собак, иначе бы погоня закончилась быстро.

Летчики пересекли кукурузное поле и выбежали на окраину Палестайна. Кларк свернул в первый же неосвещенный переулок и резко остановился, так что пилот едва не свалил его с ног, ткнувшись в спину.

Мимо них в полном молчании шествовала процессия в белых балахонах с остроконечными капюшонами. В руках у этих мрачных ночных призраков горели факелы.

Кларк невольно отступил к ограде: они наткнулись на куклуксклановцев!

От процессии отделились два человека и направились к ошеломленно замершим летчикам.

— Кто такие? Бродяги? — резко спросил тот, что шел впереди, поднимая факел повыше. В другой руке у него блеснул кастет. — Полиция?! Какого чер...

Договорить он не успел: Кларк ударил его ногой в живот. В ту же секунду Дейм выстрелил во второго куклуксклановца из ультразвукового пистолета.

Все произошло мгновенно и без шума, к тому же от процессии их отделяли ограда и кустарник. Но исчезнувших могли хватиться в любой момент, и у Кларка мелькнула безумная мысль.

— Снимаем с них балахоны, живо!

Быстро переодевшись, беглецы оттащили тела потерявших сознание куклуксклановцев к ограде и, надвинув капюшоны пониже, догнали процессию. Никто не поинтересовался у них, куда они отлучались.

Тем временем полуночники с факелами повернули на более широкую улицу и промаршировали мимо военного джипа, набитого жандармами. Тучный фельдфебель, сидевший рядом с водителем, что-то спросил у вожака процессии, выслушал ответ и махнул рукой: вперед. Джип уехал.

Кларк услышал довольный смешок пилота и незаметно

показал ему кулак. «Странно, — подумал он, — этим вырождакам дают возможность спокойно проводить свои оргии! Это в наше-то время! Где же полиция? Тоже в сговоре с ними?»

Вскоре показалась площадь, почти не освещенная, в центре которой торчал громадный крест. Возле креста стояли трое в белых балахонах и один в черном. Со всех сторон на площадь стягивались такие же колонны, как и та, в которую затесались беглецы.

Пора уходить, подумал Кларк и сделал знак Дейму. Они замедлили шаг и, стараясь не обращать на себя внимания, вошли под арку ближайшего дома.

— Друзья, единомышленники, соратники! — раздался сзади звучный голос. Говорил, очевидно, тот, в черном балахоне, самый главный. — Я рад, что вы собрались отметить наш юбилей. В мире еще много зла, и первое зло — негры и цветные!..

— Смываемся? — шепнул пилот.

— Подождем, пока зажгут крест, — отозвался Кларк.

— ...Мы всегда говорили, что Америка — для американцев, для белых американцев, — продолжал свою речь главарь. — Давайте же бороться за чистоту расы, за многонациональную Америку без негров и коммунистов...

Кто-то из куклуксклановцев поджег крест, остальные стали бросать к его подножию пылающие факелы. Взметнувшееся пламя бросило на зловещие фигуры кровавые отблески.

— Хорошо, что сегодня у них нет жертв. — Кларк отступил в глубь арки, скидывая на ходу балахон. — Не лови ворон, Стив, уходим.

Сзади вдруг раздался крик:

— Кто здесь? Братья, среди нас чужие!

Летчики бросились во двор, темный и мрачный, вихрем промчались мимо деревянного барака, шеренги автомашин, завернули за угол и вбежали в первый подъезд трехэтажного кирпичного дома.

— А что дальше? — спросил Дейм, облизывая пересохшие губы. Вместо ответа Кларк указал вверх, и они на цыпочках поднялись на последний этаж.

Лестничная площадка здесь была выскоблена до блеска,

на нее выходили три двери. Чердачного хода, на который надеялся Кларк, не было. Не мешкая, он нажал кнопку звонка на самой чистой из дверей, выкрашенной в голубой цвет. За дверью послышались шаги.

— Кто там?

Голос принадлежал женщине.

— Полиция, — негромко сказал Кларк, прислушиваясь к шуму во дворе: там кто-то отдавал команды, раздавался топот, хлопали дверцы машины.

Женщина помолчала, видимо, внимательно разглядывая непрошенных гостей в дверной замок. Потом звякнули запоры, дверь приоткрылась.

— Входите...

Они оказались в чистой и уютной комнатке со старинной мебелью викторианской эпохи. У низкого журнального столика горел торшер, негромко бормотал телевизор.

Перед летчиками стояла худенькая девушка, закутанная в плед. Лицо у нее было узкое, бледное и не то чтобы красивое, но очень милое.

— Полиция прячется от бандитов? — улыбнулась вдруг хозяйка. — Я успела выглянуть во двор.

— Не совсем так, — покачал головой Кларк. — Но и не так уж далеко от истины.

— И вы не побоялись нас впустить, мисс? — спросил удивленно Дейм.

— Меня зовут Дженни. — Девушка распахнула плед, и беглецы увидели в ее руке пистолет. — Не думайте, что я беззащитна.

Кларк засмеялся. Пилот молча переводил взгляд с пистолета на лицо девушки и обратно.

— Не бойтесь, мисс, — сказал наконец Дональд. — Мы не полицейские, но и не грабители. Мы... в общем...

— Если это секрет, я не настаиваю. — Дженни спрятала пистолет в тумбочку возле кровати. — Я верю в свою интуицию, она меня пока не подводила. А как вас зовут? Или это тоже секрет?

— Нет, — сказал Кларк. — Это — Стивен Дейм, пилот, майор воздушных сил. Мое имя — Дон Кларк.

— Садитесь. — Девушка уменьшила звук телевизора. —

Или лучше сделаем вот что: вы пойдете в ванную, а я пока поищу для вас сухую одежду.

Летчики молча последовали ее совету и, оказавшись в уютной, стерильно чистой ванной, хотя и наскоро, но с удовольствием приняли душ.

— А ты говоришь... — шепотом начал Дейм, но Кларк прервал его, поняв, что пилот хочет порассуждать о везении.

— Не сглазь, думай лучше о том, как нам отсюда выбраться. Долго оставаться здесь мы не сможем.

— Дженни поможет, — пожал плечами Дейм, уверовавший вдруг в свою счастливую звезду. — Она как ручеек видна насквозь. Ну и девочка, не встречал таких ни разу! Надо же — не побояться открыть ночью двум громилам. У меня, говорит, пистолет... Как она на твой вкус?

Кларк молча поднял большой палец.

Когда они снова появились в комнате, Дженни уже все приготовила. Дональду достались потертые джинсы, майка с надписью «Лав ми», куртка «Фор лайф» и теннисные туфли, а Дейму — темно-зеленые твидовые брюки, рубашка и джемпер.

— Это вещи брата, — улыбнулась Дженни, заметив ревнивый взгляд Дейма. — Он служит в армии...

В гостиной их ждали холодные цыплята, кофе и бутерброды с сыром и вареным мясом.

— Мир не без добрых людей, — пробормотал пилот, бросая красноречивые взгляды на Дженни. Кларк невольно ему позавидовал: с таким легким характером никакие невзгоды Дейму были не страшны, он просто не желал их замечать.

— Я не спрашиваю, что вы намерены делать дальше, — сказала Дженни, присаживаясь на краешек дивана, — но все же любопытно, почему летчики ВВС разгуливают в мундирах полицейских и от кого они прячутся?

Дейм посмотрел на командира, испрашивая разрешения, тот кивнул.

— Понимаешь, Дженни, нас пытались втянуть в грязную историю... это связано с военными испытаниями, тебе лучше не знать... С этого момента мы и оказались вне закона. Для Пентагона мы теперь преступники, которых надо уничтожить во что бы то ни стало.

Пилот промакнул губы, подошел к окну, отодвинул штору.

— И часто у вас разгуливают эти молодчики в белом?

— Ку-клукс-клан? Почти каждую неделю. Этот район полиция не навещает, так что им приволье. А почему вы от них прячетесь?

— Долго рассказывать. Джен, ты нам поможешь?

Девушка с улыбкой пожала плечами.

— Чем может помочь слабая девушка, которая работает лишь дизайнером на ковровой фабрике?

Только теперь летчики обратили внимание на то, что стены комнаты увешаны акварельными рисунками в дешевых рамках: пейзажи, цветы, натюрморты, портрет какого-то сурового мужчины и рядом — автопортрет художницы, написанный маслом.

Дейм сначала с недоверием, а потом с восхищением начал рассматривать картины, бросая на Дженни взгляды, смысл которых был бы понятен даже роботу.

— У вас есть телефон? — спросил Кларк.

— В мастерской. — Девушка указала на дверь в соседнюю комнату. — Пойдемте провожу.

— А машина?

— «Даун» последней модели, — с гордостью произнесла Дженни. — Подарок фирмы. Я выиграла конкурс реклам!

— У меня нет слов, — развел руками Кларк.

Дженни проводила его в крохотную мастерскую, заставленную мольбертами, подрамниками, пачками картона, и вышла, прикрыв за собой дверь. Снимая трубку, Дональд вдруг почувствовал, как забилося сердце. Посмотрел на часы — первый час... Спит или еще нет? Вдруг она поверила сообщению о его смерти? Впрочем, звонить все равно надо, без ее помощи не обойтись...

Кларк набрал две семерки. Ответил женский голос:

— Коммутатор, двенадцатая.

— Мисс, соедините меня, пожалуйста, с Джэксонвиллом, эйби сорок два — триста восемь.

— Соединяю...

Длинные гудки. Никого... Но когда Кларк уже собрался положить трубку, на том конце провода раздался сонный голос:

— Вас слушают...

Шарлотта!

— Привет, — сказал Кларк, сдерживая дыхание. — Это я, Дон...

— Дурная шутка, мистер! Дональд погиб...

— Лота, вспомни уик-энд в Джаспере... Ну, узнаешь?

— О, господи... Дон! Живой?

Шарлотта поняла, что звонит действительно Кларк. Уик-энд в Джаспере был поводом для их объяснения, и хотя ничего решено не было, все же эта встреча запомнилась обоим на всю жизнь, как самая счастливая и радостная.

— Я вижу уши, торчащие из телефона, — торопливо сказала она, невольно понизив голос.

— Понял. Ты можешь приехать *туда*?

— Да, могу. Когда?

— В пять утра.

— Хорошо, буду ждать возле...

— Там, где я тебя впервые поцеловал. Помнишь?

Кларк положил трубку. Они разговаривали меньше минуты, но если телефон Шарлотты прослушивался, то установить абонента будет несложно. Стало быть, скоро жди гостей и надо уходить.

Кларк открыл дверь в гостиную, где Дейм, очевидно, превзошел себя самого по части юмора, рассмешив Дженни до слез.

— Собираемся, — сказал Кларк, взглянув на пилота. — Дженни, вы разрешите ему взять вашу машину? Если у вас есть друзья в Джэксонвилле, мы бы могли оставить ее у них.

Девушка задумалась.

— Друзей в общем-то нет, но... — Она оживилась. — Есть старая школьная подруга, живет на Джефферсонстрит, дом... сейчас, у меня где-то записан ее адрес. — Дженни нашла записную книжку, лихорадочно перелистала ее. — Вот, дом тридцать один. Тут и телефон записан.

— Прекрасно. Как только мы уедем, позвоните ей, предупредите. Хотя лучше позвоните утром, раньше мы туда не попадем.

— Зачем? Я и так вам верю, приедете и поставите машину у Мэриэм, она сама мне потом позвонит.

— Но никому ни слова о том, что мы были у вас.

Дженни пожала плечами.

— Кому какое дело до тех, кто у меня гостит.

— Это грозит в первую очередь вам, — нахмурился Кларк.

Дженни с очаровательной улыбкой сделала красноречивый жест, давая понять, что последствия ее мало волнуют. Дейм смотрел на нее влюбленными глазами, и Кларк вдруг подумал, что в иной ситуации это было бы началом романа. Впрочем, все еще, может быть, кончится благополучно?.. Он переложил в спортивную сумку, которую тоже одолжила хозяйка, весь свой арсенал. Нашлось там место и для пары бутербродов.

Убедившись, что молодчики из охраны расистской мистерии убралась восвояси, летчики в сопровождении своей спасительницы сошли вниз. Девушка открыла гараж и завела машину.

Прощание было коротким: Кларк пожал тонкую и нежную руку Дженни, а пилот, набравшись храбрости, обнял ее и получил в награду поцелуй.

— До встречи, — прошептал он ей на ухо. — Будешь ждать?

Дженни молча кивнула.

Они выехали со двора, не зажигая фар, и спустя двадцать минут были уже за городом.

— Она не замужем? — спросил Кларк, глянув на Стива, сидевшего с глуповато-осоловелым видом.

— К счастью, нет, — буркнул тот. — А если бы и была, я бы ее отбил.

Ни Кларк, ни Дейм не заметили, что следом за ними, примерно в полумиле, мчался черный «Хамбер».

ЛЭНГЛИ, ШТАБ-КВАРТИРА ЦРУ

6 июня, час ночи

Уильям Бейси вошел в свой роскошный кабинет, все еще не поборов раздражение и злость. Посещение оперативного центра выбило директора ЦРУ из равновесия: почти все операции в Азии и в Центральной Америке срывались или оказались на грани провала, а детский лепет руководителей

служб и групп, объяснявших неудачи «происками иракской разведки», только усиливали у Бейси приступы язвы и «предчувствие апокалипсиса», то есть скорой отставки.

Три года назад президент кровно обидел Бейси тем, что не ввел его в узкий круг своей неофициальной команды, предпочтя ему директора Агентства национальной безопасности. Это настолько глубоко уязвило грубую, но самолюбивую натуру шефа ЦРУ, что он чуть ли не с первого дня повел настоящую войну с Белым домом, саботируя решения президента и даже Совета национальной безопасности.

Попытки президента поставить ЦРУ под контроль госаппарата ни к чему не привели, но Бейси пришлось себя обуздать: представители военно-промышленного комплекса весьма определенно намекнули ему о возможных осложнениях не только с бюджетом ЦРУ, но и с его собственным. Нынешний глава Белого дома вполне устраивал заправил американского бизнеса, и директор ЦРУ, этого «государства в государстве» при любых президентах, вдруг оказался в тисках высшей финансовой политики. Бейси пришлось скрепя сердце сделать вид, что он подчиняется обстоятельствам, но злоба требовала выхода, и Бейси отвел душу на ожесточенной травле коммунистов и негров, привлекая к тайным операциям всякое отребье и подонков, не имевших ни родины, ни идеалов. В душе же он жаждал мести и любой факт против президента и его команды, любой их промах старался превратить в бомбу замедленного действия, ожидая только случая, чтобы взорвать ее.

Ограниченный, мстительный, раб необузданных страстей, он не понимал, что копает яму прежде всего самому себе, потому что смена администрации автоматически влекла за собой и смену директора ЦРУ, но продолжал «войну», организуя все новые и новые провокации и диверсии.

Сев за стол, Бейси первым делом вызвал секретаря:

— Тимоти, найди Кросса и подай кофе. И не забудь глоток моей любимой.

Любимым алкогольным напитком директора был «Гусар», который он принимал за настоящую русскую водку.

Дэвид Кросс, специальный помощник директора ЦРУ, был белобрыс, тих и незаметен, как моль. Он возник в каби-

нете бесшумно, словно привидение, заставив Бейси в сердцах хлопнуть себя по ляжкам.

— Я же просил, Дэв, входить погромче!

— Простите, шеф, — прошелестел Кросс. — Проклятая забывчивость. Вы, кажется, не в духе?

Кросс был тактичен и не стал намекать, что его подняли с постели во втором часу ночи.

— Не в духе... — Бейси опрокинул в рот рюмку водки и стал прихлебывать кофе. — Эта жирная свинья Хадли снова подложил нам свинью... — Он замолчал, обдумывая неожиданный каламбур. — Его разведка унюхала канал сбыта белого снадобья через Пакистан. Жирная свинья! — повторил еще раз директор ЦРУ и вытер рот ладонью. — Хочешь выпить?

— Спасибо, сэр. — Кросс тихонько уселся на краешек дивана, накрытого шкурой барса. — Если позволите — martini.

— Этой синей травы? — презрительно буркнул Бейси и нажал клавиш селектора. — Тимоти, бокал martini и глоток моей.

Вышколенный секретарь тут же принес водку, коньяк, тосты и сифон с содовой.

— С вами хотел встретиться директор Агентства национальной безопасности Форбrait, — сказал Кросс, пригубив бокал. — Просил позвонить.

— Не хватало, чтобы я звонил этому дегенерату! — взорвался Бейси. — Этому ирландскому вырожденку, поменявшему сельскохозяйственную мафию на электронную!

Кросс промолчал, хотя мог бы напомнить шефу, что ЦРУ имеет давние и прочные связи с гангстерами всех мастей и стран.

— Что ему от меня надо? — спросил директор ЦРУ, чуть поостыв.

— Подробности я не знаю, но дело касается бомбардировщика «Грейт хантер».

— Ха! Я так и знал! Я их заставил все-таки занервничать. Старая лиса Бурш опять хотел заманить меня в Агентство, но я сослался на дела. Черта с два я туда пойду! Пусть они идут ко мне... Тимоти, вызови Билла-два и дай прямую связь с Остином, с бизнесменом Чезаре Паркано. — Директор подождал, держа трубку возле уха. — Хэлло, Гурон. Извини, что

разбудил... Ах, ты не спишь? Государственные дела? — Бейси захохотал. — Я тоже по государственному делу. Что там с летчиками? Твои люди сидели у них на «хвосте».

— Двоих мы уж сдали полиции, — прозвучал в трубке зловеще-спокойный голос босса техасской мафии. — Еще двое сейчас едут в «Дацуне» из Палестайна в Джэксонвилл. Пятый пока выпал из поля зрения, но к утру найдем и его.

— О'кей, Гурон. Тебя подстрahуют мои люди, только не перестреляйте там друг друга. Эти двое должны быть живы. Пока...

— Мои парни от них в восторге, — засмеялся Паркано. — И профессионалы не сработали бы так круто, как они! Нам почти не пришлось вмешиваться.

— О'кей! — еще раз повторил Бейси. — Из сферы армии они, кажется, выбрались, но теперь следует ждать деятелей из «гаммы» АНБ ФБР. Есть у них такая команда по расследованию внутреннего саботажа.

— Мы готовы, Билл, спи спокойно.

— И тебе спокойной ночи, Гурон.

Директор ЦРУ положил трубку.

— Все идет нормально, Дэв. Хадли выбыл из игры, не будет же он объявлять военную тревогу по всему штату! Остались люди Форбрайта и Вильямса.

— И полиция, — напомнил Кросс.

Бейси пренебрежительно отмахнулся.

— Она работает на привязи, что от нее толку? К тому же у нас имеется любопытный компромат на шефа полиции Техаса, и он это знает. Нет, полицейских я не боюсь, это статисты... Но Форбрайт...

Зазвонил телефон.

— Здесь Билл-два, — раздался голос заместителя директора ЦРУ. — Не мог дожидаться утра, Билл? Приспичило?

— Ты пока не президент, — сострил Бейси. — Спать будешь, когда я разрешу... Звонил этот ублюдок Форбрайт, свяжись с ним, а я не могу, у меня операция по уничтожению. Потом звякни, чего он хочет. И еще: подготовь информацию для прессы. Летчики, мол, живы, их видели и так далее. Пусть журналисты попрыгают. У нас же есть свои парни в Ассошиэйтед Пресс? Вот и дай им задание...

— Хорошо, — сказал заместитель, и Бейси прервал разговор. — А ты, — повернулся он к помощнику, — немедленно пошли две группы на шоссе Палестайн—Джэксонвилл. Пусть подстрахуют Гурона.

— Позволю напомнить: у Форбрайта накоплен довольно опасный материал на вас, шеф. В случае нужды он не замедлит им воспользоваться, и тогда...

— Чепуха! — Бейси хлопнул ладонью по столу. — У меня тоже накоплен кое-какой материал, плюс эта история с «Хантером». Главное — умело подсунуть все это конгрессу. Я думаю, мы предложим его сенатору Вартану, и тогда всей этой дохлой компании придется туго!

Помощник с удивлением посмотрел на директора ЦРУ.

— Перри Вартану? Он же черный! И баллотируется в президенты!

— Будь он даже серо-буро-малиновым, нам до этого нет никакого дела. Вартан послужит завесой для затуманивания мозгов избирателей, но и сам никогда не получит достаточного количества голосов.

Кросс снова промолчал, хотя его прогноз был прямо противоположным мнению шефа.

— Президент думает, — Бейси вдруг хихикнул, резко изменив ход мыслей, — что адъютант с ядерным кейсом — гарантия единовластия при решении вопросов о войне. Знал бы он, что этот кейс проходит через руки его верных друзей!.. Двигаю, Дэв, — подвел итог разговору директор ЦРУ. — Да учти, что летчики захватили образцы секретного оружия. Проинструктируй парней.

— У нас тоже этих штучек хватает, — улыбнулся бескровными губами Кросс. — Не волнуйтесь, шеф.

Бейси остался один. Походив по кабинету, он улегся на диван, приказав секретарю принести фрукты. Вспомнив о провале операции с наркотиками, снова помрачнел.

— Жирная свинья! — пробормотал он. — Имей я возможность применить крайнюю меру... — Подумал: у каждого человека есть «кнопка». Жадность, как у Хадли, честолюбие, как у Форбрайта, эгоизм, как у Джарвика, жажда власти, как у Вильямса, деньги и женщины, как у них всех. А у президен-

та? Может, мы плохо искали его «кнопку»? Впрочем, поздно искать, пора действовать...

Бейси не знал, что у него тоже есть «кнопка», используемая другими весьма эффективно, — его фантастическая глупость.

ШОССЕ ПАЛЕСТАЙН—ДЖЭКСОНВИЛЛ

6 июня, 2 часа ночи

«Даун» съехал на обочину дороги, накренился. Кларк подумал, затем развернулся и сдал машину назад в неглубокую балку. Фары он не включал.

— Ты что? — спросил Дейм. — Зачем остановились?

— Подождем. У меня ощущение, будто за нами «хвост».

Полковник вышел из машины, прислушался. Где-то далеко шел поезд, теплоэлектростанция Палестайна выпускала пар. Через минуту эти звуки стихли и наступила глубокая, прозрачная тишина.

— Тихо? — подал голос из кабины Дейм.

Кларк молча занял место водителя, тронул «Даун» с места и по дну балки повел ее в объезд холма. Балка оказалась дорогой к заброшенному песчаному карьере. Снова остановились. Кларк посмотрел на светящийся циферблат часов.

— Часа два можешь поспать. В Джэксонвилл не поедем, поедем в... то место, где нас будут ждать. Милях в семи мост через Нечес, за ним свернем налево и через десять минут будем на месте.

— Интересно, где остальные? — задумчиво проговорил пилот. — Судьба этого вонючки Бартлоу меня не волнует, но Милфорд оказался неплохим парнем.

Кларк тоже думал об экипаже бомбардировщика. Он вдруг впервые почувствовал сомнения в правильности своих действий. По сути дела, он приговорил к смерти четверых — собственная не в счет. Имел ли он право так поступить? И почему он вообще это сделал? Что послужило причиной? Разве военное ведомство впервые испытывает секретное оружие на людях? Без их ведома? Что получилось в результате? «Скорпион» поврежден, но не уничтожен, на базе его почи-

нят, и испытания все равно состоятся. Чего он добился? Ничего! Так стоило ли заваривать кашу?..

«Не паникуй, — сказал внутри Кларка суровый голос, — ты все сделал правильно. Никто не виноват, что совесть твоя проснулась именно в тот момент. Сомневаться надо было раньше. Ты прекрасно видел, где ложь, а где правда, но сознательно закрывал глаза, ставя себя выше политики и социальных отношений. Слишком рано ты спрятался в скорлупу постороннего наблюдателя, ждущего любой развязки, чтобы потом воскликнуть: «Я же говорил!» Вспомни школу. В класс пришел новый учитель русского языка, в детстве он перенес полиомиелит и сильно хромотал. Верзила Риган подставил ему ногу, и учитель упал, и в классе не засмеялись только трое, в том числе и ты. Потом, после уроков, ты набил морду Ригану и плакал у отца на плече, и был виден твой дальнейший путь. Почему же сейчас ты вдруг начал искать себе оправдания? Ты же всегда поступал так, как велел долг, не долг командира — долг души...»

— Слушай, давай обратимся к журналистам, а? — сказал вдруг Дейм. — У меня есть знакомые парни в «Вашингтон пост».

Кларк вздохнул.

— Мы подвергнем риску ни в чем не повинных людей.

Внутренний голос сделал свое дело и умолк. Мысли повернули в иное русло, и Кларк вспомнил свою последнюю встречу с Шарлоттой в Джаспере. Это было четыре месяца назад, зимой.

Обыкновенный греческий ресторанчик рядом с мотелем Джаспера в восьми милях от Джэксонвилла также называли «Джаспером», хотя его хозяин носил греческую фамилию Пасхалидис. Они поехали туда рано утром, поставили машину, съели горячие сувлаки — блинчики с наперченным фаршем — и, надев лыжи, отправились на холмы, с которых Шарлотта мечтала покататься со времен своей юности.

День пролетел незаметно. Голодные и усталые, они вернулись в мотель, пообедали внизу, причем блюда им подавал сам хозяин ресторана Кассиматис Пасхалидис, наговоривший кучу комплиментов Шарлотте, и уединились в комнате для особо почетных гостей на втором этаже. И тут Шарлотта,

раскрасневшаяся от прогулки, восхитительно красивая, вдруг стала рассказывать о себе.

Шарлотта приехала в Джэксонвилл с родителями из Нью-Йорка после громкого скандала, связанного с фирмой «ДРГ пластикс». Отец девушки, репортер «Нью-Йорк таймс», француз по национальности, раздобыл материалы, свидетельствовавшие о том, что фирма консервных банок делает эти банки из дешевой пластмассы, отрицательно влияющей на содержимое. Виновником серии отравлений консервами оказалась не фирма «Литтон продакс», производящая начинку, а «ДРГ пластикс». Скандал получил огласку, так как в дело были замешаны высокие чины из госдепартамента, и репутацию репортера убрали подальше, в провинцию, пригрозив пустить в ход машину иммиграционной службы. Но в Джэксонвилле Франсуа Ажен не смог остаться в стороне от политики и социальной несправедливости. Очередное скандальное дело, которое он раскрутил, коснулось мэра и шефа полиции, и в один прекрасный день трупы Ажена и его жены выловили в водах Анджелины.

Шарлотта, без памяти любившая родителей, — ей тогда было девятнадцать лет, — заболела и целый год провела в клинике нервных заболеваний, главврач которой дружил с семьей Ажен. За это время она привязалась к своему спасителю, и уже поговаривали об их свадьбе, как вдруг машина, на которой ехал главврач, разбилась, врезавшись в военный тягач. От потрясения Шарлотта снова слегла в постель, а когда вышла из клиники, это был другой человек, патологически боявшийся малейшей привязанности.

На шоссе послышался шум моторов: шла колонна грузовиков. За ней проследовала моторкада — кортеж легковых машин, сопровождавших роскошный «Кадиллак». И снова все стихло.

— Хорошо бы...

Дейм не закончил. Сзади, на грунтовой дороге, ведущей в карьер, вспыхнули фары и раздался голос, усиленный мегафоном:

— Эй, парни. Сдавайтесь, вы окружены! Выходите по одному.

Кларк мгновенно завел мотор и рванул по дороге вниз, к

карьеру. Вслед загремели автоматные очереди, изрешетив багажник и разбив заднее стекло.

Уклон стал круче и на время скрыл их от не слишком расторопных преследователей, полагавших, что птички попали в клетку.

И тут Кларк увидел узкую дорожку, ответвившуюся от дороги влево. Не раздумывая, свернул на нее.

— Держись!..

Машина ударилась правым боком в стену обрыва и встала на два колеса. Кларк наугад бросил ее влево и попал — легкий «Даун» вписался в поворот и в несколько секунд вскарабкался на глинистый карниз, нависший над карьером. Справа был глубокий кратер карьера, слева — овраг, и Кларк погнал машину вперед, надеясь только на еще не изменившую им удачу. Фары зажигать он не стал, увеличивая одновременно риск сломать шею и шанс уйти от погони.

Сзади все еще раздавалась громкая стрельба, и однажды даже грохнул взрыв гранаты.

Дейм засмеялся:

— С кем это они воюют?

«Действительно странно, — подумал Дональд. — Кто это был? Полиция? Почему же она не окружила карьер? И почему напали так поздно? И в кого они до сих пор стреляют?..»

«Даун» скатился под уклон, продрался сквозь кусты и выбрался на шоссе. Кларк оглянулся. Шоссе было пустынно, однако со стороны Палестайна плыли светляки фар.

— Нам явно кто-то помог, — невнятно проговорил Дейм.

Кларк тоже думал об этом, а еще он подумал, что дорога к Джэксонвиллу может быть перекрыта.

— Приготовься на всякий случай к новой встрече, — сказал он пилоту и дал газ.

Помятый «Даун» резво устремился на север. До моста через Нечес оставалось две мили, когда на повороте Кларк заметил впереди радарный пост и полицейский пикет. Дорога была перекрыта фургоном «Трансконтиненталь», перед которым скопились машины: две легковые — «Лендровер» и «Роллс-Ройс», пустой тягач-платформа для перевозки морских контейнеров. Поодаль стояли полицейский фургончик и черный «Мерседес» с мигалкой.

Думать было некогда, их заметили, и Кларк решился на трюк, подобный которому он выполнил однажды при спецподготовке к полетам. Тягач-платформа имел сзади пологий пандус для въезда на него погрузчика, и козырек над кабиной, также плавно опускающийся на платформу. Кларк включил фары, разогнал машину и направил ее на пандус.

Дальнейшее произошло в течение трех секунд: удар, второй — и «Даун» взмыл, как прыгун с трамплина, в воздух, перелетел через легковые автомашины и фургон и, грохнувшись на крышу «Мерседеса», со скрежетом соскользнул с него на шоссе.

Удар был так силен, что Кларк получил настоящий нокдаун, врезавшись головой в потолок кабины. Но ремни выдержали, спасли, а инстинкты работали в нужном направлении, и рука сама переключила скорость, а нога вдавила педаль газа. «Даун» с разбитыми фарами, вилля колесами, устремился в спасительную темноту...

Когда Дейм очнулся от беспамятства — ему досталось больше, чем Кларку, — машина тихонько катила между шпалерами высокого кустарника по песчаной проселочной дороге.

— Я жив? — слабым голосом спросил пилот.

Дональд молча сунул ему флягу с виски. Дейм дважды отхлебнул, потом вытер подбородок.

— Где мы?

— Подъезжаем к мотелю.

— А полиция?

Кларк промолчал.

Стив снова приложился к фляге. Дональд отобрал у него виски и завинтил пробку.

— Как говорят мудрецы: алкоголь хорошо укрепляет нервную систему, если его не употреблять.

Дейм улыбнулся разбитыми губами, смеяться у него не было сил. В голове трещало и пекло так, словно его мозги поджаривали на сковороде.

Машина выехала на более широкую автостраду, покрытую гравием, и вскоре остановилась перед двухэтажным домиком, окруженным старым, запущенным садом.

Кларк вылез, прислушался, но все было тихо. Тогда он

сам открыл деревянные ворота и загнал «Дацун» под навес, спрятав его за штабелем бочек.

— Ты же говорил, что едем в мотель, — пробормотал Дейм. Дональд посмотрел на часы.

— Еще рано.

Пилот обошел машину, пошелкал языком.

— Разделали под орех! Придется покупать Дженни новую машину... Слушай, а если полиция нагрянет сюда?

— Не беспокойтесь, — раздался вдруг из темных кустов тихий голос, и на дорожку в джинсовом костюме и ковбойской шляпе с высокими полями вышел человек. — Мы ее спрячем.

Летчики одновременно выхватили пистолеты, а из-за кустов вслед за ним появилась девушка в таком же, как у него, наряде.

— Дон, это я!

— Шарлотта, — очень спокойно сказал Кларк и спрятал пистолет. — А я ждал тебя только к утру.

Вместо ответа девушка шагнула к полковнику и ткнулась ему лицом в грудь. Плечи ее задрожали. Кларк обнял Шарлотту, легонько погладил по спине и отстранил, но она снова прижалась к нему, не говоря ни слова.

— Пойдемте, мистер, — окликнул Дейма ковбой.

— Меня зовут Стив, — машинально ответил пилот и вздохнул, вспомнив о другой девушке, которая обещала его ждать.

Уютно потрескивали дрова в камине, пахло сосновыми поленьями и лампадным маслом. Мебель в комнате стояла старинная, в стиле итальянского ренессанса: гнутые ножки столов и стульев, инкрустация, фиолетовый бархат обивки...

Дейм, залепленный пластырем, доедал бифштекс на салатном листе, запивая его вином из зеленого графина.

Кларк воспротивился намерению девушки заклеить его ссадины и кровоподтеки и походил на грабителя, помятого при задержании. Он сидел с Шарлоттой на диване и молчал, как и она.

Кроме них, в комнате находились еще двое: тот самый мужчина в джинсах, уже успевший отогнать куда-то «Дацун»,

и толстяк во всем сером, с хитрым лисьим лицом. «Ковбоя» звали Арчибальдом, и работал он местным шерифом, второй, Кристиан, был владельцем оружейной лавки в Джэксонвилле.

Шарлотта представила их как своих друзей, и этого Кларку было вполне достаточно, хотя он и не вспыхнул к ним особой симпатией.

Разговор шел вяло: гости не были расположены к откровениям, а хозяева тактично не напоминали об их положении.

Дейм наконец насытился и отвалился от стола.

— Ф-фу-у! — выдохнул он, с блаженной улыбкой вытирая вспотевшее лицо. — Теперь можно идти сдаваться полиции.

Все засмеялись.

— Зачем же куда-то идти? — сказал толстяк Кристиан. — Шериф уже здесь.

— Не обращайтесь на него никакого внимания, — сказала Шарлотта. — Крис добрый малый, но циник и бабник.

— Ло-о-т-т-а, — с укоризной протянул толстяк. — Что обо мне подумают эти молодые люди?

— Они уже подумали, — вмешался шериф, с любопытством посматривавший то на Кларка, то на девушку. — Сам говорил: ум скрыть можно, глупость — никогда.

— С такими друзьями не быть циником невозможно, — развел руками Кристиан и повернулся к Дональду. — Полковник, вы можете не выдавать свои профессиональные тайны, но все же хотелось бы знать, как вы попали в эту передрягу?

— Расскажу, — кивнул Кларк. — И пусть представитель закона судит, кто прав, кто виноват.

— Если разрешу судить я, — добавила Шарлотта с легкой улыбкой, и Дейм вдруг понял, что шериф Арчибальд находится в ее полном подчинении. Девушка была красива, как бывают красивы, пожалуй, только француженки, описать ее красоту точными мазками мог бы только художник.

Кларк встретил взгляд шерифа, но не увидел в нем вызова, только грусть и сожаление: Арчибальд уже смирился с положением друга и не видел в нем соперника, а это значило, что Шарлотта сделала выбор еще давно...

— Я расскажу, — повторил Дональд.

Его рассказ занял четверть часа, еще столько же аудитория переваривала услышанное.

Вдруг к дому подъехала машина. Хлопнула дверца. Все застыли, прислушиваясь. Потом шериф достал из нагрудного кармана свой знак власти — жестяную звезду и, расстегнув кобуру, вышел. Шарлотта погасила бра, подошла в Дональду и положила ему руки на плечи.

Толстяк вдруг достал из-под мышки кольт и ловко проверил в нем обойму. Встретив заинтересованный взгляд Дейма, подмигнул:

— Что, по виду рохля и тюфяк? Не вы первый ошибаетесь. Я воевал во Вьетнаме, имею награды и призы за меткую стрельбу.

— Тихо, Крис, — сердитым шепотом проговорила Шарлотта. — Успеешь похвастаться.

Арчибальд вернулся минут через десять с сухоньким старичком греком, хозяином ресторана, сморщенным и смуглым, как апельсиновая корка.

— Полиция? — спросил Кристиан.

Шериф отрицательно покачал головой.

— ФБР, политический сыск. Но ищут вас. — Он посмотрел на Кларка. — Здорово вы их расшевелили, приятель. Обычно агенты Бюро не участвуют в оперативном захвате вместе с полицией.

Пасхалидис, вежливо улыбаясь, убрал посуду и пообещал через полчаса принести кофе. Говорил он с небольшим акцентом, вставляя в речь греческие слова. Шарлотта смотрела на него с любовью, этот старичок тоже входил в круг ее друзей, и Кларку даже захотелось сказать ему что-нибудь приятное, но привычка сдерживать чувства взяла верх, и он промолчал, подумав, что Шарлотта, сама того не сознавая, ухитрилась собрать вокруг себя самых честных, великодушных и преданных людей, готовых ради нее даже на смертельный риск. В душе вдруг шевельнулась колючка ревности, но Дональд тут же вырвал ее с корнем. Не верить Шарлотте значило не верить самому себе...

— Что будем делать? — спросил шериф и этим вопросом окончательно расположил Кларка к себе, потому что мог бы спросить иначе: «Что вы собираетесь делать?»

— Предлагаю пойти в полицию и там все рассказать, — пробурчал Кристиан, открывая жестянку кока-колы; все молча смотрели, как он пьет, пока толстяк не рассердился: — Что вы на меня уставились? С кем хотите воевать? Подумали? С Пентагоном? Плюс ЦРУ, ФБР и АНБ? А полиция? — Он запрокинул голову и одним духом выпил вторую банку. — Бороться с ними — самоубийство, даже если мы вооружимся гранатометами из моей лавки. Поэтому я и предлагаю пойти и сдаться и прихватить с собой журналистов. Авось не прихлопнут при свидетелях.

— Он прав, — сказал Дейм, мрачней. — Мне нравится идея с журналистами. А, Дон?

— Крис забыл, что существуют школы убийц, вроде «Длинных кинжалов» в ЦРУ, — сказал Арчибальд. — Журналисты не помогут. Вы уже «погибли», все пятеро, так что приговор подписан и обжалованию не подлежит.

— Арчи прав, — сказала Шарлотта. — Надо придумать что-то еще. Хотя журналисты все же могут пригодиться.

— Вообще-то мы думали заявить в ООН, — признался Дейм.

— Вы туда не попадете, — уверенно сказал Арчибальд. — Наверняка Ист-Ривер будет оцеплен агентами всех мастей. Но идея неплохая... Можно сделать так: я позвоню в Капитолий, у меня есть знакомые в сенате, и они попытаются связать вас с Генеральным секретарем...

— И по дороге их ухлопают всех вместе, — ядовито подхватил Кристиан. — Идеальным вариантом считаю только бегство за пределы Штатов, куда-нибудь в Азию.

— Вы забываете, что для этого нужны немалые средства, а их у нас нет, — предупредил Дейм.

— Средства не проблема, — вмешалась Шарлотта. — Дон, что ты решил?

— Подождите, — медленно произнес шериф. — У меня возникла прекрасная идея... Что, если рассказать обо всем Перри Вартану?

— А кто это? — равнодушно спросил пилот.

— Арчи, ты гений! — обрадовался Кристиан. — Сенатор Вартан выдвинул свою кандидатуру на пост президента. В черной и желтой прессе его называют «черным ястребом», «агентом Африки». Все это чушь, хотя и мне непонятны его сим-

патии к неграм, но этот парень не боится лезть в драку. По-моему, в сложившихся условиях это лучшее решение.

Помолчали, поглядывая на задумавшегося Кларка.

— Что ж, — сказал тот наконец. — Может быть, это действительно подходящий вариант. Но я совсем не знаю Вартана.

— И не надо, — хохотнул толстяк. — Он далеко не идеал, такой же бабник, как и я. — Кристиан снова рассмеялся. — Каюсь, люблю красивых женщин... Но вы мне покажите такого идиота, кто их не любит. Человек соткан из противоречий, и только тогда он интересен. Не люблю упрямых ослов, дураков и однолинейных и простодушных добрячков.

Шарлотта махнула рукой.

— Не слушайте его, на самом деле он умнее, чем хочет казаться. — Толстяк расплылся в довольной улыбке. — Арчи, поехали! Привезем все, что им надо для путешествия.

Шериф с готовностью поднялся.

— Стоп! — вскинул руки Кристиан. — А если сюда снова нагрянет полиция, пока вы будете ездить? Боюсь, я не сумею объясниться с копами и агентами ФБР.

Шарлотта поцеловала толстяка в лысину.

— Я же говорила, что он умный. Правильно. Арчи, ты останешься. Крис, поехали!

Дональд тихонько засмеялся, за ним остальные. Шарлотта подошла к нему, наклонилась. Шериф отвернулся, толстяк заговорил с Деймом о своей лавке, пообещав привезти «кое-что интересное».

Кларк встал. Шарлотта провела рукой по его небритой щеке.

— Никогда не видела тебя таким колючим, полковник, — сказала она со слезами на глазах.

— Побрежусь, — пообещал Дональд и осторожно поцеловал ее в губы, — немедленно. Приезжайте быстрее.

Шарлотта постояла несколько секунд, улыбаясь так, что Кларку стало больно и радостно одновременно, и резко повернулась к двери.

— Не отставай, Крис.

Они ушли.

— Я сейчас, — сказал шериф и поспешно вышел вслед за ними. Сонный Дейм разлепил глаза.

— Ты знаешь, мне его жаль...

— Кого?

— Шерифа. Хороший парень и по уши влюблен в Шарлотту. И немудрено, даже этот хитрый любитель женского пола смотрит на нее как на богиню, а не как на кандидатку в любовницы. Пожалуй, Дженни не так эффектна... а?

— Мне тоже, — невпопад ответил Кларк, думая о своем.

Арчибальд вернулся через несколько минут.

— Пока все спокойно. Они вернутся через час-полтора, а вы пока звоните Вартану.

— Сейчас? Не поздно?

— Поздно будет звонить утром. Вот вам телефон отеля «Плаза», Вартан сейчас в Нью-Йорке, собирается выступить перед избирателями штата.

Кларк взял клочок бумаги с номером и сел к телефону.

— Отель «Плаза», — прозвучал в трубке мужской голос.

— Соедините меня с номером сенатора Вартана, — попросил Кларк. Последовала трехсекундная заминка, после чего Кларка спросили:

— Кто говорит?

Арчибальд ткнул себя пальцем в грудь, прошептал:

— Скажи — Норман.

— Шериф Норман.

— Его нет в номере, сэр. Сенатор еще вечером уехал в «Клуб-21». Что передать?

— Я позвоню позже. — Кларк повесил трубку. — Он в «Клубе-21».

Шериф прищелкнул языком.

— Шикарное заведение! Самый фешенебельный ресторан в Нью-Йорке, только для миллионеров. Тогда звоните в «Клуб». Вот справочник телефонов Нью-Йорка...

Через минуту Дональд нашел номер ресторана, набрал его, и в трубке зарокотал роскошный бас:

— Вас слушают.

— Здесь шериф Норман, — сказал Кларк. — Срочно к телефону сенатора Вартана.

— А что произошло, шериф? — полюбопытствовал бас. — Боюсь, сенатору сейчас не до государственных дел.

— По запросу президента, — сухо сказал Кларк.

Трубка хмыкнула.

— Позвоните ему в... Запишите номер.

Кларк записал и тут же набрал новый номер, не поблагодарив информатора.

Сенатор Перри Вартан снял трубку только после десятого звонка.

— Здесь Вартан. Какого дьявола вы разыскиваете меня ночью? Я не знаю никакого шерифа Нормана. Если хотите поговорить, приезжайте в девять утра в офис Палстрема на Пятой авеню.

— Не вешайте трубку, — сказал Кларк. — С вами хотят встретиться по поводу самолета.

— Самолет? Что за чушь!

— Бомбардировщик В-1С «Грейт хантер» позавчера потерпел...

— Стоп! — Сенатор, видимо, прикрыл рукой микрофон и отдал какое-то распоряжение. — С этого надо было начинать, дружище. Остальное не по телефону. Откуда вы звоните?

— Издалека.

— Понятно. Вы можете назвать какое-нибудь ядовитое насекомое, которое вам особенно досадило?

— Ну, скажем, скорпион. Вас устраивает?

— Вполне. Вам придется добираться ко мне своим ходом. Буду ждать. Как только здесь объявитесь — звоните в отель из автомата, мои люди будут предупреждены. Все.

Сенатор повесил трубку.

Арчибальд вопросительно посмотрел на полковника.

— Не хочет рисковать, — сказал Кларк устало. — Будет ждать звонка в Нью-Йорке...

Кларк оглянулся на спящего Дейма, и его самого вдруг непреодолимо потянуло прилечь.

Арчибальд понял его состояние, похлопал по плечу:

— Прикорните и вы до их приезда. Я покараулю внизу...

Кларк прошелся по комнате, осторожно выглянул наружу из-за шторы. Небо перед рассветом уже очистилось от туч и начинало бледнеть. Потом он сел в кресло, и его подхватила и понесла река сна, наполненная ощущением тревоги и счастья...

ОСТИН

6 июня, 4 часа утра

Здание управления полиции в этот неурочный час светилось огнями, как на Рождество. Внутри царила атмосфера плохо скрытого раздражения и напряженной деятельности.

Лейтенант Дуглас вернулся в управление ровно в четыре часа и сразу же был вызван к начальнику полиции.

Луис Маклеод вышел из-за стола, что было неотъемлемой частью введенного им «ритуала наглядной демократии», и, взяв лейтенанта за руку, усадил в кресло, что означало неслыханную честь.

— Мой мальчик, поздравляю! Я уже сообщил президенту о твоём успехе, считай, что диплом комиссара у тебя в кармане! Конечно, Гарри прав, ты мог бы взять этих двоих живыми, но... — Маклеод развел руками. — Что сделано, то сделано. Какие новости?

— Хочу спросить...

— Да, мой мальчик? Не стесняйся, говори.

— Разрешите докладывать о ходе операции вам лично, минуя бригадира Тернера?..

— Это будет нарушением субординации, мой мальчик. Гарри, не скрою, и так не слишком тебя... м-м... будем говорить, жалуется. Но если ты считаешь, что это необходимо...

— Бригадир Тернер отдает приказы, мешающие работе оперативных патрулей. По его вине на дороге Баффало—Палестайн были упущены оба летчика.

Шеф полиции нахмурился, походил по кабинету и вновь уселся за свой стол размером с футбольное поле.

— Сиди, сиди, — остановил он вскочившего было Дугласа. — Я и не знал... Как это произошло?

— Бригадир без моего ведома выслал группу резерва, приказав стрелять при любой попытке оказать сопротивление. Группа приняла за террористов устроенную инспектором Бушем засаду и открыла огонь. В результате беглецы ускользнули, а мы потеряли троих парней.

Маклеод был плохим актером, по всему было видно, что ему давно известно об этой стычке.

— Хорошо, я разберусь, Джи-Пи. А пока держи связь с Хобартом.

— Слушаюсь, сэр. У меня еще вопрос. Так ли уж необходимо привлечение к операции других служб?

Маклеод сделал непроницаемое лицо.

— Твой вопрос граничит с непростительной вольностью, мой мальчик, но ты сегодня герой, и я прощаю твою дерзость. Привлечение к операции... м-м... других служб санкционировано сверху. Кроме ФБР и ЦРУ, в этом деле заинтересованы еще и военная разведка, и Агентство национальной безопасности. Да-да, не удивляйся, руководители этих служб расстроены создавшейся ситуацией, и нам придется сделать все, чтобы оправдать их доверие.

Дуглас был и в самом деле удивлен масштабами операции, но отлично усвоил правило: дольше живет тот, кто меньше знает. Поэтому он ничего больше не спросил.

— Разрешите идти?

— Иди, лейтенант, — по-отечески улыбнулся Маклеод. — Все будет зависеть от того, как мы сработаем по этим негодям.

Шеф сказал «мы», подразумевая «ты», и Дуглас это понял.

В своем кабинете он увидел Клайда Буша. Тот цедил из стакана какую-то светлую жидкость. Дуглас отобрал у него стакан, отхлебнул и скривился.

— Что за бурду ты пьешь? Блюруин?¹

— Сам виноват, трезвенник чертов! В твоём баре подошли даже пауки. Эту гадость я выпросил у Торнтона.

Дуглас, несмотря на протесты инспектора, выплеснул джин в распахнутое окно.

— Ты мне нужен трезвым. Кстати, Клайд, почему ты здесь, а не в Палестайне?

— Там сейчас Тернер со своими гориллами. Устроил по-вальный обыск гостиниц и кемпингов. К утру он выдохнется, и можно будет работать более или менее спокойно.

— Ладно, и здесь пригодишься. Кто сейчас там вместо тебя?

— Два «Э».

«Двумя Э» в управлении называли инспекторов Эдварда Глоу и Эрнеста Джойса, похожих друг на друга как близнецы.

¹ Буквально: синяя отравка. Шутливое название джина.

— О'кей. Давай атлас.

Буш достал карту Техаса.

— Как ты думаешь, куда эти парни могли смыться после перестрелки у карьера?

Инспектор оживился, бледное лицо пошло пятнами.

— Ох и лихие парни! Если бы ты видел, как классно они ушли! Перепрыгнули на своем «Дацуне» две автомашины, фургон...

— Ты, кажется, рад этому?

— Не рад, но я всегда уважал рискованных парней. Жаль, что они преступники, хотя я и не понял, из-за чего весь переполох. Этот полковник не похож на...

— Заткнись, — коротко сказал Дуглас. — Это не наше дело. Тот, кто отдает приказы об их поимке, знает, что делает. Так куда они могли направиться?

Буш насупился, помолчал.

— Если бы я был на их месте, то рванул бы в Джэксонвилл. Там есть где укрыться.

— Они не появлялись в Джэксонвилле, ты же знаешь.

— А гарантии? Парни не дураки, может быть, остановились где-то неподалеку. Я выбрал бы три-четыре ориентира рядом с шоссе, далеко они не могли уйти. Вот смотри... Вилла Грэхема — в семи милях, гражданский аэропорт — в десяти, ферма Максвелла-младшего — в четырнадцати, ипподром — в шести милях и мотель Джаспера — в четырнадцати. Там же рядом ресторанчик этого грека... забыл, как его...

— Пасхалидиса.

— Во-во, его самого.

— А не могут они податься на ферму отца Кларка?

— Я же говорю, парни не дураки, они наверняка догадываются, что там засада.

Дуглас подумал.

— Резонно. Бери Шэла с его командой в вертолет и через час доложишь... — Лейтенант не договорил — зазвонил телефон.

— Здесь Гурон, — сообщила трубка голосом Паркано. — Малыш, ты мне нужен. Срочно. — В трубке зачастили гудки.

— Кто это среди ночи? — полюбопытствовал Буш. — Зна-

ешь, я бы с удовольствием поспал пару часов, никуда они не денутся...

— Клайд, — прервал его Дуглас странным голосом, о чем-то размышляя. — Ты хотел бы увидеть убийцу своего отца?

С лица Буша сползло сонно-ленивое выражение, он побледнел, хотя и прежде не отличался смуглостью.

— Что... что ты сказал?

— Что слышал. Собирайся.

Дуглас принял какое-то решение, и глаза его стали холодными и угрожающими. Он набрал номер:

— Мисс, соедините меня с Форт-Мидом: Уотер четыреста сорок два — двести сорок. Да, подтверждаю. Да, кодовая.

Форт-Мид ответил через полминуты:

— Дежурный Адамс. Кто говорит?

— Остин, управление полиции, Джордж Питер Дуглас. Мне нужен «второй».

— Не кладите трубку.

Проверяет, откуда я звоню, подумал лейтенант равнодушно. Интересно, какое звание у этого «дежурного Адамса»? Майор, полковник, адмирал?

В трубке замурлыкал женский голос:

— «Второй» занят, мистер Дуглас, с вами будет говорить «серебряный». Только покороче.

Снова смена голоса. Это был бас, и принадлежал он начальнику отдела оперативной информации АНБ генералу Курту Дорфману.

— Здесь «серебряный», говорите.

— Здесь Корсар. Гурон наметил акцию «Кровь». Разрешите контрмеры?

— Не рано? Всполошим лидеров.

— Смена босса не означает смену фамилии. Предлагаю пока сыграть в рингера — «темную лошадку».

Молчание, потом — короткое напутствие:

— Сохрани вас бог.

Дуглас положил трубку и посмотрел на Буша, пятнистого от сдерживаемого волнения.

— С этого момента ты мой личный телохранитель. Я выведу тебя на убийцу отца, но не дай бог тебе ошибиться!

Буш кивнул, пропустив мимо ушей скрытую угрозу в голосе лейтенанта.

Они взяли пистолеты с глушителями, переоделись. Дуглас захватил с собой подслушивающий аппарат, похожий на кинокамеру, и оба спустились к машине.

Ехали молча. Лишь остановившись у ресторана «Блю стилл», Дуглас сказал:

— Пойдешь сзади с аппаратом. Охрану я уберу. В «предбаннике» будешь слушать разговор, а войдешь, когда я скажу: «Хватит». Постарайся обойтись без шума и войти вовремя.

— Надо было взять бригаду, — проворчал Буш.

— Справимся.

Дуглас спустился в знакомый подвал, не вынимая руки из кармана, выстрелил первому охраннику в живот. Второй получил пулю в грудь возле электрошита и все же схватился за автомат, но Дуглас выстрелил еще раз.

Открывая дверь в «предбанник», он вдруг почувствовал опасность, но в следующий миг его рванули за руку, втащили в комнату и ударили по голове чем-то тяжелым. Когда к Дугласу вернулась способность видеть и слышать, он понял, что лежит на полу лицом вверх. Рядом топтались чьи-то ноги, и одни из них принадлежали Баку Хьюламу, носившему башмаки сорок восьмого размера.

— Очнулся, малыш? — ласково спросил Хьюлам, нагибаясь. — Вставай, босс хочет тебя видеть. Игрушку твою мы забрали, так что не ищи.

Дуглас с трудом сел, ощупал гудящую голову. Шишки на голове вопреки ожиданиям не было, наверное, ударили «чулком» — полиэтиленовой трубкой, набитой песком. Мастера! Не оплошал бы Клайд... Лейтенант вдруг покрылся холодным потом, сообразив, что попал в ловушку.

Паркано стоял у стола, поставив ногу на стул, и разговаривал по телефону.

— А-а, малыш Жи-Пи! — радостно сказал он. — Наконец-то! Извини, что пришлось прервать твой отдых. Что это у тебя помятый вид? Мои парни были невежливы?

Хьюлам хрюкнул сзади, оценив плоскую шутку босса.

— Он в порядке. Все было тихо.

— О'кей, Бак, я тобой доволен. Итак, малыш, расскажи-ка

нам, зачем ты предупредил Специалиста? Ведь ему звонил ты?

— Звонил, — сказал Дуглас, у которого все еще было зелено перед глазами и тянуло на рвоту. — Милфорда не следовало убирать, его связи в Агентстве и в «ИИ» могли нам пригодиться.

— Нехорошо, малыш. Я уж и не говорю о таком «пустяке», как омерта¹. Но ты снова забыл, что всего лишь «лейтенант», даже не «советник» и что отдаю приказы я. — Голос Паркано был по-прежнему обманчиво ласковым. — Нехорошо обманывать старших, дружок. Вчера ты говорил, что твои колебания в прошлом, и я тебе почти поверил, но сегодня все изменилось. На что же ты рассчитывал?

— Да что вы с ним разговариваете, босс, — пробурчал Хьюлам. — Здесь неподалеку контора Соммана строит причал, зальем его в яме бетоном — никто никогда не догадается.

— Успеешь, Бак. Пусть он все же скажет, чего добивался. Или, малыш, ты уже решил, что я не босс?

— Босс, — проговорил Дуглас. — Пока я не решил иначе. Паркано изумленно посмотрел на лейтенанта полиции.

— И после таких заявлений ты всерьез надеешься уцелеть?

Хьюлам вытащил из-под мышки длинноствольный «магнум».

— Разрешите, босс, я потренируюсь.

— Заткнись, — сказал Дуглас. — Дерьмо собачье! Я не только надеюсь, но и уцелею. К сожалению, редко кто из глав «семей» уходит в отставку сам. Время требует, чтобы «семьей» руководил умный, активный, жесткий и дальновидный босс. Вам же, повторяю, всегда недоставало последнего — дальновидности, умения работать на будущее. Хватит, — остановил лейтенант попытку Паркано вставить слово. — Это ваш приговор.

Сзади открылась дверь.

— Кто там еще? — недовольно рявкнул Хьюлам и медленно сложился пополам с дырой во лбу.

У Гурона была отличная реакция, и он успел выстрелить в

¹ Омерта — закон молчания в мафии.

Дугласа, но пуля срикошетила от груди лейтенанта полиции, а в следующее мгновение Буш вырвал из рук босса пистолет.

— Ну так кто из нас дальновиднее? — Лейтенант распахнул куртку. — Это «сейфмен», пуленепробиваемый жилет, выпускается только для полиции ЕМДО. Лучшей рекламы не придумаешь. Знакомся, Клайд. — Дуглас повернулся к Бушу. — Это босс техасской мафии по кличке Гурон, и он же — убийца твоего отца.

Ошеломленный Паркано перевел взгляд на инспектора.

— Кто это?

— Мой помощник Клайд Буш, сын учителя Буша, которого вы приговорили к смерти два года назад, хотя я и возражал. Надо уметь быть милосердным, Гурон, чтобы в нужный момент получить милосердие в ответ. А теперь у тебя нет пути назад.

— Это правда? — спросил Буш неизвестно кого так, что Гурону показалось, будто по комнате прошелестел ледяной ветер.

— Нет! — заорал он, швырнув в полицейских пресс-папье и одновременно выдвигая ящик стола, где у него был еще один пистолет.

— Нет...

Буш выстрелил четыре раза.

Дуглас сел на стул, помассировал затылок.

— Здорово они меня долбанули. Я боялся, что ты не успеешь.

Буш расстегнул верхнюю пуговицу и посмотрел на Дугласа долгим странным взглядом.

— А это правда... о чем они тут с тобой?..

— Правда, Клайд.

Помолчали.

— Выходит, я теперь как бы ангел-хранитель нового босса?

— Не как бы, а на самом деле.

Снова помолчали.

— А если я откажусь?

Дуглас усмехнулся.

— Поздно, дружище. А чтобы тебя не мучила совесть, скажу, что прошли времена, когда в мафию стекались только подонки. Без них, конечно, не обойтись, но «мозг» нашей «се-

мы» составляют лучшие люди Америки! Даже в госдепартаменте есть наши парни, и в сенате, и в Белом доме тоже! Я уж не говорю о спецслужбах...

Буш улыбнулся, покачал головой.

— Это еще более отвратительно, чем я думал... Ну и ну! — Он снова улыбнулся. — Гурон умер, да здоровствует Гурон! Вот почему ты говорил о рингере — двойнике на скачках, «темной лошадке»... Теперь ты — Гурон?!

— Соображаешь. Правда, если ты слушал внимательно, меня знают и под кличкой Корсар.

— Где знают? В конторе, куда ты звонил?

— Что с тобой, дружище? — забеспокоился Дуглас.

— А мне ты уже приготовил кличку?

Дуглас нахмурился.

— Мне не нравится твое настроение, Клайд. Пора убирать трупы. Скоро приедет смена, и мы должны успеть предупре...

Щелчок выстрела раздался неожиданно. Буш упал на спину, роняя пистолет.

Дуглас секунду смотрел на него, не понимая, откуда раздался выстрел, потом увидел дыру в спине инспектора и сказал только одно слово:

— Кретин!..

В дверь неслышно проскользнул телохранитель Гурона — японец. Несколько секунд длилось молчание, потом телохранитель проговорил с акцентом:

— Не стреляйте, мистер. Я вам еще пригожусь.

— А что так? — спросил Дуглас, не снимая пальца с курка. — Ты не любил босса?

Лицо японца не дрогнуло.

— Я не знаю, что такое — любить.

Лейтенант подумал и поставил пистолет на предохранитель.

— Годится. Помоги убрать эту мертвечину...

— Эх, если бы я был боссом! — мечтательно произнес Тэд Опоссум по кличке Стрелок.

— Ну и что бы ты сделал? — хмыкнул его сосед, заросший мощным рыжеватым волосом чуть ли не до бровей.

Оба сидели в кабине «Форда» четвертой модели с поту-

шенными фарами, который был надежно замаскирован в кустах совсем недалеко от двухэтажного ресторана Пасхалидаса.

На востоке начинала светлеть полоса небосвода, звезды, проступившие сквозь облака только под утро, побледнели.

— Махнул бы на Багамы... или в Японию...

— Почему в Японию?

— Там, говорят, девочки — высший класс! Гейшами называются.

Волосатый верзила хмыкнул.

— С воображением у тебя туговато, парень. Гейш хватает и в Америке, разве что называются по-другому. Ты всего-навсего «солдат», «кнопка» и забудь свою «голубую мечту»: будешь делать то, что прикажет босс. Бери пример с президента — никуда из Белого дома не вылезает. А почему? А потому что знает: везде то же самое...

— Знаешь, Сэм, будешь говорить о президенте в таком тоне, я тебе врежу! Я вполне лояльный гражданин Штатов, такой же американец, как и он, простой парень и горжусь этим. Три года назад я за него голосовал.

— Может, ты хочешь сказать, что наш босс не лояльный гражданин Штатов и не стопроцентный американец?

Тэд подумал.

— А иди ты к...

Москитом прозвенел сигнал рации.

— Тэд, что слышно?

— Все тихо. Двое, в том числе баба, уехали. Трое остались.

— К вам направляется полицейский патруль на двух тачках и следом авто с висконсинским номером, вероятно фэбэ-эровцы. Гурон приказал в случае осложнений помочь нашим подопечным скрыться.

— Стрелять можно? — оживился Тэд.

В динамике раздался смешок.

— Можно, только не очень громко. Все равно потом спишут на беглецов. Кстати, по слухам, босс уехал куда-то очень далеко и надолго. Бак вместе с ним и вся охрана тоже. Понял?

— Нет. Куда он уехал?

— Ты всегда отличался сообразительностью. Сэм рядом?

— Куда он денется?

— Вот он все и объяснит. Конец связи.

Тэд выключил рацию.

— Что тут объяснять? — засмеялся волосатый Сэм. — Похоже на смену власти. Кто-то уколошил босса и всех его «родственников», вот они и «уехали» очень далеко. Смелый, видать, парень это сделал! Ну не наше дело. Зови остальных, надо подготовиться к встрече гостей, хотя я и не люблю связываться с полицией, а тем более с ФБР. И чего это босс решил лезть на рожон?

Тэд снова включил рацию и оповестил вторую группу наблюдателей, что приближаются машины с полицией.

— А ловко мы сработали там, у карьера? — сказал он, доставая «Арвен-37» и несколько рожков-обойм. — Эти дуралеи с ходу открыли огонь по своим. Бери автомат, с ним удобнее.

Волосатый Сэм покачал головой и вытянул из-под сиденья винтовку с оптическим прицелом.

— Если ты просто Стрелок, то я — Охотник. А забавно. — Он вдруг хрюкнул. — Охотник будет охранять парней с бомбовоза «Грейт хантер». Лучше бы наоборот.

— Да, парни подходящие, годятся для компании. Жаль, если бы не приказ босса... Просто уважаю профессионалов, а в том, что они профи, не сомневаешься даже ты со своими порсячьими мозгами.

— Почему не куриными?

— Ну куриными. Если ты закончил колледж, это еще не значит, что место губернатора тебе уже обеспечено. Тихо... Едут?

— Сюрреалист, — пробормотал Сэм с презрительной ухмылкой.

— Ну, ты!.. — озлился Тэд. — Выбирай выражения! Не посмотрю, что ты любимчик Бака.

— Ладно, не бузи, — миролюбиво протянул Сэм, зная, что Стрелок скор на расправу и страшен в ярости. — Я пошутил. Кажется, и в самом деле едут. Пошли?

Тэд молча открыл дверцу «Форда», но снова запищала рация.

— Стрелок, к вам направляются еще две тачки из города, похоже, ребята из Ай-Пи.

Сэм присвистнул.

— Это меняет дело. Если они едут сюда, я сматываю удочки. Что я тебе, смертник?

Сэм был трусоват и не скрывал этого. Тэд подумал.

— Не паникуй раньше времени. Посмотрим, кто едет. Будет жарко — слиняем. Руки зудят — так пострелять охота! Я полицейских с детства не люблю.

ПРИГОРОД ДЖЭКСОНВИЛЛА

6 июня, 5 часов утра

По телевизору показывали программу МТВ — оркестр Стивена Голдмена в бешеном аллегро исполнял рок-кантату Нормана «Пепси-кола».

Кларку надоело мерцание цветных пятен и непрерывный вой саксофонов, он дотянулся до пульта дистанционного управления и переключил канал. На экран выплыло лицо диск-жокея Виллиса Конновера, ведущего передачу «Музыка США».

— Надо же, как быстро нас похоронили! — Дейм со злостью ударил ребром ладони по столу. — Неужели эксперты на месте посадки не могли разобраться и доложить президенту правду? Куда смотрит ФБР?!

— ФБР... — протянул с усмешкой шериф и щелчком поднял свою ковбойскую шляпу на лоб. — Вам, как и всем обывателям, вешают лапшу на уши, а вы верите. Искоренение организованной преступности, пресечение злоупотреблений корпораций... Как же, держи карман шире! На деле ФБР занимается политическим преследованием инакомыслящих, слежкой, составлением досье на неблагонадежных и тому подобными «операциями во славу нации». Удивительно, что вы этого не знаете.

— Удивительно другое. — Пилот с любопытством посмотрел на шерифа. — То, что вы работаете в полиции. По-моему, вам там не место.

Арчибальд пожал плечами.

— Кто знает, где мое место? Каждый отстаивает свои

идеалы как может и где может. Служба шерифа в этом отношении не хуже других.

— Но вы ведь не можете не знать, как дискредитировала себя полиция в глазах общественности, рядовых американцев, — не унимался Дейм. — Напомню одно изречение: «Если на вас напали грабители, ни в коем случае не кричите — вы рискуете привлечь внимание полиции».

Шериф негромко засмеялся.

— Очень верно подмечено, хотя...

Он не закончил: Кларк предостерегающе поднял руку.

— Тихо! Я слышал звук мотора...

Все трое замерли, обратившись в слух. Потом шериф проверил, легко ли вынимается кольт из кобуры, и, сделав всем знак оставаться на местах, вышел.

С минуту было тихо, лишь где-то снаружи за деревьями фыркнул мотор еще одной подъехавшей автомашины. Затем с первого этажа донеслись громкие голоса и среди них голос Арчибальда.

— Кажется, на этот раз без драки не обойтись, — прошептал Дейм. Кларк погасил свет в комнате и, кивнув пилоту, чтобы тот встал в нишу за дверью, сам спрятался за портьеру.

По коридору затопали шаги, хлопнули двери соседнего помещения, малого зала напротив, и тут же рывком распахнулась дверь их комнаты. Порог переступил высокий молодой человек с пистолетом в руке, за ним другой, похожий на него, как брат-близнец.

— Дьявол, темно! Где тут у них выключатель?

Вспыхнул свет.

— Здесь кто-то был, камин горит и на столе остатки трапезы.

— Наверное, тот малый, шериф.

На первом этаже что-то упало, раздался болезненный вскрик и вслед за ним выстрел.

Парни замерли, обернувшись к двери.

— Узнай, что там у них, — сказал один. — А потом дуй сюда, перекусим.

Второй парень кивнул и по-кошачьи бесшумно выбежал в коридор.

Кларк подождал, пока оставшийся агент повернется к не-

му боком, и выстрелил в него ампулой с ядом. Агент уснул, не успев коснуться пола. Дональд ногой загнал его пистолет под диван и с помощью пилота оттащил тело за камин. С первого этажа донесся шум: крики, грохот бьющейся посуды и выстрелы.

— Пошли вниз, Стив.

— Лучше подождем их здесь и поснимаем...

— Там шериф, слышишь? Отвлекает их на себя. Надо помочь.

Они выбежали в коридор, с опозданием сообразив, что сначала надо было проверить, пуст ли он: с двух сторон на них выжидательно смотрели трое агентов с пистолетами наготове. Эти парни знали свое дело и тоже поняли, зачем шериф внизу поднял стрельбу.

Немая сцена длилась всего несколько долей секунды. Потом Кларк и Дейм одновременно нажали на курки, но и агенты в штатском выстрелили не позже, только стреляли они иначе, имея задание брать летчиков живыми. Пуля одного из них вырвала у Кларка пистолет, а пилоту раздробило указательный палец. Зато ампула Дональда и ультразвуковой луч Дейма имели более эффективное действие, и два агента распростерлись ниц. Оставался еще третий, и он, конечно, легко справился бы с беглецами, но произошло неожиданное: вдруг со звоном разлетелось окно в торце коридора, и агент без звука упал лицом вниз с раздробленным затылком.

Стреляли с улицы, это Кларк понял сразу. Подобрав упавшее оружие, он бросился к лестнице. Дейм, ругаясь от боли, схватил пистолет левой рукой и заторопился следом. Внизу перед ними предстала живописная картина в духе кинобоевиков былых времен.

Шериф забаррикадировался на кухне и вел редкий огонь то из окна раздачи, то из-за двери. Агенты полиции прятались в зале ресторана за столами и стойкой бара и отвечали дружной пальбой. Двое из них лежали неподвижно, в коридоре скопились еще четверо. Командовал полицейскими здоровяк с квадратным отекившим лицом.

— Стив, к черному ходу!

Пилот бросился к двери, выходящей во двор, но навстречу ему выскочили двое, выбили у него пистолет. И снова в

схватку вмешался кто-то чужой: выстрелов слышно не было, но оба агента попадали замертво. Работал стрелок экстра-класса, профессионал, это было видно невооруженным глазом.

И тут только Кларк обратил внимание, что бой идет и вне дома: крики и выстрелы раздавались в саду, и в пристройках, и на лужайке под окнами, причем треск пистолетных выстрелов то и дело глушили автоматные очереди и даже хлопки «брызгалок» — специальных полицейских гранат, начиненных гравием и битым стеклом.

Кларк выглянул из-за дверного косяка в зал, выстрелил трижды по агентам, затем бросил в них газовую гранату и крикнул:

— Арчи, уходим!

Шериф не заставил себя долго ждать, вылез в окно раздачи, зажав нос и рот рукой, и очутился в коридоре.

— Что за гадость ты бросил? Ну и заваруха, ничего не понимаю! Кто с кем воюет?

— Потом разберемся, пора уносить ноги, пока есть шанс. На шоссе нас тоже кто-то выручил, отвлек полицейских. Куда бежать? Командуй.

— Во двор!

Шериф нырнул в дверь помещения на другой стороне коридора, оказавшегося комнатой хозяина. Перепуганный Пасхалидис, две его служанки и кухарка жались в углу за комодом.

Шериф на бегу крикнул им что-то успокаивающее и, выглянув в окно, выходящее во двор, распахнул раму пошире.

Они перебежали открытое пространство до летней кухни и скрылись в кустах, образовавших естественную изгородь. Здесь переждали минуту, вслушиваясь в постепенно затихавшую перестрелку. На дороге горел полосатый полицейский «Лендровер», освещая чьи-то рыскающие кругом фигуры.

— Дьявол, хоть бы Шарлотта не влипла в эту мясорубку! — прошептал шериф. — Ничего не понимаю! Их было человек пятнадцать, не поверили, что в доме никого нет, вот и пришлось пошуметь, чтобы предупредить. Но шансов уйти, честно говоря, было мало. Удивительно, что мы живы до сих пор!

— Нам помогли. Если бы не этот неизвестный стрелок...

— Я, кажется, знаю кто: парни из ЦРУ. «Плащ и кинжал». Одного из них я видел, по-моему, в Лэнгли, пришлось однажды получать там инструктаж.

Кларк отрицательно покачал головой.

— Что-то плохо верится в «защитников» из этой конторы.

— Да я и не утверждаю, что так оно и есть. Надо убираться отсюда подальше. Э-э, что у тебя с рукой? — повернулся он к пилоту.

— Палец задело. — Дейм пытался забинтовать руку, криясь от боли. — Вернее, начисто отшибло. Боюсь, Дженни разлюбит, слышишь, Дон? Ладно, потом перевяжу лучше...

— Кровью изойдешь.

— У меня ее почти и нет.

Друг за другом они углубились в сад, держась кустарника, и наконец выбрались к пустырю, заросшему чертополохом и высокой травой. И тут все трое одновременно замерли, услышав человеческие голоса.

В полусотне ярдов от них в неглубокой низинке стоял автомобиль с погашенными фарами. Возле него возились двое верзил в хаки, торопливо бросая внутрь оружие. Потом один из них достал рацию, шелкнул кнопкой:

— Лу, смываемся. Через час встречаемся у Старого. Конеч.

Рацию незнакомец спрятать не успел: Кларк всадил ему ампулу в шею. Второй верзила, заросший волосами, как обезьяна, успел вскинуть карабин. Шерифу пришлось стрелять не целясь. Беглецы не знали, что своим спасением обязаны именно этому волосатому убийце-профессионалу.

— В машину!

Они нырнули в кабину «Форда», шериф сел за руль и погнал машину через пустырь прочь от ресторана Пасхалидиса.

Волосатый Сэм, раненный в плечо, дотянулся до радиации и принялся вызывать Лу и Тэда, перемежая речь стонами и ругательствами. Поэтому он не слышал, как на пустырь бежали прибывшие к шапочному разбору агенты ФБР из бригады оперативного задержания. Им ничего не оставалось делать, как «блестяще» провести операцию по задержанию «террористов», один из которых спал, а другой был ранен...

Беглецы тем временем выбрались на автостраду в миле от

Джаспера, и Арчибалд погнал машину с максимальной скоростью, рискуя не вписаться в поворот на «клеверном листе» — транспортной развязке перед въездом в город. Кларк перевязал руку Дейму, бледному от боли и потери крови. Потом проверил ультразвуковой пистолет пилота и бросил его под ноги.

— Все, села батарея... Держи эту дуру. — Кларк достал пистолет с пятью дырами на дульном срезе. — Может, это какой-нибудь лазерный излучатель?

— Давно хотел спросить, что это у вас за странные «пушки», — поинтересовался шериф, не потерявший, как и Кларк, присутствия духа.

— Экспериментальные, — ответил полковник. — Этот стреляет ядом, тот ультразвуком, но быстро разряжается. А вот этот... Мы и сами не знаем, что это за штука, подобрали в самолете.

— Посмотрим, — попытался улыбнуться Дейм. — Только я плохо стреляю с левой.

Проскочили мост через железнодорожную линию, Арчибалд проверил, не увязался ли кто-нибудь следом, и свернул.

— Впереди на шоссе наверняка пикеты. Поедем вокруг, зато без риска нарваться на полицию. Я бы отвез вас в свой офис, но помощник давно ждет случая занять мое место, к тому же он работает, как я подозреваю, не только на ФБР. Сейчас модно служить двум-трем хозяевам сразу. Он может и ночью заглянуть в контору.

— Едем к Лотте.

Кларк хотел добавить, что он обеспокоен ее долгим отсутствием, но шериф и сам беспокоился по этому поводу.

Почти рассвело. На дорогу выполз из-за редколесья туман.

Промелькнули мимо какие-то убогие строения, потом цистерны за колючей проволокой. Впереди показались одноэтажные домики окраины Джэксонвилла.

Шериф, почти не снижая скорости, повернул в первый проулок направо, чуть не сбив молочника на мотоколяске. Вырвались на узкую Парк-авеню, промчались мимо здания мэрии, миновали церковь и выехали на Тринадцатую улицу,

ведущую к центру города. Здесь уже действовали светофоры, но шериф притормозил лишь раз возле школы: дорогу перебегали дети.

— За нами идет какая-то машина, — сказал вдруг Кларк. — Уже минуты две, я засек.

Арчибальд посмотрел в зеркальце заднего обзора, но ничего не сказал. «Форд» снова увеличил скорость.

— Это «Опель-монца», — определил Дейм и принялся клацать затвором автомата, лежащего на заднем сиденье. — Отобьемся, тут у них целый арсенал.

Шериф посмотрел на часы, притормозил, не отвечая на вопросительные взгляды летчиков, и свернул в боковую улицу. Двигавшаяся за ними длинная серая «монца» послушно свернула следом. В ее кабине сидели четверо.

Шериф постепенно стал наращивать скорость, «монца» не отставала. Шериф, знавший город как свои пять пальцев, ориентировался в нем великолепно и мгновенно. Когда они выехали на центральную автостраду, он резко повернул руль вправо, свернув под арку дома. Преследователи тоже знали город, но Арчибальд сбил их с толку, увеличив скорость у перекрестка. К тому же улица, по которой они ехали, поворачивала на последних двухстах ярдах под углом в двадцать градусов, и тем самым обзор сокращался; серая машина на полной скорости влетела в стадо красных стоп-сигналов, скопившихся под светофором. Раздался лязг, грохот, а затем взрыв, но беглецы были уже далеко и от перекрестка, и от полицейского патруля, перекрывшего соседние улицы как по мановению волшебной палочки: полиция Джэксонвилла действовала расторопно.

К пятиэтажному зданию, где жила Шарлотта, подъехали спустя десять минут. Рядом с домом стоял старый желтый «Паккард» и приземистый черный «Роллс-Ройс» с дипломатическим номером, на котором уехали толстяк Крис и Шарлотта.

— Странно... машина здесь. Что они, до сих пор собираются?

Арчибальд вышел из машины первым, огляделся, зашел в подъезд и через минуту махнул рукой из двери. Летчики не торопясь обошли «Роллс-Ройс». Тревожное предчувствие

кольнуло Кларка. Он посмотрел на окно квартиры Шарлотты на четвертом этаже, но оно было зашторено.

Летчики нырнули в подъезд. Шериф уже поднялся по лестнице и ждал их на площадке.

— Внутри тихо, я звонил. Не по душе мне это. Неужели они уехали в Джаспер на другой машине и по другой дороге? У Криса есть старенький «Фольксваген»...

— Гадать излишне, — сказал Кларк. — Сначала посмотрим здесь, потом кто-нибудь съездит в Джаспер. Ключ есть?

Шериф выдержал его взгляд, смысл вопроса был понятен обоим.

— Нет.

— Придется ломать.

Дейм толкнул дверь ногой, та отворилась. Мужчины изумленно переглянулись. Шериф взвел курок пистолета и вошел первым. Стенной шкаф был полуоткрыт и почти пуст: на плечиках висели халат и плащ, на верхней полке лежала спортивная вязаная шапочка и кепи с маркой «Спиди».

Дверь в гостиную была закрыта, а на кухню распахнута, но кухня казалась безжизненной и блистала стерильной чистотой.

Шериф ударом ноги открыл дверь в гостиную и прыгнул в проем, — слегка пригнувшись. Но и гостиная оказалась пустой. Оставалась спальня, но Арчибалд, решив, что в квартире никого нет, без опаски толкнул дверь из голубого пластика.

— Смелее, — раздался чей-то знакомый голос. — Заходите, не стесняйтесь.

Посреди спальни сидела привязанная к стулу Шарлотта с повязкой на губах, а сзади стоял... Сандерс Бартлоу! В руках он держал два пистолета: один смотрел на гостей, дуло второго упиралось девушке в висок.

— Не делайте резких движений, — продолжал Специалист-исследователь из «ИИ». — И просьба: свои грозные игрушки бросьте на пол. Живо!

Летчики и шериф повиновались без слов, ошеломленные непредвиденной встречей.

— Вы задержались, я ждал вас раньше. Садитесь, джентльмены, и поговорим.

Дейм наконец обрел дар речи.

— Мразь! Вонючка! Падаль тухлая!..

— Ну-ну, полегче, — нахмурился Бартлоу. — Не забывай, с кем имеешь дело. Я терпелив, но до определенного момента.

— Дерьмо! — с ненавистью ответил пилот. — Ценой наших жизней хочешь купить индульгенцию за собственную шкуру?

— А вот в этом ты прав, — согласился Бартлоу. — Именно так все и будет.

Шериф вдруг издал восклицание. Кларк посмотрел в ту сторону, куда был устремлен взгляд Арчибальда, и увидел ботинки, выглядывающие из-под тахты. Это были ботинки Кристиана.

По щекам Шарлотты поползли слезы, она что-то промывчала. Бартлоу, улыбнувшись, сдвинул повязку.

— Он... его убил, — запинаясь, выговорила девушка онемевшими губами. — Он... в спину... стрелял...

— Не люблю рисковать, — пожал плечами Бартлоу. — Стоять! Эй, мистер, кому сказано! О-о, да это, кажется, шериф? Теплую компанию вы себе подобрали, нечего сказать, шериф Норман. Ваш помощник многое о вас рассказывал, но то, что вы заодно с государственными преступниками, для меня новость.

— Зачем? — тихо спросил шериф странным голосом. — Зачем ты его убил?

— Кого его? Толстяка, что ли? Он не расслышал слов «брось оружие».

— Врет, — покачала головой Шарлотта. — Ты же знаешь, Арчи, Крис был болен...

— Он страдал нарколепсией, — подтвердил шериф. — Человек при этой болезни может внезапно уснуть в любом положении.

— Крис не уснул, но встал, как в ступоре, а он выстрелил...

— Подонок, — без всякого выражения вымолвил шериф.

Глаза Бартлоу яростно блеснули.

— Потише, мистер, мне недолго отправить вас вслед за приятелем, хотя вы и здоровы. Прошу быть повежливее. И давайте о деле.

Шериф покачал головой, полужакрыв глаза.

— За немотивированное убийство по закону...

— Заткнись! — потерял терпение Бартлоу. — Плевать я хотел на законы и на тех, кто их создает и выполняет! Сейчас я диктую законы! Вы должны знать аксиому прав: тот, кто пришел первым, пользуется законным преимуществом. Не забывайте — жизнь девушки в моей власти.

Кларк вдруг на несколько мгновений потерял ощущение реальности: такое с ним уже было однажды при посещении театра абсурда, но тогда тому ощущению соответствовала обстановка, а сейчас... Он смотрел на Шарлотту, видел страдание в ее глазах и не верил, что все это с ним происходит наяву, и голову мутило от сознания жестокого и оглушающего бессилия — жизнь девушки зависела от ничтожного движения пальца на курке пистолета...

— Подонок! — снова взорвался Дейм. — Зря я тебя не пришиб в самолете! Но ничего, мы еще...

Раздался тихий хлопок пистолета с глушителем. Бартлоу выстрелил! Пилота отбросило к стене. Он с удивлением посмотрел на свою грудь, где появилось маленькое красное пятнышко. Глаза Дейма расширились, и он мягко, как в замедленной киносъемке, осел на пол.

— Стоять! — гаркнул Бартлоу, губы его тряслись.

Кларк и шериф замерли, загипнотизированные пальцем на взведенном курке. В одно мгновение в душе Кларка сгорел добрый и великодушный человек, знавший цену слова «гуманность», сгорели понятия о человечности и чуткости, доброжелательности и гордости, сгорел тот идеал мужской силы, который он создавал всю свою сознательную жизнь; душа превратилась в обугленную пустыню, в центре которой оставался крохотный оазис по имени Шарлотта.

Девушка плакала беззвучно, закрыв глаза, слезы оставляли мокрые дорожки на щеках, скапливались в уголках губ.

— Я мог бы сдать полиции и ваши мертвые тела. — Бартлоу показал зубы в зловещем оскале. — Но цена живых больше. Сейчас вы сделаете следующее. Шериф возьмет веревку, вот она, я приготовил. Он свяжет моего друга Дональда во избежание недоразумений. Потом он ляжет лицом вниз, и я свяжу его. И будьте благоразумны, мне не хотелось бы причислять впоследствии к «жертвам террористов» и эту красотку.

— Убийца! — снова равнодушно сказал Арчибалд, но Кларк понял, что кроется под маской этого равнодушия.

— Бери веревку!

Арчибальд бросил косой взгляд на Дональда, улыбнулся жуткой, мертвой улыбкой принявшего решение человека и шагнул к тахте, на которой лежал моток тонкой бечевки. Кларк напрягся, готовый к броску. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Шарлотта вдруг с силой откинула назад голову, Бартлоу от неожиданности спустил курок — пуля прошла в миллиметре от лба девушки, потом не глядя выстрелил в шерифа, который, отвлекая, бросил в него моток бечевки, и тут в дело вмешался Кларк. Преодолев в прыжке двенадцать футов, он вцепился в Бартлоу. Они свалились на пол вместе со стулом, на котором сидела Шарлотта, одновременно вскочили, и Кларк выбил оба пистолета из рук Бартлоу.

Инженер, видимо, когда-то серьезно занимался боксом, но Кларк знал приемы карате. Он уклонился от прямого удара в голову и с намеренной жестокостью ударил Бартлоу в пах и тут же ногой в голову. Инженер рухнул на пол, а Кларк все бил и бил бесчувственное тело до тех пор, пока его не остановил шериф.

— Перестань, помоги лучше перевязать...

Пуля инженера пропала ему глубокую борозду на плече. Кларк сделал наскоро перевязку, потом разрезал бечеву, глубоко врезавшуюся в тело Шарлотты, помог ей подняться на ноги. Подошел к Дейму, словно уснувшему на полу, взял его за руку и, не нащупав пульса, отпустил.

— Ребят надо похоронить...

— Я займусь этим сам, — проговорил Арчибальд. — И этим вашим инженером тоже. — Он посмотрел на Бартлоу. — Вам надо уходить, Дональд. У меня есть связи в аэропорту, вас доставят на частном самолете в Нью-Йорк, а дальше... действуйте сами. До аэропорта доберетесь на машине с дипломатическим номером, ее не остановят. Я привезу паспорт. По-французски разговариваете?

— Немного.

— О'кей. Переоденьтесь и...

— Я поеду с ним, — сказала вдруг Шарлотта.

Шериф запнулся, посмотрел на нее удивленно и осуждающе.

— Что за глупость? Ты понимаешь, чем это грозит? Впро-

чем, здесь решают мужчины. — Он повернулся к Дональду: — Вы согласны со мной?

— Я поеду с ним, — тихо, но твердо повторила девушка. Ее глаза наполнились слезами, но она сумела подавить слабость.

Кларк повернулся к ней, взял за плечи, хотел сказать, что пробраться в Нью-Йорк незамеченным мало, что его дорога слишком опасна и рискованна, что она должна ждать и все обойдется, но девушка не дала ему времени собраться с мыслями.

— Я с тобой, Дон. И не возражай, прошу тебя, я решила. Хочу разделить твою жизнь, какой бы она ни оказалась... не перебивай! Хочу быть с тобой вместе, и не говори: «Нет», иначе я просто умру.

Она улыбнулась сквозь слезы, и крохотный оазис в душе Кларка омылся теплым дождем любви и великой верности, хотя вокруг была все та же пустыня — внутри и вовне и им предстояло идти по ней в неизвестность.

— Собирайтесь, — сказал шериф, все понявший еще до того, как Шарлотта начала свою речь. — Я приду через час. Хотя нет, берите-ка вещи и отправляйтесь к Юлиусу, Лотта знает куда. Мой помощник вполне может нагрянуть сюда, этот ваш мерзавец откуда-то его знает, и мне такая осведомленность не нравится. Свяжите его, по-моему, он только потерял сознание.

Кларк и Шарлотта остались вдвоем.

— Мне страшно, — прошептала Шарлотта, протягивая руки к молча стоявшему Кларку.

«Глоток кислорода перед прыжком в зловонное болото», — подумал Дональд, крепко обнимая ее...

ЛЭНГЛИ, ЦРУ

6 июня, 7 часов утра

Селекторное совещание длилось недолго. Начальники управлений коротко доложили о планах на декаду, и директор управления отпустил их, сделав лишь одно замечание в адрес научно-технического отдела, не справившегося в срок с анализом и оценкой информации по Центральной

Америке. Рабочий день в официальной конторе ЦРУ начинается рано.

В кабинете, кроме Бейси, находились незаметный Дэвид Кросс и заместитель директора Билл-два — Билл Нортвуд, молодой, щеголеватый, безукоризненно одевающийся, знаток вин и женщин. Директор управления и его заместитель настолько отличались друг от друга, что казалась чудом их дружная работа в «упряжке» разведуправления, но они прекрасно уживались, дополняя друг друга отрицательными чертами характеров и сходясь в одном — в стремлении к власти и к наживе. Если Бейси был нагл и жесток прямолинейно, то Нортвуд обладал жестокостью изощренной, иезуитской, что признавали не только его враги, но и друзья.

— Я вас пригласил вот по какому поводу, — хмуро сказал Бейси. — У нас появился новый «глаз» этого недоноска лейтенанта. Форбрайт знает о нас больше, чем может дать ему старый осведомитель. Завтра я должен знать, кто еще из моего аппарата работает на Сирилла.

— Будет сделано, — наклонил Нортвуд голову с ровным пробормотом. — Найдем и обезвредим.

— А вот уничтожать его не следует, — тихо проговорил Кросс, возникая из воздуха за спиной Бейси. — Сирил внедрит нового, и мы можем не раскрыть его вовремя. Пусть работают оба, а мы будем контролировать их доступ к документации конфиденциального характера.

— Ты прав, Дэвид. Форбрайт — хитрая лиса, с ним надо играть его картами, тонко.

Директор ЦРУ поморщился.

— По мне, так лучше прямой атаки нет ничего. Смотрите не перехитрите друг друга. Дэвид, я недоволен работой отдела специальных операций и группы ТСС-5. Работу по Хадли надо форсировать, эта жирная свинья слишком часто перебегает дорогу перед самым носом.

Кросс нырнул в кресло и почти растворился на его фоне.

— Хадли — орешек твердый, к тому же у него много друзей в конгрессе и госдепе. Почти все председатели комиссий по расследованию злоупотреблений государственного аппарата — его родственники. Но мы работаем. Думаю, эта исто-

рия с бомбардировщиком заставит их вести переговоры с нами под нашу диктовку.

Бейси оживился.

— Да, эту операцию надо держать под контролем, средств не жалеть. Если не Хадли, то его ковбойская команда должна понимать, что публикация материалов по «Грейт хантер» — это удар по президенту. Кстати, не забудьте нажать на службу Харриса, опрос общественного мнения должен, как и раньше, проходить под нашим контролем. Я еще покажу этому пентагоновскому выскочке, на что способен!

Нортвуд едва заметно усмехнулся.

— Да, шеф, президент вас не оценил, и это выйдет ему боком.

Ни Бейси, ни Кросс не знали и даже не догадывались, что Нортвуд давно подготовил свою личную операцию под названием «Переворот» и ждет только удобного случая переметнуться на сторону президента и сменить директора ЦРУ на его посту.

Бейси нажал на клавишу селектора:

— Завтрак, Тимоти.

Секретарь принес завтрак: куриные котлеты, кофе, бутерброды с икрой. Бейси с жадностью принялся за еду, забыв на время о подчиненных. Насытившись, вытер губы тыльной стороной ладони, откинулся в кресле.

— Как прошла операция по Вуду?

— Нормально, — сказал Кросс. — Поупирался немного и принял взятку. И сразу сообщил кое-что интересное о Хадли.

Вуд был пресс-секретарем Белого дома. Бейси стало известно, что он нечист на руку, и директор ЦРУ решил привлечь его на свою сторону с помощью элементарного подкупа, чтобы иметь свое око в стане президента. Расчет оправдался, и теперь следовало ждать результатов.

Бейси потерял руки, настроение его улучшилось.

— Это удача, Дэв. Первым делом дайте ему такое задание: на очередной пресс-конференции в Белом доме прокомментировать историю с бомбардировщиком с пользой для нас.

— Президент тут же учует неладное, — сказал Нортвуд, затягиваясь, он курил только «Лаки страйк».

— Надо сделать так, чтобы не учуял. Дэв, ты мастер на по-

добные дела, привлеки специалистов из отдела информации. Нам полезен шум вокруг самолета, который затеяли Вартан и его друзья, он отвлечет внимание общественности от деятельности наших лабораторий в Канаде, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Прозвонил колокольчик телефона. Бейси взял трубку.

— Генерал, — зарокотал в трубке голос начальника отдела специальных операций Курта Шмидта. — Мне нужен Дэвид. Он у вас?

— А что случилось?

— В Остине убит Гурон, его место занял «лейтенант семьи», он же лейтенант полиции Дуглас. Он был у нас на приеме, но оказался проворнее. Правда, есть подозрения, что ему кто-то помог свыше.

— ФБР? Или Агентство?

— Пока не знаю.

Бейси подумал.

— Жаль Гурона, он был нам полезен. С этим лейтенантом надо установить контакт в ближайшее время. Это все?

— Нет. Сенатор Вартан ждет гостей. Мы тоже готовы к встрече... с соответствующей аппаратурой. Но парни Форбрайта и Вильямса сели на «хвост» нашим летчикам в Джэксонвилле.

Бейси дал знак Кроссу взять вторую трубку.

— Как они себя ведут?

В трубке послышался хрип — Шмидт смеялся.

— Я бы с удовольствием зачислил летчиков к себе в отдел. Без нашей помощи им, конечно, не удалось бы уйти далеко, но и сами они трюкачи под стать каскадерам!

— Хвост можно обрубить?

— Боюсь, Сирилл уже понял, что кто-то мешает его людям взять летчиков. Будут осложнения...

— Это не твоя забота, действуй. Летчики должны пока жить.

— Да их осталось всего двое, причем один почти не жилец.

— Кто именно?

— Пятый, Бартлоу. Он, идиот, уколошил пилота, но и сам...

— Остался командир бомбардировщика полковник Кларк, —

вмешался Дэвид Кросс. — Курт, я сейчас зайду, помозгуем вдвоем.

— О'кей. — Шмидт отключился.

— Интересно, куда направляется этот парень, Кларк? — буркнул директор ЦРУ. — Неужели к президенту?

Нортвуд понял Бейси по-своему.

— Даже если этот полковник доберется до Белого дома, он не годится для роли Бута¹.

— Никто не говорит, что он попытается проникнуть в Белый дом, чтобы прихлопнуть президента, — сказал Кросс. — Не тот тип психологии.

— Стоп! — ударил ладонью по столу Бейси. — Мне надое-ло жевать кэнди флосс² о тонкостях психологии и прочей ерунде. Давно пора понять: чем грубее ложь, тем она убедительнее, чем грубее мы работаем — тем весомей результат. То же относится и к людям: интеллигенты с «тонкой нервной организацией» никогда не занимали важных постов надолго. Американский дух должен жить в здоровом теле без всяких предрассудков вроде совести, долга и благородства. — Бейси рассмеялся. — Иначе нация не выживет. Возьмите эту доктрину на вооружение и будете обеспечены до конца дней. Вы свободны, парни.

Нортвуд и Кросс покинули кабинет. Директор ЦРУ замурлыкал песенку утенка, взглянул на часы и, поколебавшись, снял трубку телефона «красной линии» связи. Президент Макмиган забаррикадировался в Белом доме наглухо, но был доступен прямой связи, и Бейси решил доставить себе удовольствие напомнить ему о рейсе бомбардировщика «Грейт хантер». Появилось вдруг желание поторговаться еще раз и предложить сделку, в результате которой президент получал живых летчиков, а директор ЦРУ — необходимую «для сохранения здоровья» сумму и политическую рекламу «борца за права человека».

¹ Бут Джон Уилкс — убийца президента Линкольна.

² Сахарная вата.

**ПЕНТАГОН,
КАБИНЕТ МИНИСТРА ОБОРОНЫ**

6 июня, 9 часов утра

Министр обороны США Джеймс Хейсом ткнул пальцем в сенсор видеотелефона. На экране телемонитора возникло лицо Хадли, багровое, отекавшее, в каплях пота.

— В чем дело, Джил? — В голосе министра явственно прозвучало раздражение. — Что у тебя случилось в Техасе? Мне звонил президент, он дьявольски зол. Ему звонил Бешеный Билл и наговорил такого, что после разговора едва успел добежать до туалета.

— Твои шутки плохо пахнут, — буркнул Хадли, находившийся в дурном расположении духа. — Говори конкретней.

— В этом случае плохо пахнут шутки президента. Билл предложил ему обменять летчиков на крупный счет в банке и кампанию рекламы ЦРУ в масштабах Штатов, а президент об истории с самолетом не знал ничего.

Хадли помолчал.

— Билл что же, знает, где скрываются беглецы с «Хантер»?

— Остался один беглец, но самый опасный из всех: командир бомбовоза Кларк. Остальные... изолированы. Что мне теперь отвечать Бобу?

— Холера его задави!

— Президента?

— Билла! Нас ждут более серьезные дела: перевооружение армии, поставка ракет в Европу и Азию, подготовка флота в Карибском бассейне к активным действиям и так далее, а мы вынуждены отвлекаться на чепуху!

— История с бомбардировщиком не чепуха, ты прекрасно понимаешь, чем мы рискуем. О «скорпионе» знают только его разработчики, кое-кто из команды Форбрайта и мы, это положение должно сохраниться до тех пор, пока «скорпион» не пройдет боевых испытаний. Президенту надо подбросить правдоподобный материал, займись этим немедленно. Кстати, Вартан в разговоре с председателем комиссии по делам законопроектных наметок, что скоро будет обладать полной информацией по «Грейт хантер».

Хадли почувствовал сухость во рту и откашлялся.

— Вартан становится слишком опасен. По данным службы Харриса, он ненамного уступает Бобу в популярности. А если всплывет случай с самолетом...

— Не читай мне проповеди. Что делать с Вартаном — пусть решает Форбрайт, его служба имеет связи со всеми «семьями» мафии, и ему найти нужных специалистов не составит труда. Меня же больше волнует...

— Билл?

— Нет, Бешеный мне тоже не страшен, он на крючке. Мои парни накрыли его людей в пунктах передачи наркотиков. Поэтому он и торопится, шантажируя Боба. Сегодня я напомню ему кое-какие факты его биографии. Мне звонил Барни Кроули...

Хадли проглотил ком в горле и подумал, что нервы в последнее время стали ни к черту. Барни Кроули был председателем Совета директоров компаний, финансирующих Пентагон, то есть краеугольным камнем той мощной платформы, на которую опиралась администрация США.

— Он обеспокоен слухами об аварии с бомбардировщиком и потребовал отчета. И успокоить его будет труднее, чем Вартана, Билла и сенат вместе взятых.

— Успокоив Билла и Вартана, мы успокоим и Кроули.

— Не уверен. Я займусь Кроули, а ты попробуй с сенаторами из комиссии Вартана. Подключи к этому делу Вуда, вся пресса в его руках, в том числе и телевидение. В двенадцать жду у себя с докладом.

Экран погас.

Хадли выключил канал связи, помассировал желудок, отозвавшийся резью на нервное напряжение, и стал переодеваться в гражданский костюм для выездов за город.

Ровно в полдень Хадли вошел в кабинет министра обороны разбитым, как после болезни. Он дотащился до стола и рухнул в кресло, роняя полотенце, которое дал ему адъютант Хейсома.

В кабинете присутствовали директор АНБ Форбрайт и Дэвид Бурш, начальник научно-технического управления Агентства. Форбрайт вертел в руках небольшой платиновый ключ от противоядерного бункера, который он всегда носил

с собой. Ключ висел на платиновой цепочке, накинутой на шею доктора, и походил на крестик.

— Все идет не так уж плохо, — сказал Хадли. — Вуд заверил меня, что никакая информация о «Грейт хантер» не просочится в печать. Вартан что-то знает, но разговаривать не хочет. Что докладывать президенту, я не знаю.

— Его в данную минуту волнует растущий дефицит бюджета, — с улыбкой сказал Форбрайт. — Потому что план уменьшения дефицита, предложенный госдепартаментом, и мне представляется нереальным. Чиновники госдепа считают, что надо просто сократить «помощь демократическим режимам», то есть нашим друзьям в Чили, Гондурасе, Израиле, Пакистане, Сальвадоре и другим.

Хадли и Хейсом переглянулись.

— Кроме того, они предлагают уменьшить ассигнования Пентагону, а ежегодные суммы из Фондов Карнеги, Форда и Рокфеллера на «исследовательские работы» пустить на социальные нужды. Как вам это нравится?

— Чувствуется влияние Вартана и его друзей-демократов, — проскрипел Бурш, поправляя галстук.

— Но президент не может просто так взять и наложить резолюцию на этот план: «Отставить! Невыгодно!»

— Тем не менее он не может последовать и их «советам». Перечисленные фонды дают нам возможность активно бороться за права человека везде, где нам это необходимо.

— Подождите, джентльмены, — прервал начинающийся спор министр обороны. — Не уклоняйтесь от темы. Я считаю, что отмахнуться в данной ситуации от истории с бомбардировщиком не только неумно, но и вредно. Все ли мы взвесили? Что можно дать от полковника Кларка? Какой вред он может нанести?

— Но Вуд уверял... — начал Хадли.

— Не знаю, какой информацией обладает Вуд, но я имею достоверные сведения, что слухи о событиях с самолетом просочились в бульварную прессу. Некоторые газеты Техаса готовы выйти с материалами, указывающими на прямую утечку информации из нашего стана. Центральную прессу мы пока действительно держим под контролем, но стоит какому-нибудь досужему ловцу сенсаций узнать правду...

— Не пугай, Джимми, — буркнул Форбрайт. — Есть много средств заставить замолчать любого крикуна-репортера. Дэвид, ты умеешь успокаивать меня, успокой и остальных.

Бурш прекратил манипуляции с галстуком и пощипывание усиков, в глазах его неожиданно всплыл лед неприязни, но тут же снова утонул в непроницаемой воде равнодушия и скрытности.

— По моим сведениям, полковник трижды уходил от моих людей, причем не без помощи Бешеного Билла, пытающегося, где можно, подставить нам ножку. Так что вероятность дальнейшей утечки информации упала в пять раз. В настоящий момент Кларк в Джексонвилле. К вечеру буду знать, у кого именно.

— Надо было взять его отца, у него ферма под Джексонвиллом.

— Мы так и сделали, но старик либо действительно не знает, где его сын, либо упрям, как носорог.

— А если Кларк снова улизнет?

— Надо закрыть город, — сказал Хадли, прислушиваясь к ворчанью в желудке. — Заблокировать наглухо. В крайнем случае, сбросить туда десант «джи-ай».

Хейсом поморщился, но промолчал.

— Надо учитывать, что губернатор Техаса тоже демократ, — проговорил Бурш. — Он дружен с Вартаном и может подложить нам свинью на выборах. К сожалению, у него есть своя спецслужба, неподконтрольная нашему аппарату, и я боюсь, что он даже имеет информацию о самолете, тем более что тот сел на территории его штата.

— Наши парни хлеб едят не даром, — сказал Форбрайт. — Губернатор знает не больше, чем обыкновенный обыватель. Поскольку наши доблестные военные — не хмурься, Джимми, это правда — не смогли управиться с таким пустяковым делом, как задержание экипажа, то им теперь занимаются профессионалы. Провал операции исключается. Одно то, что из пятерых четверо уже никогда никому ничего не расскажут, говорит о нашей оперативности.

Форбрайт не стал уточнять, что двое из экипажа бомбардировщика были убиты и переданы полиции мафией Техаса,

а еще двое были найдены мертвыми в Джэксонвилле, в квартире Шарлотты Ажен, давней подруги Кларка.

— Хорошо, Сирилл. — Хадли дотянулся до столика, налил из сифона шипучки. — Если твои люди на самом деле хорошие специалисты, то опасаться удара с этой стороны нам не следует. Хотя, может быть, лучшим выходом из положения был бы десант «джи-ай». Да и нашим ребятам из корпуса быстрого реагирования в Техасе необходимо тренироваться. — Он оживился. — Я продумаю этот вопрос.

— Но корпус оптимизирован для ведения войны, — осторожно сказал Бурш. — Неизбежны паника и жертвы, пусть и случайные.

Хадли махнул рукой.

— Общественность все простит, когда мы выложим на стол утку о террористах, ведь мы все делаем для ее блага. Зато у прессы появится новая возможность поговорить о «руке Москвы», дотянувшейся до сердца Техаса. Давайте вызовем Джимми Вуда, пусть помаракует, как все это состряпать.

Директор Агентства мгновенно оценил мысль Хадли.

— Отличная идея, Джил! Все будет говорить о том, что никакой авиакатастрофы не было, сам полковник Дональд Кларк и есть виновник всего случившегося и убийца своих товарищей, и он же — давний агент Москвы. Великолепно! И тогда ему не поверит даже Вартан, доберись Кларк до него. Кому же охота связываться с таким типом?

Хейсом захлопал в ладоши.

— Браво! Джил, Сирилл, вы гении!

— Наконец-то оценил, — пробурчал Хадли.

— Но остается еще Бейси, — напомнил Бурш. — Бешеный Билл трудно идет на уступки, если ему не заплатить. Президент в свое время сделал ошибку, назначив его директором «конторы».

— И вторую — когда не велел ввести его в наш круг, — скрипуче засмеялся Форбrait. — А ведь он — двоюродный брат твоей жены, Джимми, и рассчитывал на большее в ответ на поддержку на предыдущих выборах. Но давайте поговорим о главном. На закрытом полигоне в Сент-Олбансе закончена подготовка к проведению наземных испытаний «скорпиона».

— Не получилось бы, как с «Грейт хантер», — вздохнул министр обороны. — Я уже начинаю бояться. Хорошо, что этот полковник посадил самолет на территории Штатов. Он мог сесть в Мексике и рассказать там, на каких объектах планировалось испытать новое оружие...

— Нам повезло, что полковник патриот, — криво усмехнулся Хадли. — К сожалению, честные и благородные дураки еще встречаются в армии. Прискорбно, что один из них оказался допущенным к государственным и военным тайнам. Нам надо быть требовательнее при отборе кандидатур для таких дел, как испытания сверхсекретного оружия. Но давайте прервемся — время ленча. А потом поговорим о более интересном и важном, чем судьба полковника Кларка.

Хейсом позвонил адъютанту и велел подать обед.

ДЖЭКСОНВИЛЛ

6 июня, 16 часов 15 минут

Профессионалам стратегической службы из команды «гамма» Агентства национальной безопасности понадобилось семь часов, чтобы установить предполагаемое местонахождение полковника ВВС, командира бомбардировщика «Грейт хантер» Дональда Кларка в Джэксонвилле. Старший группы специального поиска капитан Руперт нашел офис шерифа на Блаумер-стрит, предъявил удостоверение и позвонил в Эль-Сегундо временному шефу, которым стал Галдеано.

— Здесь Руперт. Из всех знакомых Шарлотты Ажен остался непроверенным только Юлиус Триммер, бывший адвокат. Сейчас не практикует, живет на сбережения и небольшую пенсию. Снимает квартиру на окраине, в районе старого лесопильного завода.

— Не понял, — сухо ответил Галдеано насморочным голосом, — зачем вы мне докладываете об этом?

Руперт помолчал.

— Я думал...

— Не надо много думать, действуйте. Не перекладывайте решение по таким пустякам на плечи начальства, это может

повредить вашей карьере. Удостоверьтесь, что Кларк у этого... Триммера, потом доложите обстановку. Больше действуйте самостоятельно.

— Слушаюсь, — коротко ответил капитан, одетый в повседневный штатский костюм, как и люди его группы.

— Может быть, нужна моя помощь? — спросил заместитель шерифа, хладнокровный и суровый молодой человек в фирменном костюме, не снимавший «стэтсон» даже в помещении.

— Спасибо, обойдемся, — буркнул Руперт.

В кабине пятиместного «Хамбера» он сказал помощнику:

— Поехали к лесопилке. Может, Кларк у этого адвоката? Потом решим, что делать дальше.

— А девочка, судя по фотографиям, первый сорт, — заметил один из агентов, листавший на коленях семейный альбом Шарлотты.

Еще утром они посетили ее квартиру, оказавшуюся открытой, обнаружили там два трупа — Александра Бартлоу, инженера лаборатории «ИИ», и пилота Стивена Дейма, но поняли только одно: полковник Кларк снова ускользнул. Что произошло в квартире Шарлотты Ажен, знали только двое — сам полковник и его девушка.

Водитель группы завел мотор. Но Руперт вдруг остановил его. Капитан увидел, что из офиса вышел шериф, быстро огляделся и сел в спортивный «Ситроен».

— Ты что? — спросил помощник. — Это же шериф Норман.

— Я, кажется, сделал глупость — звонил шефу из его кабинета.

— При нем?

— Нет, но подслушать разговор было, наверное, несложно. Куда это он заторопился? — Руперт включил рацию и дал команду второй машине следовать в кильватере. — А ну, Пит, за ним!

«Ситроен» шерифа рванул с места и сразу развил бешеную скорость. «Хамбер» смог удержаться за ним только несколько минут, а потом потерял из виду.

— У него триста десять «лошадей» и знание города, — ви-

новато развел руками Пит. — А у нас только двести и мигалка на крыше.

— Черт с ним, — махнул рукой капитан. — Жми куда сказал.

Спустя четверть часа они подъехали к кварталу трехэтажных домов, сгрудившихся возле старого лесопильного завода, работавшего только летом. Руперт послал к адвокату помощника и агента, а сам решил объехать квартал кругом, чтобы составить о нем впечатление. На углу Пятнадцатой и Сороковой улиц водитель внезапно свернул вправо и остановился за деревянным забором с квадратными окошечками, огораживающим какую-то стройку.

— Там возле акаций стоит «Ситроен».

Руперт молча достал бинокль и вылез из машины. Обойдя забор, выглянул из-за будки строителей на соседнюю улицу. Синий «Ситроен» не был машиной шерифа. Его номер был заляпан грязью, а в кабине сидели четверо мужчин, один из которых держал в руках аппарат, напоминавший портативную телекамеру. Ствол аппарата смотрел на старый двухэтажный кирпичный дом с просевшей крышей и шелушащимися стенами. Все четверо сидели совершенно неподвижно.

Руперт хмыкнул и вернулся к машине.

— Кажется, кто-то еще интересуется нашими друзьями с бомбардировщика.

— Разве это не шериф?

— Нет. Генри! — Капитан вызвал по рации помощника. — Ты не обратил внимания на «Ситроен» на Тринадцатой улице?

— Я его не видел, мы шли параллельно. Зато на Тридцать восьмой стоит «Кадиллак» с местным номером, в нем пятеро.

— Похоже, нас опередили, и за Кларком следят люди из другого департамента.

— ФБР?

— Не уверен. Осторожнее с проверкой, я для подстраховки отправляю за вами Лури и Карла. Конец.

Потянулись минуты ожидания.

Дважды Руперт выходил из машины и наблюдал за синим «Ситроеном», но ничего не менялось, четверо в кабине «Ситроена» сидели все так же неподвижно. Аппарат дистанционного прослушивания, направленный Рупертом на чужую ма-

шину, фиксировал только скрип кожаных сидений да шорох одежды изредка шевелившихся мужчин. Капитан не удивился такой сдержанности, ему было хорошо знакомо терпение профессиональных агентов.

Помощник вернулся через час.

— Порядок, полковник там! В квартире на втором этаже, она точно над квартирой Триммера, прослушали пол. Кларк у адвоката вместе со своей бабой. Можно брать хоть сейчас.

Руперт покачал головой.

— Мы не одни. В «Ситроене» четверо да в «Кадиллаке» пятеро, и не исключено, что где-то рядом прячутся еще группы. А чьи это люди, я не знаю. Доложу шефу, пусть решает, хотя это ему не понравится. Ждите здесь, наблюдайте за всеми подозрительными, но ничего сверх того.

Руперт уехал. Вернувшись в десятом часу вечера, когда начало темнеть, он обнаружил на месте стоянки своей второй машины четыре трупа: агенты вместе с помощником были убиты выстрелами в голову из винтовки с оптическим прицелом — Руперт определил это профессиональным глазом мгновенно.

— Назад! — бросил он негромко, в то время как агенты в кабине «Хамбера» быстро готовили к стрельбе пистолеты бесшумного боя.

«Хамбер» рванул с места. Его никто не преследовал.

ДЖЭКСОНВИЛЛ

6 июня, 22 часа 5 минут

Кларк и Шарлотта весь день провели у Юлиуса Триммера, старого друга семьи Ажен, и узнали многое из печальной истории государственных спецслужб — ФБР, ЦРУ, АНБ и разведуправления министерства обороны.

Триммер, по виду меланхолик со склеротическим румянцем и апоплексическим носом, начинал свою карьеру делового человека в сороковых годах капралом ВМС. Пережил Пирл-Харбор. В пятьдесят первом уволился из армии в чине второго лейтенанта. Пробовал свои силы в журналистике, ра-

ботал синхронным переводчиком в ООН, потом благодаря наследству прорвался в мир бизнеса, стал заместителем директора Агентства по охране демократических свобод, работающего на Эн-би-си, но запил, быстро промотал состояние, растерял друзей и в конце концов, получив патент адвоката, превратился в язвительного брюзгу, не боящегося никого и ничего.

Имя Триммера связывали с несколькими громкими скандалами в госдепартаменте, он прославился как жестокий и неподкупный защитник закона, блестяще выиграл ряд процессов, пока в его судьбу не вмешались могущественные силы — представители крупного бизнеса.

Юлиусу пришлось уехать из Нью-Йорка в Джэксонвилл вслед за семьей Ажен. Правда, адвокатом он уже больше не работал, окончательно разуверившись в справедливости закона.

Собеседник он был прекрасный, и Кларк слушал его с удовольствием.

Юлиус был лично знаком со знаменитой поэтессой Эмили Дикинсон, которая покончила с собой, не вынеся иезуитской травли литературного истеблишмента. Он выразительно прочитал несколько ее стихотворений, полных тоски и силы.

— Может быть, в нужный момент рядом с ней просто не оказалось друга, — хрипло басил Юлиус, — но главная причина известна — немилость власть имущих. Правда, у нас это называется иначе — защита демократии. Как только кто-то раскопает это зловонное болото под названием коррупция, тут же появляются болотные духи ФБР и начинается травля. И эта реакция практически неодолима. Я не вижу социальных сил, способных ее приостановить, а тем более нейтрализовать. Ваш случай тому подтверждение. Вы, полковник, заставили всколыхнуться весь государственный омут, и я просто поражен, что вы еще до сих пор живы.

— Может быть, с нами решили поиграть в кошки-мышки? — пробормотал Кларк, поглядывая на Шарлотту.

Триммер покачал лысой головой.

— Пентагон не стал бы так рисковать, ведь вы теперь — что бомба замедленного действия, вернее — один из компо-

нентов бинарного боеприпаса, если употребить военные термины.

— Второй компонент — журналисты?

— Правильно, журналисты. Или демократы из лагеря Вартана, члены конгресса по делам разведки и представители Совета Безопасности ООН. Вы даже не представляете, каких размеров скандал может произойти, соединись вы со своими «компонентами»! Если подробности дела просочатся в печать, а тем более за океан, — под угрозой окажется вся программа СОИ. Ведь Пентагон теперь делает ставку именно на «скорпион». Конечно, налогоплательщик — обыватель и дурак, но и он не захочет за свои собственные деньги получить выстрел в спину, да еще из нового секретного оружия.

Кларк усмехнулся.

— С таким образом мыслей вы можете попасть в списки неблагонадежных.

Юлиус меланхолически кивнул.

— Я давно занесен в эти списки. Я старик, мне уже нечего ждать от жизни, а вот вам...

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — прервала старика Шарлотта. — Я сварю сосиски, и мы поужинаем.

Триммер закурил трубку, расслабленно двинул рукой.

— Возьмите все в холодильнике, а нам принесите пива.

Пока Шарлотта готовила ужин, Юлиус в перерывах между затяжками и глотками пива сообщил Кларку кое-что интересное о шерифе Арчибальде Нормане.

— Парню всю жизнь не везло, несмотря на то, что он из богатой семьи и закончил университет. Мать умерла рано, отец женился на другой, мачеха невзлюбила пасынка — обычная история. В университете кто-то ограбил квартиру профессора, а свалили на него. Скандал замяли, но репутацию парню испортили. Девушка, на которой он хотел жениться, отвернулась от него. Вдобавок и отец под давлением новой жены перестал финансировать сына, и тому пришлось заканчивать университет, перебиваясь с хлеба на воду. А как только получил диплом, тут же переехал в Джэксонвилл и стал шерифом. Что в нем нравится, так это его неиссякаемая вера в лучшее в человеке. Я-то, положим, имею прямо проти-

воположное мнение на сей счет, но уважаю чужие убеждения, завоеванные такой ценой.

— Мне он тоже нравится, — кивнул Кларк, не покрывив душой, и посмотрел на часы: Арчибалд обещал уладить дела, разузнать все, что можно, и вернуться к десяти.

Триммер допил пиво и вытер губы.

— Он парень видный, и мне жаль, что Лотта раньше встречала тебя. Тебя я не знаю, — Юлиус шевельнул рукой, словно извиняясь, — хотя против ничего не имею. Если Лотта выбрала, значит, достоин. Правда... — Старик посмотрел сквозь стакан на свет. — Любят иногда и не за достоинства...

Кларк промолчал.

Хозяин включил телевизор. Шла передача «Женщины и быт». Сначала президент, сверкая улыбкой, сделал несколько комплиментов очередной «Мисс Америка», потом, прерываемая рекламой спичек, электрозажигалок, кофемолок, термopлит, электронных кухонь, началась рок-вакханалия, перемежаемая, в свою очередь, профессиональными советами женщинам, вложенными в уста популярной киноактрисы Фей Даноуэй, как и из чего приготовить завтрак, обед и ужин.

Триммер послушал с минуту весь этот винегрет, выругался и выключил телевизор.

— Женщины, — пробурчал он. — Для быта, для семьи, для политики — все вранье! По мнению моего бывшего друга, прокурора Монтеस्कью, женщины создают в коллективе атмосферу сексуальной озабоченности, именно поэтому их не следует вводить в мужские коллективы.

— Дон, — позвала из кухни Шарлотта, — помоги.

Триммер сморщил лицо в улыбке.

— Иди, иди... Надоело, наверное, слушать мое брюзжание.

Кларк запротестовал, но старик махнул рукой.

— Не трать слов, я привык. Вижу, ты молчун, значит, умеешь сдерживать порывы. И все же нельзя ли было сделать иначе — не ломать этот ваш «скорпион»?

Кларк встал.

— Да я уже и сам не знаю. Погиб мой друг... и с ним еще

трое, не лучшие из людей... Хотя имею ли я право судить других? Не знаю...

Юлиус кивнул, глаза его закрылись — старик задремал.

Дональд на цыпочках пошел на кухню, где его встретили объятия Шарлотты.

— Сколько можно говорить о политике? — шепнула она, целуя его в подбородок. — Юлиус способен заговорить любого, политика — его конек.

— Но он действительно много знает.

Кларк обнял девушку с такой силой, что она ойкнула, засмеялась.

— Раздавишь!..

— И вообще у тебя хорошие друзья.

— Правда? — обрадовалась Шарлотта. — А я боялась, что тебе они не понравятся. Я видела, как ты смотрел на Арчи... — Темное облачко легло на ее лицо, в глазах набухли слезы. — Крис был... он добрый, всегда помогал...

Кларк молча погладил ее по щеке.

— Корми нас, вот-вот явится Арчибалд.

Шарлотта улыбнулась сквозь слезы и принялась сервировать передвижной столик.

Они поужинали и не успели убрать со стола, как пришел шериф.

— Собирайтесь и побыстрее. Я думаю, что все обойдется, хотя помощник и пытался мне помешать.

— Ты его... — Шарлотта зажала рот рукой.

— Связал и запер в конторе. Оказалось, он работает не только на ФБР, выболтал в запале. Да, забыл сказать и прошу прощения: я успел похоронить только Криса, а когда вернулся за пилотом и Бартлоу, в квартире уже были какие-то люди. А полчаса назад ко мне в контору зашел капитан стратегической службы АНБ Руперт. Я подслушал его разговор с начальством: они уже знают, что вы здесь. Кстати, Дон, вам приписывают все убийства после посадки самолета, в том числе и убийство остальных членов экипажа. Так что, по словам пресс-секретаря Белого дома, вы теперь «агент Ирака», узнавший все тайны лаборатории «ИИ». Боюсь, к Вартану идти после этого заявления нет смысла, он не станет риско-

вать. Лучше всего было бы спрятаться на время в какой-нибудь норе, пока все не стихнет.

— В словах Арчи есть резон, — подтвердил Юлиус. — Но сейчас у меня не осталось друзей, которым я доверил бы вас без опасений в такой ситуации.

— Тогда надо идти к Вартану. Или в ООН. Я позвоню в Нью-Йорк, вас встретят и проводят. Остальное будет зависеть от обстоятельств, на которые я не в силах повлиять.

Кларк встал, ощутив прилив энергии и желание сопротивляться до конца. Ему было за что бороться.

— Спасибо, Арчи. Мы воспользуемся твоей помощью. У меня в Нью-Йорке есть знакомые, как-нибудь выкрутимся.

— Возьмите одежду, — посоветовал Триммер. — Пойдете ли вы к Вартану в отель «Плаза» или на Ист-Ривер, в здание ООН, вы везде должны выглядеть миллионерами, собравшимися на фракный прием высшего разряда, а не участниками партии¹.

Шериф предложил:

— Может, переодеть их полицейскими?

Триммер покачал головой.

— Как ты собираешься доставить их в Нью-Йорк?

— Я договорился с владельцем частной авиакомпании «Аэросэйв», он мой давний должник. Посадит самолет в аэропорту Кеннеди.

Триммер предложил:

— Вот и переодень их в летчиков. Хорошо, если бы они знали авиационный жаргон.

Кларк невольно улыбнулся.

— Вы забыли, что я летчик.

— Решено! — Арчибальд взглянул на часы. — Странно, что эти молодчики медлят. Мне показалось, что я видел их машину возле стройки. Юл, выведи нас тихонько.

Старик, кряхтя, выбрался из кресла.

— Проклятый ревматизм! Старость — не радость, хотя наш уважаемый президент утверждает обратное...

Когда-то квартира, которую снимал бывший адвокат, соединялась дверью, запиравшейся на обычную задвижку, с со-

¹ Парти — дружеская вечеринка с пивом и вином.

седней, имевшей выход на пожарную лестницу. С улицы лестница, скрытая углом дома, не была видна, а со двора ее маскировал платан, росший вплотную к стене. Поэтому беглецы, пройдя по чужим комнатам — соседи, к счастью, отсутствовали, — попрощались с Юлиусом, спустились по лестнице во двор и через минуту были на территории старой лесопилки.

Идти приходилось почти на ощупь, пока глаза не адаптировались к ночной темноте.

Шериф вздохнул с облегчением лишь тогда, когда миновали корпус лесопилки.

— Идиоты, не поставили здесь пост, — шепнул он Кларку.

В ту же секунду совсем недалеко от них вспыхнул огонек зажженной сигареты. Беглецы замерли. Послышался плевок и чей-то гнусавый голос:

— Они досидятся, пока коллега Руперт не вернется с подкреплением. Пойти, что ли, посоветовать, что делать?

Невидимый курильщик снова плюнул.

— Потуши сигарету, — отозвался приглушенный баритон; говорили, судя по всему, из машины, спрятанной между штабелями бревен. — У нас четкая инструкция: наблюдать и не вмешиваться, пока полковнику с девочкой не грозит опасность.

— Интересно, кто же убрал людей Руперта? Выстрелов я не слышал.

— Не забивай голову ненужными вопросами. Тихо!

В кабине машины пискнул сигнал рации.

— Слушаю. — Владелец баритона снял трубку, с минуту помолчал, потом сказал: — Есть, сэр. Барни, зови остальных. Приказано без шума взять полковника и поскорее доставить своим ходом в Лэнгли.

Шериф оглянулся на застывших в разных позах беглецов, прижал палец к губам и показал рукой влево, где на фоне чистого, без облаков неба виднелись развалины какого-то строения.

Все трое бесшумно спустились в мелкий ров, заросший лопухами и крапивой, вышли к забору, но тут их ждал неприятный сюрприз: на улочке, уходящей в лес, стоял черный

«Паккард» с горевшими подфарниками. Возле него неторопливо прохаживались две темные фигуры.

— Влипли, — прошептал шериф едва слышно. — Полчаса назад их не было. А я оставил машину в конце улицы...

Они крадучись, замирая после каждого шага, двинулись вдоль забора в сторону стройки, соседствующей с лесопилкой. И буквально наткнулись на брошенную кем-то машину. Шарлотта наступила на что-то «живое», как ей показалось, и еле удержалась от испуганного возгласа.

Кларк вернулся к ней, ощупал «живое» рукой, подозвал шерифа.

— Похоже, труп...

— Здесь лежат еще двое. Кажется, это люди Руперта. Помнишь разговор из машины? Кто-то их ликвидировал, когда они следили за нами. Машина должна быть на ходу, рискнем?

— А далеко до твоей?

— Ярдов триста.

— Поехали. Подъедем и пересядем, если будет время.

Они забрались в кабину «Даймлера», прежде освободив салон от четвертого покойника. Арчибальд сел за руль и, не включая фар, вывел машину на дорогу, огибавшую котлован. Им повезло, потому что, во-первых, мотор «Даймлера» работал очень тихо, а во-вторых, в момент его запуска где-то на станции вдруг громко зашипел выпускаемый под давлением пар.

«Ситроен» шерифа стоял за деревянной будкой молочника, скрытый кустарником. Быстро пересели в него, все время ожидая окрика или выстрела в спину.

С той стороны, где находился дом Триммера, вдруг донеслись выстрелы, крики и рычание собак. В одно мгновение квартал оказался залитым светом автомобильных фар. Кларк понял, что они чудом вырвались из западни.

Арчибальд дал газ и повел «Ситроен» прочь, не пытаясь успокоить заплакавшую Шарлотту: она решила, что Юлиус специально открыл стрельбу, чтобы спасти их от погони. И Кларк уже не в первый раз подумал, что цена его социального бунта, а точнее — бунта совести, слишком, может быть, велика, потому что из-за него гибнут как друзья, так и совер-

шенно посторонние люди, и, возможно, толстяк Кристиан был прав, предлагая летчикам сдаться властям и попытаться оправдаться...

На выезде из города стоял полицейский пост.

Кларк снял пистолет с предохранителя, но шериф жестом остановил его. «Ситроен» замедлил ход и остановился возле полосатого полицейского пикапа, перед полисменом, державшим карабин на изготовку. Еще двое полицейских стояли по обочинам дороги, четвертый выглядывал из будки поста. Полисмен-негр, широкий, как шкаф, шагнул к машине. Шериф высунул голову в приоткрытую дверцу.

— Привет, Люг. Все тихо?

— Шериф? — удивился негр, бросив два пальца к козырьку. — Что это вашей службе не спится? Здесь только что проехал на «Хонде» ваш помощник.

Кларк и Шарлотта переглянулись.

Шериф сказал спокойно:

— Что поделаешь, Люг, работа.

— А кто это с вами? Нам приказано задерживать всех подозрительных лиц, выезжающих из города. Ищем двоих мужчин-террористов и женщину.

Шериф улыбнулся.

— Думаю, ваш приказ не распространяется на меня? Эти двое — мои будущие родственники, отвезу их в Шорен и отдохну в каком-нибудь мотеле. Надеюсь, вы мне позволите вернуться утром?

Полисмен в затруднении поскреб затылок, потом нехотя козырнул.

— Да поможет вам бог, сэр. Кстати, вы не знаете, что это за стрельба возле лесопилки?

Шериф выжал сцепление, равнодушно пожал плечами.

— Юнцы, наверное, балуются. По-моему, туда уже выехал ваш патруль, у вас же есть рация — свяжитесь с управлением.

Полисмен махнул рукой сопровождающим.

— Пропустите их.

«Ситроен» снова устремился вперед. Шериф смахнул пот со лба, украдкой посмотрел на Шарлотту. Он был чужд рисовке, как и Дональд, но все же не хотел выглядеть в глазах

любимой девушки рохлей. Кларк молча показал ему большой палец.

— Дьявол! — выругался шериф сквозь зубы. — Как все неудачно складывается. Я же его связал.

Не поняв, Шарлотта спросила:

— Кого?

— Значит, плохо связал, — сказал Кларк, понявший, что шериф говорит о помощнике. — Куда это он рванул?

— Сам удивлен. Не приготовил бы нам какой-нибудь сюрприз.

— Мы в самом деле едем в Шорен?

— Конечно, нет. Пусть ищут нас там, если захотят меня проверить. Минут через двадцать свернем к аэродрому. Вы подождете в машине, а я попробую раздобыть для вас форму.

Дальнейший путь проделали молча. «Ситроен» с ревом мчался сквозь ночь по неосвещенному и пустынному шоссе, кренясь на поворотах. Стрелка спидометра дрожала на цифре «140». Кларк подумал, что не стоило преодолевать столько препятствий, чтобы в конце концов погибнуть в автомобильной катастрофе. Но все обошлось.

Спустя четверть часа машина подъехала к воротам в проволочном заборе. На воротах висел жестяной круг с надписью: «Частное владение. Вход и въезд запрещены!»

— Ждите, — коротко бросил шериф и вылез.

Кларк огляделся.

Слева за забором светились окна какого-то одноэтажного металлического барака, полускрытого деревьями. Справа лес становился гуще, дорога ответвлялась и шла вдоль изгороди, исчезая в темноте. Дональду показалось, что оттуда за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. Он поудобнее перехватил рукоять пистолета, оглянулся и встретил взгляд Шарлотты.

— Боишься?

— Немного... хотя вру, боюсь до дрожи в коленках.

— Глотни виски.

Шарлотта покачала головой.

— Не хочу. У тебя найдется для меня какое-нибудь оружие?

— Зачем?

— Для храбрости.

Дональд подумал и протянул ей громоздкий пистолет с пятью отверстиями в дуле.

— Для храбрости можно. Удержишь?

— Тяжелый какой... удержу. А как им пользоваться?

Кларк хотел сказать «как дубиной», но вместо этого взял пистолет, нажал наугад несколько кнопок на наборном поле, сдвинул красный рычажок и передал Шарлотте.

— Осторожнее, осталось нажать на гашетку.

Кларк не знал, что своими манипуляциями ограничил дальность действия излучателя «мини-скорпиона» и установил предел критического сечения реакции распада. Теперь после нажатия спускового механизма в поле действия аппарата могли распадаться только атомы железа.

Шериф в это время дважды нажал кнопку звонка. Из динамика на воротах послышался голос Чарли — ночного сторожа:

— Кого еще несет?

— Шериф Норман. Мистер Джордан предупрежден.

— Ждите, — проговорил сторож через минуту.

Потянулись минуты ожидания. Наконец из барака показалась громоздкая фигура. Привратник-индеец с темным неподвижным лицом осветил «Ситроен», потом шерифа.

— Трое? Заезжайте. Мистер Джордан ждет в коттедже. Вас проводят.

Шериф хотел было протестовать, но передумал.

Заехали в загон для автомашин и припарковали «Ситроен» возле роскошного лимузина и двух полуфургонов. Привратник исчез, вместо него появился второй индеец, вооруженный пистолетом. В отличие от первого он был худ как гончая. Жестом приказал прибывшим следовать за ним.

Пошли по асфальтовой дорожке в обход барака, за которым стояли еще три таких же, свернули, миновали рожищу хилых тополей, свернули еще раз и оказались перед двухэтажным каменным коттеджем, в котором светились верхние окна.

Проводник жестом дал понять, что Кларку и Шарлотте надо остаться снаружи, и пропустил только шерифа. Снова

потянулось время ожидания, заставляя сердца беглецов сжиматься в тревоге.

Где-то недалеко взрывал и затихал мотор легкого самолета. За деревьями виднелась освещенная прожектором площадка с бензозаправщиком, а за ней — темный ангар. Ветер приносил запахи бензина и масел.

В той стороне, откуда они приехали, слышался нетерпеливый сигнал автомобиля. Шарлотта вздрогнула, прижалась к спине Дональда. Тот напрягся, прислушиваясь, но ничто больше, кроме ночных шорохов, не тревожило тишину.

Шериф появился минуты через три, угрюмо-спокойный, как и всегда. В руках он держал два свертка.

— Одевайтесь. — Повернулся к индейцу-сторожу. — Дама пусть переоденется в холле?

Индеец остался невозмутим.

Летная форма преобразила Шарлотту в прелестную стюардессу и сидела на ней как влитая. Кларку пиджак жал под мышками, а брюки оказались коротковаты, но выбирать не приходилось.

— Быстрее, — поторопил их шериф. — Я слышал, как Джо разговаривал с полицией. Они могут быть здесь с минуты на минуту.

Индеец-проводной ушел в коттедж, видимо, получать инструкции и, вернувшись, повел их к ангару. От ворот снова долетел шум автомобильных моторов.

— Далеко еще? — спросил шериф у проводного.

Вместо ответа тот свернул к ангару и, подумав, сделал знак подождать.

— Похоже, по наши души? — тихо спросил Кларк.

Шериф выругался сквозь зубы и решительно направился к ангару. Но не успел он пройти и десятка шагов, как навстречу ему из боковой двери вышел... его помощник! Он был вооружен: рукоять кольца выглядывала из расстегнутой кобуры. Арчибалд остановился. Его пистолет тоже находился в кобуре.

Кларк растерялся, но не потому, что появление помощника застало его врасплох, — он не знал этого человека, но шериф вдруг сказал тихо:

— Не стрелять! Я сам.

И Кларк опустил пистолет.

— А здорово я вас вычислил, — усмехнулся помощник. Был он молод, смугл, красив, взгляд его был таким же уверенным, как и движения. — Что же ты молчишь, Арчи? Не ожидал? К сожалению, ты не умеешь обращаться с наручниками, да и связывать людей как следует не научился. Нет подготовки.

За его спиной неожиданно появился еще один человек с пистолетом в руке.

— Возьми на мушку шерифа, Эйв, — сказал ему помощник. — А с летчиком я поговорю сам. Брось пистолет, парень, — обратился он к Дональду. — Не то Эйв случайно попадет в даму.

Кларк помедлил и бросил оружие на землю. Шагнул вперед, загораживая собой Шарлотту. «Где же индеец? — подумал он. — Неужели заодно с ними?»

Эйв повел стволом.

— Не дергайся, мистер, я этого не люблю.

Вдали снова раздался резкий клаксон автомобиля.

— Это по моему вызову, — спокойно сказал помощник. — Итак, шеф, вы оказались в настолько неподходящей компании, что вам не позавидовал бы даже осужденный пожизненно. Как же вы оправдаетесь?

Шериф странным голосом спросил:

— Ты готов?

Помощник перестал улыбаться, растопырил локти, лицо его стало хищным и жестким.

— Готов.

Кларк не успел ничего понять, мысли его были заняты поиском выхода из критической ситуации и не находили его: впереди — ловушка, сзади — полиция и агенты спецслужб.

Дальнейшее произошло в течение долей секунды.

Шериф и помощник в лучших ковбойских традициях одновременно выхватили револьверы, прозвучало два выстрела. Арчибальд схватился за левую руку, помощник шерифа покачнулся и упал. В то же мгновение детина с пистолетом, направленным на Кларка, растворился в бело-голубой вспышке света. Тугая воздушная волна ударила Кларка в грудь, сби-

ла с ног Шарлотту. Режущий слух визг прокатился над полем, и наступила тишина...

Дональд поморгал, ожидая, пока перед глазами перестанут мелькать цветные пятна, помог подняться ошеломленной Шарлотте.

— Что случилось? — спросил Арчибальд, зажимая ладонью рану на плече, из-под пальцев вытекла на ткань куртки струйка крови. Помощник шерифа лежал без движения, у его ног начиналась борозда, разрезавшая асфальт и упиравшаяся в ворота ангара; в воротах зияла громадная звездообразная дыра. Эйв исчез, как будто его здесь и не было.

— Ничего не понимаю! — Шериф посмотрел на Кларка. — Куда делся его напарник? — Он кивнул на убитого.

Кларк оглянулся на Шарлотту и увидел в ее руках тот самый несуразный пистолет, который он сунул ей полчаса назад.

— Ты... стреляла?

— Не знаю, — растерянно отозвалась Шарлотта. — Нажала на гашетку... и все... он не выстрелил, а...

Кларк встретил взгляд Арчибальда и еле удержался от восклицания. Он все понял.

Оказывается, это был вовсе не пистолет, а модификация либо уменьшенная копия «скорпиона». Это дьявольское оружие поражало не пулями, а сгустком поля, в котором, видимо, мгновенно начиналась цепная реакция распада какого-то элемента. Какого в данный момент? Что он там накрутил, передавая Шарлотте эту штуковину?..

Кларк взял из руки девушки «пистолет», но понять что-либо в россыпи всевозможных рычажков и кнопок было невозможно.

Шериф наконец опомнился.

— Быстрее! Выстрелы наверняка слышали, сейчас здесь будет вся свора. Самолет в ангаре!

Кларк бросился к ангару, распахнул ворота и сразу увидел тело индейца, плавающее в луже крови. Судя по всему, его ударили по голове гаечным ключом, валявшимся возле убитого. Кларк быстро расчехлил спортивный «Си-эр», освободил шасси, вскочил в кабину.

Пять лет назад ему приходилось летать на таких машинах,

достигающих скорости пятьсот миль в час. До Нью-Йорка, конечно, на нем долететь было нельзя, не хватило бы топлива, но унести беглецов из разбуженного осинового гнезда он мог.

Двигатель завелся через считанные секунды — все-таки содержали самолет заботливые руки.

Кларк вывел самолет из ангара, чудом не обломав крыло о косяк ворот.

Шарлотта уже закончила перевязывать Арчибальда и что-то кричала ему, но из-за рева двигателей Кларк ничего не слышал. Он выпрыгнул из кабины.

— Садитесь, быстрее!

Девушка крикнула:

— Они едут сюда!

— Успеем. Арчи, в кабину!

— Улетайте, я остаюсь, — сказал шериф твердо. — Там места только для двоих.

— Уместимся. Они же...

— Спасай Лотту, Дон! Я найду способ оправдаться. Да быстрее же! Когда-нибудь встретимся...

Кларк молча обнял его, потом отвернулся и полез на крыло. Шарлотта поцеловала шерифа в губы и последовала за Дональдом.

Шериф отбежал в сторону, подняв вверх правую руку, сжатую в кулак, левая, раненная дважды, висела безжизненно вдоль тела.

— Помогите вам бог, ребята, — пробормотал он глухо, с тоской.

Кларк закрыл фонарь и дал газ. Самолет, подпрыгивая на неровностях и стыках бетонных плит, покатился к взлетной полосе.

«Думаю я, что мы на крысиной тропинке, куда мертвецы накидали костей», — вспомнил вдруг летчик строки Эллиотта. Его руки крепче сжали штурвал...

В этот миг на площадку перед ангаром вылетел черный «Мерседес», за ним — полицейская «Панда» и желтый «Ягуар». Захлопали дверцы, из кабин стали выскакивать вооруженные люди. К шерифу подбежал капитан полиции.

— Норман? Какими судьбами? Или вы тоже участвовали в

операции? Что здесь произошло? Ваш помощник позвонил, но ничего толком не объяснил...

Высокий мужчина в штатском отстранил полицейского.

— Возьмите его под стражу, капитан. Он помог преступникам бежать. Эй вы, двое, за мной!

Высокий — это был капитан Руперт — нырнул в кабину «Ягуара». Машина помчалась вслед за самолетом. За ней рванулся и полицейский пикап.

Они догнали самолет уже на полосе. Агенты выставили в окна автоматы.

— По команде, — приказал Руперт. — Цельтесь по кабине!

Но летчик вдруг сделал то, чего от него не ожидали: самолет, почти не снижая скорости, сделал разворот на месте, проскрежетав концом крыла по бетону, и помчался прямо на преследователей! Водитель «Ягуара» затормозил, хотя делать этого было нельзя, и агентам ничего не оставалось, как выскочить из машины. И вдруг она вспыхнула пронзительно-голубым пламенем, превратилась в облако света, исчезла!..

Самолет пронзил это облачко, подпрыгнул и взлетел. Агенты были профессионалами и открыли огонь, несмотря на вмиг ослепшие глаза и дождь мелких осколков, но было уже поздно: самолет растаял в ночи.

На месте, где стояла машина Руперта, в бетоне чернела неглубокая воронка.

Капитан поднялся с земли, отряхнулся, подошел к воронке.

— Хотел бы я знать, из чего он стрелял! Гранатометом здесь, во всяком случае, не пахнет.

Рядом притормозили машины полиции, опоздавший «Линкольн» ФБР, целый кортеж с отрядом агентов ЦРУ.

К Руперту подошел угрюмый шеф джэксонвиллской полиции и задал целую кучу вопросов:

— Кто бросил гранату? Летчики? Упустили?!

Руперт покачал головой и махнул рукой подчиненным.

— Поехали. — Повернулся к комиссару полиции и насмешливо сказал: — Вы — да, упустили, мы — нет. Ведь улетили они не в космос? И где-то сядут? А гранату никто не бросал, поверьте мне на слово.

В темном небе мигнули и пропали алые габаритные огни самолета беглецов, уносящего их в неизвестность.

Шериф, ослабевший от потери крови и нахлынувшего безразличия, сидя в машине полиции, в сотый раз повторил про себя: «Помоги вам бог!»

Но он-то знал, что бог не поможет. Человек, упавший в реку с пираньями, обречен, и его друзьям остается лишь молиться его душе: человек, помоги себе сам!

Человек, помоги себе...

Человек, помоги...

Человек...

Содержание

КОРРЕКТИРОВЩИК. Роман

Драма 1	
ПАТРУЛЬНЫЙ	7
Драма 2	
НОСИТЕЛЬ	10
Драма 3	
КОНИ	70
Драма 4	
НАЕЗДНИК	122
Драма 5	
ТЕТРАРХ	180
Драма 6	
МОНАДА	244

ПОВЕСТИ

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ	269
УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ	455
ПИРАНЬИ	540

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 23.03.2007
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 8062.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page - www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2.
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Самый популярный отечественный автор фэнтези

ЖИК ПЕРУТОВ

ВОЙНА МАГА

ДОЛГОЖДАЮЩИЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА:

«Война мага. ЭНДШПИЛЬ», том 3

«Война мага. КОНЕЦ ИГРЫ», том 4

ЛУЧШИЙ
ФАНТАСТ
РОССИИ
2003

ЛУЧШИЙ
ФАНТАСТ
ЕВРОПЫ
2004

11 МЛН.
ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ

WWW.OLMER.RU

www.perumov.com

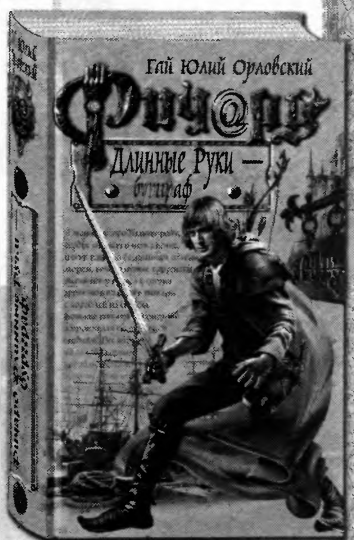
Гай Юлий Орловский

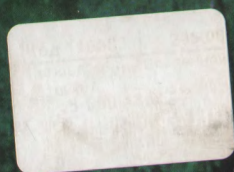
Кто он: Гай Юлий Орловский? Знаменитый писатель, политик, историк, скрывающийся под псевдонимом? Этого не знает никто — даже в издательстве никогда не видели его лица и не слышали его голоса. Достоверно известно только одно — книги Гая Юлия Орловского пользуются всё большей и большей популярностью, радуя читателей необыкновенными приключениями Ричарда...

www.eksmo.ru www.orlovsky.ru

А теперь
Бургграф!

Новая, долгожданная
книга о приключениях
Ричарда Длинные Руки
от самого
таинственного и
загадочного писателя.

ISBN 5-699-18672-7

9 785699 186723 >